

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Комиссия по славянской фразеологии Международного комитета славистов
Российский фонд фундаментальных исследований
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Университет им. Св. Кирилла и Мефодия в г. Трнаве (Словакия)

Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры

**Сборник научных трудов по итогам
4-й Международной научной конференции
по когнитивной фразеологии
(г. Белгород, 26-27 марта 2019 года)**

Белгород
2019

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус
Ф 82

Печатается по решению редакционно-издательского совета
педагогического института НИУ «БелГУ»

Рецензенты:

У.М. Бахтикиреева, доктор филологических наук, профессор (г. Москва, РУДН);
Олдржих Рихтерек, доктор филологических наук, профессор
(Университет Градец Кралове, Чехия)
Uli Schamiloglu, Professor Emeritus (University of Wisconsin, Madison, WI, USA)

Редакционная коллегия:

Алефиренко Н.Ф., д.ф.н., проф., **Озерова Е.Г.**, д.ф.н., доц.,
Стебунова К.К., к.ф.н., **Черемохина Д.А.**, к.ф.н., **Чумак-Жунь И.И.**, д.ф.н., доц.

Составители:

Мальцева Г.Ю., **Мальшева М.С.**, **Титова А.С.**, **Стебунова К.К.**,
Черемохина Д.А., **Чересюк П.А.**

Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры : сборник научных трудов по итогам 4-й Междунар. науч. конф. по когнитивной фразеологии (г. Белгород, 26-27 марта 2019 года) / Н.Ф. Алефиренко, Е.Г. Озерова, К.К. Стебунова и др. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2019. – 464 с.

ISBN 978-5-6042383-4-9

4-я Международная научная конференция «Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры» посвящена актуальному научному направлению внутри современной лингвистической парадигмы – когнитивной фразеологии. Организаторы выносят в дискуссионное поле вопросы, касающиеся функционирования фраземики как средства познания и интерпретации действительности, фразеологической репрезентации наивной и художественной картин мира, выявления мифологических и архетипических факторов фразеомобразования, анализа фразеомобразующих концептов, дискурсивно-модусных концептов, роли метафорического дискурса в конструировании художественной картины мира. В центре обсуждения когнитивно-прагматический потенциал фраземики в синхронии и диахронии, а также в лингводидактическом аспекте. Сборник адресуется лингвистам-исследователям, аспирантам и студентам.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-01-20001 (Международная научная конференция Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры).

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус

ISBN 978-5-6042383-4-9

© НИУ «БелГУ», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алефиренко Н.Ф.</i> ИДИОМАТИЧЕСКИЙ «КАМЕРТОН» КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО РЕГИСТРА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА.....	9
<i>Мокиенко В.М.</i> РУССКИЕ КРЫЛАТЫЕ СЛОВА-БИБЛЕИЗМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА.....	15
<i>Schamiloglu Uli, Нуртазина М.Б.</i> ФРАЗЕОТВОРЧЕСТВО В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН	26

Раздел 1. КАРТИНА МИРА – ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА – НАИВНАЯ КАРТИНА МИРА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ.....

<i>Борисовская И.В.</i> К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ ПОСЛОВИЦ)	30
<i>Джусупов Н.М.</i> КОГНИТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВЫДВИЖЕНИЯ УСТОЙЧИВЫХ ОБРАЗОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	33
<i>Зиновьева Е.И., Алёшин А.С.</i> КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭТАЛОНА КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ШВЕДСКОГО ЯЗЫКОВ).....	35
<i>Калёнова Н.А.</i> КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ РЕГИСТРЫ ЭПИСТОЛЯРНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ	40
<i>Комовская Е.В.</i> ФРАЗЕОЛОГИЯ – ЗЕРКАЛО РЕЧЕВОЙ КАРТИНЫ МИРА ОТДЕЛЬНОЙ НАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ)	44
<i>Озерова Е.Г.</i> КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ РЕГИСТРЫ БИБЛЕИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	47
<i>Семененко Н.Н., Кривошеев Г.С.</i> ЦЕННОСТНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ КАК ФАКТОР ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППИРОВКИ РУССКИХ ПАРЕМИЙ.....	49
<i>Синельникова И.И., Синельников Ю.Г.</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА КАК ЯЗЫКОВОЙ ФЕНОМЕН НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)	52
<i>Степанова Л., Гаярски Л.</i> ХАРАКТЕРИСТИКА МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ И СЛОВАЦКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ	56

Раздел 2. КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ: ПОЗНАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.....

<i>Абакумова О.Б.</i> ПОЗНАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ О ПРАВДЕ	61
<i>Андрейченко О.И., Щербачук Л.Ф.</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА» В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ	66
<i>Арзамасцева Н.Ю.</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК СОСТАВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КАРТИНЫ МИРА (АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ).....	71
<i>Балашова Е.Ю.</i> МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РЕЛИГИОЗНОГО ХРИСТИАНСКОГО ДИСКУРСА: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	73
<i>Бектурова Ж.Б., Кадеева М.И.</i> ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ.....	77
<i>Владимирова Т.Е.</i> КОНЦЕПТ В АСПЕКТЕ ФРАЗЕОЛОГИИ: ХОЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД	79
<i>Волошкина И.А.</i> ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК МОЩНЫЙ КОНГЛОМЕРАТ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	85
<i>Жаналина Л.К., Котлярова И.В.</i> ФРАЗЕОБРАЗУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТОВ «ТОСКА», «ГРУСТЬ», «ПЕЧАЛЬ», «ГОРЕ»	89

<i>Киров Е.Ф.</i> КОМПАРАТИВНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ЕЕ ВОЗМОЖНОСТИ	97
<i>Мелерович А.М., Мокиенко В.М., Якимов А.Е.</i> РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИИ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИЙ «ВРЕМЯ» И «ПРОСТРАНСТВО» В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОСМИЧЕСКОГО ХРОНОТОПА В ПОЭЗИИ	102
<i>Раздабарина Ю.А.</i> ШИРОКОЗНАЧНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ РУССКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОБЛАСТИ ЧЕЛОВЕК)	114
<i>Симоненко Е.И.</i> СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ФРАЗЕМИКИ В ОРГАНИЗАЦИИ КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЭКСТРЕМИСТСКОГО ТЕКСТА	118
<i>Скнарев Д.С.</i> ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ РЕКЛАМНОГО ОБРАЗА В МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЯХ	122
<i>Степанова В.В.</i> КОМБИНАТОРИКА ТЕРМИНОВ HEIßES ENDE / KALTES ENDE КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВИДЕНИЯ МИРА	126
<i>Федюнина И.Э.</i> МЕТАФОРИЧЕСКОЕ РАСШИРЕНИЕ КАК СПОСОБ ИЗМЕНЕНИЯ ОЦЕНОЧНОЙ КОННОТАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	129
<i>Фирсова М.А.</i> КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗАГОЛОВОЧНЫХ ФРАЗЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОГРАММ	132
<i>Фот Л.В.</i> АПРИОРНОЕ ЗНАНИЕ КАК КОМПОНЕНТ ГЕНЕРАТИВНОГО РЕГИСТРА.....	136
 Раздел 3. МИФИЧЕСКИЕ И АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФРАЗЕМООБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ БАЗОВОГО КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО РЕГИСТРА КАРТИНЫ МИРА	
<i>Аглеев И.А.</i> ФРАЗЕОАНТРОПОНИМЫ, МОТИВИРОВАННЫЕ ЭВФЕМИЗМАМИ.....	139
<i>Аглеева З.Р., Касьянова Л.Ю.</i> АССОЦИАТИВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ КОНЦЕПТА «ОТНОШЕНИЯ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ	142
<i>Виноградова Е.А., Воробьева А.Е.</i> ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЫ И ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ «ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОРИЦАНИЕ».....	145
<i>Глебова Н.Г.</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «РУССКОСТЬ» В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	150
<i>Дуплякина А.В.</i> ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ В СЕМАНТИКЕ ФИТОНИМИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ	153
<i>Королькова А.В.</i> РУССКАЯ АФОРИСТИКА КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА.....	156
<i>Новикова Л.В.</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК ФРАГМЕНТЫ КАРТИНЫ МИРА В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ.....	159
<i>Тимошенко А. А.</i> ФРАЗЕОЛОГИЯ В КАРТИНЕ МИРА ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА	161
<i>Тищенко О.В.</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ И ИЗМЕНЕ В ПОЛЬСКОЙ И РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (из опыта концептуального анализа поговорок, фразем и песенного фольклора)	164
<i>Харченко В.К.</i> АУТОСУГГЕСТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ: ОБ ИХ ЗАРОЖДЕНИИ И ЭЛЕМЕНТЕ ХАОСА В ИХ СЕМАНТИКЕ.....	171
<i>Шевченко Е.М., Данилова Е.С.</i> ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	176
<i>Шкуран О.В.</i> САКРАЛЬНОСТЬ ЯЗЫКА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АСПЕКТ.....	179
<i>Т. М. Шеховцева</i> КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ФРАЗЕМОПОРОЖДАЮЩЕГО КОНЦЕПТА «СИЛА» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	184

Раздел 4. ФРАЗЕМООБРАЗУЮЩИЕ КОНЦЕПТЫ И МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС – КОНСТРУКТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА	187
<i>Авдеева О.И.</i> ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА ОНИМАМИ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ	187
<i>Антонова (Сычёва) Е.Н.</i> ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ПОЭТИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ	190
<i>Белик Н.А.</i> ГНЕЗДОВОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ М.А. ШОЛОХОВА	193
<i>Буянова Л.Ю.</i> ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК СРЕДСТВО ПОЗНАНИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА И КУЛЬТУРЫ НАРОДА	196
<i>Гриднева Т.В.</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ И КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА.....	199
<i>Илюхина Н.А.</i> О РОЛИ СЦЕНАРНОЙ МЕТОНИМИИ В ФОРМИРОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ	201
<i>Левина Э.М.</i> ПЕРИФРАСТИЧЕСКИЕ СОСТАВНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	204
<i>Ломакина О.В.</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КРЫЛАТИКИ Н.М. КАРАМЗИНА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	208
<i>Мужчицль Д.А.</i> ОСОБЕННОСТИ АНТРОПОНИМИИ РАННИХ РАССКАЗОВ А.П. ЧЕХОВА	212
<i>Плотникова Ю.В.</i> КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АВТОРСКИХ СЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВЕСНОГО ТВОРЧЕСТВА БЕЛГОРОДСКИХ ПОЭТОВ)	216
<i>Середина Е.В.</i> РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ.....	219
<i>Черемохина Д.А.</i> ФРАЗЕМООБРАЗУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА «СВОЙ-ЧУЖОЙ»: НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ В.С. ВЫСОЦКОГО	222
<i>Чересюк П.А.</i> ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЕ МИРА Л.Н. ТОЛСТОГО	226
<i>Чумак-Жуль И.И.</i> ОТ ФРАЗЕОЛОГИЗМА К ПРЕЦЕДЕНТУ: ЭВОЛЮЦИЯ СЛОВЕСНОГО ОБРАЗА В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	229
<i>Юрина Е.А.</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ КОРМЛЕНИЯ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ.....	233
<i>Юрченко М.Г.</i> КОГНИТИВНО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ИДИОСТИЛЬ ТВОРЧЕСТВА Ч. АЙТМАТОВА	238
Раздел 5. ДИСКУРСИВНО-МОДУСНЫЕ КОНЦЕПТЫ КАК ИСТОЧНИКИ КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА	242
<i>Абреимова Г.Н.</i> НЕКОТОРЫЕ ПРИЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РОМАНЕ М. ПРИШВИНА «У СТЕН ГРАДА НЕВИДИМОГО»	242
<i>Космачева О.Ю.</i> ЗАГОЛОВОЧНЫЕ ФРАЗЕМЫ КАК СЕМАНТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ПОЗИТИВНОЙ VS НЕГАТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ИНТЕРНЕТЕ.....	246
<i>Кошарная С.А.</i> ФРАЗЕМА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ (на материале одного стихотворения В. Высоцкого).....	250
<i>Кудрина Н.В.</i> ОБРАЗЫ СВЕТА И ТЬМЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ ИОСИФА БРОДСКОГО (СБОРНИК СТИХОВ «ОСТАНОВКА В ПУСТЫНЕ»)	257
<i>Мальцева Г.Ю.</i> ЯЗЫКОВАЯ ИГРА НА ОСНОВЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РУССКОЙ ПРОЗЕ В.В. НАБОКОВА.....	260

<i>Марычева Е.П.</i> КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СОСТАВЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «ORDNUNG»	263
<i>Половнева М.В.</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРСОНАЖА В РОМАНЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»	267
<i>Проскурнина Л.В.</i> ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ТЕКСТАХ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ И.И. ЛАЖЕЧНИКОВА	269
<i>Прохорова А.В.</i> ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МОДИФИКАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОВ БИЦЕНТРИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ОППОЗИТИВНОГО ДИСКУРСА ПРОЗЫ Л. АНДРЕЕВА)	273
<i>Рамазанова Ю.А.</i> ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ЧУЖДОСТИ	276
<i>Савенкова Л.Б.</i> МЕРЦАТЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР СЕМАНТИКИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРАГМАТИКИ ПОСЛОВИЧНОГО ЗНАКА.....	280
<i>Стручалина Г.В.</i> ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В КИТАЙСКОЙ ЛИРИКЕ: ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИАЛОГУ СКВОЗЬ ВРЕМЯ	285
<i>Третьякова И.Ю.</i> ТРАНСФОРМИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В БЫТОВОЙ КОММУНИКАЦИИ	289
<i>Федуленкова Т.Н.</i> ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИИ В ДИСКУРСЕ.....	292
<i>Хантурова И.Е.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ: ЯЗЫКОВЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ	295
<i>Е.М. Якимова</i> ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ МЕНТАЛЬНЫХ И ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ В РАССКАЗАХ А.И. КУПРИНА.....	297

Раздел 6. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ РЕГИСТРЫ ФРАЗЕМИКИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА НАРОДА.....	301
<i>Абдельхамид С.А.</i> ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИМВОЛИКА СОМАТИЗМОВ В РУССКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ	301
<i>Алиева В.Ф.</i> КЛАССИФИКАЦИЯ ПО ПРОИСХОЖДЕНИЮ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОТРАЖАЮЩИХ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА, В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	305
<i>Бредис М.А.</i> СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ РУССКОЙ ПОСЛОВИЦЫ БЕЗ ТРУДА НЕ ВЫТАЩИШЬ И РЫБКУ ИЗ ПРУДА В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ	311
<i>Воробьева Л.Б.</i> ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ ..	316
<i>Гоу Яньминь</i> ПРИМЕТЫ КАК ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)	318
<i>Джамали Колур Сейед Исмаил</i> ОЦЕНОЧНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОНЯТИЙ «БОГАТСТВО» И «БЕДНОСТЬ» В РУССКИХ И ПЕРСИДСКИХ ПАРЕМИЯХ	320
<i>Ермачкова О.Е.</i> НЕКОТОРЫЕ ОРНИТОНИМЫ В РУССКОЙ И СЛОВАЦКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ	324
<i>Зейналова С.С.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ.....	327
<i>Лаптева М.Л.</i> ИТАЛЬЯНСКИЕ ОБРАЗЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА РУССКОГО ЯЗЫКА	330
<i>Лызлов А.И.</i> КОНЦЕПТЫ «ГЛУПОСТЬ» И «УМ» КАК ЭЛЕМЕНТЫ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В МАССМЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ.....	335
<i>Лю Юй, Киров Е.Ф.</i> ТОПОС ЛЮБВИ В РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ (НА ФОНЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА).....	338
<i>Медведев В.Б.</i> ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ С КОМПОНЕНТОМ «ПУТЬ/ДОРОГА» В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ.....	341
<i>Наджафи Д., Киров Е.Ф.</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, УКАЗЫВАЮЩИЕ НА ВРЕМЯ РАБОТЫ, В РУССКОЙ И ИРАНСКОЙ КУЛЬТУРАХ.....	349

<i>Ратушная Е.Р., Жапаркулова Н.Н.</i> НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И КИРГИЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПАРЕМИЙ С КОМПОНЕНТАМИ «БАРАН», «ОВЦА»).....	352
<i>Савченко А.В., Хмелевский М.С.</i> ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ФОРМЫ ПРОКЛЯТИЙ В УКРАИНСКОМ ДИСКУРСЕ НА ФОНЕ РУССКОГО	356
<i>Сопова И.В., Таранова Е.Н.</i> ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ «ДУША» В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ.....	361
<i>Ухналёва Е.А., Мoiseева С.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕМАТИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ ВРЕМЕНА ГОДА В ДИСТАНТНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ	364

Раздел 7. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИДИОМЫ В КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ КОНСТРУИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА..... 369

<i>Абаева М.К.</i> КОГНИТИВНО-НОМИНАТИВНАЯ ПАРАДИГМА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (ГРАММАТИЧЕСКАЯ ЗОНА НОМИНАТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ)	369
<i>Авдина А.И.</i> СЕМАНТИЧЕСКАЯ И СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДЛОГОВ С КОМПОНЕНТОМ С.....	372
<i>Артемова О.А.</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ТЕМПОРАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	375
<i>Белов В.А.</i> О ВОЗМОЖНОСТИ СИНОНИМИЧЕСКИХ ЗАМЕН В УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЯХ И ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ И КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)	380
<i>Василенко А.П.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ОДНОГО ЯЗЫКА НА ДРУГОЙ.....	382
<i>Величко А.В.</i> СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА.....	386
<i>Кузенная Т.Ф., Бабулевич С.Н.</i> ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СВОЕОБРАЗИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТАМИ БЕЛЫЙ – ЧЕРНЫЙ В РУССКОМ И ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКАХ	390
<i>Плотникова Л.И., Киреева Ю.Н.</i> УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ С СОЮЗОМ КАК В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ В. ТОКАРЕВОЙ	395

Раздел 8. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ И АРХАИЗМЫ: ИХ РОЛЬ В ДИСКУРСОПОРОЖДАЮЩЕЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА 398

<i>Бурукина О.А.</i> ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ХРАНИТЕЛИ УТРАЧЕННОЙ КОННОТАЦИИ	398
<i>Георгиева С.И.</i> ХАРАКТЕР ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ.....	403
<i>Голева Н.М.</i> ДЕПАРЕМИЗАЦИЯ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ	406
<i>Жиленков А.И., Жиленкова И.И.</i> ТРАДИЦИОНАЛИСТСКАЯ СПЕЦИФИКА УСТОЙЧИВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ СОЧЕТАНИЙ В «ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ» МИТРОПОЛИТА МАКАРИЯ (БУЛГАКОВА)	408
<i>Завтрикова П.С.</i> КРАСОТА СПАСЁТ МИР? (К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ КРЫЛАТОГО ВЫРАЖЕНИЯ).....	411
<i>Ничипорчик Е.В.</i> «НА БЕЗРЫБЬЕ И РАК РЫБА»: ИСТОРИЯ ВЫРАЖЕНИЯ И ДИАЛЕКТИКА ОЦЕНОК	414
<i>Титова А.С., Анопоченко Е.В.</i> К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ И ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ.....	419
<i>Чекулай И.В., Прохорова О.Н.</i> «ХИЩНЫЕ» ФРАЗЕМЫ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ	422

<i>Шпицына Г.М.</i> О ДЕРИВАЦИОННЫХ ИСТОЧНИКАХ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМА	425
---	-----

Раздел 9. ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК ОБЪЕКТ И СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	428
<i>Бадестова А.В., Олейник М.А.</i> ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА У ИНОСТРАННЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ (НА ПРИМЕРЕ ФЕ, СООТНОСИМЫХ СО СВОБОДНЫМИ СЛОВСОЧЕТАНИЯМИ)	428
<i>Голикова М.М.</i> СОЗДАНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО РУССКО-ПОЛЬСКОГО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ КАК ПРОБЛЕМА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОГРАФИИ	433
<i>Лемякина Н.А.</i> ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА.....	438
<i>Никитина Т.Г.</i> ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА: УЧЕБНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИНОЯЗЫЧНОМУ АДРЕСАТУ (ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ).....	441
<i>Новикова Т.Ф.</i> ФРАЗЕОЛОГИЯ В СТРУКТУРЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ УЧАЩИХСЯ	444
<i>Огнева Е.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОСЛОЯ В ДИСКУРСИВНЫХ ФОРМАЦИЯХ.....	448
<i>Пащикова Г.И.</i> ОТКРЫТЫЕ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ ВО ВНЕУРОЧНОЙ РАБОТЕ.....	453
<i>Токарев Г.В.</i> СОСТАВНЫЕ НОМИНАЦИИ НЕСУЩЕСТВУЮЩИХ ЯВЛЕНИЙ В РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ.....	457
<i>Шиганова Г.А.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА У ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ СРЕДСТВАМИ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ	459
<i>Яковлева Т.В., В.В. Демичева, О.И. Еременко</i> ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗНОГО МЫШЛЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ).....	462

ИДИОМАТИЧЕСКИЙ «КАМЕРТОН» КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО РЕГИСТРА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Н.Ф. Алефиренко

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
alefirenko@bsu.edu.ru

«Для того, чтобы поднять новые вопросы, увидеть новые возможности, рассмотреть старые проблемы под новым углом, требуется творческое воображение, и тогда отмечается реальный прогресс в науке»

А. Эйнштейн

Следуя наставлению А. Эйнштейна, придется признать, что в центре нашего внимания оказалась древнейшая проблема гуманитарной науки: «картина мира», которую мы пытаемся осмыслить под новым, лингвистическим, углом зрения, но всё же обращаясь к веками накопленным знаниям. Научную интригу создают в той или иной степени все используемые в названии темы термины: идиоматичность, когнитивно-прагматический регистр, картина мира (во всех её обликах) и, наконец, языковая картина мира. Идиоматичность – слово, позволяющее объединить не только немотивированные в той или иной мере устойчивые образные выражения (не только фразеологические сращения типа *наострил лыжи, дал дуба, после дождичка в четверг*, но и паремии, метафоры и метонимии и другие утратившие живую внутреннюю форму речевые структуры, значения которых не определяются значениями входящих в их состав слов: *лиственный лес, жилой дом*). В составе когнитивно-прагматического регистра картине мира они используются для косвенного выражения чувств или объяснения ситуации или чтобы скрыть настоящие помысли автора. Ср.: 1) *It rains cats and dogs* – идёт проливной дождь, разг. «*лёт как из ведра*»; 2) *To make the cup run over* – наполнить чашу через край. Ср. перетянуть струну; *перегнуть палку*; 3) *To plough the sand* – пахать песок; ср. *толочь воду в ступе*; *To pull the chestnuts out of the fire for somebody* – таскать (для кого-н.) каштаны из огня; ср. *чужими руками жар загребать*; *To pull the devil by the tail* – тянуть чёрта за хвост. Смысл: быть в стесненных обстоятельствах, в затруднительном положении. Ср. *биться, как рыба об лёд*. *To put a spoke in somebody's wheel* – ср. *вставлять палки в колеса*.

Каждый их этих идиоматических выражений может служить «камертоном» одного из многочисленных когнитивно-прагматических уровней (слоёв) соответствующей ЯКМ. Не менее проблемными оказываются два сходных понятия: *картина мира* и *языковая картина мира*. Обычно к первому и второму понятию приписывают определение *когнитивная*, что нарушает их комплементарные (дополняющие) отношения. Дело в том, что оба типа картирования мира имеют когнитивную природу. ЯКМ – не формальный придаток к когнитивной картированию действительности, не простой семиотический слепок продуктов познания. Как утверждал В. фон Гумбольдт, язык – не простая оболочка уже готовой мысли; он сама **деятельность духа** (*energeia*). Это главное кредо современной философии языка, задающее наиболее важнейший методологический посыл антропоцентрическому принципу современной лингвистики: язык есть «вечно возобновляющаяся работа духа», энергеия, а не эргон, т.е. непрерывное действие, а не готовый продукт (В. фон Гумбольдт). Сегодня важно активизировать конструктивную мысль Л. Вайсгерберера о сформулированном Гумбольдтом об эргоне и энергеие, подчеркивая, что язык следует изучать и как силу в д е й с т в и и (*energeia*), направленную на преобразо-

вание реальности и формирование динамической *картины мира* (Weltbild), и как статическую систему (ergon), содержащую в себе архетипические рудименты в современной картине мира (Weltansicht). Эту мысль афористически развивалась оригинальным восточнославянским мыслителем А.А. Потебней, видевшим в языке «средство не выразить уже готовую мысль, а создавать её (Потебня А.А., 1989: 34)».

Идея Гумбольдта-Потебни раскрывает глубинную сущность когнитивно-прагматического камертона ЯКМ. Язык, являясь средством интерпретации актуальной мысли, одновременно порождает её чувственно-ассоциативные первосмыслы, развивая и обогащая тем самым ценностно-смысловое пространство нынешней культуры. Это позволяет нам рассматривать пошаговые процессы синергийного формирования когнитивно-прагматической платформы ЯКМ. Синергийный (совместно, согласованно действующий; закон синергии гласит: целое больше, чем сумма составляющих) характер речемыслительных актов, создающих ЯКМ, проявляется в том, что мысль возникает с первым актом языковой деятельности. Возникнув одновременно с параметризацией категорий и форм языка, она тут же форматируется в когнитивно-прагматических категориях: представлениях, образах, обыденных (наивных) понятиях, концептах и фреймах, то есть в тех структурах, которые служат ценностно-образным материалом синергетики ЯКМ для целостное видение мира. Иными словами, ЯКМ тоже обладает когнитивной сущностью, что делает неуместным противопоставление когнитивной картины мира – языковой, поскольку в таком случае пришлось бы признать, что ЯКМ – не когнитивной природы. Также некорректным считаем употребление терминов типа *языковой концепт* или *фразеологический концепт*, поскольку концепт – единица когнитивная (не лингвистическая!). Однако концепты, формирующие КМ (в т.ч. и ЯКМ), словно мифический двуликий Янус¹, обладают двуединой сущностью. Речемыслительная синергия, формирующая ЯКМ, проявляется в следующих актах. А. Экстралингвистическое воспринимается сквозь призму языка. Ср: цветовые метафоры: **зеленый** цвет – мысль о свежести, о новой жизни; символизирует богатство; **красный** цвет – страсть, гнев; более темные оттенки представляют ярость, ненависть, кровь, войну; **пурпурный** цвет наводит на мысль о королевском достоинстве, мудрости. Б. ФЕ и слова, репрезентирующие внеязыковые реалии, обретают способность чувственно изображать абстрактную сущность познания, явлений, предметов окружающей нас действительности. Это так называемый семиотический подход к проблеме референции. Референция при таком подходе рассматривается из соотношения языка не с реалиями действительности, а с «субстанцией содержания» (Greimas A.J., 1970: 52), позволяет рассматривать референциональные связи текста. В рамках этого подхода Р. Барт отсылал к референтам знаков функционирование больших дискурсивных единиц, имеющих целостное значение, таких как текст (Барт Р., 1994: 417).

Парефразируя Н.Д. Арутюнову, А.Г. Баранов утверждает, что референция – это способ «зацепить текст за мир» (Баранов А.Г., 1988). По существу, А.Г. Баранов продолжил, перенеся на текст, идущую от Линского и Серля линию, связывающую акт референции с коммуникативным намерением говорящего. В этом же духе Дж. Серль обосновывал акт референции как отношение между интенцией адресанта и распознаванием её адресатами. С этой целью Дж. Серль пытался вовлечь в механизм референции контекстуальную информацию и пресуппозиции собеседников, которые, по его мнению, должны дополнить загадочную семантику референтного выражения для распознавания предмета речи (см.: Арутюнова Н.Д., 1982). Таким обра-

¹ Янус получил в дар особый талант, который заключался в том, чтобы ясно видеть все прошлое и будущее. Именно в силу этого Янус на всех изображениях представлен с двумя лицами – молодым и пожилым, которые обращены в противоположные стороны (в будущее и, соответственно, в прошлое). Кстати, в переводе с латыни («janua»), означает «дверь». Со временем эта «дверь» приобрела символическое значение: разделять вчера и завтра, видеть всему начало и конец.

зом, когнитивно-прагматический акт референции (восприятие объекта, избранного для познания) – субъективно-образная отнесённость включённых в речи или именных групп или именных групп к предметам внеязыковой действительности (референтам).

В создании когнитивно-прагматического регистра ЯКМ значительную роль играет *атрибуция* – «реальный» когнитивный процесс осмысления воспринимаемого предмета; достраивание свойств и признаков познаваемых объектов, скрытых от прямого восприятия.

Вторым конструктивным элементом когнитивно-прагматического регистра ЯКМ служат:

- возникновение на основе совокупности восприятий чувственного образа предмета и представление («вторичный образ», производный от первичных и аккумулялирующий признаки первичных образов (а) ранее воспринятых предметов или явлений (т.е. в данный момент не воздействующих на органы чувств) и (б) служащих эталонами образов культуры). Вторичный образ аккумулялирует признаки эталонированных в памяти первичных образов.

- апперцепция – восприятие и постоянная оценка нового опыта, узнавание на основе прежних представлений; *это* процесс, в результате которого элементы сознания становятся ясными и отчетливыми. *Это* взгляд на самого себя глазами внутреннего чувства, представляющий собой поток переживаний.

В современном языкознании существует тенденция интерпретировать сознание как состояние, отражение мира в голове человека (А. Леонтьев). Язык выступает способом существования сознания. Связь сознания с языком проявляется в том, человек включен в мир словесного языка. Языковая картина мира – исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отражённая в языке совокупность представлений о мире, определённый способ восприятия и устройства мира. Считается, что каждому естественному языку соответствует уникальная языковая картина мира.

Понятие «языковая картина мира» было введено Л. Вайсгербером. Основные характеристики:

- языковая картина мира — это система всех возможных содержаний: духовных, определяющих своеобразие культуры и менталитета данной языковой общности, и языковых, обуславливающих существование и функционирование самого языка;
- языковая картина мира есть следствие исторического развития этноса и языка, а также причина своеобразного пути их дальнейшего развития;
- языковая картина мира чётко структурирована и в языковом выражении является многоуровневой. Она определяет особый набор звуков и звуковых сочетаний, особенности строения артикуляционного аппарата носителей языка, просодические характеристики речи, словарный состав, словообразовательные возможности языка и синтаксис словосочетаний и предложений;
- языковая картина мира изменчива во времени;
- языковая картина мира существует в однородном своеобразном самознании языковой общности и передается последующим поколениям через мировоззрение, правила поведения, образ жизни, запечатлённые средствами языка;
- картина мира какого-либо языка является его преобразующей силой, формирующей представление об окружающем мире через язык как «промежуточный мир» у носителей этого языка.

Понятие **языковой картины мира** как отражения объективного **мира языковым сознанием** того или иного народа стало предметом научно- философского осмысления сравнительно недавно. Сам термин «**картина мира**» родился в недрах физики в конце XIX — начале XX в. Одним из первых этот термин стал употреблять Г. Герц (1914) применительно к физической **картине мира**, т.е. той **кар-**

тине, в которой отражается устройство природы как таковой, независимо от влияния на нее человека.

Развитие взаимоотношений между мышлением и языком происходит следующим образом: от дословесного мышления образами через образное мышление, ассоциированное со словом, до мышления понятиями с помощью слов.

Важная роль в этом процессе принадлежит слову, посредством которого совершается **переход образа** предмета в **понятие** о предмете.

Содержание мысли есть образ или понятие. Средством развития мысли, средством преобразования образа в понятие выступает слово. По мере того как мысль с помощью слова идеализируется и освобождается от непосредственных чувственных восприятий, слово постепенно лишается своей образности.

Конституентами ЯКМ выступают все типы языковой номинации: прямые и не прямые, среди которых мы различаем вторичные (словесные метафоры и фразеологические сочетания, где только один лексический компонент – с фразеологически связанным значением – поэтизирует ЯКМ; при этом обобщённое сочетание мотивируется значениями составляющих словоформ: а) *сгорать от стыда, от срама, от позора*; б) *сгорать от любви*; в) *сгорать от нетерпения, зависти*; но сочетание с другими слова недопустимо (ср.: *сгорать от радости*) и косвенно-производные (фразеологизмы типа *пускать козла в огород*). Последнее выражение идиоматично благодаря способности когнитивной метафоры к переинтерпретации. Идиоматичность¹ косвенно-производных знаков создаётся двумя путями: переинтерпретацией – фразеопорождающим механизмом и имплицитностью значения, что делает фразеологизм с точки зрения его восприятия непростым для понимания. Требуются определенные усилия для выявления смыслового содержания из его внеязыковых источников: а) речевой ситуации и б) смоделированного в дискурсе соответствующего коммуникативного события. Смешанным (лингвокогнитивным) типом репрезентации ЯКМ через семантическое поле является сопряжение извлеченной дискурсивно обусловленной (ситуативной) информации с языковыми значениями единиц, входящих в данное семантическое поле.

Существует мнение, что слова, включенные в одну концептосферу, составляют семантическое поле, то есть понятия «концепт», «концептосфера» и «семантическое поле» находятся друг с другом в тесной взаимосвязи.

Сказанное убеждает нас в том, что прямые и косвенно-производные способы репрезентации картины мира – те два фактора, без которых немислима ЯКМ. Лингвокогнитивный смысл их сопряженности разъяснил Хосе Ортега-и-Гассет: «Метафора – незаменимое орудие разума, форма научного мышления. Поэзия изобретает метафоры, наука их использует» (Ортега-и-Гассет Х., 1991: 203). Это отражает закономерность познания мира, которую сформулировал М. Блэк: «Каждая наука должна начать с Метафоры и кончать алгеброй. Возможно, без Метафоры никогда не было никакой алгебры» (Блэк М., 1990: 153). Мы бы сказали, что без ассоциативно-чувственного познания невозможно было бы создать современные сложные научные абстракции.

Всё это побуждает нас возвращаться к существующим афористическим дефинициям ЯКМ, поскольку они, скорее, ставят новые вопросы, не ответив на которые сложно уяснить, каким образом фразеологизмы включают когнитивно-прагматические регистры в языковой картине мира.

На наш взгляд, такими подспудными опорами когнитивно-прагматической архитектоники ЯКМ служат архетипы и когнитивные метафоры.

¹ Идиоматичность здесь означает осложненность не средств выражения значения – не осложненность означающего (плана выражения), а «концентрированность» и лакунарность означаемого (плана содержания). При таком подходе идиоматичность присуща и другим синергийным образованиям (сложным словам, некоторым производным словам).

1. Архетипные истоки фразеологической репрезентации когнитивно-прагматической ипостаси ЯКМ.

Семантика ФЕ как отражение культурно-исторической эпохи представляет соответствующий элемент древнейшей этнической картины мира. Таким элементом служит денотативная репрезентация архетипа, или, точнее, архетипический мотив, образно воплощающий *типовое* (повторяющееся) коммуникативное событие. В классическом виде архетип не является структурным компонентом сознания, однако, в соединении с практическим жизненным опытом, может подвергаться сознательной интерпретации и порождать архетипический образ¹. Причём, хотя образ, проецируемый архетипом, и создается сенсорно-перцептивным отражением той или иной реалии, сам архетип не является её отражением. Архетип конституирует лишь «часть образа, свободную от предметного содержания и функции отражения». Иначе говоря, архетип – это первообраз ФЕ, проявляющийся через зафиксированные её семантикой образы и символические смыслы, интерпретирующие «архаические образы, независимые от внешнего восприятия» (Квакин А.В.).

Это означает, что, рассматривая роль фраземки в создании ЯКМ, следует ограничивать понятия «архетип» как первообраз ФЕ, находящийся в подсознании, и «архетипический образ», всплывающий в активном языковом сознании коммуниканта, использующего ФЕ в современной речи (тексте). Архетипический образ обычно сознательно интерпретируется субъектами речевой деятельности в зависимости от состояния актуализированного в данный момент дискурсивного сознания. Он – продукт бессознательной и сознательной дискурсивной деятельности, который ассоциативно порождается дискурсом как когнитивно-коммуникативной средой фразеупотребления. При этом следует отметить, что архетипический образ ФЕ – это не вся её внутренняя форма, а только та часть, в которой независимо сиюминутного восприятия коммуникативного события проявляется архетип.

Фразеологические архетипы определенным образом связаны с «ментальностью» того или иного народа. Однако в чём проявляется такая связь? Есть мнение, что «менталитет есть и архетип, и продукт его осмысления (Чудинов В.А., 2002: 209-210). В этом суждениистораживает практическое отождествление архетипа и ментальности. Согласно второй точке зрения, ментальность – «исторически переработанные архетипические представления, через призму которых происходит восприятие основных аспектов реальности» (Элбакян Е.С.). При таком подходе к пониманию ментальности открывается возможность проникнуть в глубинный, «скрытый» и устойчивый, слой дискурсивного сознания. Адекватно воспринимаемая ментальность помогает осмыслить тот культурный код, который служит ключом к пониманию содержания архетипического образа ФЕ. Таким образом, фразеологическая репрезентация ЯКМ осуществляется через «вскрытие» культурного кода. ЯКМ – это ценностно-смысловое пространство культуры народа.

Издавна через фраземику и паремику проецируются важнейшие свойства человека на среду его обитания. Таким образом физическая картина мира поддавалась познанию. Так или иначе это можно увидеть на всех уровнях языковой репрезентации мира. Древняя мифология, отразившаяся в семантике ФЕ, представляет мир как огромную космическую патриархальную семью. Древние создавали для себя картину мира в виде многочисленных природных явлениях. Поэтому так много во фраземике таких культурных концептов, как «земля», «небо», «солнце», «ветер», «бессмертные божеества», что через архетипические образы обуславливает фразеологическую мозаику, вмонтированную с помощью когнитивных метафор в наивную ЯКМ. Например:

¹ Основоположник теории архетипа К. Юнг отмечал необходимость различия понятий «архетип» и «архетипическое представление».

Земля: падать с неба землю – ‘освобождаться от иллюзий, начинать трезво оценивать реальную действительность’; вернуть на (грешную) землю – ‘внушить кому-либо необходимость мыслить и действовать, исходя из реальной действительности’; земля обетованная – ‘место, идеально подходящее для какой-либо деятельности’; небо и земля – ‘очень большая разница’; соль земли – ‘самая суть, душа народа; сильные, добрые, надежные люди, любящие свой народ и свою землю’; сквозь землю провалиться – ‘пропасть, бесследно потеряться’; на краю земли – ‘где-то далеко’; достать из-под земли – ‘достать, чего бы это ни стоило’.

Небо: коптить небо – ‘жить без цели, существовать’; между небом и землёй – ‘находиться в неопределённом положении’; небо с овчинку кажется – ‘сильное потрясение’; на седьмом небе – ‘чувствовать себя безмерно счастливым, быть в полном восторге’; звёзд с неба не хватать – ‘быть посредственным человеком’; как гром среди ясного неба – ‘неожиданно’; пальцем в небо – ‘наугад’; небо в алмазах – ‘1. недостижимая мечта 2. насмешка или угроза’; увидеть небо в клеточку – ‘быть под арестом’.

Солнце: как солнышко ясное – ‘о человеке красивом, добром, любимом’; до солнца до жара – ‘встать утром до рассвета, пока не началась жара’; вставать с солнцем – ‘очень рано встать, в момент восхода солнца’; даже на солнце есть пятна – ‘у любого существа и предмета есть недостаток или несовершенство’; место под солнцем – ‘человек, который хочет занять или занял выгодное для него место в жизни’.

Ветер: ветер в голове – ‘о легкомысленном безответственном человеке’; один как ветер в поле – ‘совершенно одинок’; как ветром сдуло – ‘быстро, молниеносно, мгновенно исчез (исчезло)’ = *и был таков, и след простыл, как <будто, словно, точно> в воду канул, как <будто, словно, точно> сквозь землю провалился, поминай как звали, только <меня, её, его, нас, вас, их> и видели; не бросать слов на ветер* – ‘говорить без пользы или необдуманно; опрометчиво обещать и не выполнять обещанного’; ветер в голове – ‘о легкомысленном человеке; ветер в кармане – ‘отсутствие денег; ехать с ветерком – ‘с большой скоростью’; каким ветром занесло – ‘про нежданного гостя, которому не особо рады’; говорить на ветер – ‘бесполезно’; бросать деньги на ветер – разг. неодобр. ‘тратить без пользы, транжирить деньги, тратить безрассудно, попусту, зря’; в карманах ветер свистит – ‘пусто в карманах’; держать нос по ветру – ‘быть внимательным в сложившейся ситуации’; ищи ветра в поле – ‘о бесполезных поисках исчезнувшего’; как ветром сдуло – ‘очень быстро исчез (убежал)’; пустить по ветру – ‘разорить кого-либо’; держать нос по ветру – разг. неодобр. ‘приспосабливаться к обстоятельствам’; откуда ветер дует – разг. ‘беспринципно применяясь к обстоятельствам, к чужим мнениям, взглядам’; ветер перемен – книжн. ‘о свежих, новых веяниях в общественной жизни’; ветер странствий – ‘про нестерпимое желание к путешествиям’.

Таким образом, когнитивно-прагматические особенности моделирования ЯКМ прежде всего базируются на архетипных истоках фразеологической репрезентации дискурсивно-коннотативной интерпретации коммуникативного события с точки зрения авторских интенций читательских ценностно-смысловых presuppositions. Исходя из этого, следует согласться с Л.А. Манерко, которая считает, что «будучи довольно сложным и многоаспектным понятием, ЯКМ состоит не только из значений, облеченных в фиксированную форму, но из смыслов, извлекаемых не только из языковых форм, но и из когнитивных структур, создающих подтекстовые и затекстовые знания которые задают векторы преобразования реально воспринимаемых фактов в переживаемую ЯКМ.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Когнитивно-прагматические истоки фраземосемииозиса. – М.: Флинта: Наука, 2018. –192 с.

2. Арутюнова, Н.Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1982.
3. Бабенко, И. И. Художественная рефлексия как фактор становления творческой языковой личности // Вестник Томского государственного педагогического университета, 2015. – С. 107-111.
4. Баранов, А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста. – Ростов н/Д., 1993.
5. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994. – 417 с.
6. Бенвенист, Э. Общая лингвистика. – М., 1974.
7. Блэк, Макс. Метафора / Теория метафоры: сборник / под. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
8. Ортега-и-Гассет, Х. Две главные метафоры // Эстетика. Философия культуры. – М.: Искусство, 1991. – С. 203–218.
9. Потебня, А.А. Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – С.17-200.
10. Хайдеггер, М. Бытие и время. Пер. с нем. В.В. Библихина. – Харьков: «Фолио», 2003.
11. Чудинов, В.А. Цивилизация: менталитет, архетип, природа // Материалы к IV Международной Кондратьевской конференции. 15-16 мая 2001 года. Международный фонд Кондратьева. – М., 2002. – С. 209-210.
12. Элбакян, Е.С. Российская интеллигенция: ментальность и архетип [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ni-journal.ru>
13. Greimas A. J. Du sens. Essais Sémiotiques. – Paris, 1970.

Summary. The author focuses on the term “linguistic picture of the world”. The task of the linguo-cognitive research of this entity is to reveal the contents of its numerous cognitive-pragmatic levels. The author describes the constructive components of the communicative-pragmatic register of the linguistic picture of the world, including the emergence of a secondary image and apperception. According to the author, communicative and pragmatic architectonics of the linguistic picture of the world are archetypes and cognitive metaphors, and idioms are one of the key language tools of its representation.

Key words: linguistic picture of the world, linguo-cognitive analysis, secondary image, apperception, archetypes, cognitive metaphors, idioms.

РУССКИЕ КРЫЛАТЫЕ СЛОВА-БИБЛЕИЗМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА*

Мокиенко В.М.

Россия, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет
mokienko40@mail.ru

Когнитивные исследования фразеологии давно уже стали мировым филологическим «брендом» Белгородского университета. Вдохновленные одним из признанных когнитологов профессором Н.Ф. Алефиренко, его последователи проводят в стенах своей alma mater уже 4-ю Международную научную конференцию по когнитивной фразеологии. Тематическая её палитра весьма широка. однако доминантой всех объявленных тем является языковая картина мира с её когнитивно-прагматическими регистрами, что и вынесено в заглавие конференции. *Художественная картина мира*, несомненно, является одной из важных составляющих общей языковой картины мира, и, как и следует ожидать, в ней отражаются многие общие особенности последней.

Что же такое художественная картина мира и в чём её специфика по сравнению с общеязыковой картиной мира?

Художественная картина мира, с одной стороны, является проекцией общей языковой картины мира в художественное творчество, с другой – отражением инди-

видуального мировидения писателя, поэта или художника в широком смысле этого слова. В этом смысле художественная картина мира в словесном творчестве является обобщающей ипостасью идеологического кода языка в понимании писателя. Именно так, как комплекс лексико-семантических доминант такого рода идеологемы понимал Б.А. Ларин (1974). «Автор текста кодирует определенными языковыми средствами собственное эмоциональное отношение к передаваемым событиям, персонажам, – верно замечает Е.Г. Белоусова, – и в то же время стремится вызвать у адресата текста эмоции, созвучные авторскому замыслу, так что одновременно осуществляется экспрессивная функция, то есть функция самовыражения и функция воздействия» (Белоусова Е.Г., 2011: 200). Индивидуальная картина мира и художественное полотно языка писателя преобразуется в художественную картину мира как определенного произведения, так и в языковую систему в целом, порождая текст.

Общими для языковой картины мира и художественной картины мира являются 3 главных координаты – Время, Пространство, Действие. Художественная же картина мира индивидуализирует эти составляющие, направляя их по конкретному сюжетному руслу и выражая (resp. отражая) их специфическими языковыми средствами. Отсюда – индивидуализированное восприятие трёх важнейших координат картины мира в творчестве художника, способность (и возможность) более свободного перемещения героев произведения во времени и пространстве, специфическая ревитализация культурных реалий и религиозных мифов, современное мифотворчество. Нередко, как увидим ниже, это достигается путём творческого преобразования устойчивых словосочетаний, в том числе и крылатых слов библейского происхождения.

При всей индивидуальности художественной картины мира у каждого писателя, совокупность его идиологем, выраженная языковыми средствами, позволяет достаточно определенно соотнести такую картину с культурой и ментальностью соответствующего народа. Тем самым исследование художественной картины мира неминуемо приводит к соотнесению её с индивидуумом, генерационной и социальной характеристикой, национальной культурой и субкультурой, этносом, государством, цивилизацией и общечеловеческими ценностями. В результате такое исследование позволяет выявить комплекс как универсальных концептов, свойственных различным языкам и культурам, так и национально маркированных концептов различной ареальной протяжённости и отражающих ментальное своеобразие определённого писателя и – шире – соответствующего народа.

Художественную картину мира можно анализировать на различном материале. В этом смысле классические работы специалистов по языку писателя и развернувшееся в наше время составление словарей писателей разного типа (Шестакова Л. Л., 2011) – весьма важный источник для такого рода анализа. Для фразеологов здесь тоже открывается широкое поле исследований, ибо образность и экспрессивность фразеологизмов постоянно привлекает писателей и поэтов, рождая неповторимые комбинации фразеологизмов. Попытку описать такого рода фразеологические «мутации» как закономерное явление мы предприняли с А.М. Мелерович, издав два больших словаря, где мы попытались лексикографически представить употребление фразеологизмов в художественной речи – как в прозаических текстах (Мелерович А. М., Мокиенко В. М., 2005), так и в творчестве русских поэтов XIX-XXI веков (Мелерович А. М., Мокиенко В. М., Якимов А. Е., 2016).

Вот лишь один пример – словарная статья из нашего последнего словаря, где описывается употребление хрестоматийно известного крылатого выражения А.С. Пушкина в индивидуально-авторской речи разных поэтов:

НА БЕРЕГУ ПУСТЫННЫХ ВОЛН СТОЯЛ ОН, ДУМ ВЕЛИКИХ ПОЛН.

А.С. Пушкин. Медный всадник (1833). Вступление:
На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,

И вдаль глядел.

– *О Петре Великом, принимающем решение основать город.*

[1] *На берегу пустынных волн*

Стоял он, дум великих полн.

Был бешен шквал, песком стуженный,

Кровавился багровый вал.

Б. Пастернак. Тема с вариациями.

– *На берегу Финского залива.*

[2] *«На берегу пустынных» волн – ср. со следующей авторской перифразой.*

Мне муза финская явилась:

Я только вежлив был – и вот

Злодейка тройней разродилась.

Иных покуда нет грехов,

Ничто страстей не возбуждает,

И тихий рой невинных снов

Прозрачный сумрак навевает.

В. Соловьев. Н. Я. Гроту и М. Лопатину

– *Ср. как исходно соотносимые реминисценции.*

[3] Свежеет... Плещется прибой;

В кудрявой пене *темных волн*,

Направленный самой судьбой,

Ко мне причалил *утлый челн*.

Андрей Белый. Жалоба.

[4] Я родился и вырос в *балтийских болотах*,

серых цинковых волн, всегда набегавших по две,

и отсюда – все рифмы, отсюда тот блеклый голос,

вьющийся между ними, как мокрый волос,

если вьется вообще.

И. Бродский. Части речи.

Как видим, от почти точного воспроизведения крылатого выражения А.С. Пушкина у Б. Пастернака до насыщенного индивидуальными ассоциациями и аллюзиями употребления И. Бродского – дистанция огромного размера. И тем самым – и многообразные до неузнаваемости художественные картины мира, начертанные на одном и том же художественном полотне, т.е. цитате А.С. Пушкина.

Разумеется, крылатые выражения (прецедентные тексты, эпитонимы, крылемы и под.) – особая составная часть фразеологического фонда любого литературного языка. Причём, как показывает специальный анализ, далеко не все крылатые выражения можно причислять к фразеологии в узком смысле: могут быть и однолексемные крылатые слова, и крылемы, соотносимые с пословицами, и развернутые цитаты, являющиеся, в сущности, уже самостоятельным текстом. Но именно крылатые выражения, структурно и семантические равноположенные фразеологизмам (resp. идиомам), стали объектом пристального внимания исследователей когнитивной фразеологии. Вполне закономерно поэтому, что два известных фразеологического словаря когнитивного типа – «Большой фразеологический словарь русского языка» под редакцией В.Н. Телия (БФСРЯ 2006) и «Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики» (Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г., 2008) не просто включили такого рода эпистемы, но и снабдили их развернутыми когнитивными комментариями. Характерно даже, что в словарь Н.Ф. Алефиренко, и Л.Г. Золотых (Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г., 2008: 19-20) начинается с крылатого слова – **Аника-воин**, и завершается именно крылатым словом – **Ящик Пандоры** (Там же: 442-443). И в той, и в другой словарной статье авторы весьма

подробно эксплицируют именно те элементы лингвокультуры, которые являются фрагментами художественной картины мира в широком смысле слова.

В этих словарных статьях представлены не только диахронические источники описываемых крылатых выражений, но и довольно сложные и выразительные историко-этимологические «флюиды» художественной картины мира, окрашивающие эти европеизмы в яркие народные, национально русские тона.

В своём «Большом словаре крылатых слов и выражений русского языка» (Берков В. П., Мокиенко, В. М., Шулежкова С. Г., 2008: 1, 60) мы также лапидарно охарактеризовали эти оттенки крылатого выражения **Аника-воин**, подчеркнув органическое сочетание в этой «художественной картинке» западноевропейского и собственно русского фольклорного окраса: «Персонаж рус. лубочных картинок, «текст которых представлял собой сокращённую редакцию» повести «Прение Живота со Смертью», пришедшей с Запада не ранее XVI в. Герой этой повести и рус. «духовного стиха» об Анике-воине «гордился своей силой и хитростью, но, встретив Смерть, испугался и был побеждён ею».

Собственно, разграничение крылатых выражений на национально маркированное (как в случае с оборотом *Аника-воин*) и интернациональное (типа *Ящик Пандоры*) объективно. Может показаться, что именно первый их тип отражает исконно русскую языковую картину, в то время как второй является отражением общеевропейской, универсально картины мира. В принципе такое распределение было бы справедливым, если бы языковая картина мира в каждом литературном языке не перерастала в художественную картину мира, точнее – не обогащалась бы ею.

К такому выводу приводят детализированные наблюдения над употреблением в русском языке такого общехристианского языкового наследия, как крылатые обороты библейского происхождения. Источник их в большинстве европейских языков един – Священное Писание. И многие крылатые выражения, восходящие к этому источнику, естественно, обнаруживают структурное и семантическое единство. Вот типичный пример, отражённый двумя уже названными фразеологическими словарями когнитивного типа – выражение *зарывать / зарыть талант <в землю>* ‘губить свои способности, не использовать их, не давать им развиваться’. В словаре Н.Ф. Алефиренко и Л.Г. Золотых оно многоаспектно характеризуется, сопровождается дефиницией, синонимическим рядом, синтаксической квалификацией, а также, – естественно, – историко-этимологическим комментарием:

«Выражение возникло на основе евангельской притчи, в которой слово *талант* употребляется в старом значении – ‘монета’. Один человек, уезжая, оставил своим рабам немного денег. Одному – пять талантов, другому – два, третьему – один. Два первых раба пустили деньги в дело, а третий зарыл свой талант в землю. Когда хозяин вернулся, первый раб вернул ему десять талантов, второй – четыре, а третий – все тот же один талант».

Авторы относят выражение к концепту «Нереализованность» и «элитной лингвокультуре» и подчёркивают, что в нём «языковая память поддерживается логически несовместимым сочетанием слов с абстрактным и конкретным значениями *талант* и *зарывать*» (Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г., 2008).

Ещё более детализирована когнитивная характеристика этого библеизма в «Большом фразеологическом словаре русского языка» под ред. В.Н. Телия (автор словарной статьи С.В. Кабакова – ФСРЯ, 2006: 230-231). Здесь подчеркивается и его неодобрительная оценочность, и речевая стандартность, и неизменяемость именной части, и нефиксированность порядка слов-компонентов, и синтаксическая роль сказуемого, и типичная сочетаемость со словом *нельзя*, и метафоричность образования. Кроме развёрнутого комментария и возведения к библейскому источнику, даётся и семантизация «монетарной» стоимости слова *талант*, которая «во время земной жизни Иисуса Христа приблизительно равнялась 1290 рублям». Подытоживая эту характеристику, автор словарной статьи подчеркивает, что «Фразеол. в целом вы-

ступает в роли стереотипного представления о человеке, не сумевшем использовать свои способности и таланты».

Под «стереотипностью представления», собственно говоря, здесь имеется в виду интернациональный характер библейского крылатого выражения. Не случайно поэтому его семантизация подтверждается такими контекстными иллюстрациями, которые полностью укладываются в общеевропейскую семантику этого библеизма (И. Ефимов, Ю. Поляков, А. Плещеев в словаре Н.Ф. Алефиренко и Л.Г. Золотых; О. И. Бунин, Л. Кассиль, А. Малюгин, И. Кунин, Д. Жуков, В. Короленко, В. Шукшин, Точки зрения, Учительская газета, 2003 – в словаре под редакцией В.Н. Телия).

Следовательно, языковая картина мира, воплощённая этим библейским оборотом, может считаться универсальной, общеевропейской, общехристианской?

На этот вопрос можно ответить амбивалентно. Действительно, *языковая картина мира* здесь и в русском языке универсальна, что обусловлено известным библейским источником. Однако, *художественная картина мира* обнаруживает и национально специфические коннотации, обусловленные индивидуально-авторскими употреблениями в творчестве писателей. В нашем Словаре в соответствующей словарной статье (Мелерович А.М., Мокиенко В.М., 2005: 702-703) мы, отдав дань «нормативным» употреблениям, зафиксированных для выражения *зарывать талант в землю* и двумя названными словарями когнитивного типа, сосредоточили своё внимание именно на таких его творческих преобразованиях, которые обусловлены структурно-семантическими свойствами русской художественной речи и законами нашего языка.

Наименьшими творческими «отклонениями от нормы» являются структурные преобразования – прежде всего расширения компонентного состава ФЕ разного типа:

Вику надо из ясель забрать – А кто же с ней будет сидеть? – Придется мне. – Вера, я не могу принять такой жертвы. У тебя прямо-таки административный **талант**. – Придётся мой **талант временно зарыть в землю...** (И. Грекова, Хозяйка гостиницы).

Специальный человек стремится к тому только, чтобы **дарованный талант не зарыть в землю**, а извлечь из него все, что может служить к лучшему исполнению обязанностей (И. Кунин, Римский-Корсаков).

Очень одобряю. И направление мысли и простота штиля – весьма трогает душу. Трудись, юноша, **не зарывай в землю богом данного таланта**. (М. Горький, Городок Окуров).

Более оригинальны такие варианты, как замена опорного компонента **талант** на абстрактное существительное **возможности** и эллипсис компонента **в землю**:

Гиляров просто кричал на нас. Он приказывал нам **не зарывать наших возможностей в землю**. Надо чертовски трудиться над собой, извлекать из себя все, что в тебе заложено. (К. Паустовский, Беспокойная юность).

В консерватории была, да там непорядки. А большое дарование... Разумеется, **талант** надо совершенствовать, **нельзя зарывать**, но в маленькой квартире, знаете, тяжело бывает (Л. Толстой, Воскресение).

Наконец, вершиной преобразований уже на чисто русской языковой почве можно назвать авторский афоризм, основанный на использовании языковой ФЕ – **раз у тебя талант – не зарывайся в землю**:

– Мы стояли в обороне – зарылись в землю, скучаем... вот тогда я и сочинил стишок... Отправил в армейскую газету, они – веришь ли? – с ходу напечатали. Я на радостях еще. Приехал майор, говорит – собирай вещмешок. **Раз у тебя талант – не зарывайся в землю**, а пиши. Сегодня оформим приказом. Вот так я, брат, стал стенгазетчиком. (А. Рекемчук, Тридцать шесть и шесть)

Но и подобные «вибрации» структуры и смысла интернационального по происхождению библеизма на собственно русской языковой канве далеко не предел.

Еще более оригинальна художественная миниатюра создаётся в языке русской поэзии, где творческие потенции преобразований этого библейского выражения уже становятся не передаваемыми дословно на любом другом языке. Именно они отражены нами с особой детализацией в словаре (Мелерович А.М., Мокиенко В.М., Якимов А.Е., 2016: 518).

Таково, например, сочетание **зарыть в землю свой «бесценный дар» поэта**, где замена компонента **талант** усиливается двойной актуализацией лексемы **земля** и обеспечивает одновременное использование библеизма в буквальном значении – также и как компонента ФЕ.

О ней мне птицы пели,
О ней весна цвела.
Всей силою расцвета
О ней шумело лето,
Про это лишь, про это
Осенний ветер пел,
И снег молчал про это,
Искрился и белел.

**Бесценный дар поэта
Зарыла в землю я.
Велению не внемля,
Свой дар зарыла в землю...**
Для этого ль, затем ли
Я здесь была, друзья!

М. Петровых, «К своей заветной цели...»

Еще более эстетически обогащенной кажется морфологическая трансформация **в мрак и бездну зарытый талант**, основанная на замене глагола **зарыть** причастием **зарытый** с расширением компонентного состава библейского выражения:

Бессердечны любые услады,
В мрак и в бездну зарытый талант.
Град роскошный на тощие грады
Разменяет благой арестант.
Затекает скупую чреду
Гневный лепет немого страданья,
Око устрицы нижет слюду –
Горемычную соль пониманья!

А.И. Аргутинский-Долгорукий, «Бессердечны любые услады...»

«Око устрицы» и «горемычная соль пониманья» еще более отдаляют нас от известного библейского выражения, зарытого поэтом, по его словам «в мрак и бездну». Отдаляют и переносят его уже в другую, значительно усложнённую ассоциативную реальность, которая и становится фрагментом художественной картины миропонимания художника.

Но и такое усложнённое мировидение, отражённое библейским оборотом, ещё не предел. Этот интернационализм в поэтической речи может окрашиваться социально заострёнными красками, характеризующими нашу русскую реальность. Так в стихотворении М. Либина он подвергается двойной актуализации, ревитализируя прямое значение глагола **зарыть** (в землю) и в то же время накладывая его на значение фразеологическое. Шутливо-ироническая семантика такого поэтического употребления несколько ослабляет назидательную стилистику библейского источника:

Россия талантов зарыла немало,
Теперь вот и я в этом скорбном числе.
Похоже, что только меня не хватало
В богатой талантами русской земле.

М. Либин. Автоэпитафия // Лит. газета. – 2001, № 30 (25-31 июля).

Как видим, здесь интернационализм становится элементом индивидуально-авторской оценки российского отношения к талантам, становясь мозаичным осколком художественной картины, создаваемой поэтом.

Если даже такой «канонический» библеизм, как **зарывать талант в землю**, имеющий нормативные параллели во всех европейских языках, может подвергаться столь оригинальному творческому преобразованию в палитре русского художественного мира, то этот процесс ещё интенсивнее можно проследить на примерах библейских выражений, по разным причинам – прежде всего языковым – оторвавшихся от общих европейских стереотипов. Типичен в этом отношении оборот **злоба дня**. Он является конденсированным сочетанием из библейской цитаты «Довлеет днєви злоба его» (Евангелие от Матфея, 6, 34), которая в переводе со старославянского значит «Довольно для каждого дня своей заботы». Это – часть призыва апостола Матфея искать царства Божия, завершающегося фразой: «Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний *сам* будет заботиться о своем: довольно для *каждого* дня своей заботы». Выражение – неточный перевод с древнегреческого. Подлинный греческий текст в Евангелии (Матфей, 6, 34). «*Arketon tei hemerai kakia autes*» был переведен на старославянский язык так, как приведено выше – Довлеет днєви злоба его. В каноническом же русском тексте Евангелия это место переведено более точно: «Довольно для каждого дня своей заботы». Слова *злоба* в этом переводе нет. Причина переводческой неточности в том, что греч. *kakia* имеет чрезвычайно широкое распространение, является обобщающей характеристикой всего нехорошего (ср. *какофония* «неприятное сочетание звуков») и в зависимости от контекста может обозначать различные понятия негативного характера: и негодность, и порочность, и неприятность, и неприязнь и т.п. Переводчики с древнегреческого крайне неудачно воспользовались словом *злоба*. Любители же щегольнуть цитатами на старославянском языке пустили в оборот выражение *злоба дня* сначала, скорее всего, в шутовском смысле. Затем оно приобрело устойчивый характер с переосмыслением слова *злоба*. (Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И., 2007: 251-251). Характерно поэтому, что оборот **злоба дня** известен лишь тем славянским языкам, которые сохраняют старославянскую традицию: бел. *на злобу дня*, укр. *злоба дня*, *на злобу дня*, болг. *злoбaтa нa дeнa*. В других европейских языках – как славянских, так и не славянских, этот оборот переводится иными эквивалентами – ср. словц. *povinka (udalost') dňa*, нем. *das Tagesgespräch* и т.д. **Злоба дня**, следовательно, означает буквально 'повседневные заботы, хлопоты каждого дня', и слово **злоба** в этом значении уже совершенно забыто в русском языке. В современном языке *злoбoднєвнoстью*, *злoбoй днєa* называют актуальные, насущные вопросы общественного характера. Более того – как это ни парадоксально – это выражение недавно еще воспринималось многими носителями русского языка как актуальный советизм, ибо во всех советских газетах рубрика актуальных новостей называлась именно «На злобу дня».

Уникальная судьба русского библеизма, естественно, не могла не отразиться на его своеобразном окрасе в художественной картине мира. И здесь также эта картина имеет разные регистры в прозаической и поэтической речи.

В прозе, конечно же, немало нормативных употреблений, которые точно воспроизводят структуру и семантику этого оборота. Они в большом количестве фиксируются нашим словарем (Мелерович А.М., Мокиенко В.М., 2005: 248-251). Не столь часта при этом апелляция к архитектуре. В этом смысле любопытно употребление у М. Булгакова в «Белой гвардии», где библейское изречение как бы поясняется словосочетанием **будничная забота**:

– Я ничего ровно не боюсь, напротив, одобряю. Елена говорила действительно бодро, и в глазах ее уже была деловая будничная забота. «Довлеет днєви злоба его». М. Булгаков, Белая гвардия.

Некоторые употребления оборота достигают такого пояснения путем внешней синтаксической трансформации:

В калейдоскопе тарусских вечеров и увлекавших нас «обменов мнений» наряду со **злобой дня** как *мировой, так и сугубо местной, входившей в наш микромир*, вдруг возникли споры вокруг припомнившихся поэтических образов. (Н. Оттен, Издали и рядом).

Особо активен, однако, способ уточнения семантики библеизма его расширения с помощью различных определений – **тогдашняя, старая, новая, отшумевшая, насущная, преходящая, политическая, подлинная, нефтяная** и под.:

Бунин в ретроспекции осудил былые общественные события своей родины, но тем и усилил камерность повести, отрешенность Мити от **тогдашней злобы дня**. (А. Горелов, Одинокая звезда).

Крепостное право и пошехонское раздолье были связаны такими неразрывными узами, что когда рушилось первое, то вслед за ним в судорогах покончило свое постыдное существование и другое... Хотя **старая злоба дня** и исчезла, но некоторые признаки убеждают, что, издыхая, она отравила своим ядом **новую злобу дня** и что, несмотря на изменившиеся формы общественных отношений, сущность их еще остается нетронутой (М. Слатыков-Щедрин, Пошехонская старина).

С точки зрения газетного фельетона, в котором читатель ищет новенького, свеженького, непременно отражающего *настроение данной минуты*, казалось бы, поздно говорить о том, что когда-то вызвало каскад газетных и журнальных статей, было взвешено, оценено, обсуждено и куда-то запрятано, куда прячутся все **отшумевшие злобы дня**. (Л. Андреев, Три сестры).

И вот перед нами новая – и последняя – книга Данини. ... Пожалуй, не ошибусь, если кратко скажу: природа и люди. Правда, сегодня какую газету или журнал не раскроешь, непременно найдешь статью, очерк, заметку, рассказ, стихи на тему охраны природы... **Злоба дня?** Да, и без преувеличения говоря, *весьма насущная*. Но вот уже в чем невозможно упрекнуть М. Данини – это в *погоне за злободневной темой* – пусть даже вполне оправданной обстоятельствами. (Л. Рахманов, Живой голос).

Интеллектуальные интересы поэта были неизмеримо шире **преходящей злобы дня**, присущие ему политические предрассудки приходили в противоречие с его философскими раздумиями о тайнах бытия, о смысле жизни, о месте человека в потоке действительности. (А. Горелов, Вещая душа. Ф. Тютчев).

Диву даешься, слушая лицемерные ламентации представителей голливудского истеблишмента по поводу того, что Эсней якобы первый, кто осмелился *замутить политической злобой дня тихие заводи* чистого искусства... (М. Стурюа, Флорида без апельсинов).

И не завоевал он и доверия своего главного работодателя – монополистического капитала, сторонящегося святых и презирающего клоунов, тем более таких, которые не в состоянии поставлять толпе хлеба и зрелищ, чтобы отвлекать её от **подлинной злобы дня**. (Лит. газета, 1980, 26 нояб.).

Энергия Вознесенского неистощима, он добывает ее отовсюду – из ядерных реакций общественной жизни и личной, из углей древности, из **нефтяной злобы дня**. (Ю. Мориц, Двадцать лет спустя).

Оригинальным способом семантического уточнения является и расширение компонента, осложнённое контаминацией. Такова контаминация оборота **злоба дня** с выражением **чёрная злоба**:

Я чуть было не отвратился от Лукоморья по причинам, не имеющим отношения ни к Пушкину, ни к фольклору, а относившимся к *текущей политике, к чёрной злобе дня*. (Л. Мартынов, Пути поэзии).

Эффективным повышением экспрессивности библейского фразеологизма стала и его трансформация по контрасту – в сопоставлении:

Свобода и напор этой вещи, написанной двадцатилетним Вознесенским, были наэлектризованы, намагничены током страстей, живописью и ритмом, дерзкой и лукавой бравадой, острым чутьём *настроений своего поколения*, **злости ночи и злости дня**. (Ю. Мориц, Двадцать лет спустя).

Наконец, элементом художественной «картинности» мира для этого старославянского библеизма является и его способность к семантической конденсации, т.е. превращению словосочетания в слово. Если для прил. **злободневный** и сущ. **злободневность** этот процесс уже давно закончился образованием активно употребительного лексикона, то такое новообразование, как **злободневщик** осталось единственным, индивидуально-авторским:

Но всё же не следует забывать о том, что публицистическая статья пишется в один-два дня, художественное же произведение создается даже не за год и не за два, а чаще в течение нескольких лет – и на годы. Поэтому **злободневность**, если она туда искусственно введена, *испарится сама по себе* довольно быстро и обесценит книгу. И никакое писательское мастерство дело не спасет. Публицист, даже если он будет очень настойчиво называть себя писателем, в моем понимании все равно останется **злободневщиком**. (Лит. газета, 1986, 16 апр.).

В то же время при всей новизне и оригинальности это слово общепонятно, ибо в данном контексте подкрепляется и сущ. **злободневность**.

Как и в случае с библеизмом **зарывать талант в землю**, в поэтических контекстах экспрессивный накал употребления оборота **злоба дня** значительно выше, что определяет специфику русской художественной картины мира, отражаемой им. При этом те приёмы трансформации фразеологизма, которые выше описаны в прозаическом употреблении, характерны и для употребления поэтического. Таково расширение компонентного состава в стихотворении Б. Слуцкого:

Нет, не телефонный – колокольный
звон сопровождал меня
В многосуточной отлучке самовольной
из обычной злости дня.
Был я ловким, молодым и сильным.
Шёл я – только напролом.
Ангельским, а не автомобильным
Сшибло, видимо, меня крылом.
Б. Слуцкий. Нет, не телефонный...

Близко к этому расширение компонента за счёт причастия **не сдавшаяся** в стихотворении М. Цветаевой. Собственно, в этом поэтическом контексте создано новое словосочетание **не сдаться злобе дня** ‘не подчиниться запросам времени, повседневности; сохранять собственное мнение, своё отношение к действительности, ко всему окружающему’:

Стекла, дремучего, как сон,
Окна, единственный закон
Которого: гостей не ждать,
Прохожего не отражать.
Не сдавшиеся злобе дня
Глаза, оставшиеся – да! –
Зерцалами самих себя

Из-под нахмуренных бровей –
О, зелень юности моей!
Та – риз моих, та – бус моих,
Та – глаз моих, та – слез моих...
М. Цветаева, Дом.

Семантическая конкретизация может достигаться и путём определения не главного смыслового компонента оборота, но и определением ко второму компоненту с изменением единственного числа на множественное. Здесь также создаётся индивидуально-авторское словосочетание **злоба отошедших дней** – ‘что-л., в прошлом привлекавшее всеобщее внимание, представлявшееся важным, существенным и теперь, после всего пережитого, кажущееся поэту ещё более значимым’:

Иные я узнал дворы,
Сады, и площади, и пагоды, –
Но до сих пор во рту остры
И пыльно-терпки эти ягоды.

И **злоба отошедших дней**,
Их споры, их разноголосица,
Ещё больней, ещё родней
Ко мне – в окно моё – доносится.

С. Липкин. Шелковица

Оригинальна и «антинормативна» замена единственного числа на множественное и для компонента **злоба**, порождающая ироническое индивидуально-авторское сочетание **злости дня поштучно сплочены** ‘актуальные вопросы современности объединены, увязаны между собой’:

У чужедальних и иных границ,
куда влекут рачительные Боги,
в кривом пространстве действующих лиц
От яств домашних к яствам соцъологий!

И непреложны общие законы,
в них **злости дня поштучно сплочены**.
Архивы дел – презумпции вины.
На подозреньи частные персоны.

А.И. Аргутинский-Долгорукий, Гётеанум. Диалогическая поэма.

Замена компонентов в комбинации с расширением привычной сочетаемости позволяет мастерам поэтического слова добиться высокого художественного эффекта. Эффекта с мощной социальной направленностью. Таково создание по модели оборота **злоба дня** окказионализмов **злоба лет** и **злоба эпох** ‘вопросы, сохраняющие свою актуальность, злободневность на протяжении долгого времени – многих лет, целых эпох’ у В. Высоцкого, в стихотворении которого трафаретное **писать на злобу дня** превратилось в саркастически заострённое **застыть в злобу лет** ‘о стихах, написанных поэтом «на злобу дня», но сохранивших свою актуальность на годы; о произведениях, «грозящих» стать «злобою эпох»:

Жаль, что проходит на «ура»
Стихов давнишних часть.
Они написаны *вчера*,
Вчера – то есть сейчас.

Я их **писал на злобу дня**,
Писал я, осерчав.
Клянут меня, клеймят меня –
Вчера, как и сейчас.

Они **застыли в злобу лет**.
К чертям бы им пора!
Конца их преступлениям нет
Сейчас, как и вчера.

Стих и не плох, но не дай Бог,
Что персонаж пера
Вдруг станет «**злобою эпох**»
И завтра, как вчера.

А ты садишься на окно,
Коленками стучась.
Ты повстречалась мне давно,
Всегда – как и сейчас.

В. Высоцкий. Вчера, то есть сейчас.

Крылатые выражения из Священного Писания уже в силу своего сакрального источника обладают мощной семантической энергией. Но их экспрессивность может разрядиться могучей взрывной волной, если опытный «подрывник» – писатель или поэт использует для этого максимально полный арсенал художественных перевоплощений. Такой взрыв, например, раздаётся в кратком саркастическом «гарике на каждый день» язвительного поэта И. Губермана:

Как сдоба пышет **злоба дня**,
и нет ее прекрасней;
а год спустя глядишь – херня,
притом *на постном масле*.

И. Губерман, Гарика на каждый день.

Столкновение высокого, библейского выражения с вульгарным, просторечным словом (не будем вслед за поэтом его повторять) создаёт особую экспрессию, которую один из представителей Пражской лингвистической школы Я. Мукаржовский назвал бы «oscilace smyslu – осцилляцией смысла» (Mukařovský 1971, 309), т.е. вибрацией семантики. Но саркастическому поэту и этого мало: он включает наше выражение в антонимическое противопоставление с разговорно-просторечными фразеологизмом **ерунда на постном масле**, заведомо заменив первый компонент словом, которое я не решусь повторить в дамском обществе.

Наблюдения над функционированием крылатых выражений-библейзмов в прозаическом и поэтическом тексте показывают, как создаётся художественная картина мира. Имея древнюю языковую и ментальную опору в сакральном тексте Священного Писания, они по-разному воспринимаются и адаптируются в конкретных языках, развивая специфичную форму и семантику. В речи же художников слова они способны творчески преобразовываться, создавая неповторимую мозаику художественной картины мира не только в конкретном языке, но и в конкретном художественном произведении. Преобразовываться в соответствии с законом, сформулированным в известной фразе А.С. Пушкина «Разум неистощим в соображении понятий, как язык неистощим в соединении слов». То есть, следуя когнитивному процессу, который не менее ясно и четко Н.Ф. Алефиренко (2012) называет созданием «предзнаковых форм мотивации фраземосемиозиса».

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Предзнаковые формы мотивации фраземосемиозиса // Актуальные проблемы мотивологии в лингвистике XXI в.: По материалам Международной научной конференции, посвящённой 95-летию Томской школы русистики / под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – С. 51-56.
2. Алефиренко, Н.Ф., Золотых, Л.Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М.: Изд-во «Элпис», 2008. – 472 с.
3. Белоусова, Е.Г. Основные характеристики художественной картины мира, репрезентируемой в произведениях жанра фэнтези // Молодой ученый. – 2011. – №4. Т.1. – С. 200-202. – URL <https://moluch.ru/archive/27/3008/> (дата обращения: 15.01.2019).
4. Берков, В.П., Мокиенко, В.М., Шулежкова, С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2-х т. (Т. I. А–М. – 658 с.; – Т. II. Н–Я. – 656 с.) /

под ред. С. Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск: МаГУ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008–2009. (БМШ 2008)

5. Бирих, А.К., Мокиенко, В.М., Степанова, Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – Под ред. проф. В.М. Мокиенко. – 4-е изд., стереотипн. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2007. – 926 с.

6. Ларин, Б. А. Эстетика слова и язык писателя. Избранные статьи. – Л.: «Художественная литература», 1974. – 288 с.

7. Мелерович, А.М., Мокиенко, В. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – Изд. 3-е. – М.: «Русские словари, Астрель», 2005. – 855 с.

8. Мелерович, А.М., Мокиенко, В.М., Якимов, А.Е. Фразеология в русской поэзии XIX–XXI вв. Словарь: опыт лексикографической систематизации употреблений фразеологизмов в русской поэзии. Под научн. ред. В.М. Мокиенко. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2016. – 528 с.

9. Мокиенко, В.М., Сидоренко, К.П. Крылатые слова басен Ивана Андреевича Крылова. Словарь. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2018. – 796 с.

10. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. д-р филол. наук В. Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.

11. Шестакова, Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. – М.: Языки славянских культур (Studia philologica), 2011. – 464 с.

12. Mukařovský, Jan. Příslolí jako součást kontextu // Cestami poetiky a estetiky. Praha, 1971. – S. 277–359.

Summary. The author focuses on winged words, the source of which is the Holy Scriptures, which represent the linguistic picture of the world and are actively involved in modeling the literary picture of the world, both prosaic and poetic. On the material of phraseological dictionaries, the author gives a cognitive characteristic of biblical expressions and their transformations in literary texts.

Key words: literary picture of the world, biblical expressions, prosaic literary texts, poetic literary texts, phraseography.

ФРАЗЕОТВОРЧЕСТВО В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Uli Schamiloglu

USA, Madison, WI, University of Wisconsin
uschamil@wisc.edu

М.Б. Нуртазина

Казахстан, г. Астана, Евразийский национальный университет
имени Л.Н. Гумилева
maralo204@mail.ru

В последнее время в лингвистике уделяется большое внимание вопросу взаимодействия языка, выполняющего кумулятивную функцию, и культуры как формы сознания, отображающей мировоззрение человека. В этом контексте понятие языковой картины мира (ЯКМ) относится к числу фундаментальных, выражающих специфику человека и его бытия, где особую роль играют фразеологические единицы (ФЕ), в образном содержании которых воплощено культурно-национальное мировидение.

Если говорить о русском языке в Республике Казахстан, то можно выделить ФЕ, которые не просто заимствованы из казахского языка, выражающие типичные для всех казахстанцев понятия, реалии, явления, а приобретены в результате многовекового межнационального контакта культурных связей. Активное функ-

ционирование таких ФЕ обусловлено наличием так называемой «билингвальной личности» на территории Казахстана, употреблением русского языка во всех сферах общения. Такие типичные черты, как казахская ментальность, казахские стратегии и тактики поведения, уважение к старшим, учет гендерного аспекта, различные обрядовые моменты, обнаруживаются в устной и письменной коммуникации билингвов.

Первопричиной таких ФЕ является наличие таких элементов, как функционирование языковых единиц с ярко выраженным национально-культурным компонентом, т.е. в них в наибольшей степени отражена специфика той или иной национальной культуры; для них «характерна полная или частичная адаптация в фонетическом, лексическом, грамматическом, орфографическом плане в языке, на котором создан дискурс» (Бадагулова, 2011: 49-50).

Такие ФЕ коммуникативного типа в связи с высокой информативностью не требуют перевода и облигаторной контекстной конкретизации, так как свою семантическую структуру выстраивают в полной гармонии с определенной денотативной ситуацией. Это дает возможность смысловой интерпретации, что дает возможность говорить о таких ФЕ как о полноправных речевых актах с «большим диапазоном интерпретационной вариативности, которые могут подвергаться различным модификациям, трансформируясь, создавая новые смыслы на основе ассоциативно-образных связей в зависимости от условий общения коммуникантов» (Алефиренко, 2005: 211-212).

Система казахской и славянской культуры в Евразийском контексте Республики Казахстан имеет коллективный, соборный характер, поскольку функционирует и воспроизводится из поколения в поколение. Однако соборность проявляется не только в коллективном характере. Так, например, празднично-игровая культура – это не только форма массового общения. По Ю. Лотману, культура – «наследственная память коллектива». Это одновременно актуализация сопричастности индивида коллективному состоянию сознания, коллективной памяти, фольклорно-мифологических архетипов. Так, праздничный календарь славян представляет собой двоеверческий синтез языческого и христианского; казахские праздники ориентированы на соединение языческого и мусульманского начал. Этнокультура казахов сформирована тенгрианскими культами и верованиями; основой религии древних тюрков было поклонение Небу (Тенгри) и Земле-Воде. Православие и мусульманство несут в себе идею единения, в их социальных доктринах «есть очень важный общий пункт – принцип соборности (‘умма’ – в концепции ислама) – приоритет духовной общности людей в социальном взаимодействии над их экономическими и классовыми различиями» (Ергалиев, Тихонова, 1999: 63). Идея соборности в евразийской культуре имеет генетические и типологические истоки: фольклорно-мифологические, религиозные (открытость Миру – Небу и Земле) и функционально-социальные.

В этом контексте праздник – это комплекс обрядов, ритуалов, текстов, имеющий определенную структуру, выполняющий важное для этноса функции и проходящий в определенное календарное время. Праздничный календарь отличается, с одной стороны, целостностью структуры, сакральностью, архетипическим наполнением, а с другой стороны – открытостью и подвижностью, мирским содержанием. Для праздничной традиции одного народа характерна цикличность, внутренняя симметричность, соотношенность сезонов. В праздниках разных этносов налицо типологические параллели всех составляющих: текстов, обрядов, ритуалов и культов.

Славянские праздники на территории Республики Казахстан состоят из двух частей: религиозно-бытовой и народного ликования (гуляния, игры, застолье). Структура казахских праздников включает в себя аналогичные элементы: собрание всех членов общины для совершения праздничных церемоний и чтения

намаза, праздничная трапеза, прекращение и запрет работы. В славянском календаре выделяются основные календарные и церковные праздники: весенне-летние (Пасха, Троица, Иван Купала; осенние (Спасы и Покров); зимние (Святки и Масленица). В казахской праздничной традиции выделяются весенне-летние (Наурыз айт, Ораза айт, Курбан айт); осенние праздники (Сабан той), зимние праздники.

В некоторых случаях значение таких ФЕ-вкраплений, обладающих большим диапазоном интерпретационной вариативности, могут выводиться из условий контекста, и тогда коммуниканту-реципиенту требуется достаточных мыслительных усилий для «построения в его когнитивной системе определенной картины мира» (Алефиренко, 2009: 34-36), особенно если речь идет, по терминологии Е.М. Верещагина и В.Г. Комстомарова, о «безэквивалентных языковых единицах» (Верещагин, Комстомаров, 1976: 45), которые передают в силу исторической необходимости специфические для данной культуры явления. Они являются продуктом кумулятивной (накопительной, закрепляющей опыт носителей языка) функции языка и могут рассматриваться как вместилища фоновых знаний, т.е. знаний, имеющих в сознании говорящих (Верещагин, Комстомаров, 1976: 41-45). Как справедливо отмечает В.Н. Телия, «соотнесенность с тем или иным культурным кодом составляет содержание культурно-национальной коннотации. Именно культурная коннотация придает культурно-значимую маркированность ФЕ и дискурсу, в котором употребляется данная единица». В свою очередь, В.А. Маслова эксплицирует условия появления коннотаций «с усилением отдельных аспектов значения (часто за счет яркой внутренней формы слова, на базе которой возникают наиболее стабильные ассоциации). Ассоциации при этом образуют мотивирующую основу для возникновения коннотаций, прямое значение слова выступает как ВФ по отношению к переносному. <...> Возникновение коннотаций – процесс культурно-национальный. В коннотации реализуются потенциальные ресурсы номинативной системы языка, так как коннотативное слово обладает способностью не только создавать, но и удерживать глубинный смысл, находящийся в сложных отношениях с семантикой слова, закреплять его в языке, создавая тем самым культурно-национальную языковую картину» (Маслова, 2001: 56). В русском языке в условиях Казахстана культурная информация, согласно исследованиям Г.М. Бадагуловой (Бадагулова, 2011: 52-52), передается «через 1) культурные семы, 2) культурный фон, 3) культурные концепты и 4) культурные коннотации».

Если взять, к примеру, русский в Казахстане последнего периода, то следует отметить уникальность передачи метафорической номинации как продукта «ассоциативно-символического мышления» (Alefirenko, Stebunova, 2015: 612). Механизм формирования такой метафоры в русскоязычном дискурсе связан с влиянием родной (казахской) языковой картины мира (ЯКМ), а «овнешнение» получает русская форма. Например: «И сердце покоя не хочет, На мгновение сердце замрет, И как только гром прогрохочет, **Белым словом** в душе оживет, **В белом слове** утка ныряет, **В белом слове** дятел стучит...Потом – это все умирает. И с новой силой звучит (Б.Канапьянов). ФЕ «ак соз» – это белое слово, приветливое, доброе, искреннее, светлое, передающее значение одобрения и поддержки в трудную минуту.

Такие ФЕ, как «Наурыз тойы», «Наурыз мейрамы», «Наурыз коже» отражают те социокультурные изменения, которые произошли в Казахстане. По древнему календарю год начинается с 22 марта как наступление Нового года по восточному календарю и приносит с собой весеннее тепло, радость обновления природы. Традиционным блюдом считается «**наурыз коже**» – ритуальное блюдо из семи компонентов, олицетворяющих семь жизненных начал: воды, мяса, соли, жира, муки, пшеницы, молока. Символизировали счастье, удачу, мудрость, здоровье, богатство, быстрый рост, покровительство неба. Именно на это период приходится славянская Масленица. Типологически сходными являются обряды ряже-

ния, изготовления женского чучела, игровой характер праздника, ритуальная пища, все это выполняло развлекательную, эстетическую функцию, которая проявлялась в игровом поведении, в сценах и представлениях. Устраивались различные игры и гуляния. В ритуалах Наурыза отразилась также двойственная природа праздника, соединяющего в себе смерть и рождение, радость и горе.

Национальные игры казахского народа всегда представляли собой особый интерес, поскольку, имея состязательный характер, направлены на проверку силы и выносливости: «Тымак ұрып жығу» (цель: сбить с песта тымак (головной убор) камчой, находясь при этом на лошади. Вся соль в том, что участнику игры завязывают глаза и ещё крутят на месте. Будучи абсолютно дезориентированным, он должен найти тымак и сбить его; «Қыз қуу» (игра для пар. По сути – догонялки на лошадях. Сначала парень пытается догнать девушку. Если получается – он её целует. Потом девушка догоняет парня. Если получается у неё – она стегает его камчой) и другие.

Перечисленные параметры должны быть актуализированы пониманием народной культуры как соборной целостности. Идея соборности в праздничной евразийской культуре выражается в коллективном типе поведения и сознания, взаимосвязи поколений и этносов, в диалоге культур. Типологические и этнокультурные параллели, позитивные функции праздника делают его общезначимым явлением, важным для всех членов социальной или этнической общности. Разумеется успешность коммуникации в условиях межкультурной коммуникации зависят от уровня лингвокультурной компетенции коммуникантов, от узнаваемости коммуникативных стереотипов. В перспективе достаточно актуальным представляется выявление сложного когнитивно-дискурсивного процесса, который отражается на уровне структурно-семантического оформления фразем, особенно в региональном варианте русского языка в контексте условий Казахстана.

Литература

1. Алефиренко, Н. Ф. Современные проблемы науки о языке. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 416 с.
2. Алефиренко, Н. Ф. «Живое слово: Проблемы функциональной лексикологии. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
3. Алефиренко, Н. Ф. Фразеологическое значение: природа, сущность // Грани слова: сб. науч. ст. к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. – М.: Элпис, 2005. – С. 21–27.
4. Бадагулова, Г.М. Номинативная деятельность в условиях межкультурной коммуникации и билингвизма // Болгарская русистика. – 2011. – №4. – С. 46–61.
5. Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1976.
6. Ергалиев, И.Е., Тихонова, Т.Ю. Будущее Казахстана в зеркале евразийства // Идеи и реальность евразийства. – Алматы, 1999. – С. 60–66.
7. Кубрякова, Е.С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования // Известия РАН. – СЛЯ. – 2002. – № 1.
8. Маслова, В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001.
9. Alefirenko, N. F., Stebunova K. K. Linguo-philosophic substance of a symbol anthropology // Archaeology history, philosophy (Conference proceedings, 26 August – 1 September, 2015 Albena, Bulgaria). P. 607–615.

Summary. The presented paper discusses typological and ethnocultural parallels, reflected in phraseological units in which the presence of such elements as the functioning of linguistic units with a pronounced national-cultural component. They they most reflect the specifics of a particular national culture; they are characterized by full or partial adaptation in the phonetic, lexical, grammatical, spelling plan in the language in which the discourse is created.

Key words: phraseological units, national culture, intercultural communication, bilingualism.

Раздел 1. КАРТИНА МИРА – ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА – НАИВНАЯ КАРТИНА МИРА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ ПОСЛОВИЦ)

И.В. Борисовская

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
borisovskaya@bsu.edu.ru

В пословицах, как в зеркале находят отражение определенный склад ума, способ выражать мысли, а также обнаруживаются особенности мировоззрения, быта, духа и характера народа. В пословицах хранятся история и традиции людей, объединенных одной культурой.

В данной статье пословица будет рассматриваться с точки зрения её способности представлять собою знание. Понятие «знание» предполагает как наличие сформулированного (т.е. объективированного, представленного в виде текста) знания, так и не сформулированного знания, которое проявляется в отношениях человека с миром, в его действиях. Известно, что человек обладает способностью понимать и проверять структуры своего мышления посредством рефлексии. Не вызывает сомнения, что сформулированные, объективированные знания сопровождаются и формируются в области несформулированных, необъективированных знаний. Вопрос о взаимодействии этих двух форм знания является решающим для антропологически ориентированной лингвистики. Теория языковой картины мира апеллирует к факту, что только часть повседневных знаний идентифицируется, описывается и объясняется человеком, и что только часть опыта и мотивов осознается.

Языковая картина мира является лишь частью картины мира и репрезентирована языковой системой. Картина мира человека понимается как присутствие в нем сложного (более или менее противоречивого) состояния, отразившегося в действиях и в текстах, представляющих мир в целом или одну из его составляющих. Картину мира можно считать интенциональной действительностью, то есть относящейся к субъекту. Это значит, что она является свойством вовлеченного субъекта, в сравнении с языковой картиной мира, которая понимается как свойство языка. Сама по себе картина мира в некоторой степени может считаться «языковой», поскольку её образ более или менее определяется соответствующей языковой картиной мира (через зафиксированные в языковой системе знания, опыт, точки зрения и привычки). Поэтому можно сказать, что языковая картина мира и картина мира представляют собой диалектическое единство индивидуального и социального (Weisgerber L., 1929; Сепир Э., 1993).

Очевидно, что языковая система неразрывно связана с текстами, в которых находит свою реализацию. Тексты, имеющие вид клише (фразеологизмы, пословицы и т.д.), сами по себе представляют систему и, проникая в языковую систему, оказывают влияние на образование новых текстов. Элементы языка постоянно курсируют между языковой системой и речью. Поэтому, современная лингвистика не возможна без понятия дискурса, представляющего собой динамическую структуру, объединяющую языковую систему, ее реализации и их взаимовлияние (Jäger S., 2004). Следовательно, картина мира, отразившаяся в конкретном языковом тексте индивида, может стать частью языковой картины мира, если текст получает распространение в сообществе и приобретает статус постоянного.

Язык формирует опыт человека в том плане, что предоставляет ему определенные способы интерпретации наблюдаемых явлений и фактов как нечто само собой разумеющееся (Сепир Э., 1993). Речь идет о том, что язык направляет внимание наблюдателя на определенные аспекты, в то время как другие стороны бытия упускаются из виду. Каждый человек благодаря языку, делающему возможным мышление, обнаруживает в своих мыслях некие лакуны, например, в виде противоречий, поэтому он может выразить свое мнение в отношении этих противоречий и заполнить лакуну. То есть, человек понимает, что окружающая его реальность не соответствует тому приему, с помощью которого он ее классифицировал, и это может навести его на мысль изменить способ классификации. Так стереотипы, собственно понятия и связанные с ними образы действительности и оценки не всегда соответствуют отдельно воспринимаемым фактам. Язык оперирует ограниченным числом понятий, и поэтому некоторые различия между существующими явлениями он скрывает, а другие наоборот подчеркивает. То есть, бесконечно многообразная реальность ограничивается языком посредством означивания обозримого числа относительно общепринятых и постоянных различий и сходств воспринимаемого мира. При этом отдельные аспекты бытия становятся примечательными и значительными, а другие упускаются из виду и забываются (Weisgerber L., 1964).

Процесс концептуальной обработки реальности, когда систематизируются бесконечно разнообразие и изменчивые аспекты бытия посредством ограниченного числа понятий, называется категоризацией. Лео Вайсгербер утверждал, что в своем поведении и в процессе языкового означивания человек руководствуется тем, что он воспринимает явления окружающего мира не как конкретные, отдельные, а как категориальные, концептуализированные (Weisgerber L., 1929). Категоризация делит, фиксирует и упрощает бесконечное разнообразие и изменчивость объектов для хорошей ориентации человека в мире (Jackendoff R., 1983; Lakoff G., 1987). Категоризованная реальность (а человеку неизвестны другие) полна лакун – противоречий и парадоксов.

Для человека характерно придерживаться обобщающих высказываний языка и забыть, или даже отрицать реальность, с которой они связаны. Виной тому психология человека – необходимость чувствовать уверенность и защищенность. Это легко показать на пословицах, являющихся стереотипами. Под стереотипами понимаются понятия или высказывания, связанные с застывшими, упрощенными, коллективно обусловленными и сохраняемыми образами реальности, обладающие однозначной оценкой. Итак, для человека важно ощущение, что он хорошо ориентируется в окружающем мире, может его истолковать и предвидеть, что происходит в нем и с ним. Эта, вероятно, общечеловеческая мотивация определяет то, что можно иметь ограниченное число простых правил – пословиц – которые обеспечивают человека безупречным отношением к миру.

Пословица представляет собой обобщающее утверждение, которое оправдывает что-то конкретное (определенное действие, мнение, взгляд и т.д.). Самой пословице не нужны оправдания. Если она не соответствует ситуации, её просто не употребляют; но если она уместна, то её употребление оправдано. Таким образом, отсекаются сомнения в истинности пословицы. Поскольку пословица (как общее) подкрепляет чье-то мнение или воззрение (конкретное), ей самой не нужно оправдание. В случае, если мнение, подтвержденное пословицей, подвергнется сомнению, пословица уходит в пассивное состояние, ждет удобного момента для использования. Поэтому получается, что ошибается только человек, а не пословица, принятая языковым сообществом как истина.

Пословица появляется тогда, когда происходит освобождение высказывания от оков контекста. Оторвавшись от обстоятельств возникновения, высказывание приобретает вторичное значение, которое обуславливает его «пословичность», «обобщенность», «мудрость». Такому утверждению уже не требуется обоснования.

Исследования сокровищницы пословиц, в целом считающейся народной мудростью, выявляют, что отдельные пословицы могут быть противоречивыми между собой. Это явление объясняется разнообразными исторически и культурно обусловленными способами видения и подходами, например, фаталистическое мышление (превосходство судьбы в жизни человека), христианская религия (наказание за совершенные грехи), гуманизм (эмансипация) и т.д. (Kajfosz J., 2010). Поэтому пословицы предоставляют человеку аргументы в пользу различных, а подчас и противоположных точек зрения. Так немецкие пословицы убеждают нас, что в мире все предрешено: «*Seinem Schicksal kann niemand entgehen. / От судьбы не уйдёшь*» (Graf A.E., 1956: 206). Но они также вселяют веру в возможность лучшей доли и изменения своего будущего: «*Jeder ist seines Glückes Schmied. / Всяк своего счастья кузнец*» (Graf A.E., 1956: 109); «*Gott gibt wohl die Kuh, aber nicht den Strick dazu. Hilf dir selbst, so hilft dir Gott. / На Бога надейся, а сам не плошай*» (Graf A.E., 1956: 111). Среди немецких пословиц есть подтверждение вечной любви: «*Alte Liebe rostet nicht. / Старая любовь не ржавеет*» (Graf A.E., 1956: 163), но можно утверждать и обратное мнение «*Aus den Augen, aus den Sinn. / С глаз долой – из сердца вон*» (Graf A.E., 1956: 45). Есть пословицы, которые говорят о предпочтении личных интересов и наоборот, например: «*Das Hemd ist mir näher als der Rock. / Своя рубашка ближе к телу*» (Graf A.E., 1956: 123); «*Jedem Narren gefällt seine Kappe. / Кому гнило, а мне мило*» (Graf A.E., 1956: 139) и «*Schön ist es auch anderswo, und hier bin ich sowieso. / Везде хорошо, где нас нет*» (Graf A.E., 1956: 80).

Таким образом, в немецкой языковой картине мира, представленной пословицами, присутствует непоследовательное мировоззрение. С помощью пословиц могут быть оправданы противоположные точки зрения. При необходимости выбирается такая пословица, которая подтверждает конкретную точку зрения и игнорирует антиномию. Причины этого, во-первых, носят психологический характер – человеку необходимо чувствовать уверенность и защищенность, а во-вторых, в обществе бытует знание о противоположностях, поскольку опыт показывает, что ситуация может развиваться по двум противоположным путям.

Литература

1. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
2. Graf, A.E. 6000 Deutsche und Russische Sprichwörter. – Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag, 1956. – 297 p.
3. Jackendoff, R. Semantics and Cognition. – London: MIT Press, 1983. – 283 p.
4. Jäger, S. Kritische Diskursanalyse. Eine Einführung. – Münster: Unrast Verlag, 2004. – 258 s.
5. Kajfosz, J. Das Sprichwort und das Weltbild. Eine semiotisch-hermeneutische Untersuchung. // *Phraseologismen und Sprichwörter in der modernen deutschen Sprache.* – Univerzita Tomáše Bative Zlíně, 2010. – S. 51-63.
6. Lakoff, G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. – Chicago: The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
7. Weisgerber, L. Muttersprache und Geistesbildung. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1929. – 170 s.
8. Weisgerber, L. Die Zusammenhänge zwischen Muttersprache, Denken und Handeln. // *Zur Grundlegung der ganzheitlichen Sprachauffassung. Aufsätze 1925-1933.* – Düsseldorf: Schwann, 1964. – S. 175-208.

Summary. The German proverbs can justify opposite points of view. If it is necessary, the people select a proverb that confirms a particular point of view and ignores the antinomy. The first reason of this phenomenon is human psychology because people need to feel confident and protected. The second reason is knowledge of opposites; experience improves that the situation can develop in two opposite ways.

Key words: language picture of the world, German proverbs, proverb interpretation, human psychology, concept.

КОГНИТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВЫДВИЖЕНИЯ УСТОЙЧИВЫХ ОБРАЗОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Н.М. Джусупов

Узбекистан, г. Ташкент, Узбекский государственный университет мировых языков
nursultan79@mail.ru

Репрезентация когнитивных структур в художественном контексте во многом обусловлена непосредственным выдвиганием языковых девиаций и параллелизмов (Leech G., 1969; Leech G., Short M., 2007) и соответственно их очевидной доминирующей ролью в раскрытии различных компонентов и механизмов, определяющих специфику актуализации поверхностного и глубинного уровней информативности текста произведения.

В настоящей статье рассмотрим когнитивно-стилистические особенности (См.: Молчанова Г. Г., 2002; 2007; Ашурова Д. У., 2003; 2005) репрезентации фреймовых структур сквозь призму выявления процессов выдвигания на материале текста произведений Д.Г. Лоуренса «The Lovely Lady».

В тексте рассказа «The Lovely Lady» среди многообразия средств выдвигания особое внимание читателя привлекают примеры семантической девиации, в частности образные сравнения, в основе функционирования которых заложена потенциальная возможность их распределения в соответствии с фреймовым принципом организации информации, т.е. выделения единых фреймов интерпретации, вокруг которых в общую структуру объединены различные образные конструкции.

В системе средств выдвигания в тексте могут быть одинаково представлены фреймовые структуры (Филлмор Ч. Дж., 1988; Алефиренко Н.Ф., 2005: 187–189; Болдырев Н.Н., 2004: 29-30) как универсального, так и национально-культурного характера. Например, в тексте рассказа можно выделить образные сравнения, механизм формирования которых основан на активизации структур знания, связанных с универсальными фреймами “FLORA” и “FAUNA”.

Примеры устойчивых образных сравнений, основанных на актуализации компонентов фрейма “FLORA”:

«...her high chair that rose behind her face was done in old green brocade, against which her face emerged like a Christmas rose» (Lawrence D., 2002: 172).

«He paid all his attention to his mother, drawn to her as a humble flower to the sun» (Lawrence D., 2002: 172).

Устойчивые образные сравнения, основанные на актуализации компонентов фрейма “FAUNA”:

«She really had the secret of everlasting youth; that is to say, she could don her youth again like an eagle» (Lawrence D., 2002: 169).

«She rushed through the meal like a crazy dog, to the utter consternation of the servant» (1, с. 191).

Выделение двух выше указанных фреймов интерпретации становится возможным благодаря вербализации в средствах выдвигания (семантических девиациях) устойчивых (фразеологических) образов, ассоциируемых с конкретными когнитивными областями или фрагментами канонизированного знания об окружающей действительности.

Однако определение общей когнитивной основы ряда образных сравнений с позиции выделения их единого фрейма интерпретации вызывает некоторые трудности. К их числу относятся широко представленные в тексте образные сравнения интертекстуального (аллюзивного) характера:

She would be an exquisite skeleton, and her skull would be an exquisite skull, like that of some Etruscan woman with feminine charm still in the swerve of the bone and the pretty, naïve teeth (Lawrence D., 2002: 168).

«...and at the corners of the eyes were fine little wrinkles which would slacken into haggardness, then be pulled up tense again to that bright, gay look like a Leonardo woman who really could laugh outright» (Lawrence D., 2002: 168).

She was really a dreadful sight, like a piece of lovely Venetian glass that has been dropped and gathered up again in horrible, sharp-edged fragments (Lawrence D., 2002: 192).

В отличие от других примеров образного сравнения сложность определения их исходного фрейма интерпретации, прежде всего, заключается в актуализации различных сфер действительности. Объединение аллюзивных сравнений на основе единого фрейма интерпретации, на первый взгляд, кажется невозможной как следствие проявления не подкрепленного тематической общностью произвольного характера процесса метафоризации. Однако в результате более внимательного и детального изучения художественного контекста и выявления лингвокультурной специфики устойчивых образов, формируются определенные выводные знания, которые сводятся к выдвиганию прототипической категории как стабильного способа организации и сохранения информации.

Так, устойчивые образы *Etruscan woman*, *Leonardo woman*, *Venetian glass*, актуализированные в составе трех метафорических конструкций, представляют собой прототипические образцы, вокруг которых аккумулируются знания, связанные с историей и культурой конкретной страны европейского континента и ее основообразующим этносом, в частности перечисленные имена собственные отсылают читателя к информации об историко-культурном наследии итальянского народа. В этой связи на основании выделения стабильных прототипов как образцов отдельно взятой национально-культурной общности представляется возможным активизировать общий фрейм интерпретации “NATION”, в структуре которого в соответствии с контекстом употребления выдвигается фрагмент знания “Italian”. Данный фрагмент знания непосредственно «схвачен» (по Е.С. Кубряковой) (Кубрякова Е.С., 2012) каждым из отмеченных примеров семантической девиации, т.е. образного сравнения, и, составляет их прототипическую основу, позволяющей в итоге объединить их в общую тематическую группу на основе единого фрейма интерпретации.

Выделение единого фрейма интерпретации семантических девиаций (образных конструкций) обусловлено непосредственно самим содержанием рассказа, согласно которому главный герой (Роберт) узнает, что его отцом является итальянский священник, с которым у его матери в молодости был бурный любовный роман. Эта правда в его жизни меняет весь ход событий, а, главное, позволяет Роберту жениться на девушке (Сесилии), которая считалась его двоюродной сестрой по отцовской линии.

Как видим, актуализированные устойчивые образы, как яркое отражение прототипических знаний, служат контекстуальными сигналами, имплицитно указывающими на развитие сюжетной линии художественного произведения.

Ссылки автора на национально-культурную (итальянскую) тематику выражены различными эксплицитными и имплицитными способами на протяжении всего контекста произведения. Стилистически релевантные примеры активизации фрейма “NATION” на основе перспективизации его когнитивной области “Italian” демонстрируют особый игровой и, вместе с тем, имплицитный характеры манипулирования устойчивыми образами и закрепленными за ними культурно-обусловленными знаниями.

Когнитивно-стилистический аспект рассмотрения средств выдвигания в качестве единиц, репрезентирующих структуры знания, в наибольшей степени способствует выявлению особенностей языковых и когнитивных механизмов их формирования, когнитивных принципов моделирования информации, а также корреляции языковых и внеязыковых структур знания.

Когнитивный потенциал образного сравнения выражается в том, что автор произведения активизирует исторический компонент (фрагмент знания) в «куль-

турной памяти» адресата и вследствие этого фокусирует внимание адресата на са-кральном характере фоновой информации. С позиции когнитивной установки организации информации средства выдвижения интертекстуального характера определяют отражение определенной части человеческого опыта в рамках фреймовой структуры и предполагают поиск и реконструкцию определенных канонизированных знаний, компактными аналогами которых являются вербализируемые средствами выдвижения устойчивые образы.

Таким образом, рассмотренные контекстуальные особенности репрезентации фреймовых структур обусловлены взаимодействием языковых механизмов и когнитивных процессов и определяют индивидуально-авторскую специфику выражения когнитивно-стилистического потенциала средств выдвижения. Отражение средствами выдвижения того или иного участка фрейма интерпретации может быть представлено как с максимальной, так и минимальной степенями выделенности и в различных концептуально-смысловых масштабах.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 416 с.
2. Ашурова, Д.У. Стилистика текста в парадигме когнитивной лингвистики // Филология масалалари. Ташкент, 2003. – № 1. – С. 41-45.
3. Ашурова, Д.У. Новые тенденции в развитии стилистики // Til va nutq system-sath talqinida: Материалы науч.-теор. конф. Самарканд: СамГИИЯ, 2005. – С. 7-8.
4. Болдырев, Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. – № 1. – С. 18-36.
5. Кубрякова, Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т. языкознания РАН. – М.: Знак, 2012. – 208 с.
6. Молчанова, Г.Г. Когнитивная стилистика и стилистическая типология // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. – № 3. – С. 60-71.
7. Молчанова, Г.Г. Английский как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация. М.: Олма Медиа Групп, 2007. – 384 с.
8. Филлмор, Ч. Дж. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. – М.: Прогресс, 1988. – С. 52-92.

Summary. The study is dedicated to the semantic deviation of figurative comparisons in the English-language literary text. Frame analysis of such expressions allows to reveal the deep layers of textual information, while the author notes the difficulty of determining the initial frame of the interpretation of figurative comparisons.

Key words: cognitive structures, stable image, literary text, frame semantics.

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭТАЛОНА КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ШВЕДСКОГО ЯЗЫКОВ)

Е.И. Зиновьева

Россия, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет
e.i.zinovieva@spbu.ru

А.С. Алёшин

Россия, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича
alexis001@mail.ru

Компаративные фразеологизмы как особый разряд фразеологических единиц наличествуют в каждом национальном языке. В отечественной лингвистике для номинации этих фразеологизмов традиционно используется термин «устойчивое сравнение» (далее – УС). О.В. Подчаха предлагает следующую дефиницию: УС –

«это воспроизводимые языковые единицы, характеризующиеся логической структурой сравнения, компонентным составом, выражающим компаративные отношения, образностью и особым суперсегментным значением» (Подчаха О.В., 2012: 331). Образность УС во многом создается благодаря эталону сравнения. Эталоны и символы, стереотипные образы, вербализованные в УС, отражают материальную и духовную культуру народа, общее и национально-специфичное в той или иной языковой картине мира.

Объект рассмотрения в данной статье – эталон «свинья» как компонент русских и шведских УС. Предметом исследования является когнитивно-прагматический потенциал этого эталона в двух языковых картинах мира. Под когнитивно-прагматическим потенциалом, вслед за Н.В. Карповской, понимается «возможность актуализации в речи не только категориальных значений, присущих языковым единицам как элементам языковой системы или языковой картины мира, но и тех импликаций, которые могут проявиться при взаимодействии языка с речевой средой, способствуя тем самым формированию определенного восприятия, осмысления и познания действительности, а также достижению определенного прагматического эффекта» (Карповская Н.В., 2015: 109).

В словарях устойчивых сравнений русского литературного языка зафиксировано от 10 до 23 УС с эталоном «свинья» (Огольцев В. 2001 и Мокиенко В. 2003 соответственно).

Анализ контекстов художественного, газетно-публицистического и устного дискурсов по материалам «Национального корпуса русского языка» (далее – НКРЯ) позволил выявить наиболее употребительные УС с интересующим нас эталоном. Большая часть этих единиц зафиксирована в словарях, но, будучи употребленными в дискурсе, данные УС эксплицируют и конкретизируют стереотипное представление, позволяют понять процесс осмысления действительности носителями русского языка и мотивацию выбора того или иного основания сравнения.

Так, УС *вести себя как свинья* является по сути семантически синкретичным. Что именно говорящий вкладывает в это общеотрицательное сравнение, раскрывается только в контексте, описывающем конкретную ситуацию. Это может быть неаккуратность – например, бросание мусора на пол, невоспитанность – несоблюдение правил этикета, неблагодарное поведение и т.п. Например: «Пришёл в чужой дом, а ведёт себя как свинья» (Геласимов А. Фокс Малдер похож на свинью, 2001 (НКРЯ)). В некоторых подобных случаях основание УС опускается, предполагается, что у носителя языка есть пресуппозиция, он может догадаться, что имеется в виду. Например: «Мы говорим: ну посмотри на себя, ты как свинья» (Протоиерей Д.С. Проповеди, 1984-1989 (НКРЯ)).

Свинья – символ грязи, что на словарном уровне подтверждает существование таких УС, как *грязный как свинья*, *валяться в грязи как свинья*, *вымазаться как свинья*. Наблюдения за поведением животного порождают конкретизацию УС в дискурсе, расширение эталона сравнения: «По мне, так лучше *жить в грязи, как свинья в луже*, чем разводить эту бодягу с ремонтом» (Троицкий А. Удар из прошлого, 2000 (НКРЯ)); «И не хочу перед концом *измызгаться, как свинья в луже*» (Трифонов Ю.В. Время и место, 1980 (НКРЯ)); «Несколько раз он падал, увлекая за собой Виктора. Они *извозились как свиньи*» (Стругацкий А., Стругацкий Б. Гадкие лебеди, 1967 (НКРЯ)). Аналогично обстоит дело и с функционированием УС *валяться как свинья*: «Без меры напьется – как свинья *в луже* валяется» (Ладинский А.П. Последний путь Владимира Мономаха, 1960).

Особое внимание обращается на манеру свиней питаться: есть все подряд, жадно и неаккуратно: «— *Кушаешь ты, как свинья*, — с грустью сказал капитан» (Гроссман В. Жизнь и судьба, часть 3, 1960); «А то ведь ты *ешь / как свинья*» (Фетин В. и др. Полосатый рейс, к/ф, 1961); «— *За едой они ведут себя, как свиньи*, — жалуется Хорст, отдыхающий в Phaselis Princess» (Чижиков М., Овчаренко Е. Фото Дмит-

рия Тернового. Где для русских – отдых, там немцу – капут // Комсомольская правда, 2005.08.25); «Я вместе с остальными перешёл в банкетный зал и *нажрался* там как свинья, но только не в смысле напился, а в смысле наелся» (Бахтина И. По пути в никуда, 2007); «Ничего, что ты *жрешь*, как свинья, все подряд, все это от недовольства собой и своей жизнью!» (Петрушевская Л. Город Света // «Октябрь», 2003 (НКРЯ)). Интересно, что субъектом в такого рода сравнениях не обязательно выступает человек, ср. в художественном дискурсе: «Её рука указывает в направлении маленькой лупоглазой палатки под названием «Мир кур», у двери которой сидит полосатый **кот**... то есть, он сидел бы, если бы не *объелся как свинья*» (Бару М. Записки понаехавшего, 2010 (НКРЯ)).

УС *визжать как свинья* получает в речевой реализации расширение-конкретизацию: «Максим тогда *завизжал*, как свинья, **которую режут**: «Я тебе пойду!» (Володарский Э. Дневник самоубийцы, 1997); «– Ну, чего ты *вопишь*, как свинья, **которую собираются резать**?» (Ладинский А.П. Анна Ярославна – королева Франции, 1960 (НКРЯ)).

Видимо, манера поглощения пищи послужила базой для переноса сравнения на процесс поглощения спиртного с последствиями в виде характерного для свиньи поведения – валяния: «Накачался какой-то сивухой в компании водопроводчика и *валяется*, как свинья, на загаженном полу» (Троицкий А. Удар из прошлого, 2000); «Без меры напьется – как свинья в луже *валяется*» (Ладинский А.П. Последний путь Владимира Мономаха, 1960 (НКРЯ)). В словарях приводятся такие основания сравнения, как *напиться, нажраться, налакаться, нализаться, нахлестаться, натрескаться, надраться как свинья*. В материалах НКРЯ находим расширение синонимического ряда: *упиться, накеряться, нарюмиться, накачаться как свинья*, например: «– *Накерялся ты как свинья*, – говорит Эди-бэби серьезно» (Лимоннов Э. Подросток Савенко, 1982); «Бурнашов чувствовал себя виноватым, действительно, как свинья *нарюмился* и вот испортил близким всю гостьбу; потому он улыбнулся виновато, заискивающе, не желая ссоры» (Личутин В. Любостай, 1987). Свинья служит эталоном и для нового возникшего в обществе порока – наркомании, ср. окказиональное пока сравнение – *обкуриться как свиньи*: «– А, это, – отмахнулся Мерингер, – так, друзья Мирона по рок-группе. *Обкурились уже, как свиньи*... Андрей с неодобрением покачал головой, он уже заметил ненормально блестящие глаза панков, но сначала подумал, что это не анаша» (Грачев А. Ярый против видеопиратов, 1999 (НКРЯ)).

Плодовитость животных актуализируется в следующем контексте: «Я подымаю бокал в сердце Кремля, желаю вам счастья и повторяю слова запорожцев в адрес Екатерины Великой: «Будь здорова, как корова, *плодовита, как свинья*, и богата, как земля!»» (Проханов А. Господин Гексоген, 2001 (НКРЯ)). «Будь здорова, как корова, *плодовита, как свинья*» – это пожелание здоровья и благополучия тому, кто чихнёт (обычно женщине). (Белянин В.П, Бутенко И.А, 1994: 24).

Окказиональные сравнения вербализуют еще больше наблюдений человека за поведением свиней: «Можете мне поверить, я *натаскана* на зло, как свинья на *трюфели*, чую безошибочно» (Галкина Н. Вилла Рено // «Нева», 2003); «И тут же давались комментарии или просто сообщались факты: «Арик орал как резаный», «Кузя *сопел или хрюкал как свинья*», «Сеня блял как молодой козел»» (Азаров Ю. Подозреваемы, 2002); «Они играли в какую-то странную игру с апоплексически-багровым господином бургомистром, который *зарывался* в них, как свинья в *желудки*, и тоже брыкался и хрюкал от удовольствия» (Стругацкий А., Стругацкий Б. Гадкие лебеди, 1967). Любопытно сравнение, построенное на парадоксальности: «Что ты тарацишься, как свинья на *ветчину*?» (Стругацкий А., Стругацкий Б. Обитаемый остров, 1967-1969 (НКРЯ)).

Из неотмеченных словарями следует назвать функционирующее в НКРЯ УС *дергаться как свинья на веревке*: «– Ты чего *дергаешься*, как свинья на веревке?»

(Кунин В. Кыся, 1998-2000); «(Кисуля, Ингеборга Дапкунайте, жен, 26, 1963) чего ты дёргаешься / как свинья на верёвке!» (Тодоровский П., Кунин В. Интердевочка, к/ф, 1989).

В материалах НКРЯ употребляются также УС, представляющие собой усечение поговорок – *быть похожим как свинья на коня* и *как свинья на ежа*: «– Ага, – хмуро усмехнулась Резникова. – Как свинья на коня... Старухи заулыбались» (Елизаров М. Библиотекарь, 2007); «Скажи, а как похоже! – *Как свинья на ежа!* – согласился покладистый Витя» (Мешков А. Марк Нопфлер пришел по-английски // Комсомольская правда, 2005.04.28 (НКРЯ)). Ср. поговорку: *Похожа свинья на коня (на ежа), да щетина не та.*

Особый интерес представляют собой УС, апеллирующие к общей когнитивной базе носителей русского языка: «*Над едою не чавкай, как свинья, и головы не чеши*» // «100% здоровья», (Лазарева Г. Я друзей созову, 2002) 2002.12.11 (НКРЯ) – автор отсылает к произведению «Юности честное зерцало». «Стремилась ввысь душа твоя, Родишься вновь с мечтою, Но если *жил ты, как свинья*, Останешься свиньёю» (Кузина С. Помните, кем были в прошлой жизни? // Комсомольская правда, 2007.06.27 (НКРЯ)) – отсылка к песни В. Высоцкого. «В принципе можно допустить, что не всем дано решать двухходовки, и от этого неумения иной общечеловек *ведет себя* по отношению к дорогим ему ценностям совершенно *как свинья под дубом вековым*» (Соколов М. Генрих Гиммлер и общечеловеки, 2002 // «Известия», 2002.03.27) – контекст отсылает к известной басне И.А. Крылова.

Таким образом, свинья является эталоном исключительно отрицательно-оценочных УС русского языка. В поле зрения носителей языка и, соответственно, в языковую картину мира попали и вербализовались такие черты поведения животных как любовь к лужам и грязи, стремление повалиться в грязи, громко чавкать и жадно есть все подряд и т.п. Стереотипное представление устойчиво, ср. наиболее частотные ассоциации на стимул «свинья»: *грязная, грязь, жирная, толстая, лужа, под дубом* (РАС I: 574). Наивная языковая картина мира отличается от научной: биологи утверждают, что свинья – умное и чистоплотное животное, в грязи валяется для того, чтобы уничтожить паразитов, у свиньи умеренный аппетит. Вот визг животного, действительно, может достигать 115 децибел (Что еще вы не знали о свиньях <https://p-i-f.livejournal.com/6896826.html>).

В шведском языке существуют две основных лексемы для перевода русского слова *свинья* – *ett svin* и *en gris*. Толковый словарь шведского языка определяет *ett svin* как «парнокопытное животное с длинным сильным телом, вытянутым носом и короткими ногами» (NSO, 1999: 1112). Данное слово используется при толковании лексемы *en gris*: «домашняя свинья (*ett svin*) с коротким пяточком», при этом уточняется, что в Швеции она обычно бывает светло-розового цвета (NSO, 1999: 378). Словари также отмечают, что *en gris* обозначает «молодую свинью, детёныша, не взрослую особь» (SAOB, 1929: 942). Таким образом, *en gris* употребляется по отношению к домашней свиньё и поросёнку, а *ett svin* обозначает общее название семейства. В большинстве УС шведского языка с компонентом, обозначающим свинью, задействован эталон *en gris*: *envis som en gris* (упрямый как свинья), *smutsig / skitig som en gris* (грязный как свинья), *tjock som en gris* (толстый как свинья), *skrika som en stucken / skållad gris* (кричать как закалываемая / ошпаренная свинья), *äta som en gris* (есть как свинья), *blöda som en gris* (кровоточить как свинья), *se ut som en gris* (выглядеть как свинья). Эталон *ett svin* представлен в устойчивых сравнениях гораздо меньше. Можно отметить только два УС шведского языка с данным эталоном – *bete sig (bära sig åt) som ett svin* (вести себя как свинья) и *supa som ett svin* (пить как свинья), причём в первом из них в качестве эталона может также выступать и *en gris*. По всей видимости, это связано с резко негативной оценочностью слова *ett svin* в шведской лингвокультуре, проявлявшейся с древних времён. Известный исследователь шведской культуры и фольклора Магдалена Хелльквист пишет, что в дневниках

и даже словарях XIX века зачастую встречаются такие записи: «Сегодня купил *четырёхногую* за девять риксдалеров», или «слово *fjurfota* (четырёхногая) используется вместо *ett svin* в общении в приличном обществе» (Hellquist M., 2005: 176). При этом исследователь также отмечает, что в некоторых фразеологизмах явно различаются *ett svin* и *en gris* как обозначения взрослой свиньи и поросёнка соответственно, например, в пословице *Ofta gäldar gris det som gammalt svin har gjort* (Часто достаётся поросёнкам за то, что старая свинья сделала) (Hellquist M., 2005: 187).

Наибольший интерес для сопоставительного исследования представляет шведское УС *envis som en gris* (упрямый как свинья), т.к. в русской лингвокультуре не вербализуется такое качество свиньи, как упрямство. По-видимому, данное выражение является усечением более старого УС *envis som en gris vid en grind* (упрямый как свинья у калитки), характеризующего попытки свиньи преодолеть преграду в виду зарытой калитки или забора и попасть в огород. Сравнение в данной форме встречается довольно редко. В художественной литературе его активно использует только один автор – Эльси Рюдшё: «Hon är sturig och **envis som en gris vid en grind**, men när hon väl fattar vad som är bra för henne. – Она дерзкая и упрямая как свинья у калитки, но она хорошо понимает свою выгоду» (Rydsjö E. Det blåser vind från östansjö); «Men inte ens Celia ska väl ha lov att vara så **envis som en gris vid en grind?** – Но ведь даже Селии не должно позволяться быть упрямой как свинья у калитки?» (Rydsjö E. Älska har sin tid). Сравнение в форме *envis som en gris* встречается гораздо чаще: «Men mamma var omöjlig. **Envis som en gris**. – Но мама была просто невозможной. Упрямой как свинья» (Johansson E. Berättelsen om Nancy); «Hon är bestämd och envis. – **Envis som en gris**, sa Martina och skrattade. – Она решительна и упряма. – Упряма, как свинья, сказала Мартина и засмеялась» (Ekblom U. King of Sunset: återkomsten). Часто встречается и расширение компонентного состава – *envis som en röd gris* – упрямый как *красная* свинья: «**Envis som en röd gris**. Ja, ibland kan jag faktiskt vara det. – Упрямый как красная свинья. Да, иногда я таким бываю» (petraenilsson.blogspot.com).

В шведской лингвокультуре, как и в русской, свинья является эталоном грязного, нечистоплотного человека. Однако, сравнение *smutsig / skitig som en gris* (грязный как свинья) очень редко встречается в контекстах художественной литературы и интернета, и его устойчивость в современном шведском языке представляется спорной. При этом довольно частотным является УС *se ut som en gris* (выглядеть как свинья), выражающее схожие представления: «Tycker inte häradsövdingen att han **ser ut som en gris?** – Не кажется ли господину судье, что он выглядит как свинья?» (Strindberg A. Röda rummet); «Jag tycker jag **ser ut som en gris**, säger han. – Кажется, я выгляжу как свинья, говорит он» (www.expressen.se). УС *äta som en gris* (есть как свинья), в отличие от русского языка, обозначает, прежде всего, человека, который много ест, неаккуратность потребления пищи при этом не эксплицируется: «Elizabeth, däremot, visar stor aptit och **äter som en gris**, suger livet ur sin amma och skriker sig röd med obevlig kraft då hon är hungrig. – Элисабет, наоборот, демонстрирует хороший аппетит, ест как свинья, высасывает все соки из своей кормилицы и кричит до красноты с невероятной силой, когда голодна» (Hedin A. Den som vill ha hare till frukost måste jaga om natten); «Jag **äter som en gris** och går ändå ner i vikt. – Я ем как свинья и всё равно теряю вес» (kolhydrater.ifokus.se). УС *tjock som en gris* (толстый как свинья), также связанное с чрезмерным потреблением пищи, часто используется в шведском языке с расширением-уточнением эталона – *julegris* (рождественская свинья), в чём отражается древняя шведская деревенская традиция откармливания свиньи к Рождеству. Ветчина до сих пор является обязательным атрибутом шведского рождественского стола. Процесс закалывания свиней также нашёл своё отражение в шведских УС с рассматриваемым эталоном: *skrika som en stucken / skållad gris* (кричать как закалываемая / ошпаренная свинья) и *blöda som en gris* (кровоточить как свинья). Если первому из них отчасти соответствует русское УС *орать как резаный*, то второе безэквивалентно относительно русского языка.

Результаты проведённого анализа позволяют утверждать, что, несмотря на общее совпадение сфер действительности и качеств человека, выражаемых УС двух языков с эталоном «свинья», когнитивно-прагматический потенциал данного эталона УС в двух лингвокультурах всё-таки различается. Рассмотренные единицы по-разному проявляются в дискурсе, стереотипное представление, даже при общем совпадении, обнаруживает отличия, связанные с влиянием экстралингвистических факторов, традиционной народной культуры, и в процессе осмысления действительности носители русского и шведского языка акцентируют внимание на различных её аспектах. Различия наблюдаются и в языковой номинации (*свинья* в русском и *en gris* и *ett svin* в шведском).

Литература

1. Белянин, В.П., Бутенко, И.А. Живая речь. Словарь разговорных выражений. – М.: ПАИМС, 1994. – 192 с.
2. Карповская, Н.В. Когнитивно-прагматический потенциал средств категории интенсивности сквозь призму процесса метафоризации (на материале интенсификатов испанского и русского языков) // Известия Южного Федерального университета. Филологические науки. – 2015. – №3. – С. 107-117.
3. Мокиенко, В.М. Словарь сравнений русского языка – СПб.: Норинт, 2003. – 608 с.
4. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения – 17.01.2019).
5. Огольцев, В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка – М.: АСТ, Астрель, Русские словари, 2001. – 800 с.
6. Подчаха, О.В. Особенности многозначности устойчивых сравнений // Преподаватель XXI век. – 2012. – № 1-2. – С. 329-335.
7. РАС – Русский ассоциативный словарь: в 2 т.: От стимула к реакции / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др. – М., 2002. – Т. 1. – 784 с.
8. Что еще вы не знали о свиньях. URL: <https://p-i-f.livejournal.com/6896826.html> (дата обращения – 16.01.2019).
9. Hellquist, M. Göra en pudel och sova räv. Zoologiskt ABC. – Stockholm: Atlantis, 2005. – 246 s.
10. NSO – Norstedts svenska ordbok. – Göteborg: Norstedts, 1999. – 1381 s.
11. SAOB – Svenska Akademiens ordbok. – <https://www.saob.se/>
12. Svenskt språkbruk. Ordbok över konstruktioner och fraser. – Stockholm: Norstedts, 2003. – 1433 s.

Summary. The article deals with cognitive-pragmatic potential of noun “a pig” as a comparison standard in Russian and Swedish stable comparisons. The conclusions are made about similarities and differences in stereotype ideas presented by phraseological units in Russian and Swedish language pictures of the world.

Key words: cognitive-pragmatic potential, comparative idioms, sustainable comparison, Russian language, Swedish language, translation.

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ РЕГИСТРЫ ЭПИСТОЛЯРНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Н.А. Калёнова

Россия, г. Волгоград, Волгоградский государственный технический университет
n.a.kalyonova@yandex.ru

Эпистолярная фразеология, до сих пор ещё мало изученная в современной науке о языке (Ю.В. Архангельская, Н.С. Баланчик, А.М. Дубинина, В.А. Фалина, О.П. Фесенко и др.), интересна с точки зрения когнитивно-прагматического потенциала знаков косвенно-производной номинации, поскольку являет собой часть тезауруса языковой личности частного эпистолярного дискурса, воплощающего речь по-

вседневности его создателя. Когнитивно-прагматическая фразеология (Н.Ф. Алефиренко, А.П. Бабушкин, О.А. Воронкова, К.И. Декатова, Л.Г. Золотых, М.Л. Лаптева, Ю.В. Маслова, З.Д. Попова, Р.Х. Хайруллина, А.Э. Черникова и др.) изучает **«фраземный знак в двух его ипостасях: языковой и дискурсивной»** (Алефиренко Н.Ф., 2008: 117), выявляя когнитивно-прагматические функции ФЕ как элемента речевого произведения и, соответственно, когнитивно-прагматический потенциал этого знака косвенно-производной номинации как элемента языковой системы. Когнитивно-прагматический подход к исследованию эпистолярной фразеологии позволяет внимательнее рассмотреть не только специфику изучаемого языкового знака, но и самого человека, который проявляет себя, особенности своей картины мира в речевой деятельности и как представитель определённого этнокультурного сообщества, и как индивид, а также выявить огромный объём информации, которая выводит нас за пределы анализируемого дискурсивного пространства.

Обратимся к письму Аполлона Григорьева отцу, А.И. Григорьеву, 23 июля 1846 г., Санкт-Петербург (Григорьев А.И., 1999: 16-19): *«Не оправдывать себя я хочу – ибо, право, я сам сознаю вполне, что виноват перед Вами, – но ради Бога выслушайте же меня серьёзнее»*. ФЕ *ради Бога* в значении ‘Разг. Пожалуйста’ подчёркивает важность той информации, которую автор планирует транслировать в этом речевом произведении. Экспрессивность – неотъемлемая часть фразеосемантики, но в этом дискурсивном пространстве анализируемая единица объективирует гораздо больший объём индивидуальных смыслов, и не только эмотивных, что становится понятно из информации о взаимоотношениях Григорьева с отцом, о коммуникативной задаче, которую поставил автор эпистолярного дискурса.

Для интерпретации авторской интенции необходимо знать, что Аполлон Григорьев пережил глубокую личную драму: родившегося вне брака, **«родители передали его в Александровский Императорский сиротский дом»**, а спустя некоторое время **«отец признал и принял из сиротского дома своего сына»** (Григорьев А.И., 1999: 294). Исследователи отмечают, что **«судя по оставшимся письмам Григорьева и его воспоминаниям, между отцом и сыном лежала пропасть непонимания. Создаётся впечатление, что сын никогда не мог простить отцу своё положение незаконнорожденного»** (Григорьев А.И., 1999: 294). В этом свете становится понятным эмоциональное напряжение, которое декодируется с самого начала анализируемого письма Аполлона Григорьева отцу.

Эмоциональный ряд, объективируемый языковыми средствами разных уровней, представлен чувствами любви и обиды: *«Всё терзало меня, всё – даже Вы, даже Вы, которого мне так жарко хотелось любить»*; стыда и раскаяния: *«Стало несносно – простите за прямоту и наготу выражений – <...> стало несносно жить ребёнком (вспомните только утренние головочесания, посылание за мною Ванек, Иванов и сцены за лишней высиженный час»*; тоски и отчаяния: *«Да и Вы сами, немного посерьёзнее взглянувши на мой несчастный характер, поймёте, что я чересчур способен к отчаянию, не только уж к тоске и хандре: тосковать и хандрить я начал, право, чуть и не с 14 лет»*.

Анализ этих сведений позволяет выявить высокий уровень интенсивности проявления эмотивной семы в структуре фразеологического значения ФЕ *ради Бога* в анализируемом дискурсивном пространстве. Иными словами, посредством ФЕ *ради Бога* адресант объективирует целый комплекс эмоций, при этом можно говорить об актуализации внутренней формы, которая имеет когнитивно-прагматическую природу, поскольку **«как речемыслительный «эмбрион» и внутренняя программа (схема), внутренняя форма, всплывая на поверхность языкового сознания, становится источником типичных системно нерелевантных ассоциаций, лингвокреативным стимулом оживления целой цепи социально значимых связей, коннотаций и представлений – всей смысловой**

гаммы образной палитры дискурсивной идиомы» (Алефиренко Н.Ф., 2012б: 10). Итак, ФЕ *ради Бога* звучит в этом дискурсивном пространстве как мольба, как крик души, это призыв адресанта услышать именно тот эмоционально-оценочный посыл, который выстрадан им в течение многих лет сложной внутренней борьбы.

Об этом свидетельствует и признание самого автора письма, с отчаянием констатирующего: «Свидание с добрым Ксенофонтом Тимофеичем, который привёз мне вести о Вас и от Вас, убедило меня в той крайней грустной истине, что Вы не хотите понять меня, не хотите потому, что не решаетесь выслушать меня серьёзно, что слишком легко смотрите на многое, что я уже несколько раз Вам высказывал». Неоднократно автор подчёркивает, что ему необходимо, чтобы его наконец услышали, восприняли «серьёзно» его боль.

Для когнитивно-прагматического осмысления фразеосемантики в эпистолярном дискурсе важно понимать, что письмо – такая форма приватной коммуникации, которая предполагает трансляцию эмоционально-оценочных смыслов, ориентированных именно на данного адресата. Как **«словесно выраженное знание внешнего мира»**, **«знаковое отображение индивидуальной картины мира»** (Ковалёва Н.А., 2002: 133), **«разновидность исторически обусловленной дискурсивной практики»** (Курьянович А.В., 2013: 12), эпистолярный находится **«в тесной зависимости от комплекса экстралингвистических факторов»** (Курьянович А.В., 2013: 12). Иными словами, адресант, решая базовую коммуникативную задачу (от фатической до воздействующей), строит когнитивный фундамент дискурсивного образования эпистолярия на основе пересекающихся фрагментов картин мира его и адресата. Приведём пример такого когнитивно-дискурсивного пересечения: **«Тяжело мне расплачиваться за эту связь только материально <...> Но – Бог милостив, авось я стрясусь с шеи печальные последствия неосторожной доверчивости» (Григорьев А.И., 1999: 17). Дело в том, что Аполлон Григорьев **«взял на себя (давно ещё) долг этого мерзавца»** Милановского, по поводу чего отец высказывал недовольство, то есть событие, явившееся эмоциогенным фактором, отражённым в эпистолярном дискурсе, было известно обоим коммуникантам.**

Фразеология этого фрагмента письма решает ряд важных коммуникативных задач. Так, адресант акцентирует внимание на случайном характере обстоятельств, которые в состоянии спасти адресанта от этого долга, использует ФЕ *Бог милостив* и лексему *авось*. ФЕ *Бог милостив* в значении '1. Устар. Разг. Всё обойдётся, кончится благополучно', кроме того, призвана смягчить отношение отца к этому событию, успокоить его. Следовательно, прагматический аспект фразеопотребления раскрывается в стремлении адресанта воздействовать на адресата посредством экспрессивных, эмоционально-оценочных знаков косвенно-производной номинации, имплицитно транслирующих информацию субъективного характера, сопровождающуюся актуализацией внутренней формы ФЕ, что увеличивает коммуникативно-прагматический потенциал единицы фразеологического фонда языка.

Обратим внимание на ФЕ *стрясусь с шеи*, являющуюся трансформантом ФЕ *сидеть на шее* в значении 'Прост. Экспрес. Быть на содержании, иждивении'. Структурно-семантическое преобразование затрагивает все элементы когнитивно-семантической структуры: замена компонента на антонимичный существенно меняет концептуальный образ развёрнутой метафоры: меняется субъект действия, обозначаемого данной глагольной ФЕ, объективируется смысловое содержание 'Избавиться от гнетущего, давящего обязательства'. Итак, в частном эпистолярном дискурсе, как и в иных **«дискурсивно-когнитивных процессах, понимаемых как речемыслительное формирование фреймовой структуры, которую автор намерен выразить в тексте, фигурируют два вида знакообозначения: «узуальный» и «окказиональный»** (Алефиренко Н.Ф., 2012а: 7). Автор создаёт на базе языковой единицы, наилучшим образом вербализующую подготовленную для трансляции когнитивно-семантическую структуру.

Когнитивно-прагматический ракурс исследования эпистолярной фразеологии позволяет трактовать структурно-семантическое преобразование **«как процесс переосмысления речепорождающим субъектом стереотипов этнокультурного опыта, что является важной предпосылкой для возникновения в уже сформированной системе номинативных средств языка индивидуально-авторских инноваций»** (Алефиренко Н.Ф., 2012а: 9). Индивидуально-авторское фразеопотребление возможно в силу развитого лингвокреативного мышления носителя культуры, с одной стороны, а с другой, – высокого преобразовательного потенциала используемых единиц косвенно-производной номинации, характерного в большей степени для единиц с прозрачной внутренней формой. Аполлон Григорьев пишет: *«Москва, как это мне известно из одного письма Погодина, рассказывала, что я – пью горькую и что у меня – раны на голове, а между тем – я здоров и жив и трезв по обыкновению»*. Как видим, ФЕ *жив и здоров* в значении 'Разг. О том, кто находится в благополучном состоянии, в целостности и невредимости' подвергается преобразованию, а именно перестановке компонентов и расширению компонентного состава. Выбирая лексему *здоров*, автор подчёркивает несоответствие распространяемому в Москве слуху о том, что у него *«раны на голове»*. Благодаря воспроизводимости ФЕ, другой компонент, *жив*, замыкает формальную структуру ФЕ. Но в контексте, содержащем описание слуха, есть информация о том, что автор выпивает, а потому включается ещё один компонент в окказиональную единицу, *трезв*, который является вербальным эквивалентом того содержания концептуальной структуры, которое оказывается невербализованным, но очень важным в аспекте опровержения указанных слухов. Трансформированная ФЕ объективирует иронию, не вытесняющую основное эмоциональное состояние, транслируемое автором в эпистолярном дискурсе.

Обратим внимание, что структурно-семантическая трансформация в когнитивно-прагматическом аспекте – это операция с когнитивно-семантической структурой преобразуемой единицы, «подгоняющая» эту структуру под то когнитивное образование, которое подлежит вербализации. Решая коммуникативную задачу, адресант подыскивает наиболее подходящую единицу, имеющую в когнитивно-семантической структуре те смысловые элементы, которые соответствуют объективируемым концептуальным признакам, подлежащим вербализации: *«За скорость моих работ поручится, пожалуй, издатель «Репертуара»; за православный и словенский дух моих рецензий ручательством могут служить имеющие быть напечатаны в мартовском номере «Финского вестника» статьи <...> ; за мою набивку руки ручается двухлетнее участие в «Репертуаре»* (из письма Ап. Григорьева С.М. Соловьёву, февраль 1846 г., Санкт-Петербург) (Григорьев А.И., 1999: 16). ФЕ *набивать руку* в значении 'Приобретать опыт' подвергается изменению формальной структуры, глагольная ФЕ становится именной, семантическая структура претерпевает компрессию семантического признака: 'приобретать опыт' – > 'опыт'. Выбор в пользу знака косвенно-производной номинации вместо лексической единицы, объективирующей ту же семантическую структуру, может быть обусловлен экспрессивностью преобразованной ФЕ, что позволяло автору увеличить воздействующую силу речевого произведения.

Таким образом, когнитивно-прагматические регистры эпистолярной фразеологии характеризуют тот объём и характер информации, который транслируется посредством ФЕ; те когнитивно-семантические связи этой единицы с другими элементами дискурса, которые, являясь результатом сложнейшего взаимодействия и на концептуальном, и семантическом уровнях, делают возможным эту комплексную трансляцию смыслового содержания, подлежащего вербализации; те смысловые элементы, которые подверглись декодированию получателем сообщения, то есть адресатом эпистолярного дискурса, и результаты этого распознавания транслируемых смыслов.

Подводя итог, следует отметить, что в когнитивно-прагматическом аспекте эпистолярная фразеология выполняет очень важную функцию: обеспечивает когезию эмоционально-образного фона дискурсивного пространства, объективируя фрагмент концептосферы автора письма, тот фрагмент его картины мира, в который он решил посвятить собеседника. В связи с этим в когнитивно-прагматическом подходе к изучению эпистолярной фразеологии интерес представляют не только письма художников слова, но и любых других представителей своей эпохи, поскольку в этих речевых произведениях открывается мир эмоциональной сферы человека.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. – М.: ЭЛПИС, 2008. – 272 с.
2. Алефиренко, Н.Ф. Когнитивно-прагматические механизмы косвенной номинации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2012а. – № 4. – С. 5–13.
3. Алефиренко, Н.Ф. Когнитивно-прагматические истоки внутренней формы знаков косвенно-производной номинации // Гуманитарные исследования. – 2012б. – № 4. – С. 7–14.
4. Григорьев, Ап. Письма / Изд. подг. Р. Виттаке, Б.Ф. Егоров. – М.: Наука, 1999. – 476 с.
5. Ковалёва, Н.А. Русское частное письмо XIX века: коммуникация, жанр, речевая структура: дисс. ... док. филол. наук. – М., 2002. – 537 с.
6. Курьянович, А.В. Динамика жанрово-стилистических особенностей русского эпистолярного дискурса носителей элитарного типа речевой культуры (XX–XXI вв.): Автореф. дис. ... док. филол. наук. – Томск, 2013. – 39 с.

Summary. The article deals with cognitive-pragmatic registers of epistolary phraseology. It is revealed that they characterize that volume and character of information which is translated by means of phraseological units. Epistolary phraseology provides cohesion of the emotional-figurative background of the discursive space, objectifies a fragment of the conceptual sphere of the author of the letter.

Key words: epistolary phraseology, cognitive-pragmatic registers, comparison, analysis, letters, semantics.

ФРАЗЕОЛОГИЯ – ЗЕРКАЛО РЕЧЕВОЙ КАРТИНЫ МИРА ОТДЕЛЬНОЙ НАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ)

Е.В. Комовская

Россия, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский аграрный университет
komovskaya86@mail.ru

Речевая картина мира любого народа отражается наиболее четко в образных выражениях, которые представляют собой крылатые фразы, или фразеологизмы (Вежбицкая А., 2001: 46). Все фразеологизмы русских можно, на наш взгляд, с точки зрения соотношения их с фразеологическими единицами французов разделить на три значимых группы: совпадающие по значению и набору языковых компонентов, которые их составляют; совпадающие по набору компонентов, их составляющих, но имеющие отличные оттенки перевода, а следовательно и оттенки значения; фразеологизмы, не имеющие аналогичной речевой ассоциации в русском языке или имеющие синонимичную ассоциацию.

В плане фразеологических единиц и восприятия мира наиболее близки к русской речевой картине мира фразеологизмы французов. Так, например, существуют целые ряды похожих фразеологических единиц (Гак В., 2010: 34), как например:

быть не в своей тарелке, ковырять пальцем в носу, которые относятся к первому типу, так как они совпадают по речевому компоненту, могут быть дословно переведены на французский язык, кроме того их значение полностью идентично в речевой картине ассоциаций у русских и французов. **Быть не в своей тарелке** как у французов, так и у русских воспринимается в значении 'чувствовать себя некомфортно, неловко'. **Ковырять пальцем в носу** как и у русских, так и у французов ассоциируется с ничем не деланьем, или осуществлением дела, которое не требует больших физических или умственных затрат.

С другой стороны, фразеологизмы типа: **свалиться с луны, впитывать как губка**. Однако **впитывать как губка** у русских имеет значение 'усваивать информацию в большом объеме и полностью', у французов имеет значение 'напиваться, очень сильно поглощать в себя алкоголь'. Следовательно, компонентная оболочка фразеологизмов одна, проводимость образов одна, а ассоциативное культурологическое наполнение различно. У русских оно возникло на основе вторичной номинации данного предмета, а у французов на основе первичной номинации данного предмета.

Фразеологизм **свалиться с луны** также относится ко второй группе, так как имеет единство языковых компонентов и лексического наполнения у обоих народов, однако ассоциативный культурологический аспект различен. Так, у французов это означает 'сильно удивиться чему-либо', у русских, наоборот, 'не разбираться в чем-либо', 'не знать очевидного'. Следовательно, ассоциативный ряд в данных ФЕ различается своими коннотациями. У французов она более нейтральная, у русских исключительно с негативным оттенком.

К третьей группе относятся фразеологизмы, наиболее интересные с нашей точки зрения, которые отсутствуют в русском языке в связи с тем, что отсутствует культурологическая ассоциация, которая изначально существует во французском.

Так, например, если в русской культурной традиции существует выражение **тупой как сто китайцев** 'о глупом, неумном человеке', то во французской традиции это будет звучать **тупой, как метла**. Данная культурная ассоциация полностью отсутствует в русском языке и не имеет переводческого аналога. Если русские **пьяны в стельку**, так как культурная традиция связывает понятие пьянства с отсутствием возможности стать ровно, то французы говорят **пьян в дырку**, следовательно, в основу культурного ряда они выдвигают понятия полного отсутствия человека.

Если русский человек скажет, что он **вышел из себя**, чтобы передать свое негодование по поводу ситуации, то французы скажут, что **горчица в нос ударила**, то есть основной акцент сделан не на состоянии человека, а на его раздраженности обстоятельствами, следовательно, культурная ассоциация принципиально различна у французов и русских в данной культурной парадигме.

Французы никогда не скажут: «**меня всё достало**», у них для этого есть другая культурная ассоциация: «**я от этого пухну**», или «**это меня раздувает**». Они никогда не скажут, что ты **никчемный неумеха**, у них для этого существует оборот **он не знает, что делать со своими десятью пальцами**. То есть если в культурной традиции русских в основе «неумение» что-то произвести для определения человека, который не способен на что-то, то французская традиция во главу угла ставит концепт «незнания».

Если русские используют выражение **установился, как баран, на новые ворота** о человеке, который не понимает очевидного, то французы скажут, что **ты, как курица, которая нашла нож**. Следовательно, в русской культурной традиции глупость определяется понятием «баран» во ФЕ, а во французской культурной традиции – «курица».

Если в культурной русской традиции все, что связано с неблагодарностью в ФЕ определяется концептом «свинья», это и **метать бисер перед свиньями, не-**

благодарный как свинья, то во французской традиции этот ФЕ имеет культурологическую основу **плюнуть в суп**. У русских есть похожий фразеологизм, однако наплевательское, свинское отношение к делу определяется фразеологизмом **плюнуть в колодец**. Принципиальное различие в данных ФЕ заключается в исторических предпочтениях народов. Если в русской культурной традиции центром любого села был колодец и колодезная вода – это основа любой жизни для русского человека, то у французов на первый план выступает гастрономическая составляющая (Гукетлова Ф. Н., 2010: 44), и наибольшее оскорбление человеку доставляет все, что связано с плохим отношением к кухне и пищи. Концепт воды для русского человека очень важен, как концепт еды у французов. Так, например, французы не скажут **после дождичка в четверг**, они скажут, что готовы встретиться, когда **у курицы зубы вырастут**. Более того гастрономическая тема у французов преобладает во всех ФЕ. Так, например, французы не бывают **от горшка два вершка**, они бывают **высокими как два яблока**. Они **не изводят упреками**, они **кричат как на дохлую рыбу**. Если у русских есть ФЕ **не лезь не в свое дело**, то во французском варианте это звучит как **займись своим луком**. В русской традиции используется фразеологизм **отвянь от меня**, то у французов в основе данного фразеологизма вновь гастрономический концепт: **пойди свари яйцо**.

Если «неуклюжесть» у русских определяется концептом *слон, медведь* в ФЕ, то французов выступает другая культурная яркая парадигма всех фразеологизмов и связана она с предметами одежды и аксессуарами туалета (Железнова Ю. В., 2009: 133). Так, например, «неуклюжесть» они определяют как **две ноги в одном ботинке**.

Так, например, французы никогда не скажут **на воре и шапка горит**, они используют другую ассоциацию: **носить голову рядом с шляпой**. Так, если русские **берут с потолка**, то французы снова используют культурную парадигму предметов одежды: **взять у себя под шляпой** ‘о человеке, который что-то выдумывает или сочиняет’. Если у русских культурная традиция для одинаково мыслящих людей сводится к общему явлению, которое ими управляет, например, **муж и жена – одна сатана**, то во французской традиции общность подчеркивается выражением **две головы в одном спальном колпаке**. Если во французской традиции **быть под колпаком** – это ‘быть свободным’ и связано это с революцией и свободой, то в русской традиции **быть под колпаком** имеет противоположный смысл.

Так, например, французы никогда не скажут, что им **все равно**, они скажут, что им также это **важно, как купить первую рубашку**.

Следовательно, исторически во французской фразеологии ведущими культурологическими концептами являются концепты еды и одежды или аксессуаров, связанных с одеждой. В русской традиции преобладают концепты животных и стихий.

Литература

1. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
2. Гак, В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков / В. Г. Гак. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – 288 с.
3. Гукетлова, Ф. Н. Метафорическая номинация концепта «еда» в разных лингвокультурах / Ф. Н. Гукетлова, Ф. А. Бербекова // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2010. – №4.
4. Даль, В.И. Пословицы и поговорки русского народа / В.И. Даль. – СПб., 1997.
5. Железнова, Ю. В. Лингвокогнитивное и лингвокультурное исследование концепта «Одежда» (на материале русского и французского языков) : дис. ... канд. филол. наук 10.02.19 / Ю. В. Железнова. – Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2009.

Summary. In the article phraseological units of three groups are considered: coinciding on the translation and value, not coinciding in translation and the values which are absent in language because there is no cultural association.

All French phraseological units can conditionally be divided into two big lexical culturological groups: the calling gastronomic concepts or concepts connected with fashion and accessories.

Key words: phraseological units, translation, gastronomic concepts, concepts of fashion and accessories.

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ РЕГИСТРЫ БИБЛЕИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Е.Г. Озерова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
ozerova@bsu.edu.ru

Библеизмы в художественном тексте репрезентируют языковую и духовную память народа, поэтому являются тем регистром, с помощью которого демонстрируется когнитивно-культурный код языка, под когнитивно-культурным кодом мы понимаем комбинацию «вербальных и невербальных знаний, передающихся из поколения в поколение и представляющих собой вечные культурно-исторические ценности народа». (Озерова Е.Г., 2012: 30).

Функционирование библеизмов эксплицирует смысловую архитектуру художественного текста и иллюстрирует когнитивно-культурный код языка, поскольку Библия, по мнению В.М. Мокиенко, представляет «своеобразный духовный код» (Мокиенко В.М., 2010: 9). Библеизм как языковая единица демонстрирует смысловую законченность, вариативную воспроизводимость, семантическую и стилистическую закреплённость (Е.М. Верещагин, К.Н. Дубровина, Г.А. Лилич, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова). Национально-культурная обусловленность библеизмов в русском художественном тексте выявляется православными регистрами и художественной архитектурой мировосприятия.

Специфика функционирования библеизмов при порождении художественного текста заключается в аккумуляции православного в ментальное сознание автора. Во вступительной статье книги «Светлые страницы» А.П. Черников, характеризуя И.С. Шмелева как великого мастера слова и образа, отмечает, что его вершинными книгами стали «Лето Господне», «Богомолье» и «Родное». Эти произведения «вобрали в себя многое из человеческого и художественного опыта писателя» и ответили на вопросы: «что такое Россия и русский человек», «какова роль человека в познании себя и мира» (Черников А.П., 1995: 27).

*«Под высокой сенью светится **золотой крест** над чашей, бьёт из креста вода; из чаши черпают воду кружками на цепи. Я кричу:*

– Из креста вода!.. чудо тут!..» (И.С. Шмелев, «Богомолье»).

Смысловое пространство художественного текста И.С. Шмелева трансформируется когнитивно-прагматическими кодами в национально-культурные артефакты – светится *золотой крест*.

*«Закрываю глаза – и вижу: **золотой крест** стоит над борами, в небе. Розовое я вижу, в золоте, – великую розовую свечу, пасхальную. Стоит над борами, в небе. Солнце на ней горит» (И.С. Шмелев, «Богомолье»).*

Толковый словарь библейских выражений и слов содержит следующую дефиницию:

«Крест. Главный символ христианской религии – вертикальный стержень с поперечной перекладиной в верхней части.

Такую форму имело деревянное сооружение для казни, на котором был распят Иисус Христос. Казнь на кресте была в Древнем Риме самой жестокой и позорной. До места казни осужденный нес на себе свой крест» (Мокиенко В.М., 2010: 277).

«Нести свой крест. Книж. Терпеливо переносить страдания, испытания, выпавшие на чью-л. долю». (Мокиенко В.М., 2010: 277).

Приведем примеры из художественных текстов:

«Умей нести свой крест и веруй. Я верую, и мне не так больно, и когда я думаю о своем признании, то не боюсь жизни» (Б. Акунин, «Чайка»).

«Сам себе жену выбирал – сам свой крест и неси, на других не перекладывай» (А. Маринина, «Шестерки умирают первыми»).

«Надо жить, нести свой крест молча...» (В.М. Шукшин, «Упорный»).

Данный библеизм зафиксирован в художественных текстах следующих авторов: И.А. Гончаров, М.Е. Салтыков-Щедрин, П.И. Мельников-Печерский, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, Л.Н. Толстой, Л.Н. Андреев, К. И. Чуковский, М.М. Пришвин, В.Ф. Ходасевич, В.Я. Шишков, К.Г. Паустовский, В.Ф. Панова, К. Симонов, Ю.М. Нагибин, Л.Г. Зорин. Библеизмы не только репрезентируют когнитивно-прагматические регистры действительности, но и формируют культурное пространство русского художественного текста. Номинация «Крест» в православном сознании автора и читателя трансформируется в архетип русской духовности: **«Когда зажигает отец, – по субботам он сам зажигает все лампадки, – всегда напевает приятно-грустно: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко»** (И.С. Шмелёв, «Лето Господне»). Рассматривая символизм взаимодействия слова и звука, А.А. Потеня отмечает, что «символизм звука застаёт готовым не только звук, но и слово с его внутреннею формой» (Потеня А.А., 1999: 98). Поскольку звуковая фиксация слова не только моделирует церковное песнопение, но и способствует когнитивно-прагматической ассоциации при восприятии, обогащается семиотическое поле художественного текста.

1) **«Я учу её петь «Кресту твоему», а она его знает и начинает тихо напевать, вздыхает словно, и таким ласковым, таким затаенным и чистым голосом, будто это ангелы поют на небеси»** (И.С. Шмелёв, «Лето Господне»).

2) **«Он смотрит над головой и напевает без слов любимое – «Кресту Твоему ... поклоня-ем-ся, Вла-ды-ыко-о»...** (И.С. Шмелев, «Богомолье»).

Функционирование интертекстуальных музыкальных фрагментов демонстрирует приращение смыслов, благодаря чему текст «выходит за пределы воспринимаемого смыслового содержания номинации в историко-культурную ситуацию» (Озерова Е.Г., 2014: 32), согласно которой в середине Великого поста (3-е воскресенье) для поклонения верующих выносятся Святой Крест и поётся: **«Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение твое славим».**

Таким образом, когнитивно-прагматическая специфика библеизмов проявляется в сопряжении с прецедентными феноменами и эксплицируется посредством когнитивно-культурного кода при восприятии художественного текста.

Взаимодействие библеизма и прецедентного текста расширяет когнитивное, коннотативное и прагматическое поле художественного текста. **«Господь сказал ученикам Своим: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною»»** (Мф. 16, 24).

Прецедентный текст аккумулирует когнитивный, культурно-исторический фон произведения и является интертекстуальным кодом, носителем культурной памяти о прецедентном феномене, информационно-этнокультурным модулем, который хранится в языковом сознании автора и читателя.

Сопряжение библеизма и прецедентного текста активизирует развёртывание смыслового пространства и кодирует культурный, когнитивный и прагматический ореол художественного текста.

Несомненно, библеизмы являются важным средством экспликации тех духовных ценностей, которые отображают когнитивно-прагматическую природу текста. Данный факт способствует включению библейских выражений в художественный текст, поскольку «они несут в себе непреходящие ценности» (Iser, 1993: 29). Следо-

вательно, художественные произведения предоставляют читателю возможность раскодировать когнитивные и прагматические регистры библеизмов, заново порождать и моделировать имплицитное поле текста.

Следовательно, библеизмы во взаимодействии с прецедентным текстом демонстрируют культурно-православную эрудированность адресата, на которую ориентируется автор, поскольку «объём знаний читателя и его историко-культурную память» (Николина Н.А., 2003: 228) достаточно сложно спрогнозировать.

Таким образом, когнитивно-прагматические регистры библеизмов представляют такую систему ценностей, которая мотивирована историческими факторами и демонстрирует когнитивно-культурный статус адресата, способного актуализировать лингвистическую и экстралингвистическую информацию при восприятии художественного текста.

Литература

1. Мокиенко, В.М. Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2000 единиц / В.М. Мокиенко, Г.А. Лилич, О.И. Трофимкина. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 639 с.

2. Николина, Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Н.А. Николина. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.

3. Озерова, Е.Г. Дискурсивное пространство русского лирикопрозаического текста: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Белгород: Изд-во НИУ «БелГУ», 2012. – 40 с.

4. Озерова, Е.Г. Библеизмы как стилистические маркеры лирикопрозаического текста / Е.Г. Озерова // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки №20 (191) 2014. – Выпуск 23. – С. 28-34

5. Потебня, А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык / А.А. Потебня. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.

6. Шмелев, И.С. Светлая страница/ Сост., вступ. ст., комментарии А.П. Черникова, – Калуга: Институт усовершенствования учителей, 1995, – 648 с.

7. Iser, W. *Prospecting* / W. Iser. – Baltimore; London, 1993. – 328 p.

Summary. The article discusses cognitive-pragmatic registers of biblical expressions in the literary text. These registers represent a system of values that is motivated by historical factors and demonstrates the cognitive-cultural status of the addressee who is able to actualize linguistic and extralinguistic information when he or she perceives the literary text.

Key words: biblical expressions, cognitive-pragmatic analysis, interpretation, precedent text, implicit semantics.

ЦЕННОСТНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ КАК ФАКТОР ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППИРОВКИ РУССКИХ ПАРЕМИЙ

Н.Н. Семенов, Г.С. Кривошеев

Россия, г. Старый Оскол, Старооскольский филиал Белгородского государственного
национального исследовательского университета
nsemenenko@yandex.ru, glebuschka@mail.ru

В современной антропоцентрически ориентированной лингвистике паремии рассматриваются как языковые клише фольклорного происхождения, фиксирующие в языке стереотипное представление человека об определённой ситуации. Под термином «паремия» большинство современных исследователей понимает афоризмы народного происхождения, прежде всего пословицы и поговорки (Алефиренко Н.Ф., 2009: 240). По мнению Л.Б. Савенковой, паремия – это устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное обобщающее изречение и используемое в дидактических целях, выступающее как родовой термин к таким понятиям как «пословица» и поговорка» (Патиева М.М., Барахоева Н.М., 2016: 19).

Основной проблемный фокус лингвистического описания структуры, семантики и прагматики паремий обусловлен развитием когнитивной лингвокультурологии как научной отрасли, изучающей механизмы взаимодействия категорий языка, культуры и сознания с позиции признания феномена языкового сознания как некоего инструмента этнокультурной деятельности. При этом паремическая семантика может рассматриваться как «проводник» этнокультурного стереотипа, а её ценностно-смысловая составляющая коррелирует с системой этнокультурных ценностей, влияющей на механизмы репродукции культурной традиции.

В свете обозначенного исследовательского фокуса особое звучание приобретает проблема классификации паремий, поскольку она связана с как с проблемой определения ценностно-смысловой ориентации паремической семантики, так и с проблемой сопряжения систем культуры и этнокультурного дискурса в части выражения наиболее значимых для этноязыкового сообщества стереотипов оценки типовых ситуаций, актуальных для этноязыкового сообщества.

В классическом представлении (в соответствии с концепцией Г.Л. Пермякова), в паремиографии выделяется несколько видов классификаций паремиологических единиц: алфавитный, лексический, монографический, генетический и тематический. Под лексической классификацией понимается распределение паремий по ключевым (опорным) словам. Подобную категоризацию можно наблюдать в словарях Я. Заоралека и Е. Мргачовой и во «Фразеологическом словаре» А.И. Молоткова. Придерживаются данного принципа и составители, пожалуй, самого полного из современных паремиографических собраний – «Большого словаря русских пословиц» – В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина и Е.К. Николаева.

Монографический вид классификации основывается на размещении паремий по их месту и времени собирания или по собирателю. В классификации генетического типа основополагающим является происхождение паремии (язык, этнос). Наконец, тематическая классификация основывается на прагматической ориентации обобщённого значения паремий, позволяющей соотнести выраженную в них мораль с определённым кругом жизненных ситуаций. Именно по этому принципу и систематизировал свой «Сборник пословиц и поговорок русского народа» В.И. Даль. В предисловии к сборнику он отмечает: «Я расстриг десятки тысяч, собранных в течение десятков лет, пословиц, поговорок и тому подобных речений и, вынимая их из короба, как они попадались, обозначал на каждой одним словом значение, смысл, предмет, к коему каждая относится» (Даль В.И., 2018: 9). Этот самый «предмет», к которому относится паремия, и представляет, на наш взгляд, ведущий узел фрейма обобщённой ситуации, применительно к которому паремия выражает определённую ценностно-смысловую установку.

Следует отметить, что тематический принцип организации паремиологического сборника всегда трактовался и оценивался неоднозначно. Определённые проблемы, возникающие при работе с паремиями, систематизированными по тематическому принципу, отмечают и разработчики паремиографии как отрасли науки о языке, и современные исследователи. Так, Г.Л. Пермяков обращал внимание на определённые недостатки тематической классификации: по его мнению, «большинство пословичных изречений (собственно пословицы и поговорки) употребляются в переносном смысле, т.е. отличаются многотемностью, и потому не могут быть втиснуты в рамки одной узкой темы» (Пермяков Г.Л., 1998: 11). Данное утверждение согласуется с представлениями о поликонцептуальности семантической структуры пословицы, которая позволяет текстеме пословицы реализовывать различные прагматические рекомендации, «ориентированные» на различные фреймовые структуры (см. Семененко Н.Н., 2009: 1-2). При этом сложно не согласиться с тем, что тематический принцип организации, уходящий корнями в идею классификации языковой семантики в соответствии со сферами отображаемой действительности, согласуется с оценкой специфики номинативных единиц языка и его лексического состава (Пати-

ева М.М., Барахоева Н.М., 2016: 19). Основной же сложностью, возникающей при определении тематической принадлежности паремии в контексте применения методики когнитивно-прагматического анализа, является определение «стрелковой» для когнитивной структуры пословицы ценности.

Рассмотрим отдельные аспекты данной проблемы на примере пословиц тематической макрогруппы «Вера», зафиксированных в «Сборнике пословиц и поговорок русского народа» В.И. Даля. Так, к примеру, к одной и той же тематической группе «Вера – Грех» относятся паремии, репрезентирующие такие ценности, как I. «Осознание собственной греховности»: (1) Поговорка *Люди тёмные: не знаем, в чём грех, в чём спасенье* (Д: 85) ('невежество в вопросах веры', которое приводит к тому, что 'человек живёт, не осознавая греховности своих действий'); (2) *Нет такого человека, чтоб век без греха прожил* (Д: 85) ('каждый человек грешит в своей жизни' то есть 'не стоит считать, что твоя жизнь всегда была праведной'); (3) *Кто молится: «Помилуй, господи, мя безгрешного!» – будет в аду* (Д:85) ('человек, считающий себя безгрешным, наказуем', то есть 'не стоит считать, что твоя жизнь всегда была праведной'); (4) *Один бог безгрешен. Един бог без греха.* (Д: 85) ('все грешны, кроме Бога', то есть 'не стоит думать, что ты неподвластен греху'); (5) *Грешному путь в начале широк, да после крут (или тесен)* ('рано или поздно человек платит за свои грехи', то есть 'не стоит уповать на то, что можно грешить безнаказанно в течение всей жизни') (Даль: 86) и др. II. «Умение сопротивляться привлекательной стороне греха»: (1) *Грех сладок, человек падок* (Д: 86) ('человек подвластен соблазнительному влиянию греха' то есть 'не следует идти на поводу у греха'); (2) *Грехи любезны, доводят до бездны* (Д: 86) ('рано или поздно грешник будет наказан' то есть 'человек не должен через грехи обречать себя на муки') и др.

Такая особенность паремической семантики, как способность выражать умозаключение, ориентированное на определённый прагматический вектор, делает немаловажным её собственно аксиологический аспект. Ценность для пословицы не просто определяет её тематическую направленность, а позволяет определить фреймовую структуру её когнитивного основания, поскольку ценность осмысливается именно в контексте ситуации, лингвокогнитивным «стимулом» вербализации которой и является фрейм. Так, в последней из приведённых пословиц *Грехи любезны, доводят до бездны* (Д: 86) фреймовая структура представляет собой следствие интеграции концептов «Грешный образ жизни», «Отсутствие покаяния» и «Погибель души», а ценность «Умение сопротивляться привлекательной стороне греха», по сути, задаёт конфигурацию самого фрейма.

Следует отметить, что даже при всей кажущейся очевидности выделения ведущей для семантики пословицы ценности (прямая лексическая репрезентация в тексте пословицы) могут возникнуть определённые разночтения в её окончательной формулировке, поскольку обоснованное определение аксиологического вектора паремического текста возможно только в определённых дискурсивных условиях. К примеру, пословица *Отстанет Бог, покинут и добрые люди* (Д: 37) выражает обобщённое значение 'без милости Божьей поддержки от людей не будет', «проводником» аксиологического ориентира интерпретации данного значения может являться прагматическая рекомендация 'не терять Бога в душе, потому что люди не имеют собственной доброй воли'. В этом случае ценностное содержание концепта «Бог» связано со смыслом 'Заступник человека'. Если же дискурсивная интерпретация значения формирует прагматическую рекомендацию 'не надейся на людей – они отвернутся, когда тебя покинет удача', то содержание концепта может трактоваться как 'Божья милость'.

Таким образом, пословицы и поговорки предполагают бережное сохранение культурных и языковых традиций народа [Мокиенко В.М. 2010: 7], что обусловлено, в том числе, и способностью паремий выражать различные «границы» ценностно-смысловой окраски их семантики. Тематическая классификация при всех сложно-

стях её осуществления и многопозиционности определения самого тематического параметра тем не менее позволяет исследователю не «замыкаться» в рамках установленной автором тематической группы, а подвергнуть анализу различные смысловые аспекты, влияющие на парадигматику сборника.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и паремиология: Учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко. — М.: Флинта : Наука, 2009. — 344 с.
2. Патиева, М.М., Барахоева, Н.М. Семантическая классификация паремий ингушского и французского языков / М.М. Патиева // LINGUA-UNIVERSUM. — Назрань: Жеребило Т.В. 2016. — №1. — С. 19-22.
3. Даль, В.И. Пословицы русского народа: В 2 т. Т.1. — М.: Академичекий проект, 2018. — 615 с.
4. Пермяков, Г.Л. Основы структурной паремиологии. — М.: Наука, 1988. — 236 с.
5. Мокиенко, В.М. Современная паремиология (Лингвистические аспекты) / В.М. Мокиенко // Мир русского слова. Спб: «Общество преподавателей русского языка и литературы», 2010. — №3. — С. 6-20.

Summary. The article deals with the problem of thematic grouping of paremia from the perspective of cognitive-pragmatic approach and in the context of the problem of determining the axiological vector of paremic semantics. The value-semantic content of the proverb is interpreted in the course of revealing the generalized meaning, pragmatic significance and cognitive basis of the proverb's semantics.

Key words: paremia, proverbial semantics, value, classification of proverbs.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА КАК ЯЗЫКОВОЙ ФЕНОМЕН НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

И.И. Синельникова, Ю.Г. Синельников

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)
sinelnikova@bsu.edu.ru, sinelnikov@bsu.edu.ru

Французский язык содержит богатейший материал и предоставляет широкие возможности для фразеологического исследования. Родоначальником французской фразеологии по праву считается Ш. Балли. Заслуживают пристального внимания и вызывают неподдельный интерес работы таких французских исследователей в области фразеологии, как Морис Ра (1957, 1984, 2000), Пьер Гиро (1962), Ален Рей (1977, 1993, 2002), Софи Шантро (1993, 2002). Так, например, П. Гиро дает подробное толкование сущности фразеологической единицы (ФЕ). Для него фразеологизм – это «выражение, состоящее из нескольких слов, образующих синтаксическое и лексическое единство». Характерными признаками фразеологизма он называет: а) единство формы и значения (*unité de forme et de sens*); б) отклонение от грамматической или лексической нормы (*écart de la norme grammaticale ou lexicale*); в) особое метафорическое значение (*valeurs métaphoriques particulières*) (Guiraud P., 1962: 5).

Наиболее подробно теоретические основы фразеологии французского языка изложены в работах А. Рея. Его фразеологическая концепция основана на признании ведущей роли семантических факторов в формировании и развитии ФЕ. Для выделения объекта фразеологии А. Рей считает важнейшим семантический критерий, а именно «семантический перенос» (*transfert sémantique*) (Rey A., 1977: 193).

Французская фразеология активно изучалась отечественными лингвистами, такими, как, З.Н. Левит, Р.Л. Ляндо, А.Г. Назарян, Я.И. Рецкер, Г.Г. Соколова, И.Н. Тимескова. Работы этих исследователей посвящены различным аспектам фразеологии французского языка, исследованию и разработке её общетеоретических и частных проблем.

Термин «образ мира» впервые был предложен А.Н. Леонтьевым в 1975 году. В настоящее время образ, или картина мира (КМ) понимается как отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и поддающееся сознательной рефлексии (Леонтьев А., 1997). К основным характеристикам картины мира психологи относят её предметность, целостность, структурность, константность и категориальность. Картина мира – это целостное образование, которое непрерывно развивается и функционирует. Человек как субъект познания является носителем определённой системы знаний и представлений об объективной действительности. Картина мира является своеобразной призмой, сквозь которую преломляется мир. При всей индивидуальности её содержания люди понимают друг друга, и происходит это благодаря социализации КМ, которая осуществляется с помощью языка.

«Под картиной мира, – пишет Ю.А. Рылов в своей книге “Аспекты языковой картины мира”, – следует в самом общем виде понимать объективную действительность, постоянно меняющуюся и развивающуюся» (Рылов Ю.А., 2003: 3).

Понятие «картина мира» включает в себе идею некоторого целостного образа познаваемой действительности и целиком и полностью связано с актом познания. Картина мира существует в сознании человека и этноса в целом, поэтому она представляет собой «создаваемый человеком субъективный образ объективной реальности» (Кириллова Н.Н., 2003: 83). Она предстает для человека как «упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (групповом или индивидуальном) сознании» (Попова З.Д., 2002: 5). Человек воспринимает мир в зависимости от того, к какой общности он принадлежит, какой профессией занимается, каков его возраст и даже пол.

Лингвистика устанавливает связь КМ и языка, изучает способы фиксации мыслительного содержания средствами языка. Картина мира понимается многими современными лингвистами как исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий существенные свойства мира в понимании носителей языка и являющийся результатом всей духовной активности человека. Язык не только является частью картины мира, на его основе формируется языковая картина мира (ЯКМ), которая представляет собой этнический компонент КМ, совокупность традиций, обычаев, верований, суеверий, то, что предопределяет этнический стереотип поведения представителей того или иного этноса (Рылов Ю.А., 2003: 3).

Языковая картина мира, по мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, является разновидностью опосредованной картины мира, под которой авторы понимают результат фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами, которые материализуют существующую в сознании непосредственную когнитивную картину мира.

Языковая картина мира – это комплекс языковых средств, в которых отражены особенности этнического восприятия мира, это совокупность представлений народа о действительности, зафиксированных в единицах языка, на определённом этапе развития народа (Попова З.Д., 2002: 6). Она формируется, с одной стороны, языковыми средствами, отражающими языковые универсалии, а с другой – средствами, закрепляющими особенности национального мировидения того или иного народа. Поэтому не существует единой общей языковой картины мира, а есть множество национальных.

Языковая картина мира, отображаемая различными языками, естественным образом связывается с лексическим и фразеологическим составом языка, так как

лексемы и фразеологические единицы делят окружающую действительность на определенные смысловые участки. Фразеологизмы, как вторичные образные наименования различных реалий действительности, как продукт языкового народного творчества, являются «отдельными познавательными актами, выраженными в изолированных языковых структурах» (Дубровская О.Г., 2002: 36). Они, как яркое, экспрессивное и эмоциональное языковое средство, не только номинируют те или иные предметы и явления окружающей действительности, но и употребляются при характеристике человека, а также репрезентируют различные физические и эмоциональные состояния.

Фразеология относится к тем областям языка, которые, занимая определенное место в языковой картине мира, интенсивно участвуют в создании ее национально-специфического колорита. Образы в основе фразеологизмов являются общими для членов одного языкового социума. Поэтому во фразеологии наиболее ярко отражаются особенности национального менталитета и национальной языковой картины мира. По мнению Н.М. Шанского, фразеология представляет собой «непосредственное вербальное выражение не только окружающей человека действительности, но и её духовное национально маркированное сознание» (Шанский Н.М., 1985: 110). Поэтому ей отводится важная роль в формировании национальной языковой картины мира.

Фразеология может рассматриваться как один из способов «языкового мирозидения», что дает основание говорить о существовании в каждом языке фразеологической картины мира (Кириллова Н.Н., 2003: 84).

Фразеосемантическая система любого языка очень индивидуальна. В.Г. Гак считает, что можно разграничить национальную и культурную специфику фразеологических единиц. По мнению автора, национальная специфика определяется объективным и субъективным факторами. Объективный фактор проявляется в природе и культурных реалиях, присущих только данному народу, субъективный предполагает произвольный выбор языковых средств в различных языках для выражения одних и тех же явлений. Культурная специфика обуславливается элементами материальной и духовной культуры конкретного общества, его историей, обычаями, природно-географическими особенностями (Гак В.Г., 1999: 147). В силу этого специфической является и фразеологическая картина мира для каждого языка.

Под фразеологической картиной мира понимается «часть целостной национальной ЯКМ, описанной средствами фразеологии, в которой каждая ФЕ является элементом строгой системы и выполняет определённые функции в описании реалий окружающей действительности» (Хайрулина Р.Х., 1997: 48). Отражая объективную действительность, ФКМ одновременно представляет связи и отношения, которые существуют в реальности у определенного народа, его лингвокультурную общность и национальное самосознание. Ее изучение способствует реализации антропоцентрической парадигмы, утвердившейся, как было отмечено, в последние десятилетия в гуманитарном знании. Во фразеологии отражаются национальная культура, обычаи, верования, история народа, говорящего на данном языке. Этнолингвистические принципы исследования языка предусматривают тщательное изучение народного лексикона, в котором проявляются уникальные свойства психологии и культуры того или иного этноса.

Фразеологическую картину того или иного языка образуют идиоэтнические фразеологические единицы. Эмотивные фразеологизмы французского языка, содержащие семантический национально-культурный компонент, формируют тот сегмент фразеологической картины, который репрезентирует эмоции в языке. Так, выражение удовольствия / неудовольствия реализуется в таких фразеологических единицах, как: *boire au (petit) lait 'с удовольствием слушать похвалы в свой адрес'*; *être de bon poil 'быть в хорошем настроении'*; *être bien dans sa peau (ses baskets) 'быть в*

хорошем расположении духа'; être comme un crin 'быть раздражительным, быть вечно не в духе'.

- Nous disposons des ressources assez considérables d'ailleurs ... Je buvais du petit lait. Cet aveu! (P. Cautrat. Paris, porte à porte). – Мы располагаем довольно значительными средствами. Я наслаждался. Вот это признание!

- Sans savoir encore s'il était de bonne humeur ou de mauvais poil, Maigret grommela (J. Simenon. Mon ami Maigret). – Еще не зная, был он в хорошем или плохом настроении, Мэгре заворчал.

- ... il est comme un crin dès qu'il s'agit de son trésor (H. de Balzac. Le Cousin Pons). – ... тронь только его сокровища, он весь раскипятится.

В приведенных примерах информация о национально-культурном компоненте содержится во внутренней форме идиомы. В рассмотренных фразеологических единицах фразеолексы *lait*, *poil*, *peau*, *crin* представляют собой ядро внутренней формы, в котором заключён национальный компонент, образная составляющая фразеологизма (термин Д.О. Добровольского). Под фразеолексой мы понимаем лексему в несамостоятельной функции, с приобретенными во фразеологизме свойствами (Кириллова Н.Н., 2003: 86). Термин «фразеолекса» мы употребляем вместо «компонент ФЕ» во избежание понятийной путаницы.

Неудовольствие может быть репрезентировано также фразеологической единицей *prendre la mouche* 'внезапно рассердиться'. Фразеолекса "*la mouche*" заключает в себе национальный компонент, т.к. значение данного идиоэтнического выражения имеет истоки, связанные с деревенской жизнью Франции. Укусы животных насекомыми, например, оводами, жертвами которых становились в основном лошади и крупный рогатый скот, вызывали внезапные резкие движения этих животных. Фразеосемема образуется из аналогии с поведением животных в таких ситуациях.

- ... Le petit monsieur regardait toujours Tartarin... A la fin le Tarasconnais prit la mouche (A. Daudet. Tartarin de Tarascon). – ... Маленький господин всё глядел на Тартарена. Наконец, тарасконца взорвало.

Подобным образом сложилось фразеологическое значение выражения *mettre (ficher, foutre) qn en boule* (разг.) 'разозлить, вывести из себя', которое также связано с поведением некоторых животных, их способностью собираться в клубок в случае опасности или гнева (еж, кошка).

- Je parie qu'encore avant ce soir nous aurons un coup de téléphone du jeune M. Cromières. Encore un qui avait le don de mettre Maigret en boule (G. Simenon. Maigret et les vieillards). – Держу пари, что ещё до наступления вечера нам позвонит молодой господин Кромьер. Еще один, кто способен выводить Мэгрэ из себя.

Фразеологическая картина мира – это микромир в языке, имеющий свои специфические черты и в плане содержания, и в плане выражения. Ее формируют языковые средства различных уровней: лексического, грамматического, стилистического. Она имеет такие аспекты, как: закреплённые в языке результаты интеллектуальной обработки человеческим сознанием информации о мире; отражение философских категорий, формирующих мировоззрение народа. Это универсальная, образная система особых языковых единиц, передающих особенности национального мировидения. Ее отличительными признаками являются: универсальность, антропоцентризм, экспрессивность. С одной стороны, ФКМ представляет собой фрагмент языковой картины мира, с другой – языковой феномен национально-культурного наследия. Будучи национально специфичной, ФКМ одновременно является универсальной для всех языков. Универсальность ее проявляется в плане формальной организации фразеологических единиц (наличие общеязыковых фразеобразовательных моделей) и в плане семантики (нетождественность целостного значения идиом значению их компонентов), в общности тематики фразеосемантических полей для описания отдельных фрагментов мира. Во фразеологии любого языка отра-

жаются ценностные характеристики эпохи, общества, человека, его внутреннего мира, чувств и эмоций.

Литература

1. Гак, В.Г. Национально-культурная специфика фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры: по материалам междунар. симпоз., Москва, 8-10 июня 1998 г. / отв. ред. В.Н. Телия. – М., 1999. – С. 260-268.
2. Дубровская, О.Г. О наивной картине мира русских // Язык. Время. Личность: материалы междунар. конф. – Омск, 2002. – С. 35-38.
3. Кириллова, Н.Н. Фразеология романских языков: этнолингвист. аспект. СПб.: РГПУ, 2003. – 319 с.
4. Леонтьев, А.Н. Лекции по общей психологии: учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Смысл, 2000. – 509 с.
5. Попова, З.Д. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Истоки, 2002. – 60 с.
6. Рылов, Ю.А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. – Воронеж, 2003. – 272 с.
7. Хайруллина, Р.Х. Картина мира во фразеологии: темат.-идеограф. систематика и образ.-мотивац. основы русских и башкирских фразеологизмов: дис... док. филол. Наук. – М., 1997. – 536 с.
8. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие для вузов. – М.: Высш. шк., 1985. – 160 с.
9. Guiraud, P. Les locutions françaises. – 2e éd. – Paris: Presses Universitaires de France, 1962. – 122 p.
10. Rey, A. Le lexique: images et modèles: du dictionnaire à la lexicologie. – Paris: A. Colin, 1977. – 307 p.

Summary. The article deals with the problem of the world phraseological picture as a linguistic phenomenon of the national and cultural development. It is possible to represent the ethnic and cultural characteristics of the linguistic world picture and create a holistic image of the ethnos reality, using the example of the French world phraseological picture which acts as a means of the connection between the world picture and any language, as a part of a global world picture, a stereotype of a certain people behavior.

Key words: phraseological picture of the world, national and cultural development, French phraseology, translation, lexical semantics.

ХАРАКТЕРИСТИКА МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ И СЛОВАЦКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ¹

Л. Степанова, Л. Гаярски

Словакия, г. Трнава, Университет им. св. Кирилла и Мефодия
ludmila.stepanova@ucm.sk, lukas.gajarsky@ucm.sk

Материальное положение человека является одной из его важнейших характеристик и нередко определяет его статус в обществе. Неудивительно поэтому, что обороты концепта «Богатство – Бедность» составляют значительную часть фразеологических фонтов европейских языков. В настоящей работе мы остановимся на фразеологических единицах данного концепта в русском и словацком языках. Мы ставим перед собой цель выявить тождественные или близкие фразеологические единицы и неповторимые, национально-специфические фразеологизмы. Материал для исследования был почерпнут нами из «Русско-чешско-словацкого словаря фразеологических синонимов» (Stěpanova L., Fojtů P., Jankovičová M. 2014), вышедшего в Университете им. Палацкого в Оломоуце.

¹Publikácia je jedným z výstupov projektu KEGA 013UCM-4/2017 *Vymedzovanie špecifik modelu „ruského sveta“ v ruskom jazyku, literatúre a kultúre.*

В данном синонимическом поле выделяются следующие синонимические ряды:

1) ФЕ со значением 'быть очень богатым, иметь много денег': русск. *денег куры не клюют у кого, купаться в золоте, грести (загребать) деньги лопатой, ворочат миллионами, денег девать некуда кому, денег как грязи у кого*, слов. *tá peňazí ako pliev, topiť sa v peniazoch, nevie čo s peniazmi* и др. Как видим, богатство однозначно ассоциируется с обладанием большим количеством денег.

В этой же группе можно выделить и ФЕ с несколько иной образной основой: *толстый (тугой, полный) кошелёк у кого; толстая (тугая, полная) мошна у кого; мешок с деньгами*, слов. *tá plnú peňaženku (kešeňu; zastar. mešec); tá plné vrecká peňazí*.

2) ФЕ со значением 'жить богато, быть состоятельным, свободным, неограниченным в средствах': русск. *жить как барин (баринком); жить как пан (паном); жить как король (королём)*, слов. *žiť si ako pán; žiť si ako [malý] kráľ; mať sa (žiť si) ako gróf; žiť si ako pán veľkotožný*.

К этому ряду примыкают ФЕ с несколько отличным значением 'жить в достатке, в довольстве': русск. *как сыр в масле кататься; [жить] полным домом; дом – полная чаша у кого, жить на широкую (на большую, на барскую) ногу*; слов. *mať sa ako prasa v žite, mať sa ako červík v syre; žiť [si] (mať sa) ako v raji; mať raj na zemi; žiť na vysokej (veľkej) nohe*.

3) Следующую группу составляют обороты, характеризующие богатого, но неэкономного человека, транжиру: русск. *он швыряет деньги на ветер, он швыряется деньгами*, слов. *vyhadzuje peniaze do vzduchu, rozhadzuje peniaze*.

4) О человеке богатом, но постоянно всем недовольном говорят: *с жиру бесится*, слов. *nevie, čo má od samej radosti robiť*.

5) К синонимическому ряду фразеологизмов со значением 'богатый' тесно примыкают обороты, обозначающие человека, занимающего высокое общественное положение; богатого, важного человека: русск. *важная птица, птица высокого полета, сильные мира сего, власть (власти) предержавшие*, слов. *veľké zviera, veľká ryba*.

Некоторые фразеологизмы данной группы требуют особого комментария. Так, ФЕ *сильные мира сего* заимствован из Псалтыри, где говорится: «Не надейся на князи и сильные мира сего» (108 псалм). Как уже известно, во время перестройки в русском языке возродились многие обороты, восходящие к Библии и другим книгам Священного Писания. При фразеологизации некоторые из них претерпели сложные семантические сдвиги и в современном русском языке имеют совсем другое значение. Так, выражение *власть (власти) предержавшие* восходит к посланию апостола Павла к римлянам: «Всяка душа властям предержавшим да повинуется» (13, 1-5). Слово *власть* здесь имело значение 'страна, область' (ср. слов. *vlast'*), а *предержавший* – причастие от глагола *предержати* – 'править, управлять'. Таким образом, *повиноваться властям предержавшим* означало 'повиноваться правителям этой области'. Это выражение имеет долгую историю существования в русском языке. Еще в 1056 г. в Остромировом евангелии было написано: «Изяславу же князюу тогда предръжащоу обе власти, и отца своего Ярослава и брата своего Владимира». Здесь это выражение еще имеет прямое, а не переносное значение (Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л. И., 2005: 102). В современном русском языке фразеологизм *власть (власти) предержавшие* воспринимается как 'люди, имеющие власть' и употребляется как синоним слов *власть, правительство*.

Интересна также история стоящего несколько особняком фразеологизма *ехать (гнаться) за длинным рублем* – 'гнаться за большим и легким заработком'. Сочетание *длинный рубль* связано с историей русской денежной единицы. В виде серебряных монет рубль появился в 1704 г. при царе Петре I. Но само слово *рубль* и эта денежная единица были известны еще с XIII века. Тогда слово *рубль* обозначало кусок, отрубленный от серебряной гривны, служившей основной денежной единицей в

Древней Руси. Гривна представляла собой слиток серебра весом в 1/2 фунта, т.е. около 200 гр. Для удобства этот слиток разрубался на 4 части – «руба». Если разрубающий ошибался и один из рубов получался более длинным, то кому-то везло – он получал более ценный «длинный рубль», не затратив для этого никаких усилий.

В концепте «Бедность» выделяются следующие синонимические ряды:

1) ФЕ со значением 'быть очень бедным, не иметь абсолютно ничего': русск. *беден как церковная крыса, гол как сокол, устар. гол как турецкий святой, книж. беден как Иов, беден как Лазарь, ни кола, ни двора у кого*, слов. *chudobný ako kostolná myš, nemá ani strechu nad hlavou*.

До сих пор достоверно не объяснено происхождение фразеологизма *гол как сокол*. Современные носители русского языка воспринимают слово *сокол* как *сокол* – название птицы, мотивировка выражения для них утрачена. Наиболее убедительная версия, однако, доказывает, что здесь имеется в виду не птица, а *сокол* – старинное орудие из чугуна или железа в форме длинного бревна, которым разбивали стены вражеских городов. Такое «голое» – т.е. имеющее гладкую поверхность бревно подвешивали на железных цепях и, раскачивая, прошибали им крепостные ворота или каменные стены (Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И., 2005: 654; Фелицына В.Ф., Мокиенко В.М., 1999: 259-260).

2) Следующая группа ФЕ имеет значение 'быть очень бедным, совсем не иметь денег': русск. *нет ни гроша (ни копейки, ни копы, ни полушки, ни алтына [за душой], ветер свистит (гуляет) в карманах; в одном кармане смеркается, в другом зоря занимается; в одном кармане вошь на аркане, в другом блоха на цепи*, слов. *ne má ani groš (ani halier, ani grajciar, ani korunu), má prievan (vietor) v reňazénke; má jedno vrecko prázdne a druhé vysypané*.

И в русские, и в словацкие фразеологизмы данного ряда входят наименования денежных единиц, которые в составе ФЕ приобрели обобщенное значение 'ничтожно малая, бесценная монета, денежная единица'. Интересно, что во фразеологии продолжают жить и давно устаревшие наименования исчезнувших монет: *полушка* – старинная медная монета, стоившая половину московской деньги, а деньга равнялась половине копейки, т.е. *полушка* – это четверть копейки; *алтын* – монета достоинством три копейки; само слово *копейка* возникло потому, что на этой монете, выпущенной в 1534 г., был изображен всадник с копьём. Поэтому – *ни копейки* или *ни копы*.

Не менее интересна также история наименований словацких денежных единиц. Так, наименование денежной единицы *groš* возникло от *grossus denarius* (так назывались новые французские монеты, выпущенные Людовиком IX). В Словакии и Чехии гроши начали чеканить в 1300 г. при Вацлаве П. Грош был тогда весьма уважаемой монетой (*za kráľa Holca bola za groš ovca!*). От немецкого *Grösschel* – малый грош – возникло слово *grešľa, vindra* – это искаженное *Wiener Pfennig*, т.е. венская монета и т.п.

3) С названными фразеологизмами тесно связаны ФЕ со значением 'жить очень бедно, впроголодь': *целкать зубами, класть/положить зубы на полку, питаться воздухом, питаться манной небесной, книж. сидеть на пице св. Антония, затягивать пояс, поджимать живот, мыкать жизнь, биться как рыба об лед, еле сводить концы с концами, перебиваться из кулька в рогожку*, слов. *utiahnúť si opasok, trieť biedu, žiť z ruky do huby (úst)*.

4) Нужно заметить, что с расслоением современного общества на богатых и бедных вновь активизируются ФЕ, которые, как казалось, навсегда канули в Лету. Это, например, ФЕ со значением 'нищенствовать, просить милостыню': *идти/ходить по миру (с сумой), стоять/ходить с протянутой рукой, идти на паперть, стоять на паперти, устар. просить Христа ради, устар. кормиться Христовым именем, устар. славить Христа, chodiť po žobrote, chodiť o žobráckej palici, chopiť sa žobráckej palice, ísť s prosíkom, chodiť od domu k domu*.

Как видим, язык чутко реагирует на изменения в жизни общества. Возвращаются не только устаревшие слова (*сума* – нищенская торба, сумка; *паперть* – место перед входом в церковь, где обычно стоят нищие), но и ФЕ.

В русском языке рубежа XX–XXI веков концепт «Богатство – бедность» обогатился многими новыми фразеологическими единицами. Это, напр., обороты *быть в шоколаде* – ‘жить в достатке, благополучии’, *рубить (сшибать) бабки (бабло)* – ‘зарабатывать много денег’, *развести на бабки кого* – ‘обманом выманить деньги у кого-л.’; *попасть на бабки* – ‘оказаться обманутым, заплатить деньги’; *отмывать деньги, капусту полоскать* – ‘легализировать нечестные доходы’. Неологизмы возникают и на основе существовавших фразеологических единиц. Так, устоявшимся можно признать фразеологизм *зарабатывать на хлеб с икрой*, который отличается от общеупотребительного *зарабатывать на хлеб* своей семантикой: если *зарабатывать на хлеб* означает ‘добывать своим трудом средства для существования’, то *зарабатывать на хлеб с икрой* имеет значение ‘«зарабатывать много денег, быть состоятельным», ср.:

... сейчас Адашева сама зарабатывает на хлеб с икрой, все у нее ладится хорошо, бизнес стабилен, в партнерах старая знакомая, почти подруга, Катя растет... Д. Донцова. *Экстрим на сером волке*.

Новый фразеологизм возник и на основе оборота *спускать / спустить в унитаз что* ‘впустую тратить средства’, в последних материалах Интернета все чаще употребляется ФЕ *работать на унитаз (горшок)* ‘зарабатывать мало, тратить всю зарплату на пропитание’:

Он мотался по командировкам, гробил здоровье в самолетах, поездах и гостиницах, чтобы прокормить и одеть трех баб: жену, маму и тещу. Впрочем, особого достатка у Звонаревых никогда не имелось, Костя трудился на унитаз. Д. Донцова. *Третий глаз – алмаз*.

Мы действительно работаем на унитаз: разве мы не спускаем в унитаз свою зарплату? ... В буквальном смысле слова? А куда деваться? Кушать нужно, причем регулярно и желательно – вкусно. А чтобы не спускать деньги в унитаз, нужно научиться экономить их. На еде! Скажете – это невозможно? А вот и нет. Примите несколько советов (<http://www.medpulse.ru/health/prophylaxis/diet/19705.html>, дата обращения – 3.2.2019).

Итак, наш анализ показал, что фразеологические единицы концепта «Богатство – бедность» в русском и словацком языках в целом сопоставимы. Основные образы поля «Богатство» отражают: большое количество денег (*денег куры не клюют*), набитый кошелек (*толстая мошна у кого*), полный дом, жизнь высокопоставленных лиц (*жить барином*), райскую жизнь, транжирство (*бросать деньги на ветер*), но и самодурство (*с жиру бесится*). Поле богатства пересекается с важным положением в обществе (*важная птица*), силой и могуществом (*сильные мира сего*).

Бедность отражается в образах отсутствия денег (*ни полушки*), отсутствия дома (*нет крыши над головой*), пустых карманов (*в одном кармане вошь на аркане, а в другом блоха на цепи*), наготы (*гол как сокол*), голода (*питаться манной небесной*), страданий (*биться как рыба об лед*), затянутого пояса, нищенствования (*пойти с сумой*) и др. Образы отдельных фразеологизмов данного концепта могут отличаться национальным своеобразием, напр. *как сыр в масле кататься* и *mať sa ako prasa v žite*, *mať sa ako červík v syre* или *кормиться Христовым именем* и *ísť s prosíkom* др.

Присутствуют здесь и национально-специфичные фразеологизмы как, например, следующие обороты, отражающие полное отсутствие денег: *финансы поют романсы* или *стрень брень с горошком*.

Любопытно, что хотя лингвистами уже давно доказано, что во фразеологии преобладают единицы, отражающие негативные стороны жизни, фразеологические концепты «Бедность» и «Богатство» в количественном отношении довольно уравни-

вешены. По нашему мнению, это свидетельствует о том, что не только бедность, но и большое богатство (а именно такое отражено фразеологией) не воспринимается народом как позитивное качество, а, наоборот, осуждается.

Литература

1. Бирих, А.К., Мокиенко, В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. – Москва: Астрель, 2005. – 927 с.
2. Телия, В.Н.: Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Языки русской культуры, 1996. – 286 с.
3. Фелицына, В.П., Мокиенко В.М. Школьный фразеологический словарь. Москва: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 384 с.
4. Smiešková, E. Malý frazeologický slovník. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1989. – 270 s.
5. Stěpanova, L., Fojtů, P., Jankovičová, M. Rusko-česko-slovenský slovník frazeologických synonym. – Olomouc: Vydavatelství Univerzity Palackého v Olomouci, 2014. – 394 s.

Summary. The paper deals with the analysis of Russian and Slovak idioms about richness and poverty. We aim to identify identical or similar phraseological units as well as unique, national-specific phraseological units. Our analysis showed that the phraseological units as a whole are comparable. The field of richness intersects with an important position in society, strength and power.

Key words: Russian and Slovak idioms, national specifics of idioms, phraseological etymology.

Раздел 2. КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ: ПОЗНАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

ПОЗНАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ О ПРАВДЕ

О.Б. Абакумова

Россия, г. Орел, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
abakumova-ob@mail.ru

Познание и интерпретация действительности посредством языка осуществляется через процессы ее концептуализации и категоризации. Представляется интересным проследить, как эти процессы проявляются в пословицах, которые отражают универсальные и национально-специфические характеристики такого сложного явления, а точнее субъективного человеческого понятия, как *правда*. Очевидно, что в данном случае нам не обойтись без пословичного концепта и тех семантических категорий, которые отражаются его концептуальными признаками.

Расширенный аппарат падежной грамматики в ее референциально-ролевом варианте (Ван Валин Р., Фоли У., 1982; Van Valin, 1993), в первую очередь семантический падеж «квалитатив», дающий характеристику объекту через семантику предиката и второго актанта и/или сирконстанта, дает возможность описать универсальные и национально специфические свойства сопоставляемых явлений в двух языковых культурах (Абакумова О.Б., 2013). Опираясь на данные русских и английских словарей, мы выявили около 600 русских пословиц и более 80 английских единиц, репрезентирующих концепт «ПРАВДА/TRUTH» в русском и английском пословичных фондах и паремических дискурсах. Применив к ним аппарат семантических падежей, мы выявили онтологические, аксиологические, гносеологические и модальные признаки концептов. Метод семантических ролей помогает обнаружить типовые тематические фреймы, отражающие стереотипные ситуации, представленные во внутренней форме пословиц, осмысление которых связано с системой ценностей данной культуры.

Представляется обоснованным различать два пословичных концепта. Под пословичным концептом 1 (национально-культурным, коллективным, лингвоконцептом) в данной работе понимается концепт-стереотип, отражающий культурное представление о ценности, названной данным абстрактным именем. Это целостная ментальная единица, конфигурация культурно значимых признаков, которые можно выявить через анализ семантических ролей, выполняемых именем в пословичных знаках, представляющих типовые ситуации (фреймы). Национальную специфику такого концепта составят специфические для данной культуры (качественно или количественно) семантические роли абстрактного имени в типовых ситуациях-фреймах, представленные семантическим падежом «квалитатив».

Пословичный концепт 2 (индивидуальный, конкретно-ситуативный концепт) имеет в большой степени индивидуальную природу, так как использование пословицы является в данном случае результатом оценки говорящим ситуации, как референтной, так и коммуникативной, пословица служит средством для реализации его коммуникативной стратегии. Такой пословичный концепт больше напоминает реализуемый замысел говорящего (ср. понимание концепта как «зародыша», «источника», «зачатия»), в котором соединяются его коммуникативная стратегия и тактика, обобщенная оценка ситуации, которую говорящий хочет передать или внушить слушающему в определенном контексте общения, и иллокутивная сила высказывания, связанная с намерением говорящего. Этот пословичный концепт опирается на

пословичный концепт первого типа (ПК1), на его ценностную составляющую, но может ее и не учитывать, если это не совпадает с намерениями говорящего (Абакумова О.Б., 2013).

В данной статье мы рассмотрим пословичный концепт «Правда» на материале русских и английских пословиц о правде.

Онтологические признаки концепта «Правда» представлены следующими падежными категориями.

Квалитатив вечности, неизменности представляет ситуацию, в центре которой находится явление, существующее вне времени и никогда не меняющее своих свойств. Речь идет о высшем Принципе, Законе существования, который неизменен. *Всё минется, одна правда останется. Правда есть, так правда и будет. Truth never grows old. Truth is always green.*

Квалитатив единственности связан с ситуацией, где представлен объект, который характеризуется своей уникальностью, поскольку отражает единственное реально имевшее место положение дел, реальные факты. *Правда одна, а на всех ее хватает. Truth is always one.*

Квалитатив сокровенности отражает такое свойство объекта, которое указывает на его скрытое существование, на необходимость усилий для его обнаружения. *Всяк правду знает, да не всяк ее бает. Truth lies at the bottom of a well. Truth hides in an ugly pool.*

Русский пословичный концепт раскрывает диалектичность явления и выявляет в нем и такие противоположные указанным характеристики, которые не отражаются в английских пословицах и представляют национальную специфику русского концепта:

Квалитатив изменчивости представляет ситуацию, центральный элемент которой меняет свои качества в разных обстоятельствах. *Была когда-то правда, а ныне стала кривда. И ложь правдою статься может.*

Квалитатив множественности выявляется в ситуациях, где речь идет о субъективности интерпретации фактов в зависимости от того, кто их сообщает. *И твоя правда, и моя правда, и везде правда – а где она?*

Следующая падежная категория представлена в английских паремиях в большей степени, чем в русских.

Квалитатив открытости, простоты представляет ситуации, отражающие очевидность существования описываемого явления. *Правда не боится света. Правду не спрячешь. Truth's best ornament is nakedness. Truth fears no trial. Truth needs no colours. Truth is a naked lady. Truth seeks no corners.*

Эта падежная категория занимает промежуточное положение между онтологическими и аксиологическими признаками, здесь мы уже наблюдаем приписывание абстрактному явлению чисто человеческих характеристик: прямооты, храбрости, прямолинейности через использование аллегории, особенно в английском языке, где эта категория очень многочисленна.

Аксиологические признаки, содержащие оценку исследуемого явления в двух культурах на фоне присущей каждой из них системы ценностей, представлены следующими падежными категориями.

Квалитатив (высшей) ценности, который представляет ситуацию, в центре которой находится высоко оцениваемый объект, причем, в русских пословицах преобладает эмоциональная оценка, в английских – рациональная. *Правда да вера светлее солнца. Truth has always a sure bottom.*

В русском языке, в отличие от английского, фиксируется падежная категория с противоположным значением: **квалитатив бесполезности, ненужности**, который характеризует объект в рамках отрицательно оцениваемой проблемной ситуации в связи с неуверенностью говорящего в ее положительном разрешении. *Хороша святая правда, да в люди не годится. Правдою богат не будешь.*

Среди других аксиологических признаков необходимо выделить **«квалитатив силы, могущества»**. Фрейм представляет проблемную ситуацию, положительно оцениваемую говорящим в связи с его уверенностью в торжестве справедливости, оптимистичным взглядом на жизнь. *Правда в огне не горит и в воде не тонет. Правда 12 цепей разорвет. Truth is mighty and will prevail. Truth will conquer, falsehood will kill. Truth will come to light.* Русские поговорки опять проявляют свою специфику в наличии категории с противоположным значением **«квалитатив слабости, беззащитности»**.

Фрейм низкой качественной оценки объекта, которая опять связана с неверием субъекта оценки в возможность положительного решения проблемы.

Правда истомилась, лжи покорилась. И правда тонет, когда деньги всплывают. Правдой ни молотить, ни везать.

Третья важная аксиологическая категория **«квалитатив опасности, нежелательности»** является одной из самых представительных в англоязычном пословицном фонде, но она выявляется и в русских пословицах: *За правду-матку ссылают на Камчатку. За правду да на смерть что на солнце: во все глаза не взглянешь. Правда глаза колет. Truth breeds hatred. Follow not truth too near the heels, lest it dash out thy teeth. The truth always hurts.*

Квалитатив странности, необычности. Описывается нестандартная ситуация, в которой разрушаются стереотипные представления об объекте, его свойствах и возможностях: *И то бывает, что овца волка съедает. Truth is stranger than fiction.*

Наиболее представительной и значимой для русского языка является группа **модальных признаков**, где «прескриптив нравственного поведения» берет верх над «квалитативом необходимости существования»:

Прескриптив нравственного поведения описывает ситуацию прямого воздействия говорящего на слушающего, где дидактическая функция пословиц реализуется эксплицитно. Это самая большая в количественном отношении русскоязычная категория. *Чего себе не хочешь, того и другим не твори. Неправдою свет пройдешь да назад не воротишься. Хлеб-соль ешь, а правду режь. Не рои под людьми яму, сам ввалишься. Better speak truth rudely than lie covertly.*

Квалитатив необходимости существования наблюдается в ситуациях с объективной оценкой событий, где говорящий призывает к нравственному поведению, но уже в имплицитной форме. *Без правды века не изживешь. Без правды не житье, а вытье. Лучше горькая правда, чем ложь.*

Национальная специфика русского концепта проявилась и в падежной категории русских пословиц **«квалитатив адаптивного поведения»**, которая выявляется в ситуациях, где люди стремятся приспособиться к существующему положению дел, не выступая открыто в защиту своих интересов. В этом фрейме, как ни в каком другом, проявляется социальная принадлежность русского концепта беспорядочному классу крестьянства. *Не плачь по правде, обживайся с кривдой. Правда свята, а мы люди грешные. Всяк человек ложь, и мы тож.*

Национальная специфика пословицных концептов проявилась и на уровне **гносеологических признаков**. **Источники правды** в английских пословицах имеют эмпирическую природу. Это доступность через опыт (*The tongue of experience utters the most truth*), через верность традиции (*What is new cannot be true*), через целенаправленные усилия (*Truth lies at the bottom of a well; Truth hides in an ugly pool*) и др. В русском языке национально специфическими оказались следующие **источники правды**: **«квалитатив принадлежности высшим силам»**: *За правду Бог и добрые люди. Правда свята на небо взята. Правда живет у Бога, а кривда на земле. Правда Божья, а воля царская*, а также доступность через ссору и наказание (*Мошенники повздорили – и правда наружу; Не скажешь подлинную, так скажешь подноготную*), через письмо (*Письмо не товарищ, а правду скажет*), через пение

(Песня – правда, сказка (басня) – ложь), через ощущение счастья (Где правда, там и счастье).

Качественную специфику русского концепта представляет «**отрицательный локатив**». Говорящий отрицательно оценивает ситуацию, не верит в социальную справедливость. *Нет правды на свете. Ищи ветра в поле, а правду – на дне морском.*

В ядре английского стереотипа лежат онтологические признаки и рациональная оценка действительности: факты реальной действительности и Закон существования, преобладает рациональная оценка объекта. В ядре русского пословичного стереотипа онтологические признаки уступают место аксиологическим, преобладает эмоциональная оценка: факты и закон жизни вытесняются стремлением к идеалу, высшей ценности, порядку, основанному на справедливости, честности. Русская правда – это Истина, которая познается через веру, откровение, и Этика, в центре которой стоит человек, живущий в обществе, с его материальными нуждами и потребностями. Доказательством этому служат две падежных категории ядерных аксиологических признаков, так же противопоставленных друг другу, как и все остальные в русском паремическом дискурсе: 1) **квалитатив справедливости** выявляется в ситуациях, где говорящий объективно-положительно оценивает ситуацию (рациональная оценка), фиксирует причинно-следственные связи между явлениями или действиями и указывает слушающему на его ошибки или комментирует промахи третьего лица (*Сам заварил кашу, сам и расхлебывай. За ушко, да на солнышко. Любишь кататься, люби и саночки возить и др.*; 2) **квалитатив отсутствия справедливости** показывает отношение пессимистически настроенного говорящего, отчаявшегося в решении своих проблем (*Не всяк судит по праву, иной и по криву. Руки согрешат, а спина виновата*).

Рассмотрим два примера реализации смысла пословицы в дискурсе с применением модели КДМ (Абакумова О.Б., 2013), демонстрирующих пословичный концепт 2-типа.

Разберем пословицу ***Ищи ветра в поле, а правду на дне морском*** (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2011).

(а) *Коммуникативная составляющая*: желая дать тебе совет прекратить поиски объекта,

(б) *Констативная составляющая*: я говорю: невозможно найти ветер в поле;

(в) *Экспрессивная составляющая*: я думаю, ты понимаешь, что это верно, справедливо;

(г) *Регулятивная составляющая*: сделай вывод: не стоит зря тратить время.

Рассмотрим пример употребления английского аналога этой пословицы в тексте рассказа А.Э. По «Убийство на улице Морг».

Truth lies at the bottom of a well (Truth is hard to find).

He impairs his vision by holding the object too close. He might see, perhaps, one or two points with unusual clearness, but in so doing he necessarily lost sight of the matter as a whole. Thus there is such thing as being too profound. Truth is not always in a well. In fact, as regards the whole important knowledge, I do believe that she is invariably superficial (Poe).

Коммуникативная составляющая. Говорящий объясняет слушающему обстоятельства дела, которые касаются таинственного предмета, сыгравшего важную роль в расследовании преступления, и хочет сказать, что важная информация может находиться на поверхности, но, чтобы понять, в чем дело, нужно принимать в расчет все детали и обстоятельства одновременно. Это собственно коммуникативная стратегия, хотя говорящий трансформирует базовую форму пословицы и меняет таким образом ее смысл на противоположный (Правду не так уж трудно найти). Оператор: *желая убедить тебя в возможности найти разгадку*.

Констативная составляющая. Говорящий говорит то, что думает и для чего у него есть доказательства. Пропозиция высказывания представлена предикатом *lie(s)*. Это двухместный предикат. Логическая структура: что? лежит где? Семантический класс глагола: локативное состояние. Значение глагола в сочетании с абстрактным именем «существует, м/б найден, находится в определенном положении и т.д.» (COD, 1982).

Тематические отношения: *truth* – тема, *well* – место. Место – общий термин для семейства отношений (источник, путь, цель, реципиент) (Van Valin R.Jr, 1993; Кибрик А.А., Плунгян В.А., 2002). *Колодец* метафорически используется для обозначения одного из источников правды (PDP, 2000) и должен показать, что ее найти нелегко.

На уровне внутренней формы (образный фрейм) абстрактное имя *truth* реифицируется, уподобляется объекту, который спрятан где-то глубоко, и его трудно достать. Образ колодца часто используется в английских сказках, он связан с чудесными тайнами и движением вниз, а вода ассоциируется с опасностью. Герои английских сказок никогда не спускаются вниз.

На уровне окказиональной ситуации референтом *правды* являются скрытые от глаз невнимательного зрителя факты, связанные с таинственным предметом. Ситуация оценивается говорящим позитивно, он оптимистично настроен, уверен в положительном результате расследования.

На уровне обобщенного фрейма значение пословицы показывает отношения между предметом и его свойством (см. первый инвариант пословичных значений по Г.Л. Пермякову) (Пермяков Г.Л., 1979). Оператор: *я говорю, что правда не всегда лежит на дне колодца, иногда она находится на поверхности.*

Экспрессивная составляющая. Говорящий хочет раскрыть известные ему факты, но представить дело как несложное, демонстрируя свои интеллектуальные способности, поэтому оценивает случай как не очень тяжелый. Модальность эпистемическая, поскольку говорящий знает факты, верит в свои способности раскрыть дело, уверен в результате. Его оценка ситуации положительная. *Иллокутивная сила* высказывания представляет собой утверждение (констатив) по форме, но совет, рекомендацию по сути. Это косвенный речевой акт. Прагматический пик – *truth*, фокус интереса говорящего имеет предикативную и сентенциальную структуру. Оператор: *я думаю, ты понимаешь, что это соответствует действительности.*

Регулятивная составляющая. Говорящий создает такие интересубъективные отношения, когда он получает власть над слушающим, описывая ему детали расследования, которые ему удалось получить методом дедукции. Пословица в его устах только подтверждает его положение лидера. Используя пословицу, он заставляет слушающего выявить деонтические нормы в семантике пословицы «Следует быть очень осторожным и внимательным, чтобы узнать правду» (это утилитарные нормы реализма). Прагматический пик высказывания – правда, актуальный фокус интереса говорящего предикатный, связан с источником правды, которая не всегда спрятана глубоко (*not always in a well*), и одновременно сентенциальный, поскольку смысл сказанного становится ясен только с опорой на известную пословицу и ее культурную символику. Оператор: *сделай вывод: нужно приложить усилия, чтобы узнать правду.*

Литература

1. Абакумова, О.Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе: Автореф. дис. док. филол. наук. – Орел, 2013. – 45 с.
2. Ван Валин, Р., Фоли, У. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике / Под общ. ред. А.Е. Кибрика. – М.: Прогресс, 1982. – Вып. X1. – С. 376-411.
3. Кибрик, А.А., Плунгян, В.А. Функционализм // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. – М.: УРСС, 2002. – С. 276-339.
4. Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. Народная мудрость. Русские пословицы. – М.: ЗАО «Олма Медиа Групп», 2011. – 416 с.

5. Пермяков, Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока: Систематизированное собрание изречений двухсот народов. – М.: Наука, 1979.

6. COD – The Concise Oxford Dictionary of Current English. 7th ed. By J.B. Sykes. Bombay: Oxford University Press, 1982.

7. PDP – Fergusson, R. The Penguin Dictionary of Proverbs. 2nd ed. London: Penguin Books, 2000.

8. Van Valin, R. Jr. A Synopsis in Role and Reference Grammar // Advances in Role and Reference Grammar / Ed by R. D. Jr. Van Valin. – Amsterdam: Benjamins, 1993. – Pp. 1-164.

Summary. The paper deals with interpretation of semantics and pragmatics of proverbs revealing proverbial concept of Truth in Russian and English paremic discourse. The extended apparatus of role-and-reference grammar helps to bring out thematic roles the name of concept plays in semantic structure of proverbial sentence-utterance and thus reveal conceptual features of Truth in Russian and English linguistic culture.

Key words: proverbial concept, discourse, qualitative, pragmatics of proverbs.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА» В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

О.И. Андрейченко

Россия, г. Симферополь, Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского
oksana1_24.ua@mail.ru

Л.Ф. Щербачук

Россия, г. Симферополь, Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского
lidiya_shch1@mail.ru

Проблемы познания мира в их неразрывной связи с языком всегда привлекали внимание ученых, однако все более актуальным в когнитивном аспекте становится изучение особенностей фразеологической номинации – «экспрессивно-образного знакообозначения, которое передает ценностно-смысловое отношение к потенциально важной информации субъекта познания, которое может быть не только индивидуальным, но и коллективным» (Алефиренко Н.Ф., 2008: 68).

Порождение и восприятие фразеологизмов связано с возникновением предзнаковых форм накопления и хранения информации (находится в фразеобразующей базе) и её преобразование в смысловую структуру фразеологизма. Такой предзнаковой формой является внутренняя форма фразеологической единицы (ФЕ). Н.Ф. Алефиренко внутреннюю форму ФЕ интерпретирует «как деривационно-семантическую категорию, связанную с планом выражения фраземы, с соответствующим её компонентным составом» (Алефиренко Н.Ф., 2008: 50). Б.А. Плотников понятие внутренней формы во фразеологизмах объясняет как особую метафорическую образность и экспрессивность языкового выражения повторяющихся типичных фактов, явлений, событий, ситуаций (Плотников Б.А., 1988: 16).

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения лингвокогнитивного ментального пространства и особенностей его языковой реализации с помощью фразеологизмов «как «ниши» для хранения культурной информации (М.Л. Ковшова, В.Н. Телия), прагматического потенциала фразеоресурсов языка» (Ломакина О.В., 2018: 72).

Изучение и обобщение стереотипных фразеологических моделей, с помощью которых рационально или образно закодирован человеческий опыт, обеспечит более глубокое понимание особенностей взаимосвязи языка и сознания в контексте исследования целостного процесса познания мира. И.Б. Иванова предлагает термин «фразеологизированный стереотип» – коммуникативную единицу, фиксированную матрицу сознания в ментальном фрагменте, представленную как лингвальный фразеологизированный комплекс, схематизированный стандарт, целостно воспроизводимый, репрезентирующий традиционные представления народа. Такие стереотипы оформлены по законам определенного языка и культурной традиции, они – воплощение опыта познания действительности определенной группой людей (Иванова И.Б., 2008: 14). Выявление и анализ таких стереотипных составляющих фразеологии должно, по нашему мнению, происходить в единстве когнитивного (отображение модели фиксации опыта фразеологизмами) и собственно лингвистического (роль языковых средств в построении фразеологической модели) аспектов исследования.

Цель статьи – проанализировать типичные когнитивные модели ФЕ русского и украинского языков, объективирующие концептосферу «Деятельность человека».

Когнитивная фразеология – это способ репрезентации знаний, одна из сложных ментальных структур представления мирового знания. Дж. Лакофф назвал их идеальными когнитивными моделями (Lakoff G., 1987: 68). Такое понимание фразеологизма связано с анализом регулярного использования в языке одной концептуальной сферы на обозначения другой: первая квалифицируется донорской (область источника), а другая – реципиентной (сфера мишени) (Lakoff G., 1987: 41). Вслед за Дж. Лакоффом, А. Ланглотц определяет сферу-источник как буквальное значение фразеологизма, или же внешнюю форму выражения, а сферу-цель – как значение фразеологизма, то есть названный ФЕ фрагмент действительности (Langlotz A., 2006: 66). Отношение между этими двумя сферами реализуют особенности мировосприятия и специфику категоризации и кодификации знаний носителями языка.

Таким образом, когнитивный анализ фразеологизмов с семантикой ‘деятельность человека’ предполагает выборку ФЕ, обобщенно обозначающих фрагменты действительности; выделение семантических особенностей таких фразеологизмов; выявление и характеристику типичных моделей корреляции *внешняя форма – семантика фразеологизма*, т.е. специфики соотношения между донорской зоной и реципиентной зоной; установление национально-культурных стереотипов представления трудолюбивого человека средствами фразеологии. «Концептуальный анализ предполагает также когнитивную характеристику компонентного состава фразеологических единиц» (Щербачук Л.Ф., 2011: 158).

Концептосфера «Деятельность человека» в русской и украинской фразеологических картинах мира представлена следующими продуктивными донорскими зонами:

Донорская зона «Части тела человека». По мнению Е.А. Селивановой, одной из базовых концептосфер сознания является человеческое тело, обозначения частей которого используется для наименования других концептосфер (Селиванова Е.А., 2004: 83). Соматизмы в составе ФЕ используются как метонимические обозначения человека, его профессиональной деятельности: рус. *очумелые ручки* – ‘учитель труда’ (Мокиенко В.М., 2007: 586), *говорящая голова* – ‘телекомментатор’ (Мокиенко В.М., 2007: 136), *железный нос* – ‘политработник в исправительно-трудовом учреждении’ (Мокиенко В.М., 2007: 448). Следует отметить, что в восточнославянских языках соматизм *рука* в составе ФЕ, обозначающих человека-профессионала, употребляется во множественном числе. Здесь имеет значение именно метонимическое обозначение обеих рук: ср. рус. *золотые руки* (Мокиенко В.М., 2007: 579), укр. *золоті руки* (СФУМ, 2003: 768-769).

В основе ФЕ с компонентами-соматизмами лежит образное представление о потере физических сил, здоровья после тяжелой работы. Повреждены могут быть

внутренние органы, в основном сердечно-сосудистая (*вытягивать (тянуть, выматывать) жилы из кого-то, рвать жилы*) и пищеварительная (*надрывают пуп (пупок), пупок развязывается / развяжется у кого-то, рвать / порвать кишки*) системы.

Соматизм **голова** и её партоним **мозг** – органы мыслительной деятельности человека, соответственно во фразеологии ассоциируются с умственной работой: рус. *ворочать мозгами* – ‘выполнять умственную работу’ (Мокиенко В.М., 2007: 406), *парить мозги* – ‘выполнять умственную работу’ (Мокиенко В.М., 2007: 407); укр. *крутити мізками (мозгом, головою і т.ін.)* – ‘думати, мислити’ (СФУМ, 2003: 403), *мізки перецищаються* – ‘хто-небудь стає розумнішим’ (СФУМ, 2003: 491), *голова варить, мати голову на плечах, голова пухне* – ‘виконувати розумову діяльність’ (СФУМ, 2003: 180–182). **Рука** – орган физического труда, поэтому во фразеологии она соотносится с тяжёлой, изнурительной физической работой: рус. *рвать руки* – ‘выполнять тяжелую физическую работу’ (Мокиенко В.М., 2007: 581), *работать не покладая рук* – ‘усердно, напряженно работать’ (Мокиенко В.М., 2007: 575); укр. *обривати руки* – ‘важко фізично працювати’ (СФУМ, 2003: 764), *рвати руки* – ‘дуже важко, над силу працювати’ (СФУМ, 2003: 763), *працювати не покладаючи рук* – «невтомно працювати» (СФУМ, 2003: 666).

Леворукость во фразеологии отождествляется с некачественным выполнением работы, даже ленью. Например, в украинском языке ФЕ *дві ліві руки мати* обозначает ленивого человека (Добролюбожа Г.М., 2010: 151). Зато одновременное владение как левой, так и правой рукой ассоциируется с мастерством и хорошей профессиональной подготовкой: рус. *на все руки годный (гож)* – ‘умелый, трудолюбивый’ (Мокиенко В.М., 2007: 579), *мастер на все руки* – ‘человек, умеющий всё делать, способный на всякое дело’ (Мокиенко В.М., 2007: 386); укр. *на обидві руки кувати* – ‘вміти все зробити’ (Ужченко В.Д., 2005: 272), *на всі руки майстер* – ‘людина, яка все вміє робити, тямуща у всякому ділі’ (СФУМ, 2003: 460).

Как видим, ФЕ с компонентом **рука** в обеих лингвокультурах вербализируют когнитивную модель «Человек – это инструмент», с помощью которого субъект оперирует предметами окружающего мира и воздействует на него» (Андрейченко О.И., 2018: 72). Компонент **рука** репрезентирует стереотипы: желание / нежелание работать (*руки чешутся / руки сверблять*), указание на качество работы, уровень мастерства (*золотые руки / золоті руки*), характеристику скорости выполнения работы (*на живую руку / на швидку (скору) руку (руч)*), признак деятельности (*не покладая рук / не покладаючи рук*) (Гоннова Т.В., 2003).

Компонент-соматизм **нога** в русской и украинской фразеологии также соотносится с работоспособностью человека: рус. *расправлять ноги* – ‘приниматься за работу’ (Мокиенко В.М., 2007: 442); укр. *вертітися (крутитися) на ногах* – ‘невтомно працювати’ (СФУМ, 2003: 554).

Донорская зона «Мир животных» стала источником для фразеологизмов *работать как вол*, *работать (трудится, вкалывать, пахать) как ишак* – ‘трудится до изнеможения’ (ФСРЯ, 2007: 379); *брать быка за рога* – ‘решительно приступать к какой-либо работе’ (Ларионова Ю.А., 2014: 27); *вертеться (кружится) как белка в колесе* – ‘быть в беспрестанных хлопотах, заботах, занятиях’ (ФСРЯ, 2007: 60); *биться как рыба об лед* – ‘настойчивые, но напрасные усилия (безрезультатная деятельность)’ (Ларионова Ю.А., 2014: 120); *тянуть kota за хвост* – ‘нарочито затягивать дело, оттягивать время’ (Ларионова Ю.А., 2014: 312); *комар носа не подточит* – ‘сделать работу отлично’ (Ларионова Ю.А., 2014: 278); *работать (трудится) как пчелка* – ‘интенсивно работать’ (Ларионова Ю.А., 2014: 379).

В украинском языке трудовую деятельность человека вербализируют фразеологизмы с компонентами-зоонимами **віл**, **кінь**: *працювати як віл*; *робити як чорний віл*; *гарувати як віл*; *працювати як кінь*; *робити як коняка*; *гарувати як кінь у кираті*; *гнути шию як віл у ярмі*; *все в роботі, як віл у ярмі*.

В.В Жайворонок считает, что конкретизатор «ярмо» символизирует покорность, зависимость, рабство; с волом в ярме сравнивают человека, который несёт непосильную ношу, тяжело и покорно работает, не получая от такой работы удовлетворения, ср.: *накладати ярмо на шию; сунути голову в ярмо; надівати ярмо на карк; накидати на себе ярмо; у ярмі ходити; тягти ярмо* (Жайворонок В.В., 2006: 664).

Качественный признак 'тяжелый, изнурительный труд' ассоциируется в русской и украинской фразеологических картинах мира с образом-эталонном разных видов рабочего скота (**вола, шиака, коня**), которых использовали как тягловую силу: *работать как вол / робити як чорний віл; работать (трудится, вкальывать, пахать) как шшак; працювати як кінь*. По мнению А. Мелерович и В. Мокиенко, «сравнение с лошадей в русском языке в целом имеет усилительно-увеличительное значение – *пьет как лошадь, работает как лошадь*» (Мелерович А.М., 2001: 208). Однако этот вывод можно распространить, во-первых, на ряд языков, во-вторых, в целом на часть зоосравнений (в русском языке – *работать как вол, лошадь, мул, шшак, зверь* (Горбачевич К.С., 2004: 180).

Значение 'усердное выполнение работы' эксплицируют ФЕ *муравьиная работа, работать (трудится) как муравей, работать (трудится) как пчела (пчелка)*. Усердие непосредственно связано с трудолюбием: *трудолюбивый (прилежный) как муравей (мураш), трудолюбивый (прилежный) как пчела (пчелка)*; в украинском языке это ФЕ с зоонимом **комаха**: *працьовитий як комашка* (Юрченко, 1993: 74).

Донорская зона «Аретфакты». Важную группу составляют символы, образующие «национальные ядра симболяриев тематической группы артефактов (такие, которые в наивной картине мира осмысливаются именно как вещи)» (Левченко Е.П., 2007: 279). В терминах артефактов вербализируются концепты, связанные с деятельностью, действиями, эмоциями, интеллектом человека. Так, например, в русской фразеологической системе с помощью компонента **лапоть** представлена деятельность человека, в частности нежелание работать, бездействие: *в лапоть звонить* (Мокиенко В.М., 2007). Некультурность, отсталость, неумелость, проживание в нищете, соответственно, нежелание работать, отражены в ФЕ русского и украинского языков: *лаптем ши хлебать* (ФСРЯ, 2007: 507), *плести (плесть) лапти* (ФСРЯ, 2007: 322); *укр. дурний як лапоть, як лапті в'яже* (Юрченко О. С., 1993: 81).

Таким образом, концептосфера «Деятельность человека» – это сложное ментальное образование, частично репрезентированное в языковой картине мира фразеологизмами. ФЕ, вербализирующие данную концептосферу в русском и украинском языках, симметричны. Большинство фразеологизмов в обеих лингвокультурах номинируют деятельность или бездействие человека, субъекта трудовой деятельности в соответствии с родом занятий, характеризуют работника и его трудовую или интеллектуальную деятельность. Структура концептосферы «Деятельность человека» представлена соматической, зооморфной и артефактной донорскими зонами. Мотивация большинства ФЕ с соматическими компонентами связана с функциональными свойствами частей тела человека, жестами и позами, при которых задействованы соматизмы. Русская и украинская зоофразеология сохраняет древнейшую мифологическую форму восприятия мира – анималистическую: в основе фразеологического образа лежит метафорическая модель «животный мир – мир человека». В составе ФЕ с компонентами-артефактами используются традиционные для определённого ареала предметы. На примере артефактной донорской зоны можно наблюдать асимметрию прототипных представлений об артефактах в русском и украинском языках, специфику использования фразеологизмов этой группы в каждой лингвокультуре.

Характеристика отдельных когнитивных моделей ФЕ (соматической, анималистической и артефактной) является лишь частью общего описания фразеологической макромоделю «Деятельность человека», которая даст возможность детально

представить особенности стереотипизации действительности в русской и украинской лингвокультурах.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма: монография. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – 152 с.
2. Андрейченко, О.И. Когнитивный анализ фразеологизмов с семантикой 'трудовая деятельность' (на материале словаря современной русской фразеологии) // Межкультурные коммуникации: русский язык в современном измерении: тезисы докладов участников международной научной конференции. – Симферополь, 2018. – С. 71-74.
3. Иванова, І.Б. Фразеосемантичне поле «життя / смерть»: національні стереотипи та їх кореляції: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. – К., 2008. – 22 с.
4. Гоннова, Т.В. Социокультурные характеристики концепта «труд» в русском языковом сознании: дис. ... канд. филол. Наук. – Волгоград, 2003. – 217 с.
5. Горбачевич, К.С. Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель»; ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 285 с.
6. Добролюба, Г.М. Фразеологічний словник говірок Житомирщини. – Житомир: ПП Туловський, 2010 – 404 с.
7. Жайворонок, В.В. Знаки української етнокультури: словник-довідник. – К.: Довіра, 2006. – 703 с.
8. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Русский язык, 2000. – 537 с.
9. Ларионова, Ю.А. Фразеологический словарь современного русского языка. – М.: Аделант, 2014. – 512 с.
10. Левченко, О.П. Символи у фразеологічних системах української та російської мов: лінгвокультурологічний аспект: дис... док. філол. наук / Національна академія держ. управління при Президентові України. Львівський регіональний ін-т держ. управління. – Львів, 2007. – 465 с.
11. Ломакина, О.В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: монография. – М.: РУДН, 2018. – 344 с.
12. Мелерович, А.М., Мокиенко, В.М. Фразеологизмы в русской речи: Словарь. – М.: Русские словари, Астрель, 2001. – 856 с.
13. Мокиенко В.М., Никитина, Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ЗАО «ОЛПА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
14. Плотников, Б.О. Внутрішня форма мовних одиниць і їх зміст // Мовознавство. – 1988. – № 5. – С. 8-16.
15. Селіванова, О. Нариси з української фразеології (психологічний та етнокультурний аспекти): монографія. – К.-Черкаси: Брама, 2004. – 276 с.
16. Словник фразеологізмів української мови / НАН України, Ін-т укр. мови, Укр. мов.-інформ. фонд; (уклад.: В.М. Білоноженко та ін.; відп. ред. В.О. Винник). – К.: Наук. думка, 2003. – 786 с.
17. Ужченко, В.Д., Ужченко, Д.В. Фразеологічний словник східнословобожанських і степових говірок Донбасу. – (5-е вид.). – Луганськ: Альма-матер, 2005. – 348 с.
18. Фразеологический словарь русского языка / Сост. А.Н. Тихонов. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2007. – 334 с.
19. Щербачук, Л.Ф. Репрезентация социолінгвокультурного концепта ТРУД (ПРАЦЯ) в украинской фразеологии // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие. – Великий Новгород, 2011. – С. 156-160.
20. Юрченко, О.С., Івченко, А.О. Словник стійких народних порівнянь. – Х.: Основа, 1993. – 176 с.
21. Lakoff, G. Women, Fire and Dangerous Things. – Chicago, L., 1987. – 632 p.
22. Langlotz, A. Idiomatic Creativity: A Cognitive-Linguistic Model of Idiom-Representation and Idiom Variation in English. – Amsterdam-Philadelphia, 2006. – 325 p.

Summary. The article provides a cognitive analysis of phraseological units that verbalize the conceptual sphere «Human activity». The structure of the macromodel is represented by somatic, zoomorphic and artifact donor zones, reflecting various aspects of human activity and con-

firming the anthropocentric nature of phraseology. The research is conducted on the material of the Russian and Ukrainian languages.

Key words: concept sphere, phraseological representation, cognitive aspect, donor zone, Ukrainian language, comparison, semantic motivation.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК СОСТАВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КАРТИНЫ МИРА (АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Н.Ю. Арзамасцева

Россия, г. Курск, Курский государственный университет
n_arz@mail.ru

Во фразеологическом составе любого языка хранится многовековой опыт трудовой и духовной деятельности народа, его история, нравственные ценности, религиозные воззрения и верования (Алефиренко Н.Ф., 2009: 6). Во фразеологии картина мира проявляется наиболее ярко, самобытно. Фразеологические единицы (далее – ФЕ) выступают в качестве *медиатора аксиологической картины мира*, т.е. единицы языка, отражающей связь между ценностными ориентациями индивида и его лексиконом. В 90-е гг. XX в. зародилось новое направление в лингвокультурологии с философским названием – аксиологическая лингвистика, предметом изучения которой стали ценности. Большое количество исследований, посвященных проблеме отражения ценностей человека во фразеологии, подтверждают ее важность (Арзамасцева Н.Ю., Бороздина И.С., 2014; Багаутдинова Г.А., 2007; Максимец С.В., 2015).

Результаты ранее проведенного нами экспериментального исследования (Арзамасцева Н.Ю., 2014) показывают, что на функционирование ФЕ в индивидуальном лексиконе оказывают влияние ценностные направленности современной личности. Так, в ходе эксперимента было зарегистрировано большое количество ответов в виде имен прилагательных с оценочной семантикой, положительной или отрицательной коннотацией. Например, *jmdn. um die Ecke bringen (убить к-л.) – mutig (отважный); auf der faulen Haut liegen (бить баклуши) – ein sehr ausgeglichener (очень уравновешенный), zufriedener und freundlicher Mensch (довольный и приветливый человек), liebevoll (любящий), liebenswürdig (любезный), anständig, aber auch naiv (порядочный, но в то же время наивный)*. Данные прилагательные, полагаем, наглядно отражают обстановку в обществе, ценностные установки современного человека. Так, убийство сегодня может ассоциироваться с отвагой, а лень – с уравновешенностью, приветливостью, порядочностью и наивностью.

Полученные экспериментальные данные также показали, что важную роль в жизни современного индивидуума играет материальное положение. Этот факт получил отражение в следующих дефинициях ФЕ: *auf grossem Fusse leben (жить на широкую ногу) – schön wär's, viel Geld ausgeben (было бы здорово, тратить много денег), ist gut (хорошо), mein Wunsch (моя мечта)*. Кроме того, интерес представляют следующие интерпретации указанной ФЕ: *Haus (дом), gemütliches Haus (уютный дом), grosses Haus (большой дом), mein Haus (мой дом)*. Данные толкования были получены исключительно от представительниц женского пола, т.к. в сознании большинства женщин дом, домашний очаг и все, что с ним связано, является приоритетным и важным. Большинство информантов восприняли предложенный стимул с опорой на личностный опыт и сформировавшуюся ценностную картину мира. Так, картина мира информантов в данном случае раскрывается через его собственные личностные смыслы.

Очевидна роль технического прогресса среди ценностных приоритетов человека в современном мире глобализации и информатизации. Проблема влияния новых технологий на языковую картину мира является для современной лингвистики

одной из наиболее актуальных. Цифровые технологии, спецэффекты, виртуальная реальность, интернет становятся элементами языковой реальности, оказывающей существенное воздействие на психологию личностного восприятия лексики. Высокая значимость указанного экстралингвистического феномена для носителей языка отразилась в таких субъективных дефинициях, как: *in Kontakt bleiben* (контактировать) – *soziale Kontakte* (социальные контакты), *Handy* (мобильный телефон), *Computer* (компьютер); *aus der Haut fahren* (выйти из себя) – *Windows* (виндовс), *Computer* (компьютер), *wenn etwas funktioniert nicht* (когда что-то не работает).

Еще одним интересным фактом, полученным в ходе проведения эксперимента, стали ответы на английском языке, предложенные немецкоязычными информантами. В современном мире английский язык занимает ведущее место, является языком международного общения. Такое положение дел не может не отразиться на структуре ментального лексикона индивида и его картине мира. Так, на ряд ФЕ-стимулов были получены следующие дефиниции на английском языке: *mit jmdm. auf du und du stehen* (быть с к-л. на ты) – *clever* (умный); *arbeiten auf Teufel komm' raus* (работать до чертиков) – *Work-a-holic* (трудоголик); *etwas in den Griff bekommen* (приобрести навык в ч-л.) – *managen* (управлять); *sein Herz an jmdn. verloren haben* (влюбиться в к-л.) – *Black-out* (затемнение). В связи с растущей мобильностью людей языки начали смешиваться, «скрещиваться». Так, в отношении немецкого общества это так называемый «денглиш», который представляет собой искусственно возникшее слово, состоящее из двух частей: «Deutsch» (немецкий язык) и «Englisch» (английский язык). Такие денглиш формы были в достаточном количестве зафиксированы и в полученных нами ответах: *durch die Finger sehen* (смотреть сквозь пальцы) – *cool sein* (быть хладнокровным); *auf dem Laufenden sein* (быть в курсе) – *up to date sein* (быть современным); *mit jmdm. auf du und du stehen* (быть с к-л на ты) – *sich bei Events blicken lassen* (появляться на событиях).

Второй этап экспериментального исследования (2018) дал целый ряд «политических» реакций: *es ist jmdm. Wurst* (к-л все равно) – *Politik, Krim* (политика, Крым); *sich grün und blau ärgern* (разозлиться) – *Krim, Migranten* (Крым, мигранты); *mit jmdm. auf du und du stehen* (быть с к-л на ты) – *Russland und Türkei* (Россия и Турция); *auf grossem Fusse leben* (жить на широкую ногу) – *Präsident* (президент); *etwas durch die Blume sagen* (говорить намеками) – *Poroschenko* (Порошенко); *jmd. hat alle Hände voll zu tun* (у к-л много работы) – *Merkel* (Меркель); *schlank wie eine Tanne* (стройный) – *Ivanka Trump* (Иванка Трамп).

Как показал эмпирический материал, большую важность у носителей языка приобретают определенные группы лексики. Часто привычные слова и термины в субъективных дефинициях заменяются на более популярные и «модные»: *auf dem Laufenden sein* (быть в курсе) – *aktuelles wissen* (знать актуальное); *besonderen Wert auf etwas legen* (придавать ч-л. большое значение) – *Qualität* (качество), *etwas eine hohe Priorität zuweisen* (придавать ч-л. высокий приоритет), *fokussieren* (фокусировать); *arbeiten auf Teufel komm' raus* (работать до чертиков) – *Zeitdruck* (нехватка времени). Примерами «современной лексики» являются слова *aktuell* (актуальный), *Qualität* (качество), *Priorität* (приоритет), *fokussieren* (фокусировать), *Zeitdruck* (нехватка времени). Подтверждают нашу мысль и дефиниции *Partner* (партнер), *Partnerschaft* (партнерство), полученные на стимул *jmd. sitzt j-m an der Seite* (стоять горой за к-л.). В данных толкованиях ФЕ наблюдается тенденция к замене «старой» лексемы на «новую»: *wichtig* (важный) – *aktuell* (актуальный), *Freund* (друг), *Kollege* (коллега) – *Partner* (партнер) и др.

Таким образом, логика полученных в ходе экспериментального исследования реакций и их интерпретаций автором позволила выявить следующие группы ценностей, неизбежно «вписывающихся» в картину мира современного человека:

- личностные (домашний очаг, материальное положение, профессия);
- общие (цифровые технологии, спецэффекты, виртуальная реальность, Интернет);

- связанные с языком (английский язык, скрещенные формы английского и немецкого языков – «денглиш»);

- «политические» (имена политиков, членов их семей; политические события).

Полученные результаты позволяют утверждать, что аксиологическая и фразеологическая картины мира индивида тесно связаны между собой и находятся в состоянии постоянного, непрерывного взаимного влияния.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и паремиология: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.

2. Арзамасцева, Н.Ю., Бороздина И.С. Влияние общекультурных и личностных ценностных ориентиров на функционирование фразеологических единиц в индивидуальном лексиконе // Жизнь языка в культуре и социуме-4. Материалы конференции. – М., 2014. – С. 75-77.

3. Арзамасцева, Н.Ю. Специфика функционирования фразеологических единиц в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование): дисс. ... канд. филол. наук. – Курск, 2014. – 211 с.

4. Багаутдинова, Г.А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты: дисс. ... док. филол. наук. – Казань, 2007. – 333 с.

5. Максимец, С.В. Ценности лингвокультурного сообщества в зеркале фразеологии: дисс. канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2015. – 166 с.

Summary. In the paper the question about the phraseological units as the mediators of the phraseological picture of the world is considered. The results of the psycholinguistic experimental research are described.

Key words: phraseological units, linguistic picture of the world, axiological picture of the world, comparison of phraseological units.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РЕЛИГИОЗНОГО ХРИСТИАНСКОГО ДИСКУРСА: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Е.Ю. Балашова

Россия, г. Саратов, Саратовская государственная
юридическая академия
balashovaelena@yandex.ru

Современные исследователи приходят к выводу, что именно дискурс является той средой, где смыслопорождающий потенциал метафоры реализуется наиболее ярко (Бакиев А.Г. 2017; Балашова Е.Ю. 2014; Баранов А.Н. 2003; Самигуллина А.С. 2014). Метафора всегда дискурсивна, поскольку в дискурсе она приобретает систему уникальных смыслов. Тексты, составляющие дискурс, «образуют единое концептуальное пространство, которое от текста к тексту расширяется и формирует всё более объёмную, многоуровневую среду, «благоприятную» для развития метафорических смыслов» (Бакиев А.Г., 2017: 681). Самигуллина А.С. полагает, что «дискурс способствует конкретизации метафорического смысла, с одной стороны, а также помогает эффективнее раздвинуть содержательные границы интерпретационного компонента с другой» (Самигуллина А.С., 2014: 174).

В статье проводится когнитивно-прагматический анализ базовых метафорических моделей русскоязычного православного и англоязычного протестантского субдискурсов на материале электронных корпусов русского и английского языков. Исследуемые метафорические модели принадлежат концептуальному полю «Надежда», которое является компонентом лингвокультурной доминанты «Вера», «Надежда», «Любовь», представляющей собой своеобразный концептуальный и

лингвофилософский стержень всего религиозного христианского дискурса в целом и выполняющей при этом дискурсоформирующую функцию.

Анализ метафорических сочетаний с опорным компонентом «надежда» по материалам церковно-богословского подкорпуса Национального корпуса русского языка позволил выявить блок метафорических моделей, функционирующих в концептуальном поле **надежда** в православном субдискурсе. К таковым следует причислить:

1) **надежда > свет:**

– Ниспали или еле тлеют **светильники** Древних Православных Церквей, чья надежда – только на продолжающую гореть, пусть слабо и чадающее, свечу Церкви Российской;

– Страшно, для всего мира страшно, если действительно скоро сдвинется с места и **угаснет светильник** Церкви Российской, последняя надежда Вселенской Церкви Христовой;

– Уединённая молитва Преподобного Сергия, несшего своё послушание Святой Троице, **озаряла** святой надеждой будущее нашей родины.

2) **надежда > тепло:**

– Нынешний праздник с новой силой **возгревает** в нас веру, надежду и любовь.

3) **надежда > огонь:**

– Жить без надежды человек едва ли может, но **воспламениться надеждой**, когда она уже **угасла**, – и увидеть эту надежду поруганной порой бывает невыносимо;

– **...вместо отчаяния может** загореться **надежда...**

4) **надежда > вода:**

– ...за тем малым, что он нам говорит – целое **море** боли, горя, нужды, надежды на нашу отзывчивость;

– И в этом отношении, даже когда в нас есть только крупица веры, только искра любви, только **капля** надежды, мы можем с уверенностью сказать, что встреча совершится.

5) **надежда > жизнь:**

– **Из тысячелетия в тысячелетие это ожидание то росло, то блекло, но всё время** живой струёй в ветхозаветном Израиле бежала надежда и **бежало** ожидание.

6) **надежда > сокровище:**

– По причине каких-то обстоятельств он стал бедным, несчастным нищим, на при этом сохранил богатство веры, главное **сокровище** которого – надежда на Бога.

7) **надежда > звук:**

– ...есть псалмы, которые звучат как **крик, вопль отчаяния**, или как **крик недоумения**, или как **звон**, полный надежды, или, наоборот, как момент отчаяния и растерянности;

– Из глаз, из звука голоса **звучит** и надежда и страх...

Роль «базовой концептуальной метафоры» выполняет метафорическая модель **надежда > свет**, объективированная наибольшим количеством контекстов и входящая в ядро концептуального поля **надежда** в православном субдискурсе. Околоядерную область занимают метафорические модели **надежда > огонь**, **надежда > звук**, тогда на ближней периферии находится модель **надежда > вода**. Наконец зона дальней периферии представлена моделями **надежда > тепло**, **надежда > жизнь**, **надежда > сокровище**.

Лингвокогнитивный анализ блока метафорических моделей телеономного концептуального поля **надежда** позволяет сгруппировать их в понятийные гиперкластеры: «Биологический мир» и «Вещественный мир». Так, гиперкластер «Биологический мир» представлен 2 кластерами:

1) физические факторы: **надежда** > **свет**, **надежда** > **тепло**, **надежда** > **огонь**, **надежда** > **жизнь**, **надежда** > **звук**;

2) природные феномены: **надежда** > **вода**.

Гиперкластер «Вещественный мир» содержит метафорическую модель **надежда** > **сокровище**.

По данным Британского Национального корпуса (далее BNC) метафорические сочетания с опорным компонентом «hope» образуют следующие метафорические модели в английском языке:

1) **надежда** > **оружие**:

– **weapons** of faith by showing that it is possible to have a balanced, intelligent faith which offers **hope** and healing;

– **helmets** of molten lead, throbbled in hope...

2) **надежда** > **жизнь**:

– They're keeping **hope alive**, that's all.

3) **надежда** > **исцеление**:

– **injection** of hope.

4) **надежда** > **крыло**:

– ...but those who hope in the Lord will renew their strength, they will **soar on wings like eagles**, they will run and not grow weary, they will walk and not be faint.

5) **надежда** > **свет**:

– Perhaps it will provide **a beacon of hope** for future generations...;

– “And **the star**” – he tipped his head in the general direction of **the galaxies** – “is **the perfect symbol for the hope** it brings because, **like a star**, it is **glimpsed** most clearly from the corner of the eye”;

– Eventually came **a glimmer of hope**;

– **The ray of hope** came as his grieving wife left his bedside to attend her mother's funeral;

– He ended by saying that the prospect of a Labour government was **a beacon of hope** for millions of striving and oppressed people throughout the world;

– The only **ray of hope** which the BDDA perceived in the report was Dr. Eichholz's call for “a close study of all methods of communication”...

– “You know what this means, don't you?” she responded, a sudden access of **hope lighting up** her face;

– Theda's eyes **lit with sudden hope** and she turned eagerly towards her.

6) **надежда** > **путь**:

– *For the Christian who is living in the shadow of Advent, this life is no longer a “cul-de-sac” but **a road of hope**, because God has taken up residence here.*

Как и в православном субдискурсе универсальной метафорической моделью телеономного концептуального поля **hope** в протестантском субдискурсе является модель **надежда** > **свет**, объективированная наибольшим количеством сочетаний (8). Кроме того, в сочетаниях, представляющих указанную метафорическую модель, можно наблюдать определённую контекстную устойчивость функционирования метафор «a beacon of hope» (маяк надежды) и «the ray of hope» (луч надежды). Метафорическая модель **надежда** > **оружие** также относительно устойчива в текстах BNC и функционирует в концептуальном поле **надежда** в околоядерной области, тогда как модели **надежда** > **жизнь**, **надежда** > **исцеление**, **надежда** > **крыло**, **надежда** > **путь** находятся на дальней периферии концептуального поля **hope** в английском языке. Сопоставительный анализ средств метафоризации православно-го и протестантского субдискурсов позволил выявить блок базовых метафорических моделей, входящих в дискурсообразующие телеономные концептуальные поля **вера** / **faith** и **надежда** / **hope**. К таковым следует причислить модели **надежда** / **вера**

> свет, надежда / вера > жизнь, надежда / вера > крыло, надежда / вера > оружие, надежда / вера > тепло, надежда / вера > огонь, надежда / вера > путь.

Лингвокогнитивный анализ метафорических моделей концептуального поля **hope** в протестантском субдискурсе позволяет объединить их в понятийные гиперкластеры «Биологический мир», «Вещественный мир» и «Онтологические сущности». Так, гиперкластер «Биологический мир» представлен кластером «Физические факторы» (**надежда > жизнь, надежда > свет**) и кластером «Части тела» (**надежда > крыло**). Гиперкластер «Вещественный мир» включает кластер «Предметы человеческой деятельности» (**надежда > оружие**). Наконец гиперкластер «Онтологические сущности» содержит метафорическую модель **надежда > путь**. Метафорическая модель **надежда > исцеление** представляет собой пограничный тип, поскольку она может быть причислена как к гиперкластеру «Человеческая деятельность», так и к гиперкластеру «Онтологические сущности».

Гиперкластеры «Биологический мир» и «Вещественный мир» носят универсальный характер, поскольку они были зафиксированы как в православном, так и в протестантском субдискурсах, тогда как гиперкластер «Онтологические сущности» характерен только для протестантского субдискурса.

Таким образом, изучение метафорических моделей дискурса и их последующая когнитивная группировка позволяют выявить глубинные механизмы дискурсивной метафоризации, их национально-культурную специфику, а также определить универсальные параметры переосмысления ключевых понятий и ценностей всего религиозного христианского дискурса представителями русскоязычной и англоязычной лингвокультурных сообществ.

Литература

1. Бакиев, А.Г. Дискурс как среда для продуцирования метафорических смыслов // Доклады Башкирского университета. – 2017. – Т. 2. – №4. – С. 679-683.
2. Балашова, Е.Ю. Концептуальные поля ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ в религиозном христианском дискурсе (на материале текстов Национального корпуса русского языка) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – №23 (352). – С. 5-9.
3. Баранов, А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. – 2003. – №2. – С. 73-94.
4. Британский Национальный корпус (Электронный ресурс). – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
5. Национальный корпус русского языка (Электронный ресурс). – URL: <http://www.ruscorpora.ru>
6. Самигулина, А.С., Бакиев А.Г. Метафора и дискурсивное сознание (на материале метафорических контекстов Т. Пратчетта) // Казанская наука. – 2014. – №3. – С. 174-179.

Summary. The article is focused on the linguopragmatic analysis of metaphoric models of religious Christian discourse in Russian and English languages. The author singles out the metaphoric models belonging to the conceptual field «Hope» which is the component of linguocultural dominant of religious discourse in general. Its function is in organizing this kind of discourse in language and culture.

Key words: religious discourse, linguistic and pragmatic analysis, conceptual metaphor, metaphorical model, concept.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Ж.Б. Бектурова

Казахстан, г. Павлодар, Инновационный Евразийский университет
bekturova.z@mail.ru

М.И. Кадеева

Казахстан, г. Шымкент, Южно-Казахстанский государственный педагогический
университет
kadmi_ru@mail.ru

Актуальными в рамках исследования фразеологизмов являются вопросы описания психолингвистических механизмов индивидуально-авторских преобразований фразеологизмов в речи, авторские интенции при трансформации языковых фразеологизмов, осмысление когнитивно-прагматических стимулов фраземосемантики, процессы порождения и смысловой интерпретации фраземы (Алефиренко Н.Ф., 2018), описание фразеологизмов в дискурсе культуры, выявление роли фразеологизмов в категоризации мира и другие (Телия В.Н., 2004). Фразеологизмы представляют собой языковые знаки, соотносимые по информационному объему со свернутым текстом (Телия В.Н., 1999).

Развитие фразеологического состава русского языка, появление новых крылатых выражений, их участие в процессе формирования и развития словарного богатства современного русского языка происходит во всех сферах его функционирования, в том числе и в языке средств массовой информации, в интернет коммуникации, так как фразеология является незамкнутой подсистемой языка. Эти процессы регулируются в определенной степени психо- и этнолингвистическими и социальными факторами, тесно связаны с развитием культуры этноса и общественной жизни народа.

Исследований по изучению и анализу роли этнолингвистических факторов, роли общественной жизни народа в эпоху глобализации в формировании и развитии фразеологического состава в медиа-дискурсе, отражающем практически все виды дискурсов, мало. В этом мы усматриваем актуальность темы статьи.

Процессы современной глобализации общества, открытость информационного пространства, расширяющиеся географические границы для межкультурного диалога прослеживаются в русскоязычном сегменте массмедиа. В работе источником языкового материала послужили фразеологизмы, функционирующие в значительном количестве в медиа-дискурсе в заголовках, лидах и являющиеся составляющими каждого национального культурного пространства.

В РПЦ Филарету посоветовали назваться «патриархом Галактики».

*«... Более 20 лет назад Филарета лишили сана, а позже **предали анафеме** за то, что он основал “Украинскую православную церковь Киевского патриархата”. В конце прошлого года он был восстановлен в церковном общении синодом Константинопольского патриархата», – пишет газета «Аргументы и факты» (Москва, 19 января – АиФ-Москва, 2019).*

В церковной лексике понятие «*предать анафеме*» используется в значении «*проклятие православной церковью*», «*наказание за грехи*» или «*какие-то проступки человека*», «*объявление об отлучении от церкви*», «*обречение на смерть в полном одиночестве*».

В данном контексте фразеологизм как прецедентное высказывание используется в значении «*объявленное отлучение от церкви из-за раскольничества*», «*предупреждение христиан, что бывший патриарх Киевский Филарет, назначивший сам себя “патриархом Киевским и всея Руси – Украины”, исповедует учение, об-*

новленное, исправленное, не совместимое со старым учением церкви». Он был одним из главных идеологов создания на Украине самостоятельной церкви.

Подписание томоса о предоставлении автокефалии православной церкви Украины от УПЦ Московского патриархата, создание новой «Православной церкви Украины» получило широкое обсуждение в прессе. Так, руководитель пресс-службы патриарха Московского и всея Руси, председатель по внешним связям Московского патриарха Александр Волков в эфире радиостанции «Говорит Москва» сказал, что Филарет волен объявить себя *«хоть патриархом всея Руси, хоть всея Африки, хоть всей Галактики, но вменяемых оценок таким действиям быть не может»* (Москва, 19 января – АиФ-Москва, 2019). В.В. Путин назвал создание новой православной церкви на Украине *«опасным и безответственным политиканством»* (Москва, 16 января – АиФ-Москва). Устойчивый оборот не выполняет назывную функцию, а сочетает в себе негативную оценку, эмоциональную ироничность за счет стилистического эффекта. Фразеологизм, транслируя общественные нормы, преодолевает рамки религиозного узуального значения, расширяя диапазон стилевых функций.

«Пляски под дудку» – так называется статья, опубликованная на сайте издания «Культурная Эволюция». Фразеологизм *«плясать под чужую дудку»* употребляется в значении *«действовать не по собственной воле, а по произволу другого»*. Источник происхождения приписывается греческому баснописцу Эзопу.

Пляски под дудку.

*«... Желание любого человека **плясать под свою дудку** вполне объяснимо. Но, когда совершаются попытки силой заставить **плясать под эту дудку** тех, кому не хочется, или наказывать за отказ от подобных плясок, мы получаем этнические чистки, распад самой ткани государства и расчеловечивание даже вполне респектабельных и консервативных во взглядах людей...»*.

Рассуждая о соотношении общечеловеческих и национальных ценностей, автор статьи в качестве заголовка использует устойчивый оборот *«Пляски под дудку»* с переосмысленной семантикой, так как компонент *«дудка»* может употребляться в узусе современного русского языка как отрицательно-оценочная единица:

«На наших глазах разворачиваются два спора о соотношении национальных и общечеловеческих ценностей. Один в ЮАР, совсем недавно избавившейся от возмутительной системы апартеида, расовой сегрегации по цвету кожи, касается невинных дудочек-вувузел, ставших едва ли не главным предметом раздора в начале чемпионата мира по футболу. Звук у этих музыкальных инструментов, национальных символов ЮАР, для европейского уха действительно прескверный. Футболисты и тренеры команд стали добиваться их запрета, поскольку вувузелы мешают игрокам сосредоточиться на футбольном поле и спать “после отбоя”», – пишет автор статьи Семен Новопрудский (Культурная Эволюция, 23 Июня, 2010).

В данном контексте во фразеологизме *«пляски под дудку»* компонент *дудка* употребляется в значении *«какофония африканских дудочек на стадионах ЮАР во время проведения чемпионата мира по футболу»*. *«Чемпионат мира в ЮАР – наша вечеринка, и вы, как гости, должны уважать наши обычаи»*, – высказался глава оргкомитета чемпионата. Эмоционально-смысловая доминанта данного прецедента заключается в проводимой Международной федерацией футбола *«официальной околофутбольной идеологии»*, целенаправленном культивировании межнациональной толерантности на стадионе во время соревнований.

В цивилизованной Бельгии как многонациональном государстве, в котором проживают фламандцы, французы, бельгийские мусульмане, не сформировано однородное правительство: вариант формирования власти по этническому принципу *«не приводит к прочному национальному миру – кто-то обязательно чувствует себя ущемленным по этому самому искусственно выпячиваемому национальному*

признаку». В этом случае дудкой становится «зов крови» как «главный государствообразующий элемент», а «пляски» – это «этнические чистки, распад самой ткани государства», «ментальный удар по Евросоюзу», «кампания по медленно выдавливанию из Фландрии франкоязычного населения».

С таким же заголовком опубликована статья в газете «Аргументы и факты», рассказывающая о противостоянии между Россией и Западом, сложившемся в настоящее время в связи с санкциями и антироссийской пропагандой в зарубежных СМИ.

Пляски под дудку.

«Запад с больной головы валит на здоровую... Европейцам действительно сейчас очень плохо – они следуют указаниям США. Но не может великая древняя Европа плясать под дудку страны, которая по возрасту в сравнении с европейскими государствами младенец...» (Москва, 22 сентября – АиФ-Москва, 2016).

В приведенных примерах употребление фразеологизма «пляски под дудку» имеет непосредственную привязку к политическому контексту. Адекватное понимание авторского замысла реализуется новыми оттенками значения, сочетающимися с экспрессией, негативной оценочностью. Стилистический эффект и эмоциональное воздействие на потребителей информации создают экспрессивные определения невинные дудочки-вувузелы, прескверный звук (дудочек), европейское ухо, этнические чистки, медленное выдавливание, государствообразующий элемент, древняя Европа, ментальный удар и другие.

Таким образом, функционирование фразеологизмов в медийном дискурсе задается прагматическими и стилистическими особенностями их употребления говорящим, творческим потенциалом и способностью к лингвокреативному мышлению автора медиатекста, его коммуникативными намерениями. В медиатексте использование фразеологизмов обретает свой конкретноречевой смысл.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Когнитивно-прагматические истоки фраземосемиозиса. – М.: Наука: Флинта, 2018.
2. Культурные слои во фразеологии и дискурсивных практиках / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 344 с.
3. Телия, В.Н. Первоочередные задачи, методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 215 с.

Summary. In the article the role of public life of people is shown in the epoch of globalization in forming and development of phraseological composition in media discourse. Phraseological units functioning in MASS-MEDIA and being the constituents of every national cultural space became as language material.

Key words: media discourse, phraseological units, textual pragmatics, functions of phraseological units, national cultural space.

КОНЦЕПТ В АСПЕКТЕ ФРАЗЕОЛОГИИ: ХОЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Т.Е. Владимирова

Россия, Москва, Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова
yusvlad@rambler.ru

В центре внимания настоящей статьи рассмотрение экзистенциального концепта «Судьба» и смежных с ним понятий через призму свойственного им фразеологического потенциала с целью выявления самобытных черт русской языковой

картины мира. При этом мы исходили из античной холистической традиции, позволяющей объединить в одном исследовательском горизонте работы по когнитивной лингвистике, фразеологии, лингвокультурологии и этнопсихолингвистике с философской онтологией как учением о бытии и его сущностных основах. Здесь мы имеем в виду публикации Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюновой, В.А. Долинского, И.М. Кобозевой, М.Л. Ковшовой, В.В. Колесова, В.А. Масорврий, В.М. Мокиенко, В.И. Постоваловой, В.Н. Топорова, С.А. Питиной, Р.Г. Погосяна, И.А. Седаковой, Е.Н. Сергеевой, Л.О. Чернейко и А.Д. Шмелева, посвященные данной проблематике.

Обращение к холистической методологии сделало актуальной опору на процессуальную триаду: <dynamis – energeia – entelecheia> (Аристотель С., 2008: 232-233), которая раскрывает соотношенность речевой интенции (dynamis) и собственно речевой деятельности (energeia) с представлением о ее искомом совершенстве (entelecheia). Такова синергетическая природа «единого континуума бытия-сознания» (М.К. Мамардашвили): энтелехийный прообраз искомого будущего направляет речевой замысел, но человек при этом опирается на свой прошлый опыт. Нахождение под воздействием двух аттракторов еще более усиливает экзистенциальную напряженность бытия. Тем самым создаются предпосылки для дальнейшего развития семантики слова. В итоге приобретаемые «обертонны смысла» (Б.А. Ларин) задают импульс, который получает выражение в экзистенциально и экспрессивно значимых фразеологизмах.

Сознание при этом понимается, с одной стороны, как единство духовной (сакральной), бытийной (экзистенциальной) и рефлексивной составляющих. А с другой, согласно Г.Г. Шпету, как взаимодействие шести исторически возникавших и существующих планов сознания: называющего, религиозно-мифологического, художественно-героического, научно-технического (познающего), культурно-исторического и философско-культурного. Седьмой – идеологический – план сознания был добавлен В.П. Зинченко для отражения специфики сознания, характерного для тоталитарного режима (Зинченко В.П., 2010: 113, 79-80).

Чтобы проследить развитие начального семантического потенциала слова-понятия «судьба», а также смежных с ним концептуальных понятий и проанализировать их фразеомобразующие возможности, обратимся к акту номинации. Согласно этимологическим данным, это слово восходит к общеславянскому *sōdъba, образованному с помощью суффикса -ъb-а от *sōdъ 'суд', которое, в свою очередь, возникло путем сложения индоевропейской приставки *som- (общеславянское: *so- 'с, вместе с; от, в продолжение') с корнем *dhē- 'устанавливать в бытии (о богах)' (Фасмер М., 1971: 794-796; Бенвенист Э., 1970: 299). Таким образом, концепт «Суд» – продукт развитого называющего и религиозно-мифологического сознания родоплеменных общностей со свойственным им сакральным отношением к природно-космическому миру и экзистенциальным ожиданием суда высших сил. Что же касается представлений о судьбе, то они относятся к эпохе распада родовых отношений, когда сложилось понимание предопределенности жизненного пути человека.

Как же протекало формирование семантического и фразеомобразующего потенциала концептов «Суд» и «Судьба»? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к «Слову о полку Игореве», в котором получило отражение архаичное религиозно-мифологическое и художественно-героическое сознание, а финал представляет собой здравицу в честь князей и дружины, исповедников христианства. Тема судьбы «русской земли» и князей, выступивших против половцев, является в «Слове» главной. Однако концепт «Судьба» в нем отсутствует. Вместе с тем здесь достаточно полно раскрывается семантический потенциал концепта «Суд»: *Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше; Галицкий Осмомысл Ярослав (...) суды рядя до Дуная; Бориса же Вячеславличя слава на судъ приведе; «Ни хытру, ни горазду, ни пытьцю горазду суда Божія не минути!».*

Если слово «суд» в первых контекстах не нуждается в комментарии, то в следующем оно используется в значении 'кончина', 'смерть' (Срезневский И.И., 1954: 607). Что же касается последнего фрагмента, то фразеологизм **суд Божий** понимался язычниками как испытание кровью, огнем, водой и железом в ситуациях, когда обычные средства дознания были исчерпаны. Но в данном контексте выражена позиция православного автора, и фразеологизм имеет два толкования: 'час кончины' и 'судьба'. По всей вероятности, для современников похода Игоря концепт «Суд» вбирал в себя всю возможную смысловую полноту. Поэтому автор предпочел слову «судьба» более древнее «суд», которое имело существенно больший смысловой потенциал: 'суд'; 'рассуждение'; 'дознание виновности'; 'приговор'; 'закон'; 'право суда'; 'осуждение'; кончина', 'смерть (иногда с присоединением *от Бога*)' и др. В этой связи можно предположить, что корневая морфема *суд*, вобравшая в себя экзистенциальную напряженность многих поколений, задала столь мощный мотивирующий импульс, что использовалась в тех контекстах, где, казалось бы, уместно слово «судьба».

Утверждение православия способствовало появлению новых смысложизненных понятий и образов. Так, в жизнь христиан вошел фразеологизм **Страшный суд** и **Судный день**, а вместе с ними и мысль о том, что «Отец не судит никого, но весь суд отдал Сыну (...) и дал Ему власть производить суд, потому что Он есть Сын человеческий» (Ин., 5: 22, 27). Одновременно в сознании утвердилось представление о том, что оправданные встают по Его правую руку, а осужденные – по левую, и тогда «книги бо совестные разгибаются и дела сокровенные открываются» («Тропарь на 1-й неделе Великого поста»). Известны и **совестные суды**, куда передавались дела, требовавшие более мягкого рассмотрения.

В дальнейшем концептуальное ядро понятия «судьба» составила сема 'предопределение' как осознанная человеком зависимость от высших сил и 'независящий от человека ход событий', 'участь', 'доля' (Чернышев В.И., 1965: 1163). Но русская языковая картина мира сохранит исконную связь судьбы с судом и отношение к совести как «божественному началу, которое дано человеку». Более того, со временем в сознании утвердилось представление о судьбе как подчиненной «требованиям совести, ее суду, ее приговору» и понимание того, что «только согласие с совестью дает удовлетворение в итоге этой жизни» (Гранин Д., 2008: 38, 41).

Что же касается других славянских языков, то в некоторых из них возникли новые слова: в белорусском – «лѣс», «доля»; в польском – «los», «przeznaczenie», в украинском – «доля», «приречення», где связь с экзистенциально «напряженным» исконным понятием «суд» была утрачена. Таким образом, слово «судьба» сохраняет связь с древнейшим пластом своего праязыка. А в польском и чешском языках концепт «Совесть» «предстает как более рациональное чувство, которым можно управлять», поскольку в нем связь с Богом отсутствует. При этом чешское «svědomí» трактуется как «информация о нравственности, усвоенная сознанием», а польское «sumienie» – как «свидетель» мыслей и поступков, который «вершит суд» (Стефаньский Е., 2007: 131).

Относя представления о **суде**, **судьбе** и **суде совести** к числу энтелехийных и отмеченных экзистенциальной напряженностью, заметим, что фразеологизм этот лексем очень значителен. В качестве иллюстрации ограничимся следующими примерами: *поворот(ы) / удар(ы) / превратности / перст / игра / ирония / нить судьбы; избранник / баловень / господин / раб судьбы; в руках судьбы; на произвол судьбы; покориться судьбе; искушать судьбу, жаловаться / плакаться на судьбу; быть обиженным судьбой; поставить крест на судьбе* и др. Что же касается концепта «Совесть», имеющего значение соотносительности с неким мериллом душевного спокойствия, правоты и ответственности, то возникшие фразеологизмы также достаточно многочисленны: *без зазрения совести; для очистки совести; на совесть; не за страх, а за совесть; по совести; сказать по совести; идти против совести; кривить совестью; совесть загово-*

рила; **пора и совесть** знать; **совесть** спать не дает; сделка с **совестью**; с чистой **совестью**; со спокойной **совестью** и др.

Возвращаясь к вопросу о важности раскрытия сущностных основ бытия, стоящих за словом, проанализируем роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба», в котором ключевой концепт «Судьба», а также лежащий в его основе концепт «Суд» образуют обширное, эмоционально, экспрессивно и экзистенциально «заряженное» поле (более 155 репрезентаций). Являясь символом жизненного пути отдельного человека, а также целых народов и государств, судьба в романе предстает как некая таинственная сила, которая управляет человеком, лишая его свободы и умаляя в нем деятеля.

Приведем фрагменты текста, за которыми стоят носители определенного типа сознания:

1) **религиозно-мифологическое сознание**: кому-то **судьба** присудит **верность, встречу**; Видимо, **судьба судила**, чтобы весь этот день был тяжёлым; А она сидит беспомощная, **ждет своей судьбы**; Прости меня, прости. **Мне не судьба быть счастливым с тобой, я в этом виноват, не ты; у страшной судьбы и у человека – разные цели, но у них один путь**;

2) **художественно-героическое сознание**: Пришел час его (Сталина – Т.В.) силы. В эти минуты **решалась судьба** основанного Лениным государства, централизованная разумная сила партии получила возможность осуществить себя в строительстве огромных заводов, в создании атомных станций и термоядерных установок, реактивных и турбовинтовых самолетов (...). **Решалась судьба** оккупированных Гитлером Франции и Бельгии, Италии;

3) **научно-техническое сознание**: Но пространство, измеренное металлическими стержнями и линейками, время, отмеренное совершеннейшими часами, вдруг стали искривляться; Их незыблемость оказалась не фундаментом науки, а решетками и стенами ее тюрьмы. Пришла пора **Страшного Суда**, тысячелетние истины были объявлены заблуждениями; И сегодня, когда **совершалась его судьба**, он словно прощался со своей чистой, детской, почти религиозной любовью к чудесной науке;

4) **культурно-историческое сознание**: «**Не судите, да не судимы будете**. Ибо... каким **судом судите, таким будете судимы**»; «**Осуди грех и прости грешника**»; Приходит пора **Страшного Суда**; **Страшный Суд** мы себе **неправильно представляли**; Есть **суд небесный и суд государства и общества**, но есть **высший суд** – это суд грешного над грешным; **Судный день** подходил к концу, и уже нельзя было различить улыбки на лице застреленного солдата.

5) **идеологическое сознание**: **Всё воля Сталинова...** – так говорят простые люди **о могучей, не знающей колебаний судьбе**; Мне хочется, чтобы парень вырос хорошим коммунистом; помни, **судьба твоего отца – случай, мелочь**. Дело партии – святое дело! Высшая закономерность эпохи!; **Судьба ведет человека**, человек становится орудием истребительных сил; Он знает об этом, и он идет к выигрышу;

6) **философско-культурное сознание**: В страшное время человек уж не кузнец своего счастья и **мировой судьбе дано право** миловать и казнить, возносить к славе и погружать в нужду, и обращать в лагерную пыль, но **не дано мировой судьбе, и року истории, и року государственного гнева**, и славе, и бесславию битв **изменить тех, кто называется людьми**, и ждет ли их слава за труд или одиночество, отчаяние и нужда, лагерь и казнь, **они проживут людьми и умрут людьми, а те, что погибли, сумели умереть людьми**, – и в том их **вечная горькая людская победа над всем величественным и нечеловеческим**, что было и будет в мире, **что приходит и уходит**.

Действительно, война обострила личностные переживания и усилила в человеке:

а) **причастность к общей судьбе:** *Главное изменение в людях состояло в том, что у них ослабевало чувство своей особой натуры, личности и **силилось, росло чувство судьбы; теперь ей легче и лучше будет дышаться среди людей, объединенных одной судьбой, трудом, горем;***

б) **надежду на Бога:** *Людмила смотрела на пальцы, вытаскивающие карточку из длинного фанерного ящичка, и казалось, она **стоит перед Богом, и в его воле сказать ей слово жизни либо слово смерти, и вот он на миг замешкался, не решил еще, жить ее сыну или умереть;***

в) **голос собственной совести:** *Ну Боже мой! Поймите, **у меня есть совесть, мне больно, мне тяжело; дайте мне право на спокойную совесть; вы поступили по совести. Поверьте, это лучшее, что дано человеку. Я не знаю, что принесет вам жизнь, но я уверен: сейчас вы поступили по совести; главная беда наша – мы живем не по совести; Лишать человека права на совесть – это ужасно. И если человек находит в себе силу поступить по совести, он чувствует такой прилив счастья. Я рад за вас, – вы поступили по совести;***

г) **сознание своей силы и воли:** *Какая-то ясная, пронзительная **уверенность в том, что он переживает час нового, счастливого перелома своей судьбы, охватила его. Он словно видел в этом ясном дневном свете свое будущее, – ему снова предстояло жить во всю силу своего ума, воли, большевистской страсти.***

Рассмотрение слов «судьба», «суд» и «совесть» с учетом их фразеолообразующего потенциала и разнообразных сочетаемостных связей приводит к заключению, что «предметно-понятийный компонент в концептуальной структуре идиомы полностью не редуцируется. Меняется лишь его ранговый статус» (Алефиренко Н.В., 2004: 71-72). Действительно, общеславянское поле «Суд» позднее включило в себя концепты «Судьба» и «Совесть». В итоге с принятием Православия в сознании утвердилось трехъядерное поле в силу семантической общности данных концептов, но их ранг претерпевал существенные изменения.

Не имея возможности в рамках статьи раскрыть динамику этих изменений, отметим, что представление о «суде небесных сил» предопределило изначальный синкретизм интенционального, собственно жизнедеятельностного и энтелехийного планов «бытия-сознания». Это объясняется тем, что на ступени религиозно-мифологического сознания «всякая вещь в мире вводится в социо-культурный обиход через его посредство» (Г.Г. Шпет). В дальнейшем, поскольку сакральное начало постепенно уступало место бытийной (экзистенциальной) и рефлексивной составляющим сознания, всё более явной становилась свобода суждений, оценок и житейских наставлений. Переход на более высокие ступени исторически развивающегося сознания сопровождался появлением новых понятий, менявших соотношение и ранг концептов. Так, с развитием научно-технического (познающего) сознания функция энтелехийного ориентира бытия постепенно начала смещаться от христианских заповедей к «суду беспристрастной человеческой совести» (М.М. Бахтин).

Предпринятое обращение к концептам «Судьба», «Суд» и «Совесть» и сформировавшимся на этой основе фразеологизмам свидетельствует об их лингвокультурном, социопсихологическом и этико-философском своеобразии, в котором отчетливо просматриваются мифические и архетипические представления и ментальные стереотипы. Вместе с тем заключенный в семантике концептов экзистенциально-энергийный модус мировосприятия сохранял свою энтелехийную направленность при всех социокультурных изменениях в жизни общества. Подтверждение этому мы находим и в поговорках (более 170), также отмеченных экзистенциальной напряженностью языкового бытия (Владимирова Т.Е., 2014).

Укорененные в русской языковой картине мира концепты, а также восходящие к ним фразеологизмы, пословицы и поговорки являются многоголосыми свидетелями времени и своего рода связующей нитью бытия. Это позволяет говорить о присутствии в русской языковой картине мира и бытия не только когнитивно-прагматического, но и экзистенциально-онтологического регистра. При таком подходе возникшее на этом субстрате функционально-смысловое, или, точнее, экзистенциально-онтологическое поле представляет собой личностно осознаваемое, эмоционально и интуитивно воспринимаемое актуальное бытие, в котором получили выражение его сущностные основания.

Предпринятое холистическое рассмотрение приводит к следующему выводу: концепты «Судьба», «Суд» и «Совість», а также образованные от них фразеологизмы представляют собой самобытный целостный континуум оценок, рефлексий и интуиций, сохраняющих исконную связь с семьей 'суд', который может именоваться Божьим, Страшным или человеческим, но побуждающим к оценке своей жизни с позиции Высшего Суда или суда собственной совести.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. «Этноэпидемический концепт и внутренняя форма языкового знака // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 71-80.
2. Аристотель. Метафизика. – М.: Эксмо, 2008. – 608 с.
3. Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. – М.: Прогресс-Универс, 1970. – 456 с.
4. Владимирова, Т.Е. Концепт «Судьба» в русской паремической картине мира и бытия // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология, Педагогика. Методика. – 2014. – № 3. – С. 55-60.
5. Гранин, Д.А. Причуды моей памяти. – М., СПб.: Центрполиграф, 2008. – 441 с.
6. Гроссман, В. Жизнь и судьба. – М.: Азбука, 2016. – 864 с.
7. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 592 с.
8. Слово о полку Игореве / Реконструкция древнерусского текста Н.А. Мещерского и А.А. Бурыкина. – Л.: Сов. писатель, 1985. – 498 с.
9. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – М.: Гос. изд. иностранных и национальных словарей, 1954. – Т. 3. – 996 с.
10. Стефаньский, Е. Концепт «Совість» в русской, польской и чешской литературах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – № 11 (72). – С. 124-132.
11. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – М.: «Прогресс», 1971 г. – Т. 3. – 828 с.
12. Чернышев, В.И. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М., – Л.: Наука, 1965. – Т. 14. – 1390 с.

Summary. A holistic approach, based on the interdependence of language, consciousness and being, restores the connection between linguistics, psychology and philosophical ontology and can be considered as one of the “growth points” of phraseology. Of particular research interest is the analysis of concepts and phraseological units formed from them in order to reveal the originality of the Russian language personality and its being.

Key words: concept, phraseological concept, holistic approach, originality of linguistic personality, cognitive and pragmatic approach.

ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК МОЩНЫЙ КОНГЛОМЕРАТ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

И.А. Волошкина

Россия, г. Белгород,

Белгородский университет кооперации, экономики и права

ivoloshkina@yandex.ru

Проблемы изучения когнитивно-прагматических аспектов фразеологической картины мира, сфокусированные в эпицентре научной полемики, остаются актуальными на сегодняшний день, о чем свидетельствует заявленная организаторами конференции тема «Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры». Широкий спектр вопросов, предложенных для обсуждения, не случаен: (1) в настоящее время участились заявления средств массовой информации о стирании культурной исторической памяти того или иного народа, о распаде национальной целостности, об ослаблении культурной самобытности этноса, (2) в условиях динамично сменяемых компонентов культурно-исторических традиций, усиливающих под влиянием технических и технологических детерминант, сплоченность лингвистов-фразеологов под чутким и незыблемым руководством организаторов встречи когнитивных фразеологов – неутомимых «старателей» фразеологического «промысла» проф. Мокиенко В.М., проф. Вальтера Х., проф. Алефиренко Н.Ф., – сконцентрированность научных изысканий на исследовании когнитивных аспектов фразеологии рассматриваются как основа для генерирования нового взгляда на формирование научной когнитивно-фразеологической базы не только для сохранения культурно-исторической памяти, но и для укрепления самоидентичности, идентификационной определенности и культурной устойчивости нации.

Тенденции к формированию новой когнитивно-прагматической мегапарадигмы в лингвистике наблюдались еще в прошлом столетии (Кубрякова Е.С., 1995: 144-258.) Предложенное в начале XX века Ч. Пирсом (1934) понятие «интерпретанта» в качестве третьего члена к диаде «знак – предмет» можно считать началом, положенным в основу конвергенций когнитивных и прагматических аспектов лингвистических исследований (Заботкина В.И., 1999: 3-10) Связь когнитивной и прагматической парадигм привлекало и привлекает в настоящее время внимание многих лингвистов, в том числе и когнитивных фразеологов (Алефиренко Н.Ф., Вальтер Х., Декатова К.И., Заботкина В.И., Золотых Л.Г., Кайгородова И.Н., Кириллова Н.Н., Мелерович А.М., Телия В.Н., Огнева Е.А., Озерова Е.Г., Семенов Н.Н., Степанова Л.И., Супрун В.И., Пименова М.В., Шулежкова С.Г. и др.). Становление и развитие когнитивно-прагматической субпарадигмы лингвистической науки обусловило появление нового понимания сущности познания мира человеком, роли сознания, взаимодействия сознания и языка, человека и окружающего его мира. По мнению лингвистов, относительно молодая, но уже прочно стоящая на своих ногах когнитивно-прагматическая парадигма изучения языка тесно переплетена с антропоцентрическим началом, так, что невозможно проводить когнитивные исследования вне опоры на человеческое бытие. Как показывает анализ научных трудов основу когнитивно-прагматической субпарадигмы составляет единство граней человеческого существования в мире: познание-мышление-язык-речь. Обосновывая эту идею, проф. Н.Ф. Алефиренко акцентирует внимание на том, что «в центре внимания когнитивно-прагматической лингвистики оказывается не только язык в неразрывном единстве его формы и субстанции, но и более высокое единство – деятельностное единство языка, речевого общения и человека. Именно такое триединство и обеспечивает человеку существовать в реальном мире, мыслить и познавать, создавать вокруг себя

ценностно-смысловое пространство – эпицентр человеческой культуры и цивилизации» (Алефиренко Н.Ф., 2016: 17).

Обращаясь к уже, казалось бы, устоявшемуся постулату о культурной и национальной специфичности фразеологии, можно столкнуться с удивлением и недоумением – необходимо ли снова поднимать этот вопрос. И, выражаясь фразеологически, *не ходим ли мы по кругу*, вновь и вновь обращаясь к поднятому нами вопросу, и *не вернемся ли мы на круги своя*, отвечая на заданный нами же самими вопрос? Примечательно, что понятие «круг» рассматривается не только в своем прямом значении в области математики как часть плоскости, ограниченная окружностью, но и в переносном – как замкнутая цепь событий, исчерпывающая в своей совокупности развитие каких-нибудь событий. К слову сказать, в идеях древнегреческого философа Ксенофана круг выступает как универсальная проекция шара, признаваемого идеально правильным телом, как образ шара – единства ограниченности и безграничности; круг ограничивает внутренне конечное пространство, но круговое движение, образующее это пространство, потенциально бесконечно. Этимология одного из многих выражений, заимствованных из Библии, *возвращаться на круги своя* подробно рассмотрена в наукоёмком фразеологическом труде проф. Бириха А.К., проф. Мокиенко В.М., проф. Степановой Л.И. «Русская фразеология. Историко-этимологический словарь» (Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И., 2005: 318). В то же время, это выражение приобретает новые смыслы в прагматическом контексте – «приходить в прежнее, исходное состояние в *новом* качестве, *приобретённом* в процессе развития», которые отмечаются в художественных текстах: «*Все возвращалось на круги своя*, притом в новой обстановке, когда в мире развертывалась научно-техническая революция» (цит. по НКРЯ: Арбатов Г., 2002)

Ответ на вопрос о культурной и исторической значимости фразеологии был дан еще В.Л. Архангельским в 50-е годы прошлого столетия, который тем самым создал основу для когнитивного рассмотрения культурной и этнической ценности фраземных знаков: «Задача исследования фраземных знаков как «самостоятельных культурных ценностей», т.е. ценностей концептосферы культуры, исторически воплотившихся в билатеральном единстве языковой оболочки и межпоколенно сохраняющих в ней культурную память о материальной, социальной и духовной культуре русского народа, является одной из первостепенных для фразеологии» (цит. по Телия В.Н., 1999: 91).

Размышляя над природой памяти, академик Д.С. Лихачев в Письме сороковом книги «Письма о добром» писал: «Память – основа совести и нравственности, память – основа культуры, «накоплений» культуры <...>. Хранить память, беречь память – это наш нравственный долг перед самими собой и перед потомками. Память – наше богатство» (Лихачев Д.С., 2006: 173).

Память как форма когнитивной деятельности, предназначенная для отражения действительности, закрепления, сохранения и воспроизведения полученной информации о внешнем мире с целью дальнейшего ее использования в процессе жизнедеятельности, естественным образом вписывается в когнитивно-прагматическую субпарадигму. Мощный интегративный потенциал культурно-исторической памяти, закреплён в языковом фонде, а именно во фразеологическом пласте языка, который в рамках когнитивно-прагматической парадигмы рассматривается как:

(1) способ познания действительности, например, знания о свойствах времени: изменчивость – *lat. mutantur tempora et nos mutamur*, рус. *меняются времена, и мы меняемся с ними*; *eng. lost time is never found again*; быстротечность, цикличность – *lat. in illis rapit hora diem*; рус. *час увлекает за собой день*; упорядоченность – *fr. tout à son propre temps*; *eng. everything has its time*; континуальность – *fr. on apprend à tout âge*; *eng. every day is a lesson*; конечность/ограниченность – *fr. n'avoir qu'un temps*;

(2) таксон культуры и истории. Материальная и духовная культура воплощается во фразеологических знаках, выступающих как вербальный код культуры, использующихся в повседневной жизни в соответствии с полученными знаниями об окружающем человека мире. Например, рус. *баба Яга (Костяная нога)* – имя старой и безобразной старухи-колдуньи в славянской мифологии, одного из главных отрицательных персонажей русского фольклора. Известно, что она живет в небольшой избушке на курьих ножках, летает по ночам в ступе с пестом, замечает след помелом, творит зло всем положительным персонажам. Мифологические и этимологические трактовки этого персонажа разнообразны и противоречивы: 1) *баба Яга* в языческих представлениях – богиня смерти и воскрешения, и в связи с этим стертый образ свергнутого идола; 2) под влиянием христианства ее образ несколько трансформировался в образ ведьмы, колдуньи, бесовки, поскольку ведьмы имели такие же характеристики (Иваницкая Е.Н., 1984: 112-115). 3) Фольклорные данные позволяют конкретизировать мифологический прототип Бабы Яги в образ змеи, порожденной землёй, а это означает, что она со-причастна царству мертвых, смерти, следовательно, она – древнейший персонаж зла, антипод добра в любой его мифологической интерпретации (Черепанова О.А., 1983: 109). Исследования лингвистов приводят к выводам, что сочетание *баба Яга* возникло путем сращения слов *баба* ‘старуха, женщина’ и *яга* ‘злая; злость, болезнь’; в русских диалектах *ягая* ‘злая’, *ягать* ‘бушевать, браниться’ (Бирих А.К., Мокиенко В.М., 1999: 149). Энциклопедические, филологические и социокультурные знания о носителе имени закрепляются за ментофактом, включающим прагматические смыслы, признаки денотата. В прецедентных эмотивно-окрашенных текстах к ним добавляются эмотивные и оценочные смыслы. Ср.: 1. «Необщительность», «мизантропия». *Возле их дома был дремучий лес, а в лесу на поляне стояла избушка, а в избушке жила Баба-Яга, никого к себе не подпускала и ела людей как цыплят* (Русская народная сказка. Василиса Прекрасная). 2. «Беспощадность», «скрытность». *Скоро послышался страшный шум: деревья трещали, сухие листья хрустели; выехала из лесу Баба-Яга – в ступе едет, пестом погоняет, помелом следы замечает* (там же). 3. «Хитрость» – *Не кисни, – подбодрила я несчастную влюбленную. – Придумаем что-нибудь. Или я не Баба-Яга* (Никитина URL). 4. «Враждебность». – *У настоящей Бабы-Яги кот чёрный, сама она страшная и темная, и с Кощеем постоянно враждует, а у тебя все наоборот* (там же). 5. «Злость». – *Ты точно злыдня, – проворчал мне в спину кот, стараясь не слышать доносящихся с улицы воплей и жутких ругательств вперемешку с козлиным бляением. – Баба-Яга самая настоящая* (там же);

(3) конвертер накопленных знаний. Например, многомерная структура онимического кода предполагает включение помимо понятийной основы – его интенционала, «мыслимую» и «переживаемую» носителем языка социо-психо-культурную часть – эмоции, оценки, национальные образы, присущие данной культуре, составляющие импликационал слова. Так, интенционалом имени собственного рус. *Геркулес / Геракл*, eng. *Hercules*, fr. *Hercule* являются признаки ‘получеловек’, ‘одушевленный’, импликационалом выступают признаки ‘мужчина’, ‘мифологический герой’, ‘полубог’, ‘принадлежность к Древней Греции’, ‘необычайно сильный’, ‘безумный’. При вхождении в состав фразем семантический объем кода-онима расширяется за счет приобретаемых афферентных признаков, введенных в его импликационал денотативными признаками фразеобразующих компонентов. В рус. *Геркулес / Геракл на распутье* ‘о человеке, стоящем перед необходимостью решительного выбора’, благодаря фоновым знаниям, заимствованным из притчи о Геркулесе, который находясь на распутье двух дорог – к наслаждениям и к славе, избрал тернистый путь Добродетели – к славе, в импликационале русского онима Геркулес появляются семы ‘решительность’, ‘самообладание’. В интенционале идиомы fr. *chemise d'Hercule* (букв. – рубашка Геракла) ‘губительный дар’, основанной на мифе о подаренной Геркулесу его женой рубашке, погубившей его вместо обещанной кентавром долго-

вечной любви Геркулеса к жене, отмечается признак 'доверчивость', 'обманутый', который приобретается онимом (Волошкина И.А., 2016: 48);

(4) генератор новых знаний о мире, Например, во французской лингвокультуре имя персонажа комедии Мольера «Скупой» *Maître Jacques* (букв. – *мастер Жак*), служившего у своего хозяина одновременно и поваром, и кучером, стало нарицательным и способствовало возникновению ФЕ *Maître Jacques*, рус. *мастер на все руки*. Когнитивным импульсом для обозначения смекалистого человека, умеющего делать многое, выступает фрейм «Человек из народа», моделирующий значение «умелый, сообразительный человек». Контекстуальное функционирование фраземы расширяет её семиологическую аппликацию, семантический объем, содействует наращиванию смысла за счет имеющихся скрытых когнитивных потенциалов, проявляющихся при взаимодействии с другими концептуальными пространствами. Ср.: *Les fonctions de l'agent d'affaires sont très variées: tour à tour avocat, avoué, courtier, expert, interprète, teneur de livres, commissionnaire, écrivain public, c'est le maître Jacques de la colonie* (Daudet, *Lettres de mon moulin*). / *Функции торгового агента очень разнообразны: он поочередно то адвокат, то поверенный, то маклер, то специалист-консультант, то переводчик, то бухгалтер, то комиссионер, то писатель; таков господин служащий в небольшом поселении, он все в одном лице*. Имя собственное, включенное в пропозициональную схему в составе фраземы является импульсом для порождения дополнительных смыслов «изобретательный», «мудрый», «опытный», «компетентный», появления нового значения *доверенное лицо*;

(5) вербальный индикатор происходящих в том или ином социуме изменений. Например, *Tommy Atkins* – типичный британский рядовой, из рядового и сержантского состава армии; имя использовалось в виде образца (ср. рус. *Иванов Иван Иванович*) с 1815 года в руководстве по заполнению новобранцами официальных документов. Фамилия «Аткинс» означает «сын краснозёма», намёк на красные мундиры британских солдат. *Tommy* (уменьшительное от *Thomas*) 'близнец', популярное английское имя после того, как в XII веке принял мученическую смерть святой Томас Бекет. Идиома была частотной во времена Первой мировой войны для названия солдат армии Британской империи, в настоящее время употребляется для названия британских десантников;

(6) аккумулятор национально маркированных и общечеловеческих культурем, например, fr. *la fée Carabosse* 'фея Карабосс', или просто Карабосс, это сказочный персонаж – зловредная фея с огромным горбом, старая, некрасивая и опасная. Ее обязательный атрибут – клюка, из которой появляются страшные и опасные дары. Следует отметить, что фея Карабосс, о которой впервые упомянул Шарль Перро в XVII веке, обязана своим характером злой фее из песни о подвигах «Доблесть и отвага благородного Хюона де Бордо», восходящей к XIII столетию, образ злой женщины был заимствован из греческой мифологии. Её прародительница Эри́да, богиня раздора, вражды, дочь Ночи, породила Труд, Голод, Скорбь, Убийства, Сражения, Ложь, Беззаконие, Судебные тяжбы и т. д. Во время свадьбы Пелея и Фетиды Эрида, не приглашённая на торжество, подбросила *яблоко раздора* с надписью: «Прекраснейшей». Спор из-за этого яблока между Герой, Афиной и Афродитой привёл к Троянской войне.

Изучение функционирования фразеологического фонда в том или ином типе дискурса позволит выявить особенности восприятия и познания мира разными социумами, характер отображения, категоризации и концептуализации мира языком определенного этноса. Фраземы выступают как полноценный знак, функционирующий в языке и речи, поскольку в его когнитивной структуре объективируется и хранится знание, полученное человеком в процессе общественной, предметно-практической и речемыслительной деятельности людей. Фразема не только играет роль доминанты культуры, обладающей выраженным национально-культурным

компонентом, но и функционирует в языке как когнитивный маркер исторических, социальных и культурных изменений.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Когнитивно-прагматическая субпарадигма науки о языке // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: сб. науч. трудов / сост. И.Г. Паршина, Е.Г. Озерова. – 2-е изд., стереотип. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 512 с.
2. Бирих, А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-Пресс, 1999. – 701 с.
3. Бирих, А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь; 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ; Люкс, 2005. – 926 с.
4. Волошкина, И.А. Онимический код как репрезентант этнической ментальности (на материале русских, французских и английских фразеологических единиц) // Педагогические технологии в современном образовании. – Белгород: Белгородский университет кооперации, экономики и права, 2016. – С. 47-60.
5. Заботкина, В.И. Когнитивно-прагматический подход к неологии // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований: Сб. науч. тр. – Калининград: Калинингр. ун-т. – 1999. – 95 с.
6. Иваницкая, Е.Н. Там ступа с Бабою Ягой... // РР, 1984. – № 2. – С. 112-115.
7. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине двадцатого века // Язык и наука конца двадцатого века. – М.: Российская Академия Наук, 1995. – С. 144-258.
8. Лихачев, Д.С.. Письма о добром. – М., Наука, 2006. – 322 с.
9. Никитина, Е. Баба-Яга бессмертная. URL: http://www.loveread.ec/read_book.php?id=8763&r=1 (дата обращения: 19.03.2019)
10. НКРЯ = Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
11. Телия, В.Н. Фразеология – 2000 // Всерос. науч. конф. «Фразеология на рубеже веков: достижения, проблемы, перспективы» (Тула, 25-26 апр. 2000 г.) – Тула: Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2000. – 321 с.
12. Черепанова, О.А. Мифологическая лексика Русского Севера. – Л.: ЛГУ, 1983. – 169 с.

Summary. The research dealing with the study of phraseology from the point of view of cognitive-pragmatic paradigm, shows that phraseme functions in a language and speech as a way of cognizing reality, a taxon of culture and history, a knowledge converter, generator of new knowledge, a verbal indicator of changes occurring in a society, an accumulator of nationally marked and universal cultureme.

Key words: phraseological units, cognitive and pragmatic paradigm, functions of phraseological units, national discourse, national cultural component.

ФРАЗЕОБРАЗУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТОВ «ТОСКА», «ГРУСТЬ», «ПЕЧАЛЬ», «ГОРЕ»

Л.К. Жаналина

Казахстан, г. Алматы, Казахский университет международных отношений
и мировых языков имени Абылай хана
zhanalina@gmail.com

И.В. Котлярова

Казахстан, г. Алматы, Казахский национальный педагогический университет
имени Абая
kotlyarova_1984@mail.ru

В статье анализируются фразеологические зоны номинативных парадигм (НП) слов «тоска», «грусть», «печаль», «горе» путем использования методов парадигматического моделирования и концептуальной реконструкции. Выстроены структуры зон, являющиеся результатом действия концептуальной деривации адди-

тивного и инферентного типов, которая образует новые производные концепты, вербализуемые в параллельных актах фразеобразования и отражающие сходства и различия в развитии производящих эмоциональных концептов.

Интегративная лингвистика (Жаналина Л.К., 2011) предлагает парадигматическое моделирование результатов номинативной деятельности, внутренняя сторона которой протекает как акты познания (концептуальной, шире когнитивной деривации), включающие категоризацию и концептуализацию, а внешняя сторона как номинативные акты с использованием разных способов номинации: семантической деривации, фразеобразования, словопроизводства, фразообразования, текстообразования, заимствования, создающие номинативные единицы (НЕ): переносные значения, фразеологизмы, производные слова, словосочетания, предложения, тексты, заимствования.

НЕ, созданные на основе реализации номинативного потенциала конкретных слов, объединяются и образуют системные единицы – номинативные (когнитивно-номинативные) парадигмы (НП). Парадигматические отношения в НП обеспечивает одно общее производящее слово. Система НП представляет номинативную систему как результат актуализации заложенной в лексике возможности пополнения выразительных средств языка.

В соответствии с двумя сторонами генерирующей НЕ номинативной деятельности НП также имеет два профиля – собственно номинативный (языковой) и когнитивный (мыслительный). Внешний профиль НП структурируется зонами, разграниченными по способам номинативной деривации, в которых участвует исходное (производящее) слово: лексической, фразеологической, словообразовательной, синтаксической, текстовой, зоной заимствований. Внутренний профиль образуют концептуальные области, демонстрирующие развитие, частичную или полную трансформацию, выраженного исходным словом концепта. Области объединяют НЕ с аналогичным изменением несомых ими концептов, т.е. по категориальному принципу. Концептуальные области состоят из производных концептов, образованных от одного исходного производящего концепта. Основой их объединения в область является общий когнитивный компонент, а несовпадающие компоненты расчленяют разные области фразеологической зоны НП, как и других зон. Таким образом структура зоны составляет набор областей.

В статье рассматривается действие концептообразования, или концептуальной деривации, во фразеологических зонах четырех НП слов «тоска», «грусть», «печаль», «горе».

1. **Во фразеологической зоне НП слова «тоска»** производные концепты распределены по **восемью концептуальным областям**, в которых исходный концепт развивается (а) как понятийный, «концептуально-простой» (1-я область), или (б) как пропозициональный, «концептуально-сложный», по Н.Н. Болдыреву (Болдырев Н.Н., 2014: 52, 53) (2, 3, 4, 5, 6-я области), или как смешанный концепт, сочетающий пропозициональную структуру с понятийной (7, 8-я области). Области выделены на основе обнаруженных в них общих когнитивных компонентов, партиципантов:

1. Признак «**сила**» (+ эмоция): *вавилонская тоска (книжн.)* (Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И., 1998: 571); *зеленая тоска (разг.)* (Тихонов А.Н., Ломов А.Г., Ломова Л.А., 2007: 90); *черная тоска; давящая тоска (гнетущая); щемлящая тоска* (Шведова Н.Ю., 2003: 632); *тоски не прибрать кому* (Апресян Ю.Д., 1995: 125-126).

2. Партиципант «**источник**» (+ эмоция): *тоска по родине (иноск.)* (Михельсон М.И., 2004: 1885); *наводит (вызывает) тоску (неодобр.)* (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2007: 667); *нагнать тоску (разг.)* (Шведова Н.Ю., 2007: 727).

3. Партиципант «**субъект** (+ эмоция)»: *чувствовать тоску* (Шведова Н.Ю., 2007: 730).

4. Партиципant «**длительность**» (+ эмоция) в разновидностях: «постоянство» – *тоска заела кого (разг.)* (Шведова Н.Ю., 2007: 724, 730); «начало» – *тоска напала на кого (что)*; *тоска накатила на кого-нибудь*; (Шведова Н.Ю., 2007: 724, 727); *пасть в тоску* (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2007: 667); «завершение» – *тоска приглушилась*; *тоска примолкла (разг.)*; *тоска развеялась*; *тоска рассеялась*; *тоска отлегла от сердца (разг.)*; *размыкать тоску (устар., разг.)*; *разогнать тоску (разг.)*, *прогнать тоску*; *излить тоску* (Шведова Н.Ю., 2007: 725, 727-729).

5. Партиципant «**лишение**» (+эмоция): *размыкать тоску (устар., разг.)*; *разогнать тоску (разг.)*; *прогнать тоску*; *излить тоску* (Шведова Н.Ю., 2007: 725, 727-729); *отлить тоску* (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2007: 667). Элемент («лишение – отсутствие») противопоставляет данный концепт-дериват всем другим концептам, признаки которых отмечены обобщающим признаком («наличие»). С этой областью сближается область «длительность» в разновидности «завершение» с перспективой утраты эмоции.

6. Синкретичный «**субъект-объект**» (+ эмоция): *тоска заела кого*; *тоска извела кого*; *тоска истомила кого*; *тоска одолела кого-нибудь*; *тоска напала на кого (что)*; *тоска накатила на кого-нибудь*; *тоска взяла кого-нибудь*; *тоска завладела кем-нибудь*; *тоска проняла кого*; *тоска гнетет кого (что)*; *тоска сдает кого*; *тоска крушит кого*; *тоска гонит кого-нибудь*; *тоска бьет кого*.

Синкретичность дистинктивного элемента в этой области – результат имплицитной полипропозициональности как разновидности «скрытой полипредикативности»: «**кто-то** тоскует» – имплицитная пропозициональность со скрытым «субъектом», входящим в значение существительного; «тоска воздействует **на кого-то**» с актуализируемым «объектом», входящим в сочетаемость глагола *заела*. «Субъект-объект» выражает бифункциональность одного участника ситуации. Данная трактовка согласуется с мнением В.Г. Гака, который пишет, что скрытая предикативность в предложении может быть выражена «процессным существительным, которое заменяет предложение» (Гак В.Г., 1986: 54). Синкретичный партиципant показывает, что она возникает и во фразеологизмах.

7. Партиципant «**вместилище**» (+ эмоция): *тоска теснит грудь (сердце)*; *тоска гложет сердце (разг.)*; *тоска раздирает сердце*; *тоска сдавила грудь*; *тоска сжала сердце*; *тоска навалилась на сердце*; *тоска налегла на сердце* (Шведова Н.Ю., 2007: 724, 730). Он часто дополняется признаком «**сила**», заложенным в структурных значениях исходного слова, а также в значениях глаголов в составе фразеологизмов.

8. Признаки «**сила**» + синкретичный «**субъект-объект**» (+ эмоция): *тоска заела кого (разг.)*; *тоска извела кого (разг.)*; *тоска истомила кого (прост., обл.)*; *тоска одолела кого-нибудь*; *тоска напала на кого (что)*; *тоска накатила на кого-нибудь*; *тоска взяла кого-нибудь*; *тоска завладела кем-нибудь*; *тоска проняла кого (разг.)*; *тоска гнетет кого (что)*; *тоска сдает кого (высок.)*; *тоска гонит кого-нибудь*; *тоски не прибрать кому* (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2007: 667).

Концептуальные области, или просто области, фразеологической зоны отражают развитие исходного простого концепта по аддитивному и инферентному типу в процессах концептуальной деривации, в которой создание нового концепта происходит как модификация простого или как трансформация простого концепта в сложный. Доминирование предикативных фразеологизмов маркирует безусловное преобладание когнитивных процессов создания новых сложных концептов в виде скетч-фреймов, реализующих интенции, заложенные в валентностях глагола, и актуализирующих ситуативно выделенные компоненты фрейма как общей схемы опыта (Бабина Л.В., 2005: 142). Соотношение концептуальных областей фразеологиче-

ской зоны, восходящих к исходному концепту «Тоска», выступающему как представитель понятийного типа, 1:5:2, показывает, что на его основе создаются, составляются новые сложные концепты с выделенным ситуацией участником. В одной области это «субъект», в другой – «источник» и т.д. (5 областей) и еще две области со смешанными концептами, в которых концептуальная деривация создает концепты, содержащие как актанты (элементы пропозиции), так и признак «сила» (из набора признаков понятийного концепта). Причем этот признак выступает и самостоятельно в первой области, образуя производные концепты как модификации производящего концепта, сохраняющие структуру простого концепта.

Относительно дистинктивных элементов, преобразующих исходный концепт, следует отметить, что в литературе они различаются в зависимости от того, в состав, каких типов концептов по структуре они входят: «концептуально-простые» (понятийные) или «концептуально-сложные» (Болдырев Н.Н., 2014: 53) (пропозициональные). Первые включают набор признаков (категориальных и дифференциальных), вторые – разные конфигурации актантов и сирконстантов). Но и первые и вторые концепты могут быть «полными» и «неполными». Полные содержат знания, полученные в познании, опыте, вторые отражают ситуативную ориентированность концепта, в его готовности к вовлечению в общение в разных ситуациях.

Но у производных простых концептов признак «сила» (в этой и в остальных фразеологических зонах) сохраняется в разных ситуациях употребления, а реагируют на них лишь элементы сложных концептов. Соответственно для характеристики дистинктивных элементов простых производных концептов используется термин *признак*, а для маркировки ситуативного ракурса сложных концептов используется термин *партиципant*, который называет не любого, а именно того участника ситуации, который имеет более важное значение (Тестелец Я.Г., 2001: 169). Фокусы ситуациям придают входящие во фразеологизмы предикаты и актуализированные их сочетаемости.

II. Фразеологическая зона НП слова «грусть» состоит из **семи концептуальных областей**. Все производные концепты в этой зоне простой исходный концепт преобразуют в сложный, пропозициональный, при этом построение пропозиции в одном случае осложняется добавлением признака интенсивности эмоции («сила»), как и в рассмотренной выше зоне. В пропозициях качестве инвариантов выступают ситуативно выделенные компоненты, входящие в валентности входящих во фразеологизмы глаголов, тогда как признак «сила» входит в валентность имени эмоции. Концептуальные области представляют сферу действия концептуальной деривации, которая направляется экстралингвистическими ситуациями и валентностями компонентов фразеологизмов:

1. Признак **«источник»** (+ эмоция): *навеять грусть* (Шведова Н.Ю., 2007: 118).

2. Партиципant **«субъект»** (+ эмоция): *в грустях кто* (прост., шутол.) (Шведова Н.Ю., 2003: 92).

3. Партиципant **«длительность»** (+ эмоция) в разновидностях: *«начало» – грусть затеплилась; грусть напала на кого (что); грусть нашла на кого-нибудь; грусть зазвучала; грусть охватила душу* (Шведова Н.Ю., 2007: 113, 118-120); *«завершение»: грусть развеялась, грусть рассеялась* (Шведова Н.Ю., 2007: 120).

4. Синкретичный партиципant **«субъект-объект»**: *грусть напала на кого (что); грусть нашла на кого-нибудь; в грустях кто* (Апресян Ю.Д., 1995: 125-126).

5. Партиципant **«вместилище»** (+ эмоция): *грусть таить в себе; грусть охватила душу* (Шведова Н.Ю., 2007: 120-121).

6. Партиципant **«способ»** (+ эмоция): *грусть зазвучала* (Шведова Н.Ю., 2007: 113).

7. Признак **«сила»** (+ эмоция) + партиципant **«субъект-объект»**: *грусть напала на кого (что), грусть нашла на кого-нибудь, грусть снедает кого* (высок.) (Шведова Н.Ю., 2007: 118-120).

Фразеологическая зона НП слова «грусть» демонстрирует преобладающее сходство в динамике концептуальной деривации, в которой доминирует процесс преобразования простого производящего концепта в сложные, представляющие ситуации в виде скетч-фреймов, «ситуативных» фреймов, которые включают элементы, попавшие «в фокус внимания при интерпретации данной конкретной ситуации» (Бабина Л.В., 2005: 143). Они реализуют валентность глаголов в составе фразеологизмов и осмысливаются по инферентному типу с «перспективацией». Аддитивный тип концептуальной деривации во фразеологической зоне неактивен и генерирует простые производные концепты за счет реализации валентности исходного имени эмоции.

Ситуативные скетч-фреймы в двух зонах обнаруживают общие и несовпадающие элементы в их структурах. Общими являются шесть областей с маркерами: «источник», «субъект», «длительность», синкретичный «субъект-объект», «вместилище» и смешанный концепт, который компонуется по аддитивному и инферентному типам «сила» + синкретичный «субъект-объект». Не совпадают элементы «сила», «лишение», используемые в деривации аддитивного и инферентного типов (производящий концепт «Тоска») и партиципant «способ» в деривации инферентного типа (производящий концепт «Грусть»). Анализ двух фразеологических зон показывает, что близость исходных концептов, обеспечивает не только синонимию выражающих их слов, но и в основном аналогичное участие в концептуальной деривации, сопровождающей фразеобразование слов, с привлечением одних и тех же элементов. Непересекающиеся скетч-фреймы демонстрируют отражаемые фразеологизмами разные ситуации.

Количественный состав фразеологизмов свидетельствует о том, что первое исходное слово более продуктивно, чем второе, соответственно выражаемый им концепт более активно вовлекается в концептуальную деривацию.

III. **Фразеологическая зона НП слова «печаль»** представлена производными концептами, которые объединяются общими структурами в **шесть областей**:

1. Признак «**сила** (+ эмоция)»: *посыпались печали на кого-нибудь* (Шведова Н.Ю., 2007: 671).

2. Партиципant «**источник**» (+ эмоция): *наевать печаль; низошла печаль на кого-нибудь (высок.)* (Шведова Н.Ю., 2007: 671).

3. Партиципant «**субъект**» (+ эмоция): *в глубокой печали* (Ожегов С.И., 1989: 514); *в кручине и печали кто-нибудь* (Шведова Н.Ю., 2003: 564); *быть в печали; погрузиться в печаль; чувствовать печаль* (Шведова Н.Ю., 2007: 659-683); *какая печаль кому (прост., ирон.); что за печаль кому (прост.); не твоя (не ваша) печаль (прост.)* (Федоров А.И., 2008: 468).

4. Партиципant «**длительность**» (+ эмоция) в разновидностях: «постоянство» – *быть в печали; таить свою печаль* (Шведова Н.Ю., 2007: 659, 681); *в кручине и печали кто-нибудь* (Шведова Н.Ю., 2003: 564); «начало» – *посыпались печали на кого-нибудь; печаль навалилась на сердце (разг.); печаль сжала душу (сердце); печаль охватила душу* (Шведова Н.Ю., 2007: 671-680); «завершение» – *печаль рассеялась, размыкать печаль (устар., разг.); разогнать печаль (разг.); прогнать печаль; излить печаль; усыпить печаль* (Шведова Н.Ю., 2007: 663-682).

5. Актантная структура донативной принадлежности: «**мена обладателя**: первый обладатель + лишение / передача + (эмоция) + второй обладатель»: *держат печаль за кого* (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2007: 496).

6. Партиципant «**вместилище**» (+ эмоция): *таить свою печаль; сокрыть печаль (устар., высок.), скрыть печаль* (Шведова Н.Ю., 2007: 671-681); *спит печаль в глубине души; печаль сдавила сердце; печаль сжала душу (сердце); печаль навалилась на сердце; печаль легла на сердце; печаль охватила душу; лежит печаль на сердце; спит печаль в глубине души* (Шведова Н.Ю., 2007: 682).

Данная зона формируется действием двух типов концептуальной деривации – аддитивного типа (1-я область) и инферентного типа (остальные 5 областей). Здесь также ограничено действие первого типа концептообразования не только по количеству областей, но и по количеству фразеологизмов. Проявляется меньшая активность исходного концепта «Печаль», выступающего как источник шести концептуальных областей вместо семи и восьми областей в первой и второй фразеологических зонах. Кроме того он не расширяет состав когнитивных элементов, участвующих в создании производных концептов. И благодаря этому третья зона подтверждает аналогию в процессах концептуальной деривации, сопровождающей фразеобразование на основе слов, выражающих близкие по содержанию концепты. Некоторые вариации возникают в концепте с имплицитным компонентом «источник», а также в реализации компонента «длительность». Последний выступает в трех разновидностях: «постоянство», «начало», «завершение», тогда как в зоне слова «тоска» в двух разновидностях «постоянство», «начало», а в зоне слова «грусть» в разновидностях «начало», «завершение».

IV. **Фразеологическая зона НП слова «горе»** демонстрирует, как и фразеологические зоны слов «тоска», «печаль» действие аддитивного и инферентного типа концептуальной деривации. Первый тип создает первую область, модифицируя исходный простой концепт, а второй тип одиннадцать областей, в которых производные концепты преобразуют производящий концепт в сложные концепты. Таким образом, фразеологическая зона НП слова «горе» состоит из **12 концептуальных областей**:

1. Признак «**сила**» (+ эмоция): *горе горькое (разг.), горе-злосчастие; с горя, на горе чье (разг.)* (Шведова Н.Ю., 2003: 90); *горе горевать (народно-поэт., прост.)* (Тихонов А.Н., Ломов А.Г., Ломова Л.А., 2007: 54); *горе серое; горе по горю идет* (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2007: 153-154).

2. Признак «**источник**» (+ эмоция): *горе от ума (книжн.); накликать горе (разг.)* (Шведова Н.Ю., 2007: 105).

3. Признак «**субъект**» (+ эмоция): *горе луковое (устар., шутол., ирон.); горе лыковое (народн., шутол., ирон.); горе, лыком подпоясанное (народн., шутол., ирон.)* (Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И., 1998: 128, 355); *горе женится, нужда замуж идет* (Федосов И.В., Лапицкий А.Н., 2003: 116); *горе ты мое (разг.)* (Федоров А.И., 2008: 151); *горе горевать (народно-поэт., прост.)* (Тихонов А.Н., Ломов А.Г., Ломова Л.А., 2007: 54); *горе мыкать (устар., прост.); хлебнуть (хватить) горя (разг.)* (Шведова Н.Ю., 2007: 105, 110); *горе маять; горе мычить; морщить горе (ирон.); ковыкать горе; горе не вяжется к кому; с горем не вязаться* (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2007: 153-154); *горе-вояки (разг., ирон.); горе-грамотей (ирон.); горе-вояки (разг., ирон.); горе-грамотей (ирон.)* (Шведова Н.Ю., 2007: 102-109).

4. Признак «**длительность**» (+ эмоция) в разновидностях: «постоянство» – *таить свое горе; горе мыкать (устар., прост.); горе давит грудь* (Шведова Н.Ю., 2007: 102-109); *вдоль горя; с горя на горе; водить горе; из горя не выходить; несть горе; быть за горем (на горях, по горю); трепать горе* (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2007: 153-154); «кратковременность» – *черпнуть (черпануть) горя (прост.)* (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2007: 153-154); «начало» – *горе берет / взяло кого; в горе бросает кого; горем взяться; пасть в горе; пойти по горям; горем убиться* (Шведова Н.Ю., 2007: 105-106); *навалилось горе на кого – что (разг.); обрушилось горе на кого-нибудь; горем взяться* (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2007: 154, 129); «завершение» – *излить свое горе* (Шведова Н.Ю., 2007: 108); *погребать горе, залиться в горе, водить горе, несть горе* (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2007: 153-154). Признак «длительность» может включаться в производный концепт в сочетании с синкретичным «**субъектом-объектом**»: *из горя не выходить кому* (Апресян Ю.Д., 1995: 125-126).

5. Актантная структура донативной принадлежности с «**меной обладателя**» (+ эмоция): *развести горе с кем, разносить горе, ошибиться горе* (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2007: 153).

6. Синкретичный признак «**субъект-объект**» (+эмоция): *горе подавило кого-что; горе точит кого-нибудь* (устар.); *навалилось горе на кого-что* (разг.); *горе берет / взяло кого; в горе бросает кого; обрушилось горе на кого-нибудь; горе иссушило кого-нибудь; горе истерзало кого (что); горе подсекло кого (что); горе пришибло кого (что); убит горем кто-нибудь* (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2007: 153-154).

7. Признак «**вместилище**» (+ эмоция): *горе давит грудь* (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2007: 153); *горе раздирает сердце* (Шведова Н.Ю., 2007: 102).

8. Признак «**объект** (+ эмоция)»: *доводить до зла, горя кого* (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2007: 153-154); *вести в горе кого; горе побежденным* (книжн.) (Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И., 1998: 129); *горе на кого-нибудь* (Шведова Н.Ю., 2007: 102).

9. Признак «**способ**» (+ эмоция): *таить свое горе; скрыть горе* (Шведова Н.Ю., 2007: 109); *веселить горе; хвалить горе погребаяючи; с горем пополам* (разг.); *горе бежит вперед кого* (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2007: 153-154). Признак «**способ**» (+эмоция) может дополняться элементом «**инструмент**»: *завить горе ремешком* (народн.); *намотать горе на клубок* (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2007: 153); *завить горе веревочкой* (разг., шутол.) (Шведова Н.Ю., 2003: 90). Некоторые производные концепты с данным элементом осложняются путем добавления синкретичного «**субъекта-объекта**» / признака «**сила**»: *горе точит кого-нибудь* (устар.), *горе иссушило кого-нибудь; горе истерзало кого (что); горе подавило кого (что); горе подсекло кого (что)* (устар.); *горе подавило кого (что); горе пришибло кого (что)* (разг.), *убит горем кто-нибудь* (Шведова Н.Ю., 2007: 110).

10. Признак «**динамическое состояние**» (+ эмоция / ее отсутствие): *серое горе* (ирон.) (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2007: 153); *без (какого) горя* (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2007: 153-154); *и горя не знает кто* (Шведова Н.Ю., 2007: 102); *и горя мало кому* (разг., неодобр.); *и смех и горе* (разг.) (Шведова Н.Ю., 2003: 90).

11. Актанты «**субъект**» («агенс») + «**пациенс**» (+ «эмоция») как «**партиципant**, более других вовлеченный в действие и претерпевающий в ходе него наиболее существенные изменения (состояния, физической формы)» (Рядинская С.В., Мигачев В.А., URL): *рассеять чье-нибудь горе, размыкать горе* (устар., разг.) (Шведова Н.Ю., 2007: 102-108). Некоторые производные концепты образуются с участием синкретичного «**агенса-пациенса**»: *топить / утопить горе в вине* (разг.), *заливать / залить горе* (разг.) (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2007: 153).

12. Актант «**причина**» (= эмоция): *от большого горя* (Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И., 1998: 129).

Проанализировано развитие концептов «Тоска», «Грусть», «Печаль», «Горе», вербально зафиксированное во фразеологических зонах номинативных парадигм выражающих их слов.

На характер концептуальной деривации влияет, во-первых, близость производящих концептов, а, во-вторых, валентность и сочетаемость слов, входящих во фразеологизмы. Когнитивный и семантический факторы обеспечивают совпадающие валентности исходных слов, а также частичное совпадение сочетаемости предикатов (глаголов). В связи с этим во всех проанализированных фразеологических зонах обнаружены четыре одинаковые концептуальные области с дистинктивными элементами «**источник**», «**субъект**», «**длительность**» (этот элемент в четвертой зоне имеет еще одну четвертую разновидность – «**кратковременность**»), «**вместилище**». Они образуют общую (типовую) часть областей четырех фразеологических зон, презентирующую общую радиальную эволюцию эмоциональных концептов.

Несовпадающая сочетаемость глаголов во фразеологизмах, которая детерминируется как языковыми, так и неязыковыми факторами, объясняет реализацию типовой области в конкретных концептуальных областях, содержащих, кроме общих, разные признаки / партициптанты. К таковым относятся: «**причина**», «**объект**», разделенные (два лица – две функции) «**субъект+пациенс**», «**динамическое состояние**», которые есть только в четвертой зоне. Некоторые нетиповые элементы входят в несколько индивидуальных областей: «**способ**» во вторую и четвертую области, синкретичный (одно лицо – две функции) «**субъект-объект**», дополненный признаком «**сила**» в первую и вторую области, синкретичный «**субъект-объект**» в первую, вторую, четвертую области, «**сила**» в первую, третью, четвертую области.

Типовая структура областей фразеологических зон – результат валентности имен эмоций, реализуемой во фразеобразовании. См.: «**сила**» (+ тоска / печаль / горе), но «**сила**» (* + грусть). Несовпадающие элементы структур связаны с различиями в сочетаемости глаголов, которая чаще реализуется во фразеологизмах, реже скрыта в значении глагола (см. «**вместилище**»: *спит печаль в глубине души; грусть охватила душу; таить свою печаль*).

Концептуальная деривация в рассмотренных областях фразеологических зон образует от производящих концептов, несущих в своей структуре черты простого понятийного концепта как набора признаков и имплицитирующих некоторые элементы пропозиции, новые концепты.

Производные концепты в основном создаются по инферентному типу и являются пропозициями в виде скетч-фреймов. Это шесть из семи, семь из восьми, пять из шести и одиннадцать из двенадцати областей соответственно в первой, второй, третьей и четвертой фразеологических зонах. Реже они генерируются по аддитивному (три области с признаком «сила») или смешанному типу с участием аддитивности и инферентности (включение элемента «сила» вместе с синкретичными элементами «субъект-объект» в первой и второй зонах, «субъект-пациенс» в четвертой зоне, с партиципантом «вместилище» в первой зоне). В составе смешанных концептов признак и партициптанты неравноправны. Главенствуют вторые, так что содержащие их концептуальные структуры можно отнести к периферии сложных концептов.

Таким образом, проанализированные фразеологические зоны НП демонстрируют активность образования пропозициональных концептов с ситуативно профилированными структурами.

Литература

1. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М., 1995. – Т. 1. – 472 с.
2. Бирих, А.К., Мокиенко, В.М., Степанова, Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
3. Бабина, Л.В. Концептуальная деривация и ее проявление на языковом уровне // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. – Тамбов: ТГУ, 2005. – С. 141-149.
4. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика. Введение к когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 4-е испр. и доп. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.
5. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. – М.: Высшая школа, 1986. – 832 с.
6. Жаналина, Л.К. Интегративное словообразование: Монография. – Алматы: КазНПУ им. Абая, 2011. – 492 с.
7. Михельсон, М.И. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона: ETS Publishing house, 2004. – 2208 с.
8. Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: Олма Медиа Групп, 2007. – 784 с.
9. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 21-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1989. – 924 с.

10. Рядинская, С.В., Мигачев, В.А. Падежная грамматика Ч. Филлмора и современное понимание ролевой семантики глагола. (Электронный ресурс). URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/7269/1/Ryadinskaya_Padezhnaya.pdf

11. Тестелец, Я. Г. Введение в общий синтаксис. – М.: Издательство РГГУ, 2001. – 798 с.

12. Тихонов, А.Н., Ломов, А.Г., Ломова, Л.А. Фразеологический словарь русского языка. – М.: Русский язык. Медиа, 2007. – 334 с.

13. Федоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц, 3-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.

14. Федосов, И.В., Лапицкий, А.Н. Фразеологический словарь русского языка. – М.: «ЮНВЕС», 2003. – 608 с.

15. Шведова, Н.Ю. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: РАН ИРЯ, 2003. – Т. 3. – 720 с.

16. Шведова, Н.Ю. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: РАН ИРЯ, 2007. – Т. 4. – 952 с.

Summary. The article analyzes the phraseological zones of nominative paradigms (NP) in the words “longing”, “sadness”, “sorrow”, “grief” by using the methods of paradigmatic modeling and conceptual reconstruction. The structures of the zones are built. They are the result of additive and inferential conceptual derivation, which forms new derivative concepts, verbalized in parallel.

Key words: concept, semantics, frame, phraseological zones, emotional breadth, paradigmatic modeling, conceptual reconstruction.

КОМПАРАТИВНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ЕЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Е.Ф. Киров

Россия, г. Москва, Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина
evg-kirov@yandex.ru

Компаративистика достигла значительных результатов во многих областях лингвистического описания, особенно заметны успехи в области фонетики, где были открыты фонетические законы второго передвижения германских согласных, распознаны звуковые соответствия юсов и т.д. Весьма успешными были компаративистские штудии в области лексики, весьма заметны были успехи в области грамматики. Однако никогда не существовало компаративной фразеологии – в силу более позднего формирования фразеологии как науки в целом, поэтому в задачи этой статьи входит обоснование такой разновидности науки (см. Киров Е.Ф., 2010) – при этом следует иметь в виду, что собственно сопоставительная фразеология существует уже давно, но это другой ракурс описания устойчивых фразеологических выражений (Копыленко М.М., Попова З.Д., 1983).

Чтобы дальнейшее описание было понятным, необходимо дать определение фразеологизма в широком смысле слова (как ФЕ). Итак, основываясь на понимании фразеологизма основателями этого направления (Bally Ch., 1921; Ларин Б.А., 1977; Виноградов В.В., 1977 и др.) и опираясь на «Топику» Аристотеля, предложим такое определение: фразеологизм (ФЕ) – это устойчивое выражение в виде словосочетание или предложения, воплощающее в своей семантике топос (нечто общеизвестное), обладающее стилистической и эмоционально-оценочной функцией.

Некоторого комментирования требует понятие «топос», которое мы связали с фразеологизмом. Это понятие трактуется неоднозначно со времен Аристотеля и по сей день. В. П. Москвин, специально исследовавший многозначность термина «то-

пос» в античном словоупотреблении, выделяет три значения термина: это «правило, закон, аксиома» (1). Далее, «параметр анализа, угол зрения для производства доводов» (2). Наконец, «довод, аргумент, софизм» (3) (Москвин В.П., 2008: 98 и сл.). По мнению Г.Г. Хазагерова, наиболее корректным по отношению к риторике и в то же время наиболее продуктивным представляется толкование термина **топос**, которое может конкретизироваться как «естественные пути, по которым идет мысль» (Grimaldi W., 1972: 130), откуда, кстати, берет начало уничижительная трактовка «общего места» (топоса) с позиций романтического мышления: общее место – избитая мысль.

Г. Г. Хазагеров считает, что топос – это коммуникативный инструмент, с помощью которого можно, а иногда нужно (в проекции – прескриптивный компонент риторики) рассматривать данный предмет» (Хазагеров Г.Г., Топос vs концепт). В сущности, такое представление близко к тому, что подразумевал под словом «топос» Аристотель в своей «Топике» и «Риторике». Однако как понятие, так и термин претерпели значительное развитие, выйдя за пределы чисто риторической силлогистики и приобретя уже философское наполнение, при котором топос по своей семантической сути приближается к концепту. Как нам представляется, топос действительно может отличаться от концепта, но не по своей сути, как это видит Г. Г. Хазагеров, а по объему: топос – это то же самое, что и концепт, но шире (Киров Е.Ф., 2009). Так, если концепт связан с понятием и словом, то топос связан с гештальтом, т. е. жизненной сценкой, которая имеет типизированный характер. Так, топосами являются сцены прощания, покупки, приветствия, выступления с докладом и т. д. – т. е. все, что происходит традиционно по шаблону, но не только в жизненной, а также и в ментальной сфере.

Топосом становится все, что имеет характер повторяемости, устойчивости, традиционности общего понимания в разных сферах жизни языкового сообщества. К типичным ментальным топосам относятся десять библейских заповедей, а также множество топосов как религиозно-этического, так и эстетического, морального, политического и т. д. свойства. Естественно, что первичными являются топосы бытового свойства («все яйца не кладут в одну корзину» и т.д., которые могут переосмысливаться как принцип финансово-валютных операций). Вполне понятно, что наиболее ярким выразителем топоса может стать и становится фразеологизм (ФЕ), что, очевидно, следует признать и качестве универсалии языка.

Таким образом, и термине «фразеологизм» (ФЕ) мы, вслед за В.М. Мокиенко, объединяем термин «идиома», а также пословицы и поговорки, которые различаются формально – пословицы оформлены как предложения, поговорки – как словосочетания, «отличающиеся от пословицы своей синтаксической незаконченностью» (Ахманова О.С., 1966: 328). Крылатые выражения могут входить в ФЕ даже несмотря на то, что имеют авторство, поскольку они функционально совпадают с ФЕ. Возникло даже название направления в фразеологии – «крылатология» (Шулежкова С.Г.), в рамках которого созданы словари крылатых выражений русского языка (Серов В., 2005).

Важными положениями компаративистики являются понятия «филия» (семья), родословное древо», «праязык» и «реконструкция». Если первые два положения понятны без комментариев, поскольку экстраполированы из биологических наук, то последующие следует прокомментировать.

Понятие праязыка (реконструированного языка древнейшего времени, из которого произошли родственные языки) возникло в трудах родоначальников компаративистики Я. Гримма, Р. Раска, А. Востокова и др. (особо подчеркнем значение знаменитого «Грундрисса» младограмматиков (Brugmann K., Delbruek V., 1897-1916). Наибольшего развития это направление достигло в трудах Аугуста Шлейхера, реконструировавшего индоевропейский праязык и написавшего на нем басню.

В статье Н.С. Трубецкого «Мысли об индоевропейской проблеме» (1958) можно обнаружить отказ от понятия праязыка, который был заменен понятием праиндоевропейского языкового союза, который образовался в результате конвергенции неродственных индоевропейских диалектов или языков (Трубецкой Н.С., 1958: 68).

Реконструкция любого языкового состояния, если она построена на правильных посылах, является вполне научной, при этом следует принципиально отказаться от установки на вопрос: а существовал ли такой праязык в реальности. Достаточным основанием является утверждение, что такой язык мог существовать, поэтому вполне научной является более глубокая в хронологическом плане реконструкция ностратического состояния языка, которую блестяще провел в свое время В.М. Иллич-Свитыч, а в последующее время разрабатывал С.А. Старостин и в настоящее время в еще более расширенном и углубленном виде разрабатывают В.А. Дыбо и А.В. Дыбо (Иллич-Свитыч И.М., 1971; Старостин С.А., 2007; Дыбо В.А., 1982; Дыбо А.В., 1995).

Обратимся к вопросу о реконструкции как научной процедуре восстановления гипотетического и более древнего состояния языка. Э. Макаев, видный специалист в области компаративистики, пишет: «Методика сравнительной и внутренней реконструкции является самой существенной частью сравнительного языкознания» (Макаев Э., 1977: 74). В компаративистике выработаны два вида реконструкции: под сравнительной реконструкцией понимается так называемая внешняя реконструкция, проводимая на материале сравнения разных языков, которые были родственными на разных исторических стадиях. Под внутренней реконструкцией понимается процедура восстановления состояния языка, основанная на сравнении фактов этого же языка, что обусловлено отнюдь не установкой ученого, а невозможностью выявления генетических связей языка с другими (такова ситуация, например, с баскским языком). В последнее время наиболее приемлемой процедурой признается динамическая реконструкция индоевропейского праязыка, при которой исходный реконструкт (праязык) понимается как изменчивая, эволюционирующая система. При такой процедуре применяется не один традиционный сравнительно-исторический метод, хотя он остается главенствующим, а используется комплексная методика анализа разных хронологических срезов, при которой традиционный сравнительно-исторический метод обогащается современными приемами лингвистического анализа. Все же рациональным следует признать только одно ограничение на компаративистскую реконструкцию, приведенное Е. Куриловичем: «Невозможно реконструировать *ab finitum*. Мы должны удовольствоваться реконструкцией этапов, граничащих с исторической действительностью» (Kurilowich E., 1964: 58), понимая при этом под исторически достижимым также и ностратическое пространство. Весьма вероятно, что следует признать научным также принцип неединственности реконструкции праязыка, при котором в результате процедуры восстановления древнейшего состояния могут возникать конкурирующие модели языка или единиц языка, которые условно признаются общими для ряда родственных.

Основным для нашего исследования будет фрагмент генеалогического древа, созданного А. Шлейхером (Schleicher A., 1876). На этом фрагменте имеется общая балто-германо-славянская ветвь (славо-германская), которая позже разделяется на германскую и балто-славянскую ветвь (славо-литовскую), которая, в свою очередь, разделяется на балтийскую (литовскую) и славянскую ветви. В практической части мы постараемся показать, как можно реконструировать фразеологизм предшествующего состояния языка, а затем еще более предшествующего, полагая, что такой фразеологизм мог существовать в реальном функционировании.

В качестве материала для анализа возьмем две ФЕ: русский «*Душа болит*» и литовский «*Sirdi skauda*» – фразеологизмы взяты из фразеологического словаря литовского языка Й. Паулаускаса (Paulauskas J., 2001) и фразеологического словаря русского языка А. И. Молоткова (Молотков А.И., 1986). Важным добавлением к тра-

диционному сравнительно-историческому методу является применение компонентного анализа, который замечательно зарекомендовал себя при изучении и описании лексического строя языка и, как представляется, вполне применим к описанию семантики фразеологизмов. При этом мы предлагаем дополнительно вести речь о фразеосеме как первичной атомарной единице семантики фразеологизма, который в таком случае, подобно семеме в лексическом компонентном анализе, предстает в виде структуры фразеосем. Р. О. Якобсон говорил о фонеме как о пучке различительных признаков (подобная идея содержится и у Н. С. Трубецкого в «Основах фонологии» и восходит к идее аккорда акусм, образующих фонему, по мнению И. А. Бодуэна де Куртенэ). Подобным образом и семантическая сторона фразеологизма может быть представлена как «пучок фразеосем». Однако, продолжая экстраполяции из области фонологии, следует ввести и понятие «нейтрализации» фразеосем, т. е. устранения части фразеосем в определенных слабых позициях бытования ФЕ.

Применительно к компаративному анализу фразеологизмов, – слабой позицией, в которой можно усмотреть нейтрализацию фразеосем, очевидно, следует признать более обобщенный менталитет в хронологический предшествующем срезе, который является общим для нескольких сравниваемых языков. Если взять за основу систематику хронологических срезов А. Шлейхера, упомянутую выше, то мы получим первую хронологическую позицию при «откручивании времени назад», где возможна нейтрализация фразеосем – это балто-славянский предшествующий хроносрез. Итак, исходная позиция: в современном литовском языке есть две ФЕ «душа болит» (*Sirdi skauda*), и «сердце плачет» (*Sirdis vekia*), а в современном русском языке есть только одна ФЕ «Душа болит». При процедуре реконструкции «протоФЕ» на уровне балто-славянского хроносреза можно предполагать нейтрализацию локальной фразеосемы, т. е. места пораженного состояния «душа» и «сердце» на обобщенное место: внутри – где-то в груди, полагая, что душа у славян, как и сердце, тоже локализована в груди (во всяком случае, русские всегда прижимают руку к груди, когда говорят о душе). В таком случае две конкретные фразеосемы «душа» и «сердце» нейтрализуются, возникает обобщенная фразеосема «в груди».

Продолжая углубление во времени к предшествующему балто-германославянскому хроносрезу, предположим, что нейтрализация фразеосем продолжалась и затронула и другие компоненты этого фразеологизма, которые на таком уровне обобщения оказываются периферийными. Вполне понятно, что фразеосема субъектности (Я – мне – у меня) не может быть нейтрализована в силу своего базового характера, однако соматическая фразеосема «в груди» может быть нейтрализована также и приобрести более обобщенный вид фразеосемы «внутри». Систематика базовой фразеосемы и нейтрализованных фразеосем в виде «аккорда сем» в конечном итоге приводит к реконструкции вероятного фразеологизма балто-славяногерманского хроносреза, который мог иметь вид: «Мне плохо внутри».

Реконструкция может быть продолжена и для уровня индоевропейского хроносреза, и в таком случае при сохранении базовой фразеосемы субъектности и рематической фразеосемы состояния при дальнейшей нейтрализации до нуля соматической фразеосемы локуса «внутри» можно получить пропозицию фразеологизма типа «Мне плохо» (вообще).

При анализе фразеосистем индоевропейских языков такие варианты обнаруживаются как возможные осколки предшествующих состояний: «Худенько мни» укр.; «Дрянно» белор.; «Es ist mir schlecht» нем. и т. д. Важно подчеркнуть, что такое употребление ФЕ вполне могло быть в том мире, который мы называем индоевропейским.

Естественно, что углубление в историю вплоть до индоевропейского праязыка является очень интересной научной проблемой.

Литература

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.
2. Берков, В. П., Мокиенко, В. М., Шулежкова, С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. – М.: Астрель, 2000. – 624 с.
3. Виноградов, В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Просвещение, 1977. – С. 118-139.
4. Дыбо, В. А. Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумные (материалы к реконструкции) // Балто-славянские исследования. 1981. – М., 1982. – С. 205-261.
5. Дыбо, А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). – М.: Гнозис, 1995. – 385 с.
6. Иванов, В. В., Топоров, В. Н. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. – М.: Наука, 1974. – 342 с.
7. Иллич-Свитыч, В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский) Введение. Сравнительный словарь (В – К). – М., 1971. – 408 с.
8. Киров, Е. Ф. К обоснованию компаративной фразеологии // *Meninis tekstas*. №7 (2). – Vilnius, 2010. – P. 75-82.
9. Копыленко, М. М., Попова З. Д. Сопоставительная фразеология: состояние и перспективы // Лексические и грамматические компоненты языковом знака. – Воронеж: ВГУ, 1983. – С. 149-157.
10. Ларин, Б. А. Очерки по фразеологии (о систематизации и методах исследований и > фразеологических материалов // Ларин Б. А. История русского языка и общо языкознание. – М.: Наука, 1977. – С. 125-149.
11. Макаев, Э. Общая теория сравнительного языкознания. – М.: Наука, 1977. – 224 с.
12. Молотков, А. И. Фразеологический словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.
13. Москвин, В. П. Аргументативная риторика: теоретический курс для филологов. – Ростов-на-Дону, 2008. – 637 с.
14. Трубецкой, Н. С. Мысли об индоевропейской проблеме // Вопросы языкознания, 1958, №1.
15. Трубецкой, Н. С. Основы фонологии. – Москва: Прогресс, 1960. – 336 с.
16. Серов, В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. Вадим Серов (составитель). – М.: Локид-Пресс, 2005. – 852 с.
17. Старостин, С. А. Труды по языкознанию. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – 928 с.
18. Хазагеров, Г. Г. Топос vs концепт. // Авторский сайт Георгия Хазагерова. Режим доступа: <http://www.hazager.ru/pragmatica/82--vs-.html> свободный, загл. с экрана, текст на экране рус.
19. Bally, Ch. *Traite de stylistique francaise*. – Heidelberg, 1921. – P. 66-92.
20. Brugmann, K., Delbrueck, B. *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*. – Strassburg, 1897-1916. – 467 S.
21. Grimaldi, W. *Studies in the Philosophy of Aristotle's Rhetoric*. – Wiesbaden, 1972. – 385 p.
22. Kurilowich, E. *The inflectional categories of Indo-European*. – Heidelberg, 1964. – 284 p.
23. Paulauskas, J. *Frazeologijos zodynas*. – Vilnius: Lietuvia kalbos institutas, 2001. – 885 p.
24. Schleicher, A. *Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen* – Weimar, 1876. – 392 S.

Summary. Comparative studies have yielded significant results in many areas of linguistics. They are most apparent in phonetics. However, comparative analysis in the field of phraseology relying on comparative-historical method is yet pending. There is an adjacent held – contrastive phraseology, which is alternatively based on contrastive method. If comparative-historical method is merged with component analysis, we can opt for a new linguistic dimension – phraseological comparative studies.

The article deals with Russian and Lithuanian idioms with similar meanings. The applied method of contrastive analysis enables us to reveal specific idioms. At the same time application of comparative method has led to restoration of virtual forms of those idioms in preceding epochs with regard to different languages. Striking effect of this method is to approximate the values of idioms in different languages. Convergence of the meanings of the idioms under analysis is striking result of the study related to the use of the comparative method.

Key words: contrastive phraseology, Russian and Lithuanian idioms, comparative method, phraseological semantics.

РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИИ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИЙ «ВРЕМЯ» И «ПРОСТРАНСТВО» В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОСМИЧЕСКОГО ХРОНОТОПА В ПОЭЗИИ

А.М. Мелерович

Россия, г. Кострома, Костромской государственный университет
amelerovich@mail.ru

В.М. Мокиенко

Россия, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет
mokienko40@mail.ru

А.Е. Якимов

Россия, г. Кострома, Костромской государственный университет
aleyakim@mail.ru

Категории «Пространство» и «Время» являются важнейшими составляющими картины мира, ключевыми концептами культуры, вербализуемыми лексикой, фразеологией, запечатленными в грамматике языка. Все явления действительности, всё сущее в мире воспринимается сквозь призму концептуальной модели времени, нашедшей отражение в системах языковых знаков и форм. Время неотделимо от пространства. Постигая и осваивая пространство, человек «находит себя в нём, т.е. начинает творить по образу и подобию пространственных форм» (Трессиндер Д., 1999: 331). Любой художественный текст образует упорядоченный мир, обладая своим особым хронотопом, своими временными и пространственными параметрами. По М.М. Бахтину, сущность хронотопа определяется неразрывностью времени и пространства: время в художественном тексте «сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же <...> втягивается в движение времени, сюжета, истории» (Бахтин М.М., 2000: 10).

В языковых моделях хронотопа нашли яркое отражение признаки антропоцентричности. «Жизнь человеческая просматривается сквозь призму модели времени: *утро жизни* (о юности), *закат жизни* (о старости) и под» (Маслова В.А., 2008).

Среди микросистем, организующих пространство русской поэтической картины мира, особое место принадлежит концептосфере, репрезентирующей поэтический хронотоп.

Рассмотрим некоторые особенности системной организации, своеобразие концептообразующего и стилеобразующего функционирования выделенной концептуальной парадигмы в контексте отдельных поэтических произведений в границах определенного поэтического дискурса, представленного рядом стихотворений поэтов XIX – начала XXI веков, стихами Державина, Тютчева, Блока, Мандельштама, Пастернака, Цветаевой, Тарковского, Окуджавы и др. – теми поэтическими произведениями, в которых данная концептосфера получила наиболее наглядно-образное и философски обобщенное воплощение.

В поэтическом дискурсе ФЕ *во время оно*, отражая идею изначальности существования явлений, передаёт неразрывную связь времён. См. следующие употребления ФЕ *во время оно* в стихах Л. Миллер:

И сыплются, сыплются с тополя, с клена
Осенние листья *со времени она*,
И каждый по ветру летит, окрылён...
«И лист, покругившись, летит с паутины...»
Все эти времена лихие,
Все времена,
Как листья прощуршат сухие.
На письмена
Похож узор на листьях клёна.
Роняет клён
И нынче, как *во время оно*,
Поток письмён.
«Все эти времена лихие...»

В представленном поэтическом контексте оборот *со времени оно* выражает концептуальное содержание «с незапамятных времён, ныне и навсегда». В стихотворении «Все эти времена глухие...» сравнение узора листьев клёна с «поток писем» глубоко символично: здесь образ «потока писемён» создаёт аллюзию на изначальные смыслы-символы Мироздания. Ср. с употреблением ФЕ *во время оно* в стихотворении «Сказка» (роман Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго») в контексте фразеологической конфигурации, создающей сказочно-мифологический хронотоп:

Встарь, *во время оно*,
В сказочном краю
Пробирался конный
Степью, по репью.

Он спешил на сечу,
А в степной пыли
Тёмный лес навстречу
Вырастал вдали.

Здесь время и место действия – «неопределённо далёкое прошлое и некий “сказочный край”» (Власов А.С., 2008: 49).

В стихах современного поэта и философа А.И. Аргутинского-Долгорукого нашла отражение созданная им «Философия планетаризма», поэтическая версия которой связана с идеями многопланетной цивилизации землян, развитием планетарного сознания (Аргутинский-Долгорукий А.И., 2005). В стихах Аргутинского-Долгорукого представлен вневременной хронотопический план *Вечности* как вбирающий в себя земное время и позволяющий «взглянуть на то, что происходит в истории, извне, т.е. с метаисторической точки зрения» (Волков Ю. Г., Поликарпов В. С., 1999: 190). Рассмотрим примеры употреблений ФЕ *альфа и омега*, играющей ключевую роль в создании вневременного, космического хронотопа в ряде стихотворений Аргутинского-Долгорукого:

В темно-синей душе латимерий
Так безоблачен, юн океан...
И с улыбкою зрит капитан
Смутный образ отпавших империй.
<...>
Победитель над родом своим,
Где же *альфа* твоя и *омега*?
Думу думает он – нелюдим
И последним ступает с ковчега.

(Победитель.)

Здесь оборот *альфа твоя и омега* обозначает основы жизни человека, его индивидуального существования. Он употреблён в контексте, характеризующем вневременное существование «победителя над родом своим» – капитана, одиноко странствующего в бескрайнем космосе, живущего вне законов земного времени и пространства. Ср. со следующим употреблением данной ФЕ:

Что не спишь, мой товарищ пилот?

Кончился тяжкий удел ожидания –
вот и летит за предел обитания
смело влекомый тобой звездолёт!

<...>

Альфой, омегой нашего братства –
тот дорогой и единственный тост:
за небожителей этого царства –
воспоминание Солнца и звезд.

«Что не спишь, мой товарищ пилот?..»

Под «*альфой, омегой нашего братства*» подразумеваются основы духовного единения пилотов *звездолёта*, покидающего «предел обитания», свою галактику, пространство «небожителей этого царства», которое для пилотов исследователей Вселенной остаётся лишь «воспоминанием Солнца и звёзд».

В следующей фразеологической конфигурации оборот *меж альфой и омегой* обозначает межзвёздное пространство, начало и конец Вселенной, в «кругопространстве» которой вселенский хаос («Хаос-бог») «запер звездолёт»:

Напрасно мозг мой ищет снисхожденья
и мысль высокая волнуется вотще,
на дерзкий зов, на взлет стихотворенья
лишь ветхий миф откликнется в душе.

Сангвиник Ной командует ковчегом,
астрофилософ нить свою прядет,
но Хаос-бог *меж альфой и омегой*
в кругопространстве запер звездолет.

«Напрасно мозг мой ищет снисхожденья...»

Примечательно, что здесь обозначается не только пространство Вселенной, её начало и конец, но и форма – «кругопространство», а космический, вневременной хронотоп проступает сквозь призму восприятия землян, в котором философско-гносеологический план сопоставляется с мифологическим – «сангвиник Ной командует ковчегом» и земной *астрофилософ* уподоблен персонажам древнегреческих мифов мойрам, прядущим нить человеческой жизни.

Во всех рассмотренных употреблениях присутствует архетипический хронотоп, обусловленный актуализацией внутренней формы ФЕ *альфа и омега*. Источник этого выражения – библейская новозаветная книга «Откровение Иоанна Богослова» (Апокалипсис): «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, – говорит Господь» (гл. 1, 8); «Я есмь Альфа и Омега, первый и последний» (гл. 1, 10). Символика оппозиции «первый: последний» связана с названием первой (α «альфа») и последней (ω «омега») букв греческого алфавита. Употребляясь вместе, *альфа и омега* символизируют единство, целостность пространства, времени и духа. При характеристике архетипического хронотопа мы опираемся на положение М. Бахтина, согласно которому «хронотопичен всякий художественно-литературный образ. Существенно хронотопичен язык как сокровищница образов. Хронотопична внутренняя форма слова, то есть тот опосредующий признак, с помощью которого первоначальные пространственные значения переносятся на временные отношения (в самом широком смыс-

ле)» (Бахтин М.М., 2000: 185). В рассмотренных употреблениях ФЕ *альфа и омега* такой перенос осуществляется в контексте фразеологических конфигураций.

Создание вневременного хронотопа осуществляется также посредством ФЕ *во время оно* в стихотворении А.И. Аргутинского-Долгорукого «Год 1988-й», где оборот *время оно* приобретает смысловое содержание «события, явления далёкого прошлого во вневременном измерении»:

Близится день воскресный,
буду Христа молить...
Символы – дар чудесный.
Было б кого учить!

Грезится *время оно*,
стану уже учён,
дядюшке Цицерону
свой преподам канон!

Здесь последние две строки первой строфы отражают идею изначального существования смыслов, лежащих в основе Мироздания и предуготовленных для своего раскрытия через человека.

В поэзии находит отражение циклическое время, соответствующее космологическому сознанию. См., например, крылатую фразу «*Всё возвращается на круги своя*» («*Всё в природе повторяется, возобновляется; происходит снова, заново; всё когда-то начнется вновь*»), восходящую к Библии (Екклесиаст, 1: 6). В соответствующем месте Библии имеется в виду ветер, дующий сначала на юг, потом на север и затем – вновь возвращающийся на то место (свои круги), с которого он начинал дуть. В стихотворении В. Высоцкого «Я вам расскажу про то, что будет...» воспроизведен архетипический образ данного выражения, служащий основой представления о далёком будущем Земли как о возвращении к её изначальному состоянию: «*Я вам расскажу про то, что будет, / Вам такие приоткрою дали!.. / Пусть меня историки осудят / За непонимание спирали. / Возвратятся на свои на круги / Ураганы поздно или рано, / И, как сыромятные подпруги, / Льды затянут брюхо океану*».

В контексте стихотворения Ю. Левитанского «Окрестности, пригород – как этот город зовется...» оборот *нельзя возвращаться на круги* приобретает глубоко индивидуализированное концептуальное содержание, передавая одновременно невольное стремление возврата к прошлому и осознание тщетности этого стремления, его неосуществимости:

Чего мы тут ищем? У нас опускаются руки.
Нельзя возвращаться, нельзя возвращаться на круги...
Мы с прошлым простились, и незачем дальше прощаться.
Нельзя возвращаться на круги, нельзя возвращаться.

Здесь оборот *нельзя возвращаться на круги* служит созданию философско-психологического хронотопа, абстрагированного от архетипического образного плана данного выражения.

В употреблениях ряда фразеологизмов в поэзии наблюдаются трансформации, отражающие взаимозамену и совмещение в их смысловом содержании временных и пространственных понятий. Ср., например: *за тридцать земель и за тридцать лет* (В. Солоухин); *из-за тридцать буйных веков* (С. Городецкий); *за тридцать земель и двадцать лет* (М. Цветаева); *старый шар земной* (В. Луговской). На базе автономно осмысленных компонентов ФЕ *танцевать от печки*, внутренняя форма которой включает сему пространства, в стихотворении Б. Слуцкого «Танцы» создан оборот *танец новейший от печки, которую сложат в тридцатом столетии, быть может*, служащий символом обновленного мировосприятия, предвосхищающего будущее.

Важнейшей составляющей поэтического хронотопа является концептуальная парадигма, условно обозначенная наименованиями основных ее констант: **человек – земной шар – вселенная**. Данная концептосфера в русской поэзии служит выражению космического мироощущения, идеи сопричастности человека космическому пространству и времени.

Парадигма «человек – земной шар – вселенная» в поэзии основана на представлении о неразрывном единстве мира природы и духовного мира человека. Стремление найти место человека в пространстве Вселенной всегда являлось для поэтов важнейшим стимулом своего собственного открытия мира, его творческого познания и освоения.

Неслучайно поэтому концепты «Время» – «Пространство» во фразеологии представлены чрезвычайно многообразно, отражая их в дальнобойной ретроспективе (Мокиенко В.М., 1990, 2005). Концепт «Время» при этом многогранно отразился в метафорике и особенно – в идиоматике и паремиологии многих народов. В русской фразеологии, например, такие обороты (частично интернациональные), как *время не ждёт, час пробил, денно и ночью, сутки напролёт, от зари до зари* и мн. др. составляют значимую долю общего фразеологического фонда (Мокиенко В.М., 2005: 6-95).

Концепт «Пространство» часто актуализируется в поэзии в его космическом преломлении. Так, в «Изображении Фелицы» Державина мировое пространство, мироздание представлено в динамике непрерывным закономерным движением небесных тел и всей одухотворенной Вселенной: «... солнца в путь свой покатались / и тысячи других планет». См. также обращение к Творцу: «О ты, Предвечный! / Который волею своей / колеса движешь быстротечны / вертящейся природы всей!».

Космическая интерпретация пространства в поэзии сопряжена с образным видением сферического пространства, базирующимся прежде всего на образе земного шара, что обусловлено изначальным антропоцентрическим восприятием вселенной.

В стихотворении А. Блока «Шар раскаленный, золотой...» словом *пространство* именуется часть вселенной как арена бытия двух космических «шаров» – Солнца и Земли, каждый из которых очерчивает в пространстве свой конус: Солнце – «луч огромный», Земля – «длинный конус тени темной»:

Шар раскаленный, золотой

Пошлет в пространство луч огромный,

И длинный конус тени темной

В пространство бросит шар другой.

Таков наш безначальный мир.

Сей конус – наша ночь земная.

За ней опять, опять эфир

Планета плавит золотая...

Первую строфу, представляющую взгляд из космоса, перефразирует вторая, представляющая «наш безначальный мир» одновременно в двух ракурсах – земном и космическом.

Эта же метафора динамически разворачивается поэтом в другом стихотворении:

Я встал и трижды поднял руки.

Ко мне по воздуху неслись

Зари торжественные звуки,

Румянцем озаряя высь.

Как будто девушка вставала,

Молилась, заходя во храм,

И розовой рукой бросала

Зерно послушным голубям.

Они белели где-то выше,

Белея, стягивались в нить,

И скоро розовые крыши
Крылами стали золотить.

Над позолотой их заёмной,
Высоко стоя на окне,
Я вдруг увидел шар огромный,
Плывущий в красной тишине.

А. Блок. «Я встал, и трижды поднял руки...»

В поэзии Ф. Тютчева сферическая форма Солнца, Земли, звезд актуализируется рядом олицетворяющих генетивных метафор – *глава земли, глава солнца, главы звезд*, особенно отчетливо проявляющих мифопоэтическое видение космоса: *Уж солнца раскаленный шар / с главы своей земля скатила* («Летний вечер»); *Уж звезды светлые взошли / и тяготеющий над нами / небесный свод приподняли / своими влажными главами*.

В стихотворении Тютчева «Как океан объемлет шар земной...» сферичность передается рядом фразеологизмов и лексем:

Как океан объемлет шар земной
Земная жизнь кругом объята снами...

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, –
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

Здесь фразеологизмы, слова, предикативные конструкции, выражающие идею круга, сферы, множат образы сферичности, создавая целостное, объемное ощущение всеединства космического пространства.

Образное видение сферического пространства, актуализация образа **земного шара** часто проявляется в характерных для этого фразеологического наименования Земли трансформациях – инверсии и перифразировании, расширении компонентного состава ФЕ *земной шар*, при котором на первый план выступает образ сферы, шара (ср.: *шар, тяжелый шар земной, шар земли*, а по этой модели – *шар (солнца)*). См., например:

На плоту уплывающем стоя,
Огибая речную излучку,
Древней руны руно золотое
Перекинула я через руку. <...>
И плыла я и пела: «Недаром
Шар земли называется шаром;
Оттого, что земля неквадратна,
Я всегда приплываю обратно».
Н. Матвеева, Песня в песне;
Мне нравится, что вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не вами,
Что никогда *тяжелый шар земной*
Не уплывет под нашими ногами.
М. Цветаева, «Мне нравится...».

Традиционные поэтические метафоры и метонимии, отражающие сферическую форму Земли, Солнца, неба, вращение земного шара, часты в современной философской поэзии.

В стихотворении М. Лисянского «В гостях» воспета жизнь *под высокой крышей небосвода: жизнь, где в малой капельке нектара / из благоухающих громад / всех цветов и трав **земного шара** / заключен волшебный аромат*. Через отражение в предельно малом необъятного и прекрасного, измеряемого масштабами всего *земного шара*, здесь дан глобальный образ цветущей природы.

В стихотворении А. Тарковского «Малютка-жизнь» передано восприятие земной жизни человека как драгоценной «малютки-жизни», при всех её тяготах противостоящей смерти, символически представленной как полет «вниз головой в пространство мировое, шаровое»:

Терзай меня, – не изменюсь в лице,
Жизнь хороша – особенно в конце,
Хоть под дождем и без гроша в кармане,
Хоть в Судный день – с иголкой в гортани.
А! Этот сон! Малютка-жизнь, дыши,
Возьми мои последние гроши,
Не отпускай меня *вниз головой*
В *пространство мировое, шаровое!*

Движение Земли в космосе наиболее часто передают глаголы *вращаться* и *вертеться*. Движущийся во вселенной олицетворенный земной шар метонимически символизирует жизнь человека и человечества:

Покуда в вечной суете
Не надоест Земле *вращаться*,
Всегда рискуешь оказаться
Иль под щитом, иль на щите.
Н. Олев, Прощай, веселый пароход;
Шар земной, устав *вращаться*,
Может вдруг с цепи сорваться,
Иль ко всем чертям взорваться,
Н. Олев, Превратив живое в тлен...

В стихотворении Н. Заболоцкого «Гроза» одухотворение природы достигает наивысшего своего предела. В грозе воплощаются «молния мысли» и «медленное появление первых дальних громов – первых слов на родном языке». Обновленная грозой природа предстает «светлоокой девой», появляющейся в мир «над просторами круга земного»:

<...> она над водой, над просторами **круга земного**,
Удивленная, смотрит в дивном блеске своей наготы.
И, играя громами, в белом облаке катится слово,
И сияющий дождь на счастливые рвется цветы.

Ощущением органического слияния космического и земного бытия проникнуто стихотворение Б. Окуджавы «Молитва». Здесь слова, обращенные к Богу, – молитва о ниспослании земных благ всем и каждому:

Пока Земля еще вертится,
Пока еще ярок свет,
Господи, дай же каждому,
Чего у него нет<...>

Свое философское видение законов единства природного мира и земной жизни человека – от первого осознания своего бытия до смерти, «от первого прозрения» «до последней черты» представлено Б. Окуджавой в стихотворении «Всему времечко свое...»:

Всему времечко свое: лить дождю, *земле вращаться*,
знать, где первое прозреньё, где последняя черта.

В стихотворении А. Тарковского «Белый день» постижение законов мироздания для всего в нем сущего и имеющего быть – от звезд до «еще не зачатого ребенка» – выражено символическими образами «натяжения шарового» вселенной и «орбиты круговой» готовящегося к началу своего земного пути человека:

Мы еще не зачали ребенка,
А уже у него под ногой
В никуда выгибается пленка
На орбите его круговой.

Эти символы макрокосма и микрокосма, объемно-наглядные и предельно индивидуализированные, слиты в нераздельной целостности.

Философское соположение макрокосма и микрокосма отражается в поэтической картине мира рядом конкретизированных идей, концептов в характерном для поэтического видения их наглядно-образном преломлении. Ведущей, формирующей рассматриваемую концептуальную парадигму является идея антропоцентризма, часто определяющая антропоморфность структуры языковых образов. Антропоцентризм как воззрение, согласно которому человек есть центр Вселенной и цель всех совершающихся в мире событий, заложен в мифопоэтических пространственных представлениях о мировом древе и таких его функциональных эквивалентах, как *человек-великан, мировой столп, пуп земли*.

Среди поэтических произведений, отражающих антропоцентрическое видение вселенной, стихотворение Эд. Межелайтиса «Человек» выделяется особой изобразительной яркостью и силой воплощенной в нем идеи. В стихотворении представлен апофеоз человеческого разума. Человек, гиперболически изображенный во весь свой космический рост, предстает как буквализированное воплощение центра мироздания:

В шар земной упираясь ногами,
солнца шар я держу на руках.

Так стою, *меж двумя шарами* –
солнечным и земным. ...

Я – как мост меж землею и солнцем.

Здесь микрокосм вырастает до пределов макрокосма: Человек-Вселенная направляет движение Земли и Солнца. Из недр своего мозга Человек выплавляет

корабли, бороздящие море,
поезда, обвившие сушу,
продолжение птиц – самолеты
и развитие молний – ракеты.

Голова Человека уподоблена одновременно шару земному и шару солнца:

это все я добыл из круглой,
словно шар земной, головы.

Голова моя – *шар солнца*,
излучающий свет и счастье,
оживляющий все земное,
заселяющий землю людьми.

Человек-Космос сочетает в себе энергию природного мира и могущество животворящего, одухотворяющего природу разума. В нем заключена космическая мощь Творца, созидающего все материальные и духовные ценности.

Среди создаваемых человеком духовных ценностей особое место в пространстве русской поэтической картины мира отводится поэтическому творчеству.

В стихотворении О. Мандельштама «Отравлен хлеб и воздух выпит» космическое пространство ассоциируется с поэтическим творчеством как непреходящим, извечным началом:

И если подлинно поется
И полной грудью – наконец
Все исчезает: остается
Пространство, звезды и певец!

В стихотворении А. Власова «Поэзия сродни волне...» космическое пространство предстает как соприродное поэзии. Оно наполняется, формируется, «достраивается» ею. Дух творчества придает завершенность и конечный смысл всему сущему и космосу в целом:

Поэзия сродни волне.
Она не средство и не цель,
самодостаточна вполне.

Но без неё бездонный Космос –
провал, не Бездна даже – просто
провал,
зияющий, как щель,
пустой и недо воплощенный...<...>

...Да, брэнностью не пренебречь,
да, беспощадная в стремленьи
все за собой во тьму увлечь,
река времен, поток забвенья
текла и вечно будет течь, –
но будет и звучать –
сверья
свой ритм с дыханием прибоя
и это гулкое, слепое
пространство одухотворяя –
поэта сбивчивая речь.

Поэзия как высшая форма духовного созидания объединяет пространство и время. Жизнь поэта-творца – жизнь для вечности и в вечности.

Тема поэтического подвига, дарующего поэту вечность, звучит в стихотворении Б. Окуджавы «О кузнечиках»:

Два кузнечика зеленых пишут белые стихи. <...>
Снег их бьет, жара их мучит, мелкий дождичек кропит,
шар земной на повороте отвратительно скрипит...
Но меж летом и зимою, между счастьем и бедой
прорастает неизменно вещей смысл работы той,
и сквозь всякие обиды прорываются в века
хлеб (поэма), жизнь (поэма), ветка тополя (строка)...

Здесь вдохновение противопоставлено повседневному тяготам и лишениям, представленным рядом параллельных фраз: *Снег их бьет, жара их мучит...*, замыкающихся ироническим обобщением, создаваемым образом земного шара, движущегося в космическом пространстве: *шар земной на повороте отвратительно скрипит...* Поэтическое творчество, явленное его земными символами – *Два кузнечика зеленых пишут белые стихи*, – осмысляется как работа великой, «космической» важности, обладающая «вещим» смыслом, проникающим в тайны жизни, природы. Смысл ее «прорывается в века» – в вечность.

В стихотворении Б. Окуджавы «Рифмы милые мои...» предстает олицетворенный образ динамики поэтического творчества, организующим центром которого служит *шар земной, вскрикнувший на повороте*:

Рифмы милые мои,
баловни мои,
гордячки!
Вы – как будто соловьи
из бессонниц и горячки,
вы – как музыка за мной,
умопомраченья вроде,
вы – как будто *шар земной*,
вскрикнувший
на повороте.

В стихотворении «Чувство жизни» Б. Пастернак воспел вдохновенное творчество, приобщающее поэта к вечности, уничтожающее грань между жизнью и смертью, дающее ощущение сопричастности сотворению мира:

Со мной сегодня вечность вся.
Вся даль веков без покрывала.
Мир Божий только начался.
Его в помине не бывало.
Жизнь и бессмертие – одно.
Будь благодарен высшим силам
За приворотное вино,
Бегущее огнем по жилам.

Идея бессмертия, жизни в вечности, дарованной подвигом, воплощена в образе Неизвестного солдата, к которому обращаются поэты XX в. Неизвестный солдат – собирательный образ воина, павшего в борьбе за Отчизну. В поэме О. Мандельштама «Стихи о неизвестном солдате» сама природа – воздух, звезды, безымянная манна дождя – призваны в свидетели и судьи людских деяний и бед: «*Будут люди холодные, хилые / Убивать, холодать, голодать / И в своей знаменитой могиле / Неизвестный положен солдат*». Но «земная» могила неизвестного солдата получает вселенское бытие, превращаясь в парящую в космосе «воздушную могилу»:

Научи меня, ласточка хилая,
Разучившаяся летать,
Как мне с этой *воздушной могилою*
Без руля и крыла совладать.

Воздушная могила – символ полета в бессмертие. И творческий дух поэта стремится направить, поддержать этот полет как вечную память о подвиге. Но чувство высокого долга, великое дерзание поэта оказывается в неразрешимом противоречии с брэнностью телесной *ласточки хилой, разучившейся летать*. Этот трагический оксюморон – отзвук осознания поэтом трагизма своего земного существования, губительной неразрешимости противоречия высоких помыслов и враждебных, сокрушающих сил, превращающих музу поэта в *ласточку хилую, разучившуюся летать*.

В этой же поэме рядом развернутых метафор представлен собирательный образ ветеранов всех войн на земном шаре: «хорошо умирает пехота», «улыбка приплюснутая Швейка», «птичье копьё Дон-Кихота», «калека, дружащий с человеком», «костылей деревянных семейка, стучащая по околицам века», «товарищество – шар земной»:

И стучит по околицам века
Костылей деревянных семейка, –
Эй, товарищество – *шар земной!*

В стихотворении С. Орлова «Его зарыли в шар земной...» также прославлен подвиг неизвестного солдата. Образ зарытого в *земной шар* солдата – аллегория, основанная на пространственной метонимии, обретающая также временное измерение – вечность. Мавзолей-Земля лелеет, хранит вечный покой воина. ***Шар земной***, в который *руками всех друзей положен парень... как будто в мавзолей*, – символ бессмертия, вечной памяти в духовном пространстве человечества:

Его зарыли в *шар земной*,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой.
Без званий и наград.

Ему как мавзолей Земля –
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков. –

Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень *в шар земной*,
Как будто в мавзолей.

В стихотворении М. Лисянского «Спят неизвестные солдаты» идея жизни в вечности, даруемой неизвестному солдату, передана образами космического полета, «осторожного» вращения земли, оберегающей вечный сон погибших за родину солдат. Земной почет, освященный дарованным воинам бессмертием, определяет планетарную значимость их подвига:

Вертись, планета, осторожно,
Лети в снегах, лети в дождях.
Спят неизвестные солдаты
На самых главных площадях.

Идея награждения человека бессмертием за его земные подвиги, запечатленная в мифопоэтических картинах мира разных народов, основана на философском осмыслении концептов «жизнь» и «смерть», нашедшем отражение в русской языковой картине мира. В словаре В.И. Даля смерть человека интерпретирована как конец лишь «плотской жизни» «переход к вечной, к духовной жизни» («воскресенье»). В дефинициях концепта «жизнь» в толковых словарях актуализирована сема «движение». Жизнь – все сущее, независимо от факта сознания обладающее формой движения. Жизнь – одна из форм существования материи, но материя существует потому, что «живет», движется. Таким образом, движение является формой и содержанием жизни (Чернейко Л.О., Хо Сон Тэ, 2001).

В поэзии нашло отражение понимание смерти человека как перехода к вечной жизни, главная сущность которой (форма и содержание) представляется как непрерывное движение, как вечный полет в космическом пространстве. Представление о неразрывной связи окончания земной жизни с переходом к жизни вечной, о самом процессе жизни в вечности, в пространстве космоса передано системой образов стихотворения В. Шефнера «Вечность», в котором концептосфера «Человек – Земной шар – Космос» актуализирована выражением финальных мотивов земной жизни человека:

Когда последняя беда
Опустит свой топор,
Я упаду, как никогда
Не падал до сих пор. <...>
Я буду падать, падать, падать...
И не коснусь земли.
Я врежусь в купол голубой,
В небесные пары,
Я буду прошибать собой
надзвездные миры.
Сквозь звезды, через темноту,
Через хвосты комет
Я буду падать в высоту
Сто миллионов лет.

Завершающее двестише – оксюморонный символ – совмещает представление физической смерти, переданное глаголом *падать*, и непосредственного перехода к вечной жизни (см.: *падать*, но – *в высоту*).

Б. Пастернак в стихотворении «Быть знаменитым некрасиво...» говорит о высшем устремлении творчества поэта:

... – так жить, чтобы в конце концов
привлечь к себе *любовь пространства*,
услышать *будущего зов*.

В этом контексте одухотворенное *пространство* – образ человечества в его космическом измерении. Это пространство раздвигается до бесконечности благодаря сообщению ему временной координаты – *будущего зов*.

В поэтическом дискурсе употребление слов и фразеологизмов, репрезентирующих концепты времени и пространства, связано с философским осмыслением этих категорий. Поэтический хронотоп, создаваемый языковыми номинациями пространства и времени, многоаспектен. Зачастую он совмещает архетипический (мифологический), социально-исторический, философско-гносеологический и психологический аспекты (Фокина М.А., 2007). В поэтическом тексте хронотопично не только актуальное смысловое содержание слов и ФЕ, но и их внутренняя форма; не только смыслы отдельных ФЕ и слов, но и содержание поэтического контекста, представленного строфой, рядом строф, поэтическим произведением в целом.

Исследование языкового строя поэтических произведений в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах выявляет особенности преломления различных фрагментов картины мира этноса, социума, индивида в семантическом пространстве поэзии, чуткость художника слова к обнаружению языковых образов, наиболее рельефно отражающих поэтическую картину мира. Яркие, оригинальные речевые образы, представленные в поэтическом тексте словами, фразеологизмами, фрагментами текста, организованными как строфы, сверхфразовые единства, а часто – текст в целом, вербализуют, создают концепты и концептосферы, насыщенные, актуализированные широкими жизненными обобщениями, заполняющие концептуальные лакуны как в индивидуальном сознании, так и в картине мира определенной социальной среды, этноса. Стремление к вербализации отдельных признаков концептов, индивидуальных концептов и концептосфер является изначальным, важнейшим стимулом речетворчества, слово- и фразеотворчества и наконец – художественного, поэтического творчества.

Литература

1. Аргутинский-Долгорукий, А.И. Философия планетаризма. Планетарный разум земной цивилизации / Я.В. Сиверц ван Рейзема (А.И. Аргутинский-Долгорукий). – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 2005 (ФГУП Изд-во Известия). – 583 с.
2. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Эпос и роман. – СПб., 2000. – 302 с.
3. Власов, А.С. «Стихотворения Юрия Живаго» Б.Л. Пастернака (сюжетная динамика поэтического цикла и «прозаический» контекст). – Кострома, 2008. – 208 с.
4. Волков, Ю.Г., Поликарпов В.С. Человек: Энциклопедический словарь. – М., 1999. – 518 с.
5. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 296 с.
6. Мелерович, А.М. Концептуальная парадигма «человек – земной шар – вселенная» как средство выражения космического мироощущения в семантическом пространстве русской поэзии // Фразеология и миропонимание народа: Материалы междунар. науч. конф.: в 2-х ч. Фразеология и межкультурная коммуникация. – Тула: Тул. гос. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2002. – Ч. 2. – С. 225-231.
7. Мелерович, А.М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст) / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. – Гл. 5. – 456 с.
8. Мокиенко, В.М. Загадки русской фразеологии. – М., 1990. – 160 с.
9. Мокиенко, В.М. Загадки русской фразеологии. – М., 2005. – 256 с.
10. Мокиенко, В.М. Фразеология в уровне иерархии языковой системы // *Frazeologia słowiańska i inne płaszczyzny systemu językowego*. Pod redakcją Janiny Bartoszewskiej, Walerija Mokijenka, Harr'ego Waltera. – Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2004. – С. 115-122
11. Панова, Л.Г. «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Манделштама. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 803 с.

12. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ : Восток-Запад, 2010. – 314 с.
13. Трессидер, Д. Словарь символов. – М.: ГРАНД, 1999, – 444 с.
14. Фокина, М.А. Фразеология в русской повествовательной прозе XIX – XX веков. – Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. – 378 с.
15. Чернейко, Л.О., Хо Сон Тэ. Концепты «Жизнь» и «Смерть» как фрагменты русской языковой картины мира // Филологические науки. – 2001. – № 5. – С. 50-59.

Summary. The paper discusses features of phraseology in its concept-making and style-making functions. The author analyses how space and time are depicted within the Russian poetic view of the world. The study is based on separate poetic contexts within a certain discourse represented by works of some 19th-21st-century poets. Special attention is paid to an integrated interpretation of those phraseological units that refer to the cosmic chronotope.

Key words: phraseological units, concept sphere, poetic picture of the world, interpretation of the cosmic chronotope, categorization.

ШИРОКОЗНАЧНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ РУССКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОБЛАСТИ ЧЕЛОВЕК)

Ю.А. Раздабарина

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
rasdabarina@mail.ru

Широко известным фактом является то, что сначала в языке получили наименование конкретные, доступные органам чувств человека, объекты. Затем, в процессе выделения общих сторон окружающей действительности, в речь вошла более абстрактная лексика. Наряду со словами, обозначающими конкретные предметы, в ней появились единицы более широкого, обобщённого значения. Переход от конкретных понятий к более общим сопровождался в языке появлением существительных широкой семантики, что, по мнению А.Л. Ленца, является «свидетельством важности самого процесса выделения человеком общих сторон окружающего мира, их обобщённого закрепления и представления в процессе номинативной деятельности за отдельными словесными единицами» (Ленца А.Л., 1990: 36).

Существительные широкой семантики представляют собой группу имён, таких как **вещь, дело, идея, место, способ** и т.д. в русском языке. Эти слова являются особой группой лексем, которая благодаря предельно широкому значению, выполняет особую функцию в процессе номинации. Значения таких существительных максимально обобщены, они не могут быть осмыслены однозначно. Данные языковые единицы обладают семантической неопределённостью, они указывают на достаточно широкий класс объектов или событий, обладающий размытыми границами.

Значения подобных слов характеризуются широкой денотативной соотнесённостью и контекстуальной обусловленностью, которые способны образовывать множество значений, семантически удалённых друг от друга. По мнению Е.П. Беляевой, «слова широкой семантики – это слова с очень высокой степенью обобщённости. Они имеют обширную понятийную основу, поэтому не представляется возможным привести все значения таких лексем к какому-то единому содержательному ядру» (Беляева Е.П., 2001: 88).

В семантике широкозначных существительных, как отмечает Т.Н. Гарьковская, происходит уравнивание объёмов грамматической и лексической

абстракции, вследствие чего такие существительные способны замещать любую единицу того грамматического класса, с которым соотносимо их широкое значение (Гарьковская Т.Н., 2004: 324).

В русском языке можно провести ряд подобных аналогий для существительных широкой семантики. Рассмотрим несколько значений существительных **вещь** и **дело**.

1. В комнате из моих **вещей** (*имущество*) были только стол и два стула (НКРЯ).
2. Это все **вещи** (*товар*) на продажу? (НКРЯ)
3. Первые собрания редких **вещей** (*раритет*) в России относятся к 16 веку (НКРЯ).
4. Работники отдела кадров подготовили несколько **дел** (*досье*) для передачи их в архив (НКРЯ).
5. **Дело** (*баталия*) под Шенграбеном русской армией было проиграно (НКРЯ).
6. Не женское это **дело!** (*занятие*) (НКРЯ)

Как видно из приведенных выше примеров, смысл высказывания полностью сохраняется при замене существительного широкой семантики конкретным словом. Таким образом, широкозначное существительное, обладающее лексической абстракцией, вызывает представление не об одном конкретном предмете, а о целом ряде различных предметов, обладая одновременно свойствами, репрезентируемыми каждым из них.

В отличие от конкретных существительных, за которыми стоит знание простого формата, представляется возможным предположить, в свете вышеизложенного, что за существительными широкой семантики, стоит знание сложного формата. Не просто знание стереотипного характера, а знание более сложного формата, получившего обозначение матричного формата у Н.Н. Болдырева, которое можно представить в виде когнитивной матрицы (Болдырев Н.Н., 2009).

Когнитивная матрица сводит воедино знания о разных аспектах одного явления. Более того, компоненты матрицы могут отличаться разным уровнем сложности. Это обусловлено тем, что когнитивная матрица предстает как система разных когнитивных контекстов, интегративно представленных ее компонентами в рамках единого сложного концепта. Однако содержание компонентов матричной модели может значительно варьироваться в пределах от обыденного до экспертного знания, а также в зависимости от языковой и социальной принадлежности человека (Болдырев Н.Н., 2009).

Опора на вышеизложенные теоретические положения при изучении существительных широкой семантики как знаний сложного формата предполагает особый метод исследования – метод когнитивно-матричного анализа, предложенный Н.Н. Болдыревым (Болдырев Н.Н., 2009).

Цель когнитивно-матричного анализа применительно к существительным широкой семантики состоит в выявлении концептуальных характеристик ядра, когнитивных контекстов как областей осмысления этих характеристик, анализе их взаимосвязей и описании когнитивных механизмов формирования смыслов, передаваемых данными существительными. Соответственно, в процессе анализа таких существительных, приемами когнитивно-матричного анализа будут: 1) выявление посредством концептуального анализа взаимосвязанных аспектов единого знания интегративного характера, лежащего в основе семантики широкозначных имён существительных; 2) построение на этой основе когнитивной матрицы интегративного концепта; 3) описание компонентов матрицы как системы когнитивных контекстов, необходимых для формирования смыслов существительными широкой семантики; 4) выделение с помощью концептуального анализа основных характеристик широкозначных имён существительных, интерпретируемых в рамках конкретных когни-

тивных контекстов; 5) описание когнитивных механизмов формирования соответствующих смыслов в процессе функционирования существительных широкой семантики.

На начальном этапе происходит выделение когнитивной матрицы, на фоне которой осуществляется осмысление существительных широкой семантики в процессе их функционирования. Она включает в себя четыре основные концептуальные области: ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА, АРТЕФАКТЫ и АБСТРАКТНЫЕ ПОНЯТИЯ, каждая из областей состоит из нескольких подобластей, представляющих собой взаимосвязанные контексты осмысления. Содержание концептуальных подобластей определяется набором характеристик, которые в зависимости от контекста, активизируются в соответствующей подобласти.

Процесс формирования смыслов, передаваемых существительными широкой семантики, протекает на уровне предложения-высказывания при участии дополнительных факторов, к числу которых относятся: контекстуальный фактор (ближайший лингвистический контекст) и синтаксический фактор (модель предложения-высказывания) (см. подр. (Беседина Н.А., 2006)).

Рассмотрим процесс формирования смыслов существительными широкой семантики на фоне концептуальной области ЧЕЛОВЕК.

На основе изучения словарных толкований понятия «человек» было выделено два основных взаимосвязанных контекста осмысления концептуальной области ЧЕЛОВЕК: концептуальные подобласти «человек как личность» и «деятельность человека». Рассмотрим подобласть «человек как личность» более подробно.

Анализ словарных толкований лексической единицы «человек» в русском языке дал возможность выявить следующие содержательные характеристики концептуальной подобласти «человек как личность»: 1) *живое существо*; 2) *общественное существо*; 3) *индивидуальность*; 4) *существо, обладающее сознанием, разумом*; 5) *социальная роль (член общества, сообщества, семьи)*.

Компонентами когнитивной матрицы концептуальной области ЧЕЛОВЕК являются системы когнитивных контекстов, необходимых для формирования смыслов, передаваемых существительными широкой семантики **вещь, дело, идея, способ**. При помощи концептуального анализа были выделены основные характеристики, интерпретируемые в рамках конкретных когнитивных контекстов в концептуальной области ЧЕЛОВЕК.

На фоне подобласти «человек как личность» концептуальной области ЧЕЛОВЕК были выделены и проанализированы следующие смыслы, формируемые существительными широкой семантики:

1. Указание на гендерную принадлежность человека. Разделение по гендерному признаку является основным показателем принадлежности человека к своему полу. Как известно, гендерная принадлежность раскрывается через определённые обществом роли, усвоенные и ожидаемые модели поведения, которые ассоциируются с мужчинами и с женщинами. Существительные широкой семантики, в сочетании с различными средствами контекста, способны формировать смыслы, указывающие на пол человека. Рассмотрим несколько примеров, в которых представлено указание на мужской пол.

Мужчину надо уважать! *Мужчина* – **вещь** священная (homo res sacra). То, что Двуносый стал использовать крылатые слова, да ещё и на латыни, меня несколько не удивило (В. Слипенчук).

Смысл существительного широкой семантики **вещь** в данном контексте формируется под воздействием когнитивного механизма обобщения. Характеристика «взрослый человек мужского пола» активизируется, профилируется, а затем, под воздействием когнитивного механизма обобщения, обобщается до характеристики «живое существо». На языковом уровне формирование смысла происходит при помощи прямой номинации (*мужчина*). В качестве синтаксического фактора форми-

рования смысла в данном случае выступает модель предложения-высказывания с именным сказуемым.

2. Выражение оценочного отношения к человеку. Оценочное отношение к человеку является определённым способом интерпретации действительности и отражает ценностную картину мира человека. Сочетания существительных широкой семантики с различными прилагательными предоставляют обширный материал для формирования таких смыслов. Оценка, однако, может быть как положительной, так и отрицательной. Отрицательный оценочный смысл может быть передан существительными широкой семантики под воздействием определённых средств контекста: – А вот теперь я могу сказать о вас всё, что думаю! *Вы злая, жадная, глупая вещь!* (НКРЯ)

Характеристики «живое существо» и «существо, обладающее сознанием, разумом» лежат в основе семантики существительного **вещь** при употреблении в данном контексте. Характеристики профилируются за счёт указания на конкретного человека. На языковом уровне это находит отражение в наличии личного местоимения *Вы*. Препозитивные определения, выраженные описательными прилагательными женского рода *злая, жадная, глупая*, несут отрицательную коннотацию.

Субъективная эмоциональная оценка содержится в семантике самих описательных прилагательных. В контекстах подобного типа формирование смысла существительного **вещь** происходит под воздействием языкового механизма прямой номинации. Основным фактором формирования смысла выступает контекстуальный фактор, что находит отражение в наличии препозитивных определений, выраженных описательными прилагательными конкретизирующей модели.

3. Выражение оценочного отношения к ребёнку. Для обозначения ребёнка, используется, в данном случае, словосочетание, состоящее из существительного широкой семантики **вещь** и постпозитивного определения, выраженного словосочетанием с числительными, указывающими возраст: С другой стороны, шестилетний *ребёнок* – **вещь** крайне любознательная, ему уже надоело в детском саду вырезать из бумаги кружочки и спать в тихий час (А. Фенько).

4. Указание на родственные отношения. Для обозначения родственников разного пола и возраста используются существительное широкой семантики **вещь** в сочетании с различными средствами контекста: Отец и мать Нины были из числа тех весьма обыкновенных отцов и матерей, которые предназначают цену *дочерям* своим, как – будто какой-нибудь **вещи**, не думая нимало об истинном счастье их (П. Шаликов).

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что существительные широкой семантики представляют собой достаточно специфический класс слов, отличающийся размытостью концептуального содержания и референтной диффузностью. Подобные существительные способны указывать на широкий класс объектов или событий, им присуща семантическая опустошенность и контекстуальная обусловленность, при этом такие существительные имеют свое номинативное значение, которое только частично десемантизируется. Существительные широкой семантики способны «обрамлять» любой тип опыта, который нельзя передать обычным конкретным словом. Они позволяют «инкапсулировать» сложную по структуре информацию во «временные именные концепты». Такие существительные создают впечатление, что тот опыт, который они «инкапсулируют» в качестве концепта, относится к классу вещей, но при этом природа их содержания временна, непостоянна, так как это содержание меняется в зависимости от контекста, в котором они функционируют.

Анализ и систематизация выявленных особенностей позволили сделать вывод о том, что за существительными широкой семантики стоит знание сложного формата, которое может быть представлено в виде когнитивной матрицы интегративного концепта частного характера.

Литература

1. Беляева, Е.П. Прототипическая база семантики английских глаголов: дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2001. – 178 с.
2. Беседина, Н.А. Морфологически передаваемые концепты: монография. – М.; Тамбов: ТГУ, 2006. – 214 с.
3. Болдырев, Н.Н. Концептуализация мира в языке // Когнитивные исследования языка // Коллективная монография – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – Вып. IV. – С. 25-78.
4. Гарьковская, Т.Н. О когнитивном потенциале существительных с широким значением и их функционировании в дискурсе (на материале английского языка) // Бытие и язык. – Новосибирск, 2004. – С. 324-330.
5. Ленца, А.Л. Эвресемия в гносеологическом освещении // Структурно-семантические и прикладные исследования. – Кишинёв, 1990. – С. 32-37.
6. НКРЯ – Национальный корпус русского языка – URL: <http://ruscorpora.ru/>
7. Слипенчук, В.Б. Зинзивер. – М., 2001. – 400 с.
8. Фенько, А.С. Невроз по поведению // Комерсантъ-Власть. – №8. – 2002. – С. 42-44.
9. Шаликов, П.И. Тёмная роща или памятник нежности / Проза. – М.: 1819. – 8 с.

Summary. The article discusses the cognitive bases of the formation of meanings by the nouns of broad semantics in the process of their functioning in the language. Areas of their conceptualization are described, as well as a number of meanings formed on the background of conceptual areas. Cognitive-matrix analysis techniques applied to broad semantics of nouns are analyzed in this article from the point of view of the cognitive knowledge paradigm.

Key words: cognitive paradigm, concept, human, broad semantics, systematization, method of cognitive-matrix analysis.

СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ФРАЗЕМИКИ В ОРГАНИЗАЦИИ КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЭКСТРЕМИСТСКОГО ТЕКСТА

Е.И. Симоненко

Россия, г. Белгород, Белгородский юридический институт МВД России
имени И.Д. Путилина
kejtg@mail.ru

Важность исследования речевой информации при расследовании преступлений экстремистской направленности несомненна, поскольку отличительной особенностью преступной деятельности экстремиста является использование речевых средств при ее осуществлении. В связи с этим правоохранительные органы все чаще обращаются к специалистам в области лингвистики с целью производства экспертизы, с помощью которой устанавливается смысловое содержание текста, определяется его целеустановка, коммуникативные намерения авторов текста.

Специфика текстов экстремистской направленности проявляется в их ориентированности на возбуждение вражды и ненависти и закрепляется в обозначении «язык вражды», применяемом в исследованиях по лингвистике по отношению к большому корпусу публичных экстремистских текстов. Тема вражды реализуется в виде основной темы текстов экстремистской направленности.

Таким образом, определение авторской позиции в экстремистском тексте следует проводить с точки зрения выраженности в тексте враждебного отношения (враждебных оценок и эмоций) автора к группам лиц, объединенных на основании признака социальной, расовой, национальной, религиозной принадлежности или принадлежности к какой-либо другой группе.

Такая постановка экспертной задачи соответствует представлению о преступлениях экстремистской направленности как о преступлениях вражды, которое в проекции на содержание экстремистских текстов предполагает наличие в них языкового выражения враждебного отношения. Например: *«В условиях необъявленной войны между Россией и Украиной мы не можем оставаться безучастными. Между стремительно чернеющей Москвой и Киевом, откуда началась Русь, мы выбираем последний. Мы будем сражаться за независимость Белогорья от Россиянской Орды и включение его в состав Украины. Объектами атаки мы выбрали правительственные учреждения, а так же учреждения органов правопорядка. Очень скоро вы о нас заговорите. Победа будет за нами!»*¹. В результате лингвистического анализа данного текста были выявлены вербальные структурные компоненты угрозы. В данном тексте адресант демонстрирует свое волеизъявление, выраженное в форме требования, – включить Белогорье в состав Украины. Содержание угрозы заключается в том, что адресант планирует осуществить действия, входящие в семантическое поле «агрессия», – «сражаться» и «атака». Данные действия выступают средством выражения угрозы, так как в их семантической структуре содержатся семы насильственного действия. Объектом планируемых действий являются «представители власти» (установлено из обстоятельств уголовного дела), субъектом – адресант (группа лиц, обозначенная как «народное ополчение»). Адресант прогнозирует негативные последствия для «представителей власти», определяет срок их выполнения – «очень скоро». Последствия действий угрожающего обозначены имплицитно в высказывании *«Победа будет за нами!»*. На основе компонентного анализа и контекста установлено, что к негативным последствиям действий адресанта причисляется поражение «представителей власти» в предстоящем «сражении». Таким образом, в представленном тексте выявлены высказывания, содержащие угрозу совершения действий, связанных с насилием, опасностью, причинением вреда в отношении представителей власти.

Востребованность лингвистической экспертизы при расследовании преступлений экстремистской направленности объясняется использованием языковых средств для реализации коммуникативных установок авторов экстремистских высказываний, а, зачастую, тех и других одновременно, что вносит определенные сложности в анализ поступившей на исследование информации. Так, при исследовании экстремистских материалов эксперт-лингвист сталкивается с рядом проблем теоретического и практического характера, связанных с собственно их языковыми и речевыми особенностями. В частности, затруднение вызывает исследование материала, характеризующегося повышенной образностью за счёт использования языковых средств не прямой и косвенно-производной номинации (фразеологизмы, метафоры, метонимии и др.), и вследствие этого обладающего высокой степенью имплицитности.

В семантической структуре фразеологических единиц образ играет определяющую роль, так как знания и представления о мире, закодированные в их значении, концептуализируются на основе образного мышления. Образ является единицей глубинного смысла, то есть единицей фразеологической семантики (Алефиренко Н.Ф., 2008: 28). *Фразеологическая образность* – «отражательный эффект, проявляющийся в семантике ФЕ как совмещенное видение двух картин, индуцируемых первичной и вторичной, производной номинацией» (Добрыднева Е.А., 2000: 116). Ср.: *«Ну, Белые, теперь **судьбоносный час близок**. Встаньте сейчас или столкнитесь с расовым вымиранием. Создайте свою родину или умрите в бою, сражаясь»*. В анализируемом тексте представлена модификация

¹ Все примеры приведены по материалам лингвистических исследований, поступивших в ЭКЦ УМВД России по Белгородской области.

фразеологизма **пробил час** – ‘настало время для чего-либо’. Выражение *пробил час, ударил час* звучит торжественно и возвышенно. Оно обычно характеризует либо время каких-то очень важных и решительных событий, либо – если речь идет о человеке – последние минуты его жизни, т.к. у большинства славян *час* – это предопределённое каждому время для рождения, вступления в брак и смерти (см.: Мокиенко В.М., 1990: 94), вследствие чего придает тексту особую коммуникативно-прагматическую силу.

Кроме того, трудности в лингвистическом анализе фразеоцентрических высказываний экстремистского толка связаны со спецификой фразеологического значения, которое отражает не только элементы этнокультурного сознания человека, но и является частью индивидуального сознания, кодирующего знания об объективной реальности совместно с выражаемыми им переживаниями и субъективными значениями.

Интенциональный план фразеоцентрических высказываний формируется интенционально-прагматическими, когнитивными, коммуникативными, образно-оценочными и ассоциативными смыслами, что, собственно, и предопределяет выбор методов исследования экстремистского текста, содержащего фразеологизированные структуры.

На наш взгляд, ассоциативно-образная архитектоника фразеоцентрических высказываний может быть охарактеризована посредством когнитивно-семиологического подхода, основанного на взаимодействии внеязыковой и языковой семантики (Лакофф Дж., 1988: 78-106). Особенностью данного подхода является то, что высказывание порождается посредством взаимодействия образной и мыслительной информации. Как отмечает Н.Ф. Алефиренко, «структурные элементы (наносмыслы) образного и понятийного познания на разных этапах отражения и интерпретации действительности находятся в интерактивном режиме: переходят друг в друга» (Алефиренко Н.Ф., 2009: 79), то есть объективирование информации представляет собой синергетический процесс взаимодействия образного и понятийного познания.

Кроме того, в процессе исследования функциональных свойств фразеоцентрических высказываний особенно значим дискурсивный подход, который позволит раскрыть закономерности варьирования закодированных в нем коммуникативных смыслов (Остин Дж., 1986: 22). Дискурсивный анализ фразеоцентрических высказываний экстремистского текста особенно значим в силу его способности предоставлять возможность для реализации системного значения фразем, а также их субъективно-имплицитных и дифференциальных смыслов.

Дискурсивно-прагматический анализ фразеоцентрических высказываний осуществляется с позиций целостного филологического анализа (Л.Г. Бабенко, Н.С. Болотнова, И.Р. Гальперин и др.), позволяющего проникнуть в глубины его когнитивно-прагматической сущности, и интенционального анализа.

Из всего выше сказанного следует, что когнитивно-прагматический компонент фразеологического значения, обладающий ярко выраженной национально-культурной спецификой, следует рассматривать как совокупность коммуникативных смыслов, эксплицитных и имплицитных, актуализируемых в дискурсивно-прагматическом пространстве экстремистского текста в соответствии с речевой стратегией субъекта речи, ориентированной на получателя конкретного языка. Ср.: *«Заклинаю васъ ИМЕНЕМЪ РАСПЯТАГО БОГА моего ЪГОВЫ и, вмѣстѣ с тем, грозно повелѣваю вамъ, чтобъ вы объявили во всеуслышаніе на весь Мір ваше возраженіе вельможамъ и богачамъ (да и самимъ себѣ) на оный ихъ адски-злодѣйскій и богохульный отвѣтъ страдальцамъ, дабы всѣ народы и племена (уже покрытые сатанинскою тьмою) уразумѣли-бы окончательно эти Миротворческія Повелѣнія ЦАРЯ-Царей и БОГА-Боговъ и уничтожили-бы на 1000 лѣтъ всѣ своекорыстные и умерщвляющіе вѣры, раздѣленія, вражду, крамолы, взрывы, поджоги, хищенія и*

порабощения; и **расковали-бы** ихъ адское или православно-христианское **оружіе на оралы**, и истребили-бы всехъ и всякихъ вседержителей тьмы, т.е. папъ, поповъ, ксендзовъ, пасторовъ, раббиновъ, мулловъ, уставщиковъ или законниковъ ...».

В данном фрагменте представлено побуждение выразить несогласие с позицией лиц, обозначенных в тексте как «вельможи и богачи», которые проявляют равнодушие к другим людям. Данные лица оцениваются адресантом негативно, поэтому он исполнен негодования, возмущен, в связи с чем направляет эмоциональное побуждение адресату, заключающееся в том, что народы, не поклоняющиеся Иегове, должны 1) уничтожить «своекорыстные и умерщвляющіе веры, раздѣленія, вражда, крамола, взрывы, поджоги, хищенія и порабощенія»; 3) расковать православно-христианское оружие на орала; 2) истребить всех «вседержителей тьмы», чтобы все начали преклоняться перед Иеговой.

В семантической структуре слов «уничтожать» и «истреблять» содержатся семы насильственного действия, что указывает на враждебный характер обозначенных действий. Враждебный характер предполагаемых действий адресата подчеркивается образным выражением **«перековать мечи на орала»**, которое в представленной дискурсивной ситуации модифицировано в соответствии с коммуникативной установкой адресанта негативно воздействовать на лиц, обозначенных как «вседержители тьмы». Заменяя слово «перековать» на слово «расковать», адресант вкладывает новый смысл в высказывание – «обезоружить», т.е. адресант предлагает не отказаться от вражды, а лишить противника средств борьбы: **оружіе** – ‘орудие нападения и защиты, средство борьбы’; **перековать** – ‘передельвать, преобразовывать’; **расковать** – ‘освободить от чего-либо сдерживающего, мешающего’ (Фразеологический словарь русского языка, 1986).

Приставка «раз-/рас-» имеет значение «аннулирование результата предшествующего действия», то есть в анализируемом примере имеется в виду, что существует некое православно-христианское оружие, которое необходимо ликвидировать. Проанализированный пример подчеркивает дискурсивно-прагматическую обусловленность фразеологического значения, отражающего элементы как этнокультурного, так и индивидуального сознания, и в связи с чем профилирующего коммуникативные интенции создателя текста.

Таким образом, анализ когнитивно-прагматического пространства экстремистского текста, содержащего фразеоцентрические высказывания, сфокусирован на выявлении способов репрезентации коммуникативно значимой фраземы, особенностей её формирования, функционирования и смыслового варьирования в условиях дискурсивной ситуации.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма: монография. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – 152 с.
2. Алефиренко, Н.Ф. «Живое слово: Проблемы функциональной лексикологии. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
3. Добрыднева, Е.А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии. – Волгоград: Перемена, 2000. – 224 с.
4. Лакофф, Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект. – М., 1996. – С. 78-106.
5. Мокиенко, В.М. Загадки русской фразеологии. – М.: Высш. шк., 1990. – 160 с.
6. Остин, Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22-129
7. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1990. – 921 с.
8. Фразеологический словарь русского языка / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков. Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.

Summary. The analysis of the cognitive-pragmatic space of an extremist text containing phraseological units is particularly complex, which is explained by the specificity of phraseological semantics.

The analysis of the communicative attitudes of the authors of extremist statements is complicated by the increased imagery of phraseological units, their peculiarity to reflect the elements of ethno-cultural and individual consciousness, which requires the choice of certain methods of their research.

Key words: extremist text, phraseological units, individual consciousness, ethno-cultural consciousness.

ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ РЕКЛАМНОГО ОБРАЗА В МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

Д.С. Скнарев

Россия, г. Москва, Российский университет дружбы народов
sknarev_ds@pfur.ru, sknar@list.ru

В современных исследованиях особое внимание обращается на фразеологизмы, функционирующие в книжных стилях (художественных и публицистических текстах) и разговорной речи. На наш взгляд, актуальной для наблюдения является и фразеология маркетинговых коммуникаций.

Цель данной статьи – рассмотреть фразеологизм как средство создания рекламного образа в маркетинговых коммуникациях (на материале текстов печатной рекламы, PR-текстов и др.).

В нашей картотеке представлено более 1000 фразеологизмов, собранных в ходе анализа текстов маркетинговых коммуникаций.

В своём исследовании рассматриваем **фразеологизм** как *номинативную единицу языка, соотносимую со словом семантически и грамматически, обладающую цельностью значения, раздельнооформленностью, устойчивостью и воспроизводимостью и представляющую собой сочетание двух и более слов-компонентов, аналогов словосочетаний или моделей предложения, соотносимых с единым целостным понятием и обладающих оценочностью, эмоциональностью, образностью* (Скнарев Д.С., 2019: 220).

Семантика фразеологизма – один из важнейших и основных параметров. Семантическая структура фразеологизмов построена по иерархическому принципу: в значении выделяется самая общая категориальная сема, которой починаются другие, менее общие. Фразеологизмы, подобно словам, объединяются по общему категориальному значению в семантико-грамматические классы.

Для анализа фразеологизмов, функционирующих в текстах маркетинговых коммуникаций, с точки зрения семантической организованности в своем исследовании опираемся на классификацию А.М. Чепасовой. На наш взгляд, это наиболее обоснованное, логически чёткое, иерархически организованное членение фразеологических единиц.

«Самым общим семантическим свойством фразеологизмов оказалось их свойство объединяться в семантико-грамматические классы, в основе каждого из которых лежит одно категориальное значение, или один тип семантики. Причем тип категориального значения у одного класса фразеологизмов и одной части речи одинаковый» (Чепасова А.М., 1974: 15).

В соответствии с этим А.М. Чепасова выделяет 7 классов: *предметный, процессуальный, призначный, качественно-обстоятельный, количественный, модальный, грамматический.*

Предметные фразеологизмы соотносятся со значением имен существительных по типу категориального значения, по наличию в них однотипных морфологических категорий и синтаксических функций, но не тождественны и неэквивалентны последним.

В этом классе объединяются фразеологизмы, называющие предмет в широком значении этого слова. Среди единиц нашей картотеки к предметным фразеологизмам относятся: *путь к сердцу мужчины* (аэрогриль «Hotter»), *минутное дело* («Микролак» – слабительное), *надежный друг вашего сердца* («Боярышник форте Эвалар»), *контроль над стрессом* каждый день (крем «Ozon'S Anti-Stress»); *среда обитания светских львиц* (салон красоты «Саванна», Москва), *выход в свет* (сигареты «Собрание»), *воплощение вашей мечты* («Tissot») и др.

Золотое время для карты Gold от American Express (банк «Русский стандарт»).

Золотое время для чего-л. – «период благоденствия и процветания чего-л., его активного функционирования, популярности, востребованности и актуальности».

У меня *непритязательный вкус*, мне вполне достаточно самого лучшего (корм для собак «Bosch»)

Непритязательный вкус у кого – «способность, заключающаяся в скромности желаний, удовлетворенности имеющимся, довольствовании малым».

Процессуальный фразеологизм характеризует семантический субъект действия с различных сторон, отражающих конкретные виды человеческой деятельности. Данный класс составляют фразеологизмы, которые обозначают разнообразные действия, состояния, изменения как процесс, и идентифицируются глагольными лексемами или словосочетаниями и обладают категориальным значением процессуальности.

К ним относим единицы: *поймай настроение* («ТВ-Центр»); *поддерживать себя в тонусе* («ДиаДЭНС-Т»); *открывайте новые горизонты и испытывайте новые ощущения* (карта «Visa»); для тех, кто хочет *подчеркнуть свою индивидуальность* («Glade Sport»), заварите чашечку ароматного чая Lipton Yellow Tea и *ощутите вдохновение* в каждой чашке! («Липтон»), *будь в форме* («Reebok»), *растать от нежности* (сыр «Ламбер»), *разбуди свою фантазию* («Levante»), бизнес *выигрывает в цвете* («Херох Солог»), лучший способ *поднять настроение!* (салон загара «Шоколад», Москва), «Сибирь» *набирает высоту* (авиакомпания), *взлети над суетой!* («Оренбургские авиалинии») и др.

Прояви стальной характер. Gillette Fusion Proglide. Новая специальная серия для Олимпийских игр в Сочи («Gillette»).

Проявить стальной характер – «продемонстрировать окружающим силу воли, мужественность, твердость, уверенность в себе».

Путешествие – это не только возможность *повидать мир*, но и риск для здоровья, связанный с пребыванием в местах скопления людей. Его можно снизить, прихватив с собой флакон спрея «Назаваль плюс» (Zambon)

Повидать мир – «1) увидеть новые земли (города, страны, достопримечательности и др.); 2) приобрести новые знания, опыт, расширить кругозор».

Призначные фразеологизмы, или *фразеологизмы признака* (Помыкалова Т.Е., 2007: 10), по своему категориальному значению соотносятся с именами прилагательными и обозначают признак, свойство, качество, состояние лица или неодушевленного предмета.

К ним мы относим следующие единицы нашей картотеки: *движение без боли* («Фастум гель»); *магазины здравого смысла* («Техносила»), Россия – *щедрая душа* (шоколад «Россия»), батончик *с характером* (шоколад «Пикник»); *крепкий как дружба*, *горячий как любовь* (чай «Пиквик»); *моя кожа нежнее шелка* (косметика «Флорена»), *легок на подъем* («Аэрофлот»), для тех, кто в *движении* («Rich»), *создающий чувства* («Lexus»), *крутящие землю* (обувь «Ralf Ringer») и др.

Встречайте абсолютно новый Audi A3 Sedan – первый компактный седан премиум-класса с уникальным спортивным дизайном, *задающий стандарты стиля*. Стиля нового времени («Audi»).

Задающий стандарты стиля – «лидирующий в модных тенденциях, использующий инновации, оказывающий существенное влияние на общественное мнение».

В качественно-обстоятельственном классе объединяются единицы, являющиеся обозначением признака или обстоятельства действия или степени проявления действия и признака предмета. Качественно-обстоятельственные, или, по другим классификациям, *адвербиальные*, фразеологизмы по своему категориальному значению соотносятся с наречиями. Во фразеологической литературе также широко распространен термин «наречные фразеологизмы» (Жуков В.П., 2006: 122).

К подобным единицам относим: С экрана на бумагу. *Одной кнопкой* (ксерокс «Samsung»); принимается *по всему миру* (карта «Visa»); *с первого взгляда* обращает на себя внимание («Kia Motors»), «Острум» – и вы всегда *на пике умственной активности!* («Эвалар»); Merrell. *От порога до края земли* (обувь Merrell, «Спортмастер»).

Сегодня Skoda Octavia привлекательна *как никогда*, ведь мы предлагаем Вам исключительно выгодные условия покупки! («Skoda»)

Как никогда – «1) так, как ни в какое другое время, как ни при каких других обстоятельствах; больше чем всегда (положительное восприятие);

2) нереально, невозможно, неосуществимо (саркастически)».

По нашим результатам, наиболее представлены фразеологические единицы предметного, процессуального, призначного, качественно-обстоятельственного классов. Они экспрессивно дополняют визуальный образ предмета рекламы, и, на наш взгляд, выступают в качестве значимого убеждающего аргумента, точно направленного на избранную целевую аудиторию.

Фразеологизмы используются практически во всех элементах композиции рекламного текста: заголовке, слогане, основном тексте, эхо-фразе, справочной информации (коде). Однако, по нашим наблюдениям, наиболее частотны данные языковые единицы в слоганах.

Анализируя данные текстовые единицы маркетинговых коммуникаций, приходим к выводу о том, что слоганы, ключевые слова которых обладают символическим значением, постепенно становятся фразеологизмами. Мы связываем это с тем, что одним из значимых свойств данных языковых единиц является частотность употреблений, а в рекламном тексте этот фактор приобретает особую актуальность, так как рекламная коммуникация предполагает повторяемость контактов с потребителем. Целевая аудитория запоминает рекламные слоганы, ассоциирует их с конкретными продуктами и воспринимает в соответствующем значении, во многом созданном в рамках рекламного текста. Следовательно, любой рекламный слоган со временем может превратиться во фразеологизм.

Фразеологизмы чаще всего встречаются в рекламных слоганах, которые, выступая в качестве основного элемента фирменного стиля бренда, в сущности номинируют его вторично, становясь рекламным именем, и обладают символическим значением.

Мотив здоровья – один из самых распространенных в рекламе, и фразеологизмы, имеющие в своем составе компонент-соматизм, весьма успешно реализуют его в рекламном контексте. Например, в информационном блоке рекламного текста БАД «Релаксозан Валериана форте» компании «Эвалар» встречается ряд фразеологизмов с компонентами-соматизмами: «Бывает так, что жизнь становится сплошной нервотрепкой – *нервы напряжены*, все раздражает, все *валится из рук*. С Релаксозаном Вы наконец перестанете беспокоиться и начнете жить полноценной жизнью – без нервотрепки, не отвлекаясь на страхи, волнения и беспокойство. И *голова оста-*

нется ясной – Релаксозан не вызывает ощущения «заторможенности»» (Релаксозан Валериана форте).

Нервы напряжены – «кто-либо находится в состоянии крайнего возбуждения, нервного напряжения, едва сдерживает себя».

Валится из рук – «не удастся, не получается из-за нежелания что-либо делать, отсутствия силы».

Голова останется ясной – «сохранится сообразительность, способность мыслить здраво, четко, логично».

В рассматриваемом рекламном тексте используемые фразеологизмы: «*нервы напряжены*», «*валится из рук*», «*голова останется ясной*» – последовательно развивают образ товара. Сначала нам рассказывают об обычной стрессовой ситуации, в которой может оказаться каждый. Четкое представление об этом дают единицы «*нервы напряжены*» и «*валится из рук*». В сознании потребителя возникают неприятные ощущения, но всегда есть выход. В финале мы узнаем о средстве «Релаксозан», которое избавит человека от обсуждаемой проблемы. Эффект его воздействия на целевую аудиторию уточняет фразеологизм «голова останется ясной».

Ряд компаний используют фразеологизмы с компонентами-соматизмами в своих корпоративных слоганах: *в ногу со временем* (Tissot), *в сердце изображения* (Nikon), *с головой в удовольствие* (Herbalessences), *все в моих руках* (Hugobosswoman), *энергия сердца* – удовольствие жизни (Кудесан), *здоровый кишечник – здоровая кожа* (Лактофильтрум) и др. В приведенных примерах отмечаем процесс конкретизации фразеологических единиц с помощью уточняющих слов: *со временем, изображения, в удовольствии* и др.

На наш взгляд, обращение к подобным фразеологизмам не случайно. Они более точно передают видение и миссию фирмы, создают рекламный образ, воплощающий суть рекламного послания, направленного на избранную целевую аудиторию. В этом смысле они выступают вторым именем бренда и вызывают соответствующие ассоциации в сознании потребителей.

По нашим данным, среди фразеологизмов с компонентами-соматизмами, представленных в рекламном дискурсе, преобладают процессуальные единицы (72 %), что связано с призывностью и динамичностью рекламы, стремлением убедить потребителя в важности покупки, образности. Данные средства наиболее продуктивны в рекламе лекарственных препаратов и биологически активных добавок, косметических средств, автомобилей, туристических услуг, фототоваров.

М.В. Ягодкина замечает: «Хороший слоган в сознании потребителя прочно связывается с маркой товара, и зачастую он продолжает свою жизнь даже после того, как конкретная реклама уходит в прошлое и перестает транслироваться в СМИ. Хороший слоган переходит в разряд неофразеологизмов» (Ягодкина М.В., 2014:112).

Анализируя рекламные слоганы, приходим к выводу о том, что слоганы, ключевые слова которых обладают символическим значением, действительно постепенно становятся неофразеологизмами. Мы связываем это с тем, что одним из значимых свойств ФЕ является частотность употреблений, а в рекламном тексте этот фактор приобретает особую актуальность, так как рекламная коммуникация одной из главных своих черт предполагает повторяемость. Целевая аудитория запоминает рекламные слоганы, ассоциирует их с конкретными продуктами и воспринимает в соответствующем значении, во многом созданном в рамках рекламного текста.

Показателен пример использования неофразеологизма с компонентом-соматизмом в качестве имени фирмы. Челябинская компания, предлагающая компьютерные услуги населению, выбрала нейм «**Руки из плеч**». Данный неофразеологизм образован от исходных единиц: *руки из того места растут, руки растут* откуда надо и др. Т.е. растут из плеч.

Определим значение единицы как «*профессионализм, старательность, оперативность, высокий уровень качества оказываемых услуг*». Считаем, что подобное

название, несомненно, привлекает внимание и соответствует маркетинговым требованиям. Оно запоминается и более точно передает специфику деятельности организации, убеждает потребителя в компетентности и профессионализме ее сотрудников.

По нашим данным, новые фразеологические единицы (неофразеологизмы) наиболее продуктивны в рекламе лекарственных препаратов и биологически активных добавок, косметических средств, автомобилей, туристических услуг, фототоваров.

Таким образом, фразеологические и неофразеологические единицы являются одним из самых эффективных и частотных средств создания образа товара в продающем тексте. Во многом это связано с тем, что именно фразеологизмы обладают оценочностью, образностью, способностью отражать особенности национального менталитета и культуры. На наш взгляд, подобные единицы весьма продуктивны в заголовках сообщений. Этим объясняется их востребованность в рамках рекламного дискурса. Они акцентируют внимание целевой аудитории на основном рекламном мотиве, обладают образностью, яркостью и экспрессивностью, что дает им возможность точно передать сущность рекламного сообщения, а также воздействовать на потребителя оценочностью и содержательностью.

Литература

1. Жуков, В.П. Русская фразеология. – М.: Высшая школа, 2006. – 408 с.
2. Помыкалова, Т.Е. Цветообозначение в номинациях лексического и фразеологического признака: монография. – Челябинск: ООО «Изд-во Рекпол», 2007. – 102 с.
3. Скнарев, Д.С. Эффективный копирайтинг в системе бренд-коммуникаций (онлайн и офлайн среда): монография. – М.; Берлин: директ-Медиа, 2019. – 270 с.
4. Чепасова, А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов. – Челябинск: Изд-во ЧГПИ, 1974. – 100с.
5. Ягодкина, М.В. Реклама в коммуникационном процессе. – СПб.: Питер, 2014. – 304 с.

Summary. The article defines the concept essence of “the imagery system of advertising discourse”, examines advertising texts in local print media and examines the role of idioms in creating the image of the goods. Advertising image is a means of visual communication and provides new information about the product to the potential customers. Imaging system of advertising discourse presents comprehensive image of the advertising object (product, service, company, etc.), is created on the basis of visual (design) and verbal (language) components that are present in the composition of the advertising text.

Key words: concept, advertising discourse, advertising text, imagery.

КОМБИНАТОРИКА ТЕРМИНОВ HEIßES ENDE / KALTES ENDE КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВИДЕНИЯ МИРА

В. В. Степанова

Республика Беларусь, г. Гомель, Гомельский государственный университет
им. Ф. Скорины
vera.stalde@gmail.com

Тот факт, что профессиональная деятельность человека накладывает свой отпечаток на характер восприятия им окружающей действительности, является общепризнанным. Для целей данного исследования особый интерес представляют особенности восприятия и интерпретации специалистами той части окружающей действительности, которая составляет сферу их профессиональной деятельности.

Любой специалист сначала в процессе обучения, а потом и в процессе своей трудовой деятельности овладевает не только понятийным аппаратом своей профессии, но и своеобразным набором «типичных ситуаций», в которых способны реализоваться те или иные терминологические понятия. По этой причине тексты, пред-

ставляющие профессиональную сферу общения, отражают свои стереотипы интерпретации действительности, в основе которых лежит знание о тех самых «типичных ситуациях». Под стереотипом здесь, вслед за В. В. Красных, мы понимаем «стереотип-представление», который определяет то, что следует ожидать в той или иной ситуации (Красных В. В., 2002: 178).

Стереотипные ситуации, отражаемые в профессиональном дискурсе, могут быть описаны с опорой на закономерности комбинаторики терминологических единиц. Выявление этих закономерностей, на наш взгляд, прольет свет на особенности профессионального видения и интерпретации мира.

Сочетания *Heißes Ende* и *Kaltes Ende*, встречающиеся в терминологии стекольного производства, имеют достаточно строгие терминологические значения, независимые от контекста: ‘горячий участок линии’ (‘горячий конец’) и ‘холодный участок линии’ (‘холодный конец’) (1).

Эти сочетания чаще всего выступают в предложении в роли распространителей субстантивных лексем различной семантики, а именно:

1. Процессуальной семантики *die Steuerung* ‘управление’, *der Materialfluss* ‘поток, течение материала’, *die Glasformung* ‘формование стекла’, *die Prozesse* ‘процессы’, *das Controlling* ‘контроллинг’:

1) *Im Hinblick auf die **Steuerung des gesamten Kalten Endes** bieten sich durch die MSK EMSY Software Einsparungsvorteile, da der **Materialfluss am gesamten Kalten Ende** übersichtlich bedien- und konfigurierbar wird* (9).

2) *HiPERFORM von Heye International steht für ausgezeichnetes Equipment in der **Glasformung am Heißen Ende*** (7).

3) *Das Prozessleitsystem Simatic PCS 7 ist ein vielseitiges und leistungsfähiges System, mit dem sich die **Prozesse im heißen Ende der Glasproduktion** hochverfügbar und präzise steuern lassen* (10).

2. Предметной семантики *die Maschinen* ‘машины’, *die Ausrüstung* ‘оборудование’:

4) *Die neue Software vernetzt die Daten aller EMSY-gesteuerter **Maschinen am Kalten Ende** im Sinne von Industrie 4.0 und ermöglicht ein zentrales **Controlling des gesamten Kalten Endes** auf Basis von Echtzeitdaten* (9).

5) *Die Kombination dieses Ansatzes mit der Flexibilität unserer modularen IS-Maschinen und der dazugehörigen **Ausrüstung für das Heiße Ende** garantiert eine hohe Produktivität und Wiederholbarkeit im Herstellungsprozess* (8).

3. Пространственной семантики *der Bereich* ‘участок’:

6) *Die Firma Hegla hat sich im Glasherstellungsprozess auf den **Bereich hinter dem kalten Ende** spezialisiert und konzipiert und baut Förder- und Schneidanlagen sowie Puffer- und Lagersysteme* (5).

4. Оценочно-характеризующей семантики *die Effizienz* ‘эффективность’, *die Defekte* ‘дефекты’:

7) *Mit MSK EMSY analytics erhalten Sie eine völlig neue Transparenz im Hinblick auf die **Effizienz Ihres Kalten Endes*** (9).

8) *Ein integriertes Defect Expert System (Defektexpertensystem) zeigt außerdem **Defekte am Heißen Ende** an und schlägt dem Bediener Korrekturmaßnahmen vor* (6).

Основываясь на анализе данных контекстов, можно говорить о том, что «типичные ситуации», касающиеся объектов, именуемых рассматриваемыми терминами, связаны с осуществлением различных процессов на горячем и холодном участке линии. Условно эти процессы можно разделить на собственно производственные (в результате которых появляется или преобразовывается производимый продукт) и контролирующие (осуществление контроля за производством на этих участках).

Рассматриваемые термины могут употребляться в родительном падеже (Genitiv), как видно из контекстов (1, 4 и 7); в дательном падеже (Dativ) с различными предлогами пространственной семантики *an* ‘на’ (1, 2, 4 и 8), *hinter* ‘позади, за’ (6), *in* ‘в’ (3); могут сами распространяться притяжательными местоимениями (*Ihr* ‘Ваш’

(7)), прилагательными (*gesamt* 'целый' (1 и 4)), другими существительными (*im heißen Ende der Glasproduktion* 'на горячем участке производства стекла' (3)). Встречаются также варианты употребления в винительном падеже (Akkusativ) с предлогом *für* 'для' (5).

Как видим, в качестве распространителя субстантивных лексем рассматриваемые терминологические сочетания реализуются во всех косвенных падежах немецкого языка.

В случаях употребления исследуемых терминологических сочетаний в дательном падеже с предлогами пространственной семантики можно говорить о том, что атрибутивная семантика распространителя осложняется обстоятельственными значениями (Тихомирова М.А., 2010: 8).

Термины *Kaltes Ende* и *Heißes Ende* употребляются в предикативных сочетаниях с глагольными лексемами:

(9) *Heißes Ende ist der Bereich eines Hohlglas herstellenden Unternehmens, der sich von der Tropfenformgebung des schmelzflüssigen Glases bis zum Eintrag des Produktes in den Kühlöfen erstreckt* (4).

(10) *Da Heißes Ende und Kaltes Ende unter einem Dach vereint sind, halten die Kunden BEG für bestens geeignet, die gesamte Prozesssteuerung auf eine neue, höhere Stufe zu heben* (6).

В такого рода комбинаторике терминологические сочетания выполняют роль грамматического субъекта, их семантическая роль – субъект характеристики. В предложении (9) горячий конец описывается как часть другого объекта, в предложении (10) горячий и холодный конец характеризуются по месту своего расположения.

Рассматриваемые термины могут употребляться в непредикативных сочетаниях с глагольными лексемами:

(11) „End to End“ ist eine ganzheitliche Betrachtung des Produktionsprozesses, die *Heißes Ende und Kaltes Ende vereint*. (6)

В таких сочетаниях термины реализуются обычно в объектном значении.

Отмечается использование исследуемых терминологических сочетаний в роли распространителя всего предложения (целой предикативной единицы), то есть в роли детерминанта, который может находиться в абсолютном начале предложения (12) или занимать следующую за подлежащим позицию в придаточном предложении (13):

(12) *Am Heissen Ende – also dem Start – befeuern Gasbrenner das Gemenge aus Quarzsand, Soda, Kalk und Altglasscherben in den Schmelzwannen* [11].

(13) *Nach der Formung werden die Flaschen heruntergekühlt, bis sie am Kalten Ende die verschiedenen Stufen der Qualitätsprüfung durchlaufen* [11].

Как правило, детерминант реализует локативное значение. В предложениях описываются самые общие процессы, происходящие на соответствующих участках производства.

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Термины *Heißes Ende* и *Kaltes Ende* в предложении могут употребляться в сочетании с субстантивными лексемами, в предикативных и непредикативных сочетаниях с глагольными лексемами, в качестве свободного распространителя предикативной единицы.

Семантическая роль данных терминов связывается с выражением объектных, комплетивных, обстоятельственных значений. В предикативных сочетаниях термины реализуют семантическую роль «субъект характеристики».

2. Комбинаторика терминов раскрывает важные для специалистов параметры существования объектов, обозначаемых терминами; формирует представление о том, как и в каких связях специалисты «видят» эти объекты.

3. Ситуации, в которых упоминаются объекты, именуемые терминами *Heißes Ende* и *Kaltes Ende*, в первую очередь связаны с различными процессами, осуществ-

ляемыми на данных участках производства. Одни из них можно охарактеризовать как собственно производственные процессы, другие как контролирующие.

4. Менее типичными для профессиональных дискурсов является употребление терминов *Heißes Ende* и *Kaltes Ende* в качестве обозначений элементов структуры логической пропозиции. Содержание таких пропозиций составляет описание структуры объекта либо оценка его функционирования.

Литература

1. АКАДЕМИК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://translate.academic.ru> – Дата доступа: 19.02.2019.
2. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
3. Тихомирова, М. А. Несогласованные определения в современном русском языке: автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. фил. наук / М. А. Тихомирова; Моск. пед. гос. ун-т. – Москва, 2010. – 25 с.
4. DGUV [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://publikationen.dguv.de/dguv/pdf/10002/bgr230.pdf> – Дата доступа: 05.02.2019.
5. ELEKTRO AUTOMATION [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wirautomatisierer.industrie.de/allgemein/alles-im-fluss/> – Дата доступа: 10.02.2019.
6. EMHARTGLASS [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.emhartglass.com/sites/default/files/A0212.pdf> – Дата доступа: 05.02.2019.
7. HEYE INTERNATIONAL [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.heye-international.com/de/home/hiperform-heisses-ende/> – Дата доступа: 05.02.2019.
8. HEYE INTERNATIONAL [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.heye-international.com/fileadmin/user_upload/Bilder/5_Catalogues_and_Enquiry/CompanyPortrait_DE.pdf – Дата доступа: 06.02.2019.
9. MSK [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.msk.de/loesungen/komplette-verpackungsanlagen/verpackungsmaschinen-glas/> – Дата доступа: 05.02.2019.
10. SIEMENS [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.siemens.com/content/dam/webassetpool/mam/tag-siemens-com/smdb/process-industries-and-drives/glas-und-solar/glas/documents/glassfocus/glassfocus-2010-d.pdf> – Дата доступа: 10.02.2019.
11. VETROPAK [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vetropack.at/de/glas/glossar/> – Дата доступа: 05.02.2019.

Summary. The paper examines the combinatory potential of glass terms *Heißes Ende* and *Kaltes Ende*. It is concluded that these terms can be used in combination with substantive lexical items, in predicative and non-predicative combinations with verb lexemes, as a determinant that determinates the whole sentence. From this, it has been turned out how professionals “see” the objects designated by these terms.

Key words: combinatory potential of linguistic units, professional picture of the world.

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ РАСШИРЕНИЕ КАК СПОСОБ ИЗМЕНЕНИЯ ОЦЕНОЧНОЙ КОННОТАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

И.Э. Федюнина

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
fedyunina@bsu.edu.ru

Одной из главных целей когнитивно-прагматического подхода к изучению фразеологических единиц (ФЕ) является раскрытие и понимание «принципов и механизмов взаимодействия фразеологической семантики как с универсальными ко-

гнитивными структурами, так и с социокультурными особенностями и традициями носителей языков» (Granger S., 2011: 192). Поскольку ФЕ являются «не только чисто языковым, но и когнитивным феноменом» (Баранов А.Н., Добровольский Д.О., 2008: 21), когнитивно-прагматические исследования ФЕ позволяют выявить как особенности интерпретации действительности носителями языка, так и факторы, влияющие на их отношение к тому или иному явлению действительности в конкретной ситуации. По мнению специалистов, при формировании такого отношения ведущую роль играет оценочная категоризация – «результат интеракции двух концептуальных систем – той, что имеет происхождение из физического мира и той, что производна от человеческой системы ценностей» (Boldyrev N., 2002: 5). При этом отмечается, что оценочная категоризация не всегда рациональна и зависит не только от социокультурных норм, но и от ситуации, личного восприятия и отношений коммуникантов. Таким образом, оценочный аспект коннотации ФЕ наряду с их образной основой представляются наиболее значимыми факторами формирования когнитивно-прагматического эффекта. Однако важно помнить, что полноценная реализация ФЕ происходит только в конкретной коммуникативной ситуации в соответствии с «прагматической установкой носителей языка» (Третьякова И.Ю., 2011: 41). Именно поэтому большой интерес представляют дискурсивные трансформации ФЕ, которые всегда привносят дополнительные смыслы в значение, тем самым расширяя когнитивные возможности ФЕ.

Материалом для исследования в данной статье послужили идиомы русского языка с общей семантикой нечестного поведения и манипулирования партнёром. Наиболее распространённым дискурсивным преобразованием этих ФЕ является метафорическое расширение (т.е. расширение образной основы). Кратко рассмотрим основные тенденции влияния данной трансформации на оценочную коннотацию ФЕ и, соответственно, на их прагматический эффект в целом.

- Тамарина мать ненавидит зятя. Считает, что он не помогает дочери, не ценит её и вообще *сел им на шею и едет, свесив ноги*. Зять, в свою очередь, считал, что вносит вклад в духовную культуру всего мира, значит, человечество ему обязано, а жена и тёща... должны быть счастливы, что *именно их шеи оказались под его задом* (Токарева В.С., 2004: 214). В этом контексте имеет место двойное расширение образа, актуализирующее сразу два набора негативных семантических признаков субъекта: наглости и бесцеремонности (*едет, свесив ноги*), а также цинизма и крайнего пренебрежения к родным и близким (*шеи ... под задом*), что значительно усиливает негативную оценку.

- Ты держал меня за безмозглую дуру, которую можно *обвести вокруг пальца* с завидной легкостью и весёлыми смешочками. Ты, Нугзар, поступил глупо. И сам вырыл себе яму. Запомни, дорогой, если ты или твои приятели-журналисты попытаются *насобирать развесистую клюкву на чужих болотах...* что ж, пеняй на себя (Маринина А.Б., 1996: 245-247). Здесь расширение образной основы привносит дополнительные признаки жадности и глупости манипулятора, переоценившего себя и недооценившего потенциальную жертву, а прагматический эффект обогащается дополнительным смыслом справедливого наказания.

- Из Кати могла бы выйти великолепная промышленная шпионка. Она могла бы выведать любую суперсекретную информацию. Она виртуозно и мастерски со всеми договаривалась и манипулировала. Жаль, что её способности уходили на такую мелочь. Она *ловила рыбу в мутной жиже*, а могла бы *выйти на морские просторы* (Токарева В.С., 2005: 280). В этой ситуации интересен способ создания метафорического расширения – противопоставление негативной изначальной внутренней формы ФЕ, актуализирующей семантические признаки грязи, узости и убожества, и второй части расширенной образной основы, объективирующей признаки свободы и широты возможностей. В результате общая негативная оценка изменяет фокус, вызывая не столько осуждение действий субъекта, сколько сожаление о его нереализованных способностях и упущенных возможностях.

• Инна дружила с журналистами, умела... и свои интересы соблюсти, и их *почесать за их острыми журналистскими ушами* (Устинова Т.В., 2004: 115). В данной ситуации за счёт вклинивания лексем «острый» и «журналистский» имплицитно признаются признаки любопытства, настороженности и потенциальной опасности объекта, в результате чего умение им манипулировать приобретает статус искусства, и негативная оценочная коннотация идиомы частично снижается. Однако интересно отметить, что снижается она лишь по отношению к манипулятору, но не к реципиенту, поскольку метафорическое расширение усиливает отрицательное эмотивное воздействие внутренней формы ФЕ, уподобляющей объект манипуляций некоему животному, от которого надо добиться хорошего поведения. Похожую тенденцию наблюдаем ещё в одном контексте: • Бенни был отъявленным мерзавцем, но непревзойдённым менеджером – он был способен *заговорить зубы* даже *аллигатору*. В этой ситуации субъект представлен, с одной стороны, как неприятная личность, с другой – как отличный профессионал, чьи способности к манипулированию являются частью его работы и практически непременным условием её успешности. Усиление семантического признака мастерства осуществляется путём введения в структуру ФЕ элемента-зоонима «аллигатор», что подчёркивает способность субъекта манипулировать даже очень опасным и недоверчивым реципиентом. Таким образом, в обоих приведённых контекстах метафорическое расширение актуализирует дополнительный семантический элемент высокого мастерства, искусства и, соответственно, определённую степень признания и даже восхищения, что привносит некоторую позитивную ноту в общий прагматический эффект ФЕ.

• «Когда общество ничего не может предложить сегодня, оно обещает светлое будущее. *Вешает лапшу на уши*. А ты *уши развесила*». Она позвала меня к себе в гости..., чтобы я походила по её квартире, *покачала лапшой на ухах* (Токарева В.С., 2004: 36-42). Данный контекст представляет интересный случай, когда негативная оценочная коннотация ФЕ полностью сохраняется, но в силу влияния уничтожительной характеристики реципиента «перенаправляется» с субъекта на объект, который сам виноват в том, что им манипулируют. Усилению прагматического эффекта способствует не только расширение образной основы, представляющее реципиента в крайне нелепом виде, но и использование ФЕ *развесить уши*, сама внутренняя форма которой имплицитно подразумевает удобство «навешивания лапши».

Таким образом, метафорическое расширение оказывает значительное влияние на оценочную категоризацию поведения и действий, актуализируемых посредством ФЕ, и на прагматический эффект ФЕ в целом. Хотя исследуемые ФЕ как таковые изначально несут отрицательную оценку, в дискурсе они проявляют довольно высокую степень контекстуальной сензитивности и когнитивно-прагматической гибкости. Можно выделить четыре основные тенденции изменения оценочной коннотации под влиянием метафорического расширения и контекста: усиление негативной коннотации; привнесение в изначально негативную коннотацию позитивных элементов за счёт актуализации дополнительных признаков и смыслов, значимых для участников коммуникации; «перенаправление» негативной коннотации с субъекта на реципиента; изменение фокуса оценки поведения субъекта. Оценочная категоризация актуализируемых действий зависит от целей и установок участников ситуации, их отношения друг к другу, а также личных представлений о том, насколько приемлемым / неприемлемым является обман или манипулирование в конкретных обстоятельствах. Большую роль играет также эмотивный элемент, зачастую преобладающий над социокультурными и рационально-логическими факторами.

Литература

1. Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О. Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
2. Маринина, А.Б. Чужая маска. – М.: Локид, 1996. – 416 с.

3. Третьякова, И.Ю. Оказиональная фразеология: монография. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. – 290 с.
4. Токарева, В. С. Коррида. – М.: «Вагриус», 1994. – 509 с.
5. Токарева, В. С. Птица счастья. – М.: АСТ:ЛЮКС, 2005. – 349 с.
6. Устинова, Т.В. Первое правило королевы. – М.: Эксмо, 2004. – 352 с.
7. Boldyrev, N.N. Evaluate Categorization // Abstracts (from Cognitive Linguistics East of Eden September 13th-15th 2002). – Turku, Finland, 2002. – 52 p.
8. Granger, S. Phraseology: An Interdisciplinary Prospective. – N.-Y.: John Benjamins Publishing Company, 2011. – 486 p.

Summary. The article deals with contextual transformations of Russian idioms covering the semantic area of dishonest behavior and manipulation. The study focuses on extended metaphor and the ways it affects pragmatic impact of the idioms under study. The author applies discourse analysis in order to define how the connotation is influenced in a particular communicative situation. The study also seeks to reveal the attitudes native Russian speakers hold towards certain forms of dishonest behavior.

Key words: idiom, communicative situation, discourse analysis, pragmatic impact, extended metaphor.

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗАГОЛОВОЧНЫХ ФРАЗЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОГРАММ

М.А. Фирсова

Россия, г. Астрахань, Астраханский базовый медицинский колледж
firsovamariaa@yandex.ru

Фразеологические единицы являются неотъемлемым компонентом современного медиадискурса в целом и информационных программ в частности, что обусловлено их уникальной способностью вербализовывать экспрессивно-образное и эмотивно-оценочное содержание картины мира, которое имеет генетическую связь с представлениями и репрезентирует «элементы субъективно сложившегося обыденного сознания, отфильтрованные в идиоэтническом десигнате соответствующего языкового знака» (Алефиренко Н.Ф., 2006: 104). Такие категориальные свойства медиадискурса, как ситуативность, информативность, коммуникативные действия и личностные характеристики, определяют его мощный фразеогенный потенциал.

Фразеологические единицы (ФЕ) в медийных текстах содействуют преобразованию аффектно-образного познания в интеллектуально-образное. Интеллектуализация современного медиадискурса, как отмечает Л.В. Рацибурская, служит его отличительной чертой (Рацибурская Л.В., 2015: 160), а ориентация на «думающего» зрителя и слушателя открывает большие возможности для фразеонаминаций, распознавание которых помогает проникнуть в глубь именуемого объекта и выйти за рамки непосредственного восприятия.

Медиадискурс является сложным когнитивно-коммуникативным явлением, структура которого отличается мощным потоком различных экстралингвистических факторов: знание мира, мнения, ценностные установки обстоятельства, сопровождающие события, фон, оценку участников события, – играющих важную роль в понимании и восприятии информации. В силу этих свойств можно рассматривать медиадискурс в качестве фразеомобразующей среды. Так, рассмотрение соотношения содержания сюжетов программы «Время» и «Новости» (1 канал) и заголовочных фразем, визуализация которых происходит на экране во время анонса выпуска, способствует выявлению когнитивно-прагматической сущности фразеологической семантики и дискурсивных условий её реализации в медиадискурсе.

Под заголовочной фраземой, вслед за О.Ю. Космачевой, мы понимаем косвенно-производную номинацию, использованную в структуре заголовка СМИ, кото-

рый «является речемыслительным ареалом – местом, где, во-первых, происходит употребление фраземы в её кодифицированном значении или допускаются структурно-семантические деформации и, во-вторых, генерируются конкретные ситуации и происходит смысловая реализация фразеологического значения. В заголовке действуют те же законы и механизмы, что и при рождении фраземы: она не просто используется, но и творчески перерождается с учётом когниций» (Космачева О.Ю., 2013: 46).

Взаимодействие визуального и аудиального плана выражения сюжета, анонсируемого фразеоминативом – заголовочной фраземой, «открывает новые возможности для постижения речемыслительных особенностей образного познания действительности и дискурсивно-прагматической деятельности человека, для понимания того имплицитного содержания, которое находится за пределами означаемого знака-фраземы» (Золотых Л.Г., 2008: 4). Например, заголовок «**Для тела и души**» («Новости», 1 канал, 04.02.2019) анонсирует сюжет о заседании совета при президенте по распределению бюджетных средств на развитие туризма и культуры, а именно на развитие театров. По компонентному составу заголовочная фразема *для тела и души* соотносится со структурой ФЕ *душой и (да) телом* ‘целиком, полностью, всем существом’. Думается, что авторы вряд ли соотнесли фразеоминатив сюжета с выражением *душа и тело*, который подразумевал «человека, человеческое существо, личность», «индивидуума, Я» в обиходной речи и уже в конце XVI – начале XVII в. был усвоен деловой письменностью (ИЭС, 2005: 211). Семантическая интерпретация заголовочной фраземы «**Для тела и души**» оптимизирует организацию информации новостного сюжета о развитии театральной индустрии, что семантически определяет её связь с ФЕ *отдохнуть душой (сердцем)* ‘освободившись от волнений или отвлекшись на что-л. доставляющее радость, обрести душевный покой’ (БУСРЯ, 2016: 716).

Соотношение заголовочной фраземы «**Картина маслом**» («Новости», 1 канал, 29.01.2019) ‘какая-либо яркая (забавная или нелепая) ситуация; зрелище, достойное внимания’ (www.orator.ru) и сюжета о похищении из Третьяковской галереи картины А.И. Куинджи «Ай-Петри», уголовное дело по которому было передано в суд в течение суток, обнаруживает смысловую связь между резонансным инцидентом и зрелищем, достойным внимания и запечатления живописной картиной. Актуализация прямого значения лексемы *картина* ‘произведение живописи, написанное красками на холсте, бумаге, картоне, доске и т.п.’ в новостном сюжете и смысловых элементов семантической структуры ФЕ *картина маслом* находят прагматическое единство.

Смысловая реализация ФЕ *разбор полётов* ‘анализ, рассмотрение руководителями полётов правильности решений пилота во время управления летательным средством’ (БУСРЯ, 2016: 976) происходит через преломление значения к определённой ситуации, к определённом контексту, представленному сюжетом о технических новинках в авиации, которые были продемонстрированы на выставке в Москве и анонсированному заголовочной фраземой «**Разбор полётов**» («Новости», 1 канал, 06.02.2019). Следовательно, ФЕ, пришедшая из авиационной отрасли, прямо соотносится с содержанием новости без какого-либо оценочного контекста. Отсюда актуализация внутренней формы.

Заголовочная фразема «**Закон не писан**» («Новости», 1 канал, 16.01.2019) предваряет сюжет о ДТП с участием судьи, сбившем человека на пешеходном переходе и реализует, формируя негативную зрительскую оценку о представителе закона, кодифицированное фразеологическое значение ‘разг. неодобр. – для кого-л. не существует обязательных для исполнения правил, норм поведения’ (БУСРЯ, 2016: 326), основанное «на метафорическом переносе значений, построенном на первоначальном сравнении будто закон не писан» (Гвоздарёв Ю.А., 1988: 19). Также приведем пример трансформированной заголовочной фраземы «**От закона не уехать**»

(«Новости», 1 канал, 07.02.2019), где компонент *уехать* обусловлен содержанием новости, в которой говорится об ужесточении наказания водителей, покидающих место ДТП.

Выбор заголовочных фразем для презентации и анонсирования той или иной новости обусловлен её содержанием, а структурно-семантические трансформации, актуализирующие внутреннюю форму устойчивого выражения, образуют единое взаимодополняющее дискурсивное пространство заголовка и информационного содержания новости. Появление «окказиональных ФЕ в современном литературном языке обусловлено активным развитием современного общества, изменения в котором происходят настолько активно, что словари и другие лексикографические источники не в состоянии в полном объёме отразить все новации» (Фирсова М.А., 2013: 56). Например, заголовочная фраза «**Вживи и радуйся**» («Новости», 1 канал, 14.12.2018) по модели выражения *живи и радуйся*. Сюжет о новых технологиях по вживлению электронного чипа внутрь тела для удобного пользования. Вживить – ‘поместить внутрь живого организма временно или для приживания’.

Заголовочные фраземы новостных программ полифункциональны, однако их основная функция, на наш взгляд, заключается не столько в информировании о содержании новостного сюжета (оно озвучивается ведущим за кадром), сколько в обращении к дискурсивно-прагматической деятельности реципиентов для активации и усиления имплицитного содержания заголовочной фраземы. Эта функция является для новостных заголовков определяющей в аспекте развития окказиональной вариативности. Например, новостной заголовок о разрыве отношений между Украиной и Россией представлен «**И не друг и не брат**» («Время», 1 канал, 10.12.2018). Данный пример является трансформированной ФЕ и, на наш взгляд, имеет своеобразную вариативную связь с узуальными фразеоломинами. Так, изменение компонентного состава прецедентного выражения «*и не друг и не враг, а так*» из к/ф «Вертикаль», где заменен компонент *враг* на *брат*, подчеркивает ранее дружеские отношения с братским украинским народом. Если соотнести окказиональную заголовочную фразему и не друг и не брат с ФЕ *ни сват ни брат* кто-л кому-л ‘разг., неодобр. – о совершенно чужом, постороннем человеке’ (БУСРЯ, 2016: 67), то наблюдаем актуализация семы «чужой».

Экспрессивная и воздействующая функции заголовочных фразем, реализующихся как в плане выражения, так и в плане содержания ФЕ, воплощаются в новых ассоциативных связях, интегрирующих речемыслительную деятельность автора и реципиента. Анализ новостных заголовков в анонсе информационных программ позволяет представить их как некий код, верная дешифровка которого открывает доступ к пониманию подробной информации по тому или иному освещаемому событию. Например, заголовок «**Хуг с ними**» («Время», 1 канал, 26.10.2018) предваряет новость об окончании деятельности Александра Хуга – замглавы миссии ОБСЕ в Донбассе. В данном примере фамилия чиновника соотносится с табуированной лексемой, а в сочетании с компонентом устойчивого выражения *** *с ними* приобретает значение ‘уступки, безразличия’ (Квеселевич Д.И., 2011: 948) как и соответствующее табуированное выражение. Подобные заголовки, где происходит замена структурного компонента, «являются объектами своеобразной игры, цель которой – смещение различных планов восприятия, акцентов, создание эффектов – иронического, юмористического, пародийного» (Космачёва О.Ю., 2013: 46).

Заголовочные фраземы как лингвистический феномен обладают когнитивно-прагматическими характеристиками вследствие их непосредственной связи, как с содержанием озаглавливаемого объекта, так и с имеющейся в сознании реципиентов картиной мира, в которой ФЕ занимают особое место. Они способствуют расширению семантики не только самой ФЕ, но и актуализирует оценочно-образное восприятие официальной новостной информации.

Так, шутливая ФЕ *на птичьих правах* («Время», 1 канал, 13.12.2018) ‘не имея прочного положения, прав, обеспечения и т.п.’ (ИЭС, 2005: 570) предваряет новость о британском премьер-министре Терезе Мей, положение которой в ЕС пошатнулось и вследствие этого она пребывает в нем *на птичьих правах*. «**Брекзит в тумане**» («Время», 1 канал, 16.01.2019) – заголовок новости об отвержении британского парламента предложения Терезы Мей о выходе из Евросоюза. Делается отсылка к прецедентному выражению «Ежик в тумане» (м/ф режиссера Ю. Норинберга). Данное выражение имеет толкование в словаре русского арго под редакцией Елистратова: *ежик в тумане* – ‘несчастный, запутавшийся, жалкий человек’. Обнаруживается ассоциативная связь между значением выражения и нестабильного положения Великобритании как члена ЕС. Брекзит (Britain exit) – процесс выхода Британии из ЕС в данном контексте представляется как ‘запутанный, неясный процесс’.

Коммуникативно-прагматический потенциал заголовочных фразем в рамках новостного выпуска демонстрирует механизм воздействия медийного дискурса посредством экспликации экспрессивной составляющей ФЕ. Кроме того, структурно-смысловая модификация ФЕ в структуре заголовка новостного выпуска репрезентирует полифункциональность фразеологического фонда русского языка, в которой окказиональная вариативность занимает ведущее положение.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова – Волгоград: Перемена, 2006. – 228 с.
2. БУСРЯ // Морковкин В.В., Богачёва Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина / Под ред. В.В. Морковкина. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА; Словари XXI века, 2016. – 1456 с.
3. Гвоздарёв, Ю.А. Рассказы о русской фразеологии. – М., 1988. – 192 с.
4. Золотых, Л.Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики (на материале русского языка): Автореферат дис. ... докт. филол. наук. – Белгород, 2008. – 45 с.
5. ИЭС // Бирих, А.К., Мокиенко, В.М., Степанова, Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / Под. ред. В.М. Мокиенко. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.
6. Квеселевич, Д.И. Самый полный словарь ненормативной лексики. – М.: Астрель: АСТ, 2011. – 1021 с.
7. Космачёва, О.Ю. Заголовок как дискурсивное пространство смысловой реализации фраземы (на материале электронных СМИ) // Вестник РУДН, серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2013. – № 1. – С. 42-47.
8. Рацибурская, Л.В. Изучение специфики медийных текстов при подготовке филологов и журналистов // Российский гуманитарный журнал. – 2015. – Том 4, № 2. – С. 160-164.
9. Фирсова, М.А. Трансформация фразеологических единиц в авторском комментарии М. Леонтьева // Современная филология в международном пространстве языка и культуры: материалы II Международной научно-практической Интернет-конференции / Отв. ред. М.Л. Лаптева. – Астрахань, 2013. – С. 54-56.
10. http://www.orator.ru/int_krylatye_frazy.html

Summary. This article examines the relationship between the content of the “Time” and “News” plots (channel 1) and heading phrases, which are visualized on the screen during the release announcement, which helps to reveal the cognitive-pragmatic essence of phraseological semantics and discursive conditions for its implementation in the media discourse. Usual and occasional phraseological units are analyzed as headline phrases for a news presentation.

Key words: cognitive-pragmatic potential, phrase, title, media discourse.

АПРИОРНОЕ ЗНАНИЕ КАК КОМПОНЕНТ ГЕНЕРИТИВНОГО РЕГИСТРА

Л.В. Фот

Казахстан, г. Алматы, ФОФ «Фонд образования Н. Назарбаева»
Специализированный лицей «Арыстан»
luiza2979881@mail.ru

А.В. Фот

Казахстан, г. Алматы, Международная британская школы
«Haileybury Almaty»
fot_adelina@mail.ru

Одним из самых значимых литературных событий в современной казахстанской культуре является тетралогия А.Ж. Жаксылыкова «Сны окаянных», состоящая из четырех частей: «Поющие камни», «Сны окаянных», «Другой океан», «Дом суриката». В рамках настоящего исследования для анализа регистровой парадигмы генеритивного регистра нами был выбран роман «Поющие камни» – первая часть тетралогии «Сны окаянных». В результате анализа художественного текста А.Ж. Жаксылыкова нами были обнаружены как отдельные предложения, так и целые регистровые блоки, которые не укладывались в существующую регистровую классификацию Золотовой (Золотова Г.А., 2006; Золотова Г.А., 1998). Нами был осуществлен интегративный, разноаспектный анализ текста, который позволил нам не только уточнить понятие «генеритивного регистра», но и выделить подрегистры, дифференцировав и углубив его понимание: Генеритивный регистр – *типы текстов, содержащие информацию, соотношенную с универсальным человеческим знанием, жизненным опытом предыдущих поколений, не ограниченным временной протяженностью.*

В связи с приведенным определением можно заключить, что для генеритивного регистра характерна высшая степень абстракции от событийного времени и места, а именно наличие настоящего неактуального: «усиление абстрагированности от конкретного времени ослабляет активность действия; «вневременное» и «всеременное» действие становится способом выражения свойства, способности, характеристики» (Золотова Г.А., 2004: 29).

Коммуникативная функция генеритивного регистра – обобщение, осмысление информации, и ее соотношение «с жизненным опытом, с универсальными законами мироустройства, с фондом знаний» (Золотова Г.А., 2004: 30).

Номинативная функция генеритивного регистра – закрепить в языке познавательную деятельность, соотношенную с универсальным человеческим знанием.

В художественных текстах генеритивный регистр представлен во взаимодействии регистров или регистровых блоков. Высказывание, представленное генеритивным регистром и расположенное в начале анализируемого фрагмента, отражает его перспективу, мотивирует его и «создает установку на последующее развитие» (Болотнова Н.С., 2007).

В тексте А.Ж. Жаксылыкова генеритивный регистр представлен достаточно объемно, при этом важно отметить, что автор не использует традиционных для генеритивного регистра пословиц и поговорок, а представляет афоризмы и умозаключения, основанные на опыте человечества: *Все хищрения культуры, религии также содержат изначально лукавство, они служат только для облагораживания хищника психозойной эры.*

В романе встречаются текстовые фрагменты, в которых автор передает генерализованные знания и пытается их осмыслить устами главного героя: *Мудрецы Востока утверждали, что при данной жизни индивида всегда существует отрезок времени, где его уже нет. Это странно. Поразительно...* В тексте также обнаруживаются предложения, в которых генерализованные высказывания автор трансформирует. Так, например, известный афоризм, принадлежащий французскому писателю Жану Пьеру Флориану, «Хорошо смеется тот, кто смеется последним», словами своего персонажа А.Ж. Жаксылыков трансформирует следующим образом: *Смеется*

тот, кто познал истину! Также устами своего главного героя и персонажей автор довольно часто высказывает философские мысли, представленные в виде генерализованного знания. При этом автор чаще всего в подобных высказываниях представлен имплицитно, т.е. неявно: *1. Свет истины ищет только слепой, у развилки дорог стоит только начинающий! 2. Найти вовремя хозяина – в этом все спасение 3. Проклята судьба тех, кто может предвидеть...* Но встречаются и примеры эксплицитного присутствия повествователя: *В общем-то, все очень просто – ты должен быть там, где тебе хорошо, где легко твоему сердцу.*

Анализ текста позволил обнаружить, что генеритивный регистр, представляя приядерную зону прототипа текстов романа, взаимодействуя в рамках текстового фрагмента с регистрами или регистровыми блоками, наиболее часто представлен в тексте в виде вкраплений. Интерес представляют обнаруженные примеры «разрушения» общечеловеческих законов, законов природы, переданные устами главного героя: *Великий закон природы – отсеивание ненужных и лишних спотыкается на таких, как ты.*

После того, как в 1997 году Г.А. Золотова и ее соавторы в качестве важнейшей категорией текста назвали коммуникативные регистры речи, в 2000 году М.В. Всеволодова «построила матрицу», которая сочетает монологичные коммуникативные регистры речи (репродуктивный, информативный, генеритивный) с традиционными семантическими типами текстов (описание, повествование, рассуждение) (Всеволодова М.В., 2000: 339-340) и «обладает большой объяснительной силой» (Всеволодова М.В., 2008: 245-251). В рамках предложенной классификации М.В. Всеволодова предлагает выделять оценочно-квалифицирующий и обобщающе-логический под-регистры к рамках генеритивного регистра.

В свою очередь, анализируя фрагменты текста, представленные генеритивным регистром, мы обнаружили и доказали необходимость выделения в рамках генеритивного регистра дополнительного подрегистра, репрезентирующего априорное знание – *знание, полученное до опыта и независимо от него, т.е. знание, как бы заранее известное, знание как данность человеческого сознания, не требующее доказательств.* Термин «априорное знание» был введен и наиболее основательно разработан Кантом, ученый выдвинул фундаментальную философскую концепцию, в которой обосновал факт существования всеобщего необходимого знания, при этом объектом исследования ученого было именно априорное познание (как процесс), из которого проистекало априорное знание (как результат, продукт познания). Суть кантовского априоризма заключается в том, что в процессе познания каждый человек, высказывая теоретические всеобщие суждения, не основывается на личном опыте, человек совершает своего рода «внеопытный скачок мысли», т.е. «мысль совершает переход в ту сферу, которая непосредственно опытом не обусловлена» (История философии, 1995). Априорное знание рождается в результате универсального гносеологического алгоритма – перехода конкретно-единичного эмпирического мира явлений в форму абстрактно-всеобщего (понятийного) знания. Особый интерес при анализе форм априорного знания, характерного для современной действительности, представляет, на наш взгляд, диссертационная работа О.В. Головановой, которая анализирует априорное знание с антропосоциокультурологических позиций, выводя социокультурную обусловленность априорного знания: «Усвоенная человеком культура обладает априорной функцией в дальнейшем процессе взаимодействия его с миром. В этом смысле вся человеческая культура обладает априорным статусом. <...> В основе этой концепции лежит действительный факт опосредующе-апперцептивной роли абстрактно-всеобщих форм знания по отношению к отражению единично-эмпирического уровня реальности в процессе познания, а также в других формах постижения бытия (этической, эстетической, религиозной и т. д.)» (Голованова О.В., 2002: 8).

В результате анализа текста романа А.Ж. Жаксылыкова «Поющие камни», нами было обнаружено, что в рамках генеритивного регистра очень редко встречаются текстовые фрагменты, содержащие априорное знание, в его кантовском пони-

мании: **Бытие определяет сознание**. Наличие таких предложений, несмотря на то, что они представлены меньшинством, обуславливает целесообразность выделения данного подрегистра. Наиболее часто в тексте произведения априорное знание встречается в виде вкраплений в предложения, содержащие умозаключения в виде априорного знания на основе личных выводов, так, например предложение: *Не станет легче от повторного уяснения смысла старой школьной истины, что человек есть всего лишь социальное животное, то есть **существо общественное*** – заключенное в приведенном примере знание «человек – существо социальное, общественное» носит априорную функцию, является примером абстрактно-всеобщего знания, не основанного на единично-конкретном эмпирическом опыте. В тексте встречаются предложения, в которых априорное знание является объяснением всему происходящему в предыдущем контексте: *И все потому, что в **основе жизни движение материи***.

Интерес представляют предложения, в которых автор выражает априорное знание, как результат личного опыта, что является своего рода «оксюмороном»: *Придет время, когда побитый и истерзанный, выброшенный из дружных рядов марширующих к светлому будущему человечества, он неизбежно откроет для себя старую, как мир, истину, что **кровососущая ложь есть ни что иное, как незаменимый способ выживания, обязательный элемент того, что красиво и научно называют эволюцией...***

Встречаются в тексте предложения, в которых априорное знание скрыто за образами, завуалировано: *Болезнь ли приведет меня к нему или жестокий случай – все равно, все пути к нему, червь земному – в данном предложении за образом земного червя автор скрывает смерть, отсюда априорное знание: «все люди смертны».*

Априорное знание определяется «механизмом перехода знания от чувственных, первичных форм восприятия до трансформации их, в абстрактно-всеобщие формы всей воспринимаемой предметности» (Голованова О.В., 2002: 156). Таким образом, априорное знание является компонентом генеритивного регистра и наиболее характерно для номинативных текстов, которые являются результатом номинативной деятельности, несущей ценностную информацию и закрепляющей в языке результаты познавательной деятельности (внутренняя сторона) посредством производства номинативных единиц (внешняя сторона).

Литература

1. Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 520 с.
2. Всеволодова, М.В. Текст как категориальная единица коммуникативного уровня языка (о некоторых проблемах прикладной лингвистики) // Лінгвістичні студії: зб. наук. праць. – Донецьк: ДонНУ, 2008. – Випуск 16. – С. 245-251.
3. Всеволодова, М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. – М.: Изд-во Московского университета, 2000. – 501 с.
4. Голованова, О.В. Проблема априорного знания в философии Канта и в современной науке: дис... канд. философ. наук. – СПб., 2002. – 170 с.
5. Золотова, Г.А. О возможностях грамматической науки // Вопросы языкознания. – 2006. – № 3. – С. 14-21.
6. Золотова, Г.А., Онипенко, Н.К., Сидорова, М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998. – 528 с.
7. Золотова, Г.А., Онипенко, Н.К., Сидорова, М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2004. – 544 с.
8. Философия XV-XIX вв. // История философии: Запад-Россия-Восток. – М.: Греко-латинский кабинет, 1995. – Книга вторая. – 560 с.

Summary. The article examines the generative grammar of Aslan Zhaksylykov's novel "Singing Stones". While studying the text of the novel, the author highlights the statements representing generalized knowledge. The authors of the article proved the necessity of separating an additional sub-register representing a priori knowledge in the framework of the generic register.

Key words: generative grammar, generative register, a priori knowledge, nominative text, interpretation.

Раздел 3. МИФИЧЕСКИЕ И АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФРАЗЕМООБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ БАЗОВОГО КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО РЕГИСТРА КАРТИНЫ МИРА

ФРАЗЕОАНТРОПОНИМЫ, МОТИВИРОВАННЫЕ ЭВФЕМИЗМАМИ

И.А. Аглеев

Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет
z.agleeva@yandex.ru

Полное переосмысление, сопровождающее образование идиом, основывается на каком-либо из видов тропа или стилистических фигур. Фраземы, воспринимаемые носителями языка как культурно значимые тропеические образцы свойств, явлений, событий, фактов, могут мотивироваться метафорой (*тянуть одеяло на себя; вставлять палки в колеса; держать камень за пазухой*), метонимией (*распутить нюни; повернуться спиной*), сравнением (*нужен как собаке пятая нога, как рыбке зонтик*), могут строиться на гиперболе, литоте, перифразе, оксюмороне и т.п. Переосмысление одного из компонентов ФЕ приводит к образованию фразеологического сочетания с расчлененной номинативной функцией и таким же характером значения (*завоевать авторитет; раб страстей; корень ошибки*).

Переосмысление, или семантическая трансформация, фразем расценивается как любой семантический сдвиг, приводящий к утрате собственного значения компонентов (компонента) ФЕ и к появлению нового значения, реализованного в данной ФЕ. Переосмысление сопровождается «семантическим обновлением» ФЕ, которое затрагивает ее сигнификативно-денотативный и коннотативный аспекты значения.

В трудах лингвокогнитологов метафора – действенная когнитивная модель (Алефиренко Н.Ф., 2009). Учёным отмечается, что в основе метафоры лежит метафорическое мышление, «обусловленное сложным взаимодействием разных концептуальных структур, связанных между собой общими когнитивными заделами ассоциативно-образно усваивать, перерабатывать и преобразовывать знания» (Алефиренко Н.Ф., 2009: 167). Истоки метафоры и механизмы её вхождения в дискурс, по данным современной когнитивной семантики, следует искать в специфике человеческого познания и восприятия окружающей действительности. Поэтому в метафорах отражается как универсальное, свойственное многим этносам, так и уникальное, присущее только тому или иному народу (ср. приведённые выше примеры).

На основе психолингвистических исследований установлено, что на довербальном этапе возникновения концептуальной метафоры основополагающую роль играют «нейросемиотические процессы, улавливающие не только эксплицируемые нашим сознанием, но и латентные, скрытые от внешнего восприятия, связи, казалось бы, несовместимых объектов» (Алефиренко Н.Ф., 2009: 176). На наш взгляд, подобные процессы свойственны и эвфемизму как механизму фразеологизации.

Эвфемизмами как лингвистическими единицами занимались в разное время Г. Пауль, С. Видлак, Дж. Лоуренс, Дж. Уильямс, Б.Уоррен, Б.А. Ларин, Н.С. Арапова, И.Р. Гальперин, А.Д. Швейцер, Д.Н. Шмелев, Л.П. Крысин, В.Н. Телия, В.П. Москвин, Б.В. Томашевский, О.И. Реунова, Е.И. Шейгал и др. Существуют различные подходы к классификации эвфемизмов, объяснению причин появления и столь широкого распространения и интенсивного функционирования в последнее время этих единиц.

Различия объясняются уже на стадии дефиниции и определения того, являются ли эвфемизмы единицами языковой системы или принадлежат речи. Обратим внимание на общепринятые формулировки определения эвфемизмов: «Эвфемизм –

благоречие, вежливое выражение (порой мнимо вежливое), смягчающее прямой смысл резкого, грубого или интимного высказывания» (Квятковский, 1966). «Эвфемизм (от греч. Euphemia – воздержание от неподобающих слов) – не прямое, смягченное выражение вместо резкого («полный» вместо «толстый») или нарушающего нормы приличия» (БЭС, 2002: 180). Замена той или иной лексемы эвфемизмом используется в «стремлении избегать коммуникативных конфликтов и неудач, не создавать у собеседника ощущение коммуникативного дискомфорта» (Крысин Л.П., 1996: 391).

Являясь «заместителем», субститутом некорректной языковой единицы, эвфемизмы часто придают новую эмоциональную окраску. Обязательным является наличие морально-этической оценки явления, которое решено «переименовать».

Эвфемизмы отличаются от всякого рода тропов тем, что они как бы вуалируют истинные мысли, интенции, номинации. Эвфемизация – явление речевой коммуникации. Использование эвфемизмов индивидуальное, нередко субъективное: далеко не у всех членов того или иного сообщества одинаковое представление о вежливости, порядочности и т.д. Поэтому эвфемизмы используются в дискурсе с учётом фактора адресата и ситуативной уместности высказывания.

Б.А. Ларин в основе классификации эвфемизмов видел их социальную природу и выделил следующие группы эвфемизмов: (1) общеупотребительные эвфемизмы национального литературного языка, (2) классовые, (3) профессиональные и (4) семейно-бытовые эвфемизмы (Ларин 1961). Эта мысль нашла своё развитие в трудах Л.П. Крысина: «...наибольшее развитие получают... способы и средства эвфемизации, затрагивающие социально значимые темы, сферы деятельности человека, его отношений с другими людьми, с обществом, с властью» (Крысин Л.П., 2000). Исследователь говорит о восьми наиболее употребительных тематических группах эвфемизмов (эвфемизмы, связанные с дискриминацией расовой, культурной, религиозной, половой, дискриминацией сексуальных меньшинств и др.; обозначающие страшные и неприятные явления действительности – смерть, болезнь, естественные потребности, физические недостатки, умственные и психические расстройства; эвфемизмы, связанные с влиянием государства на жизнь людей – военные действия, социальные пороки, бедность, непрестижные профессии и т.п.; эвфемизмы, обозначающие внешний вид и возраст человека; обозначающие влияние человека на флору и фауну; юмористические эвфемизмы; дипломатические эвфемизмы; эвфемизмы в языке рекламы (Крысин Л.П., 2000).

Способы языкового выражения эвфемизации отражены В.П. Москвиным (метонимическая номинация, метафорическая номинация, использование синекдохи, прономинализация, паронимическая замена, использование книжных слов и выражений, употребление иноязычных слов, перенос «с рода на вид», перефразирование, антономазию, «перенесение с вида на вид», мейозис, эллипсис (Москвин В.П., 1999). Даже беглое знакомство с эвфемизмами подтверждает справедливость высказанных ученым мыслей и идей.

Считается, что эвфемизмы, как и табуизмы, возникли под влиянием суеверий, боязни заклинаний и магического действия слова, вызвавших различного рода запреты на лексемы, допустимые только вождям племени. Эвфемизмы имеются во всех языках, потому что первичная история народов, их наивное восприятие мира, первобытный страх перед всем непознанным, непонятым, необъяснимым во многом совпадает. «Эвфемизация – это языковая черта, которая присуща различным культурным сообществам, историческим образованиям и социальным стратам» (Кудрявцев А.Ю., Куропаткин Г.Д., 1993: 75). Одной из ярких фразем, основанных на эвфемизме, является ФЕ *трудовая мозоль*. Авторы онлайн-словаря с иронией предлагают материал этой словарной статьи: «Именно по мозолям можно с одного рукопожатия узнать ладонь рабочего человека. Однако наеденное, большое пузо выпирает больше, чем мозоли на ладонях. Именно поэтому большой живот стали в шутку

называть «трудовой мозолью». Ешь, лежи, отдыхай, и трудовая мозоль вырастет сама по себе, безо всяких усилий. На основе эвфемизации созданы фраземы *без царя в голове, не без греха, рыльце в пушку, с лица воду не пить, звезд с неба не хватает, в чем мать родила, пороха не выдумает* и т.д.

В связи с тем, что эвфемизмы употребляются для «вуалирования» не очень лестной характеристики того или иного лица или явления, действия, признака, понятно, что фраземы, в основе которых лежит эвфемизация, отличаются отрицательной коннотацией, то есть сам признак, вызывающий негативную оценку, сохранён, он лишь по-иному подается, смягчается. Этой же цели может служить юмористическая окраска, нередко характерная для фразем, возникших на основе эвфемизмов. Абсолютное большинство такого рода фразем являются фразеоантропонимами, то есть характеризуют человека, его свойства личности или поступки (*с луны свалился, пороха не выдумает, без царя в голове, не без греха, а король-то голый, рыльце в пушку*), внешность (*трудовая мозоль, с лица воду не пить; в персидском – как кубик (шарик) – о человеке маленького роста с большим животом*), действия (*обойтись посредством платка, вызвать на ковер, задать перцу, снять стружку*) и т.д. Фразеоантропонимы, основанные на эвфемизмах, встречаются в разных языках. Степень эвфемизации фразем может быть самой разной. Например, в татарском языке для характеристики не совсем адекватного человека используют имена числительные *двадцать девять, тридцать девять, девяносто девять*, то есть числа, в которых не хватает единицы для «круглого» счета, полного десятка, примерно так же, как в русском языке оценка глупости, неадекватности может быть произведена с помощью фразем типа *винтика (шарика) не хватает*. Исключением в татарском языке является числительное *девять (тугыз)*, так как омонимичная ему словоформа используется для названия даров родственников жениха невесте в день свадьбы. В разговорной речи перечисленные выше числительные (именно они наиболее частотны в данной функции) фразеологизируются, служат средством оценки и становятся фразеоантропонимами.

В разговорной речи встречаются ситуации, когда фраземы используются в том смысле, который не является общепринятым, основным. В таких случаях эвфемистичным является именно предполагаемое говорящим значение (например, *Бог милвал* в значении 'избавил от встречи с кем-то или от неприятных последствий' – ср. со значением компонента *помиловать* в поговорке *Не всякий гром бьет, авось и помилует; скатертью дорожка* – 'катитесь, ступайте уже' и т.д.). Эвфемистичные значения могут значительно отличаться от первостепенных. Нередко в таких значениях содержится парадокс. Чтобы избежать проклятий, которые считаются грехом, татары используют фразему *чтобы дорога за тобой заросла диким луком*, то есть подразумевается значение – 'не возвращайся больше сюда никогда', чтобы ноги твоей здесь не было и т.д. (возвращение невозможно, так как тропа, заросшая диким луком, становится непролазной).

Основная цель эвфемизмов как в лексике, так и во фразеологии заключается в том, чтобы, оставив отрицательную суть оценки, несколько смягчить её. Благодаря фраземе, основанной на эвфемизме, нередко создается лаконичное целостное представление об объекте номинации.

Н.Ф. Алефиренко, характеризуя тропы и стилистические фигуры, являющиеся источниками фразеологизации, справедливо замечает, что они (тропы и фигуры) стимулируют «преобразование образных представлений и других продуктов (речетворческого) мышления в конструктивные элементы фразеологического значения» (Алефиренко Н.Ф., 2009: 191). Эвфемизмы – одно из средств языка, служащее фразеологизации.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и паремиология: учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко. – М.: Флинта : Наука, 2009.

2. Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов : Ок. 25 000 слов и словосочетаний / Л.П. Крысин. – 2-е изд., доп. – М.: Рус. яз., 2000.
3. Кудрявцев, А.Ю. Англо-русский словарь табуизированной лексики и эвфемизмов / А.Ю. Кудрявцев, Г.Д. Куропаткин. – М.: КОМТ, 1993.
4. Ларин, Б.А. Разговорный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка / Б.А. Ларин. – Л., 1961.
5. Москвин, В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка / Москвин В.П. Изд. стереотип. URSS. 2017.

Summary. The article proposes a study of phraseological units motivated by euphemisms used for naming a person. The author explores the functions of phraseological euphemisms, especially their use in speech.

Key words: phraseological unit, phraseological euphemism, assessment.

АССОЦИАТИВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ КОНЦЕПТА «ОТНОШЕНИЯ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ

З.Р. Аглеева, Л.Ю. Касьянова

Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет
z.agleeva@yandex.ru

Трудно переоценить роль отношений и взаимоотношений в коллективе, семье, в различных социальных группах и т.д. Это процессы и состояния, которые сопровождают человека от рождения и не заканчиваются кончиной: и после смерти люди остаются в воспоминаниях родных и близких, а если речь идет о знаменитости, то нередко и в памяти поклонников или оппонентов, преемников. Понятие *взаимоотношение* вненационально, поэтому особенно возрастает интерес к нему, когда речь идет о межкультурной коммуникации, чтобы избежать межнациональных и межконфессиональных конфликтов, культурного шока и т.д. Отсюда необходимость изучения межличностных, межгрупповых, межнациональных отношений в интернациональных коллективах и – шире – в полиэтнических регионах и государствах, построенных на принципах федерации и конфедерации. Если принципы взаимоотношений между территориями, входящими в состав федеративных и конфедеративных государств, четко определяются в конституциях этих стран, то межличностными и межнациональными отношениями должны заниматься структуры, которым не безразлична атмосфера на совместной территории, в коллективе. В более узком плане с понятием *отношения* сталкивается любой человек в любом возрасте. В полиэтнических регионах эти вопросы стоят более остро. Рассмотрим *взаимоотношения* с точки зрения элемента концептосферы, концептуальной картины мира.

В рамках понятийного слоя, вслед за С.Г. Воркачёвым, мы рассматриваем значимостную составляющую концепта. В образном слое выделяем собственно образный и ассоциативный подуровни. Ассоциативный уровень включает только ассоциаты отношений, которые образуют поведенческий компонент смысловой структуры концепта. Предметно-образный слой включает образы, возникающие на основе переноса признаков отношений. Ценностно-оценочный слой выражается ассоциатами, напрямую не связанными со сферой взаимоотношений. Они воплощают субъективное видение взаимоотношений. Образный слой составляет периферию концепта, которая, наряду с ядром, связана с ценностной компонентой.

Вербализация концепта происходит в наиболее обобщенном виде чаще всего за счет структурных схем «кто-то производит действие над кем-то», «кто-то чувствует что-то по отношению к кому-то», «кто-то делает что-то (не столь важно, положительное это действие, чувство и т.д. или отрицательное) кому-то» и т.д. Интересно то, что при конкретизации схемы она «подменяется» другой: при сохранении обще-

го смысла меняются синтаксические позиции. Так, рассмотрим наиболее частотные способы вербализации отношений, конкретизировав наименования действий: «кто-то любит (уважает) кого-то», «кто-то ненавидит (обижает) кого-то, что-то», «кто-то смеётся (издевается) над кем-то», «кто-то мечтает (грезит) о ком-то, чём-то», «кто-то ударил кого-то», «кто-то сочувствует (симпатизирует) кому-то» и т.д. Подобного рода примеров можно привести большое количество, но даже перечисленные свидетельствуют о том, что при введении в схемы более конкретного по значению глагола или другого типа предиката происходит трансформация обобщенной структурной схемы, изменяются и типы подчинительной связи. Это следует учитывать при работе с синтаксическими моделями в иностранной аудитории.

Разумеется, в ядерную зону вошли и слова категории состояния, так как, помимо семы, давшей наименование этой части речи, достаточно часто присутствует и сема совместности, совместного отношения, переживания и т.д.: *нам скучно, им радостно, как жаль*. Нельзя не отметить и большую группу вербализаторов-существительных, объективирующих концепт «Отношение» на лексическом уровне (*доброта, нежность, любовь, помощь, зло, жалость* и т.д.). Не остался без внимания и известный слоган в двух вариантах: «Tefal думает о вас», «Tefal заботится о вас».

Наиболее интересным нам показался периферийный (ценностно-оценочный) слой, так как сюда попало много фразем, позволяющих не только передать информацию о том или ином (чаще мелком, личном) событии, но и высказать собственное мнение, выразить отношение за счёт эмоционально-экспрессивной окраски фразеологической единицы. Прежде всего концепт «Взаимоотношения» был воспринят многими информантами как интимные, близкие отношения, т.е. на первом месте оказались ассоциаты с семой 'любовь'. Большинство участников эксперимента привели фраземы, характеризующиеся положительной коннотацией, что не может не радовать, т.к. часто приходится слышать, что время романтических отношений прошло: *любовь до гроба, положить глаз, влюбиться по уши, вскружить голову, любовный треугольник, высокие отношения, друг сердечный, дама сердца, стрелять глазами, милые бранятся – только тешатся* и т.д. Приятно удивило наличие среди ассоциатов латинских изречений *si vis amari, ama!* (если хочешь быть любимым – люби) и *odi et amo* (ненавижу и люблю). Среди ассоциатов и лексемы *запасть, втрескаться, втюриться*, что объясняется тем, что условиями не оговаривалось включение только литературных лексем и выражений. Конечно, встретились и ФЕ с отрицательной коннотацией, что говорит о стереотипности представлений некоторых информантов или о неудачных, несложившихся личных отношениях: *любовь слепа, любовь зла* (полюбишь и козла), *вить веревки из кого-либо* (манипулировать кем-либо, заставляя выполнять необоснованные требования), *водить за нос* (обманывать, обещать и не выполнять, вводить в заблуждение), *брак по расчету, гражданский брак, свободная любовь, быть под каблуком, ноль внимания – фунт презрения, продинамить, кинуть* и т.д.

Дружеские отношения ассоциируются у многих с семьей, детством, друзьями, увлечениями. Помимо традиционных для данной группы ассоциатов, хотелось бы привести фраземы *брат под своё крылышко/брат под своё крыло* (опекать кого-либо, заботиться о ком-либо) и более современный вариант, пришедший из медицинской практики, *брат под патронаж; бросить в беде* (не оказать помощь в нужный момент).

Встретились и фраземы, отражающие непонимание между людьми (*нашла коса на камень* – 'столкнулись разные мнения, возникли неожиданные препятствия на пути к цели'); дискомфорт, нервное напряжение (*давить на психику* – 'оказывать на кого-л. психологическое воздействие'); неискренность, необходимость подстраиваться под общественные стереотипы, лишение возможности быть самим собой (*носить маску, играть роль* – 'притворяться, не быть самим собой'); сознательное желание вывести кого-то из себя (*дразнить гусей* – 'вызывать озлобление у кого-либо').

Концепт «Взаимоотношение» – один из опорных не только в русском языковом сознании. Физическое и эмоциональное состояние человека любой национальности, его плодотворность, производственные успехи, творческие взлёты во многом зависят от того, каковы межличностные отношения. Всё гораздо сложнее, когда речь идёт об интернациональном или межконфессиональном коллективе, где приходится учитывать традиционный уклад жизни, привычки, особенности быта, воспитывая толерантное к ним отношение других членов коллектива. Особенно это сложно, когда имеются поведенческие лакуны в быту носителей различных культур. Студенты-инофоны, обучающиеся в России, имеют возможность сравнивать, как относятся к иностранцам не только в разных странах, но и в разных городах. Так, они отмечают, что в Астрахани люди добрее, открытее, дружелюбнее и стремятся помочь незнакомым. Возможно, это объясняется многонациональным составом области, где население немногим более миллиона человек представляет около двухсот этносов и вопросы межнациональных отношений особенно актуальны. Наиболее частотные ассоциаты в высказываниях иностранцев – *интерес, общение, спорт, дружба, достопримечательности, красивые девушки, университет, ярмарка* и т.д. Последний ассоциат связан с находящимся недалеко от студенческого городка торгово-развлекательным центром «Ярмарка», где любит собираться молодежь.

Несмотря на то, что концепт «Взаимоотношение» как элемент концептуальной картины мира характеризуется тесной связью с национальной культурой, национальным характером и менталитетом народа, длительное пребывание в инокультурной среде (речь идет о студентах, достаточно долго проживающих в России) несколько нивелирует этническое, привнося межнациональное, общечеловеческое. Возможно, это объясняется и возрастом обучающихся, их заинтересованностью в овладении языком и быстрой социализацией. Интересно было бы тот же эксперимент провести через несколько лет, когда они уже будут специалистами на своей родине, чтобы увидеть, изменятся ли их представления под влиянием другого социума.

Концепт «Отношение» – один из опорных в концептуальной картине мира, наиболее осмысленных в языковом сознании, что подтверждается многообразием языкового воплощения различных проявлений состояния человека (физического и эмоционального). Он, в отличие от некоторых других концептов, может рассматриваться как открытая микросистема, так как его границы могут варьироваться в зависимости от типа языковой личности.

Центром-ядром анализируемого концепта являются ассоциаты, характеризующие отношения между людьми, к ядерной зоне относятся группы лексем и ФЕ, характеризующих такие виды отношений, как вражда, неприятие, зависимость, взаимовыручка, помощь. К периферии концепта отнесены такие смыслы, как причина комфорта, душевного равновесия, духовное непонимание, насилие, причина дискомфорта, нервного напряжения, сфера реального и виртуального, политика, религия, образование и т.д.

Отношение – философская категория, имеющая на концептуальном уровне понятийную, предметно-образную и ценностную сущность. Предметно-образное содержание концепта сводится к целостному обобщенному представлению о взаимодействии субъектов отношений, которые достаточно часто объективируются фразами. Взаимоотношения – доминантное состояние человека, константно присутствующее как в личном сознании, так и на всей культурной территории этноса, что доказывают и данные ассоциативного эксперимента.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Проблемы вербализации концепта: теоретическое исследование / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2003.

2. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании/ С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.

Summary. The article presents the results of an associative experiment, reflecting the associative layer of the concept “Relationship”. The nuclear and peripheral layers of this concept, verbalized by phraseological units, are analyzed. Phraseological units representing the concept “Relationship” may be of interest to foreign students.

Key words: concept, phraseological unit, associative experiment, concept layer.

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЫ И ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ «ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОРИЦАНИЕ»

Е.А. Виноградова, А.Е. Воробьева

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
vinogradova_e@bsu.edu.ru, vorobyova@bsu.edu.ru

В область изучения современной когнитивной лингвистики входит целый ряд вопросов: это знания о человеке, об окружающей действительности, о языке, вербализация этих знаний, исследование процессов концептуализации и категоризации мира. Каждое направление когнитивной лингвистики, несмотря на определенные различия в подходах, так или иначе стремится дать объяснение языковым фактам и категориям и соотнести ментальные репрезентации с языковыми формами. Когнитивная лингвистика, в центре внимания которой находится язык, фиксирующий опыт человечества, моделирует картину мира, устройство языкового сознания (Пименова М.В., Кондратьева О.Н., 2011: 22; Кубрякова Е.С., 2001: 4-10).

В современном языкознании все большую популярность приобретают исследования направлений, находящихся в рамках антропоцентрической парадигмы, в частности концептуальные исследования.

Исследование концептов, объективированных фразеологизмами в рамках приобретающих популярность лингвокультурологического и когнитивного направлений, может помочь в изучении особенностей мышления и мировосприятия народа, в выявлении его культурных ценностей, а также специфических свойств в способах концептуализации действительности, которые присущи тому или иному языку.

Фразеологические единицы (ФЕ), вербализуя концепты наравне со словом, в большей степени передают образно-эмоциональную и национально-специфическую составляющие концепта. Живая внутренняя форма ФЕ способствует отражению в них тех концептов (или их аспектов), которые не нашли воплощения в лексике (Аникина Н.А., 2002: 12-13).

Исследуя фразеологические концепты, целесообразно рассматривать значения ФЕ, образность, а также их внутреннюю форму.

Вербализация концептов средствами фразеологии позволяет экспрессивно воспроизвести ту или иную мысль, дать эмоциональную оценку определенному феномену.

В данной статье мы обратимся к исследованию фразеологических единиц, актуализирующих представления носителей английского языка об утрате личностью общественного одобрения, уважения.

Общество, являясь носителем нравственных норм, порождает системы социальных ценностей, определяет категории добра и зла, хорошего и плохого. Данные категории, берущие начало в опыте многих поколений людей, обусловлены биосо-

циально. Поведение каждого участника социального образования находится под контролем общества, которое дает ему определенную оценку, основанную на социальном опыте, возвращает к нарушенным правилам, предназначенным для успешного функционирования общественной системы. Оценка общества отражает нормы, существующие в конкретной социальной среде, корректирует действия и поведение индивида.

Представления языкового социума о правилах и нормах жизни общества, взаимодействия с окружающим миром, а также об отклонениях от данных правил, норм, стандартов фиксируются и на языковом уровне, в том числе и в семантике фразеологизмов.

Анализ личности и поступков человека, пренебрегающего общественным мнением и не следующего общепринятым нормам, всегда сопряжен с отрицательной оценкой, неодобрением, что и отличает исследуемые ФЕ. Согласно нашему исследованию и исходя из проанализированного материала, ФЕ данной группы входят в один из секторов ядерной зоны концепта "Failure" (в русском языке коррелирует с концептами «Неуспех», «Неудача», «Неудачник»), который представлен 25 пейоративными ФЕ с обобщенным значением «утрата общепризнанного значения, влияния, признания, уважения»: a (one's) bad name, a black mark, a blot (smirch, spot, stain) on one's reputation, a marked man, loss of face (lose face), in bad odour (odor), in the doghouse, in Dutch, in someone's bad (black) books (be out of smb's books), (get into smb's bad (black) books), under a cloud, be used as a door-mat, mud sticks, one's name is mud, blot on one's copybook (blot one's copybook), fall from grace, fall from (out of) favour (with smb.; lose favour with smb., in smb's eyes), fall (sink) in smb's estimation, fall low, get in bad (wrong) (with smb.), get on the wrong (bad) side of smb. (get on smb's bad side), lose credit with smb., lower one's credit, place (put) oneself (smb.) beyond (out of, outside) the pale (of smth.), stab smb's reputation, take the low road.

Рассмотрим некоторые из них более детально с точки зрения их внутренней формы, этимологической составляющей, концептуальной структуры, оценочного потенциала.

Негативная коннотация в идиомах с прозрачной внутренней формой (**one's**) **bad name** – «плохая репутация, дурная слава», **loss of face** – «потеря доброго имени, престижа» создается лексемами bad и loss, репрезентирующими концептуальные признаки испорченной, запятнанной репутации, а компоненты name и face делают акцент на индивидуальном облике, отличительных чертах человека, личности. Практическая реализация смысла демонстрируется в следующих примерах:

1) Half the girls felt both boys and girls deserved a bad name if they slept around (BNC, CH1: 6958).

2) The Kremlin was also anxious to avoid involvement because of the potential loss of face if the USSR's inability to send conventional military support to a friendly country undergoing a successful US action were to be made manifest (BNC, G1R: 666).

Идея потери репутации, отрицательной общественной оценки, негативного мнения о достоинствах субъекта объективируется ФЕ **a blot (smirch, spot, stain) on one's reputation, mud sticks, one's name is mud, blot on one's copybook (blot one's copybook)**. В основе внутренней формы данных ФЕ лежит образ некой субстанции, которая соприкасаясь с другими объектами, оставляет следы, пятна и трудно устранима, в результате чего объект теряет свой первоначальный облик, чистоту. Таким образом, имплицитруется идея безнравственности, бесчестности в личных или общественных отношениях:

3) It was just that their relationship had been so perfect. Until he'd blotted his copybook over Susan (CDI).

В рамках своей концептуальной принадлежности ФЕ **mud sticks** может рассматриваться и как концепт-картинка, и как концепт фрейм, так как ее семантика образно демонстрирует неблагоприятное положение субъекта, утрату им доверия в

обществе, подчеркивая труднообратимость процесса, несмотря на определенную необъективность социальной оценки, например:

4) Unfortunately for Johnson, whatever the outcome of the trial, he will never be able to walk away from this story without some of the mud sticking (CDI).

5) Whether he's innocent or not, some of the mud has stuck (CDI).

Образное основание ФЕ американского происхождения **in the doghouse** (букв. «в собачьей конуре») – «в опале, в черном списке, на плохом счету» базируется на ассоциативном представлении о провинившемся животном, оставленном в одиночестве в неблагоприятных погодных условиях, репрезентируя ситуацию, когда определенные действия субъекта стали причиной негативных последствий не только для других участников ситуации, но и для самого субъекта действия, что реализуется в следующем эксплицирующем контексте:

6) Panama's President Francisco Rodriguez should have been there, too (it is a Group of Eight meeting, after all), but his country is in the doghouse because of the controversial behaviour of his boss, General Manuel Noriega (BNC, A3U: 278).

Первое употребление идиомы **in someone's black books (get into somebody's black books)** – «быть на плохом счету, в немилости у кого-либо; потерять чье-либо расположение» датируется 14 веком, хотя со временем значение идиомы стало более зловещим, что было связано с правлением английского короля Генриха VIII: шпионы короля имели специальные книги черного цвета, куда записывались имена тех персон, которых следовало осудить или покарать, особенно преследовались «греховные» мужские монастыри, чьими землями Генрих хотел обладать. Современное «прочтение» ФЕ также репрезентирует концептуальные признаки порицания, неодобрения субъекта оценочной квалификации. Экспликация значения демонстрируется в следующем антонимичном контексте:

7) «You're in th' boss's black books, eh?» he said... «Black or white,» said Johnny defiantly, «it's all th' same to me.» (БАРФС).

Схожие ассоциативные образы «запакованы» в семантике ФЕ **a black mark, black list**, имплицитующих наличие некоторого перечня субъектов, подпадающих под категорию нежелательных, непригодных или заслуживающих наказания. Происхождение ФЕ a black mark может относиться к определенной школьной практике в прошлом, когда в случае проступка ученика, учитель ставил напротив его имени в списке класса пометки черными чернилами. Идиома black list этимологически восходит к концу 19 – началу 20 века и связана с печально известными примерами составления так называемых «черных списков» членов профсоюзов – активистов – забастовщиков, которым работодатели не предоставляли рабочие места или увольняли в первую очередь, а также позже в такие списки попадали люди, подозреваемые в приверженности идеям коммунизма. Смысловая реализация ФЕ происходит на уровне контекстов:

8) I knew I had no history of bad debts and couldn't think why there should be a black mark against my name (CDI).

9) The tenth case got off with a very stern reprimand from Matron and a very black mark against her name for the rest of her career (BNC, СКо: 3478).

В метафорическом выражении **under a cloud** – «в немилости, опале; под подозрением» образ-основу составляет представление о единичном черном облаке, нависшим над человеком. Пейоративная коннотация аксиологически имплицитной ФЕ, объективирующей концепт-картинку, актуализируется в нижеприведенном контексте, где причиной потери доверия к одному из партийных лидеров, а также его последующее увольнение становится его причастность к финансовым махинациям:

10) Mr La Malfa, who quit after being officially warned he is suspected of breaking party financing laws, is the second party leader to resign under a cloud this month after the Socialist leader, Bettino Craxi (BNC, K5D: 12679).

Интересной с точки зрения своей этимологии представляется идиома **place (put) oneself (smb.) beyond (out of, outside) the pale** – «лишиться чьего-либо расположения, стать изгоем». Субстантивный компонент ФЕ *pale* происходит от латинского слова *palum* со значением «столб, кол, остроконечный деревянный объект»; впоследствии в английском языке лексема *pale* стала использоваться для обозначения территориальной границы, отмеченной забором, изгородью, образованной из таких столбов. Соответственно, область, находящаяся за забором считалась закрытой, защищенной и воспринималась как «дом», в то время как зона, располагающаяся снаружи, считалась дикой, небезопасной, представляющей угрозу для пребывания в ней (РНФ). ФЕ может быть представлена как концепт-сценарий, демонстрирующий процесс попадания субъекта в неблагоприятное положение, формируя негативную субъектную оценку. Следующий пример иллюстрирует реализацию значения ФЕ в контексте:

11) Without one overt act of hostility, one upbraiding word, he contrived to impress me momentarily with the conviction that I was put beyond the pale of his favour (Ch. Bronte, "Jane Eyre").

Значительной экспрессивностью и большой эмоциональной выразительностью отличается идиома **be used as a door-mat** – «играть жалкую унижительную роль», крайне негативная коннотация которой базируется на семантике ее прототипа. Содержание ФЕ реализуется в контексте, эксплицирующем потерю самоуважения, чувства собственного достоинства:

12) It's just that I can't bear to see someone like you, Ruth, made miserable so worthlessly, and until you get some feeling of respect for yourself you're never going to snap out of it, and you'll go on being used as a doormat (BNC, H9G: 1652).

Каждый компонент идиомы **in bad odour (odor)** (ср. *in good odour*) несет свою функционально-смысловую нагрузку и формирует семантическое значение ФЕ «быть в немилости у кого-либо, быть на плохом счету». Лексема *odour* эксплицитно подчеркивает неприятие, неприязнь к субъекту оценки, а компонент *bad* усиливает реализацию образного компонента ФЕ. Данная идиома имеет фиксированную пейоративную оценку на уровне ВФ; реализация плана содержания демонстрируется в следующем развернутом контексте:

13) For years, the O'Haras had been in bad odour with the English constabulary on account of suspected activities against the government... (M. Mitchell, "Gone with the Wind").

Ряд процессуальных ФЕ, формирующих данную микрогруппу, не представляет сложности для интерпретации, поскольку эти ФЕ обладают прозрачной ВФ. Это такие идиомы как **fall from grace, fall from (out of) favour, fall (sink) in somebody's estimation, lose credit with somebody, lower one's credit, stab somebody's reputation**. Реализация образного и ценностного компонентов происходит за счет компонентного состава ФЕ, содержащем близкие по семантике лексемы, номинирующие авторитет, уважение, благосклонность, почтение, уважение, одобрение; глагольная «составляющая» идиом в этом случае эксплицирует семы утраты, ухудшения репутации, нанесения непоправимого ущерба социальному положению субъекта. О низкой степени дискурсивной зависимости данных ФЕ свидетельствует их смысловая актуализация в контексте:

14) But when the justice minister who had agreed to her release himself fell from favour, she was reimprisoned and had to serve a further ten months before being rereleased (BNC, AE8: 1579).

15) Her father was kindness itself, but he was the sort of man who gave little credit to anyone who had fallen from grace (BNC, CKD: 502).

Подводя итог вышеизложенному, можно заключить, что семантика знаков косвенно-производной номинации является результатом опосредованной когнитивной деятельности, продуктом лингвокреативного мышления. Мотивация, смысло-

вые ассоциации представляют собой механизмы, позволяющие декодировать содержащуюся в ФЕ культурную информацию. В процессе анализа ФЕ необходимо учитывать роль как исторических, социальных, так и психологических факторов. Во ФЕ, составляющих наряду с другими средствами языка номинативное поле концепта, зачастую более ярко, образно и эмоционально переданы концепты, не нашедшие отражения в лексических единицах. ФЕ с общим значением «Общественное порицание», как правило, аксиологически маркированы и характеризуются, главным образом, пейоративной оценочностью, которая может выражаться как эксплицитно, так и имплицитно в зависимости от компонентного состава и контекстуального употребления ФЕ. Контекст во многом определяет реализацию признаков и смысла ФЕ, в основе которых могут лежать различные когнитивные структуры: концепт-картинка, схема, фрейм, сценарий. Специфика внутренней формы ФЕ с общим значением «Общественное порицание» отражает основную особенность данного сегмента – полную оценочную согласованность объективирующих ее фразеологизмов, характеризующихся выраженной негативной коннотацией и проявляющих довольно низкую степень дискурсивной зависимости.

Исследование фразеологических единиц в рамках когнитивной лингвистики представляет значительный интерес и является перспективным направлением. Выбранный языковой материал и когнитивные инструменты исследования позволяют достаточно глубоко проанализировать лингвистические явления с антропоцентрической точки зрения.

Литература

1. Англо-русский словарь устойчивых словосочетаний Collins COBUILD Dictionary of Idioms (CDI): более 6000 соврем. англ. фразеологизмов с рус. пер. / ред. Ю. А. Лысенкова; пер. Д.И. Квеселевича, А.Д. Куриловой. – Москва: АСТ: Астрель, 2004. – 751 с.
2. Аникина, Н.А. Концепт и фразеологизм // Ученые записки. – Вып. 4. Лингвистика. Межкультурная коммуникация. Перевод / Отв. ред. М.П. Брандес, В.И. Провоторов / Н.А. Аникина. – Курск: РОСИ, 2002. – С. 7-13.
3. Кубрякова, Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» / Е.С. Кубрякова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2001. – С. 4-10.
4. Кунин, А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь (БАРФС): ок. 20 000 фразеол. единиц / А.В. Кунин. – 6-е изд., испр. – Москва: Живой язык, 2005. – 944 с.
5. Пименова, М.В., Кондратьева О.Н. Концептуальные исследования / М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 176 с.
6. The British National Corpus (BNC) [Electronic resource] / Oxford University Computing Services. – Oxford, 2010. – Mode of access: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.
7. Bronte, C. Jane Eyre [Electronic resource] / C. Bronte. – London: Harper Press, 2010. – 490 p. – Mode of access: <http://e-libra.ru/books/331372-jane-eyre.html>.
8. Mitchell, M. Gone with the wind [Electronic resource] / M. Mitchell. – New York: Scribner, 2007. – 959 p. – Mode of access: <http://e-libra.ru/read/331245-gone-with-the-wind.html>.

Summary. The article deals with the peculiarities of the inner form, cognitive structure, attitudinal meaning and contextual functioning of English idioms covering the semantic area defined as “Social censure”. Special emphasis is put on the examination of metaphorical images underlying the idioms as well as the etymology of idioms. The research showed the possibility of lingvoculturological decoding and interpretation of cultural information on the basis of conceptual grounds of meaning of idioms.

Key words: phraseological units, phraseological concept, internal form, figurality, phraseological semantics.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «РУССКОСТЬ» В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Н.Г. Глебова

Россия, г. Нижний Новгород, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
glebova@ro.ru

Изучение национальной и культурной специфики фразеологического фонда языка, начало которого во многом связано с работами В.Н. Телия (Телия В.Н., 1996), обусловлено тем, что именно фразеологическая система языка предоставляет особо ценные данные для изучения своеобразия национальной культуры, непосредственно воплощая в себе результаты опыта освоения действительности народом, его знание о мире. Образы, которые использует этнос для создания фразеологизма, позволяют судить об особой точке зрения на мир, т.е. о «ключевых идеях» языковой картины мира этноса (Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д., 2005). Именно во фразеологизмах отражается весь комплекс духовной работы этноса по ориентации в мире, «отпечатывается» стиль его мировидения, система ценностей. Все это справедливо и для этнонимического концепта «Русскость», который является одним из базовых культурных концептов, определяющих векторы духовной эволюции русской культуры.

Методологической основой данного исследования являются принципы анализа «языка культуры», изложенные в работах А. Вежбицкой (Вежбицкая А., 1996), и теория языковой концептуализации мира (Апресян Ю.Д., 1986; Радбиль Т.Б., 2006 и 2007). В работе использована методика анализа концептов, принятая в нижегородской школе анализа концептов (Радбиль Т.Б., Сайгин В.В., 2014 и 2015). Выборка фразеологизмов проводилась по материалам основных толковых словарей русского языка (БАС 1961; МАС 1985; Даль 1995; ТСРЯ 1996; ТСРЯ-ЯИ 1998) и специализированных фразеологических словарей (ФСРЯ 1968). Мы придерживаемся широкого понимания фразеологических единиц, к которым относятся и устойчивые составные наименования типа *русская лайка* (наименование породы животных), в том числе – имена собственные (типа *Русское море*), которые, согласно традиционной классификации фразеологизмов по степени слитности, относятся к **фразеологическим сочетаниям** – единицам с минимальной степенью слитности (Виноградов В.В., 1977: 140–161).

В наших предыдущих исследованиях по лексикографическим данным было выявлено концептуальное содержание указанного концепта, которое включает в себя 20 когнитивных признаков (КП), репрезентирующих ядро концепта «Русскость» в русской национальной концептосфере (Глебова Н.Г., 2017: 72–77). Анализ фразеологической реализации лексем – базовых репрезентантов данного концепта (субстантив *русский*, прилагательное *русский*) позволил верифицировать все эти признаки, а также обнаружил ряд новых КП, отсутствующих в словарных толкованиях лексем. Важно, что новые КП в основном развивают оценочный потенциал концепта «Русскость». Причем для ценностного осмысления концепта широко представлены возможные векторы развития как негативной, так и позитивной оценочности.

Так, негативная оценочность в языковом воплощении концепта «Русскость» по данным фразеологии обусловлена различными прагматическими условиями бытования этого концепта в народном сознании. Например, устойчивое выражение *русский авось* употребляется в контексте ‘делать что-нибудь небрежно, наобум, кое-как, надеясь на благоприятный исход’. Оно является отражением такой черты русской картины мира, как «вера в непредсказуемость мира, фатализм» (Вежбицкая А., 1996). Эта же черта отражена в фразеологизмах *русский Бог* ‘авось, небось да как-

нибудь'; *русский ум* = *задний ум* 'запоздалый'; *русский час* 'невесть сколько' (Даль В.И., 1995). Это позволяет сформулировать такой КП, как 'небрежное, безответственное отношение к чему-либо, обычно присущее русскому человеку'. Примечательно, что сходное значение присутствует в фразеологизме «*русская работа*», представленном в языках некоторых стран Запада, который означает халтурную, некачественно исполненную работу. Видимо, мы можем говорить о развитии еще одного КП на базе общего значения, несущего определенный отрицательный оттенок смысла: 'нечто нарушающее норму, отклоняющееся от стандарта, неправильное' и 'нечто неопределенное, смутное, нечеткое'.

Очевиден и существенный потенциал положительной оценочности анализируемого концепта в русской фразеологии. «Плюс» на своеобразной оценочной шкале, т.е. положительную оценочность, выражает, например, фразеологизм *говорить (спрашивать) русским языком*, который имеет значение 'совершенно ясно, недвусмысленно, так, что должно быть понятно каждому' (БАС, 1961). Ср. похожее значение в устаревшем фразеологизме: *русским счетом* 'толком, понятным счетом' (Даль В.И., 1995). Это позволяет выделить такой КП, как 'простой, ясный, понятный, доступный для понимания'. Положительно-оценочное значение у относительного прилагательного *русский* развивается в устойчивых контекстах употребления, связанных с выражением русского национального идеала: *истинно русский человек; русская душа; русское сердце* и пр. Думается, что мы можем выделить и соответствующий этому толкованию КП. Также в ряде употреблений в составе устойчивых выражений семантика «русскости» сближается с понятием «традиционный, в противовес новому»: *русский дом; русский обычай; русское гостеприимство; русские песни; русские былины (сказания)* и пр. Это позволяет выделить и соответствующий когнитивный признак 'традиционный'. Ср. также отмеченный в словаре В.И. Даля фразеологизм *русское спасибо* (Даль 1995).

Ряд устойчивых сочетаний с компонентом *русский* представляет собой обозначения предметов обихода, изготовленных, приготовленных, сделанных особым, национально-специфичным образом: *русское масло* – топленое масло; *русская печь* – особым способом сложенная, кирпичная печь для варки пищи, печения хлеба и отопления; *русские сапоги* – сапоги с голенищами до колен; *русская рубашка* – верхняя мужская рубашка навывпуск с застегивающимся сбоку воротом, косоворотка; *русский сарафан* – *сарафан*, в отличие от *московского, круглого, клинчатого, закрытого (высокого)* и пр., обложенный спереди в два ряда гарусной тесьмой, с пуговками посредине (Даль В.И., 1995). Таким образом, можно выявить КП: 'изготовленный, приготовленный, сделанный особым, национально-специфичным образом (для вещей, предметов обихода)'.

Еще одна группа фразеологически связанных употреблений лексемы *русский* относится к использованию этого компонента в устойчивых составных наименованиях явлений природы, животных, растений, признанных подчеркнуть какую-либо родовую, характерную черту для определенного типа, вида, класса объектов: (1) явления природы: *русский ветер* – северный или южный, в зависимости от диалектного ареала распространения; *русский мороз* – сильный (Даль В.И., 1995); (2) растения: *русская мята* – особый вид растения, произрастающий в средней части России; *русский василек* – научное наименование растения, обычно называемого просто *василек* (БАС, 1961); (3) животные: *русская лайка* – название породы собак; *русский осетр* – название вида осетровых рыб, водящихся в некоторых природных районах России (БАС, 1961). Таким образом, мы можем приписать всем этим употреблениям некий предельно общий смысл – 'обозначающий определенную разновидность, род, тип, породу класс животных, растений, явлений природы, обычные для мест исконного обитания русских'.

Новые фразеологизмы с компонентом *русский* отражают изменение социокультурной ситуации в России: ср. в этой связи созданный в эпоху перестройку фра-

зеологизм *новый русский* 'русский (российский) предприниматель и коммерсант, занявшийся бизнесом в период перестройки и быстро разбогатевший' (ТСРЯ-ЯИ, 1998). Этот КП можно обозначить как 'русский (российский) предприниматель нового времени'.

Итак, по результатам исследования русской фразеологии мы выявили еще 10 когнитивных признаков, которых не было зафиксировано при анализе лексикографических данных: (1) Простой, ясный, понятный, доступный для понимания; (2) Небрежное, безответственное отношение к чему-либо, обычно присущее русскому человеку; (3) (отрицательно-оценочное) Нечто нарушающее норму, отклоняющееся от стандарта, неправильное, обычно присущее русскому человеку; (4) Нечто неопределенное, смутное, нечеткое; (5) (положительно-оценочное) Нечто имеющее отношение к русским национальным идеалам и ценностям; (6) Традиционное, в противовес новому, современному; (7) Изготовленное, приготовленное, сделанное особым, национально-специфичным образом (для вещей, предметов обихода); (8) Обозначающее определенную разновидность, род, тип, породу класс животных, растений, явлений природы, обычные для мест исконного обитания русских; (9) что-то естественное, природное; (10) (ироничное) Русский (российский) предприниматель нового времени.

В целом можно сделать вывод, что фразеологическая репрезентация концепта «Русскость» отражает существенные аспекты денотативных, ценностных и прагматических смыслов, связанных с представлением о «русскости» в русской языковой картине мира.

Литература

1. Апресян, Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика: Сб. науч. статей. — М., 1986. — Вып. 28. — С. 5–33.
2. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. — М.: Русские словари, 1996. — 411 с.
3. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М.: Наука, 1977. — С. 140–161.
4. Глебова, Н.Г. Когнитивные признаки и смысловой объем концепта «русскость» в русском языке (по данным лексикографических источников) // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: Сб. научн. трудов по итогам междунауч. конф., посвященной памяти д.ф.н., проф. К.А. Войловой / Отв. ред. О.В. Шаталова. — М.: МГОПУ, 2017. — С. 72–77.
5. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. — М.: Терра, 1995. — Т. 3. — С. 555.
6. Зализняк, А.А., Левонтина, И.Б., Шмелев, А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 544 с.
7. Радбиль, Т.Б. Аномалии в сфере языковой концептуализации мира // Русский язык в научном освещении. — 2007. — №1 (13). — С. 239–266.
8. Радбиль, Т.Б. Языковая аномальность в русской речи: к проблеме типологии // Русский язык в научном освещении. — 2006. — №1 (11). — С. 77–100.
9. Радбиль, Т.Б., Сайгин В.В. Когнитивные признаки и языковая объективация концепта «добродетель» в современном русском языке // Фундаментальные исследования. — 2015. — № 2 (26). — С. 5968–5971.
10. Радбиль, Т.Б., Сайгин, В.В. Особенности парадигматической и синтагматической реализации концептуального поля «грех» в современном русском языке // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 5. — URL: www.science-education.ru/119-15195 (дата обращения: 27.11.2014).
11. Словарь русского языка: В 4-х т. [МАС] / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. — Т. 3. — 702 с.
12. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. [БАС]— М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. — Т. 12. — 846 с.

13. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
14. Толковый словарь русского языка конца XX века [ТСРЯ-ЯИ]. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Скляревской; Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. – СПб.: Изд-во «Фолио-Пресс», 1998. – 700 с.
15. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. [ТСРЯ] / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Терра, 1996. – Т. 3. – 1568 с.
16. Фразеологический словарь русского языка [ФСРЯ] / Составители: Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; Под ред. А.И. Молоткова. – М.: «Советская Энциклопедия», 1968. – 544 с.

Summary. The work represents the specifics of phraseological realization of the concept «Russkost'» (“Russianness”) in Russian national language picture of the world. The author came at a conclusion that phraseological explication of the conceptual content of the concept «Russkost'» (“Russianness”) verifies a lot of revealed formerly 20 cognitive characteristics of the concept and detects 10 new ones.

Key words: concept, concept sign, national concept sphere, phraseological combinations, picture of the world.

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ В СЕМАНТИКЕ ФИТОНИМИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

А.В. Дуплякина

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
duplyakina@bsu.edu.ru

Фраземика отражает мир чувств и образов, духовные и нравственные ценности народа. Устойчивые словесные комплексы языка эксплицируют отношение субъекта речи к той или иной реалии, служат инструментом её оценки. Фразема, являясь ярким образно-эмоциональным, экспрессивно-оценочным средством русского языка, способствует созданию содержательной, эмоционально-оценочной, выразительной картины мира, своеобразие которой заключается в восприятии чувственно осязаемых, наглядных образов (Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н., 2009: 46). В качестве основополагающей функции фразем В.Н. Телия выделяет экспрессивную, поскольку главным компонентом фразеологического значения является коннотативная семема, включающая оценочные, образно мотивирующие, эмотивные и стилистические семы. В данной статье предметом исследования являются фитонимические фразеологические единицы, семантика которых содержит эмоционально-ценностный компонент.

Исследование языкового материала позволяет классифицировать единицы языка, представленные различными структурными моделями и содержащие в своем составе компонент-фитоним. Первая группа – фитонимические идиомы, имеющие в своем составе библейские символы: *бесплодная смоковница, древо познания, златное место, дерево познается по плоду, отделять плевелы от пшеницы, терновый венец*, употребление которых «обуславливается прежде всего их репрезентативно-прагматической сущностью, ориентированной на выполнение различного рода директивных, воздействующих и экспрессивно-оценочных функций» (Озерова Е.Г., 2014: 31). Так, яркую экспрессивно-оценочную окраску имеет фразеологизм с фитонимным компонентом «роза» – *нет розы без шипов*, который является библейским символом небесного совершенства и земной страсти, времени и вечности, жизни и смерти. Согласно легенде, роза росла в раю без шипов, но обрела их после грехопадения человека. В толково-фразеологическом словаре М.И. Михельсона значение

фразама определяется следующим образом: нет розы без шипов (иноск.) – ‘нет сладкого в жизни без горечи’. Воплощение данной интерпретации находим в тексте романа Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные». Жизненная философия князя Валковского, дворянина по происхождению, не позволяет ему допустить невыгодный союз сына с дочерью управляющего, что подтверждают его слова: «Ну, а что касается до этой девушки, то право, я её уважаю, даже люблю, уверяю вас; капризна она немножко, но ведь **«нет розы без шипов»**, как говорили пятьдесят лет назад и хорошо говорили: шипы колются, но ведь это-то и заманчиво...» (Достоевский Ф.М., 2013: 318). Данная идиома характеризуется когнитивным содержанием рациональной оценки, при котором «мнение субъекта оценки о положительной или отрицательной ценности... основано на знании неписаных, но узуальных норм ценностной картины мира, основанной на обиходно-бытовом образе мира...» (Телия В.Н., 1996: 186).

Вторая группа – фитонимические устойчивые выражения, ставшие частью лексики ограниченного употребления. Так, фитоним «малина», основное значение которого ‘ягодное кустарниковое растение из семейства розоцветных’, в разговорно-фамильярном стиле применяется для выражения эмоционально-оценочного отношения субъекта речи. Он обозначает ‘раздолье, привольное житье’. Например, у А.П. Чехова в рассказе «Беглец»: «У меня, брат, хорошо, **разлюли малина**» (Чехов А.П., 1985: 216). У И.С. Тургенева в «Нови»: «Голушкин... гаркнул: – Жертвую еще тыщу! – Васька, тащи. – На что Васька вполголоса отвечивал: – **Малина**» (Тургенев И.С., 1982: 372). В карточном арго – «в малине», значит, ‘быть (оказаться) в выигрыше’. Например, в речи Ракитина, героя романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: «Из всего сего действительно может столкновение произойти уголовное. А этого брат твой Иван и ждет, тут он и в **малине**: и Катерину Ивановну приобретет, по которой сохнет, да и шестьдесят ее тысяч приданого тяпнет. И чем только этот Иван прельстил вас всех, что вы все перед ним благоговееете? А он над вами же смеется: в малине, дескать, сижу и на ваш счет лакомствую» (Достоевский Ф.М., 1976: 89). Кроме того, из социолектов всё чаще проникают в художественный текст фитонимы «липа» (в значении ‘подделка’), «лопух» (‘простак’), «редиска» (‘плохой человек’): «Ндыбакан, не дослушав, решительно забраковал книжку. – **Липа** все это! – заявил он. – Чтоб парень с девкой по лесу столь время толклись и все без толку! Тут или парень **лопух**, или уже девка жох...» (Астафьев В.П., 1968: 154). Оценочная сема выражает значение неодобрительности, стилистическая – разговорность, эмотивная сема эксплицирует эмоции отрицательного отношения адресанта.

Третья группа – фитонимические идиомы с мелиоративным или пейоративным оттенками семантики. Например, фразема-сравнение с фитонимическим компонентом «тополь» – «строен (стройна) как тополь» – характеризует одного из удалых казаков повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба»: «**Как стройный тополь**, носился он на буланом коне своем» (Гоголь Н.В., 1966: 84). К этой же группе фитонимических устойчивых сравнений с мелиоративным значением относятся *румяный как пион, как маков цвет, крепкий орешек, как огурчик и др.* В данном случае фитонимические фразеологические единицы с положительной коннотацией несут экспрессивно-эстетическую информацию.

Пейоративный характер фразеологии представлен в выражениях с фитонимическим компонентом «дуб» (*дуб дубом, дать дуба*), «горох» (*как об стенку горох, чучело гороховое*), «репей» (*пристать как репей*) и др. Особого внимания заслуживают фитонимические фразеологизмы, исконно имевшие мелиоративное значение, но, подвергшись ироническому переосмыслению, приобрели пейоративную коннотацию. Так, устойчивое словосочетание «злачное место» в православной молитве осмыслялось как место, куда душа человека попадает после смерти и находит там покой и счастье. В словаре библейских фразеологизмов под ред. Л.Г. Кочедыкова находим:

«Злачное место – обильное, приятное место, где живут без труда и забот» (Кочедыков Л.Г., 2006: 58). Так, герой И.А. Гончарова Александр Адуев, погружаясь в мечтания, «...опрокидывался на спинку стула и уносился мысленно в **место злачно**, в место покойно, где нет ни бумаг, ни чернил, ни странных лиц, ни вицмундиров, где царствует спокойствие, нега и прохлада...» (Гончаров И.А., 1978: 92). В языке разночинно-демократической интеллигенции данное словосочетание стало обозначать заведение (корчма, кабак), посетителями которого были неблагополучные люди, предававшиеся там безобразию. Поэтому второе значение фраземы *злачное место* – ‘место пьянства и разврата’ – способствует её ироническому восприятию. Именно в такое «**место злачное**, где поют и танцуют, где люди сами не знают, что делают, но уверены, что веселятся, и этой уверенностью заражают других» отвез герой рассказа А.И. Куприна «Черный туман» своего друга Бориса, приехавшего покорять Петербург (Куприн А.И., 1964: 319).

В состав многих идиоматических сочетаний русского языка входят фитонимические соматизмы, служащие для экспрессивно-эмоционально-оценочной характеристики внешнего облика человека. К таким соматизмам относятся «тыква» («Спустя десять минут в кабинет вплыла экономка Эмма Эдуардовна в сатиновом голубом пеньюаре, деbeatая, с важным лицом, расширявшимся от лба вниз к щекам, точно уродливая **тыква**, со всеми своими массивными подбородками и грудями, с маленькими, зоркими, черными, безресницными глазами, с тонкими, злыми, поджатыми губами» (Куприн А.И., 1964: 175), «слива» («И несмотря, что нос Ивана Никифоровича был несколько похож на **сливу**, однако ж она схватила его за этот нос и водила за собою, как собачку» (Гоголь Н.В., 1966: 227), «лимон» («Рога – это бы еще куда ни шло, а вот лицо у тебя как выжатый **лимон** стало, а под глазами синяки» (Куприн А.И., 1970: 128).

Таким образом, проведенное исследование показало, что фразеологическая семантика включает семы эмотивности и оценочности, которые способствуют созданию эстетически значимой, выразительной, образной картины мира. Каждый фразеологизм, содержащий маркированные в лингвокультурологическом отношении коннотации, служит идентификатором национального самосознания лингвокультурной общности.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и паремиология. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
2. Астафьев, В.П. Последний поклон: Повесть / Ил. В. и А. Мотовиловых. – Пермь: Пермское книжное изд-во, 1968. – 257 с.
3. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона [Электронный ресурс]: в 3 т.: 216 тысяч русских слов, 44 тысячи иностранных слов / [М. И. Михельсон]. – Электрон. текстовые дан. и прогр. – М.: «Си Этс», 2004. – <http://my-dict.ru/dic/tolkovo-frazeologicheskiy-slovar-mihelzona/961470-net-rozy-bez-shipov> (дата обращения: 02.12.2018).
4. Гоголь, Н.В. Собрание сочинений в семи томах. – Том 2. – М.: Худ. литература, 1966. – 380 с.
5. Гончаров, И.А. Обыкновенная история: Роман в 2 ч. – М.: Худож. лит., 1978. – 318 с.
6. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Том 14. – Л.: Наука, 1976. – 510 с.
7. Достоевский, Ф.М. Униженные и оскорбленные: роман – СПб.: Лениздат, – 2013. – 478 с.
8. Кочедыков, Л.Г. Краткий словарь библейских фразеологизмов. – Самара: Бахрах-М, 2006. – 176 с.
9. Куприн, А.И. Собрание сочинений в 9 томах. – Том 1. – М.: Худ. литература, 1970. – 512 с.
10. Куприн, А.И. Собрание сочинений в 9 томах. – Том 3. – М.: Худ. литература, 1964. – 372 с.
11. Куприн, А.И. Собрание сочинений в 9 томах. – Том 6. – М.: Худ. литература, 1964. – 472 с.

12. Озерова, Е.Г. Библиизмы как стилистические маркеры лирикопрозаического текста // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки, №20 (191) 2014. – Выпуск 23. – С. 28-34.

13. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

14. Тургенев, И.С. Полное собрание сочинений и писем. В 30т. Сочинения. В 12т. Т.9: Сочинения: Повести и рассказы. 1874-1877; Новь. 1876. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Наука, 1982. – 574с.

15. Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения. – Том 6. – М.: Наука, 1985. – 528 с.

Summary. The article aims to consider the emotional-axiological component in the semantics of phytonymic phraseological units. In the course of the study, it was found that phraseological semantics includes semes of emotiveness and evaluation, which reflect emotional information and assessment of reality. The article is addressed to a wide range of linguists and everyone interested in the problems of cognitive phraseology.

Key words: phraseme, phytonymic idioms, phytonymic set expressions, meliorative semantic shade, pejorative semantic shade, phytonymic somatisms.

РУССКАЯ АФОРИСТИКА КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

А.В. Королькова

Россия, г. Смоленск, Смоленский государственный университет
lika.korolkova@bk.ru

В современной лингвистике актуальным представляется изучение языковой и концептуальной картин мира. В национальном языке репрезентируются представления конкретного народа о мире и окружающей действительности.

Н.Ф. Алефиренко отмечает: «ЯКМ – это представленный средствами языка образ этноязыкового сознания, модель интегрального знания о системе наивных представлений, репрезентируемых языком. Поэтому ЯКМ можно интерпретировать как отражение обиходных, обывательских представлений о мире» (Алефиренко Н.Ф., 2011: 13).

Русская афористика отражает этноязыковое сознание народа на разных этапах его исторического развития путем фиксации в языке в виде изречений представлений о мире выдающихся деятелей литературы, науки, культуры. В их афоризмах отражаются, прежде всего, обиходные представления о мире, не лишённые, конечно, оригинальности и парадоксальности. Таким образом русская афористика фиксирует языковую картину мира в синхронии и диахронии.

Необходимо уточнить, что под афоризмом мы понимаем сложное лингвистическое явление фразеологического порядка, он обладает такими обязательными свойствами и признаками, как: наличие в структуре ключевых слов; краткость (не более трех предложений); паспортизированность; воспроизводимость. В афоризме факультативно могут присутствовать такие признаки и качества, как моделируемость, субъективность, неожиданность формулировки, наличие переносного смысла, способность к выражению универсальных истин и пр.

Афоризмы как область знания могут быть рассмотрены как философская форма осмысления и познания действительности и как синтез художественного и понятийного компонента.

При анализе афористического материала возникает еще одна проблема. Зачастую афоризмы являются частью какого-либо большого художественного, публицистического или научного текста. Афоризмы извлекаются из этих текстов и начи-

нают самостоятельное функционирование. В некоторых случаях при извлечении из художественных текстов афоризмы (часто становясь крылатыми выражениями и утрачивая авторство) получают иное семантическое наполнение.

Например, активно употребляемое в современных СМИ крылатое выражение «звезда пленительного счастья». В настоящее время «звезда пленительного счастья» современного человека не имеет ничего общего с гражданским пафосом стихотворения А.С. Пушкина.

Афоризм Пушкина из стихотворения «К Чаадаеву» следующий:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена.

Помимо прочего автор художественного текста вкладывает в уста персонажа изречения, которые в силу определенного комплекса признаков могут являться потенциальными афоризмами. Эти высказывания персонажа, яркие, запоминающиеся, могут явно противоречить целостному миропониманию автора. Подобного рода противоречия лишь подчеркивают такой факультативный признак афоризма как парадоксальность.

Так, в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» в уста Фамусова автор вкладывает иронический афоризм:

Уж коли зло пресечь:
Забрать все книги бы, да сжечь.

Именно в ироническом контексте это изречение бытует и в современном языке.

Несмотря на сложности теоретико-практической характеристики афоризмов, изречения определенного исторического периода отражают актуальную языковую картину мира своего времени.

Тематика афористики, с одной стороны, вневременная. Людей во все периоды времени интересовали морально-нравственные и философские вопросы. Языковая картина мира русской афористики отражает общечеловеческие ценности. В афористике всех времен и народов есть изречения о дружбе, о любви, о семье, о характере человека, о законах, о детях, о культуре, о здоровье и пр.

Например:

Любовь придает благородство даже тем, которым природа отказала в нем.
(Шекспир)

То, что мы испытываем, когда бываем влюблены, быть может, есть нормальное состояние. *Влюбленность* указывает человеку, каким он должен быть. (А.П. Чехов)

С другой стороны, афористика отражает актуальные проблемы времени, так в XX веке в русской афористике актуализируются темы, связанные с осмыслением революции, тоталитаризма и фашизма.

Например:

Фашизм и человек не могут сосуществовать. Когда побеждает фашизм, перестает существовать человек, остаются лишь внутренне преобразованные, человекообразные существа. (В.С. Гроссман)

Откуда берется *фашизм*? Да ниоткуда он не берется, он всегда есть, как есть холера и чума, только до поры не видны, он всегда есть, ибо есть охлос, люмпены, городская потеря и саблезубое мещанство, терпеливо выжидающее своего часа. Настал час – и закружилась чумная крыса, настал час – и вырвался из подполья фашизм, уже готовый к действию. (Ю.М. Нагибин)

Горе тем, кто думает найти в революции исполнение только своих мечтаний, как бы высоки и благородны они не были. *Революция*, как грозовой вихрь, как

снежный буран, всегда несет новое и неожиданное; она жестоко обманывает многих; она легко калечит в своем водовороте достойного; она часто выносит на сушу невредимым недостойных... (А.А. Блок).

При анализе репрезентации картины мира, выражаемой русской афористикой, необходимо также разрешить вопрос о соотношении языковой картины мира и научной картины мира.

В корпусе русской афористики довольно много изречений, принадлежащих ученым. Однако далеко не все из них отражают научную картину мира, так как зачастую касаются тем, не связанных с отражением их научного мировоззрения. Так, например, язык научных произведений и публицистики В.О. Ключевского афористичен, но большая часть его изречений не касается его научных историко-философских изысканий. В его афористическом наследии много афоризмов о мужчинах и женщинах, о жизни, о пороках и добродетелях, об эгоизме, о справедливости, старости и пр.

Например: *Мужчина* любит обыкновенно женщин, которых уважает; *женщина* обыкновенно уважает только мужчин, которых любит. Поэтому мужчина часто любит женщин, которых не стоит любить, а женщина часто уважает мужчин, которых не стоит уважать.

Обыкновенно женятся на *надеждах*, выходят замуж за обещания. А так как исполнить свое обещание гораздо легче, чем оправдать чужие надежды, то чаще приходится встречать разочарованных мужей, чем обманутых жен.

Справедливость – доблесть избранных натур, *правдивость* – долг каждого порядочного человека.

Нужно отметить, что в афористике ученых много изречений не столько непосредственно о темах их научных работ, отражающих научную картину мира, сколько о науке и научном знании. Это наблюдается в афористике М.В. Ломоносова, Д.С. Лихачева, С.М. Соловьева, Н.И. Вавилова.

Например: Наука есть вождь к познанию правды, просвещению разума, упокоению народов... (М.В. Ломоносов)

Наука есть ясное познание истины, просвещение разума, непорочное увеселение жизни, похвала юности, старости подпора, строительница градусов, полков, крепость успеха в несчастьи, в счастии украшение, везде верный и неотлучный спутник (М.В. Ломоносов).

Необходимо также разрешить и вопрос о соотношении языковой картины мира и концептуальной картины мира, отражаемой в русской афористике.

Е.С. Кубрякова в работе «Роль словообразования в формировании языковой картины мира» говорит о том, что языковая картина мира встраивается в концептуальную: «Языковая картина мира ... рассматривается как важная составная часть общей концептуальной модели мира в голове человека, т.е. совокупности представлений и знаний человека о мире, интегрированной в некое целое и помогающей человеку в его дальнейшей ориентации при восприятии и познании мира» (Кубрякова Е.С., 1988: 169).

Русская афористика в полной мере отражает это утверждение. При репрезентации языковой картины мира в изречениях языковая личность (любой автор афоризмов) организует содержание высказывания в соответствии с собственной концептуальной картиной мира. В целом, можно утверждать, что в русской афористике в диахронии отражается концептуальная картина мира русскоязычного человека, начиная со времени древнерусской литературы и заканчивая эпохой современного андеграунда.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Научное и обыденное в языковой картине мира // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. – С. 11–14.

2. Королькова, А.В. Русская афористика. Монография. – М.: Флинта Наука, 2005. – 342 с.
3. Кубрякова, Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 141-172.

Summary. Russian aphoristics reflects the ethno-linguistic consciousness of the people at different stages of its historical development by fixing it in the language in the form of sayings that belong to outstanding figures of literature, science and culture. Everyday and philosophical view of the world is reflected in the aphorisms. Russian aphorisms fix the linguistic picture of the world in synchrony and diachrony.

Key words: language view of the world, aphoristics, scientific view of the world, worldview representation.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК ФРАГМЕНТЫ КАРТИНЫ МИРА В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

Л.В. Новикова

Россия, Владимир, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
novickova.lyud@yandex.ru

Когнитивный анализ фразеологических единиц (далее ФЕ), априори обнаруживает номинацию того или иного явления, предмета, а также выражает отношение, раскрывает информацию, формирующую содержание фразеологизма в целом. Когнитивный анализ позволяет показать процесс фразеологизации, представить фрагменты мира и их национальное видение отдельными полями, которые могут быть включены в область национальных особенностей членения мира, и будут способствовать проявлению мышления в каждом фразеологизме. Актуальность данной статьи представляется общим интересом современной лингвистики к выявлению национальной специфики фразеологических единиц в когнитивном аспекте.

Фразеологические единицы структурного типа «прилагательное + существительное» исследуются в данной работе для того, чтобы раскрыть и показать их широкий семантический диапазон, колорит национально-культурных особенностей языка, а также представить ФЕ как фрагменты картины мира в когнитивном аспекте.

Когнитивный подход дает возможность по-новому рассматривать вопрос систематизирования не только лексики, но и ФЕ различных структурных типов, что в приводит к необходимости создания словарей с более крупными семантическими полями, такими инструментами языка как словари концептов, объясняющие не значения слов, не научные понятия, а реалии действительности, составляющие специфику национально-культурных особенностей языка.

В своей работе автор придерживается общепринятого определения ФЕ, в широком смысле, понимания фразеологизма, при котором его область действия становится объемной в пословицах, поговорках, а также определенных структурных типах, в нашем случае – «прилагательно е+ существительное». Так, А.В. Кунин, Н.Ф. Алефиренко, Ю.Л. Лясота, В.П. Жуков и ряд других ученых включают в состав фразеологизмов пословицы, поговорки, называя их «коммуникативными ФЕ» (Кунин А.В., 1984: 185).

В.Ю. Меликян, Н.Ф. Алефиренко используют понятие идиомы в широком смысле как любой знак косвенного наименования. Такое широкое понимание ФЕ основывается на положении Отто Есперсена, что «формулой может быть целое предложение или группа слов, одно слово или часть слова, т.е. неважно, каков ее состав» (Есперсен О., 1958: 23).

Традиционно словарный состав языка рассматривается в лингвистике как объективно существующая в языке знаковая система. Учитывая тот факт, что лексические значения прилагательных, имеющих в своей основе такое логико-предметное содержание, как «понятие о признаке, свойстве предмета или явления», может быть легче определено как некая данность и выражено в виде дефиниции этого понятия или признака. Был проведен тщательный отбор и анализ словарных дефиниций, в которых отношения слов носят парадигматический характер, иными словами, анализ начинается с парадигматического уровня.

Классификация слов в семантические группировки рассматриваемых частотных прилагательных основана на гипонимических связях слов в определенном поле. Корпус частотных прилагательных в концепте «ЧЕЛОВЕК» распределился нами по 14 лексико-семантическим группам. В качестве примера приведем самые многочисленные, которые можно поставить на первое место по их фразеоактивности в концепте «ЧЕЛОВЕК».

1. Прилагательные, описывающие свойства характера человека – *daring, brave, mad, cruel, fierce, violent, noble, proud, honourable, deceitful, humble, etc.* – 14 % от всего корпуса единиц.

2. Прилагательные, описывающие характеристики внешнего вида человека, его физическое состояние – *tall, low, fat, thin, pretty, attractive, thick, dark, pale, sunburnt, slight, ill, sick, diseased, fine, bad, good, etc.* – 15,6% от всего корпуса единиц.

3. Прилагательные, указывающие на бытийные характеристики – *dead, inborn, married, single, alive, useful, young, old, natural, etc.* – 10% от всего корпуса единиц.

4. Прилагательные, служащие характеристиками конкретных (абстрактных) явлений, предметов и т.п. – *difficult, different, various, perfect, complete, poor, rich, educational, needy, valuable, valueless, narrow, etc.* – 10% от всего корпуса единиц.

5. Прилагательные, являющиеся характеристиками чувств и эмоциональных состояний человека – *merry, happy, gay, glad, calm, wild, angry, quiet, tame, peaceful, joyful, tender, etc.* – 17,5 % от всего корпуса единиц.

В английском языке понятие «оценка» – субъективное отношение говорящего к фактам и явлениям реальной действительности находит свое отражение не только в словах “GOOD” и “BAD”, которые в своих значениях дают положительную или отрицательную оценку : “GOOD” – of good quality. “BAD” – of defective quality. Quality: that which makes a person or thing different from others; the real nature, goodness or badness. Положительную и отрицательную оценку можно найти и в словах *nice, beautiful, lovely, terrible, awful, miserable, deadly, foul, horrible, etc.*

Однако среди множества окружающих человека явлений есть такие, ценность которых равна нулю, они ценностно нейтральны. Это объясняется тем, что многие наименования предметов и событий не сочетаются с оценочными словами «хорошо» и «плохо». В концепте «ЦЕННОСТЬ» частотные прилагательные были условно разделены на оценочные прилагательные – группа «А» и безоценочные прилагательные – группа «Б». Прилагательные положительной оценки – *good, delicate, generous, clever, brave, patient, loyal, prompt – etc.* Прилагательные отрицательной оценки – *cruel, stupid, wicked, bad, scornful, evil, greedy, lazy, thoughtless, etc.* Интересные факты обнаруживаются при анализе фразеологических единиц, в которых оценочность компонентов ФЕ и оценочность самих ФЕ могут не совпадать. Например: *a fat cat* – толстосум, *hard case* – испорченный человек, *to be a button short* – винтика в голове не хватает, *asocial butterfly* – пустая светская красавица, *(as) light as a butterfly* – бездумный, легкомысленный, *it's as broad as it's long* – что в лоб, что по лбу, *to keep the bones green* – сохранить хорошее здоровье. Как нетрудно заметить, выше приведенные фразеологизмы воспринимаются как оценочные и при отсутствии оценочных слов “BAD”, “GOOD”, “FINE”. Семантика всего фразеологизма показывает долю участия прилагательных, которые были отнесены нами в группу «Б», ведь «любой объ-

ект ... может оказаться так или иначе не безразличным для оценки» (Вольф Е.М., 1985: 18).

При проведении семантического анализа частотных прилагательных английского языка обнаружился ряд единиц, оценка в которых может быть соотнесена с оценочностью прилагательного. Причем в семантике самого прилагательного может наблюдаться положительная оценка, а в ФЕ – отрицательная оценка и наоборот. Например: a fine (или nice или pretty) kettle of fish – неразбериха, that's a good one (или un) – какая ложь! Какой вздор!, to make the best of a bad bargain – не унывать в беде, a dead bird – дело верное, «верняк», a gay cat – прожигатель жизни.

Исследуя зависимость рассматриваемых прилагательных от фразеологической активности, можно сказать следующее: прилагательные группы «А» в совокупности менее фразеоактивны, чем прилагательные группы «Б». Данное заключение подтверждают следующие результаты: безоценочные прилагательные, участвующие в образовании ФЕ, составили 81,8%, а оценочные прилагательные – 18,25 от общего количества рассматриваемых единиц. Для большей наглядности данные результаты можно представить не в абсолютном, а в относительном выражении. Так, соотношение оценочных прилагательных в ФЕ к безоценочным будет составлять 1:5.

Таким образом, проведенное исследование показало, что прилагательные, которые мы отнесли к безоценочным, активнее участвуют в ФЕ различных структурно-семантических типов. Эти данные свидетельствуют о том, что оценочные прилагательные не оказывают определенного влияния на формирование таких сложных в семантическом отношении и образных в большинстве своем единиц языка, как фразеологические единицы.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Этноэйдемический концепт и внутренняя форма языкового знака // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1. – С. 71-81.
2. Алефиренко, Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. – М: Флинта: Наука, 2005. – 416 с.
3. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 1985. – 228 с.
4. Есперсен, О. Философия грамматики. – М.: Изд. Иностран. лит., 1958. – С.23.
5. Кунин, А.В. Внутренняя форма фразеологических единиц: Слово в лексике и грамматике. – М., 1984. – С. 183-185.
6. Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь. Изд.4-е перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1984. – 942 с.
7. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Семантико-когнитивный анализ языка: Монография. – Воронеж: Истоки, 2006. – 226 с.

Словари

1. Oxford English Dictionary. –Oxford: Oxford University press, 1961.
2. Oxford dictionary of English idioms; A.P. Cowie, K. Mackin, I.R. McCaig; Oxford University press, 1993.

Summary. The article deals with phraseological units with the adjective component in the structural – semantic model “adjective + noun”. The corpus of frequency adjectives of the English language is identified. The concept of “HUMAN”, the concept of “EVALUATION” is studied not only to reveal the semantic, national and cultural features of the language, but also to reconstruct the phraseological picture of the world, which is one of the most important tasks of modern linguistics.

Key words: phraseological unit, cognitive analysis, view of the world, language system, paradigmatic relations of words, concept.

ФРАЗЕОЛОГИЯ В КАРТИНЕ МИРА ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

А. А. Тимошенко

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

История, культура, особенности мировоззрения, быт народа оказывают большое влияние на лексико-фразеологическую систему языка этой общности людей. Помимо общеупотребительных фразеологических единиц в сознании определенной народности развиваются особенные, устойчивые сочетания, прошедшие «культурную обработку». Исследование культурного элемента в семантике фразеологических единиц является достаточно сложным, но интересным, ведь пласт народных фразеологизмов ярко раскрывает жизнь донского казачества, демонстрирует традиции, обычаи и отличия жизни этой народности.

Термин «языковая картина мира» появился в речи лингвистов благодаря заслугам немецкого ученого В. фон Гумбольдта. Языковая картина мира содержит образы мира, на которые влияют предметы и явления окружающей среды. Важно учесть, что основополагающим элементом описания и объяснения считается «концепт».

Неверным будет восприятие концепта как образа однозначно абстрактной сущности. Возможно, по этой причине был введен новый термин – «культурный концепт». Необходимо заметить, что не следует считать составляющей культурного концепта исключительно этнокультурные особенности. Лишь объединив лингвокультурную и когнитивно-семиологическую составляющие можно решить проблему создания языковой картины мира.

Зачем было введено понятие «культурный концепт»? Он позволяет рассмотреть во фразеологизме этнокультурные различия, не только абстрактные, но и «земные» сущности. Сравним две фразеологические единицы: общеупотребительное выражение «знать не понаслышке» и характерное только в культуре донских казаков «не рассказывай донскому казаку азовские вести». Две эти единицы имеют сходное значение ‘знать что-либо хорошо’. Однако в выражении с берегов Дона присутствует важный этнокультурный элемент. Этнокультурную специфику содержит внутренняя форма словосочетания «азовские вести». В данном фразеологизме скрыты разногласия между казачеством и азовскими турками. «Азовские вести» здесь – взятие Азова донскими казаками в 1637 году. Таким образом, сравниваемые нами фразеологические единицы имеют общий смысл, однако одна из них окрашена особенностью культуры, в которой существует.

Фразеологические единицы, принадлежащие культуре донских казаков, можно разделить на несколько тематических групп. Основополагающей станет тема «Войны» в жизни казачества. Казаки – народ, который защищал южные рубежи России от набегов врагов. Постоянные сражения, битвы, даже мелкие стычки с противником – это повлекло за собой появление определенных фразеологизмов:

- «*жить как казак с татаринном*» – в донской культуре данное выражение обозначает состояние постоянной вражды. Из истории известно, что татары постоянно нападали на южные рубежи России, считая эти земли своими.

- «*Ни врага*» – ничего, нисколько.

Защищая южные границы России, казаки непреднамеренно перенимали элементы культуры у своих врагов, из-за чего в донском фразеологическом фонде стали появляться фразеологические единицы, в которых использовались качества или черты южных врагов. Достаточно часто в фразеологизмах встречаются печенеги, от нападений которых долгое время страдал юг России. Однако данные фразеологические единицы имели всего два значения:

- «*Биться как печенег*» – трудиться беспрестанно, без усталости;

- «*Сесть как печенег*» – нахально, без приглашения или спроса.

Важной темой в фразеологии казаков стала жажда к свободе и честь. Казаки – народ, который не мог существовать без свободы. Донские воины иногда были готовы умереть, но не подчиниться царскому указу. Это подтверждает следующий фразеологизм:

- «Руби меня, татарская сабля, не бей меня, царская плеть».

Честь для донского казака важнее жизни, как и для любого доблестного защитника своей страны. По этой причине в данной культуре зародились многочисленные фразеологизмы, которые подчеркивали эту мысль:

- «Славы казачьей даже курица не замазает»;
- «Встречать с честью» – встречать с почестями и славой.

Существуют во фразеологии донских казаков и единицы, темой которых стали бытовые темы. Например, внешность человека достаточно ярко описывается в культуре казачества:

- «Кованый кот не пересигнет» – так говорят о человеке высокого роста;
- «Снарядиться как на воздухи» – нарядные люди;
- «Сохнуть на балык» – именно так называют донские казаки худого человека.

Внутренние черты и качества характера человека тоже не остались незамеченными:

- «Тихое лето» – очень тихий человек;
- «Куры загребут» – так назовут застенчивого человека;
- «Куга зеленая» – так будут зваться молодые и неопытные люди.

Фундаментальной тематической частью донских фразеологизмов стал быт. Ведь именно повседневные вещи и действия окружают нас, из-за чего большое количество бытовой лексики входит в активный словарный запас, что влияет на последующее появление большого количества бытовых фразеологизмов:

- «Нудное время» – время появления слепней, ос, пчел и других жалящих насекомых в мае и августе;

- «Стать как врытая соха» – стоять на месте как вкопанный.

Донские казаки помимо бытового сознания имели и мифологическое мировоззрение. В большом пласте фразеологизмов встречаются отголоски обрядов или их части. Это значит, что казачество имело свои суеверия и верования.

- «Обмывать руки» – после рождения ребенка родители и родственники дарят повитухе подарки в благодарность за проделанную работу. Данный фразеологизм подтверждает существование определенных обрядов в культуре казаков;

- «Обувать тещу» – после свадьбы жених благодарит тещу за прекрасную дочь и невесту;

- «Погладить дорожку» – пожелать хорошего пути.

Если выделить произведения, в которых используются фразеологизмы, характерные для культуры донских казаков, то, однозначно, нужно упомянуть великий роман-эпопею М.А. Шолохова «Тихий Дон». Произведение содержит бесчисленное количество фразеологизмов и фразеологических оборотов, которые используются лишь среди донского казачества. Многие из них не понятны обывателю, поэтому автор дает пояснение в примечаниях. Например,

- «Стать на лунки» – поставить лошадей на подножный корм;
- «Дать рахунку» – довести дело до конца.

Однако многие фразеологизмы остаются без объяснения, потому что значение понимается читателем при сравнении с общеупотребительным аналогом. И если фразеологизмы, обозначающие время, такие как *после первых кочетов* понятны сразу, потому что традиция определения времени по крику петухов очень давняя. Но в романе-эпопее присутствует и другой способ определения времени:

- «Солнце в дуб» встает.

Так определяют время только на донской территории (об этом говорит в своем труде «Загадки русской фразеологии» В.М. Мокиенко). Подобные часы весьма прощты в использовании:

- «Время в дуб» – 10-11 часов утра;

- «Солнце в дуб» – 12 часов дня;
- «Солнце у дуба» – солнце закатывается.

Важно заметить, что данное выражение имеет и другое значение в «Тихом Доне». «Солнце в дуб стало» – вероятно, обозначает определенный переломный момент в жизни: «стало невозможно больше так жить, терпеть, вот-вот начнутся перемены» – «а как станет *солнце в дуб*,... нападает на скотину бзык...».

Таким образом, в ходе исследования было выяснено, что история донского казачества, быт и культура повлияли на становление особого языка казаков и созданию фразеологических единиц, смысл которых невозможно понять без знания определенных исторических фактов и культурного фона. Во фразеологизмах отражены особенности жизни донских казаков, будь то состояние постоянной войны или бытовая обстановка. Важно заметить, что фразеологические единицы у казаков являются оценочно-эмоциональными ответами на определенные события в жизни. Исследовав фразеологизмы донского казачества, были выявлены культурные и жизненные ценности, которые особо важны для казаков и их будущих поколений.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология. – М.: Флинта, Наука, 2010. – 224 с.
2. Брысина, Е.В. Казачество через призму диалектной фразеологии // Казачество Сибири от Ермака до наших дней: история, язык, культура: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции / Составители И.С. Карабулатова, Г.С. Зайцев, Г.К. Чауকেরова. – Тюмень: ООО «Печатник», 2010. – 257 с.
3. Виноградов, В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 140–161.
4. Дегтярев, В.И., Кудряшова, Р.И., Проценко, Б.Н., Сердюкова, О.К. Большой толковый словарь донского казачества: Ок. 18 000 слов и устойчив. словосочетаний / Ростов, гос. ун-т; Ф-т филологии и журналистики; Каф. общ. и сравнительн. языкознания. – М.: ООО «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 608 с.
5. Столбунова, С.В. «Фразеологические единицы в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» // «Русский язык». – 2004. – №34.

Summary. In this article, through the prism of phraseology, we can get acquainted with the cultural, historical and everyday features of the Don Cossack's life.

Key words: phraseological unit, nationality, phraseological semantics, view of the world, concept, cultural concept.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ И ИЗМЕНЕ В ПОЛЬСКОЙ И РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (из опыта концептуального анализа паремий, фразем и песенного фольклора)

О.В. Тищенко

Словакия, г. Трнава, Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве
olkotiszczenko@gmail.com

«Языковое моделирование культурных ценностей» (Топоров В.Н.) включает формирование социокультурного словаря, отражающего базовые категории культуры, а также спецификацию семантики, формы и сферы употребления эксплицирующих эти категории языковых элементов (Запольская Н., 2000: 37).

Образное содержание концепта, как известно, включает перцептивный образ, отражающий чувственные представления людей об определенных объектах, по Н.И. Жинкину и Н.Н. Горелову, а также когнитивный образ, который отражает смысловые связи (метафорические, метонимические) содержания концепта с другими концептами (Попова З., Стернин И., 2007: 276).

При моделировании концептосферы измены, предательства и верности следует обратиться к предложенной З.Д. Поповой и И.А. Стерниным выяснению макроструктуры концепта посредством выделения основных его когнитивных признаков – образного компонента, информационного содержания и интерпретативного поля (Попова З., Стернин И., 2007: 276). По С. Воркачеву, выделяется три составляющие концепта, в частности и ассоциативно-образная. Ценностная составляющая сосредоточена вокруг понятий добра и зла и предопределена пропозиционно-диктумной структурой дискурса Измены, коммуникативной ситуацией, фактором адресата и другими пресуппозициями и коннотациями (кому изменяют – кто изменяет – объект и субъект измены, ее модусные, временные, чувственные и другие характеристики). В этой связи «Измену» можно считать антиконцептом «Верности» (см. об этом подробнее: Приходько А., 2013: 66). Более того, «Измена» входит во многие смежные концептосферы (духовный мир человека, родина, дружба, семья, дом, брак, преданность, лицемерие, донос, месть, совесть, честь) и т.п., то есть имеет разнообразные межконцептные связи и отношения.

Нелояльные действия, как фигурально обозначают измену психологи, всегда возникают в социуме, где люди предают друг друга в разных сферах общественной жизни – в браке, в отношениях между друзьями, между подчиненным и начальником, продавцом и покупателем, политиком и избирателем (Włachnio A., 2008: 7). Польский лексиколог В. Беднарк ставит вопрос более четко: «может ли обозначенный феномен и ментальный коррелят существовать как результат нашего эмпирического опыта или же как определенная разветвленная полисемантическая структура, некий семантический инвариант Измены 'o ujawnianiu czegoś – 'обнаружить, выдать что-либо', 'стать доступным', существует ли в нем оценочность (wartościowanie) (Bednarek A. 1996: 127). Ученый не без оснований связывает измену (zdradę) с концептом «Верность», «Преданность» (wierny, oddany).

Мы рассмотрим измену и предательство с семантической, лингвокультурологической и прагматической точек зрения как связь между концептами «Верность» – «Измена» в их лексикографическом, паремийном и фразеологическом воплощении в польской и русской языковой и концептуальной картинах мира. Обратим внимание на функционирование данного концепта в символике и прагматике польского песенного фольклора.

Не раз обращалось внимание на то, что когнитивная интерпретация измены предполагает наличие таких категориальных признаков – действий и трансформаций, результатом которых являются «перемена в чувствах, мыслях, действиях». Концептуальное поле измены включает, во-первых, предательство, вероломство, во-вторых, супружескую неверность, в-третьих, отказ от прежних идеалов, убеждений, взглядов, установок, в-четвертых, активизируется чувственно-эмотивный уровень, как правило, отрицательные смыслы, касающиеся главным образом интимной (душевной и телесной) сферы отношений между мужчиной и женщиной, отраженные в песенном фольклоре.

Фразеологический фонд обоих языков и паремии ярко концептуализируют такой признак Измены, как 'отступничество', 'донос', 'государственная измена' в противопоставлении понятиям патриотизма и Родины, верности и преданности. Ср. русс. *Кто Родине изменяет, того народ презирает, Кто Родиной торгует, того кара не минует* (БСРП: 759), *Кто в мале верен, и в велике верен, Кто с кем в верности бывает, один за другого умирает, Вероимец часто обманывается* *вероимец – доверчивый человек, легковверный (БСРП: 114), укр. *Радше впадъ, але не зрадъ*. В польской лингвокультуре пословицы этого круга имеют этически-назидательный характер, выполняют функцию предостережения, связываются с идеей обмана, поскольку за излишнюю доверчивость можно поплатиться чем-то своим (быть обманутым, кого-то можно подвести): *Nie ufaj, nie będziesz zdradzony, Nie ufaj, tylko sobie* (НКРР III: 581), *Kto prędko wierzy, ten na zdradę mierzy, Gdo lekko wierzy, lekko też*

zwiedziony, Kto łatwo wierzy, swoim domierzy (НКРР III: 678) – досл. Кто легко верит, своим домеряет *Lepiej raz być oszukanym (zdradzonym), niż zawsze nie dowierzać* (НКРР III: 679). Определенный элемент предостережения просвечивается и в украинских галицко-русских присловьях И. Франко: *Бій сі зради гірше, як вовка* (Фр ГРНП 2: 278).

Об относительной бедности фразеологической оснастки измены свидетельствует анализ словарных статей из билингвальных словарей. Так, в чешско-русском фразеологическом словаре представлены единичные интертекстемы, в основном связанные с изменой Иуды Искарюта и тридцатью серебряниками. Кроме этого, в польско-словацких параллелях обнаружены следующие контексты: *Puszczać się na niebezpieczne/mętne/zdradzieckie wody* – *púšťať sa na zrádné cesty* [na cestu nebezpečnými mútnymi vodami], в котором один из вариантов имеет значение ‘опасный, рискованный’, ‘начинать опасное, подозрительное дело, занятие’ [Buffa: 234], *zdradzić czyjeś zaufanie* – *sklama dôvera* [očakávanie] *niekoho* ‘oklamat’, *podvies niekoho, kto nám dôveroval* – обмануть кого-то, кто имел к нам доверие, подвести кого-либо (Buffa: 242).

Во «Фразеологическом словаре польского языка» С. Скорупки (отметим наличие однословной номинации в словацком, чешском, украинском (*zrada* – *зрада*) и др., языках в отличие от русского) имя концепта *zrada* имеет около 25-ти переносно-метафорических употреблений и представлено главным образом через сочетаемость с оценочными и параметрическими прилагательными – *brzydka, czarna, haniebna, jawna, łajdacka, mniemana, otwarta, potajemna, sekretna, sromotna, szkodliwa*; семантически производные значения в основном таковы: <*zdradliwe podejście, podstęp*>, <*zrada małżeńska*>, <*wiarołomstwo*>, <*zrada narodowa*> ‘отрепкание от собственного народа, действия против него’, *zrada z czego: z kraju, ojczyzny, przekonania, zdrada sekretu, tajemnicy, zdrada stanu* ‘государственная измена’ (*Spisek został ujawniony; przeciw jego przywódcom istniały niewątpliwe dowody zdrady*), *zrada w czym* (*Zdrada w miłości jest starą oklepaną piosenką*), *względem kogo, czego* (*Obaj popełniamy zdradę względem nazszych najświęszych obowiązków*) и проч. Как архаические рассматриваются значения и таких глаголов, как *snuć, szykować, udaremnić, węszyć, wietrzyć, zarzucać komu zdradę* (*Niestety, był to niktzemnik, który knuł w duszy zdrady*). Отдельные переносные значения идентифицируют измену как субстанцию, находящуюся в середине чего-то или кого-то (*To pewnie – niema w tobie zdrady, ty w oczu nasze patrzysz wprost*) или же воспринимают ее как телесную метафору, существо, наделенное антропоморфными признаками – *boli, czai się, czycha na kogo, grozi komu, czemu, otacza kogo, ukrywa się w czym, szerzy się gdzie* (SFJP, II, 814).

В русском народно-диалектном языке ИЗМЕНА представлена в основном прямыми значениями, ср. *делать измену*, причем сам концептуальный фрейм имеет разное семантическое наполнение региональными фраземами, где четко дифференцируется государственная и супружеская измена. Второй тип измены семантически соотносится с распутством и гулянием, относительной свободой поведения и проч. Ср. *Ходить за волей* (*Старик мой заполошный был, пил, за волей ходил, надо мной издевался*) (ФСРГсиб.: 212), а также с этико-прескриптивными стереотипами, связанными с нарушением закона, виной: *Сверху закону жить* (ФСРГсиб.: 72), *стать виноватой* (ФСРГсиб.: 189). Оборот *пойти в другую сторону* обозначает вести распутный образ жизни и «изменить принятым политическим убеждениям, совершить политическое или уголовное преступление» (ФСРГсиб.: 142). Средства косвенно-производной и характерологической номинации супружеской измены или измены парня девушке или наоборот, в народно-диалектном языке и традиционной народной культуре могут быть предметом отдельного рассмотрения, в частности в связи с мотивами отказной символики в славянских языках, безбрачия и т.п. (В.М. Мокиенко).

Рассмотрим другие когнитивные метафорические представления, где фальшь, обман и измена выступают как однопорядковые феномены, находятся в одном семантическом ряду: пребывают на поверхности или внутри: *Falsz się nie zatai, Falsz zawsze wynurzyć się musi, Falsz wyniknie, jednak zdrada się wytoczy* (НКРР I: 560), измена может выражаться при помощи кручения, верчения нити, как, например, *Niechaj ten zdrajca takich wici więcej już nie kręci* 'выкручиваться', *Kręcisz wici, jezuito* (НКРР III: 658), идентифицироваться, уподобляться хрупкому предмету, который можно разбить (*Zdradliwe szczęście, szklane jest wszystko gdy łśni się, wnet się złamie*) (НКРР III: 385). Измена в польских фраземах мотивируется метафорами нечистоты, грязи, пятна, обращенных на самого субъекта: *plamić się zdradą* (*Nie wymienię jego nazwiska, bo splamił się zdradą, podał gestapo informacje o żołnierzach Armii Krajowej*) (Muld.-Nieck.: 935), сходные морально-этические представления находим и в некоторых украинских диалектных фраземах с функцией и атрибутикой предметов (укр. *Гнилыми нитками шитий* 'о склонном к измене' (ФССГД: 214). Обратим также внимание на ощущения: *zdrada* вступает во фразеологические связи с глаголами ощущения и восприятия, например, *węszyć/wietrzyć zdradę*, содержащими метафоры вкуса и запаха. Последние объективируют как прямое значение, в частности представления о том, что измену можно чувствовать, обонять, как зверь вынюхивает, ищет свою добычу (именно в таком значении употреблен глагол *wietrzyć* применительно к животным в составе данного фразеологического оборота 'ощущать при помощи обоняния, нюха присутствие кого или чего-либо', 'чувствовать и предвидеть что-либо'), так и ряд производных значений глагола *węszyć*, зафиксированных в новейших толковых и фразеологических словарях польского языка «постоянно что-то искать, следить за чем-либо или кем-либо», «усматривать что-то в чем-то» (SJP: 771, 777), «подозревать кого-то в измене, бояться измены, никому не доверять (*Stalin nieustannie węszył zdradę wśród najbliższych współpracowników i to była główna przyczyna jego zbrodnich czystek*) (Muld.-Nieck.: 935).

Обратим внимание на другие образные средства выражения рассматриваемого концепта, в составе акционального фрейма, связанного с глаголом *przekupić*: *Chleb, fakcje, złoto wielką dziurę w rzeczach czynią – Tzn. Przekupstwo i partyjnictwo wiele złego czynią* (НКРР I: 245), *dać komu dominikana* Тзн. 'даć w podarku kawałek sera, przekupstwo' [НКРР I: 272]; реже выражается через соматический код – *gorło zatknąć кому-л* (*Gardło komu zatkać*), восходящий из библейской евангельской категории измены, Иуды за 30 серебрянников: *Gardło mu srebrgorz zasiadł*, и в расширенном смысле – *Śmiałkowi gębę zatkać* 'дать кому-л взятку' (НКРР I: 615).

Нельзя не вспомнить в этой связи и об акциональных предикатах, связанных с противопоставлением **покупать-продавать**, которые по своей внутренней форме близки к русскому передавать, *sprzedac* или **отступать** (отступничество от чего-л, присяги, веры, идеалов, предательство Христа): *Zarzuć to tu odstępstwo od wiary* (DereńSJPfr.: 259). В чешской лингвокультуре актуализируется образ чечевицы как библейного символа предательства Иисуса Христа: *Prodat, zradit koho za misu čočovice/čočovici/pro čočovici* (продать, предать кого, что) – досл. за чечевичную похлебку (за миску чечевицы) (ČRFS: 88). Ср. также русские и польские типологически сходные глагольные обороты с вариативностью лексического и синтаксического состава: *продать душу дьяволу, Ni wie, gdzie Boga zdradzono, Nie wie, gdzie go przedano* (НКРР III: 667), *Za pieniądze diabłu duszę sprzeda, Być dla kogoś judaszem* (człowiekiem fałszywym), *Patrzyć przez judasz* (otwór w dziwiach), *Judaszowski uśmiech, Judaszowski/judaszowy pocałunek, Judaszowskie srebrniki* (DereńSJPfr.: 146; НКРР I: 508), русск. *Иуда лжет блюда, Иуда ест и без блюда, Иуде верить, не беда полатиться* (БСРП: 392). Отголоском библейских мотивов можно считать и украинское: *І найсолодший поцілунок може бути затроений* (профиль библейская измена, Грех/Дьявол, Душа, Бог). Подступ (с семантическим компонентом 'исподтишка',

‘тайно’) концептуализируется у поляков через идею несправедного, черного пути: *Iść czarnym szlakiem (borem) ‘robić co zdradziecko, podstępnie’*.

Рассмотрим остальные субфреймы описываемой концептосферы.

ПРЕДМЕТНЫЙ И АКЦИОНАЛЬНЫЙ СУБФРЕЙМ: ‘действовать исподтишка’, ‘подступ’, ‘шпионить’, ‘разведывать и предавать чью-либо тайну’ реализуется через предметный код (символику обуви): *Skroił mu buty, waśc o królach gadasz tak zuchwale, jak gdyby szpiegi butów nie umieli skroić, Sprawię ja ci buty, co ich nie zedrzesz!* – ‘заниматься интригами, копать яму кому-л’.

Субфрейм **‘ИСТОЧНИК ИЗМENEY, КОНВЕРСИВ, ПРЕДАТЕЛЬСТВО И ИЗМЕНА ВОЗВРАЩАЮТСЯ НА САМОГО СУБЪЕКТА, ОТПРАВИТЕЛЯ’:** *Dawne to są obyczaje, zdrada zdradą się oddaje, Zawsze zdrajcę czeka zdrada, skądkolwiek na niego spada, Zdradliwy w swoim podczas sidle ginie, często w swe siatki usidleni, Kto na kogo sidła stawia, sam się w nie ulowi* (НКРР III: 175), *Ten się sam zdradza i zniszczeje, który źle czynięc ma dobrą nadzieje* (НКРР III: 882), **ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ:** *Zdradę odpłacają, a zdrajców wieszają* (DereńSJPfr.: 504), в русской ментальности актуализируется образ ненависти, отмщения за измену: *Измену любят, а изменника ненавидят* (БСРП: 389), *Измену терплю, а изменника ненавижу* (БСРП: 389) (профиль государственная измена, измена Родине), *Oddawa to Pan Bóg snadnie, która żona z mężem zdradnie* (НКРР III: 958) (профиль супружеская измена). Ср. у И.Франко: *He zradь нікого, Бог ти не скарає* – предостерегает мать парня, который бежит за девушками (ФрГРНИП 2: 278).

Субфрейм **‘ВЗАИМООБМЕН, КОНВЕРСИВЫ’** (ты – мне, я – тебе, <дар ждет ответа> я-другие, мы-они, ты (субъект) с чем-то положительным, в ответ – что-то отрицательное, <неблагодарность>): *Pan Jana nagradzał, a Jan Pana zdradzał* (НКРР I: 824), *Jedną ręką ściska, muźnę, a drugą uszy obcina* (НКРР III: 30), *Ręka rękę myję, noga nogę zdradza, Jedną ręką ściska, a w drugiej zdradę chowa* (НКРР III: 30), *Kto innym szkodzić pragnie, samego siebie najczęściej zdradza* (НКРР III: 401), *Odjął/Wydarł wilkowi owce i sam je pojadł* ‘о зрадливом оброńцу’ (НКРР III: 696) – о предательском заступничестве; домашний вор всегда опаснее: *Zawždy więzszy domowy złodziej, bo i zdradza, gdy mu wierzą, niżli ów, co cicho kraść chadza* (НКРР III: 885), (профиль измена друга, подчиненного, близкого человека, морально-этическая, религиозная измена).

Концептуально сопряжен с этим фреймом образных единиц номинации и следующий, связанный с лицемерием. Рассмотрим его подробнее. Концептуальная метафора измена – маскировка – камуфляж представлена посредством единиц телесно-соматического и зооморфного кода (библейский мотив волка в овечьей шкуре), где сердце выступает вместилищем разных эмоций: *Zrzucić maskę Spada maska, a zdrajca, co pod nią przebywa* (НКРР II: 401), *Wielu się pięknie uklada, a w sercu ich skryta zrada* (НКРР III: 582), *Bernardyńska postawa, ale wilcze serce*. Основные мотиваторы сориентированы на противопоставление телесного низа и верха: *Z przodu liże, a z tyłu drapie, Gdzie nie staje wilczej skóry, tam lisiej nadstawia*, часто с акциональными предикатами – лизать (слащавость, угождать, целовать кого-то, лебезить перед кем-то, предавать дружбу (подступ, неправдивое свидетельство, кривить душой): *W oczy mi się liżesz, a za oczy krzywa podstępna świadczysz przyjaźń, Słowa w języku jedwabne, ale w piersiach serce zradne, Miodowe albo jedwabne słowa tworzyć, a zradliwym sercem, co może być najgorszego, myślić* (НКРР III: 242), вкусовые противопоставления **сладкое/горькое:** *Słowa słodkie, a pod językiem piołun* (НКРР III: 242)– Сладкие слова, а под языком полынь, *Znam cię ziółko, żeś pokrzywka, znamy ziółko pokrzywka: piękna, ale zdradzi / я знаю растение – крапива, красивая, но непостоянная* (НКРР III: 865), *Pełno słów gładkich, wdzięcznych gębie, a zdrada w sercu, Wielu się pięknie uklada, a w sercu ich skryta zrada* (НКРР III: 603).

На периферии семантической структуры обозначенного концептуального поля находятся такие контексты, как ‘обнаружить себя какими-то действиями или пос-

тупками', иногда 'случайно, нечаянно', иногда речь может идти и о неживых предметах: *Na święty Łukasz próżno grzybów szukasz, lecz rydz jeszcze zawadzi, jeżeli mróz go nie zdradzi* (NKPP II: 353), также в украинском предостережении: *Не лакомяся Грицю на дурницю, бо дурниця тебе зрадить, що й ворожка не порадить* (Плав'юк: 178), 'выдать самого себя жестом, мимикой', эта семантика выражена через телесно-соматический невербальный код: *Czoło się samo wydaje, Czoło twarz wynurzy – wyraz twarzy zdradzi ukryte myśli* (NKPP I: 388).

Наше обращение к польскому песенному фольклору дает возможность утверждать, что в анализируемых текстах в основном представлены народно-фольклорные мотивы неразделенной, безответной любви (ключевой образ польских любовных песен <zdrada z wianka>), неравного брака или жажда ненависти, отмщения за причиненные боль и страдания. Отсюда и проклятия, и целая гамма эмоций и сравнений, формул невозможного («боль за боль») и т.д в нарративном повествовании.

В основном мотивы измены представлены в песнях любовного и социально-бытового содержания такими производными, как *zdrada, zdrajca, zdradliwy* (последняя форма представлена в таком контексте: *ale zdradliwy wąż pokazał ewie jedno piękne jabłko na drzewie./ ewa go usłuchała,/ jabłka skosztowała/i adamowi podała*, представляющим мотив изгнания Адама и Евы из Рая – в свадебном приговоре дружки перед отправлением молодых в церковь), *niezdradliwie, zdradliwość*. Основными фольклорными семантемами, представленными в польских любовных песнях и бытовом фольклоре являются следующие: <uroda – это zdrada> <milość> – <zdradliwość> <zdrada wianka>; за поругание чести девушки – неизбежно наказание, <zdracić z wienca>, <zdrada-honor-snota>, мотивы-каузаторы <мать-разлучница, которая не хочет счастья своим детям> или <возлюбленный покидает N и теперь должен носить ее венок> (*принимает его на свою душу*), <N уходит к другой> – <внебрачный ребенок>, <девушка не дождалась возлюбленного с военного похода, изменила обещанию выйти замуж>; измена переносится на действующий субъект (F *wiedziała, że to zdrada na mnie*); <он бросает ее в глубокий дунай/насилно топит ее/не давая возможности спастись>; <муж продает свою жену солдатам, берет за нее выкуп>, <солдат отвергает любовь девушки и предпочитает ей саблю и военный поход> <zdrada/honor/snota> – социальные мотивы <богатство/бедность> (девушка предпочитает жить с милым в бедности, чем с богатым, но нелюбимым в роскоши). Акты и формулы проклятий со стороны возлюбленной за причиненные боль и страдания, иногда обращенные на самого субъекта-отправителя, обнаруживаются в текстах польских любовных песен довольно часто (О. Kolberg «Pieśni ludu polskiego»). Ср. *Już odjeżdżam, konia sziodłam,/ czebe, dziewczę, bogu oddam/żebym była i skoła,/niż em tego doczekała* [Kolb39 Pom; str. 176, nr 129], *oj żonko, żonko, bądź – że gościom rada,/bo się dzisiaj stanie w naszym domu zdrada/żeby ja wiedziała, że to zdrada na mnie,/byłaby ja sobie arszeniku dała* [Kolb12 Poz4; str. 225T, nr 432]. Она желает ему сломать ногу, но он уверен, что сможет избежать расплаты за содеянное и уезжает в дальний путь, по его словам, «в мир обмана и несправедливости»: *oj, nie wroce ja sie, bodaj cie porzucze !/bodaj ś kręgi złamał, ty zdradliwy zdrajca./nie złome ja się, chyba sie koń zmyli...gdyz juz em odjechał w ten to świat kłamliwy* (Kolb40 MazP; str. 525-526T, nr 579), *da witaj – że psie zdrajca,/da co ś mnie zdradził z wieńca.../da a ja (sama) niebożqtko,/muszę kołysać dzieciqtko* (Kolb12 Poz4; str. 148-149, nr 279), Он обещает ей свою верность, но нарушает обещание: *kocham ja cię, kocham cię, nie zdradzę ja ciebie,/bodajze ja kark złomał, jadący od ciebie* (Kolb43 Śl; str. 40, nr 18). В одной из песен герой, нарушая свое обещание, падает с коня, девушку призывают не верить ему, хотя он клянется всем (*nie wierz chłopcu, nie wierz chłopcu,oj, bo chłopiec, oj, bo chłopiec boga się nie boi;/knie, łaje się, przysięga się, o boga nie stoi./*, потому что у него столько правды, сколько воды в корзине (*tylę prawdy, ile w koszu wody*) (Kolb48 TaRz; str. 123-124, nr 55), состояние обманутого ожидания девушки может передавать метафора тяжелого груза, который Она приобрела вместе со своей любовью и пре-

данностью любимому: *bogdaj ja była skonała,/niźli – m tego doczekała./bodaj ' m była nie dożyła/ciężaru co ' m se kupiła.* (Kolb4 Kuj2; str. 34T,92N, nr 166), <разлучники сплетничают и разлучают возлюбленных>: этот мотив связывается с образом мутной воды в Дунае как метафорическое выражение слухов, вранья и сплетен, измены: *dunaju, dunaju, mętna woda w tobie,/a moja marysiu, gadają o tobie/gadają, gadają, niech się nagadają,/przecie im kiejkolwiek pyski po ustają/gadają, gadają, bodaj ze gadali,/bodaj ze się z tego licha (v.) smutku docekali...* (Kolb19 Kiel2 ; str. 127T, nr 423). Отметим, что *Дунай* в текстах польского фольклора выступает образом глубокой воды вообще, мифологизированным образом потустороннего мира. Об этом сообщает Е. Бартмински и У. Майер-Барановска: «Dunaj – zmitologizowany obraz wielkiej wody, centrum swojskiego świata, droga i zarazem granica ziemi błogosławionej; poetyzm o podstawowym znaczeniu ‘wielkiej, głębokiej, odległej wody’; w przysłowiach i pieśniach przybiera bogate znaczenia symboliczne: swobody, młodości, miłości oraz początku i końca granicy przestrzennej i życiowej» (Bartmiński J., Majer-Baranowska U., 1996: 167).

В статье намечены направления лингвокультурологического и когнитивного анализа концептосферы «Измена» сквозь призму идиоматики, фраземики и про-вербиальных единиц в польском и русском языках, освещены особенности семантического наполнения соответствующих концептов и фреймов в текстах традиционного фольклора, их символика, основные семантические мотивировки (интернациональные и национально-культурные) и когнитивно-дискурсивные особенности. Очевидно, стоит в этой связи обратиться к выражению данного концепта в художественном дискурсе и разных подкорпусах текстов и фольклора (ср. приметы, гадания, верования), в частности сквозь призму концептуальных метафор измены – телесных, пространственных, предметных, параметрических и т.д.

Литература

1. БСРП – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.
2. Запольская, Н.Н Спасение, любовь, милосердие: К вопросу о языковом моделировании культурных ценностей // Эволюция ценностей в языках и культурах. – М.: Пробел 2000. – С. 37-50.
3. Плав'юк, С. Приповідки, або українсько-народня філософія. Зібрав, підготував до друку та опублікував Володимир С. Плав'юк. Едмонтон: Канада, 1998. – 354 с.
4. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ Восток-Запад, 2007. – 314 с.
5. Приходько, А.Н. Концепты и концептосистемы: Монография. –Днепропетровск: Белая Е.А., 2013. – 307 с.
6. Фр.ГРНП: Галицько-руські народні приповідки. У 3-х т.: Red..І.Франко. 2-е вид. Львів: ЛНУ, 2006.
7. ФСРГСиб.: Фразеологический словарь русских говоров Сибири, ред. А.И. Федоров, Новосибирск: Наука, 1983. – 233 с.
8. ФССГД: Віктор Ужченко, Дмитро Ужченко Фразеологічний словник східнослобожанських і степових говірок Донбасу. – Луганськ: Альма-матер 2000. – 336 с.
9. Bartmiński J., Majer-Baranowska U. Dunaj w polskim folklorze // «Etnolingwistyka», n. 8, Lublin: UMCS, 1996, s. 167.
10. Bednarek , A. Zdrada – ucieczka ze świata wartości. Rozważania semantyczne // Polonistyka Toruńska. Uniwersytetowi w 50 Rocznicę Utworzenia UMK. Językoznawstwo. – Toruń 1996.- S. 125-134.
11. Błachnio, A. Psychologia zdrady. – Warszawa: Centrum Doradztwa informacji, 2008. – 172 s.
12. Buffa, F. Polsko-slovenský frazeologický slovník, Prešov: Náuka, 1998. – 276 s.
13. ČRFŠ – V.Mokienko, A.Wurm Česko-ruský frazeologický slovník Olomouc, 2002. – 660 s.
14. DereńSJPfr. – E. Dereń, T. Nowak, E. Polański, Słownik języka polskiego z frazeologizmami i przysłowiami, red.E.Polański, Warszawa 2008. – 526 s.

15. Muld.-Nieck. – Muldner-Nieckowski, S. Carofano-Bugajska, Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego, Warszawa 2003. – 1088 s.

16. NKPP – Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich, T.1-4., red. J.Krzyżanowski, S.Swirko, Warszawa 1969-1978.

17. SFJP – Skorupka S. Słownik frazeologiczny języka polskiego. R-Z. Warszawa: Wiedza powszechna 2002. – 908 s.

18. SJP – Słownik języka polskiego /red. B.Dunaj.- Warszawa: Wilga, 2005. – 900 s.

Summary. The article presents a semantic-cognitive structure of the conceptual sphere Treason in the Polish and Russian languages and conceptual image of the world reflected in idioms, stable similes, proverbs and sayings of the compared linguocultures based on the cognitive metaphorical representations (anthropomorphic, object, artifact, spatial codes, perceptual images, etc.)

Based on the methodology of linguoculturology and linguoconceptology (V.A. Maslova, I.A. Sternin, N.F. Alefirenko, S.G. Vorkachev, N.N. Karasik, and others), the article proposes frame-based modeling of the conceptual sphere Treason taking into account various subframes and profiles related to socially evaluative, bodily, modus and other manifestations of treason and loyalty in their conceptual, semiotic and pragmatic dimension (deception, perfidious behavior, apostasy, hypocrisy, revenge in their intertextual and national-cultural variability and synonymy of phraseologists units).

Key words: concept sphere of betrayal, profiling, frame, subframe, axiologeme, phraseme, paroemia, song folklore.

АУТОСУГГЕСТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ: ОБ ИХ ЗАРОЖДЕНИИ И ЭЛЕМЕНТЕ ХАОСА В ИХ СЕМАНТИКЕ

В.К. Харченко

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
wera_kharchenko@mail.ru

Не только во фразеологии (но во фразеологии это особенно заметно!) характеристика нарушений нормы превалирует над характеристиками соответствия высказывания нормативному положению, статусу вещей. Действительно, многие фразеологизмы предназначены оберегать человека от всяческих отступлений от правил (как с гуся вода, хоть бы хны, кричать во всю Ивановскую, семь пятниц на неделе). Сказанное тем более относится к фразеологизмам, структурно совпадающим с предложениями: *Ласковая теляти двух маток сосёт. Родня для бела дня, а как солнце зайдёт, её и чёрт не найдёт.* Противоположную, меньшую группу составляют фразеологизмы с положительным звучанием или с положительной коннотацией: *золотые руки, жить душа в душу. Есть не просит, а накормит* (о запасе). *Утро вечера мудренее.* В рамках этой второй группы поставим вопрос об аутосуггестивной фразеологии, то есть о таких фразеологизмах, которые помогали бы человеку превосходить заданные ему возможности, подстёгивали бы человека изнутри, но при этом оставались, строго говоря, фразеологизмами. Яркой особенностью фразеологизма является его некоторая непонятность, некий элемент хаоса в семантике. Создать, подарить языку такой элемент чрезвычайно трудно.

В литературе встречаются высказывания о ценности хаоса, защищающие саму идею будто бы неправильного, нелогичного. «Если даже вы в это выигрались, / Ваша правда, – так надо играть» (Б. Пастернак). О простоте: «Она всего нужнее людям, / Но сложное понятней им» (Б. Пастернак). «Лишь тот, кто меняется, верен себе» (из песни Вольфа Бармана). «Что мы знаем о лице? Ничего. И то – не все» (Борис Заходер). Эти примеры как нельзя лучше подходят под понятие хаотичности, некоторой недоговорённости, форма их тоже отвечает этой идее, однако такие сти-

хотворные строки уместнее отнести к сфере не фразеологии, а крылатологии. Иногда целый поэтический текст посвящён развенчиванию устойчивого мифа. Ср. в переводе: «Целостное нам не видно, оно чересчур / велико, не по плечу, не укладывается / у нас в голове, / зато всё, что на куски, в щепы, измолото, / крошево, пюре, распыление или распад – / всё, что разрозненно, намертво в нас засело» (Герлах Е., 2013: 59).

В прозаических текстах художественной литературы можно встретить высказывания, построенные на осознании некоторого хаоса (также выделяем эти части курсивом!): «Никого нет. Особенно в непогоду. Но старой женщине не скучно. Она не торопясь потрудится, помолится, отдохнёт. Пригреется на кровати: *так покойно, так тихо, словно в могилке*» (Борис Екимов). «Тебе как сделать: *хорошо или дешёво?*» (Денис Гуцко).

Возникает вопрос: можно ли разыскать в литературе потенциальные фразеологизмы, которые пока ещё, строго говоря, фразеологизмами не являются, но раскрывают дорогу, показывают путь возможной фразеологизации, и при этом выполняют очень важную для говорящего функцию аутосуггестии. По телевидению на канале «Культура» состоялась встреча с кинорежиссёром и психологом Алексеем Попогребским, на которой автор рассказывал, как помогает ему придумывать всевозможные сценарии долгая ходьба. Говорит: я даже называю это: «думать ногами» (Попогребский А., www). Другие примеры: «Работать надо навсегда. А навсегда – это надолго» (Веллер М., 2007: 340). «Переписывать любимые книги от руки. Лучше, чем переписыванием, их не прочитаешь» (Лебедев А., 2015: 8). Перед нами образцы возможных фразеологизмов. Можно даже сказать, что здесь без пяти минут аутосуггестивные фразеологизмы: *Думать ногами. Лучше, чем переписыванием книгу не прочитаешь. Работать надо навсегда, а навсегда – это надолго.* Поиск таких фразеологизмов и их популяризация требует заинтересованности, но, согласимся, встретить готовые «потенциальные фразеологизмы» чрезвычайно непросто. Ранее нам встречалось: «Когда монах переписывал книгу годами, он получал от этого очень важную дополнительную информацию. Мне этот опыт хорошо знаком, поскольку я сам однажды переписал от руки «Логико-философский трактат» Витгенштейна» (Новый мир, 2000, № 10. С.248). Мысль понятна, но только сфокусированная, сжатая информация оказывается близкой к фразеологизму. Нам дороги эти примеры и своей аутосуггестивностью, коррекцией собственных усилий, то есть выражением некоего способа превосходить изнутри заданные природой параметры.

Рассмотрим ещё ряд примеров (также выделяя высказывания о хаосе курсивом), где есть опровержение традиции, но «готовые» фразеологизмы пока отсутствуют.

В статье О.Н. Ежова были проанализированы темпорально-возрастные образы успеха и неудачи в жизни в свете концепции «*Расписание жизни*». «Методика датировки жизненно важных событий представляет собой достаточно гибкий инструмент, так как позволяет не только расширять возрастные рамки выборки, изменять сам список событий, но и использовать данную процедуру в качестве способа получения информации по другим, не относящимся непосредственно к проблеме жизненного пути, вопросам (оценка уровня притязаний, интеллекта, анализ мотивации и ценностного сознания, норм социальной мобильности)» (Ежов О.Н., 2004: 67). «Многие из нас уже и теперь, особенно между молодёжью, стали хвастаться не в меру русскими доблестями и думают вовсе не о том, чтобы их углубить и воспитать в себе, но чтобы выставить их напоказ и сказать Европе: «Смотрите, немцы: мы лучше вас!» Это хвастовство – губитель всего... Наилучшее дело может превратиться в грязь, если только им похвалишься и похващаешь. А у нас, ещё не сделавши дела, им хвастаются! *Хвастаются будущим!*» (Гоголь Н.В., 1978: 263). С. Дурьлин приводит слова Иосифа Гофмана: «*Большинство пианистов стремятся сыграть больше того, что есть в нотах; я лично могу доказать, что они не доигрывают и того, что есть в нотах*»

(Дурыйлин С., 2013: 119). «Плача, мы как бы упрекаем кого-либо в жестокости» (Вилма Л., 2007: 260). «При этом традиция «взвешенного журнализма» особенно сильна в США, в любой дискуссии там стремятся выслушать обе стороны, участвующие в спорах» (Брюггеман, 2015: 59). «С тех пор он любил повторять, что все большие дела надо затевать вопреки всякой логике, и только тогда можно преуспеть и чего-то достичь» (Семёнов Г., 1979: 85). «Наташенька, пока вы не доведёте дело до конца, вы не узнаете, были вы правы или нет» (Бехтерева 2009: 203).

Расписание жизни; хвастаться будущим; доигрывать всё, что в нотах; плача, мы упрекаем; взвешенный журнализм; вопреки логике; только закончив дело, мы узнаём, правы мы были или нет... Альтернативная мысль выражена через опрокидывание привычного способа её выражения – это есть и это бесспорно. Но задумавшись, чего недостает, что отсутствует. Этим словосочетаниям, как, впрочем, и предыдущим, с одной стороны, недостаёт пространства известности, чтобы стать фразеологизмами, а с другой – недостаёт некоторой доли хаоса, некоторой недоговорённости, загадочности в их семантике для более яркого выражения фразеологической мысли.

Попробуем создать на основе приведённых высказываний фразеологизмы: *хвастаться несделанным, хвастать планами, диктат расписания жизни, отстать от расписания, зовущий диктат нотного текста, не придумывай, а доигрывай, слёзы ещё и упрёк; взвешенный журнализм; большие дела требуют нарушенной логики; красноречие конца работы, откровение конца.*

Мы коснулись очень серьёзного аспекта проблемы – создания фразеологизмов. Можно взять группу других примеров.

«Это был один из обычаев дома: после захода солнца не ходить к колодцу. Из уважения к Медее и этот, и другие необъяснимые законы всеми жильцами строго соблюдались. Впрочем, *чем закон необъяснимей, тем и убедительней*» (Улицкая Л.Е., 1999: 38). Кредо Венички Ерофеева: «*Всё должно происходить медленно и неправильно*».

В высказываниях «хаос» есть, но аутосуггестивное начало выражено слабее. Возможной аутосуггестивности отвечают идее следующие контексты.

«*Антиинтенсивный сценарий* обеспечивает тихий сход российского общества с исторической арены. Речь о том, что Россия сможет сохраниться только в том случае, если в нашем обществе найдётся *потенциал к позитивному самоизменению*» (Яковенко И., 2005: 183). «*Если что-то и стоит делать, то только то, что принято считать невозможным*» (О. Уайльд). «*Когда изучаешь нечто, это «нечто» как будто исследует твою способность постичь его устройство*» (Знание – сила, 2009, № 4. С. 115-116).

В приведённом блоке примеры отвечают требованию аутосуггестивности, но хаотичность выражена многословно.

Русский человек логоцентричен (словоцентричен!), а это значит, что он весьма подвержен влиянию литературы. Однако и обычная речь содержит немало внешне хаотического, но внутренне цельного материала. И здесь тоже есть немалое поле для создания новых фразеологизмов.

[Учительница 31 г.:] Муж мне говорит: Ну, ты, такая училка, зануда! – А мы уже не видим себя! ОПЫЛИЛИСЬ ДРУГ О ДРУГА! (07.05.2012). [Тверь, на защите диссертации, член совета, подготовивший два вопроса, председателю:] Если можно, я б два раза встал. ПОТОМУ ЧТО КОГДА ЗАДАЁШЬ ДВА ВОПРОСА, ТО ОДИН СТРАДАЕТ (29.10.2013). [Доцент 59 л. по телефону:] Как в старину говаривали: до 70 лет – жизнь, после 70 – труды и болезни, но «БОЛЕЗНИ» – СИНОНИМ ТРУДА, такое было значение! (09.09.2012). [Ректор:] Неужели мы не найдём никаких струнок, за которые мы можем зацепить наших соотечественников за рубежом? Всё будем оплачивать: перелёт, питание, кормление. Чтоб Нобелевский лауреат приехал... ЕСЛИ ДЕЛАТЬ ЧТО-ТО, ТО ДЕЛАТЬ ЧТО-ТО, ЧЕГО НЕТ НИГДЕ! (15.03.2013). [На

пляже мужчина лет 60 кричит с берега начинающему плавать:] Нормально! Сейчас уморишься. **ГЛАВНОЕ – ВЫМАРИВАТЬСЯ**, а руки пойдут! (30.05.2013). [Кандидат наук, 32 г., Тбилиси:] Я говорю: ты хоть монографию написала? Я вот уже половину написал. Хочу её вот к весне опубликовать. Ну, как-то потихоньку хоть зарабатывать. Говорит: времени нет совершенно! Говорю: ты хоть потихоньку добавляй, **ЕГО, ВРЕМЕНИ, НИКОГДА НЕ БУДЕТ!** А если б у тебя был бы муж и ребёнок? (30.05.2013). [Мама лет 26 сыну лет 6 подбегая к маршрутке:] **ШЕВЕЛИТЬСЯ НАДО УМЕТЬ!** А ты прямо совсем! Я сказала: телефон спрячь! (08.08.2013). [Женщина лет 55 мужчине лет 60, занимающиеся спортом утром у реки, об объёме нагрузки:] Мне тяжело... – **НАДО ПРИУЧИТЬ СЕБЯ, ЧТОБЫ ТЫ САМА СЕБЯ СЛЫШАЛА!** (26.08.2013). [Профессоры женщины в гостинице. Разговор о чеховской «Душечке»:] Толстой восхищался! Так много случаев в классике: **ХОТЕЛ ПРОКЛЯСТЬ – А БЛАГОСЛОВИЛ!** Талант классики! (27.09.2013). [Разговор профессоров 65-70 л.:] Я прихожу к мысли, что **НАДО СНАЧАЛА СТАТЬ ДОКТОРОМ, А ПОТОМ ЗАЩИЩАТЬ ДОКТОРСКУЮ ДИССЕРТАЦИЮ!** Ведь раньше до 38 лет нельзя было и думать о докторской! И ведь что-то за этим было правильное! А сейчас защитят и почивают на лаврах! Никто ничего! (17.10.2013). [Доцент 52 г. на кафедре о бывшем декане:] Мне Кукушкина говорит: **ЧЕМ БОЛЬШЕ ОН НА ТЕБЯ КРИЧИТ – ТЕМ БОЛЬШЕ НА ТВОЙ РОТ БЛАГОДАТИ!** Но если справедливо ругает, то не будет благодати (24.10.2013). [Доцент 57 л. комментирует изменения в поведении продавцов:] Это ж бизнес-улыбка, капитализм! **НАДО ПОГОВОРИТЬ ТАК С ЧЕЛОВЕКОМ, ЧТОБ ЕМУ ЗАХОТЕЛОСЬ ПОГОВОРИТЬ С ТОБОЙ ЕЩЁ РАЗ!** (04.11.2013). [Психолог 64 л. отвечает знакомой:] А как Вы находите такие шляпки? – **ЕСЛИ ВЫ ИЩЕТЕ ВЕЩЬ, ОНА К ВАМ ПРИДЁТ!** Я сказала: я пересплю с этой мыслью! Так я не просто переспала – я достала всё своё хламьё... (19.11.2013). [В прошлом преподавательница, доцент 83 г.:] Я всегда говорила так: **ЧЕМ СТАРШЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ, ИМЕННО ПРЕПОДАВАТЕЛЬ, ТЕМ БОЛЬШЕ ОН ДОЛЖЕН НА СЕБЯ ОБРАЩАТЬ ВНИМАНИЕ!** (09.04.2014). [Доцент 52 л. об отмене надбавок за научные успехи:] Мы не остановимся уже! И **ЧЕМ БОЛЬШЕ ПИШЕШЬ, ТЕМ БОЛЬШЕ ЗНАЕШЬ, О ЧЁМ ПИСАТЬ!** Бесплатно нигде сейчас не публикуют (12.05.2014). [Подруги лет 17 идут по рынку. О покупке новых вещей:] Надо ещё нарядиться. А **ЭТО, МЕЖДУ ПРОЧИМ, САМОЕ СЛОЖНОЕ!** (29.06.2014). [Тверь. Свободная дискуссия. Профессор:] По нашему мнению, **АКСИОМА – ЭТО ПОЛОЖЕНИЕ, ИНТУИТИВНО ПОНЯТНОЕ!** (13.10.2014). [Попугчица-строитель 66 л.:] Я редко-редко захожу в Интернет, это такая помойка! **ЕСЛИ ТЫ БУДЕШЬ СИДЕТЬ В ИНТЕРНЕТЕ – ТЫ НЕ СДЕЛАЕШЬ НИЧЕГО!** Я только по скайпу. Поговорили – и всё! Потрепались. Во-первых, мне приятно видеть собеседника. Тут ты напрямую! Я включила – кому я нужна – звонят! (19.11.2014). [Попугчица-менеджер 59 л.:] Мне говорят: главное – ребёнка накормить! Нет, ребята! **ГЛАВНОЕ – ЧТОБ МАТЬ БЫЛА СЫТА. ПОТОМУ ЧТО СЫТАЯ МАТЬ ВСЕГДА РЕБЁНКА НАКОРМИТ!** (22.11.2014). [Свободная дискуссия, профессор 70 л., г. Брянск:] В **НАУКЕ ВСЕГДА ДОЛЖНА БЫТЬ КРИТИКА!** Я очень разочарован, что индивидуальный лексикон стал «средой». Не является он средой! (28.11.2014). [Священнослужитель лет 55:] Можно по-разному относиться к церкви, но нельзя не согласиться с тем, что церковь обладает **ВНУТРЕННИМ ПОТЕНЦИАЛОМ ПРЕОБРАЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА** (01.12.2014). [Профессор 49 л. в ресторане о мешающих правильно оценить ситуацию тревогах:] А это всегда так! **ЧЕМ БОЛЬШЕ ДУМАЕТСЯ, ТЕМ ХУЖЕ СООБРАЖАЕТСЯ!** (07.12.2014). [Смотрительница лет 60 в музее М. Сарьяна, Ереван, знакомой:] И девушки такие высокие, хохочат (sic!), с ума сходят от смеха. Ну, в общем, что можно сказать? Ну, **ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК ЧЕГО-ТО ХОЧЕТ УВИДЕТЬ, ОН ОБЯЗАТЕЛЬНО УВИДИТ!** (09.12.2014) [Харченко 2016: 131-163].

Среди приведённых фраз немало высказываний аутосуггестивных: *в науке должна быть критика, чем больше пишешь, тем лучше знаешь, о чём ещё надо писать* и т.п. Здесь есть элементы хаоса, некоторой непонятности. «Но может ли фи-

лософ говорить «понятно»? Услышав тишину, он должен сказать, а уж **понимать** – это наше дело. Схватить сознанием текущие образы и оправить их в содержательные формы, извлечь предметный смысл из представленных символов и выплавить из всего этого **понятие** и **термин** – вот что должен сделать каждый, кто серьёзно относится к своей профессии» (Колесов В.В., 2002: 126). По существу, хаотическое во фразеологии, как и в философии, есть выражение понятного через непонятное. «Главное для гуманитария – чуткость к целостной динамике и перспективам современной цивилизации, включая развитие науки и техники. Чем дальше продвигаются различные области знания по своим специфическим траекториям, тем ближе они к гуманитарной проблематике», – утверждает М.Н. Эпштейн (Эпштейн М.Н., 2016: 445). Во всяком случае, стоит признать и мнение польского исследователя: «А может быть, наш разговор о будущем мире потребует нового словаря? В любом случае, перед лицом всё более явственной разнородности мира мы всё чаще чувствуем ограниченность традиционного языка» (Капуцинский Р., 2009: 80).

Таким образом, мы затронули как минимум три аспекта проблемы. Можно ли создать фразеологизм? Нужны или нет самому говорящему аутосуггестивные фразеологизмы? и Каков уровень «хаоса» в их семантической структуре? Все эти аспекты касаются его-фразеологии, но, может быть, именно она и будет отвечать современным чаяниям языка в целом.

Литература

1. Веллер, М. Моё дело: Не роман. – М.: АСТ, 2007. – 354 с.
2. Виилма, Лууле. Как стать счастливым. Пер. с эстонского. – Рига: Изд-во АЛПИС, 2007. – 668 с.
3. Герлах, Ева. Крошево // Дружба народов. – 2013. – № 11. – С. 59.
4. Гоголь, Н.В. Собрание сочинений в 7 томах. – М.: Худ.лит, 1978. – Т. 6.
5. Для чего нужна научная журналистика? Журнальное обозрение // Знание – сила, 2015. – № 2. – С.53-59.
6. Дурьлин, С. В зале консерватории // Москва, 2013. – № 12. – С. 90-122.
7. Ежов, О.Н. Жизненный путь как поход в социологии и социальной работе // Социальная политика и социология, 2004. – № 4. – С. 58-68.
8. Капуцинский, Рыцард. Стремнина истории. Главы из книги // Звезда, 2009. – № 10. – С. 80-84.
9. Колесов, В.В. Философия русского слова. – СПб.: ЮНА, 2002. – 448 с.
10. Наталья Бехтерева – какой мы её знали. Под общей редакцией С.В. Медведева. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2009. – 256 с.
11. Лебедев, Андрей. На гобеленах. Малая проэзия // Октябрь. – 2015. – № 6. – С. 7-55.
12. Попогребский, Алексей. <https://www.youtube.com/watch?v=iCtmBuwd-o,lfnf>, дата обращения: 17.12.2018.
13. Семёнов, Георгий. Голубой дым: Повесть и рассказы. – М.: Современник, 1979. 382 с.
14. Улицкая, Л.Е. Медя и её дети. – М.: ВАГРИУС, 1999. – 337 с.
15. Харченко, В.К. Антология разговорной речи: В 5 тт. Том 3. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 210 с.
16. Эпштейн, М.Н. От знания к творчеству: Как гуманитарные науки могут изменять мир. – М.-СПб.: Центр гуманитарных исследований, 2016. – 480 с.
17. Яковенко, Игорь. В тисках душевной шири // Нева, 2005. – № 2. – С. 160-188.

Summary. The article presents an analysis of the potential processes in modern fictional and colloquial discourse, which leads to the raise of new idiomatic expressions. The questions about the obligatory part of chaos within the semantics of an idiom and about the necessity of creation of ‘auto-suggestive idioms’ which will stimulate a person from the inside are posed. The numerous speech units of colloquial discourse which are able to become ‘auto-suggestive idioms’ are under analysis.

Key words: autosuggestion phraseology, randomness, creation of phraseological units, semantic structure of a phraseological unit.

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Е.М. Шевченко, Е.С. Данилова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
shevchenko_em@bsu.edu.ru, elena_danilova@bsu.edu.ru

Понятие «картина мира» определяется в словаре культуры как система интуитивных представлений о реальности (Руднев В.П., 2001: 127). Объективного реальность представляется в научном осмыслении в виде двух миров: концептуальной картины мира (ККМ) и языковой картины мира (ЯКМ). Картина мира схематизирует действительность. В процессе осмысления окружающей действительности человек оперирует различными репрезентациями мира, представленными в виде когнитивных картин и моделей, отражённых в языке. На ментальном уровне данные понятия, концепты структурированы определенным образом. ККМ связана с отражением мира нашим сознанием в виде понятий, представлений, концептов. По определению А.А. Леонтьева, концептуальная картина мира представляет собой «отображение в психике человека предметной окружающей действительности, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающиеся сознательной рефлексии» (Леонтьев А.А., 1993). Концептуальная картина мира взаимосвязана с языковой картиной мира. Языковая картина мира представляет собой мировидение через призму языка (Яковлева Е. С., 1996: 47), социально значимую модель знаков, которая содержит информацию об окружающем мире. ЯКМ вербализует концептуальную картину мира, то есть выражает ее средствами языка. Окружающая действительность получает свое преломление в нашем сознании в виде понятий, которые выражаются словами. Таким образом, по мнению многих ученых, образуется цепь: действительность – понятие – слово. В данной цепи действительность первична, а понятие и слово вторичны, причем слово является вербальной репрезентацией понятия, посредством которого мы осознаем объективную действительность. Поскольку ЯКМ находит свое выражение посредством того или иного языка, она носит ярко выраженный национальный характер. «Соответственно, каждый народ (этнос), каждая лингвокультурная общность обладает своей национальной картиной мира, которая формирует тип отношения человека к миру, природе, другим людям, самому себе как члену этого общества, определяет нормы поведения, в том числе речевого поведения человека в обществе. Национальная картина мира определяет национальную языковую картину мира данного этноса» (Закирьянов К.З., 1995: 25). Наиболее ярко и четко отражает «дух народа» фразеологическая картина мира, под которой понимается часть ЯКМ, объективируемой фразеологическими единицами. Фразеологическая картина мира репрезентирует знания о мире на уровне обыденного сознания, являясь «наивной картиной мира». Природа значения устойчивых единиц тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке. Фразеологизмы фиксируют стереотипы, которые во многом определяют поведение людей, влияют на их сознание и через призму которых происходит восприятие людьми друг друга. В.А. Маслова определяет стереотип как «некоторый фрагмент концептуальной картины мира», «ментальную картинку», устойчивое культурно-национальное представление о предмете или ситуации. В стереотипах отражается и национальный характер, и особенности культуры данного сообщества, и оценка тех или иных качеств объекта, принятая в обществе, т.е. стереотипы всегда национальны» (Маслова В.А., 1997: 110). Именно фразеологизмы «...ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифоло-

гемами и в употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» (Телия В.Н., 1996: 36). Объектом нашего исследования стали гендерные стереотипы на материале паремий, под которыми мы, вслед за А. В. Куниным, понимаем фразеологизмы, имеющие структуру сложного предложения. Образования же, выходящие за пределы сложного предложения, не являются единицами языка и не могут поэтому быть фразеологизмами (Кунин А.В., 1996: 27), что помогает дифференцировать ФЕ-паремии (пословицы, поговорки) от других малых фольклорных жанров – прибауток, загадок, считалок и т.п. Пословицы и поговорки – особые единицы/знаки языка, передающие особую информацию и обозначающие наиболее типичные мысленные и жизненные ситуации, а также отношения между теми или иными объектами (Постовалова С.М., 1999: 26).

Анализ фактического материала показал, что многие гендерные паремии в английском языке базируются на основе лексических оппозиций: “man”/“woman”, “husband”/“wife”, “male”/“female”, “master”/“mistress”, “father”/“mother”, имена собственные, к примеру, “Jack/ Jill”.

Интересно отметить, что в английском языке для идентификации лексемы “man” в гендерном аспекте необходимо наличие лексемы “woman”, как, например, в пословице: ***A man without a woman is like a ship without a sail.*** *Мужчина без женщины, как корабль без паруса*, которая указывает на дихотомию “man”/“woman” как в лингвистическом плане в английском языке, так и на уровне обыденного сознания, то есть стереотипов. Женщина является направляющей силой как в русском «*Муж – голова, а жена – шея*», так и в английском: ***Man is the head of the family and woman is the neck that turns the head.*** *Женщина – залог успеха мужчины. Behind every successful man is a woman.* Отсюда очевидна важность выбора для мужчины второй половины, что концептуализируется в паремии: ***Three things drive a man out of his house: smoke, dropping of rain and wicked wives.*** – *Мужчину могут выгнать из дома три вещи: дым, капли дождя и злые жёны.* Все девушки хороши, но откуда же тогда берутся плохие жены: ***All are good lasses, but whence come the bad wives?*** С одной стороны, женщина может превратить жизнь мужчины в ад, а с другой украсить: ***A good wife and health is a man's best wealth*** – *С доброй женой горе – полгоря, а радость в двойне. Good wife makes a good husband* – *У хорошей жены и муж хорош.* В русской языковой картине мира интересна паремия, высвечивающая стереотипы относительно ключевой роли мужа: *У хорошего мужа и свинка – господинка.* Как в английском, так и в русском языках зафиксированы паремии, указывающие не только на неразрывную взаимосвязь мужчины и женщины, но и сложность взаимоотношений: ***Man, woman and devil are the three degrees of comparison*** – ‘*мужчина, женщина и дьявол это три степени сравнения*’. Данная юмористическая паремия отводит далеко не лучшую роль женщине по сравнению с мужчиной. В русском языке существует схожая, но не идентичная в плане смыслового наполнения пословица: *Муж да жена – одна сатана*, репрезентируемая дихотомией «муж – жена» в отличие от английской версии «man – woman». Ключевым объединяющим моментом двух паремий является апелляция к inferнальным сущностям, придавая юмористический окрас и указывая на всю сложную гамму взаимоотношений.

Древнейшим гендерным стереотипом является представление о том, что «женщина – хранительница очага», что концептуализируется в английском языке в виде пословицы: ***A woman's place is in the home*** в дословном переводе: «*Место женщины – в доме*». ***Men make houses, women make homes*** – ‘*мужчины строят дома, женщины создают в них уют*’. ***The wife is the key of the house*** – ‘*женщина – это ключ от дома*’. С другой стороны, архитипичная роль «мужчины – добытчик», что репрезентировано народной мудростью: ***He that has a wife and children must not sit with his fingers in his mouth*** – ‘*у кого есть жена и дети не должны сидеть дома посасывая пальцы*’. В то время когда мужчина-добытчик занят

поисками «мамонта» и освоением внешнего враждебного пространства, роль женщины-хранительницы ограничена домашними хлопотами, бесконечной рутинной: **A woman's work is never done**, что в дословном переводе: «Женский труд никогда не заканчивается». Обитель женщины – дом, с которым она настолько сливается, что рассматривается как предмет мебели, актуализированный лексемой «furniture» в паремии: **The best furniture in the house is a virtuous woman**. В английской ФКМ это характеризует добродетельную жену: *Добрая жена дом бережет, а плохая рукавом разнесет*. Тем не менее, чрезмерная поглощенность домашней рутинной *a tidy house*, как в пословице с негативной коннотацией **A tidy house holds a bored woman**, не является залогом женского успеха и счастья, ведя к скуке *a bored woman*. Народная мудрость гласит: *Красота – в глазах любящего – Beauty lies in lover's eye. If Jack's in love, he's no judge of Jill's beauty*. Влюбленный Джек – не судья красоты Джилл.

Согласно древним стереотипам чрезмерное внимание к внешности характеризуют женщину как скверную хозяйку, что репрезентировано в паремии: **The wife that loves the looking-glass hates the saucepan**. Во многих культурах архитипичен стереотип «ум женщины – в красоте, красота мужчины – в уме», при этом женская красота, как правило, связана с глупостью: **Women have long hair and short brains** – ‘у женщин длинные волосы и короткий ум’. **Women are wacky, women are vain; they'd rather be pretty than have a good brain** – ‘женщины пусты, женщины тщеславны; они предпочитают быть красивыми, чем иметь мозги’. Следующая паремия имеет негативную коннотацию относительно представлений о женском возрасте: **A man is as old as he feels, and a woman as old as she looks**.

Архетипичны представления о слабом поле как о болтливых созданиях: **A sieve will hold water better than a woman's mouth a secret** – ‘сито лучше удержит воду, чем женский рот секрет’. **Silence is a woman's best garment** – *Добрую женою и муж честен. A woman's tongue wags like a lamb's tail* – *Бабий язык, куда на завалишь, достанет*.

Другая пословица указывает на позитивные тенденции, связанные со смещением ролей и приобретением женщиной большей самостоятельности: **Where the mistress is the master the parsley grows the faster** – ‘где хозяйка является хозяином, там быстрее петрушка растет’.

Универсальным гендерным стереотипом является роль женщины – матери: **The foot on the cradle and hand in the distaff is the sign of a good housewife**. Безгранична материнская любовь: **Every mother thinks her own gosling a swan** *Всякая мать считает своего гусенка лебедем*. В русской языковой картине мира: *Дите хоть и криво, а отцу-матери диво*. Влияние обоих родителей на будущую личность ребенка колоссально, что зафиксировано во ФКМ в виде: **like mother, like daughter** – *Какова мать, такова и дочь*. В русской ФКМ: *Какова матка, таковы и детки. Яблоко от яблони далеко не падает. like father, like son* – *Каков отец, таков и сынок. Каково дерево, таков и клин. Яблоко от яблони далеко не падает. Many a good father has but a bad son* – *У многих хороших отцов плохие сыновья. Miserly father makes a prodigal son* – *У отца-скряги сын может оказаться мотом*.

Таким образом, некоторые выявленные гендерные стереотипы во фразеологической картине мира на материале паремий носят универсальный общекультурный характер, концептуализируясь в виде архитипичных представлений: женщина и мужчина единое целое, женщина – хранительница очага, мужчина – добытчик, ум женщины – в красоте, красота мужчины – в уме и других. Важно отметить, что для идентификации лексемы man в паремиях английского языка необходимо наличие триггера woman. В целом, неотъемлемым компонентом гендерных паремий являются оппозиции: “man”/“woman”, “husband”/“wife”, “male”/“female”,

“master”/“mistress”, “father”/“mother”, что обусловлено грамматической структурой языка.

Литература

1. Закирьянов, К.З.. Отражение языковой картины мира в языковом сознании билингва. – Язык и культура. – Уфа, 1995. – С. 25.
2. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., перераб. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 232 с.
3. Леонтьев, А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. – С. 16-21.
4. Маслова, В.А. Введение в лингвокультурологию: Учебное пособие – М.: Наследие, 1997. – 208 с.
5. Постовалова, С.М. Механизмы создания фразеологической образности. – М.: АртЪ, 1999. – 218 с.
6. Руднев, В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века : Ключевые понятия и тексты. – М.: Аграф, 2001 . – 599 с.
7. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
8. Яковлева, Е.С. К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. – 1996. – №1-2-3. – С. 47-56.
9. ABBYYLingvoCD'12 [Electronic resource] : dictionary : ABBY Software, 2008. – 1 CD-ROM

Summary. This article spotlights on the notions picture of the world, scientific picture of the world, linguistic picture of the world, phraseological picture of the world. Authors consider some gender stereotypes in English phraseological picture of the world paying attention to the lexical oppositions “man”/“woman”, “husband”/“wife”, “male”/“female”, “master”/“mistress”, “father”/“mother”, proper names “Jack/ Jill”.

Key words: linguistic picture of the world, gender stereotypes, idioms, lexical oppositions.

САКРАЛЬНОСТЬ ЯЗЫКА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АСПЕКТ

О. В. Шкуран

ЛНР, г. Луганск, Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко
oksana.shkuran@mail.ru

Язык лежит в основе формирования и дальнейшего развития культуры каждого народа. Он представляет собой вместилище сакральных смыслов и ценностей и является основой бытия культуры. Посредством языка сакральное манифестирует себя в духовном пространстве. Согласно М. Хайдеггеру, язык – это «дом бытия», в котором хранится его истина (Хайдеггер М., 1993: 428). Он является местом и временем обретения сакрального статуса и существует как реальность особого рода, той духовной субстанцией, благодаря которой глубокое и невыразимое по своей природе сакральное начало обретает свое бытие.

Понятие сакрального в теологии, как и в религиоведении, является утверждающим бытие Бога. Так, анализируя понятие святости, Павел Флоренский прежде всего пишет: «..когда Бог в Ветхом Завете называется Святым, то это значит, что речь идет о Его надмирности, о Его трансцендентности миру...» (Флоренский П.А., 2000: 131-132). Священное предстает здесь как конкретное положительное содержание. Это утверждение исходит из того, что природа сакрального является божественной и онтологически утверждена в Боге.

Но понятие сакральности в новом тысячелетии уже вышло из-под «покровительства» выше названных наук, а стало предметом изучения аксиологии, когнитологии, лингвокультурологии, фразеологии, экзистенциальной лингвистики и др. В

контексте смежных наук сакральность выступает как метакатегория, категория, экзистенциал (Шелюто, Ильченко, 2016: 17).

Согласно взглядам греческих философов-классиков Сократа, Платона, Аристотеля существует неразрывное единство истинного, нравственного, прекрасного и сакрального. Начиная с афинской школы и заканчивая школой неоплатоников, связывается идея прекрасного со сферой сакрального, божественного.

Общее значение понятия сакрального (от лат. sacer – «посвященное богам», «священное», «запретное») – святое, священное. Такая мировоззренческая категория «воспринимается сознанием, как принципиально отличная от обыденной реальности и исключительно ценная» (Забияко А.П., 1998: 19). Многие исследователи (В. Ильченко, В. Исаев, Е. Цепковская, В. Шелюто и др.) связывают сакральное со значением отделенности, сокрытости, неприкосновенности, ему также устанавливаются значения 'увеличиваться', 'набухать', а в контексте культуры – 'исполненное благодатной иночеловеческой силой' (Левит, 1998: 34).

В определении сакрального ученые выделяют философский, культурологический, конфессиональный, феноменологический, лингвистический и др. подходы.

В данном исследовании нас интересует лингвистический подход, а он, на наш взгляд, начинается с такого сакрального источника, как Библия. Больше двух тысячелетий назад в наш язык вошло слово греческого происхождения *Библия* (*Благая Весть*), которая оказала значительное влияние на формирование истории, языков и стала первым образцом сакрального источника. Целый свод трудов Ветхого и Нового Заветов состоит из семидесяти семи книг, христианской церковью они признаны Божественными, так как написаны Святыми Отцами под воздействием и при помощи Духа Божьего. В течение полутора тысяч лет книги Ветхого и Нового Заветов неоднократно переводились более чем сорока различными авторами. По мнению маркетологов, Библия признана самым продаваемым и читаемым изданием всех времен и народов, среднегодовой объем продаж которого составляет 100 млн. экземпляров.

В отечественном языковедении на протяжении последних двадцати лет к библейским источникам и, в частности, к Евангелию сохраняется повышенный филологический интерес, а, именно, обращение к отдельным сакральным характеристикам библейских текстов как религиозным дискурсам (Ю.И. Юдин 1992, Л.В. Стрижко 1995, М.Л. Ковшова 1996, В.Н. Телия 1996, Т.Г. Никитина 1998, В.И. Карасик 1999, Е.В. Родионова 2000, Т.Б. Назарова 2001, В.А. Мендельсон 2002, А.К. Гадомский 2004, А.В. Арапов 2008 и др.); к лексическим единицам, содержащим сакральный лингвомаркер (И.А. Королева 2003, Т.Н. Бурмистрова 2008, Т.В. Кузьмина 2011 и др.); к сакральным идиомам (Н.А. Воробьева 2007); к библеизмам как сакральной фразеологической и лексикографической единице (В.М. Мокиенко 1995, С.Г. Шулежкова 1995, Мжельская 2008, Л.Б. Байрамова 2012, Николаюк 2012, Д. Балакова 2012, Х. Вальтер 2012, В.М. Мокиенко 2017 и др.) и способствуют расширению исследовательского континуума. Как отмечает О.В. Ломакина, в русском и европейских языках библейские фразеологизмы не имеют полного соответствия ни в плане содержания, ни в плане выражения; различается количественный состав библеизмов (Ломакина О.В., 2018: 24). В современной российской фразеологии параллельно используются разные термины, например *библейские слова* (Н. Николаюк), *библейские изречения* (А.В. Медведев), *библейские выражения* (А. Бирих, Й. Матешич), *библейские крылатые слова*, *крылатые выражения* (А.К. Бирих, Й. Матешич, В.Л. Ширяев, С.Г. Шулежкова), *библейские обороты*, *библейские цитаты* (Е.М. Верещагин), *библейские фразеологизмы* (В.Г. Гак, Л.М. Грановская, И. Гури, К.Н. Дубровина, Л.В. Жильцова, Л.Г. Кочедыков), *фразеологические библеизмы* (В.М. Мокиенко, Т.М. Шихова), *библейские фразеологические единицы (БФЕ)* (Ю.А. Гвоздарев, В.А. Мендельсон), *фразеологические единицы, восходящие к Библии* (З.И. Семенова) и др. – для обозначения любой связи некоего элемента текста с Биб-

лией. Иногда связь с Библией как источником образования фразеологизмов условна. Такие языковые единицы названы псевдобиблеизмами (В. Хлебда), максимально проявляющими национальное своеобразие любого языка.

Немного позже представители уральской лингвистической школы (Н.И. Коновалова 2007, Н.А. Воробьева 2007 и др.) относят в широком сакральном смысле и диалектные тексты как лингвокультурологический феномен, которые отражают устные народные традиции для исследования пралогической, языческой, дохристианской картины мира (Коновалова Н.И., 2007: 6). Ученая считает, что церковные тексты отражают религиозные каноны, связанные с традициями церковнославянской письменности, а не с живой духовной культурой русского народа. На данную точку зрения повлияли идеи основоположника немецкой лингвистической школы В. фон Гумбольдта, который развил учение о непрерывном творческом процессе и внутренней форме слова, превращающей язык в «зеркало мира» (Гумбольдт В., 1984, 4). Исследование сакрального содержания национальных языковых форм сподвигает ученых на определение четкого понятия языковой сакральности.

В нашем исследовании мы под этим термином понимаем универсальную метакатегорию, определяющую ценностно-смысловое существование в этическом, эстетическом, правовом, политическом смысле, в которых присутствует вера и доверие к Богу и миру. Бинарная оппозиция 'сакральное (священное)' – 'профанное (десакральное, обмирщенное)' являются ключевыми для языкового сознания. То есть сакральное может присутствовать в обыденной жизни языковой личности как ценностный ориентир для человека и для общества в целом в том виде, в каком человек испытывает глубокую привязанность и ставит его в систему личностных идеалов. Например, концепт «Подвиг» имеет несколько сакральных составляющих, среди них: 'движение', 'стремление' и 'борьба, упражнения для достижения духовного роста, великое и трудное дело'; древнерусский язык сохранил старославянское слово *по-двигать* – *подви(г)нуть*, т.е. подвигаться на духовные испытания (Шкуран О.В., 2018: 530-535).

Развитие и формирование нравственных ценностей начинается в дохристианский период, когда на первом месте оказываются дохристианские мифы, легенды, волшебные сказки. По словам натурмифологов, «через язык можно постичь духовную жизнь самого народа, когда в слове видно не случайное сочетание звуков, а «живой отголосок ощущений, воззрений, нравственных, умственных и религиозных убеждений народа» (Новиков М.В., Перфилова Т.Б., 2016: 209). Русский мифолог Ф. И. Буслаев, полностью разделяющий мнение немецкого камертона Я. Гримма, утверждал о неразрывности процессов культурно-исторической динамики, о неразторжимости современности с начальными формами цивилизации. Именно они запрограммировали сакрально-нравственные, ментально-аксиологические ориентиры будущей народности. Ученики Федора Ивановича А.Н. Афанасьев, А.А. Потебня писали о наличии народной души, об универсальности мифологической сущности народной поэзии, а славянист А.Л. Топорков настаивал на мощном воздействии мифических верований дохристианского периода развития человечества на поведение человека. В примитивной культуре, по словам британского антрополога Б.К. Малиновского, миф выполнял незаменимую функцию: «Он выражает, укрепляет и кодифицирует веру; он оправдывает и проводит в жизнь моральные принципы; он подтверждает действенность обряда и содержит практические правила, направляющие человека» (Малиновский Б., 1998: 95). Таким образом, миф явился существенной составной частью человеческой цивилизации; он оказался не праздною сказкой, а активно действующей силой, прагматическим уставом примитивной веры и нравственной мудрости. Например, концепт «Богатырь» впервые употребил в 1585 г. поляк Серницкий в научном сочинении «Описание старой и новой Польши, с разделением старого и нового» («*Descriptio veteris et novae Poloniae cum divisione ejusdem veteri et nova*») применительно к русским. О. Фролов предположил, что лек-

сема 'богатырь' образовалась от двух слов *Бог* и *алатырь*, трансформированное в «-атырь». Алатырь – это священный камень, по мифам, которому поклонялись славяне-язычники, поэтому *богатырь* – это бог-камень или полубог. Ф.И. Буслаев же считал правильным утверждать христианское происхождение лексемы: *Бог* ← *богатырь* ← *богатырь* – тот, кому помогает Бог (Шкуран О.В., 2018: 3-5).

Таким образом, основоположник мифологической школы в России Федор Иванович Буслаев при защите магистерской диссертации «О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию», датированное 1056-1057 гг., проводит микроскопический анализ не сухих, бессознательных окончаний и спряжений, а самих слов как «выражения впечатлений, понятий и всего мирозерцания народа в неразрывной связи с религией и условиями быта семейного и гражданского» (Буслаев Ф.И., 1848: 308). По словам М.В. Новикова, Т.Б. Перфиловой, ученый смог выявить не только языческий взгляд на природу и сущность мифологических представлений, показать период перехода на новый славянский язык, созданный миссионерами Кириллом и Мефодием, но и реконструировать быт, культуру, верования славян в дохристианский неписьменный период, что «русская наука до Буслаева и помышлять не могла» (Новиков М.В., Перфилов Т.Б., 2016: 215).

Интересным, на наш взгляд, являются исследования современных славистов (Н. Толстой, М. Элиаде, В. Иванов, В. Топоров, Е. Аничкин, В. Мансикка, С. Толстая и др.), которые продолжили исследования, связанные с взаимодействием дохристианской восточнославянской культуры с православием. Таким образом, ученые определили духовную вертикаль с положительной и отрицательной шкалой, в которой все языческие аморфные мифологические персонажи приобрели статус демонической силы, т.е. десакрализовались, а противостоящей сакральной «крестной» силой, преисполненной святости, стала новая иерархия ценностей. «Образно говоря, в народном фольклорном представлении небо оказалось занятым силами небесными, праведными и божественными, преисподняя, подземный мир, болота, ямы и овраги – силами нечистыми и темными, а земля – место борьбы двух миров и начал, и человек и его душа – средоточие этой борьбы. Силы эти все же неравноправны и не равновелики, ибо воля Божья и промысел Божий господствует над всем и определяет все» (Данилевский, 2012: 3).

В средние века традиция нашла воплощение в христианской этике и философии. Поднимая человека на высочайший уровень, как образ Божий, христианство поставило задачу глубокого совершенствования человеческой природы для того, чтобы довести ее до подобия Божьего. Об этом сказано в Евангелии: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» (Матв 5:48). Евангелие дало возможность человеку европейской культуры приобщиться к сфере сакрального, подняться над своей телесной природой и обрести собственную личность через единение с Богом. Знаменитый физиолог А.А. Ухтомский писал: «Бог – это центральная идея, с которой носится человек в истории. Вся история – ряды человеческих попыток осуществить Бога» (Ухтомский А.А., 2018: 46). Например, из всех славянских языков в русском и украинском есть этикетное слово *Спасибо*, в этой форме известное с конца XVI в. и восходящее к сочетанию Спаси Бог! (укр. Спасибі ← Спаси Біг). А другое этикетное слово *Прощай(те)!* по значению связано с одной из христианских традиций, восходящих к монашеской жизни: когда монахи удалялись в Великий пост подалее от обители, они просили прощение, понимая, что долгий молитвенный труд без поддержки братьев может обернуться смертью. Поэтому на Прощеное воскресенье все друг у друга просят прощения, даже не зная давних традиций. Только в русском языке нерабочий день недели уже с XIII-XIV вв. по аналогии с Пасхальным Воскресением начинает именоваться воскресением.

Со времен «Просвещения» был определен горизонтальный вектор развития эмансипированного личного «я» в сторону биологического и социального направле-

ния. С другой стороны, человек стал отягощаться экономическими и политическими отношениями в обществе. Поэтому на месте религии, основанной на сакральности, человек попал в жесткие рамки, ограничивающие его духовную свободу. Сталкиваясь с метафизическими проблемами, сознание здравомыслящего человека рано или поздно погрузилось в страх перед бытием. Непонимание природы своего собственного бытия, неспособность взглянуть в бесконечность своей души, чтобы услышать зов бытия, вся жизнь человека теперь уже стала пребывать в тумане неясности, неопределенности по отношению к сакральному. Приведем один из примеров: как отмечал Н.И. Толстой в этнолингвистическом словаре «Славянские древности», подаяние (милостыня) считалось Богоугодным делом и поддерживалось церковью, потому что она была душеполезна, в первую очередь, дающему: *Просит убогий, а подаешь Богу*. Интересным на взгляд светских людей и сакральным для верующих христиан является тайная милостыня как одна из активных форм благочестивого поведения. А вот просматривая словари современной эпохи, мы наблюдаем динамический процесс отчуждения от первоначальной наполненности к ее новому коннотативному оттенку – пожертвование для тех, кто лишен элементарных финансовых возможностей, напр.: в словаре Д.Н. Ушакова *милостыня* определяется так: *Подаяние нищему, нуждающемуся*. А нищий имеет значение ‘крайне бедный, имеющий недостаток в самом необходимом’ (Ушаков, 1935-1940: 256); словарь С. И. Ожегова ‘то, что подается нищему, подаяние’ (Ожегов, 2007: 87). По всей вероятности, подаяние в советском обществе отсутствовало по причине ненадобности милостыни: *Обсуждается сложный вопрос: что значит милостыня в мире, где почти не осталось нищих?* (Архангельский, 1962. Послание к Тимофею, 2006).

В эпоху «Просвещения» стали складываться альтернативные ценности, противопоставленные религиозной системе. Эта «новая мораль» определила облик современного мира. Объявляя войну идее «Бога», мыслители эпохи «Просвещения» поставили во главу идею человека, который не облагорожен и не просветлен духовным опытом. Хотя такая позиция и привела к великим научным открытиям, но отсутствие целостных знаний о человеке способствовало формированию ущербности духовного человека.

Таким образом, междисциплинарный аспект сакральности языка необходим для более детального анализа категориального аппарата, для формирования методологии систематизации сакральных языковых единиц. Несмотря на то, что религия в повседневной жизни, без сомнения, переместилась на задний план, в культуре наблюдается ее мощное возрождение. Благодаря этому закладывается прочная основа для новой научной парадигмы, в которой сакральность языка имеет первостепенное значение и на первый план выходит вопрос языковой сакрализации.

Литература

1. Буслаев, Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию, написанный на степень магистра кандидатом Ф. Буслаевым. – М. Унив. тип., 1848. – 211 с.
2. Гумбольдт, фон В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1984. – 451 с.
3. Забияко, А.П. Категория святости. Сравнительное исследование лингвокультурных традиций. – М.: Изд. дом «Московский учебник», 2000, 1998. – 207 с.
4. Ильченко, В.И., Шелюто, В.М. Духовная культура в пространстве сакрального: Монография. – СПб.: Изд-во «Ъ», Луганск: ООО «Пресс-экспресс», 2016. – 676 с.
5. Коновалова, Н.И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен: Монография. – Екатеринбург: ГОУ ВПО «Уральский гос.пед.ун-т». – 298 с.
6. Культурология, XX век. Энциклопедия / гл. сост. С.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, ООО «Алетейя», 1998. – 370 с.
7. Ломакина, О.В. Фразеология в тексте/ под ред. доктора филол. наук, профессора В.М. Мокиенко. – М.: Изд-во РУДН, 2018. – 378 с.
8. Малиновский, Б. Магия, наука и религия. – М.: Рефл-бук, 1998. – 304 с.

9. Новиков, М.В., Перфилова, Т.Б. Духовная жизнь народа: новое направление в творчестве Ф.И. Буслая в эпоху господства культуры романтизма / Ярославский педагогический вестник, 2016. – № 2. – С.209-218.

10. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / Под общ. ред. проф. Л. И.Скворцова. – 24-е изд., испр. М.: Оникс, Мир и Образование, 2007. – 1200 с.

11. Святое Евангелие. – М.: Спасское братство, 2011. – 658 с.

12. Толкование Ефрема Сирина на Послания к евреям Святого Апостола Павла / Синоидальный перевод. – Оптина пустынь: Введенский мужской ставропигиальный монастырь Оптина пустынь, 2010-2019.

13. Толковый словарь русского языка: В 4 томах / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. – 1 т. –

14. Ухтомский, А.А. Правда сердца. Письма к В.А. Платоновой (1906-1942). – СПб.: Изд-во «Трактат», 2018. – 202 с.

15. Флоренский, П.А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / сост. и ред. игумен Андроник Трубачев. – М.: Мысль, 2000. – 446 с.

16. Хайдеггер, М. Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

17. Шкуран, О.В. Семантические трансформации сакрального понятия «подвиг» / Материалы XII Международной научной конференции (Владимир, 26 – 28 сентября 2017 года), посвященной 65-летию кафедры русского языка «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект». – Владимир: Транзит-ИКС, 2017. – 576 с.

18. Шкуран, О.В. Медиаторы десакрализации концепта «богатырь» в современном языковом пространстве / Фортунатовские чтения в Карелии: сборник докладов Международной научной конференции, Петрозаводск, 10-12 сентября 2018 года. – Часть 2. – С.3-5.

Summary. The article presents an overview of the scientific research on the concept of the sacredness of language. The origin Latin term *Sacras* defines the vector of spiritual perfection and makes it possible to define the sacral paradigm of modern linguistics. Everything depends on the individual choice of the linguistic person: if she is able to realize the vertical vector of knowledge of a language striving for spiritual perfection, then we are talking about the sacred; if it focuses on other needs, then it is a question of profanization and reduction of the spiritual register of the language.

Key words: sacredness, language, culture, religion, language units.

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ФРАЗЕМОПОРОЖДАЮЩЕГО КОНЦЕПТА «СИЛА» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Т. М. Шеховцева

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
shekhovtseva@bsu.edu.ru

Как известно, одной из важнейших проблем когнитивной лингвистики является проблема отображения в сознании человека целостной картины мира, фиксируемой языком.

Под **картиной мира** понимается, вслед за Н.Ф. Алефиренко, структурированное сознанием отражение действительности со всеми её когнитивными элементами, находящимися в различных связях, отношениях и состояниях. **Языковая картина мира** представляет собой вербализованную систему когнитивных структур, отображающих этноязыковое видение; воспроизведение в языке при помощи средств языка предметов и явлений окружающей действительности (Алефиренко Н.Ф., 2009: 5).

Роль стержневого элемента в структурировании картины мира выполняет **концепт** – оперативная единица ментальности, которая на вербальном уровне обозначается словом, словосочетанием или фразеологизмом (Алефиренко Н.Ф., 2009: 6).

Н.Ф. Алефиренко подчеркивает, что в современных лингвокогнитивных исследованиях обычно употребляется термин *фразеологический концепт*. По мнению

ученого, это указывает лишь на средство вербализации концепта, но не на его природу, поэтому в его многочисленных трудах, посвященных вопросам фразеологии, используется термин **фраземопорождающий (фразеомобразующий) концепт**. Поиск онтологической природы концептов, порождающих фраземы, может исходить из осмысления коммуникативно-прагматического назначения фразем (Алефиренко Н.Ф., 2015: 218). Их предназначение – «не столько называть предмет или явление, сколько косвенно выражать эмотивно-оценочное отношение к ним» (Стебунова К.К., 2015: 554).

В русле нашей проблематики особую значимость приобретает мысль Н.Ф. Алефиренко о том, что «основными механизмами формирования фраземопорождающего концепта являются когнитивная метафора и когнитивная метонимия» (Алефиренко Н.Ф., 2015: 221), что, на наш взгляд, позволяет говорить о триаде «когнитивная метафора – концепт – фразема». Развивая данное положение, Н.Ф. Алефиренко отмечает, что «когнитивная метафора в процессах формирования фраземопорождающего концепта выступает механизмом восприятия одного объекта через другой, средством отнесения объекта к классу, к которому он не принадлежит (посредством так называемого категориального сдвига). В процессе метафорического фразеомобразования, традиционная категориальная сетка, определявшая видение мира, разрушается, и возникают новые ассоциативно-смысловые связи и отношения, перекраивающие когнитивное пространство, меняющие стандартное представление о том или ином фрагменте окружающего мира» (Алефиренко Н.Ф., 2015: 222).

В настоящей статье в фокусе нашего внимания находится когнитивная метафора как один из основных механизмов формирования фраземопорождающего концепта «Сила» (в современном английском языке), осмысление которого человеком способствовало появлению в речи ряда фразем. Проанализируем некоторые примеры.

В основе следующих фразем лежит ориентационная метафора, придающая понятиям пространственную ориентацию:

1) *to be by head and shoulders above smb.* – *быть на голову выше, намного сильнее кого-л.*; 2) *to be on one's feet* – *оправиться после болезни, восстановить силы; прочно стоять на ногах*; 3) *to set (put, have) one's foot on the neck of smb.* – *поработить кого-л.*

В примерах 1 и 2 реализуется метафорическая схема «Верх – сила, здоровье / низ – слабость, болезнь». Пример 3 удачно иллюстрирует метафорическую схему «Обладание властью или силой ориентирует вверх, подчинение власти или силе – вниз», выделенную Дж. Лакоффом (Лакофф Дж., Джонсон М., 1990: 409).

Достаточно распространенным способом концептуализации знаний в исследуемом фрагменте языковой картины мира является метафора «Много – Сила», которая реализуется в следующих фраземах: *in full strength/ force* – *в полном составе*; 2) *in force/ in strength* – *в большом количестве*.

Согласно Дж. Лакоффу, подобно тому, как данные человеческого опыта по пространственной ориентации порождают ориентационные метафоры, данные нашего опыта, связанные с физическими объектами (в особенности с нашим телом), составляют основу для онтологических метафор, т.е. способов трактовки событий, действий, эмоций, идей и т.п. как предметов и веществ (Лакофф Дж., Джонсон М., 1990: 411).

Действительно, сила часто связывается в сознании носителей английского языка с железом, сталью, крепостью: *a man of iron* – *человек железной воли*; *as hard as iron* – *твердый, как сталь*; *an iron heel* – *железная пятка, уго*; *a grip of steel* – *железная хватка*; *a pillar/tower of strength* – *опора, крепкое плечо*.

В ходе исследования был также выделен ряд фразем, включающих названия частей тела (соматические фразеологизмы), таких как: руки: *by the strong arm* – *силой*; *to hold (have) smb. in the palm of one's hand* – *иметь власть над кем-либо*; ступ-

ни, ноги: *iron heel* – железная пята, *уго*; *to know (to get, to find, to have, to take) the length of smb.'s foot* – узнать чью-либо слабость.

Символьная составляющая обнаруживается при наблюдении над образным основанием соматического фразеологизма *to have strong stomach*, где *stomach* символизирует нервную систему, способность стойко переносить неприятные ситуации.

Среди представителей животного мира олицетворением силы в английской языковой картине мира является бык: *as strong as an ox* – сильный, как бык. Данные, полученные в результате этимологического анализа, свидетельствуют о том, что слова «бык» и «сила» произошли от одной основы: *steer* – ‘молодой бычок’, от староангл. *steor* «вол», от герм. **steuraz*, от основы **steu-ro-*, обозначающей ‘сила, крепость’. Эта связь прослеживается и в следующем примере: лексема *beef* в современном английском языке имеет несколько значений, среди которых ‘говядина’, ‘бык’, ‘сила, энергия’. Слово *beef* исторически восходит к старофранц. *boef* (бык), от лат. *bos* – бык, корова (www.etymonline.com).

Дополнить анализ эмпирического материала целесообразно тезисом Н.Ф. Алефиренко о том, что «самым доступным для восприятия фраземы является вызываемый ею в нашем языковом сознании образ» (Алефиренко Н.Ф., 2010: 11). В рассмотренном выше материале это образы железа, стали, крепости, быка. В то же время важно понимать, что «фраземы соотносятся не с образами реальных «сущностей», а с особыми способами их вербализации» (Алефиренко Н.Ф., 2010: 12). Следует особенно подчеркнуть вывод Н.Ф. Алефиренко о том, что «концепт – это ядро смыслового содержания фраземы» (Алефиренко Н.Ф., 2010: 12).

Итак, началом порождения фраземы и мотиватором ее появления в речи выступает концепт. В то же время сложно переоценить значимость когнитивной метафоры для формирования концептов. Упрощенно этот процесс можно изобразить в виде цепочки: когнитивная метафора – концепт – фразема.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Идиоматика в языковой картине мира // Мовна картина світу словян і культура : матеріали міжнар. наук. конф., Люблін, 5-7 листопада 2010 р. / гол. ред. О. Тищенко. – Люблін; Рівне, 2010. – Т.1. – С. 8-14.
2. Алефиренко, Н.Ф. Картина мира и этнокультурная специфика слова // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2009. – Вып. 4. – №14 (69). – С. 5-7.
3. Алефиренко, Н.Ф. Фразеобразующий потенциал дискурсивно-модусного концепта // Устойчивые фразы в парадигмах науки: Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения В.Л. Архангельского. – Тула, 2015. – С. 217-225.
4. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: Сборник – М.: Прогресс, 1990. – С.387-415.
5. Стебунова, К.К. Косвенно-производная номинация как предмет теории межкультурной коммуникации // Современные проблемы науки и образования. – Пенза: Изд. Дом «Академия Естествознания», 2015. – №5. – С. 554.
6. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]: этимологический словарь. URL: <http://www.etymonline.com/>

Summary. In this article, the concept is understood as the core of the semantic content of the idiom. To refer to it, the term idiom-generating concept is used. The main mechanisms for the formation of the idiom-generating concept are cognitive metaphor and cognitive metonymy. The author focuses on the concept of “Strength” in the modern English language, which forms a series of idioms based on metaphors.

Key words: idiom, idiom-generating concept, cognitive metaphor, cognitive metonymy.

Раздел 4. ФРАЗЕМООБРАЗУЮЩИЕ КОНЦЕПТЫ И МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС – КОНСТРУКТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА ОНИМАМИ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

О.И. Авдеева

Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет
ol_avd@rambler.ru

Появление и развитие когнитивной лингвистики привело к необходимости разграничения терминов *концепт* и *понятие*, основной различительной чертой которых считается «наличие или отсутствие в них субъективного элемента» (Алефиренко 2009: 75). Ю.С. Степанов выделяет в качестве отличительных черт концепта следующие: 1) наличие определенного уровня субъективности и 2) наличие многоуровневой организации (Степанов 1997: 41).

Выделение в структуре концепта трех слоев свидетельствует о его многоуровневой организации. Это 1) «активный» (актуальный) слой концепта; 2) «пассивный» (исторический, фоновый) слой концепта; 3) внутренняя форма, или этимологический признак, концепта (Алефиренко Н.Ф., 2009: 75). «Активный» слой концепта составляет информация, которая понятна всем говорящим на данном языке, что дает возможность использовать его в любых ситуациях, в том числе и в обыденных. В «пассивном» слое концепта обнаруживаются дополнительные признаки, которые образуют «кристаллизацию» важнейших толкований и осмыслений данного концепта в различные историко-культурные периоды (Ю.С. Степанов). Третий слой концепта – его внутреннюю форму, или этимологический признак, – составляет его «смысловое первоначало», отраженное во внешней словесной форме (Алефиренко Н.Ф., 2004: 70). Взаимосвязь перечисленных слоёв концепта создает его особую структуру, сочетающую в себе постоянные и изменяющиеся компоненты.

Как справедливо отмечает Г.В. Токарев, в современной лингвистике существует три основных подхода к пониманию концепта: 1) когнитивный и являющийся его продолжением – психолингвистический; 2) синкретичный, совмещающий положения когнитивного и лингвокультурологического подходов; и 3) собственно лингвокультурологический (Токарев Г.В., 2003: 6-16).

Основополагающие черты лингвокультурологического подхода к концепту были определены Ю.С. Степановым, который рассматривает концепты как «пучки представлений, знаний, переживаний, ассоциаций, которые сопровождают слово...», «сгустки культурной среды в сознании человека» (Степанов 1997: 40).

Фраземы, наряду с лексемами, являются основными средствами вербализации концепта (Алефиренко Н.Ф., 2003: 8; Савенкова Л.Б., 2003: 258 и др.).

Фразема как знак непрямого именованья характеризуется особой «лингвокультурологической значимостью», позволяющей находиться ей «в эпицентре исследований метафорического речемышления» (Алефиренко Н.Ф., 2002: 3). Поэтому все культурные явления действительности, преломляясь в мышлении носителей данной культуры, отражаются в структуре и семантике языковых единиц, в том числе и такой яркой единицы, как фразема.

Важной особенностью фразеологической вербализации концепта является его многоуровневость. Большинство компонентов фразем может вербализовывать отдельный концепт, который условно можно назвать концептом первого уровня, концепт второго уровня вербализуется внутренней формой фраземы, а концепт третьего уровня – самой фраземой с её значением.

Таким образом, с одной стороны, концепт представляет собой многоуровневое образование, а с другой стороны, фразема как средство вербализации концепта является сложным языковым знаком, который почти всегда вербализует одновременно несколько концептов. Когнитивный подход позволил выявить, что, каждая фразема одновременно вербализует не менее трех уровней концептов: 1) концепт, вербализуемый отдельными компонентами фразем, 2) концепт, вербализуемый внутренней формой фраземы, и 3) концепт, вербализуемый фраземой в её основном значении. Это позволяет говорить о многоуровневой концептуализации во фразеологии.

Фраземы, содержащие в своем составе компоненты-онимы, обычно отличающиеся повышенной культурной значимостью, являются воплощением многоуровневости фразеологической концептуализации.

Но следует заметить, что в некоторых случаях компонент-оним не вербализует концепта, например, в составе фразем *мели, Емеля, – твоя неделя, как на Маланьину свадьбу, показать Кузькину мать, Филькина грамота, куда Макар телят не гонял* и т.д. Выбор имени в таких фраземах обычно является условным, хотя сама форма онима часто придает всей единице пренебрежительно-негативную окраску (Кузькина, Филькина). В этом случае компоненты-онимы (типа *Емеля, Макар*) и отонимические образования (типа *Маланьина, Филькина*) не несут большой культурно-исторической нагрузки, они создают внутреннюю форму фраземы. Эти компоненты обычно указывают лишь на принадлежность к русскому социуму и чаще всего – к его простонародной части. В некоторых случаях имя используется для оформления звукового облика фраземы – для создания рифмы (*любопытной Варваре на базаре нос оторвали* → *любопытная Варвара; мели Емеля – твоя неделя*). В этом случае следует отметить двухуровневую концептуализацию, включающую уровень внутренней формы и уровень фраземы в целом.

Другую группу образуют фраземы, в которых компонент-оним является именем собственным реального исторического лица или культурного персонажа (библейского, фольклорного, литературного и т.д.), например, *Фома неверующий, Сизифов труд, Наполеоновские планы, как Мамай прошел, в костюме Адама* и т.д. В составе фраземы *Наполеоновские планы* компонент *Наполеоновские* соотносится с личностью Наполеона, с его идеей мирового господства и реализует первый уровень концептуализации. Второй уровень концептуализации реализуется на основе внутренней формы фраземы: *Наполеоновские планы* – значит «огромные», «ирреальные» и, как следствие, «несбыточные планы Наполеона». Третий уровень концептуализации у рассматриваемой фраземы со значением «чрезмерно большие, с размахом планы, часто несбыточные» порождает концепт «несбыточные планы любого человека». Аналогичные процессы концептуализации наблюдаются у фразем как *Мамай прошел* и *в костюме Адама*, где компоненты *Мамай* и *Адам* вербализуют концепты, так как в сознании говорящих они ассоциируются с конкретным историческим лицом и с библейским персонажем, наделенными совокупностью определенных качеств, которые реализуются в ряде фреймов, формирующих культурный слой концепта. В таких случаях наблюдается трёхуровневая концептуализация.

Примеры четырёхуровневой фразеологической концептуализации наблюдаются во фраземах, содержащих составные наименования с онимом или отонимическим образованием, типа *вот тебе, бабушка, и Юрьев день!*, *Курживому (паршивому) поросенку* и *в Петровки (Петров день) холодно* и т.д. Фразема междометного характера *вот тебе, бабушка, и Юрьев день!* означает «восклицание по поводу несбывшихся надежд». Компонент *Юрьев* в составе данной фраземы вербализует концепт первого уровня – «относящийся к святому Георгию, связанный с ним». Концепт второго уровня вербализуется составным наименованием *Юрьев день* – «религиозный праздник в честь святого Георгия». Затем концепт третьего уровня вербализуется внутренней формой фраземы – «историческое событие – отмена крепостного права, произошедшая в Юрьев день, на самом деле не оправдавшая надежд

крестьян». В результате фразема в целом *вот тебе, бабушка, и Юрьев день!* вербализует концепт четвертого уровня – «несбывшиеся надежды, разочарование как результат обмана».

Другая фразема – *курживому (паршивому) поросенку и в Петровки (Петров день) холодно* – имеет значения: 1) «плохому, никчемному человеку всё всегда плохо, не нравится», 2) «слабый, больной человек мерзнет всегда, даже в середине лета». Посредством компонента *Петров* вербализуется концепт первого уровня «относящийся к апостолу Петру». Концепт второго уровня вербализуется посредством компонентов *Петровки (Петров день)* – «христианский праздник в честь святых апостолов Петра и Павла», он празднуется в середине лета – 12 июля. Причем, компонент *Петровки* по значению приравнивается к составному наименованию – *Петров день*. Концепт третьего уровня вербализуется внутренней формой данной фраземы – «болезное, хилое животное мерзнет и в середине лета». И в результате данная фразема в целом вербализует концепт четвертого уровня «плохого (или больного, хилого) человека ничто не устраивает, ему всегда и везде плохо».

Итак, четырехуровневая фразеологическая концептуализация возможна только при интертекстуальности, а именно – когда в составе фраземы содержится компонент – составное наименование, составной термин или другая фразема, которые и порождают промежуточные концепты.

Таким образом, фраземы с компонентом-онимом являются одним из важнейших средств вербализации культурного концепта, т.к. несут значительную культурно-ценностную нагрузку. В зависимости от особенностей значения компонента-онима фраземы могут вербализовывать как двухуровневые, так и трехуровневые и четырёхуровневые концепты. Именно благодаря одновременному сочетанию в сознании коммуникантов концептов разных уровней, вербализованных одной и той же фраземой, создаются образность, яркость и во многих случаях – культурная наполняемость, которые традиционно являются отличительными чертами фразеологического материала.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография/ Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
2. Алефиренко, Н.Ф. Когнитивно-дискурсивные аспекты косвенной номинации (на материале восточнославянских языков) // *Slowo. Tekst.Czas. VII. Nowe Srodki nominacji jazykowej w nowej Europie*. Red. prof, dr hab. Michail Aleksiejenko / Н.Ф. Алефиренко. – Szczecin, 2004.
3. Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры/ Н.Ф. Алефиренко. – М.: Academia, 2002. – 394 с.
4. Алефиренко, Н.Ф. Проблемы вербализации концепта: Теоретическое исследование/ Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена. 2003. – 96 с.
5. Савенкова, Л.Б. Языковое воплощение концепта// Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы Междунар. симпозиума. Волгоград, 22 – 24 мая 2003 г.: В 2 ч. – Ч. 1. Научные статьи/ Л.Б. Савенкова. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 258-264.
6. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования/ Ю.С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
7. Токарев, Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (На материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке)/ Г.В. Токарев – Волгоград: Перемена, 2003. – 233 с.

Summary. The article reveals the peculiarities of the verbalization of cultural concepts. The multilevel organization of the concept, which can have up to four layers of phraseological conceptualization, is especially noted. Each level is illustrated with corresponding idioms.

Key words: cultural concepts, phraseological conceptualization, conceptual layers.

ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ПОЭТИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Е.Н. Антонова (Сычѳва)

Россия, г. Москва, Государственный университет по землеустройству
stchl@yandex.ru

По своей природе поэтические жанры подразумевают семантико-стилистическую лаконичность, что в полной мере удовлетворяет требованиям современного языкового процесса, направленного на бесконечный поиск новых форм, неординарных лингвистических средств выражения мыслей в тексте. Важную роль в лингвокультурологическом развитии играет факт восприятия языка как коммуникативного инструмента и как когнитивного потенциала окружающей действительности. Следовательно, расширяется функциональный спектр вербальной репрезентативности: эстетическое назначение, научная сфера, ситуативно-поведенческая характеристика, фразеологический аппарат и т.п.

Особое значение в художественном дискурсе имеет фразеология как текстообразующее звено. Это связано в первую очередь с тем, что учение об устойчивых сочетаниях слов представляет собой синтез взаимодействующих компонентов, находящихся в иерархических отношениях, основанных на видоизменении, ступенчатом усложнении структуры, семантики, функций. При этом стоит учитывать, что процесс оформления фразеологизмов длителен и динамичен, следовательно, вопрос о разграничении узуальной и окказиональной фразеологии до сих пор не имеет однозначного ответа в научной литературе. Целый ряд проблемных вопросов связан с данной стороной изучения фразеологии в художественных текстах, поскольку ФЕ могут представлять собой трансформации (варианты, вариации, модификации узуальных фразеологизмов, переинтерпретация словосочетаний и др.) существующих фразеологических единиц (ФЕ). Возникновение фразеологизмов так или иначе связано с переосмыслением семантики свободных словосочетаний, являющихся изобразительно-выразительными средствами языка, чаще всего сравнениями, перифразами, метафорами. Преимущественно таким образом выстраивается вербально-образная цепь художественного текстообразования.

Тесно соприкасаясь с общей фразеологией, авторская фразеология, в том числе и поэтическая, охватывает, по возможности, полный фразеологический состав языка конкретного писателя. Создание окказиональных фразеологизмов опирается в основном на узуальные структурно-семантические модели или трансформации уже имеющихся в языке устойчивых сочетаний слов с опорой на общие и частные законы развития языковой системы, в которой отражается языковая картина мира.

В современной лингвистике существуют разные подходы к характеристике картины мира, наиболее общим является выделение трех основных взаимосвязанных форм: реальной, культурной, языковой картины мира. Последняя представляет собой, по мнению Н.Ю. Шведовой, «выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира в своем строении и в осмысляемых языком связях своих частей...» (Шведова Н.Ю., 1999: 15). Фразеологическая картина мира является неотъемлемой частью языковой, а фразеологическая система языка углубляет, расширяет, специализирует, маркирует лексическую систему. С проникновением в сущность фразеологизма как в самостоятельную структурно-семантическую единицу языка, отличающуюся как от индивидуальной лексической единицы, так и от свободного словосочетания, становится понятно, что эти единицы должны занимать особое место в структуре языковой личности. При этом текстообразующие факторы формируются при следующих условиях:

- 1) создание текста в ситуации ритмико-мелодической поэтизации – стихосложения;
- 2) констелляция поэтических мыслекодов и лингвистических знаний в эмерджентности филологического универсума;
- 3) интертекстуальность, наличие каузальных связей;
- 4) насыщение текста паремиями и фразеологизмами (узуальными, окказиональными, трансформами и т.д.);
- 5) фразеологизация, неологизация, реминисценции, каламбуры и проч.

Как видим, большая лексико-семантическая нагрузка приходится на фразеолого-паремиологический фонд, уникальность которого заключается в передаче лингвокультурологических мыслекодов. Фактором увеличения собственного смыслового потенциала является также употребление фразеологизмов и паремий в прямом или переносном значениях с присущими им функциями текстообразования. По мнению многих ученых, фразеология является казной изобразительно-выразительных языковых средств, а богатства, недоступные всеобщему обозрению, обычно скапливаются на протяжении столетий. На первый план может быть выдвинута как ментальность целой этнической общности, так и мыслительная установка автора рассматриваемого текста, выступающего в качестве элементарной модели филологического универсума (Сычѳва Е.Н., 2016: 423-427).

С иллюстративной целью приведем примеры функционирования фразеологизмов, принимающих участие в создании поэтических контекстов Ф.И. Тютчева. Будучи в первую очередь общественно-политическим деятелем XIX столетия, он не относился серьезно к своим стихотворным опытам, значимость которых в мировой художественной литературе сложно переоценить. С самого начала творчества Ф.И. Тютчев заявил о себе как яркий представитель поэзии философской, в которой мысль, по замечаниям Н.Я. Берковского, при всей ее обобщенности, никогда не рисует отвлеченных образов, всегда тесно переплетается с душевным или природным началом, неотступно следуя за ним (см. Тютчев Ф.И., 1987: 11–18). Эта особенность тютчевской лирики служит благодатной почвой для создания фразеологизмов и афоризмов. В структуре языковой личности Ф.И. Тютчева поэтическая фразеология, как значимый фрагмент фразеологической картины мира, занимает не последнее место.

Оппозиционность души и тела, постоянно присутствующая в лирике классика XIX века, противопоставляет соматическую природу человека чувственно-духовной. Эмоциональный мир человека является отражением его души. Как отмечает Л.В. Пумпянский, метафизичность тютчевской лирики включает в себе тесное взаимодействие «смысловой души» и «реальности тела» (Пумпянский Л.В., 1928: 19). Текстообразующую функцию выполняют, к примеру, фразеологические образования *сорваться с уст, смыкать уста*: «Но если вдруг живое слово *С их уст, сорвавшись*, упадет...» («Живым сочувствием привета...», с. 147 [здесь и далее иллюстрации приводятся по изданию (Тютчев Ф.И., 1987) с указанием названия стихотворения и страницы]); «Пощады нет, протесты нетерпимы, Их приговор *смыкает* всем *уста...*» («Две силы есть – две роковые силы...», с. 243). Архаичный соматизм «уста» является семантическим ядром двух ФЕ, вступающих в тютчевских контекстах в антонимические отношения (перед нами комплиментарные фразеологизмы-антонимы). Фразеологизм *сорваться с уст* в поэзии Ф.И. Тютчева образуется за счет контаминации путем объединения двух различных узуальных фразеологизмов: *сорваться (срываться) с языка* – ‘невольно, неожиданно, вдруг быть произнесенным. О слове, выражении и т.п.’ (ФСРЯ: 450) и *из уст кого, чьих* – ‘от кого-либо (узнавать, слышать и т.п.)’ (ФСРЯ: 498).

Семантическим центром многих ФЕ в стихах Ф.И. Тютчева выступает лексема «сердце», являющаяся нередко образом-символом (*сердце истомилось, сердце нот, сердце изнывает, сердце гложет, растерзать сердце, носить в сердце* и др.), а

также лексема «кровь» (*лечь кровь, играет кровь, кипит кровь, стынет кровь, исходить кровью, даваться кровью, купаться в крови* и др.): «И кто в избытке ощущений, Когда *кипит и стынет кровь*, Не ведал ваших искушений – Самоубийство и Любовь!» («Близнецы», с. 174). ФЕ с компонентом «кровь» могут, с одной стороны, обозначать такие состояния человека, как энергичность, силу духа, сильные страсти. В таких случаях *кровь играет, струится, кипит*. С другой стороны, посредством ФЕ с данным соматизмом изображается старение, утрата чувств молодости и т.п. Потеря крови для человека – это его гибель. Отсюда и ФЕ с такой семантикой (Сычёва Е.Н., 2012: 289-293).

В свою очередь «душа» представляется широким понятием, выходя за пределы религиозной тематики и имея определенное отношение к соматике, что напрямую отражается в стихах Ф.И. Тютчева. Поэтические фразеологизмы могут образовываться при непосредственном участии данной лексемы, а также при употреблении однокоренных слов, в том числе и этимологически. С одной стороны, «душа», как и «сердце», может соотноситься с внутренними органами человека, с другой стороны, может рассматриваться в качестве свойства человеческого организма.

Небезосновательно также выделение эмоционально-соматического комплекса ФЕ с компонентами «сердце», «кровь», «душа». Эти лексемы, которые в первую очередь воспринимаются как соматизмы, в разных контекстах сопоставляются, противопоставляются, сочетаются и т.п. При включении потенциальных и коннотативных сем в их семантическое пространство происходит абстрактно-собирательное выражение психоэмоционального состояния субъекта. Нередко душа отождествляется с сердцем (а в иных случаях и с кровью) посредством внутрисконструктурных эпидигматических взаимодействий, то есть происходит переименование семантики духовного и телесного.

Свидетельством тому могут послужить функционирующие в тютчевской поэзии фразеологизмы-синонимы *душа ноет* и *сердце ноет* (см. стихотворения «Нет дня, чтобы душа не ныла...», с. 224; «Байрон. Отрывок <Из Цедлица>», с. 95). Словари фиксируют фразеологические аналоги с синонимичным глагольным компонентом: *душа [сердце] болит* – «1. (кого, чья, у кого) кто-л. испытывает тревогу, беспокойство, душевные страдания; 2. (за кого, за что) кто-л. беспокоится, страдает, переживает и т.п. за кого-л., испытывает тревогу за что-л.» (ФСРЯ, с. 149).

В стихотворении «Из «Фауста» Гёте» (С. 115) Ф.И. Тютчевым, к примеру, использован речевой оборот *в душевной глубине*. Данная ФЕ имеет варианты употребления, отраженные в лексикографических источниках: *в глубине души [сердца]* – «внутренне, втайне; подсознательно» (ФСРЯ: 108). В тютчевской поэзии фиксируется синоним приведенной языковой единицы устойчивого характера – *в глубь души* с аналогичным значением («Тени сизые смешались...», с. 127). Наличие синонимичных вариантов фразеологизмов с элементами «душа» / «сердце» снова подтверждает контекстуальное пересечение семантики самих соматизмов и ФЕ с ними.

Таким образом, поэтическая фразеология как участок семиотического поля позволяет охарактеризовать одну из сторон языковой картины мира на предмет ее текстообразующих возможностей. Лингвокультурологически значимым является то, что факторы текстообразования поэтического дискурса зависят от синхронных тенденций развития и диахронных ресурсов языка. Они могут иметь лингвистическую либо экстралингвистическую природу, отражать субъективные исследовательские подходы и индивидуально контекстуальные условия.

Литература

1. Пумпянский, Л.В. Поэзия Ф.И. Тютчева: Урания. Тютчевский альманах (1803–1928). – Л.: Прибой, 1928. – 312 с. – С. 9–57.
2. Сычёва, Е.Н. О филологической поэзии: Актуальные вопросы изучения мировой культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия – Запад – Восток. Материалы Междуна-

родной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVII Кирилло-Мефодиевские чтения». – М.; Ярославль: Ремдер, 2016. – 492 с. – С. 423–427.

3. Сычёва, Е.Н. Соматизмы в поэтических текстах Ф.И. Тютчева и в составе фразеологических единиц (ФЕ) // Вестник Брянского государственного университета. История. Литературоведение. Языкознание. – Брянск: Изд-во БГУ им. И.Г. Петровского. – 2012. – №2. – С. 289–293.

4. Тютчев, Ф.И. Полное собрание стихотворений. – Л.: Советский писатель, 1987. – 448 с.

5. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4 000 словарных статей: Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1978. – 543 с. (ФСРЯ).

6. Шведова, Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем»: Вопросы языкознания. – 1999. – № 1. – С. 3–16.

Summary. The article is devoted to the language personality in the aspect of author's phraseology. It's about particularity of the use of phraseological units in poetical texts of F.I. Tyutchev. The phraseological material is illustrated by the poetic contexts. Some semantic objects are also within eyesight of the analysis.

Key words: text-forming factors, linguistic world picture, somatic phraseological units, poetic text of F.I. Tyutchev.

ГНЕЗДОВОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ М.А. ШОЛОХОВА

Н.А. Белик

Россия, Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет
natalya-belik@yandex.ru

Один из действенных способов усиления информативности и экспрессивных свойств фразеологизмов в идиостиле М.А. Шолохова – концентрированное использование ФЕ (фразеологических единиц) в составе предложения, сложного синтаксического целого. Гнездовое употребление фразеологизмов, то есть включение в текст нескольких ФЕ, имеющих одинаковый лексический компонент, характерно и для «Донских рассказов» М.А. Шолохова – начинающего писателя, и для всех его последующих произведений, в которых этот прием используется активно, целеустремленно и творчески.

Можно отметить несколько тенденций в выборе М.А. Шолоховым при создании текста сходноструктурных фразеологизмов, соотносительных по принципу гнезда. В текст обычно включается небольшое количество ФЕ с одинаковым лексическим компонентом – два-три фразеологизма. М.А. Шолохов останавливает свой выбор на тех ФЕ, которые соотносительны не только по лексическому составу, но и принадлежат к одному тематическому полю: «- **Языком не трепи!.. Коли длинный он у тебя – привяжи к зубам!..**» (Чужая кровь), (Шолохов М.А., 1985-1986: т.7, 490).

Фразеологические гнезда, имеющиеся в системе языка, различны по количеству единиц, структуре, характеру отношений между ФЕ и лексическими значениями слова – вершины гнезда, типу ассоциаций между фразеологизмами. В одном гнезде могут быть ФЕ, разные по степени идиоматичности, принадлежащие к различным тематическим полям. Так, в «Словаре русского языка» фиксируется гнездо фразеологизмов с общим субстантивным компонентом *кровь* (Словарь русского языка, 1981-1984: т.2, 133), в которое включены 37 идиом. У ряда ФЕ имеются мотивационные (формальные и семантические) связи с метонимическим значением лексемы *кровь* «близкое единокровное родство» – *узы крови; кровь какая, чья течет в*

ком; *плоть и кровь чья* и т.п.; фразеологизмы могут быть мотивационно связаны с переносным значением субстантива *кровь* «темперамент, характер» – *в крови, горячая кровь у кого* и т.п.; для большой группы ФЕ опорным является метонимическое значение слова *кровь* «убийство, кровопролитие» – *смыть кровью обиду, кровь за кровь, обagrить руки кровью (или в крови), купаться (или утонать) в крови* и т.п. Но есть в гнезде также ФЕ, которые характеризуются фразеологически обусловленным применением субстантива *кровь*, не связанным с узуальными лексическими значениями одноименного слова: *войти в плоть и кровь* – «оказаться прочно усвоенным кем-, чем-л.»; *облечь в плоть и кровь (или кровью и плотью)* – «придать ту или иную конкретную материальную форму» (Словарь русского языка, 1981-1984: т.3, 145). Словарные толкования двух последних ФЕ показывают, что фразеологизмы, образующие гнездо как единицы с общим лексическим компонентом, могут быть семантически обособлены и от смысловой структуры слова – вершины гнезда, и друг от друга, если принадлежат к разным тематическим полям. Поэтому необходимо воздать должное основательному знанию М.А. Шолоховым экспрессивной фразеологии. Выбор для текста ФЕ из общей группы фразеологизмов, имеющих одинаковый лексический компонент, и применение этих фразеологизмов М.А. Шолоховым в тексте соответствуют правилам семантического согласования: «- **Дура! Ах, дура баба! Чего же ты раньше-то не сказала? Ишь кровь – то как хлопбыщет... Мало мы ее с неприятелем проливали, а тут ишо свои природные бабы начинают кровь пуцать...**» (Тихий Дон, кн. IV, ч.6, гл. I), (Шолохов М.А., 1985-1986: т.4, 16-17). Благодаря семантической соотносительности и сходству образного переосмысления, внутренней формы фразеологизмов *проливать кровь* – «ранить, убивать кого-л.» (Словарь русского языка, 1981-1984: т.3, 499), *пуцать (спустить) кровь* – «избивать очень сильно, до крови» (Словарь языка Михаила Шолохова, 2005: 822) заостряется внимание читателей на силе удара отчаянно защищавшей себя женщины, передается возмущение казака, получившего решительный и далеко не безопасный отпор.

Говоря о преимуществах гнездового использования фразеологизмов в художественной речи, целесообразно рассматривать его как разновидность амплификации – фигуры, служащей для информативного и экспрессивного усиления высказываний за счет «увеличения протяженности текста» (Хазагерев Т.Г., Ширина Л.С., 1994: 127). Амплификация является одновременно стилистической фигурой и фигурой мысли: она используется для уточнения свойств характеризуемых предметов; отношений между ними; деталей событий, ситуаций; степени проявления признаков и т.п. (Ширина Л.С., 1987: 87-89). По наблюдениям исследователей, для амплификации характерно своеобразное использование лексических, словообразовательных, синтаксических средств – концентрация синонимов, эпитетов; лексем, сходных по морфемной структуре, способу образования; употребление рядов однородных членов предложения и т.п. (Москвин В.П., 2004: 28). Специфика фразеологической разновидности амплификации обуславливается неоднословной структурой ФЕ, переосмыслением всех лексических компонентов у фразеологизмов или какой-либо части лексического состава ФЕ. Как показывает опыт применения этой фигуры М.А. Шолоховым, выразительность амплификации, которая создается с опорой на ассоциативные связи между ФЕ, определяется не увеличением количества фразеологизмов, включаемых в текст, а степенью мотивированности их значений, возможностью семантического и образного согласования ФЕ.

В художественных произведениях М.А. Шолохова гнездовое употребление ФЕ является активным при построении высказываний двух коммуникативных регистров – информативного и волюнтивного (Золотова Г.А., 1998: 394, 397). В текстах информативного регистра сходноструктурные ФЕ становятся опорными для характеристики внутреннего состояния человека, его поведения, оценки личностных свойств. Концентрацией ФЕ писатель добивается обостренного внимания к судьбе

героев, их переживаниям, чувствам, делам. Этому способствует соединение фразеологической амплификации с лексическим повтором: «**Ну, они осерчали и порешили его [деда Сашку] вгорячах. От ума я отошла, как они в него стрёлюнули... Теперь и ума не приложу, как с ним быть. Домовину бы надо ему сделать, да разве это бабьего ума дело?**» (Тихий Дон, кн. IV, ч.7, гл. VI), (Шолохов М.А., 1985-1986: т.4, 44). Антонимичными ФЕ сходной структуры подчеркиваются различия в поведении героев, их восприятии жизни: «**[Лопухин] Я, например, уже дошел до такого градуса злости, что плюнь на меня – шипеть слюна будет, потому и бодрый я, потому и хвост держу трубой, что злой ужасно! А ты и хвост поджал и слезой облился: «Ах, полк наш разбили! Ах, армию разбили! Ах, прорвались немцы!»** (Они сражались за Родину) (Шолохов М.А., 1985-1986: т.7, 68). Благодаря концентрированному употреблению ФЕ одного гнезда обращается внимание на изменения в душевном состоянии персонажа: «**Ночью то погладишь его [Ванюшку] сонного, то волосенки на вихрах понюхаешь, и сердце отходит, становится мягче, а то ведь оно у меня закаменело от горя...**» (Судьба человека) (Шолохов М.А., 1985-1986: т.7, 555).

Гнездовое употребление ФЕ в тексте произведений М.А. Шолохова почти всегда сочетается с различными преобразованиями внешней формы, семантики фразеологизмов. Особенно выразительными являются изменения в лексическом составе фразеологизмов, обновляющие образность ФЕ, предохраняющие от восприятия их как штампов: «**Хотелось отвернуться от всего бурлившего ненавистью, враждебного и непонятного мира. Там, позади, все было путано, противоречиво. Трудно нащупывалась верная тропа; как в топкой гати, зыбилась под ногами почва, тропа дробилась, и не было уверенности – по той ли, по которой надо, идет**» (Тихий Дон, кн. II, ч.5, гл. XVIII), (Шолохов М.А., 1985-1986: т.2, 239). Этот текст по содержанию и лексическому составу соотносится с гнездом общеупотребительных ФЕ, имеющих общий компонент – символ *путь*, – с фразеологизмами *жизненный путь* – «жизнь» (Словарь русского языка, 1981-1984: т.3, 565), *стоять (или находиться) на ложном пути; идти по ложному пути* – «действовать неправильно, ошибочно; избирать неверное направление в жизни» (Словарь русского языка, 1981-1984: т.2, 197) и т.п. Замена более отвлеченного по смыслу слова *путь* (Словарь синонимов русского языка, 1970-1971: т.1, 299) существительным *тропа*, которое в прямом значении называет «узкую тропинку (преимущественно в глухих местах)» (Словарь синонимов русского языка, 1970-1971: т.2, 565), приводит не только к обновлению внутренней формы ФЕ, но придает тексту более ощутимую наглядность.

В художественной прозе М.А. Шолохова гнездовое употребление ФЕ может быть основой для текстов, выполняющих волюнтивную функцию: «**– Ты, Кирюха, палку не перегибай! Она о двух концах бывает!..**» (*Путь-дороженька*, ч.2, гл. VIII). В текстах волюнтивного регистра один фразеологизм выражает побуждение, а второй служит для обоснования совета, пожелания и т.п. Благодаря такой структуре текста усиливается прагматический эффект высказываний, передающих волеизъявление.

Гнездовое употребление ФЕ в художественных произведениях М.А. Шолохова способствует информативно-смысловой организации текста, усилению ее выразительности – детализации и градуированию образных характеристик предметов, углублению оценок.

Литература

1. Шолохов, М. А. Собрание сочинений: В 8 т. – М., 1985-1986.
2. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1981-1984.
3. Словарь языка Михаила Шолохова / Гл. ред. Е.И. Диброва. – М., 2005.

4. Хазагеров, Т.Г., Ширина, Л.С. Общая риторика: Курс лекций и словарь риторических фигур: Учеб. пособие / Отв. ред. Е.Н. Ширяев. – Ростов н/Д, 1994.
5. Ширина, Л.С. Амплификация в системе экспрессивных средств // Проблемы экспрессивной стилистики / Отв. ред. Т.Г. Хазагеров. – Ростов н/Д, 1987.
6. Москвин, В.П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Терминологический словарь – справочник. – М., 2004.
7. Золотова, Г.А., Онипенко, Н.К., Сидорова, М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Под. ред. Г.А. Золотовой. – М., 1998.
8. Словарь синонимов русского языка: В 2т. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. – М., 1970-1971.

Summary. The article deals with the use of nested phraseological units, clarifies the term «phraseological nest» reveals its functions in the literary text.

Key words: phraseological unit, individual style, lexical component, phraseological nest, semantic structure of the word, text organization.

ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК СРЕДСТВО ПОЗНАНИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА И КУЛЬТУРЫ НАРОДА

Л.Ю. Буянова

Россия, г. Краснодар, Кубанский государственный университет
Lub_prof@mail.ru

Современный период цивилизационного развития характеризуется обнаружившимися достаточно сильными тенденциями **антиглобализации**. Язык и культура, представляя собой специфический сплав разнообразных корреляций, также отражают эту новую экстралингвистическую реальность. В то же время каждый национальный язык как уникальный этнорепрезентативный феномен обладает единицами, которые изначально и до настоящего времени как бы противостояли и противостоят любым попыткам нивелировать специфические параметры народной культуры, особенности мирозерцания народа и результаты длительного исторического процесса познания им окружающего мира. Фразеологизмы представляют собой именно такие эксклюзивные единицы языка, в которых, как в кусочках многоцветной мозаики, запечатлелись и отразились национально-исторические реалии, стереотипы поведения, жизненный уклад и события носителей конкретного языка в череде сменяющихся ступеней «лестницы» потомков.

Фразеологизм, выступая элементом народного национального языкового сознания, является особым средством концептуального членения мира и средством репрезентации его этнокультурной самобытности и конфессиональной картины мира. Фразеологические ресурсы национального фонда каждого развитого языка хранят память не только об истории, культуре, традициях и т.п., но и о специфике религиозно-конфессионального освоения мира. А.М. Бабкин писал: «Фразеологический фонд языка народа, национальное идиоматическое достояние – вот тот живой и неиссякаемый источник, который обеспечивает обогащение литературного языка новыми выразительными возможностями и средствами. Воздействие этого источника придает языку яркость черт национального характера и тот неповторимый колорит, который отличает один от другого как языки многовековой культуры, так и вновь слагающиеся и закрепляемые письменностью литературные языки» (Бабкин А., 1970: 46).

Понимание конфессиональной обусловленности многих религиозных аспектов, воплощённых в языке, всё яснее прослеживается в работах современных лингвистов. Например, Л. Л. Григорьева отмечает, что «религиозная картина мира **от-**

личается у представителей **различных конфессий**» (Григорьева Л., 2009: 180) (выделено нами. – Л.Б.).

Каждая конфессия (православие, ислам, католицизм, протестантизм, иудаизм, буддизм и др.), являясь этносемиотической моделью религиозной концепции, сохраняет в себе базовые духовно-ценностные понятия, определяющие бытие народа. В результате исторического развития этноса в его социокультурном пространстве в знаково-языковой форме формируются специфические для данного сообщества профессионально обусловленные культовая практика, отношения, организации, стереотипы религиозных действий, аксиологические профессиональные доминанты и профессиональная картина мира в целом. В этой связи в рамках «молодого» направления лингвокультурологии – **лингвоконфессиологии** – требуется серьёзное исследование вербально-семиотической экспликации, взаимокорреляции и взаимобусловленности национального языка, конфессии и культуры; изучение тех когнитивно-семиотических и ментально-деривационных механизмов, средств и способов, с помощью которых язык актуализирует и сохраняет профессиональную культуру конкретного народа; анализ языкового воплощения феномена **конфессиональной идентичности** (см.: Буянова Л., 2014). Фразеологизм, по нашим наблюдениям, является в максимальной степени профессионально маркированным знаком национального языка, уникальным языковым механизмом создания профессионально-фразеологической картины мира. Например, духовно-культурные и профессиональные доминанты, вербализованные посредством русского национального языка, были обусловлены ключевыми установками *православной* этики: **«Бог есть Любовь»**. В *протестантской* профессиональной системе главной формулой выступает религиозная аксиома **«Бог труды любит»**. В этом аспекте, например, фразеологизмы русского, английского и немецкого языков выступают единицами когнитивно-профессионального кода, отражающими духовно-ментальные особенности профессионального освоения действительности во всех фрагментах бытия: 1) **православие** – *Нести свой крест; Бог любит троицу; Вся семья вместе, так и душа на месте; Хоть мощна пуста, да душа чиста; Бог терпел и нам велел* и др.;

2) **протестантизм** – *Пока смотришь на чайник, он не закипит; Сделка есть сделка; Надеяться и ждать (терпеть) – глупым стать; Упорная работа никому ещё вреда не принесла; Плохой работник ругает свой инструмент; Порядок – полжизни* и др.

Фразеологические системы национальных языков отражают профессиональную культуру народа и выстраивают профессиональную картину мира, выступая в функции **конфессионализма**: 1) **ислам** – *Врач гордеца – Аллах; Коварная жена – плётка шайтана; Дом, где есть дети, – базар; где нет детей – могила/кладбище; Из кувшина можно вылить только то, что в нем есть; Не укрыться тому, кто ведет верблюда* и др.;

2) **католицизм** – *Когда человек спешит, дьявол радуется; У всякого свой грешок; Ничто так не убивает, как ложь; На то и деньги, чтобы тратить; Лучше мало, чем ничего; Одежда не сделает монахом* и др.;

3) **буддизм**: *Ненавистью нельзя одолеть ненависть, её можно победить лишь любовью; Лучше прожить один день тигром, чем тысячу дней овцой; Наилучшая молитва – терпение; Именно собственные мысли, а не враги или недоброжелатели, склоняют человека на тёмную сторону; Не завидовать чужим хорошим качествам, а через восхищение прививать их себе* и др.

Доминантные (ключевые) лексические единицы, входящие в состав фразеологических единиц любого языка, в своей совокупности сами по себе отражают понятийно-ментальную категоризацию мира данным народом, показывают базовые ценностные составляющие его духовно-религиозной картины мира в целом. Так, в приведённых выше примерах ФЕ-конфессионализма ментально-смысловой акцент репрезентируется следующими лексемами: 1) **православие** – *крест; любит; семья; ду-*

ша; терпел; 2) **протестантизм** – сделка; работа; работник; порядок; глупый; смотришь; 3) **ислам** – Аллах; шайтан; дети; дом; базар; могила; кувшин; 4) **католицизм** – дьявол; грешок; ложь; деньги; монах; 5) **буддизм** – ненависть; любовь; тигр; овца; молитва; терпение; завидовать; восхищение. В рамках **сравнительной лингвоконфессиологии** анализ доминантных лексем в составе ФЕ разных языков также свидетельствует о том, что в целом фразеологическая семантика, опирающаяся на ментально-культурные традиции народа, выражает константные смыслы, актуальные и ценные для данной конфессии; причём морально-нравственные и этические установки могут как совпадать у представителей разных конфессий, так и значительно различаться. Например, в русской языковой картине мира понятие *любви* является одним из центральных («Бог есть Любовь»), поэтому отношение к этому чувству у носителей православной этики особое, например: *С милым рай и в шалаше*. В английском языке такому пониманию любовных отношений противопоставляется другое: *When poverty comes in at the door, love flies out of the window* (перевод: *Когда бедность входит в дверь, любовь вылетает в окно*); *Love lasts as long as money endures* (перевод: *Любовь длится, пока есть деньги*).

Прямо противоположно отношению к важнейшему для многих конфессий понятию «**терпение**» (стиль жизни и осмысления мира) в православии, исламе и в протестантизме, что отражает определённые различия народов, исповедующих соответствующие конфессии, во взглядах на мир и место Человека в нём, например: в **исламе** – *Терпение* – ключ к **радости**; в **православии** – *Бог терпел и нам велел*; а в **протестантизме** – *Надеяться и ждать (терпеть)* – *глупым* стать.

Как показывает анализ ФЕ, в лингвоконфессиональной картине мира каждого этноса/социума находят отражение оязыковлённые результаты исторических судеб и современного бытия национальных языков, во фразеологических единицах которых ясно обнаруживается этнокультурный компонент, определяющий особенность их конфессионально и культурно обусловленной семантики.

Итак, национальные языки могут быть *разными*, но общая конфессиональная культура обуславливает наличие в них общих базовых конфессионально-культурных доминант, конфессиональных концептов и иных языковых явлений. Каждый национальный язык не только закрепляет, аккумулирует и хранит в своих фразеологических единицах смыслы, символы, образы, ассоциации, знаки, константы, постулаты, заповеди и установки конкретной конфессии, но и способствует тому, что все они воспроизводятся в **конфессиональной памяти** и менталитете народа из поколения в поколение.

Литература

1. Бабкин, А.М. Русская фразеология, её развитие и источники. – Л.: Наука, 1970. – 264 с.
2. Буянова, Л.Ю. Лингвоконфессиология в системе современной гуманитарной гносеосферы: методологический инструментарий и понятийный аппарат // Мова: науково-теоретичний часопис з мовознавства. – №21. – Украина, Одесса, 2014. – С. 23-26.
3. Григорьева, Л. Л. Фразеологическое отражение христианской и мусульманской религиозных картин мира (на материале русского, английского и арабского языков) // Учёные записки Казанского государственного университета. – Гуманитарные науки, 2009. – Т.151. – Кн.3. – С. 180 – 183.

Summary. In the article, taking into account the linguoconfessional approach of phraseological units, it is considered as a confessional marker and a semiotic means of reflecting and knowing a particular picture of the world – confessional. It is shown that the phraseologism as confessional and as an element of national language consciousness is a special means of categorizing the world; on the material of PU of different languages, it is proved that the phraseological resources of each developed language form a special confessional picture of the world.

Key words: linguoconfessional approach, confessional picture of the world, phraseological units.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ И КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Т.В. Гриднева

Россия, г. Волгоград, Волгоградский государственный социально-педагогический университет
grid6@yandex.ru

Картина мира, сравниваемая исследователями с художественным полотном, наиболее полно раскрывается благодаря характеристике её составляющих, среди которых – языковая картина мира – отображение мира при помощи языковых средств, создающее наглядное представление об окружающих человека явлениях действительности, взаимоотношениях людей. Языковая картина мира художественного произведения, или художественная языковая картина мира создана конкретными авторами и представляет собой неповторимое творение – фрагмент языковой картины мира писателя. Именно в тексте художественного произведения – «целостном коммуникативном образовании, компоненты которого объединены в единую иерархически организованную семантическую структуру» (Алефиренко Н.Ф., 1999: 253), воплощается коммуникативная интенция, замысел автора, проводится перевод «языка смыслов на язык текстовых и языковых значений» (Ракитина С.В., 2009: 414). В этом случае можно говорить об индивидуальной картине мира её обладателя; художественная языковая картина мира определённого автора создана языковыми средствами и воплощается: 1) в отборе элементов содержания художественного произведения; 2) в отборе языковых средств; 3) в индивидуальном использовании образных средств (Попова З.Д., 2007: 56). Художественная языковая картина мира отображает особый концепт, называемый учёными базовым. Некоторые лингвисты полагают, что базовый концепт художественного произведения обладает свойством калейдоскопичности. А.П. Бабушкин, автор понятия «калейдоскопический концепт», считает, что данная когнитивная структура «не имеет постоянных, фиксированных ассоциатов, ‘развёртываясь’ то в виде мыслительной картинки, то в виде фрейма, схемы или сценария», является прерогативой абстрактных имён социальной направленности (Бабушкин А.П., 1996: 64). Другие исследователи полагают, что свойство калейдоскопичности присуще концепту художественного текста, который, выступая базовым, «преломляется через сознание творческой личности» (Рожков В.В., 2007: 23), что влечёт трансформацию составляющих концепта, высвечивающихся разными гранями. При этом концепт художественного произведения сравнивается со сложной ‘электрической’ сетью, в которой разные голоса (автора и персонажей) выступают в качестве полюсов, создающих напряжение в тексте (Там же: 23).

Художественное произведение представляет собой уникальное творение, в котором актуализируются концепция автора, его индивидуальная картина мира, созданная творческим воображением. «В результате личного когнитивного опыта в сознании поэта или писателя формируются концептуальные структуры – фрагменты индивидуально-авторского знания о мире, которые находят своё выражение в текстовом пространстве» (Бернат О.С., 2003: 135). Путём концептуального анализа из содержания всего текста исследователи выводят базовый концепт, который реализуется в своих составляющих – частных контекстуальных концептах, актуализирующихся как в имплицитном (скрытом, неявном), так и в эксплицитном (открытом, доступном пониманию) видах, создающих калейдоскопичность, многогранность базового концепта художественного произведения.

Анализ художественного произведения обычно является комплексным, что справедливо отмечал В.В. Виноградов: «Хотя содержание произведения само по себе не является предметом лингвистического изучения, однако это содержание вопло-

щено в словесной художественной структуре произведения и как бы извлекается из неё» (Виноградов В.В., 1959: 223). То же самое происходит в процессе выявления концептуального ядра определённого текста, когда определяются и анализируются концептуально значимые языковые единицы, среди которых особое место занимают фразеологизмы. Именно они благодаря экспрессивности семантики, образности, необычной экспликации концептуальной картины мира создают эстетическую глубину и ёмкость произведения, служат выполнению художественных задач. Достойны внимания художественные произведения русской классической литературы, которые включают фразеологические единицы, становящиеся средством характеристики центральных персонажей, взаимоотношений между ними. Фразеологические единицы, располагаясь в художественных произведениях в любой текстовой позиции, становятся значимыми для отображения контекстуальных концептов и базового концепта в целом. Например, в рассказе А.П. Чехова «Пассажир 1-го класса» фразеологизм *всеми фибрами [силами] души* – ‘очень сильно, страстно (ненавидеть, презирать и т. п.)’ (Молотков А.И., 1967: 502) является концептуально значимой единицей. Благодаря этому фразеологизму выражается мечта одного из героев рассказа о славе: «Надо вам заметить, сударь, что, когда я был помоложе, я *всеми фибрами души* моей стремился к известности. Популярность была моим, так сказать, сумасшествием. Для неё я учился, работал, ночей не спал, куска не доедал и здоровье потерял» (Чехов А.П., 1985: 98). Пассажир первого класса выражает свою жизненную позицию, рассказывает об усилиях, которые он приложил для осуществления своей мечты; названный фразеологизм взаимодействует с контекстуальным окружением и создаёт концепт «Тщеславие».

Особый интерес представляют тексты с концентрированной актуализацией фразеологизмов, интенсивное употребление которых приводит к многоголосию, создающемуся взаимодействием единиц с эмотивным и оценочным значением, служащим средством отображения как концептов автора, так и персонажей, порой не совпадающих друг с другом.

Так, в повести «Метель» А.С. Пушкина родители Маши, в конце концов смирившись с её выбором, решили дать согласие на брак дочери и Владимира. Вот что пишет об этом автор: «Она советовалась со своим мужем, с некоторыми соседями, и наконец единогласно все решили, что видно такова судьба Марьи Гавриловны, что *суженого конём не объедешь, что бедность не порок, что жить не с богатством, а с человеком*, и тому подобное. Нравственные поговорки бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать себе в оправдание» (Пушкин А.С., 1978: 386). Выделенные фразеологизмы отображают сценарии обсуждения родителями Марии Гавриловны сложившейся ситуации неприятия Владимира как жениха дочери. Взаимодействие фразеологических эмоционально-оценочных концептов и контекстуальных когнитивных структур приводит к отображению авторского концепта «Ирония», концептов персонажей – «Простодушие», «Раскаяние», «Смирение». Все они в совокупности создают концепт произведения в целом.

В художественном литературном произведении отображается оригинальная картина мира автора. Фразеологизмы как концептуально значимые единицы взаимодействуют с концептуальными структурами контекста, в результате чего выделяемый в литературном произведении базовый концепт проявляется разными гранями.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики. – Волгоград: Перемена, 1999. – 253 с.
2. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1996. – 104 с.
3. Бернат, О.С. Отражение языковой картины мира в художественном тексте // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах.

Материалы II Международной научной конференции 5-6 декабря 2003 года. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2003. – С. 133-135.

4. Виноградов, В.В. О языке художественной литературы. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. – 653 с.

5. Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1967. – 543 с.

6. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.

7. Пушкин, А.С. Избранные сочинения. В 2-х т.т. Т. 2. – М.: «Худож. лит.», 1978. – 686 с.

8. Ракитина, С.В. Научный дискурс с позиций когнитивно-дискурсивного подхода // Активные процессы в различных типах дискурсов: функционирование единиц языка, социолекты, современные речевые жанры. Материалы международной конференции 19 – 21 июня 2009 года/ Под ред. О.В. Фокиной. – М.: Ярославль: Ремдер, 2009. – С. 412 – 415.

9. Рожков, В.В. Метафорическая художественная картина мира А.И. Б. Стругацких (на материале романа «Трудно быть богом»): Дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2007. – 228 с.

10. Чехов, А.П. Пассажир 1-го класса // Чехов А.П. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 5. – М.: Изд-во «Правда», 1985. – С. 97-103.

Summary. In the article we describe the art language picture of the world as the actualization of the language picture of the world by authors. Basic concept of the art language picture of the world is actualized from different sides. Idioms are important conceptual unities for actualization of the conceptual structures of the context and all text.

Key words: language picture of the world, concept, idiom, conceptual structure.

О РОЛИ СЦЕНАРНОЙ МЕТОНИМИИ В ФОРМИРОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Н.А. Илюхина

Россия, г. Самара, Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва
ilnadezhda@rambler.ru

Известно, что фразеологическая семантика возникает в результате действия разных языковых и речевых механизмов, среди которых значительное место занимают метафора и метонимия, нередко во взаимодействии друг с другом или с другими механизмами.

Предметом обсуждения в данном случае является роль метонимии, очевидная, в частности, в процессе образования семантики ФЕ *буйная головушка* (о безрассудно смелом, удалом человеке), *иметь где-либо свою руку* (о человеке, способном оказать покровительство, помощь), *сесть в новое кресло* (занять новую должность), *смаывать удочки* (собираться уйти откуда-либо).

Другой вопрос, который предлагается к обсуждению, касается связи формирования фразеологической семантики с концептом, заключающим в себе знания о соответствующей реалии (лице, ситуации, событии и т.д.). Мы придерживаемся типологии концептов, в рамках которой дифференцируются концепт-представление (образ), концепт-понятие, концепт-фрейм, концепт-пропозицию, концепт-сценарий (скрипт) и концепт-гештальт. Наиболее массово, по нашим наблюдениям, семантика фразеологических единиц оформляется на базе концептов-представлений, концептов-фреймов, концептов-сценариев и концептов-гештальтов.

Как показывают результаты исследования, в формировании семантики фразеологических единиц значительную роль играют когнитивные механизмы – манипуляция знанием о реалии (соответствующим типом концепта), в данном случае по

метонимическому принципу. В связи с этим становится очевидной роль определенного типа концепта с присущим ему особым способом структурирования знания, отражающего специфический тип реалии, в векторах метонимического сдвига и принципах метонимической номинации объекта посредством фразеологической единицы. О типологии метонимии, основанной на этом принципе, см. в наших статьях (Илюхина Н.А., 2015: 36-48; Илюхина Н.А., 2015: 9-16).

Обратимся к краткой характеристике концепта-сценария как способа структурирования знания о специфической реалии. Структурной особенностью сценария является организация сложных, многоактных действий как «последовательности стереотипных эпизодов (этапов или элементов), развивающейся во времени и пространстве» (Алефиренко Н.Ф., 2003: 75); при этом обращается внимание на то, что эти стереотипные эпизоды характеризуются «признаком движения, развития» (Попова З.Д., Стернин И.А., 2007: 119).

Такого рода реалии, имеющие логику сценария, нередко в речи обозначаются метонимически – с использованием названия одного из этапов события. Приведем примеры таких названий, в которых глагол воплощает конструктивно обусловленное значение.

Он сегодня сходил (ходил) в магазин. Сестра сходила в поликлинику. Иван Иванович сходил в нотариальную контору. Иногда такие конструкции используются с функцией эвфемизации: *Мальчик сходил (не сходил) в туалет (на горшок). Вот уже неделю как за мной особист ходит. Хотя бы раз в год он старается сходить в горы. Каждое лето езжу в деревню.* В таких случаях глагол (в приведенных примерах – глагол движения) благодаря связи с семантикой того или иного актанта либо сирконстанта указывает на более широкий круг действий субъекта: покупку (в магазине), обследование (в поликлинике), оформлении документов (в нотариальной конторе) и т.д.

Этот же принцип лежит в основе фразеологического значения (если сопоставлять его с исходным значением ключевого слова) значительного пласта фразеологических единиц. Рассмотрим некоторые их разновидности на материале, извлеченном преимущественно из словаря (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2007).

В составе этих фразеологизмов в качестве основного средства, обеспечивающего перенос названия по сценарному принципу и соответствующую трансформацию семантики всего выражения, выступают глаголы (либо соотносительные с глаголом слова) с различным значением: движения, статического положения в пространстве, изменения этого положения, различных действий по манипуляции с предметом и т.д. Прокомментируем логику формирования фразеологической семантики и связь выражения с концептом сценарного типа на нескольких примерах.

Фразеологическая единица *выводить / вывести из-за стола кого* (с. 643) в значении «выдавать замуж, соблюдая все традиционные правила, обычаи (о невесте)» обозначает сложное событие, имеющее ярко выраженную структуру сценария. Однако именуется это событие по одному из элементов многоэтапного обряда. Иначе говоря, в данном случае целое (весь обряд) именуется по его части (одному из действий), т.е. метонимически.

Соотносительная с данной фразема в ее вариантах *идти / пойти / выйти замуж* (вступать (вступить) в брак) также обязана формированием своего фразеологического значения метонимическому принципу: по названию частного действия (перемещения в дом мужа) именуется изменение статуса женщины, ее образа жизни, обязанностей и т.д.

Аналогичной интерпретации поддается целый ряд фразеологических единиц, также включающих глаголы движения: *ходить (бегать) на сторону* (Разг. Шутл.-ирон. Изменять в супружестве. С. 645; ср. другой вариант этого фразеологизма: *ходить / сходить налево*), *идти/пойти (ходить) с сумой*. (Разг. Нищенствовать, просить милостыню. С. 651). По сравнению с буквальным значением этих выражений,

предполагающих лишь перемещение (в первом случае – в определенную сторону), в том числе с определенным предметом (сумой как атрибутом нищенствующего человека), фразеологическое значение подразумевает вполне определенный набор действий (ролей), типовых для соответствующей ситуации. В первом случае имеются в виду совместное с женщиной (не женой или невестой) времяпрепровождение, сексуальные действия, во втором случае – просьба о милостыне, добывание пропитания таким способом.

Из приведенных примеров становится очевидно, что метонимический принцип обозначения ситуации оказывается возможным в условиях сочетания глагола движения с иным (конкретизирующим ситуацию) параметром перемещения – в рассматриваемых фраземах с локальным указателем (из-за стола, налево, а также – по мужикам и т.д.) либо предметным, аксессуарным (с сумой). Именно в таких условиях глагол движения, именуемый в этих фраземах действие, не имеющее сущностного значения для события в целом, в том числе нередко называющего техническую деталь этого события, становится выразителем комплекса действий, организованных по сценарному принципу. При этом дополнительный (локальный и предметный) указатель соотносится с кодируемым им сложным фреймом, аккумулирующим знание не только о структуре соответствующей реалии (денотата), но и о типичных видах деятельности в широком ее понимании, связанной с этой реалией.

Еще одной иллюстрацией этого положения может служить фразеологизм *сходить / сойти со сцены*. В буквальном смысле это выражение означает перемещение субъекта от пространственного ориентира (сцены) вовне, во вторичном, метонимически производном значении – закончить артистическую деятельность. Собственно фразеологическое значение (Разг. Оставлять былую деятельность, поприще; переставать играть прежнюю роль в чем-л., с. 653) связано с обозначением прекращения любой деятельности, т.е. является метафорически переосмысленным. Однако и в его формировании заметна роль метонимического принципа обозначения, когда перемещение от сцены означает более широкий круг смыслов – прекращение деятельности, связанной со сценой, являющейся основным местом публичной деятельности артиста или шире – любого публичного деятеля.

Метонимическому происхождению обязана семантика фраземы *сушить сухари* (Прост. Ирон. Готовиться к уголовному или политическому наказанию, к тюремному заключению, с. 652). В буквальном смысле это выражение называет начальный этап сложного сценария, связанного с лишением человека свободы и иными ограничениями, в том числе скудным питанием.

Книжная фразема *отверзать / отверзнуть уста* (Начинать говорить, рассказывать о чем-н., с. 690) также представляет собой пример сценарного типа номинации: в этом случае через наименование физиологического действия, необходимо для произнесения, обозначается речевая деятельность в целом.

Фразеологизм *телята язык отъели кому* (Волг. Шутл. О внезапно замолчавшем человеке) шутливо отсылает к гипотетической ситуации утраты одного из основных органов речевого аппарата, которая могла предшествовать данному акту неудачной коммуникации и быть причиной этой неудачи. Автору статьи известен другой вариант этой фраземы – *корова язык отжевала кому*, который характеризует ту же ситуацию, когда человек, от которого ожидается какая-либо речь (чаще ответ на вопрос), упорно продолжает молчать.

На примере фразеологизмов *сматывать удочки* (собираться уйти откуда-либо) и *рядиться в тогу* кого, чего (своим поведением претендовать на какую-л. общественную роль, не соответствуя ей, с. 665), представляющих собой когнитивные метафоры, покажем механизм совмещения метонимического и метафорического актов в образовании их семантики (о совмещении метонимического и метафорического механизмов в генезисе когнитивной метафоры см. статью (Илюхина Н.А., 2016: 44-50)).

Фразема *Рядиться в тогу* кого, чего в буквальном смысле называет облачение в одежду определенного типа. Фразеологическое значение связано с обозначением

типичного поведения человека в такой одежде, т.е. не отдельное действие, а сценарий, к тому же это значение обогащается оценкой такого поведения как неадекватного.

В буквальном, исходном смысле выражение *сматывать удочки* называет финальный этап рыбалки, за которым следует уход с места рыбалки. В метонимически производном значении выражение именуется выраженное стремление покинуть место рыбалки. Далее, в результате метафорического осмысления этого типа действий как любых действий, связанных с пребыванием в конкретном месте, фраза называется подготовкой к тому, чтобы покинуть какие-либо место.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Проблемы вербализации концепта: Теоретическое исследование. – Волгоград: Перемена, 2003. – 96 с.

2. Илюхина, Н.А. О типологии лексической метонимии в свете когнитивного принципа // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2015. – № 7. – С. 36-48.

3. Илюхина, Н.А. Сценарная метонимия: механизм образования и некоторые разновидности // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2015. – № 11 (133). – С. 9-16.

4. Илюхина, Н.А. Метонимия и когнитивная метафора как результаты воплощения концепта-сценария в речи (на примере сценария понимания) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2016. – № 3.2. – С. 44-50.

5. Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.

6. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.

Summary. The article discusses one of the aspects of the formation of phraseological semantics – the role of metonymic transfer (shift) in relation to phrases, which are based on metonymy or cognitive metaphor, genetically having not only a metaphorical but also a metonymic mechanism. The phraseological units formed on the basis of scripted type concepts are analyzed.

Key words: phraseological semantics, metonymic shift, cognitive metaphor, scripted type concepts.

ПЕРИФРАСТИЧЕСКИЕ СОСТАВНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Э.М. Левина

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
elevina@bsu.edu.ru

Прецедентные имена – это широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, исторических событий, судеб (Караулов, 1987).

В когнитивной базе хранится прецедентное имя и то, что за ним стоит, совокупность дифференциальных признаков и атрибутов. Любое прецедентное имя имеет определенную структуру, ядро инварианта составляют дифференциальные признаки, которые определяют специфические признаки данного имени и противопоставляют его другим именам, периферию – атрибуты.

Для прецедентного топонима дифференциальные признаки могут быть представлены такими характеристиками, как *масштабы географического объекта, значимость, особенности создания и др.*, атрибуты прецедентного имени – это "эле-

менты, тесно связанные с означаемым прецедентного имени, являющиеся достаточными, но не необходимыми для его сигнификации» (Красных, 2002).

Явление прецедентных феноменов, воссоздающее менталитет представителей определенной лингвокультуры, наиболее широко представлено в художественных произведениях и публицистике. Именно с этим связано внимание ученых к анализу прецедентных феноменов как значимых моделей вербализации культуры в языке. Прецедентные единицы реализуют в индивидуально-авторской картине мира свои метафорические и символические потенции, формируют особое лингвокультурное пространство, в котором элементы текста находятся во взаимодействии и взаимопроникновении. В результате текст трансформируется в дискурсивное образование, встраиваясь в общелитературный и общекультурный контекст.

В последние годы количество прецедентных имен, используемых в художественной речи, стремительно расширяется, растет и частотность их использования (Красных, 2002; Нахимова, 2005 и др.),

Особый интерес представляют перифрастические составные наименования, сохраняющие богатый объем нелингвистической информации. В таких наименованиях отражены различные дифференциальные признаки прецедентного имени: *история географического объекта, его величие и значимость, авторское отношение, оценка, значимость изображаемого географического объекта, роль географического объекта в развитии культуры и жизни нации в целом и др.*

Приведем некоторые примеры.

РУСЬ – Россия, великая Русь, Русь Святая, святая земля, российские версты и др.

НЕВА – невские воды, невские пучины, царственная Нева, дочь Петрополя и др.

БЕЛГОРОД – Белый город, Бел-город, Белгородчина, Белогорие, Белый град, Белгородская черта.

МОСКВА – Московская земля, России дочь любима, город, отвергнутый Петром, порфириноносная вдова и др.

Характерным для дискурса русского поэтического текста является градация функционирования прецедентных имен. Так, прецедентное имя **Санкт-Петербург (Ленинград, Петроград, Петрополь, Санкт-Петербург)** может иметь перифрастические составные наименования, актуализируя в коммуникативном сознании различные фоновые знания:

– «двойственное восприятие города» (**чудный град, город мглы и тоски**);

– «создателя города» (**град Петров, город Петра, град великого Петра, Петра творенье**);

– «отождествление семантики имени с семантикой других топонимов» (**Северный Версаль, Северная Пальмира, русские Афины**);

– «центр притяжения творческого и научного потенциала России, создания шедевров мирового искусства, свершения научных открытий, мозг все России»; (**Пушкина город и Достоевского, всех градов царица**);

– «Санкт-Петербург как вторая столица» (**младшая столица, военная столица, Невская столица, Северная столица**).

Достаточно большое количество перифрастических составных наименований актуализируют фоновые знания о неожиданном и чудесном появлении города. Чудо в том, что Петербург появился на болоте, гибельном месте вдруг. В связи с этим возникают такие номинации, как **чудо-град** (С. Шевырев), **чудный град** (И. Ключников), **дивный град, чудо света** (В. Романовский), **призрак-город** (М. Волошин):

**О, Бронзовый Гигант! о чудо света!
Тебя волшебник созидал** (В. Романовский).

Целый ряд перифрастических составных наименований в коммуникативном сознании получателя актуализируют фоновые знания о создателе этого “дивного града”, его творце – **град Петров** (П. Вяземский), **город Петра** (К. Рылеев), **град Великого Петра** (В. Романовский), **Петра творенье** (А.С. Пушкин) и др.

*Я вижу град Петров, чудесный, величавный,
По манию Петра воздвигшийся из блат...*(П. Вяземский).

Следует отметить, что образ Петербурга, созданный поэтами и писателями, отличается противоречивостью, двойственностью вызываемых чувств, в результате чего наблюдаем, с одной стороны, такие перифрастические составные наименования, как **пышный город** (А.С. Пушкин), **сказочный город** (П. Якубович), **город роскоши и шума** (Сперанский), **город-великан** (С. Городецкий), **преславный город** (В. Третьяковский), **гордый город** (А. Григорьев), **град державный** (П. Ершов), с другой стороны – **град развратный** (А. Бестужев-Марлинский), **город несчастный** (П. Якубович), **город мглы и тоски**, **город одинокой** (К. Аксаков), **город рабов** (А. Григорьев).

*Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит* (А.С. Пушкин).

В сознании русского лингвокультурного сообщества **Петербург** воспринимается с момента его возникновения как новая столица. Многие поэты именно так называют Петербург, причем используют богатейшую палитру эпитетов, актуализируя различные дифференциальные признаки прецедентного имени – **шумная столица** (Ф. Сологуб), **младшая столица** (А.С. Пушкин), **нарядная столица** (С. Андреевский), **блестящая столица** (Я. Полонский), **Севера столица** (Г. Державин), **столица новая** (Н. Некрасов), **военная столица** (А.С. Пушкин), **Невская столица** (А. Подолинский).

*Столицы Невской посетитель,
Кто б ни был ты – Петру поклон* (А. Подолинский).

Особый интерес представляют перифрастические составные наименования, более сложные по структуре. Такие топонимы содержат указание на историю этого города – **труд медленных веков** (П. Вяземский), **Петра державное творенье** (П. Ершов), **Петра Первого окошко с толстой рамою двойной** (Сперанский), **приюты нищеты печальной** (Н. Некрасов), **колыбель нашей русской свободы** (П. Якубович); авторы подчеркивают величие Петербурга – **твердыня северных морей**, **венец отчизны православной** (П. Ершов), **любезная страна, приятный берег** (В. Третьяковский), **всех градов царица** (Г. Державин), **Невы державный полубог** (П. Ершов). Ряд номинаций-описаний подчеркивают особую роль Петербурга в развитии культуры и жизни нации в целом – **Пушкина город и Достоевского** (В. Брюсов), **арена деятельной силы, пытливого мысли и труда, мозг всей России** (П. Якубович), **блаженная колыбель** (А. Ахматова).

*Державный дух Петра и ум Екатерины
Труд медленных веков свершили в век единый*
(П. Вяземский).

Следующие перифрастические составные наименования отражают аллюзии – Москва и Петербург, Петербург и остальная Россия, Петербург и Западная Европа, Петербург и Афины, Петербург и Версаль, Петербург и Пальмира. Такие параллели позволили создать поэтам перифрастические составные наименования – **Северный Версаль** (С. Соловьев), **призрачная Пальмира** (В. Иванов), **Северная Пальмира** (М. Милонов), **русские Афины** (Е. Баратынский).

Прецедентные топонимы соотносятся со временем и эпохой значимых для человечества событий (отражение философских категорий времени и пространства),

переломных исторических моментов, в том числе уже опосредованных при помощи других культурных текстов и т.п. Так, например, представления, стоящие за фраземой **бандитский Петербург**, в сознании русского лингвокультурного сообщества – это события известного телесериала (**место – события**), что подчеркивается автором текста-реципиента лексическими средствами:

*И не предвидит кинодраматург,
что где-нибудь за Невскою заставой
появится «бандитский Петербург»* (Лана Яснова).

В строках поэтов находим немало перифрастических составных наименований, связанных с Санкт-Петербургом (**Невский проспект, Сенная площадь, Храм Воскресения Христова (Спас на крови)** и др.).

Наименование **Храм Воскресения Христова (Спас на крови)** выступает как культурологически значимый образ еще дореволюционной России, соотносимый с её могуществом, православной культурой и др.:

*Мечтаю снять леса со **Спаса на Крови**...*
(А. Розенбаум);
*...И **Спас на Крови** за лесами скрывает величие...*
(Лана Яснова).

Храм Воскресения стоял до конца XX века в строительных лесах (реставрация храма длилась очень долго). Строки отражают прецедентную ситуацию, **метонимически** обозначая события, которые происходили в конце XX века (**место – событие**).

Сенная площадь («чрево Петербурга» по аналогии с «чревом Парижа»), **Сенная** (эллиптическое наименование) в представлении русского образованного лингвокультурного сообщества – место очень необычное. Именно на **Сенной** Н.А. Некрасов увидел, как «...били женщину кнутом // Крестьянку молодую», Раскольников на **Сенной** решается на преступление и здесь же принародно кается, у В. Крестовского в «**Петербургских труппах**» **Сенная площадь** – одно из полноправных действующих лиц [Крестовский]. **Сенная площадь** – площадь в центре Санкт-Петербурга, где всегдалюдно, здесь пересекаются три линии метрополитена, маршруты трамваев и автобусов. По аналогии с «чревом Парижа» её называют «**чревом Петербурга**»:

*...и поверни, и дальше – по **Сенной**,
и через мост – и к дому на Фонтанке...* (Лана Яснова).

Поэтические строки отражают реальные события жизни автора, некоторое время проживавшего в доме за Сенной, на Фонтанке (**место – событие**).

Перифрастические составные наименования – это важная часть национальной языковой картины мира, они задают национальную систему ценностей, которая в той или иной мере регулирует поведение представителей национально-лингвокультурного сообщества.

Создание перифрастических составных наименований – процесс творческого, сознательного выбора и поиска, и, что самое важное, именно такие составные номинации заставляют нас помнить о главном: об удивительной истории географических объектов, об их особой роли в русской культуре, в жизни нации.

Подытоживая наш анализ, можем утверждать вслед за другими исследователями, что система прецедентных феноменов – это один из инструментов трансляции «культурной памяти» народа от одного поколения к другому. При этом понимание и восприятие прецедентных онимов зависит от фоновых знаний читателя, поскольку с «процессом восприятия текста происходит процесс узнавания носителя прецедентного имени, сведения о котором хранятся в когнитивной базе читающего» (Алефиренко, Чумак-Жунь, 2014: 80).

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Методология и методы современной лингвистики: учебное пособие / Алефиренко Н.Ф., Чумак-Жунь И.И. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014. – 124 с.

2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Издательство ЛКИ, 1987. – 264 с.

3. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – М.: Гнозис, 2002. – 264 с.

4. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в политической коммуникации // Вестник Уральского государственного технического университета – УПИ. Серия «Филология». – Екатеринбург, 2005. – № 60 (8). – С. 232-241.

Summary. The article investigates the periphrastic compound names, which are used in the text not so much to refer to a specific geographical object (situation, city, urban objects, etc.), but as a kind of cultural sign, a symbol of certain events, destinies. The study carried out a comparative work to identify the structure of different types of compound names, the sources of their generation.

Key words: periphrastic compound names, cultural sign, national picture of the world.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КРЫЛАТИКИ Н.М. КАРАМЗИНА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ¹

О.В. Ломакина

Россия, г. Москва, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Российский университет дружбы народов,
rusoturisto07@mail.ru

Лишь бы школьник умел лихо определить
Фамусова, Левинсона, Онегина, деда Щукаря,
бедную Лизу, Наташу Ростову, Раневскую,
князя Игоря — одним и тем же приемом, на один лад:
«черта» характера и к ней пример или цитата,
еще «черта», еще пример и т. д.
(Гуковский Г.А. «Изучение литературного
произведения в школе
(Методологические очерки о методике)», 1941)

Фонд крылатых выражений (КВ) русского языка включает как единицы-интернационализмы, функционирующие в разных языках, так эпитонимы, появившиеся в русской литературе и культуре. Язык писателя является одним из активных источников пополнения отечественной крылатики. Согласно данным С.Г. Шулежковой, лидером среди авторов КВ является А.С. Пушкин, затем следуют А.С. Грибоедов, И.А. Крылов. Превосходство поэтов объясняется тем фактом, что «поэтические отрывки легче усваиваются, запоминаются, благодаря ритмическому построению и рифме (Шулежкова С.Г., 2002: 91-92). Вместе с тем нельзя не отметить и роли таких известных писателей-прозаиков, как Н.В. Гоголь и М.Е. Салтыков-Щедрин.

В отличие от литературы XIX в., составившей основу современной крылатики, тексты русских поэтов и писателей XVIII в. Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, М.В. Ломоносова, А.Н. Радищева, А.П. Сумарокова, В.К. Тредиаковского, Д.И. Фонвизина стали источником небольшого количества КВ: составители «Большого словаря крылатых слов и выражений русского языка» (БСКСВРЯ) зафиксировали около 60 КВ, появившихся благодаря эти авторам.

Каждое из перечисленных имён – своеобразная веха в истории не только русской литературы, но и культуры. Имя Николая Михайловича Карамзина (1766-1826),

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09064

прежде всего, отождествляется с появлением сентиментализма как научного направления. В литературоведческих работах подчёркивается значение Карамзина как «предвозвестника» романтизма, писателя, поставившего «задачу воспитания искусством тонких чувств» (Уразаева К.Б., 2016: 99). Современные историки, в отличие от советских, отрицающих наличие «большого нарратива в исторической науке» (Наумова Г.Р., 2017: 21), возвращаются к «Истории государства Российского», поскольку «Карамзин преподнёс исторической науке не только основы научной методологии, но и основы историографии и источниковедения» (Наумова Г.Р., 2017: 23). Для отечественных лингвистов творческое наследие Н.М. Карамзина представляет собой нераскрытую книгу: язык писателя не изучен в должной мере, хотя, как известно, реформирование стилевой организации неразрывно связано с изменением языковых предпочтений.

К.П. Сидоренко, анализируя язык комедии А.С. Грибоедова в интертекстуальном ключе, ввёл понятие «крылатые раритеты» для обозначения редких единиц (Сидоренко К.П., 2010: 244). Язык Н.М. Карамзина не является исключением: фонд карамзинской крылатики немногочислен, некоторые единицы можно назвать «крылатыми раритетами», требующими комментария. Кроме того, возможно выявление потенциальных КВ, получающих распространение благодаря экстралингвистическим факторам.

Составители словаря «Крылатые слова» Н.С. Ашукин и М.Г. Ашукина приводят 6 КВ, обретших популярность благодаря творчеству Н.М. Карамзина: *Герой нашего времени* (Ашукины, 1988: 21), *Гони природу в дверь, она летит в окно* (Ашукины, 1988: 82), *Ничто не ново [не вечно] под луной* (Ашукины, 1988: 237), *Покойся, милый прах, до радостного утра* (Ашукины, 1988: 272), *Смеяться, право, не грешно! / над всем, что кажется смешно* (Ашукины, 1988: 324), *Чародейство <чарованье> красных вымыслов* (Ашукины, 1988: 373). Впоследствии этот список был расширен составителями «Большого словаря крылатых слов и выражений русского языка», включившими КВ *Бедная Лиза* (БСКСВРЯ, 1: 88), *Вино на радость нам дано* (БСКСВРЯ, 1: 172). Таким образом, общее количество карамзинских КВ составляет 8 единиц.

Из перечисленных выделяется КВ *Герой нашего времени*: эта единица обрела второе рождение благодаря М.Ю. Лермонтову и ассоциируется исключительно с названием его романа. Подобные примеры в литературе неединичны: так произошла актуализация единиц, попавших в пространство другого текста («Кавказский пленник» А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого», «После бала» Л.Н. Толстого и Рэя Брэдбери и т.п.) (Ломакина О.В., 2018: 108).

Как показал проводимый нами социолингвистический эксперимент в рамках проекта «Классики русской литературы в зеркале крылатых выражений», современные школьники не могут назвать КВ, появившиеся благодаря Н.М. Карамзину. В связи с этим возник вопрос: насколько частотно употребление карамзинской крылатики в современном русском языке последних двух десятилетий, какие КВ обрели в современном языке раритетность и появились ли в употреблении потенциальные КВ.

По данным НКРЯ, *Покойся, милый прах, до радостного утра*, *Чародейство <чарованье> красных вымыслов* не функционируют в современном языке.

Единично употребление КВ *Гони природу в дверь, она летит в окно* и *Вино на радость нам дано*:

– Уверен, что это все выяснится и пробьется. Как известно, **«гони природу в дверь – она влетит в окно»**. Мы «пробили» образовательный стандарт по теологии, так, конечно, «пробьется» и ВАК. (<https://www.pravmir.ru/video-neveroyatnye-priklyucheniya-teologii-v-rossii/>)

Все эти песни считались безымянными и народными. Тем большим было мое удивление, когда я узнал, что одну из наиболее популярных песен того времени с широко известными строчками: *Так наливай сосед соседке, – Соседка любит*

пить вино. **Вино, вино, вино, вино, – Оно на радость нам дано,** – написал ленинградский поэт Дмитрий Генкин, старший брат ленинградского барда Александра Генкина (Городницкий А. «И жить еще надежде», 2001).

В представленных контекстах КВ функционируют как чужой текст: в первом случае эта единица воспринимается говорящим как цитата, о чём свидетельствует метатекстовый оператор – вводное предложение как известно, во втором – ссылка на автора, использующего КВ.

КВ *Смеяться, право, не грешно!* / *над всем, что кажется смешно* встречается в публицистических текстах: *Открывая их, он сообщил своим корреспондентам, что если его основной сайт будет разрушен во время Апокалипсиса, они смогут получать сообщения по запасным сайтам. Для этого достаточно воспользоваться поисковиком Google. Видимо, Тодд исходит из того, что Google не по зубам даже антихристу-Обаме. Смеяться, право, не грешно над тем, что кажется смешно.* Но давайте пока повременим со смехом («Известия», 19.11.2008); *И тут же – знаменитая шекспировская комедия "Укрощение строптивой". Смеяться, право, не грешно!* Эту истину вот уже 25 лет доказывает на сцене великий эстрадный актер, фельетонист и... библиофил Николай Павлович Смирнов-Сокольский («Известия», 11.09.2006). Если первый контекст содержит КВ без изменения плана содержания и плана выражения, то второй – импликацию КВ. При усечении авторколичественно упрощает КВ, делая его более кратким и прагматически ёмким – удобным в употреблении.

В отличие от предыдущих, в текстах двух последних десятилетий частотно использование КВ *Ничто не ново под луной <солнцем>*, что связано с обретением такого признака, как пословичность, понимаемого носителем языка (подробнее см.: Бредис М.А., 2016: 94). «Переход КВ в разряд паремий возможен в процессе частого употребления, которое приводит к потере связи с авторским контекстом или определённой исторической эпохой. Таким образом, оборот фразеологизируется, т.е. становится системным явлением языка» (Макарова А.С., 2016: 125). Приведём примеры контекстуального использования: *Разумеется, ничто не ново под Луной, но, думается, что историю отечественной криминалистики можно смело пополнить несколькими эпизодами из разворачивающейся драмы* («Криминальная хроника», 10.06.2003.); *Точь-в-точь похожее на все другие – опомнится, уже было такое, что сводило парочки, не знаю уж, как оно называлось: ничто не ново в подлунном мире.* («Труд-7», 07.08.2003.); – *Слава ничем не возмущался, никого не винил: все имели право на жизнь, ничто не ново под луной, прав тот, кто ко всему подходит с иронией* (Иванов А. «Комьюнити», 2012); *Сейчас в городе, говорят, стало опасно. А у меня все-таки запасы ароматического чая на пять лет, хочется жить. Поэтому я на улицу не выхожу, предпочитаю балкон. Ну обвалится, так обвалится, ничто не вечно под луной* (Аксенов В. «Новый сладостный стиль», 2005).

Во всех представленных примерах КВ употребляется в значении ‘Что бы ни происходило, ничто не может считаться абсолютно новым’. Лишь в одном случае в КВ происходит замена компонента, благодаря чему образуется субститут на основе несистемных отношений *Ничто не ново в подлунном мире*.

Среди представленных КВ-карамзинизмов КВ *Бедная Лиза* содержит имя собственное, что коррелирует с фактором частотности в современном языке: *Вы сошлетесь на редакционную тайну и на страшную кару, которая может постигнуть бедную Лизу, поведавшую нам свое горе в большевистских когтях* (Ефимов Б. «Десять десятилетий», 2000); *Лиза все чаще бросала на меня странные взгляды, и я догадывался, что она должна была думать: старик, похоже, не совсем в себе. Может быть, даже переживала из-за меня, моя бедная Лиза* («Наука и жизнь», 2007). В приведённых примерах КВ связано с именем героини, чем и объясняется его употребление. В современном языке данное КВ приобрело дополнительные зна-

чения 'О несчастных, беспомощных людях', 'О людях, страдающих или гибнущих от любви', хотя БСКСВРЯ фиксирует лишь значение 'О сентиментально слащавых и беспомощных людях' (БСКСВРЯ, 1: 88). Интересны стилистические приёмы использования КВ. Например, случай включения КВ в состав сравнительного оборота: *Вот возьму и утоплюсь, как бедная Лиза* («Комсомольская правда». 21. 09. 2001). Название статьи о выставке, посвящённой 225-летию создания повести, *Бедная "Бедная Лиза"* («Российская газета» – Неделя, 25.08.2016) представляет собой языковую игру, построенную на лексическом повторе. Это пример проявления лингвопрагматической функции крылатики, которая, «будучи экономным способом интерпретации описываемых фактов и событий», широко представлена в заголовках, что создавая особую экспрессию, всегда востребованную читателем и позволяющую быстрее наладить контакт с аудиторией, удерживая её внимание в ходе чтения» (Макарова А.С., 2017: 255).

Современный культурный контекст нередко обнаруживает и воспроизводит потенциальные КВ, которые могли быть даже не зафиксированы лексикографически. Так, экстралингвистическим фактором вызвано появление следующего заголовка статьи: *Боярский – сын* («Собеседник», 21-27.11.2018), посвящённой тому, как сын актёра Михаила Боярского получал депутатский мандат. В названии повести Н.М. Карамзина «Наталья, боярская дочь» происходит замена компонента лексемой, также относящийся к лексике родства, *сын – дочь*, благодаря чему единица актуализируется и становится частью современного культурного контекста.

Таким образом, из числа представленных в лексикографических сборниках 8 КВ, распространение которых приписывается Н.М. Карамзину, наиболее популярны в современном языке следующие: *Ничто не ново под луной <солнцем>* и *Бедная Лиза*. В контексте реализуется лингвопрагматическая функция крылатики, как и фразеологии и паремиологии (Ломакина О.В., Макарова А.С., 2018: 182). Использование функционального потенциала крылатики (трансформации, стилистические приёмы, связь с текстом) говорит о нахождении данных единиц в ядре фонда КВ современного русского языка. «Крылатыми раритетами» стали КВ *Покойся, милый прах, до радостного утра, Чародейство <чарованье> красных вымыслов*, которые не функционируют в современном языке. Потенциальным КВ становится прецедентная единица *Наталья, боярская дочь*. Употребление КВ *Гони природу в дверь, она летит в окно* и *Вино на радость нам дано* единично, поэтому важно выявить тенденцию функционирования для получения выводов о ядерном или периферийном нахождении этих единиц в фонде КВ современного русского языка.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Живое слово: Проблемы функциональной лексикологии. – М.: Флинта, Наука, 2009. – 344 с.
2. Ашукин, Н.С., Ашукина, М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения. – М.: Художественная литература, 1987. – 528 с.
3. Берков, В.П., Мокиенко, В.М., Шулежкова, С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: в 2-х т./ под ред. С.Г. Шулежковой. – Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2009. – Т.1-2. – БСКСВРЯ
4. Бредис, М.А. Представления о денежных отношениях в пословицах (на материале русского, латышского, литовского, немецкого и английского языков): дис. ... канд.филол.наук: 10.02.20. –М., 2017. – 346 с.
5. Ломакина, О.В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: Монография / под ред. В. М. Мокиенко. – Москва: РУДН, 2018. – 344 с.
6. Ломакина, О.В., Макарова, А.С. Современный заголовок как пример реализации функционального потенциала крылатики в публицистическом дискурсе // Жизнь фразеологии – фразеология в жизни: сборник научных статей к юбилею профессора А.М. Мелерович / отв. ред. и сост. И.Ю. Третьякова; предисл. А.Е. Якимов. – Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. – С. 180-186.

7. Макарова, А.С. Крылатое выражение ↔ пословица: о некоторых переходных случаях во фразеологии // Фразеологизм и слово в художественном, публицистическом и народно-разговорном дискурсах: материалы международной научно-практической конференции. – Кострома: Изд-во Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова, 2016. – С. 124-125.

8. Макарова, А.С. Особенности трансформаций крылатых выражений-галлицизмов в функции заголовка медиатекста (сопоставительный аспект) // Фирсовские чтения. Лингвистика в XXI веке: Междисциплинарные парадигмы: материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. Москва, 14–15 ноября 2017 г. – М.: РУДН, 2017. – С. 254-259.

9. Наумова, Г.Р. «История государства Российского» Н.М. Карамзина : горизонты будущего // Пути исторического развития Российского государства: от эпохи потрясений к эпохе созидания и консолидации: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. –Чебоксары: Издательско-полиграфическая компания «Новое время», 2017. –С. 18-26.

10. Сидоренко, К.П. «Крылатые раритеты» А.С. Грибоедова и типология словарей интертекстовых единиц // И вновь продолжается бой...: сб. науч. ст., посвященный юбилею д-ра филол. наук, проф. С.Г. Шулежковой / гл. ред. В.М. Мокиенко; чл. редкол. Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. – Магнитогорск, 2010. – С. 244– 247.

11. Уразаева, К.Б. Риторика литературно-художественной сферы в учебной книге для магистратуры по направлению «Филология» вузов России и Казахстана (на материале анализа риторической аргументации в «Бедной Лизе» Н.М. Карамзина) // Филология и коммуникативные науки: направления взаимодействия. – Ежегодник–2016. Выпуск 3. –Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2016.– С. 95–104.

12. Шулежкова, С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. – М.: Азбуковник, 2002. – 288 с.

Summary. The article deals with functioning peculiarities of winged expressions attributed to N.M. Karamzin. The study shows that over the last two decades the most popular winged expressions in the modern language have been There is nothing new under the moon <sun> and Poor Liza. Use of winged units' functional potential (replacements, stylistic devices, reference to the text) suggests that these units are modern Russian core winged expressions. The units Rest, dear dust, till the gladsome morning, Magic <charm> of fine tales are not used in the modern language, which allows us to speak of their peripheral position in the language system. The use of the winged expressions Throw nature out of the door, it will come back through the window and Wine was given to us for rejoicing is sporadic.

Key words: winged expressions, potential winged expressions, functional potential of winged expressions, precedent units.

ОСОБЕННОСТИ АНТРОПОНИМИИ РАННИХ РАССКАЗОВ А.П. ЧЕХОВА

Д.А. Мужчиль

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
kichigina@bsu.edu.ru

Исследование литературной ономастики является одной из актуальных проблем современного языкознания. Создание и использование имён собственных в авторских текстах – важная составляющая языковой работы автора в процессе формирования индивидуальной художественной картины, репрезентирующей не только особенности авторского взгляда на мир, но и приметы той или иной эпохи в целом. «Высоким информативным статусом обладают имена собственные, в которых отражена система национально-культурных или интернациональных, общечеловеческих ценностей» (Алефиренко Н.Ф., 2016: 20).

В данной статье в объективе внимания оказывается антропонимическое своеобразие ранних чеховских рассказов в их взаимосвязи с псевдонимикой автора.

Творчество А.П. Чехова с самых первых произведений автора отличалось краткостью и особой выразительностью. Литературные склонности позволили ему, ещё в бытность студентом медицинского факультета Московского университета, неплохо зарабатывать писательским трудом. Известно, что редактор юмористического журнала «Осколки» Н.А. Лейкин платил за них по восемь копеек за строку – больше, чем другим авторам, но требовал краткости (не более ста строк) и лёгкости восприятия текста («смешно и коротко»). Заработать популярность на таких рассказах, видимо, было непросто – не зря в этот период А.П. Чехов печатается под многочисленными псевдонимами. «Фамилию я отдал медицине, с которою не расстанусь до гробовой доски. С литературой же мне рано или поздно придётся расстаться. Во-вторых, медицина, которая мнит себя быть серьёзной, и игра в литературу должны иметь разные клички», – писал он литератору Билибину (Чехов М.П., 1964: 135).

Известно чуть более пятидесяти чеховских «псевдоимен», среди которых самыми известными считаются *Антоша Чехонте* (в разных вариациях – *А-н Ч-те*, *Ан. Ч.*; *Анче* и т.п.), *Брат моего брата* и *Человек без селезёнки*. За каждой из них стоит своя история. Однако и другие, менее известные «вторые имена» молодого писателя выдают в нём неординарную творческую натуру, способную выразить себя через подпись: *Врач без пациентов*, *Вспыльчивый человек*, *Юный старец*, *Шампанский*, *Акакий Тарантулов*, *Шиллер Шекспирович Гёте* и др.

Уже в этом перечне можно вычленить четыре тематических группы. Одна связана с языковой игрой по трансформированию собственной фамилии и может быть ориентирована на достижение комического эффекта (*Антоша Чехонте* и подоб.), либо не несёт дополнительной семантической нагрузки. Известно, что играть с именем подобным образом научил А.П. Чехова законоучитель таганрогской гимназии Ф.П. Покровский, который любил переименовывать фамилии учеников.

Вторая группа наименований связана с биографическими подробностями жизни писателя – во-первых, с его занятиями медициной (*Врач без пациентов*, *Человек без селезёнки*) и, во-вторых, – с семейным положением. Так, псевдоним *Брат моего брата* вызван к жизни тем фактом, что в тех же юмористических журналах ранее печатался брат писателя Александр. Поэтому, даже подписываясь собственной фамилией, А.П. Чехов иногда считает нужным уточнить имя: *Ан. П. Чехов* (так, например, он подписывает сборник рассказов «В сумерках»).

Представляет интерес, на наш взгляд, третья группа псевдонимов, связанная с литературной сферой: *Лаэрт*, *Прозаический поэт*, *полковник Кочкарёв*, *Улисс*; *Акакий Тарантулов*; *Шиллер Шекспирович Гёте*. Данная группа неоднородна, поскольку семантика имён проявляется здесь по-разному, несмотря на явно обозначенную литературную матрицу. В данную группу входят как имена, непосредственно отсылающие к известному литературному произведению, автору или персонажу, так и номинации, смысл которых прочитывается ассоциативно. Так, одно из писем в редакцию журнала «Осколки» А.П. Чехов подписывает псевдонимом *полковник Кочкарёв*. Это своеобразное «комбо» имён двух персонажей Н.В. Гоголя – полковника Кошкарёва из «Мёртвых душ» и Кочкарёва из «Женитьбы». Имя *Акакий Тарантулов* также вызывает ассоциацию с героем гоголевской «Шинели», осложнённую общим впечатлением от творчества Ф.М. Достоевского, экзистенциальные персонажи которого представляли себе вечность как баню с пауками.

Четвёртая группа псевдонимов рассчитана исключительно на комический эффект, созданный общеизвестной ассоциацией: *Гайка №6*, *Гайка №9*, *Кисляев*, *Крапива*, *Шампанский*, *Пурселепетаев*, *Василий Спиридонов Сволачев*, *Макар Балдастов*.

Таким образом, языковая игра, во многом определяющая первый период творчества А.П. Чехова, нашла своё отражение в его многочисленных псевдонимах.

Способность жонглировать словоформами, создавая различные оттенки смыслов, проявилась не только в отношении к собственному именованию, но и к именам персонажей.

Так, ярким образцом реализации языковой игры, нацеленной на достижение комического эффекта, может служить рассказ «Лошадиная фамилия». Как известно, сюжет предполагает спасение героя от зубной боли с помощью некоего акцизного с «лошадиной фамилией», которую один из персонажей не может вспомнить. Перечисление таких фамилий определяет основной комический эффект рассказа: *Кобылин, Жеребцов, Жеребятников, Кобылицын, Кобылятников, Кобелев, Жеребчиков, Лошаднин, Лошаков, Жеребкин, Лошадкин, Кобылкин, Коренной, Коренников, Пристяжкин, Жеребковский, Жеребенко, Лошадинский, Лошадевич, Конявский, Лошадников, Конявский, Лошадников, Табунов, Копытин, Жеребовский, Коненко, Конченко, Жеребеев, Кобылеев, Гнедов, Рысистый, Лошадинский, Меринов, Буланов, Чересседельников, Засупонин, Лошадский...* «Перебрали все возрасты, полы и породы лошадей, вспомнили гриву, копыта, сбрую...» (Чехов А.П., 1982: 81). В этом своеобразном «словотворчестве» принимает участие весь дом: «*Папа! – кричали из детской. – **Тройкин! Уздечкин!***» (Чехов А.П., 1982: 82).

Сорок «лошадиных» фамилий и сутки драматического действия завершаются вырванным зубом и вопросом доктора, приводящим к развязке коллизии: «*Иван Евсевич! – обратился к нему доктор. – Не могу ли я, голубчик, купить у вас четвертой пятый овса?.. – «**Овсов! Овсов** фамилия акцизного!..»* (Чехов А.П., 1982: 83). Здесь находит отражение такая разновидность языковой игры, как «оперирование языковыми единицами по законам ассоциативных сближений» (Гридина Т.А., 1996: 21).

Как видим, А.П. Чехов демонстрирует процесс образования фамильного антропонима по типичным словообразовательным моделям от нарицательных существительных (*лошадь, сбруя* и т.п.); в некоторых случаях в основе наименования лежит внешний вид, функция – *коренной, пристяжной*. В итоге искомой фамилией оказывается номинанта, образованная от имени существительного, не входящего в семантическое поле «Лошадь», но связанное с данным полем ассоциативно: *Овсов* – «лошадиная» фамилия, поскольку лошади едят овёс.

Заметим, что с течением времени словосочетание «лошадиная фамилия» приобретает признаки фразеологизма, означающего фамилию, имя, какое-либо слово, которое кто-то мучительно пытается вспомнить. Психологически такое состояние называется «прескевю». При этом известно, что имеется достаточное количество фразеологизмов-аналогов такого устойчивого образования в разных языках. Так, в русском языке имеется синонимичное выражение *Вертится на языке*, в китайском – буквально *Застряло во рту*, по-японски – *Застряло в горле*. Данные факты подтверждают мысль профессора Н.Ф. Алефиренко о том, что «между разными типами прецедентных образований нет закрытых границ. Например, прецедентные высказывания, отрываясь от своего прецедентного текста, могут становиться автономными и сами переходить в разряд прецедентных текстов, т.е. прецедентный текст может «этимологически» восходить к прецедентному высказыванию» (Алефиренко Н.Ф., 2016: 20).

В целом, для А.П. Чехова характерно переосмысление уже известных литературных мотивов и образов. Так, например, тема «маленького человека», традиционно вызывающая сочувствие ещё со времён «Станционного смотрителя» А.С. Пушкина, приобретает в его интерпретации иное звучание: маленькие чиновники А.П. Чехова не жалки, а страшны своим низкопоклонничеством и раболепием, провоцирующим пренебрежительно-презрительное отношение к ним сильных мира сего. Эта идея выражается, помимо прочего, посредством фамилий, которые автор присваивает своим героям. В частности, в рассказе «Смерть чиновника» персонаж носит фамилию *Червяков*, вызывая прямую аналогию с характером героя.

Однако чеховская ирония может проявляться иначе, по контрасту, и тогда фамилии парадоксально контрастируют с происходящим. Например, в рассказе «Пересолил» землемер *Глеб Гаврилович Смирнов* приезжает на станцию «Гнилушки» и держит дальнейший путь в имение генерала *Хохотова* под названием *Девкино*. И антропонимы, и топонимы здесь включены в контекст языковой игры, нацеленной на комический эффект: *Смирнов* (ср. прилагательное *смирный* – ‘кроткий, спокойный, покорный, тихий’), испуганный предстоящей дорогой через лес с неизвестным человеком, нагоняет на того такого страха выдуманными рассказами о собственном свирепом характере и якобы захваченном в дорогу оружию, что оказывается покинутым испуганным возницей. Будучи смирным по характеру человеком, вполне соответствующим своей фамилии, он чуть не попадает в беду в стремлении произвести обратное впечатление.

В коротком рассказе «Беседа пьяного с трезвым чёртом» речь идёт о том, что в современном мире чёрту нет работы, потому что люди сами справляются: «*Пути добра уже нет, не с чего возвращать. И к тому же люди стали хитрее нас... Как я могу учить вас украсть рубль, ежели вы уже без моей помощи тысячи цапнули?*» (Чехов А.П., 1982: 170). При этом чёрт в рассказе не имеет имени собственного, а главный герой носит фамилию *Лахматов*, дающую возможность сопоставления двух действующих лиц по ассоциации: *чёрт* – идиоматическое выражение *чёрт лохматый* – *Лахматов*. Следовательно, посредством наименования автор кладет в основу сюжета ассоциативную связь между человеком и представителем преисподней.

Таким образом, с одной стороны, антропонимическая система ранних рассказов А.П. Чехова, включая псевдонимы самого писателя, репрезентирует авторскую установку на языковую игру, достижение комического эффекта, создание сатирического контекста. С другой стороны, период «многочисления» находит отражение в многообразии и разнообразии чеховских псевдонимов.

С фамилиями героев писатель играет так же, как и с собственной, используя различные языковые приемы: изменение фонетического облика производящей основы (замена букв при сохранении ассоциативной близости с исходным словом – *Лахматов*, рассказ «Беседа пьяного с трезвым чёртом»); использование системных отношений, в частности, синонимии (см. объемный синонимический ряд, базирующийся на субъективных ассоциациях с обозначенным семантическим полем – *Кобылин*, *Жеребцов*, *Жеребятников*, *Кобылицын* и т.п., рассказ «Лошадиная фамилия»); языковая игра с денотативным компонентом производящего слова (создание «говорящих» фамилий («Смерть чиновника», «Пересолил» и т.п.), репрезентирующих характер персонажа.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. и др. Современная фразеология: тенденции и инновации: Монография / Н.Ф. Алефиренко, В.И. Зимин, А.П. Василенко, Т.Н. Федулёнок, Д.О. Добровольский, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко; отв. ред. А.П. Василенко. – Москва, Санкт-Петербург, Брянск: «Новый проект», 2016. – 200 с.
2. Гридина, Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1996. – 214 с.
3. Чехов, А.П. Избранное. Л.: Лениздат, 1982. – 720 с.
4. Чехов, М.П. Вокруг Чехова: Встречи и впечатления. Москва: Моск. рабочий, 1964. – 368 с.

Summary. The article considers the peculiarities of the anthroponyms in the early short stories of Anton Chekhov in their relationship with aliases of the author. The author offers a typology of early Chekhov pseudonyms, highlighting several thematic groups and establishing the nature of the relationship of nominations with the author's installation on the language game. According to the analysis of anthroponyms stories «Horse name», «Overdone», «Conversation of a drunk with a sober devil» concluded that A. P. Chekhov in order to achieve comic effect uses various language techniques: change the phonetic shape of basis; using system relations, particularly

synonymy; language games with denotative component of words (the creation of a speaking of the names).

Key words: onomastics, individual literary world picture, pseudonymy, anthroponymic system, language game.

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АВТОРСКИХ СЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВЕСНОГО ТВОРЧЕСТВА БЕЛГОРОДСКИХ ПОЭТОВ)

Ю.В. Плотникова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Plotnikova@bsu.edu.ru

Поэтический текст является особым образом организованной системой поэтических средств. Целостное произведение создаётся за счёт эстетической гармонии мысли и слова, языковые средства при этом отражают индивидуальное художественное воображение, отличаются своей спецификой и функциональной предназначённостью. Так, *поэтические фразеологизмы*, по мнению исследователей, обладают лишь относительной устойчивостью и воспроизводимостью в силу того, что устойчивым у них является образ, который создаётся опорным компонентом, поэтому когда говорят об устойчивости поэтических фразеологизмов, прежде всего имеют в виду ограниченность сочетаемости главного компонента.

Поэтический язык отличается своей творческой направленностью, тщательным выбором или созданием единственно необходимого в условиях данного контекста слова, которое наиболее ярко и эффективно репрезентирует взгляды и идейные установки автора. «Если структурная лингвистика в познании языка исходила из статики слов и их грамматических форм, то языковая прагматика, опираясь на когнитивную лингвистику, в основу лингвистического исследования ставит образ человека, его потребности, мотивы, цели, намерения и ожидания, исходит из его практических и коммуникативных действий. В центре внимания оказываются коммуникативные ситуации, в которых участвует человек или как субъект живой речи, как объект речемышления, или как персонаж художественного произведения» (Алефиренко Н.Ф., 2011: 17).

Созданная поэтом инновация, отсутствующая в языковой традиции и обусловленная задачей создания неординарного художественного образа, нередко выполняет в поэтическом тексте функцию ключевого слова, является важной составляющей дискурсивного пространства. Лексические новообразования, зафиксированные в поэтических текстах поэтов Белгородчины (Н. Гладких, В. Молчанова, Т. Огурцовой), можно рассматривать как результат креативной работы человеческого сознания, отражающий индивидуально-авторское видение действительности. Динамический подход позволяет рассматривать словопроизводство как креативный речемышлительный процесс, направленный на установление связей и отношений между явлениями действительности. При этом когнитивная деятельность направлена на осмысление человеком определённого явления и формирование понятия о нём на основе того или иного типа суждения. В своё время С.Д. Кацнельсон отмечал, что номинации «предшествует работа ума, полуинтуитивный, полусознательный процесс знакомства с объектом и его идентификации» (Кацнельсон С.Д., 1972: 141). Когнитивно-прагматическое направление анализа предполагает не только «исследование механизма образования нового слова в отдельных коммуникативных актах, но и описание структур репрезентации различных видов знания и выбор необходимых языковых форм» (Плотникова Л.И., 2003: 72).

Созданные белгородскими поэтами лексические новообразования составляют специфику региональной поэтической картины мира, отражают особенности их этноязыкового сознания. Особым изобразительно-выразительным потенциалом обладают окказиональные слова, которые создаются с нарушением словообразовательных правил. В подобного рода словах наиболее ярко отражается индивидуально-авторское видение мира. Среди зафиксированных нами слов выделяются окказиональные образования, созданные способом редеривации: «*Высказывали спешно пожеланья/ Отцы и мамы, чей-то тесть и дед,/ Как будто проводили **напослед** / Родительское общее собрание; Оставайся, пока тебе **вмочь**, / Лёгкой, тающей с возрастом, ношей,/ Как вот эта беззвёздная ночь – / Хоть и сумрачной – всё же хорошей!..*» (В. Молчанов). Такие слова своей необычной формой оказывают воздействие на читателя, усиливают эмоционально-экспрессивную выразительность речи.

Отмечены примеры графодериватов, или графических окказионализмов, «относительно новых объектов исследования для неологов», способы образования которых «названы по типу знака, средству, которое используется, – дефис, прописные буквы, кавычки, скобки и т.п.» (Нефляшева И.А., 2017: 336). Отдельные слова образованы способом капитализации, то есть выделением прописными буквами части слова или одной из основ сложного слова, например: *Минимум шмоток. И лучше – немаркого цвета. / Я выхожу из тяжёлой асфальтовой гавани./ За борт – и теллик, и липкие сети Инета./ Я отправляюсь в **удачное** воздухоплавание* (Т. Огурцова). Графическое выделение одной буквы создаёт игру слов *дачное* и *удачное*, которые совмещаются в пределах индивидуально-авторского слова, являющегося результатом лингвокреативной деятельности автора. Отмечены слова, созданные способом дефисации – разбиения слова на части с помощью дефисов. Так, Т. Огурцова с помощью дефисного написания объединяет названия зимних месяцев, причём названия двух первых месяцев автором усекаются: *Разливает день остатки света / В кружки, стопки, блюдца фонарей./ Будем экономить запах лета/ Вплоть до **дека-января-февралей***. Очевидно, такое объединение можно объяснить стремлением автора передать длительность холодного зимнего периода.

Яркие словесно-художественные образы создаются с помощью контаминированных образований. Контаминация – это совмещение в одном слове начала первого и конца второго слова. Данным способом образован контаминант в стихотворении Н. Гладких «Опять Россия строится..»: *И к Богу в небо тычется/ Дворцами – огого! -/ Его **Демократичесство**,/ Величество его*. Здесь: *демократичесство* – результат наложения двух слов – *демократия* и *величество*.

Слова, созданные способом контаминации, можно считать своеобразным результатом работы когнитивно-лингвального механизма, отражающим сложные связи между вербализуемыми явлениями: *Птицы болтливы в мае. Втянуты в **разговорот** / свисты, рулады, трели – слышу обрывки фраз* (Т. Огурцова). Здесь авторское слово является результатом ассоциативно-образного сближения двух явлений – разговор + круговорот. Таким образом, можно говорить о том, что новое слово создано на основе синергии значений двух узуальных слов. С помощью необычного новообразования реализуется воздействующая функция, что повышает значимость необычного слова в системе выразительных поэтических средств.

Анализ языкового материала позволяет говорить о том, что выразительным средством, демонстрирующим совмещение смыслов, можно считать разнословное сложение, которые представлены в составе различных частей речи. Больше число сложений представлено среди субстантивов: *Как бы вороны в небе ни каркали –/ На земле всё исполнится в срок,/ Повстречавшись с **тайгою-дикаркою**, / Приручают здесь Дальний Восток* (В. Молчанов); *Длинную ночь провожает бессоница./ День – горький пасынок **мачехи-осени**, / С бабой суровой не ладит и ссорится, / Только от неба ждёт знаковой просини* (Т. Огурцова). Объединяя в одну единицу два узуальных слова, авторы создают особые языковые образы, которые наиболее

полно и ярко отражают поэтическую картину мира: *Чуть свалилась мне на плечи/ ночь-волкодав,/ вышел я – в звёздной наледи –/ только куда?* (Н. Гладких). Авторское слово становится выразительным средством совмещения разных смыслов. Причём это не простая сумма значений составляющих разнословное сложение компонентов, создаётся смысловая многоплановость, которая позволяет рассматривать авторское слово как своеобразный минитекст, в котором эксплицируются интенции и представления автора об окружающем мире.

В пределах одного разнословного сложения могут объединяться слова, обозначающие предметы сравнения, в этом случае они являются яркими изобразительно-выразительными средствами: *Плавно в ночь ускользает город/ Сквозь меланж снегопадных нитей./ Лён перин-облаков распорот./ Пух с небес засыпает сити* (Т. Огурцова); *Кораблики-листья/ Плывут по воде,/ Гонимые ветром,/ Навстречу беде* (В. Молчанов). Отмечены разнословные сложения, в которых актуализирующий компонент представляет характеристику лица или явления: *Но не испортить врагам моего настроения!/ Город-завистник в отместку потом за кошмарю –/ Вставлю его в депрессивные стихотворения* (Т. Огурцова).

Разнословные сложения довольно часто встречаются в качестве заголовков, в сильной позиции, у Т. Огурцовой, например: «Осень-вредина», «Золушка-столица», «Ноябрь-шулер». Созданию подобного рода слов предшествуют ментальные операции, объединяющие разные понятийные сферы. Многообразие и разнообразие сложений позволяют считать созданные данным способом лексические инновации одной из составляющих региональной поэтической картины мира.

Таким образом, авторские слова отражают стремление поэтов к созданию нестандартных, ярких, неожиданных языковых образов, которые наиболее полно и точно отражают поэтическую картину мира. Изучение лексических инноваций представляется важным, так как созданные слова, отсутствующие в языковой традиции, эксплицируют интенции и представления об окружающем мире конкретной языковой личности, позволяют осмыслить особенности социокультурной жизни, отражают развитие общественного сознания.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Когнитивно-прагматическая субпарадигма науки о языке // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: сб. науч. прудов. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – С. 16-27.
2. Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.
3. Нефляшева, И.А. Оказиональное слово как явление постмодернистской эстетики // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: коллективная монография. – Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2017. – С. 324-346.
4. Плотникова, Л.И. Словотворчество как феномен языковой личности. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. – 332 с.

Summary. In the article author's new words are investigated in cognitive and pragmatical aspect as linguistic material created by the Belgorod poets. Author's words promote creation of bright artistic images, are the result of creative work of human consciousness. The words created by the Belgorod poets make specifics of a regional poetic picture of the world.

Key words: neologism, word creation, pragmatical aspect, cognitive analysis, linguocreative consciousness.

РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ

Е.В. Середина

Россия, Белгород, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
seredina@bsu.edu.ru

Современная политическая коммуникация представляет собой конгломерат текстов, каждый из которых тщательно создан, с целью оказать влияние на аудиторию. Политический текст должен отвечать определенным требованиям – это политическая образность, острота и яркость изложения. Поставленные задачи выполняет политическая карикатура, представляющая собой сочетание вербального и визуального компонентов. Карикатура в политической коммуникации используется с целью высмеять изображенный образ политика или государственного деятеля, чаще всего президента. Комический эффект достигается при увеличении и заострении определенных черт личности или особенностей его деятельности путем неожиданных сопоставлений или уподоблений. **«Содержание текста, прямое слово передается через определенным образом выбранные слова, составленные фразы, через порядок слов, построение текста и другие приемы»** (Алтунян А.Г., 2010: 30).

Экспрессивные языковые и неязыковые средства помогают карикатуристу не только создавать яркий и красочный сюжет, но и вызвать у читателей определенные эмоции.

Другими словами, создавая карикатуры, автор использует определенные приемы и средства, которые помогают читателям узнать и понять главную мысль сюжета. Фразеология привлекает авторов-карикатуристов своей экспрессивностью, а самое главное возможностью положительно или отрицательно показывать события, вызывая одобрение или осуждение, ироническое или комическое отношение к сюжету карикатуры.

Фразеологические единицы представляют собой **«средства вербализации тех или иных концептов – ментальных образований, обобщенно-целостных мыслительных единиц, кодирующих в самых разных конфигурациях культурно значимые смыслы»** (Алефиренко Н.Ф., 2002: 225-226). Следовательно, фразеологизмы подчеркивают культурную особенность страны.

В состав фразеологических единиц в современной американской политической карикатуре входят поговорки, идиомы, фразовые глаголы и другие фразеологические единицы языка, главная цель которых – создать комический эффект.

Рис. 1

На карикатуре (рис.1) показан действующий президент США Дональд Трамп, который тушит пожар в мусорном баке «TRUMP PRESIDENCY» при помощи шланга из колонки «TWEETS». При этом он говорит «I PRIMED THE PUMP». Слова Трампа

являются идиомой «to prime the pump», которая означает «увеличить государственное финансирование, для того чтобы стимулировать экономическую активность». В данном примере визуальный компонент служит комической интерпретацией идиомы: автор показывает, как президент работает над увеличением экономической активности страны при помощи своих сообщений в Твиттере.

Рис. 2

В данной карикатуре (рис.2) автор не употребляет в тексте фразеологизмы, смысл выражения «если врать, то нос растёт» раскрыт с помощью визуального компонента. Хилари Клинтон потерпела поражение на президентских выборах, поскольку построила свою кампанию на обмане, и в результате потеряла доверие избирателей, о чем говорит ей представитель демократической партии (осел): «YOU LOST BY A NOSE».

Рис. 3

В следующей карикатуре (рис.3) автор строит сюжет, основываясь на различных оттенках значения фразового глагола «cheaton» (обманывать, врать, изменять, мошенничать). Дональд Трамп, отвечая на вопрос «DO I CHEAT?», начинает говорить о подробностях своей личной жизни: «I CHEATED ON MY FIRST WIFE, IVANA... WITH MY SECOND WIFE MARIA MAPLES. NOW WHY WOULD YOU ASK THAT?». Использование данного глагола с вариацией значений показывает комическое положение президента в ситуации, когда он не понял смысла вопроса.

Рис. 4

На другой карикатуре (рис.4) при помощи фразового глагола «to settle on» (сродниться) автор подчеркивает отношение президента США, Дональда Трампа, к своей политике налогообложения: «LOOKS LIKE HE'S SETTLED ON HIS TAX POLICY...». В данном случае выбор фразового глагола служит юмористическим объяснением такого поведения президента.

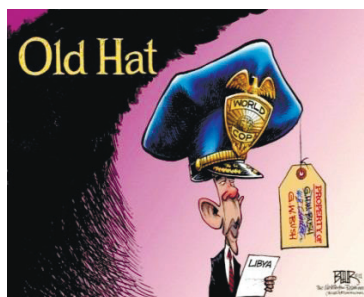

Рис. 5

В следующей карикатуре (рис.5) автор раскрывает смысл идиомы «Old Hat» основываясь на прямом значении выражения «старая шляпа» – показывает Барака Обаму (бывшего президента США) в шляпе – и образного значения «избитый, устарелый». Таким образом, автор показывает, с одной стороны, что лидеры меняются, но действия их одинаковые – они носят одну и ту же «шляпу», а с другой, что их политика устарела и требует перемен.

Рис. 6

В следующей карикатуре (рис.6) представлены Мартин Лютер Кинг, выдающийся лидер движения за защиту прав рабов со словами «I HAVE A DREAM...» и Дональд Трамп, действующий президент США – «I HAVE A SETTLEMENT...», в руках которого написано: «FEDERAL HOUSING RACIAL DISCRIMINATION SUIT 'NO-ADMISSION OF GUILT'». Данное противопоставление показывает разницу между прошлым и настоящим, не случайно на картинке Мартин Лютер Кинг показан выше, чем Дональд Трамп, иронично показывая, что сейчас даже простое оскорбление может быть поводом для обращения в суд.

Рис. 7

На карикатуре (рис.7) автор преобразовывает поговорку «STICKS AND STONES MAY BREAK MY BONES BUT NAMES WILL NEVER HURT ME», которую употребляют, когда хотят выразить безразличие к оскорблениям. Творческая модификация второй части поговорки «BUT NAMES WILL MAKE ME SUE YOU!» говорит о желании автора иронически подчеркнуть отношение президента к клевете в его сторону. Президент не намерен терпеть негативные высказывания в его стороны, в США за клевету применяется достаточно суровое наказание.

Рис. 8

На карикатуре (рис.8) изменение выражения «UNCLE SAM» (Дядя Сэм, персонифицированный образ США) на «UNCLE SCAM» (Дядя Мошенник) в названии карикатуры дают ироничную характеристику президента Дональда Трампа, указывая на его ложные обещания.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что важный признак фразеологизмов в политической карикатуре – это образность. Фразеологизм служит не для описания событий, действий, деятелей, а для образно-эмоциональной характеристики. Все представленные фразеологические единицы выражают определенные чувства и оценки автора.

Фразеологизмы – яркие, точные, экспрессивные характеристики карикатуры, которые хорошо запоминаются и дают определенную оценочную окраску сюжету. Использование фразеологических единиц при создании сюжета карикатуры помогает эффективно влиять на сознание аудитории, поскольку такая форма увеличивает интерес и желание стать сторонником автора карикатуры.

Литература

1. Алтунян, А.Г. Анализ политических текстов: учеб.пособие. – 2-е изд. М.: Логос, 2010 – 384 с.
2. Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002. – 392 с.

Summary. The article is devoted to the role of phraseological units in modern political cartoon. They are types of fixed expressions like idioms, phrasal verbs, proverbs with different modifications and other kinds of lexical segments. The author comes to the conclusion that phraseological units help to make expression in the cartoon more interesting and attractive for readers.

Key words: political communication, political text, political caricature, phraseology, expressive language means.

ФРАЗЕМООБРАЗУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА «СВОЙ-ЧУЖОЙ»: НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ В.С. ВЫСОЦКОГО

Д.А. Черемохина

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Cheremohina@bsu.edu.ru

Интерес исследователей к проблемам когнитивной лингвистики и, в частности, когнитивной фразеологии обусловлен, с одной стороны, вниманием к механизмам языковой номинации, во многом определенной этнокультурными факторами, а во-вторых, на наш взгляд, особенностью самого исследуемого материала, который не всегда укладывается в стандартные схемы речепроизводства. Концепт в когнитивной лингвистике выступает базовым элементом в познании процессов категоризации и концептуализации действительности сквозь призму языка. Репрезентантами кон-

цепта могут выступать слова, фразеологизмы, свободные сочетания слов, единицы паремийного фонда языка, а также предложения и тексты. При реконструкции фрагмента языковой или индивидуально-авторской картины мира интерес представляют все языковые единицы, но в рамках данной работы мы рассматриваем фразеологизмы, которые сами могут выступать в виде концепта (Абишева К.М., 2012: 34), а также могут репрезентировать национально обусловленные смыслы разных концептов (Алефиренко Н.Ф., 2016: 7). В первом случае в научной литературе говорят о фразеологическом концепте (следует отметить, что выделение этого термина вызывает сомнения у исследователей – Остапович О.Я., Алефиренко Н.Ф.), а во втором – о концепте фраземопорождающем (Алефиренко Н.Ф.). Важно отметить, что онтологическая природа концепта, порождающего фраземы, определяется прагматическим потенциалом фразеологизма, который заключается «не в именовании предмета мысли, а в выражении оценочно-смыслового отношения к нему» (Алефиренко Н.Ф., 2016: 8).

Предметом нашего исследования стал бинарный концепт «Свой-Чужой», который в индивидуально-авторской картине мира В.С. Высоцкого представлен рядом фразеологизмов, отражающих этнокультурную специфику советского времени. Как отмечает Ю.С. Степанов, противопоставление «свои-чужие» «пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» (Степанов Ю.С., 1997: 126). Смысловое содержание дихотомии «свой – чужой» можно назвать «единством и борьбой». В советской словесной культуре происходит смещение границ, концепт наполняется идеологическим содержанием, а его ядро занимают оценочные и символические смыслы (Черемохина Д.А., 2015: 65). Среди «своих» маскируются «чужие»: и в родной семье, и среди близких друзей и однопартийцев. Среди «чужих» опаснее и сильнее внутренние враги, бывшие «свои» (Выходцева И.С., 2016: 61). Целью нашего исследования является анализ фразеологических репрезентаций концепта «Свой-Чужой» в поэтической картине мира В.С. Высоцкого.

Выдающийся поэт-песенник являлся знаковой фигурой 70х-80х годов XX века. Официально непризнанный и активно осуждаемый в советской прессе В.С. Высоцкий сумел покорить сердца своих современников не только живостью и остротой слова, но и тем, что концептуальное содержание его произведений отвечало запросам всего этнокультурного сообщества. Взаимодействие поэтического дискурса В.С. Высоцкого с дискурсами каждого носителя языка реализуется на общей когнитивной базе, под которой понимается определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингвокультурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета (Красных В.В., 2003: 61). Когнитивная база как некое «коллективное сознание», формируемое как языковым окружением, так и экстралингвистическими факторами (историей, географией), является первым по времени формирования элементом в сознании. «Подключение» к когнитивной базе сообщества в целом и каждого носителя языка в частности происходит с помощью репрезентаций особых фоновых знаний, закрепленных во фраземе. В. Новиков отмечает, что «Высоцкий постоянно обращался к сконцентрированной в языке вековой мудрости, не пассивно ее эксплуатируя, а творчески продолжая и развивая» (Новиков В.И., 2010: 233). Добавим, что фразеологизмы, которые репрезентируют смыслы бинарного концепта «Свой-Чужой», оживают в текстах Высоцкого; поэт, по меткому выражению В. Новикова, «разбирает устойчивое выражение и вновь его свинчивает, придавая ему уже новое значение» (Там же: 233). Это новое значение фраземы актуализируется в окружении фоновой советской лексики и приобретает национально культурную окраску.

Дихотомия «Свой-Чужой» находит свое семантическое отражение в нескольких типах противопоставлений. Чумак-Жунь И.И. отмечает: «Фразеологической номинации в поэзии подвергаются лишь определенные предметы и явления, обозначенные опорными словами перифраз и метафор. Круг таких предметов довольно широк, но не все соответствующие группы слов одинаково активны в разные периоды развития поэтического творчества» (Чумак-Жунь И.И., 2013: 62). Мы хотели бы остановиться на одном типе – это идеологическое, политическое противопоставление, которое нашло отражение в поэзии В.С. Высоцкого в 1963-1968 годах: «...разделился наш маленький шар / На три огромные части / Нас – миллиард, их – миллиард, / А остальное – китайцы...» (нас – социалистов, их – капиталистов).

В.С. Высоцкий, оставаясь поэтом «под запретом», был патриотом своей страны. Его волновали политические проблемы, которые он отражал в поэтических текстах в свойственной ему ироничной манере. Фраземы этой группы выражают оценку и напряженных русско-китайских отношений, и холодной войны между СССР и США, и даже (вероятно, не столь важных с позиций современного читателя) фактов внешней экономической и политической поддержки СССР стран Африки и Азии.

Потерю истинную веру – Больно мне за наш СССР: Отберите орден у Насера – Не подходит к ордену Насер! Можно даже крыть с трибуны матом, Раздавать подарки вкривь и вкось, Называть Насера нашим братом, Но давать Героя – это брось!..

Этот и другие тексты анализируемой группы (например, «О китайской проблеме», «В Средней Азии – безобразии», «Возле города Пекина») требуют особого культурологического комментария, без которого невозможно осмысление дискурсивной ситуации, внутри которой функционирует фразема.

Так, в процитированном выше отрывке мы выделили следующие фразеологизмы: *вкривь и вкось*, *крыть матом* и *наш брат*. Эти идиомы на синхронном срезе функционируют свободно (с некоторыми стилистическими ограничениями) и могут быть поняты любым носителем языка, но в дискурсе Высоцкого они окружены фоновой лексикой, добавляющей в структуру концепта идеологическую составляющую.

Насер, о котором идет речь в стихотворении, – военный и политический деятель Египта, который мае 1964 г. был удостоен звания Героя Советского Союза. Имплицитно в тексте представлен и образ Н.С. Хрущева, который формируется путем вторичной фразеологической номинации. Идиома *Крыть матом* (экспресс., сниж.), с одной стороны, репрезентирует сему 'ругать', а с другой, – напоминает об историческом факте. Фразема через характеристику резкой, а порой и оскорбительной манеры политических выступлений представляет образ советского лидера. *Вкривь и вкось* – фразема с разговорной окраской, репрезентирующая семы 'как попало', 'беспорядочно' (здесь, вероятно, идет речь о торжественном вручении Крыма Украинской ССР как подарка к 300-летию Переяславской Рады, а также о других территориальных изменениях в административных структурах СССР, которые освещались в СМИ как подарки советского лидера дружественным республикам). В целом, фразема сохраняет первичную семантику входящих в него наречий (*вкривь* – *вкось*), но абстрактный когнитивный перенос, обусловленный этнокультурными компонентами содержания концепта, проявляет новые, идеологизированные, смыслы: 'неоправданно', 'непонятно'. Субстантивный фразеологизм *наш брат* ассоциативно связан и с общеязыковыми фраземами типа *по-братски* (честно), и с дискурсивно обусловленными советским временем идиомами типа *Человек человеку друг, товарищ и брат* («Моральный кодекс строителя коммунизма»), *свой брат* (равный по социальному положению). Синтаксическая позиция, в которой указанные фраземы находятся в непосредственной близости и выполняют номинативно-оценочную функцию, нагнетает и усиливает смыслы 'нечестно', 'неправильно', 'непонятно'. Эти концептуальные смыслы в свою очередь и раскрывают ту боль, о которой поэт пишет

в первых строках стихотворения. Кульминацией этого чувства выступает противительная конструкция, основанная на текстуально усеченной фраземе *это ты брось*, выражающей семантику остановки, прекращения. Это крик души лирического героя.

Образ Насера в политическом смысле относится к «Своему» (напомним, что в политическом дискурсе «**свой**» несомненно положительно относится к власти, прославляет её и партию в её лице» (Черемохина Д.А., 2015: 59), но для поэта египетский лидер – «чужой» не в идеологическом, а в моральном смысле: ведь «свой» – тот, кому можно доверять, тот, кто заслужил право называться своим теперь уже ‘честно’, ‘правильно’, ‘понятно’. Границы в дихотомии «Свой-Чужой» довольно зыбкие: как уже отмечалось выше, для советской культуры характерна ситуация, когда «свой» мог стать «чужим», но текст Высоцкого о другом. Он о глубоких философских вопросах, о ценности национального достояния общества, о народной гордости.

Эту мысль подтверждают и другие тексты В.С. Высоцкого, например «Песня про стукача», в которой дихотомия «свой-чужой» представлена на уровне межличностных отношений: герой ошибается и называет братом предателя: *«Он пил, как все, и был как будто рад./А мы? – его мы встретили как брата! /А он назавтра продал всех подряд./Ошибся я, простите мне, ребята!..»*.

В заключение отметим, что бинарный концепт «Свой-Чужой» обладает богатым фразеопорождающим потенциалом, который В.С. Высоцкий воплотил в своих текстах. Фраземы не столько номинируют и объективируют указанную дихотомию, сколько выражают отношение к ней и авторскую оценку.

Литература

1. Абишева, К.М. К проблеме выделения фразеологического концепта // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – №2 (031). – С. 34-43.
2. Алефиренко, Н.Ф. Дискурсивно-модусный концепт как источник фраземосемантики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2016. – № 3. – С. 7 – 11.
3. Выходцева, И.С. Функционирование концепта «Свой-Чужой» в советской словесной культуре // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 2. – С. 60-64.
4. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
5. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
6. Черемохина, Д.А. Когнитивно-прагматические факторы междискурсного конфликта (дискурс власти и дискурс В.С. Высоцкого): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Белгород, 2015. – 170 с.
7. Чумак-Жунь, И.И. Поэтический фразеологизм: штамп как основа образования индивидуального смысла // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – №20. – Выпуск 19. – С. 60-66.
8. Новиков, В.И. Высоцкий. Жизнь замечательных людей: сер. биогр. – Вып. 1248. – 6-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 474 с.

Summary. The article describes the concept of "Svoy-Stranger", which in the context of the Soviet ethno-culture acquires a special ideological component. An attempt is made to analyze the meanings of this concept, which is represented in idioms in the artistic picture of the world by V.S. Vysotsky.

Key words: concept, phrase-generating concept, individual author's world view, binary concept, phraseological unit.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЕ МИРА Л.Н. ТОЛСТОГО

П.А. Чересюк

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
cheresyuk@bsu.edu.ru

Языковые средства выразительности придают речи наглядность, так как воздействуют не только понятийно, но и образно. Эмоциональная и экспрессивная речь находит глубокий эмоциональный отклик, вызывает сопереживание, а также лучше запоминается читателем.

Изучение фразеологизмов представляется важным для лингвистики, что обусловлено, в первую очередь, их способностью выражать эмоционально-образное отношение к действительности. Особенно ярко выразительные свойства фразеологизмов проявляются в художественной литературе: они оживляют речь, делая ее красочной, эмоциональной – образной. Именно образность, по справедливому замечанию А.А. Потебни, является «непременным условием поэтичности» (Потебня А.А., 1997: 58).

Известно, что фразеологизм – лексически неделимое, устойчивое в своем составе и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы (Розенталь Д.Э., Теленкова М.А., 2001: 589). Фразеологизм обладает высоким эмоционально-оценочным и экспрессивным потенциалом, благодаря чему в речевой ситуации может формировать и регулировать восприятие полученной информации, что имеет большое значение в художественной литературе, поэтому можно сделать вывод о том, что употребление фразеологизмов в художественном тексте играет большую роль: они делают его ярче, эмоциональнее, выразительнее и с большей силой воздействуют на читателя. Например: «Ужасно то, что нельзя **вырвать с корнем** прошедшего. **Нельзя вырвать**, но можно скрыть память о нём. И я скрою» (Толстой Л.Н., 2015: 870). В данном примере фразеологизм *вырвать с корнем* создаёт общую эмоциональную тональность текста – с его помощью автор передаёт тревожные чувства своих персонажей, что позволяет ему приблизить логическое завершение и подвести к трагической развязке.

Представление писателя о действительности связано в лингвистике с таким понятием, как индивидуально-авторская картина мира, которая существенно отличается от объективного описания свойств, предметов, явлений, от научных представлений о них, так как картина мира автора – это «субъективный образ объективного мира». Такой образ мира проходит сквозь призму сознания и языка писателя (Маслова В.А., 2004: 42-43).

Фразеологизмы обладают способностью отражать фрагменты языковой картины мира определенного автора, так как авторская художественная картина мира – это специфическая форма мировосприятия, которая выступает как альтернатива реальному миру и представляет собой результат внутренней работы автора и его творческой деятельности (Бахтин М.М., 1986: 67).

Кроме фразеологизмов, образность тексту могут придавать и другие средства выразительности. Если для понимания любого текста необходимо знание языка, то для понимания художественного текста необходимо понимание системы авторских приемов. Многие исследователи указывают на то, что при построении авторской картины мира большую роль играет именно метафора как переосмысление, ассоциативное расширение. В современной науке метафора понимается не просто как стилистический прием, а именно как категория, способная участвовать при формировании индивидуально-авторской картины мира. Метафора – это средство для созда-

ния выразительного и образного текста, усиливающее зримость и наглядность изображаемого. Она является средством выражения авторских оценок и эмоций, авторских характеристик предметов и явлений. Например: «Он же чувствовал то, что должен чувствовать **убийца**, когда видит тело, лишенное им жизни» (Толстой Л.Н., 2015: 191). Такая метафора побуждает читателя согласиться с автором, что Вронский и общество являются убийцами духовного тела Карениной.

Метафорический способ отражения действительности в текстах классиков русской литературы достаточно активно выступает в качестве части индивидуальной художественной картины мира писателя. Такой способ отражения действительности характерен и для Л.Н. Толстого.

Особенно ярко метафоричность проявляется в романе «Анна Каренина»: метафора является самым востребованным изобразительным средством произведения (Мигранова Л.Ш., 2008: 967-971). Следует отметить, что нередко базой для метафорического оборота являются фразеологические единицы. Анализ языкового материала свидетельствует о том, что такой базой в романе «Анна Каренина» являются фразеологические сращения. Роман Л.Н. Толстого уникален по своей художественности. Язык его ярок, экспрессивен, в нем проявляется талант писателя-художника.

Использование фразеологических сращений – одна из характерных особенностей идиостиля Л.Н. Толстого. При помощи фразеологических сращений, входящих в состав метафор, писатель пытался выразить значимую для него информацию, ключевые фрагменты действительности, которые отразились в особенном языке эпохи автора и эпохи изображаемых событий.

Рассмотрим основные тематические группы метафор, образованные фразеологическими сращениями.

Первая группа представлена фразеологизмами, в которых отражено эмоциональное и физическое состояние героев романа «Анна Каренина». К таким фразеологическим сращениям можно отнести следующие словосочетания: *искра радости*, *раны сердца*, *голос совести*. Каждое из них в художественном тексте наполнено особым смыслом, выполняет определенную функцию.

Так, сочетание *искра радости* означает счастливую жизнь, которая наполняет внутреннее состояние героя: «**Искра радости**, зажегшаяся в Кити, казалось, сообщила всем бывшим в церкви» (Толстой Л.Н., 2015: 538).

Раны сердца возникают у героя, когда он расстроен, когда не получил ответа на свои искренние чувства: «И опять то надежда, то отчаяние по старым наболевшим местам стали растревлять **раны** ее измученного, страшно трепетавшего **сердца**» (Толстой Л.Н., 2015: 878).

Как свидетельствует контекст, *голос совести* – это состояние героя, при котором способны проявляться его лучшие качества: «Чувство это было так неожиданно и странно, что Степан Аркадьич не поверил, что это был **голос совести**, говоривший ему, что дурно то, что он был намерен делать» (Толстой Л.Н., 2015: 505).

Данные метафоры, выраженные фразеологическими сращениями, позволяют выявить ряд ключевых слов, которые Л.Н. Толстой считал важными и необходимыми элементами эмоционального и физического состояния человека: радость, добро-совестность. Немаловажным является чувство огорчения, которое часто возникает у человека, не получившего ответной реакции на свои чувства.

Вторая группа – фразеологические сращения, выражающие отношение человека к ситуации или оценивающие какое-либо событие.

К этой группе следует отнести такие словосочетания, как *камень преткновения*, *через пень колоду*, *из кожи вон лезти*, *кривя душой*, *ломать копыта* и др. В отличие от фразеологических сращений первой группы, данные словосочетания чаще содержат негативную коннотацию.

Камень преткновения – выражение, обозначающее трудности, возникающие в какой-либо ситуации: «Женщины – это главный **камень преткновения** в деятельности человека» (Толстой Л.Н., 2015: 60).

«Делать что-либо очень плохо» – такое значение заложено во фразеологизме *через пень колоду*. С помощью данного фразеологизма автор представляет характеристику ленивого человека в следующем контексте: «Да уж вы как ни делайте, он коли лентяй, так все будет **через пень колоду валить**» (Толстой Л.Н., 2015: 413).

ФЕ *из кожи вон лезти* связана с ситуацией, когда человек всеми силами старается что-либо сделать, как-либо изменить ситуацию, при этом окружающие замечают эти чрезмерные усилия и негативно к ним относятся: «Манера обращения принца с теми самыми лицами, которые, к удивлению Вронского, **из кожи вон лезли**, чтобы доставлять ему русские удовольствия, была презрительна» (Толстой Л.Н., 2015: 425).

Фразеологизм *ломать копыя* употреблен автором в контексте, где речь идет о напрасных усилиях, о ненужном споре: «Пускай они с Алексеем Александровичем **ломают копыя** в комитете, это нас не касается» (Толстой Л.Н., 2015: 359).

С помощью образных средств второй группы отражено отношение героев к ситуации, которое способно охарактеризовать их личность. Отметим, что чаще всего в художественных текстах Л.Н. Толстого объективированы такие ключевые понятия, как трудность, безразличие, неискренность.

Третья группа включает следующие фразеологические сращения типа *по уши влюбиться*, *узы любви*. Эти словосочетания характеризуют взаимоотношения героев романа.

Так, *узы любви* – сочетание, обусловленное не только с узаконенными семейными отношениями, но прежде всего с отношением друг к другу: «Мы соединены самыми святыми для нас **узами любви**» (Толстой Л.Н., 2015: 726).

По уши влюбиться – фразеологическое сращение, обозначающее действие, при котором чувства человека к объекту любви достаточно сильны: «Нус, он появился здесь вскоре после тебя, и, как я понимаю, он **по уши влюблен** в Кити, и ты понимаешь, что мать...» (Толстой Л.Н., 2015: 70).

Необходимо акцентировать внимание на том, что понятие «любовь», отраженное в метафорических выражениях фразеологизированного типа, является ключевым для семантики, связанной с взаимоотношениями героев, что, в свою очередь, также характеризует художественную картину мира Л.Н. Толстого.

Таким образом, в художественном тексте фразеологические сращения выступают в качестве универсального орудия для описания различных ситуаций, физического и эмоционального состояния героев, взаимоотношений героев между собой. Фразеологические сращения играют важную роль в формировании индивидуально-стиля Л.Н. Толстого. Они создают своеобразие моделируемой автором картины мира. В выбранных автором и умело введенных в ткань произведения фразеологизмах отражается индивидуально-авторское видение действительности. ФЕ позволяют писателю отойти от стереотипных образов, способствуют нестандартному представлению того или иного явления окружающего мира.

Литература

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 300 с.
2. Маслова, В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 256 с.
3. Мигранова, Л.Ш. Метафора как фрагмент ценностной картины мира. / Вестник Башкирского университета. Том 13, № 4. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2008. – С. 967-971.
4. Потенция, А.А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.
5. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.

Summary. This article focuses on the study of phraseological units that are a part of metaphors. Phraseologisms are the basic component of a literary text; they play a special role in creating and shaping the writer's world picture and show colours of the individual language picture of the world of L.N. Tolstoy. The main thematic metaphor groups are considered that are also expressed by means of phraseological units.

Key words: idiom, individual author's world view, language picture of the world, metaphoricalness, phraseological fusions.

ОТ ФРАЗЕОЛОГИЗМА К ПРЕЦЕДЕНТУ: ЭВОЛЮЦИЯ СЛОВЕСНОГО ОБРАЗА В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

И.И. Чумак-Жунь

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
chumak@bsu.edu.ru

Говоря о развитии словесного образа в поэтическом дискурсе, следует учитывать несколько важных факторов, принципиальных при освещении этой проблемы.

Фразеология, включающая элементы, которые представлены в национальном сознании базовыми когнитивными культурно означенными лингвистическими единицами (фразеологизмы, по словам Л.Ю. Буяновой, являются культурным кодом познания: Буянова Л.Ю. 2017: 285), по-разному «проявляется» в различных дискурсивных формациях – от активного функционирования до специфического варьирования. В поэтическом дискурсе узуальные фразеологизмы как образные средства занимают периферийную позицию, что связано со своеобразной «поэтической рамкой», предполагающей несомненную обусловленность особой языковой действительностью, которую утверждали ОПОЯЗовцы: поэтика, даже вступив в союз с лингвистикой, «должна отстаивать свою самостоятельность» (Эйхенбаум, 1969: 336), ибо она «начинается с выделения поэтического языка из ряда языковых явлений вообще, как деятельности, направленной к особой цели» (там же: 337). Показательно, что именно в этом – отличном от других языковых вариантов – языке гораздо активнее используется особая фразеология – поэтическая (как бы не номинировали ее единицы – поэтические штампы, поэтические фигуры, поэтические метафоры). Термин *поэтическая фразеология* впервые использовал в работе «Стиль Пушкина» В.В. Виноградов (Виноградов, 1941), писали об этом феномене и Б.М. Эйхенбаум (Эйхенбаум, 1941), и Ю.Н. Тынянов (Тынянов 1977), и И.И. Ковтунова (Ковтунова, 1977), и Т.И. Сильман (Сильман, 1977). Поэтические фразеологизмы имеют временную закреплённость – так, те штампы, которые перечисляет в трактате об искусстве Л.Н. Толстой (*девы, воины, пастухи, пустынники, ангелы, дьяволы во всех видах, лунный свет, грозы, горы, море, пропасти, цветы, длинные волосы, львы, ягненок, голубь, соловей*) – если и употреблялись в поэзии периода XX-XXI веков, то в трансформированном виде.

Для определенной поэтической эпохи оказываются актуальными поэтические метафоры (или поэтические фразеологизмы), не характерные для поэтического дискурса предыдущего периода. Это так называемые эпохальные метафоры, которые удачно отображают настроение времени. Анализировать их теоретически возможно лишь *post factum*, так как их роли в поэтическом дискурсе становятся понятной лишь по прошествии времени. Они могут быть связаны с эмоциональным переживанием или нести эстетическую функцию, соответственно, этот образный ряд непременно включает в себя и метафорические образы, связанные с ощущением поэта в этой, наступившей, эпохе.

Казалось бы, то, что сказано выше, опровергает аксиому о предельной Я-центричности поэтического дискурса, в соответствии с которой именно индивидуальностью поэта этот дискурс и создается. Потребнианская внутренняя форма – поэтическая – сугубо индивидуальна, причем она не просто крайне субъективна, а имманентна поэту, именно в связи с этим можно говорить о наличии обязательного поэтического Я-концепта, который, в сущности, и определяет понятие поэтической дискурсивности. Однако надо помнить, что идиостиль зиждется на стиле – все поэты непременно «преодолевают линейный характер речи» (Баженова, 2011: 297), стремясь к наибольшей гармонизации поэтического слова, обусловленной особой – эстетической – функцией поэтической речи. Виноградов в работе «Стиль Пушкина» писал «Громадную роль в этой общности фразеологических схем, в этом совпадении выражений играет однородность образно-идеологической системы. Поэтическая фразеология – при обращении писателей к общим темам – обнаруживает устойчивость своих традиционных основ, несмотря на индивидуальные отличия стилей» (Виноградов, 1941: 394). Есть общий камертон, который формирует полифоничность, – множество сильных поэтических голосов сливаются в гармоничный ансамбль, и эта мозаика создает поэтический портрет эпохи.

Дискурсивно-поэтический портрет эпохи складывается из нескольких факторов:

1. поэтическая среда – то есть литературно-художественное окружение поэта;
2. сформированный лингвопоэтический фон;
3. собственно дискурсивная среда;
4. внешне-событийный контекст (социокультурная среда).

Каждый из этих факторов находит отражение в конкретном идиостиле, по своему преломляясь в языковой личности поэта.

Поэтическая метафора в поэтической среде.

Ярким примером воплощения поэтического образа одной эпохи является метафорический поэтический образ *охота на волков*. В современном коммуникативном сознании, безусловно, прецедентным высказыванием является известная фраза из песни Высоцкого «...идет охота на волков, идет охота...», где лирический герой идентифицирует себя с загнанным волком, который вопреки устоявшимся законам охоты спасается от преследователей-егерей. Прошедшее после написания стихотворения время – полвека – позволяет двинуться от сформированной метафоры назад и рассмотреть историю развития образа.

Лингвистический механизм выделения в метафоре сферы-донора и сферы-мишени позволяет определить, что сферой-донором для данной конкретной ситуативной метафоры является ситуация *охота на волков*, сферой-мишенью – ситуация, при которой лирический герой находится в безвыходном положении в результате преследования. В поэтическом тексте метафора, которая сегодня уже традиционно в современной когнитивистике определяется как ментальная операция, как способ познания, концептуализации, категоризации, оценки и объяснения мира по аналогии, дополняется как форма репрезентации особой эстетической задачи: герой ассоциируется с волком, а вот аналог загонщиков-егерей не определен. Это метафорическое неизвестное может быть определено по-разному в индивидуальном воспринимающем сознании, но анализ текста на фоне дискурсивно-поэтического портрета эпохи позволяет сделать определенные предположения.

Очевидна связь стихотворения В.С. Высоцкого с есенинским поэтическим шедевром «Мир таинственный, мир мой древний...» (первоначальное заглавие «Волчья гибель»), написанным на полвека раньше, где сходная ситуация (*охота на волков*) имеет другую ментальную пресуппозицию. Охотники и волки – образные единицы есенинской индивидуально-авторской картины мира, где одним из базовых элементов является мотив уходящей деревни – уходящей молодости. Затравленный волк, с которым сравнивает себя поэт – это символ таинственного древнего мира. В тексте происходит сложная метафорическая трансформация: размышления лириче-

ского героя о судьбе деревни (мир свой и чужой маркируются дейктически – притяжательным местоимением мой: *мир мой древний* и *моя черная гибель*) воскрешают в его сознании образ затравленного волка, с которым сравнивает себя поэт (*О, привет тебе, зверь мой любимый! Ты не даром даешься ножу! Как и ты, отовсюду гонимый, Среди железных врагов прохожу*), постепенно в него перевоплощаясь: *И хоть слышу победный рожок, Но отпробует вражеской крови Мой последний, смертельный прыжок*. Возникает сложная метафора, однако, достаточно прозрачная и не требующая разгадки: на героя-волка – носителя древней силы и знаний охотится мир современный – железный враг. При идентичной ситуативной метафорической модели (сфера-донор – *охота на волков*, сфера-мишень – *охота на героя*) в стихотворениях совпадает и вектор ассоциации – основной смысл метафоры – ‘безысходность’.

Именно названные выше тексты создают рамку эпохальной ситуативной метафоры *охота на волка – преследование поэта*, которая представлена в стихотворении С. Есенина «Мир таинственный, мир мой древний...» впервые (1921 год) и завершается стихотворением В. Высоцкого «Охота на волков» (1986 г.).

Но в этом «эпохальном интервале» возникает сразу несколько несомненных поэтических шедевров, в которых разворачивается названная метафорическая ситуативная модель. Это стихотворения О.Э. Мандельштама «За гремучую доблесть грядущих веков...» (1931), А.А. Ахматовой «Вам жить, а мне не очень...» (1959), Б.Л. Пастернака «Нобелевская премия» (1959), А.А. Тарковского «Мы крепко связаны разладом...» (1960).

Поэтическая метафора на лингвопоэтическом фоне.

Каковы же истоки формирования модели? В русском поэтическом дискурсе лексема *волк* вообще используется довольно активно – как в прямом значении – ‘жестокий сильный хищник’ (Кюхельбекер: *Волк за хатой завывает, Но я волка не боюсь!*; Лермонтов: *И серый волк бежит через горы, Его свирепо блещут взоры*), так и в составе сравнений и зоометафор, где несет семантический знак ‘угроза’ (Давыдов: *Как стая алчущих волков, Они долинами витают: То внемлют шороху, то вновь Безмолвно рыскать продолжают*; Апухтин: *Как хищный волк он вторгся к нам, В обитель праведную Божью, Своей кощунственной ложью Он осквернил Господний храм!*; Некрасов: *Когда с тобой – нет меры счастью, Вдали – несчастен и убит! И, словно волк голодной пастью, Тоска пожрать меня грозит!*; Гумилев: *Духи ада любят слушать эти царственные звуки, Бродят бешеные волки по дороге скрипачей*).

Совсем иную эмоционально-экспрессивную характеристику животного содержит фразеологизм *волком выть*, который также активно и постоянно используется в русском поэтическом дискурсе, впрочем, как и омонимичное свободное сочетание. Он особенно выразителен благодаря внутренней форме, представляющей страдание, которому, несомненно, всегда сочувствует русский душевный человек (Словари определяют значение фразеологизма, как ‘*Горько жаловаться, сетовать на что-либо*’): *И пришлось от бабы Мне хоть волком выть*. (Суриков); *Весна нужна крестьянину И ранняя и дружная, А тут – хоть волком вой!* (Некрасов); *Под яблонькой, под вишнею Сиди да волком вой...*(Анненский); *Что ты волком воешь сверху? Знаю про твою беду* (Цветаева); *Если волк на звезду завыл, Значит, небо тучами изглодано. Рваные животы кобыл, Черные паруса воронов* (Есенин). *Как волк, дико выл прадед, Видя, как пеплом Становится хижина*. (Хлебников).

Дискурсивная среда и внешне-событийный контекст (социокультурная среда).

В своей работе «Фразеология и паремиология» Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семененко напоминают слова Ф.И. Буслаева, который впервые сформулировал положение о том, что источником языковой номинации служит, как правило, тот признак, который прежде всех бросается в глаза и глубже, чем другие, волнует наши

«чувства и воображения» (Алефиренко, Семененко . Это внутренняя форма слова (фразеологизма). Очевидно, что в русском поэтическом дискурсе появление метафоры *охота на волка – охота на поэта* предопределяется двойственностью внутренней формы: с одной стороны – это сильный мощный зверь, с другой – животное отчаявшееся, передающее свое страдание воём. Это русское ощущение тоски, безысходности и древней силы вполне передается А.А. Блоком:

*И я с вековой тоскою,
Как волк под ущербной луной,
Не знаю, что делать с собою,
Куда мне лететь за тобой!*

(На поле Куликовом, 1908)

Именно эти признаки и легли в основу эпохальной поэтической метафоры *охота на волков*, о которой было сказано выше. В этот исторический промежуток актуальной для поэтов оказалась ситуация, когда представление о сильном гордом хищном звере, попавшем в облаву, показалось уместным спроецировать на образ опального поэта.

Общая метафорическая модель представлена в каждом индивидуальном поэтическом случае по-разному, вектор ассоциации – ‘безысходность’ – тоже связан с разными условиями:

У Есенина – с силой охотника:

*О, привет тебе, зверь мой любимый!
Ты не даром даешься ножу!
Как и ты, отовсюду гонимый,
Средь железных врагов прохожу.*

У Ахматовой – с неограниченностью времени охоты:

*Зверей стреляют разное,
Есть каждому черед
Весьма разнообразный,
Но волка – круглый год.*

У Мандельштама – с позицией нападающего – со спины:

*Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей,*

У Пастернака – с закрытостью пространства охоты:

*Я пропал, как зверь в загоне,
Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони,
Мне наружу хода нет.
Темный лес и берег пруда,
Ели сваленной бревно.
Путь отрезан отовсюду.
Будь, что будет, все равно.*

У А. Тарковского – роковая неизбежность убийства

*Снег, как на бойне, пахнет сладко,
И ни звезды над степью нет.
Да и тебе, старик, свинчаткой
Еще перешибут хребет.*

Но метафорический образ сохраняет внутреннюю форму идиомы – в большинстве названных стихотворений «спрятан» фразеологизм *выть волком* (Есенин: *Пусть для сердца тягуче колко, Это песня звериных прав!..*, Ахматова: *Не плачь, о друг единый, Коль летом и зимой Опять с тропы волчиной Ты крик услышишь мой.* Тарковский: *У русской песни есть обычай По капле брать у крови в долг И стать твоей ночной добычей. На то и волхв, на то и волк*).

Только в стихотворении Б.Пастернака нет упоминания о волчьем вое, но и волк в его стихотворении не назван, хотя, несомненно, денотативная ситуация та же. В стихотворении разворачивается другая узуальная идиома – загнанный зверь (загнанный волк): *Я пропал, как зверь в загоне...*

Таким образом, анализ показал, как узуальный фразеологизм, имеющий прозрачную внутреннюю форму, отражающую факт, воплощаясь в коммуникативном событии, трансформируется в модель, закрепляющуюся в словесной метафоре. В поэтическом дискурсе идиостилевые особенности являются сущностными для интерпретации поэтического текста, и – как следствие – позволяют проникнуть в суть языковой личности конкретного поэта.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф., Семененко, Н.Н. Фразеология и паремиология – М.: Флинта : Наука, 2009. – 344 с.
2. Баженова, Е.А. Поэтическое речевое мышление // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 696 с.
3. Буянова, Л.Ю. Фразеология как культурный код познания и духовное наследие предков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2017. – №3. – С.285-298.
4. Виноградов, В.В. Стиль Пушкина. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1941. – 620 с.
5. Ковтунова, И.И. Поэтический синтаксис. – М.: Наука, 1986 г. – 206 с.
6. Сильман, Т. И. Заметки о лирике. – Л., 1977. – С. 217–222.
7. Тынянов, Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977, – 575 с.
8. Эйхенбаум, Б.М. О поэзии. – Л.: Советский писатель, 1969 – 552 с.

Summary. In the article, on the example of the epoch-making metaphor of the *wolf hunt*, the evolution of the verbal image in poetic discourse – from phraseological units to text-forming units – is shown. It is shown how the usual phraseologism, having a transparent internal form, reflecting a fact of reality, being embodied in a communicative event, transforms into a model fixed in a verbal metaphor. Within the poetic discourse, idiostyle features are essential for the interpretation of the poetic text, and – as a result – they allow to get into the essence of the language personality of a particular poet.

Key words: poetic discourse, epoch-making metaphor, communicative event, individual style, language personality.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ КОРМЛЕНИЯ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ¹

Е.А. Юрина

Россия, г. Томск, Томский государственный университет
yourina2007@yandex.ru

Концептуальная метафора кормления является одним из частных проявлений гастрономической метафоры в её процессуальном сегменте, включающем, помимо ситуации предоставления пищи едоку (*кормить, питать, угощать* и др.), также ситуации её приготовления (*варить, жарить, печь* и др.) и поглощения (*есть, кусать, жевать* и др.) (Живаго, 2017). Данная метафора основана на проекции когнитивной структуры исходной ситуации ‘кормилец предоставляет пищу едоку / обеспечивает питанием едока’ на процессы и явления, протекающие в различных сферах внутреннего мира человека (мышление и психика: ***впитывать с молоком ма-***

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 18-18-00194 «Образная система русского языка в полидискурсивном пространстве современных коммуникаций» (2018-2020 гг.).

тери ‘с ранних лет усваивать какие-л. мысли, сведения, правила, нормы’) и общественной жизни (межличностные отношения, профессиональная деятельность, экономика, политика, культура: *кормить байками / баснями / сказками* ‘говорить неправду, распространять недостоверную информацию’, *кормящая рука* ‘источник финансирования’ и т.п.).

Цель представленного в публикации исследования – выявить когнитивные модели метафоризации процесса кормления, лежащие в основе семантики и культурной коннотации фразеологизмов, внутренняя форма которых включает метафорически интерпретируемые глагольные компоненты *кормить* и *питать*; описать включенную в пищевой код русской лингвокультуры систему типовых образов, основанных на исходной прототипической ситуации предоставления пищи едоку. Материалом послужили фразеологизмы (22 единицы), зафиксированные в опубликованных толковых и фразеологических словарях русского языка и функционирующие в современной русской речи (с 1950 г. до наших дней). Контексты (около 100 единиц) были отобраны из текстовой базы Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru). В лексикографическом формате анализируемый материал представлен во 2-м томе «Словаря русской пищевой метафоры» (2017: 399–441).

Предваряя описание результатов исследования, кратко охарактеризуем ключевые термины и методологию, которые в целом соответствуют положениям когнитивной теории метафоры, однако в конкретных работах российских и зарубежных метафорологов (Lakoff, Johnson, 1980; Баранов, 2003; Чудинов, 2003 и др.) понимаются неоднозначно. При когнитивном подходе концептуальная метафора понимается как ментальная структура, основанная на аналогии нетождественных объектов, возникающая в том случае, когда феномены одних концептуальных сфер (концепты, ситуации, предметы) осмысливаются по образу и подобию объектов, относящихся к иным понятийным областям: «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» (Lakoff, Johnson, 1980: 5). В наиболее общем виде метафора моделируется как двухчастная структура, включающая концептуальную *сферу-источник*, понятийный аппарат которой проецируется на объекты *сферы-мишени*, подлежащие образной характеристике посредством метафорической проекции: «в процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит «метафорическая проекция» (metaphorical mapping)» (Баранов, 2003).

В этой научной рамке концептуальную метафору «Кормление» мы рассматриваем как все зафиксированные в языковых выражениях случаи осмысления различных феноменов из сфер-мишеней (в терминологии дескрипторной теории метафоры А.Н. Баранова – «областей прибытия») по образу и подобию исходной ситуации кормления, относящейся к сфере-источнику или «области отправления» (Баранов, 2003). То есть тип концептуальной метафоры в нашей работе обозначен именем исходного метафорически проецируемого образа, в то время как для описания устойчивых аналогий между концептами из области источника и области цели мы используем термин «метафорическая модель» в полном соответствии с тем, как это предлагает А.П. Чудинов в своей теории метафорического моделирования: «метафорическая модель – это существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определённой формулой: «X – это Y» (Чудинов, 2003: 70). При анализе определенных метафорических моделей, представленных в языке и дискурсе, их когнитивная структура в пределах каждой из уподобляемых сфер детально описывается посредством терминов «схема образа» (Лакофф, Джонсон), «фрейм», «слот», «сценарий» (Чудинов, 2003: 171–172; Юрина, 2018: 430–431 и др.).

Языковыми репрезентантами концептуальных метафор и формирующих их метафорических моделей являются слова и выражения с метафорической семантикой, включающие языковые и дискурсивные метафоры, сравнения, идиомы, паре-

мии и другие образные средства, которые в теории языковой образности рассматриваются как единый класс языковых единиц, обладающих семантической двуплановостью и метафорической внутренней формой (Юрина, 2013: 276-277). Таким образом, фразеологический фонд языка можно рассматривать как один из классов образных единиц, транслирующих концептуальные метафоры (Gibbs, 1990: 430-437; Пинтова, 2008: 227).

Когнитивная структура исходного метафорического образа «Кормление» представляет собой фрейм, основанный на следующей пропозиции: субъект «кормилец» – предоставляет «пищу» – объекту кормления «едоку». Пропозициональная структура этого фрейма включает 4 компонента (слота): 1) субъект и 2) объект кормления, 3) пища (средство, ресурс), 4) процедура кормления, маркированная глагольной лексемой *кормить*, которая включает целый комплекс действий со стороны объекта и субъекта. Процедура кормления может быть представлена в виде 2-х субфреймов. Субфрейм 1. «Кормилец» перемещает посредством инструмента (рука, ложка) пищу (съедобное вещество) из исходного пункта его локализации (ёмкость, посуда, рука) в конечный пункт локализации: А) непосредственно в ротовую полость «едока», Б) в зону доступа «едока». Субфрейм 2. «Едок» получает пищу: А) непосредственно в ротовую полость и проглатывает её, Б) в зону, доступную для самостоятельного поглощения (на стол, за которым он сидит и т.п.). Таким образом, описываемое глагольное действие (*кормить*) представляет процесс перемещения питательного вещества из доступных «кормильцу» источника и локации в зону, доступную для осуществления процесса поглощения пищи «едоком».

Такая четкая логическая структура исходной ситуации, разворачивающейся в сфере питания, а также её субъективно-психологическая понятность, регулярная воспроизводимость, физиологическая и социальная востребованность, делают метафорический образ кормления очень удачной когнитивной схемой («image-schema» по Лакоффу и Джонсону) для описания более сложных социальных, ментальных и психологических процессов. Исследование семантики русских фразеологизмов с лексическими компонентами, маркирующими данную ситуацию (*кормить, питать, в рот положить* и т.п.), выявило три направления метафорических проекций, которые мы обозначим по формуле метафорической модели и представим по мере убывания количества языковых репрезентантов.

1. «Снабжение материальными ресурсами, финансирование, обеспечение доходов – это Кормление»: **даром хлебом кормить** ‘предоставлять все необходимое тем, кто этого не заслуживает’, **кормящая рука** ‘источник финансирования’, **кусать руку кормящую** ‘действовать против того, кто оказывал помощь, поддержку’, **кормиться из / с одного корыта** ‘получать материальные блага, средства к существованию из одного источника’, **кормиться от / со стола (какого)** ‘получать материальные блага, средства к существованию при чьей-л. финансовой поддержке’, **подножный корм** ‘незначительные материальные средства, которые приходится добывать имеющимися доступными способами’, **(волка) ноги кормят** ‘чтобы получать материальные блага, необходимо активно действовать, много работать’ и др. Например, *А ты ради справедливости явленной хотя бы для одного своего избирателя пойдешь ли против системы, которая тебя кормит, одевает и обувает и нехилую зарплатку, между прочим, дает?! Пойдешь ли супротив меня и таких же, как я?! Укусишь ли руку, кормящую тебя, ась?! А. Мальшев; «Парикмахеров, как и волков, кормят ноги: клиент сидит в кресле, а ты перед ним стоишь, и так – целыми днями. «Домовой».*

2. «Предоставление информации – это Кормление»: **разжевать и в рот положить** ‘очень подробно растолковывать, доступно объяснить что-л.’, **кормить байками / баснями / сказками** ‘говорить неправду, распространять недостоверную информацию’, **кормить завтраками** ‘неоднократно обещать сделать что-л. завтра или в ближайшем будущем’, **кормить / накормить обеща-**

ниями / отговорками 'неоднократно обещать сделать что-л., откладывая выполнение взятых обязательств', **соловья баснями не кормят** 'нужны не бесполезные разговоры, а конкретные дела' и др. Например: *Теперь вам понятна механика, или я должен всё это разжевать и положить вам в рот?* А. Рыбаков; Алексей Кудрин **накормил депутатов обещаниями**. «Известия».

3. «Социальное воздействие, влияние, воспитание – это Кормление»: **питательная среда** 'благоприятные условия, способствующие упрочению, развитию каких-л. социальных явлений'; **впитать / впитывать(ся) с молоком матери / материнским молоком** 'усвоить / усваивать, воспринять / воспринимать с ранних лет какие-л. мысли, сведения, правила, нормы поведения и т.п.>'; **подножный корм** 'источник существования, развития чего-л.'. Примеры контекстов: *Мощный научно-технический потенциал предприятий округа служит и фундаментом, и питательной средой для появления и, главное, воплощения в жизнь инновационных проектов*. Журнал «Наука и жизнь»; *В последнюю нашу встречу с Ветровым, встречу-разрыв в гостинице «Октябрьская», Юрий Иванович не сдержит накопившейся против меня злобы и сошлется на дурные сведения обо мне, которыми располагает КГБ – еще бы им не располагать этими сведениями, кому еще нужны гнусные эти доносы, подножный корм Комитета госбезопасности!* В. Соловьев.

Внутренняя форма фразеологизмов актуализирует определенные аспекты исходной ситуации, значимые для метафорической проекции и образной характеристики называемых явлений в концептуальном и аксиологическом отношении. Так, в пресуппозиции ситуации кормления оказываются такие параметры, как социальный статус и ролевая функция, по которым противопоставлены субъект и объект кормления. Кормилец имеет более высокий социальный статус, так как располагает пищевым ресурсом и имеет доступ к нему, в то время как объект кормления либо не располагает едой, либо по каким-то причинам не имеет к ней доступа, следовательно, его статус более низкий и он находится в зависимой позиции по отношению к кормящему субъекту. Прототипический субъект кормления – это мать (биологический кормилец) и отец (социальный кормилец), более широко – взрослый, здоровый, социально активный член сообщества. Прототипический объект кормления – это ребёнок, немощный человек (старый, больной), животное, в обобщенном смысле – слабый, беспомощный, социально пассивный член сообщества.

Более высокий статус кормильца актуализируется во внутренних формах идиом через такие атрибуты власти, как *рука* и *стол* (ср.: *руководитель, престол*): **рука кормящая, кормиться с руки / с рук / со стола / с барского стола**, фиксируется семантика получения выгоды, прибыли, привилегий как «хорошей, качественной пищи» (*Нас, артистов, иногда кормили с руки, брали на охоту, заводили в «закрома»*. Р. Карцев). Более низкий статус едока маркируется через образы кормления ребёнка – **впитать с молоком матери, разжевать и в рот положить, кормить с ложечки** (*Он был сопляк, урод, из тех, кого родители кормят из ложки до самой пенсии*. Г. Щербакова), или животных (волка, собак, свиней) – **волка ноги кормят, кормиться из одного корыта, бросить кость, кости с барского стола**, а низкое качество ресурса, соответствующее более низкому социальному статусу, метафорически маркируется через соматизм *ноги* – **подножный корм**, являющийся в метафорической модели социального статуса пространственным («верх – низ») антиподом *руки дающей* (*У меня есть знакомый философ, который в 42 года бросил вуз и перешел на «подножный корм» – пишет курсовые на заказ*. «Известия»). Статус едока маркируют атрибуты посуды: *ложечка* для кормления детей, *котёл* для массового питания, *корыто* для кормления домашних животных. В качестве «кормильца» метафорически представлены человек более высокого статуса, социальная группа – политические, государственные, организационные структуры; часть тела (*ноги*) как инструмент полу-

чения доходов; временной отрезок, сезон (*летний день*), приносящий доходы. В качестве «едока», соответственно, выступают более слабые и зависимые социальные группы и их представители. В образе пищи интерпретируются денежные и имущественные ресурсы, социальные привилегии, знания, информация. Прототипический образ «пищи» представляет *хлеб* как символ достатка или необходимого минимума средств – **даром хлебом кормить, хлебом не корми, а дай что-л. сделать**.

Так же, как и социальный статус, противопоставлены ролевые функции субъекта и объекта кормления. Кормильцу необходимо обеспечить пищей едока, представив имеющийся у него пищевой ресурс получателю. Он выполняет функцию донора, в то время как объект кормления, не располагая ресурсом и возможностью, в позиции реципиента оказывается бенефициантом – получает пищу и удовлетворяет жизненно важную потребность организма. Насколько противоположны социальные статусы и ролевые функции кормильца и едока, настолько же они внутренне противоречивы. Кормилец при более высоком статусе (+) вынужден затрачивать силы и терять ресурс в позиции донора (–), тогда как объект кормления при отсутствии еды и/или неспособности самостоятельно питаться (–) имеет возможность получать жизненно необходимый ресурс (+). В сбалансированной ситуации, когда действия, статусы, цели и мотивы кормильца и вскармливаемого релевантны объективному положению дел и субъективному отношению сторон, аксиологический смысл ситуации может быть определен как «Благодетельный кормилец – благодарный едок». Именно такой тип отношений предписывается культурой в качестве декларируемой социальной нормы гостеприимства и щедрости (ср.: **Не оскудеет рука дающего**), заботы о слабом, ответной благодарности. Ключевой ценностью, регулирующей такой тип отношений здесь выступает понятие «БЛАГО», то есть «ДОБРО» в социальном смысле этого понятия (ср.: **благое дело, добродетельность, благотворительность**). То есть, кормильцу предписывается проявлять альтруизм, а кормящемуся – благодарность.

В несбалансированной ситуации расхождения ролевых функций с истинным положением дел, негативным и/или неискренним субъективным отношением к их выполнению аксиологический смысл ситуации кормления оказывается негативным, связанным с проявлением эгоистических намерений и потребностей сторон: «Доминирующий манипулятор – Жертва» / «Жертва – паразитирующий манипулятор». Ключевая антиценность, аксиологически маркирующая данную ситуацию, это «КОРЫСТЬ» или «ВЫГОДА» в отрицательном смысле этого понятия. Семантика фразеологизмов маркирует преимущественно несбалансированную ситуацию, передавая негативно-оценочные коннотации: неблагодарность со стороны вскармливаемого (**даром хлебом кормить, кусать руку кормящую / дающую**) и манипулирование посредством финансовых ресурсов, ложной или бессодержательной информации, чрезмерной опеки и контроля (*Бизнес можно делать только при помощи власти, а власть кормится из рук бизнеса. «Известия»*; *У нас, как обычно, творцов своих будущих пенсий кормят обещаниями светлого будущего. «Петербургский Час пик»*; *Во время войны эта ненависть стала питательной средой для революционной пропаганды в войсках. «Московский комсомолец»*).

Рассмотренный материал позволяет сделать выводы, подтверждающие тезис об универсальности базовых концептуальных моделей, которые в то же время специфически проявляются в структуре, семантике и внутренней форме фразеологических единиц конкретного национального языка, демонстрируя системность и вариативность как неотъемлемые качества языковой образности и метафорического мышления.

Литература

1. Баранов, А.Н. Дескрипторная теория метафоры и типология метафорических моделей. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Baranov.pdf>

2. Живаго, Н.А. Метафоризация процессов гастрономической деятельности в русском языке // Автореф. дис. канд. филол. наук. – Томск, 2017. – 24 с.
3. Пинтова, А.А. Концептуальная метафора во фразеологических единицах, репрезентирующих концепты «OLD» и «YOUNG» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 85. 2008. – С. 227–234.
4. Словарь русской пищевой метафоры / сост.: А. В. Балдова, М. В. Грекова, Н. А. Живаго, Е. А. Юрина; под ред. Е. А. Юриной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. – Т. 2: Гастрономическая деятельность. – 544 с.
5. Чудинов, А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография. – Екатеринбург, 2003. – 248 с.
6. Юрина, Е.А. Когнитивные механизмы взаимодействия образной лексики и фразеологии: опыт лексикографической презентации // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб. науч. тр. – Белгород, 2013. – С. 276–280.
7. Юрина, Е.А. Концептуальная метафора поглощения жидкости в пищевом коде русской лингвокультуры // Русистика. 2018. Т. 16. № 4. – С. 428–450.
8. Gibbs, R.W. Psycholinguistic Studies on the Conceptual Basis of Idiomaticity // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1. N 4. P. 417–451.
9. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors We Live By. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980.

Summary. The article presents the conceptual metaphor of *Feeding* based on the projection of the cognitive structure of the initial situation ‘the breadwinner gives food to the eater / provides food to the eater’ on processes and phenomena occurring in various spheres of the person’s inner world and social life. The cognitive models that underlie the semantics and cultural connotations of phraseological units the internal form of which includes metaphorically interpreted verbal components *to feed* and *to nourish* are identified. The material include phraseological units (22 items) recorded in the published explanatory and phraseological dictionaries of the Russian language and functioning in modern speech.

Key words: conceptual metaphor, phraseological unit, metaphoric model.

КОГНИТИВНО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ИДИОСТИЛЬ ТВОРЧЕСТВА Ч. АЙТМАТОВА

М.Г. Юрченко

Кыргызстан, г. Бишкек, Кыргызско-Российский Славянский университет
им. Б.Н. Ельцина
sidorova.marri@gmail.com

Лингвистическое сообщество Кыргызской Республики вслед за тенденциями развития науки о языке активно включается в разработку проблем когнитивно-ориентированной лингвистики. В научных публикациях отечественных исследователей наблюдается поворот от изучения вопросов системной лингвистики к антропо-ориентированному направлению. В рамках статьи описана языковая личность и выявлены когнитивно-концептуальные единицы языка, определяющие идиостиль писателя на фоне общелитературного языка. В частности, проведен анализ фразеологической картины мира Ч. Айтматова.

Именно когнитивно-концептуальные единицы определяют понятийное отражение мира, создают образные представления, которые, в свою очередь, базируются на эмоционально-переживаемых категориях. Поэтому, в языковой картине мира Ч. Айтматова «душу разбрасывает по горам», у В. Маяковского «душа перевывает вьюгу» а у С. Есенина «душу затыкает». Фразеологии заслуженно отводится особая роль при изучении языковой картины мира. Так как именно фразеологизмы «...ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т.п. и в употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» (Телия В.Н., 1996: 9).

Языковая картина мира Ч. Айтматова имеет объективные, обусловленные этнокультурным развитием личности особенности. «Языковая микросреда пронизывает все языковое мышление человека. Она определяет его эстетические и этические языковые нормы, на языке микросреды он думает, планирует, воображает, мечтает и даже говорит во сне» (Тимофеев В.П., 1971: 34). Выходя за рамки традиционной фразеологии, авторский фразеологизм приобретает когнитивно-концептуальную значимость, ярко проявляющуюся в языковой картине мира Ч. Айтматова. Авторская фразеология несет с собой многоплановую прагматическую информацию: культурную коннотацию, индивидуальное видение и мировоззрение. В данной работе, для описания авторской фразеологии, мы будем придерживаться следующего определения. Авторские фразеологизмы – *это особенные сочетания слов, способствующие точному созданию образа, представляющего основу номинации, где проявляется символизация значений, несущих обширный мир знания посредством культуры индивида, выражающая его персонифицированные чувства, состояния и оценки, реализующие эстетические и эмоциональные категории в многогранном процессе коммуникации.*

Данное определение позволило нам проследить взаимопроникновение элементов культуры индивида в язык. Следует отметить, что Ч. Айтматов в своем творчестве использовал достаточно большое количество фразеологизмов, имеющих корни в различных культурах мира. Представляется очевидным, что русские фразеологизмы представлены в его языковой картине мира наиболее широко. Используя низкочастотные фразеологизмы, принадлежащие перу таких мастеров русской классики как Шолохов, Гоголь, Пушкин и т.д., в тексте они несут основную семантическую и эстетическую функции: *биться об заклад; два сапога пара; зарубить на носу; куры не клюют; городить огород; заварить кашу; где раки зимуют; закручивать гайки; катиться в тартарары; брать за глотку; душа нараспашку; душа ушла в пятки; от ворот поворот.*

Этот факт подтверждает мысль о том, что русская классическая литература достаточно широко отражена в языковой картине мира Ч. Айтматова. Творческий подход и умелое использование этих уникальных единиц языка в тексте является главным показателем Айтматова, как художника слова. При этом, как правило, фразеологизмы в его творчестве не повторяются. Писатель широко использует парадигматические отношения языковой системы для описания явления или характеристики. Например, характеризуя физическое состояние концепта «Смерть» мыслитель использует целый синонимический ряд, характеризующий это явление в ряде национальных культур: *отдать богу душу; покинуть бренный мир; завершить свой славный путь; отправиться на тот свет; ноги вытянуть; отправиться дорогой предков; уйти на тот свет с миром, отойти в мир иной; отправиться в безвозвратный путь.*

Неоднократно Ч. Айтматов прибегает в своем творчестве к употреблению низкочастотного фразеологизма *на роду написано*:

*«Существует одна непреложная данность, одинаковая для всех и всегда, – никто не волен знать наперед, что есть судьба, что **написано** ему **на роду**, только жизнь сама покажет, что кому суждено, а иначе, зачем судьбе быть судьбою...»*(Айтматов Ч., 1998: т. 7, 19).

*«Что **написано на роду**, тому и быть»* (Айтматов Ч., 1998: т. 1, 47).

*«Одним словом было **написано** ему **на роду** остаться в живых, и он выжил»* (Айтматов Ч., 1998: т. 1, 420).

*«Я в это верю, вот посмотришь, у тебя **на роду** так **написано**»* (Айтматов Ч., 1998: т. 1, 298).

Это можно объяснить тем, что Ч. Айтматов является представителем мусульманской религии, где свято верят в судьбу:

«У каждого предстоящего акта судьбы есть незримая дверь, заранее приоткрытая, и кому **написано на роду** переступить порог этой двери, узнает об этом, лишь оказавшись заложником по ту сторону ее» (Айтматов Ч., 1998: т. 7, 109).

Для того, чтобы раскрыть национальные ценности разных культур, писатель прибегает к использованию пословиц и поговорок: *бывает, спотыкаются на муравье, а слон убегает; если в горах плачет ребенок кыргызов, в долине у матери-казашки болит грудь; у хана ум сорока человек; чужого горя не бывает, кумиры меркнут, и враги уходят в тень; безмятежного счастья не бывает; если беда свалится на коня – конь будет взнузданным воду пить, если беда свалится на молодца – молодец вброд в сапогах пойдет; пока ты на коне, познай мир; чем держать возле себя тысячу глупцов, держи одного мудреца.* В небольшом количестве в текстах писателя отмечены и авторские пословицы: *язык – птица души; глаза и есть сама душа; когда мать помогает, жеребенку вреда не бывает; не зная своей истории – значит не иметь корней.*

Айтматов всегда рассматривал фольклор как хранилище творчества народа, формирующего национальные традиции, отмечал, что в пословицах заключена наблюдательность и ум, касающиеся природы человека. Наряду с пословицами и поговорками, не редко писатель использует и образные сравнения: *как пугало в огороде; как белка в колесе; как кошка с собакой; как рыба об лед; как волк в зимнюю стужу.* Очевидно, что некоторые из них отражают национальную специфику: *как больная овца; как ишак; как шомпола; как струна комуза.*

Библейские сюжеты также занимают в творчестве Айтматова не последнее место. На удивление логично, мастер слова вплетает их в композицию своих рассуждений. Сам писатель неоднократно отмечал, что истинная философия проявляется в ежедневных обстоятельствах, когда люди поступают так, как им велит сердце – *не мудрствуя лукаво.* Объясняя свою привязанность к Библии, Ч. Айтматов писал: «Христианская религия дает очень сильный посыл фигурой Иисуса Христа. Исламская религия, в которую я включен своим происхождением, подобной фигуры не имеет. Мухаммед – не мученик. Случались у него тяжкие, мучительные дни, но, чтобы за идею распяли и чтобы он это простил людям навсегда – такого нет. Иисус Христос дает мне повод сказать современному человеку нечто сокровенное» (Айтматов Ч., 1998: т.7, 434).

Рассуждая о вечных категориях и проблемах человечества, в своем романе «Плаха», писатель прибегает к использованию в своем художественном мире евангельского эпизода Понтия Пилата и Иисуса Назарянина. Вдохновленный библейскими сюжетами, Айтматов писал: «Мое стихийное прикосновение к источнику христианской религии – Библии – обогатило меня, показало жизнь в новом свете» (Айтматов Ч., 1998: т.5, 443).

Библейские фразеологизмы также нашли свое отражение в творчестве Айтматова:

«Возьмем краеугольный камень русского реализма – «Мертвые души». И что же – это ли не божественный пир символики, гиперболизма, всеобъемлющий пожар поэтического воображения» (Айтматов Ч., 1998: т. 7, 317).

«Литература должна самоотверженно нести свой крест, вторгаться в сложности жизни, с тем, чтобы человек знал, любил все дорогое, лучшее, достойное в себе, в людях, в обществе» (Айтматов Ч., 1998: т. 7, 299).

Исследователи творчества великого кыргызского писателя, философа, мыслителя, выделяют более 250 авторских фразеологизмов: *божественный пир символики; кровеносная система общечеловеческой культуры; разговаривать на языке оружия; жатва сенсаций не терпит промедления; затронуть больной нерв.* Среди них целый ряд, раскрывающих патриотические чувства и идеологию писателя: *зажечь огонь веры; нравственный развал души; пустыня обыденности; кипят*

дискуссии; проложить золотой мост между прошлым и будущим; накинуть петлю на мечту и т.д. В них прослеживается и незаурядный политический деятель.

Понятно, что нет той меры, которая может определить сколько и каких метафорических образов может использовать писатель для того, чтобы создать свою индивидуальную кодовую систему. Во многом это зависит от тех креативных навыков, которыми обладает личность.

Абсолютно индивидуальный, авторский способ видения мира, зафиксированный когнитивно-концептуальными знаками, высокий потенциал эстетических норм и мышления позволил Ч. Айтматову использовать словосочетания или выражения в различных сравнениях, осознавая изначально все их метафорические возможности. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что фразеологический фонд языка является главной формой существования и выражения национальной культуры; на материале когнитивно-концептуальных знаков транслируются ценностно-культурные смыслы, образно передающие информацию о происходящем в мире поэта, способствующие конкретизации ценностно-смыслового пространства, репрезентирующего языковые процессы, происходящие в мировоззрении индивида.

Литература

1. Айтматов, Ч.Т. Собрание сочинений в 7 т. – М., 1998.
2. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
3. Тимофеев, В.П. Личность и языковая среда. – Шадринск, 1971. – 122 с.

Summary. This paper seeks to identify the linguistic personality and analyse the cognitive and conceptual units of language that determine the writer's style against the background of the general literary language. It also illustrates Aitmatov's linguistic picture of the world and goes on to argue that phrasicon is the main form of existence and manifestation of national culture.

Key words: language world picture, phraseological world picture, individual style, author's phraseological unit, cognitive-conceptual signs.

**Раздел 5. ДИСКУРСИВНО-МОДУСНЫЕ КОНЦЕПТЫ
КАК ИСТОЧНИКИ КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА**

**НЕКОТОРЫЕ ПРИЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ В РОМАНЕ М. ПРИШВИНА «У СТЕН ГРАДА НЕВИДИМОГО»**

Г.Н. Абреимова

Россия, г. Елец, Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина
abreimova.g.n@yandex.ru

Проблема трансформаций устойчивых словесных комплексов привлекала и продолжает привлекать внимание многих лингвистов.

Известно, что индивидуально-авторское изменение устойчивых словесных комплексов характерно для языка большинства русских писателей: Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Ф.М. Достоевского, М. Горького, М.А. Шолохова, В.М. Шукшина, Д.Н. Мамина-Сибиряка и др. Те или иные преобразования ФЕ стали объектом исследования многих лингвистов. «Фразеологическое творчество писателей, – пишет А.И. Ефимов, – выражается прежде всего в обновлении привычных для слов контекстов, в которых эти слова обычно выступают. Слова, перемещенные из одного окружения в другое, претерпевают интересные смысловые и стилистические изменения. Таким образом, изучение фразеологических связей слов имеет первостепенное значение... для определения творческого своеобразия писателя, занимающегося фразеологическим новаторством» (Ефимов А., 1957: 288).

Следует отметить, что фразеология М.М. Пришвина представляет собой малоизученное явление, отсутствуют монографические работы, в которых был бы представлен анализ фразеологического фонда данного писателя.

Цель нашего исследования состоит в выделении некоторых приемов трансформации фразеологических единиц в романе М. Пришвина «У стен града невидимого». Особенно показательны в этом отношении фразеологизмы библейского происхождения: *соль земли, святое место, исчезнуть с лица земли, отдай богово – бо-гови, кесарево – кесареви, воскреснуть из мертвых* и др. Включенные в авторское повествование и в речь персонажей, они являются ярким характерологическим средством.

В анализируемом романе автором очень часто вводятся фразеологические единицы в трансформированном виде, которые выполняют в тексте определенную художественную задачу: они либо оживляют уже стершийся в общезыковом употреблении внутренний образ сочетания, либо конкретизируют и уточняют значение общезыкового сочетания применительно к данному контексту. Фактический материал, полученный в результате извлечения из произведения трансформированных фразеологизмов, позволяет следующим образом классифицировать их с учетом семантических нарушений и эмоциональных обновлений, которые возникают в результате авторских преобразований устойчивых сочетаний. Приемы преобразования фразеологических единиц в романе могут состоять в замене одного из их компонентов, в расширении их состава новым словом или в сужении этого состава. Рассмотрим эти языковые явления.

Чаще всего в анализируемом романе встречаемся с приемом лексической замены одного из компонентов. В результате замены отдельных компонентов происходит расширение фразеологических связей и создание по существу новых фразеологических единиц. Такой тип преобразования нами выделен в 16 фразеологических оборотах: *переступить черту, перебрасывать мост, земля обетованная, смертный грех, испокон века, геенна огненная, в руке божьей, пропасть разверзается*

<под ногами>, намять бока, вводить в заблуждение, мировая скорбь, внести свою лепту, гнать волну, обращаться на путь истинный, всемирный потоп и брать на себя.

Преобразование фразеологизмов *переступить черту*, *перебрасывать мост* происходит с помощью глагольных синонимов *перешагнуть*, *перекидывать*: *Есть такая черта. Если сделать усилие воли, то можно и живому человеку перешагнуть за нее. Но там нет ирисов; И вижу в радужное окно: светлеет в лесу, яснее лик недоверчивого сурового уренского бога. Мост, быть может, отчасти и мною созданный, перекидывается ко мне.*

Переход утвердительной формы в отрицательную осложняется заменой компонента глагольным синонимом *переходить*: *И тот, кто любит их, не станет черту переходить. Не потому, что не может, а потому, что любит.*

В библейском фразеологизме *земля обетованная* «место, где царит довольство, изобилие, счастье, куда кто-либо страстно желает попасть» (ЭСБФ, 2010: 215) слово *земля* заменено синонимом *страна*, что позволяет писателю соотнести это значение с определенным государством: *Через мозолистую стену годов открывается окно в страну обетованную.*

Во фразеологическом обороте *смертный грех*, имеющем значение «тяжёлый грех, влекущий за собою потерю спасения души в случае отсутствия покаяния», изменение происходит с помощью синонима *мертвый*, что меняет его семантику на более тяжкую – «грех, ведущий к гибели души без покаяния»: *Матери испекут дитя свое и съедят. Матери испекут дитя свое и съедят. – Мертвый грех! – шепчут тени.*

Несколько раз употребляется трансформированный фразеологизм *испокон (спокон) века*, имеющий значение «с давних времен», в котором замещение наречия происходит с помощью существительного *зачатие*, что конкретизирует семантику этого оборота «от самого зарождения»: – *А как «зорили», родимый, Краснояр, так самые лучшие иконы повесили в никонианскую церковь. И висели они там от зачатия века святые. А Никола перемазал; Но только там все правильно: иконы старинные, от зачатия века стоят, верующие в длинных староверских черных кафтанах, крестятся двумя перстами, попы ходят посолонь, служат на семи просфорах; У нас хорошо, у нас все правильно, служба длинная, образа старинные, от зачатия века стоят...*

Во фразеологизме *геенна огненная*, имеющем значение «место вечных мук и страданий грешников; символ воздаяния за зло, наказание за грехи» замена существительного происходит посредством контекстуального синонима *река*, который разделяет собой миры живых и мертвых, мир людей и мир нечистой силы: – *Чадо мое милое. Он, Истинный-то, и скажет: ты мои рукописания не слушал. Хоть бы капельку не забыл. Иди в тьму, пади в огненную реку.*

Одним из приемов использования фразеологических единиц является введение во фразеологизм лексему иной стилевой окраски, которая создает индивидуально-стилистическую обработку оборота писателем, усиливая её выразительность. Во фразеологическом обороте *в руке божией*, имеющем значение «во власти судьбы», происходит изменение нейтрального существительного на устаревшее, что придает фразеологизму книжный характер: *Антихрист царствует. Какие-то три с половиной года до конца. И давно бы пора наступить концу. А все не наступает. Когда же? Что значат эти три с половиной года? – Эти три с половиной года покрыты дланью божией. Что за год-то считать.* Наоборот, преобразование оборота *пропасть разверзается <под ногами>* происходит с помощью замены стилистически нейтральными словами: *Раньше, рассказывает Максим Иванович, он верил, что священные книжки пишутся самим богом и падают с неба. Теперь не верит. Жил он раньше в староверской деревне, переплетал книги, писал летопись, имел свое кладбище, ходил слушать звон колоколов на Светлое озеро. ... И раз кто-то*

уговорил его выпить стакан чаю. Думал, **земля провалится**. Выпил – ничего. Еще раз выпил – ничего. Перестал ходить на Светлое озеро. Колокола замолчали.

Очень часто у М.Пришвина замещающие слова и заменяемые компоненты являются единицами разных семантических полей. Наиболее яркое эстетическое впечатление создается в результате неожиданного сближения далеких по смыслу понятий: – **Наломали** они нам **бока**, – говорил Алексей Ларионович. – Было время, по десять лестовок вел, тысячу поклонов в день перед ними клал. – Что говорить, себя не жалели. – Не жалели. Боялся их и греха больше всего. Погасят огни, стою перед ними ночь, жена плачет (ср. намять бока).

У Пришвина наблюдаются случаи, которые существенно не влияют на семантический облик фразеологизма: *Встаю поутру: нет, сам не буду грешить и людей **не стану вводить в сомнение*** (ср. вводить в заблуждение); *И при последних временах настанет **великая скорбь*** (ср. мировая скорбь).

Преобразование фразеологизма *внести свою лепту*, имеющего значение «принять участие в каком-либо деле, внося свою долю, плод своего труда», происходит путем замещения глагольного компонента лексемой другого семантического поля. Такого рода замены приводят к уточнению действия во фразеологическом обороте: *Я тоже опускаю медные деньги праведникам в трещину под березкой. Рада бабушка, что я **опустил свою лепту** в город невидимый*. Подобная трансформация происходит с оборотом *обращаться на путь истинный*: *Так и есть, радуясь я, **попал на истинный путь**; и тут же припоминаю о реформации: на место иконы становится Библия, понимаемая духовно, на место объективного авторитета – субъективное сознание, на место «плоти» – «дух»*.

Замещение первого компонента во фразеологизме *гнать волну*, имеющем значение «нагнетать напряженность, обострять обстановку» происходит с помощью глагола *наводит*, что придает семантике постепенное нагнетание обстановки: – *Над горем горе, над бедами беда, – шепчут тени возле бородатой старухи. – Все знаки, все признаки тут: трусы и мятежи, провалища, **волну** с моря **наводит***. – *Все диавол, все диавол кознодействует! – вторят в толпе*.

Трансформация фразеологического оборота «*всемирный потоп*» основана на метонимии, которая служит средством конкретизации, так как Ной является ключевой фигурой событий, связанных в Библии с Великим Потопом: *С ласковой улыбкой проводила хозяйка на крыльцо и как ни в чем не бывало рассказала нам путь: до Усты тропинка, у реки душегубка, переправимся – кордон; от него в правую руку лежит дуб, черный, с **Ноева потоп**а лежит; по дубу перейдем ручей – и на болото; а по болоту версты две до леса, в лесу грива и на ней живет Петрушке*.

Фразеологизм *брать на себя* в своем составе содержит глагольный компонент, который обычно имеет форму несовершенного вида. У М.Пришвина этот компонент заменен глагольным синонимом совершенного вида *взять* (действие стало осознаваться как однократное, совершённое): *В глубине истории этого согласия есть какое-то лицо, **взявшее на себя** будто бы самочинно таинство священства в Белой Кринице в Австрии*.

В языке М. Пришвина образование авторских выражений по модели языковых ФЕ приводит к созданию новых изречений. Например, пословица *не так страшен чёрт, как его малюют* вводится в текст автора в перефразированном варианте, благодаря чему она приобретает более конкретное значение: *И, кажется, так бы просто перейти от хозяйства крестьянского к хозяйству Отца. Нет... До небесных цветов далеко. Пока мы выбьемся из темного лабиринта «буквы», пропадут всякие земные цветы. Но **не так буква страшна, как толкование ее Дмитрием Ивановичем**. Слушает он, косматый и мудрый, так, что земля умнеет. А начнет толковать... «Страшная, – думаю я, – эта книга, правду говорит про нее народ. Кто станет читать ее, проклянет небо и землю»*.

Расширение границ фразеологизма вызывается стремлением автора органи-

чески влить ФЕ в контекст, изменить или обогатить его экспрессивно-стилистически и семантически. В нашем примере расширение идет за счет включения определений *нерадостный, свой и весь, служащих для уточнения семантики оборотов в глубине души, отвести душу и сыр-бор загорелся: И потому это, что сосны, и ели, и вереск, и мох в глубине своей нерадостной души вечно грезят о юге. Их жизнь – сон и мечта о невидимом; Но спросить не с кого, нельзя рассердиться, разбратиться, отвести свою душу; – Я не слушаю, молюсь им... Ну, и пала тут на меня искра. От сей искры весь сыр-бор и загорелся: Николай Андреевич Библию принес. «Хочешь, – говорит, – почитаем». – «Нет, – отвечаю, – она мне противна, от нее в бешенство впадают».*

Во фразеологизме *смотреть другими глазами*, имеющем значение «оценить кого-либо или что-либо иначе», помимо замены местоимения, происходит расширение его границ с помощью одного или нескольких компонентов, что в свою очередь меняет его значение «смотреть с новой точки зрения»: *Я смотрю на эту каменную вещь совершенно новыми глазами; Я хочу взглянуть на бабушку, как и на церковь, новыми глазами.* Во втором примере глагол заменен синонимом совершенного вида, имеющим законченное действие.

Фразеологическая единица *мерзость запустения* у писателя употребляется в необычной форме с соединительным союзом *и*, что не только создает добавочную экспрессивность, но точно и исчерпывающе характеризует окружающую обстановку: *– На святую землю плюют, – продолжает Ульянов. – Мерзость и запустение, – отзываются другие.*

При анализе фразеологических оборотов в романе встречается такой вид их трансформации, как эллипсис – своеобразная редукция фразеологических единиц, когда они сокращаются за счет лексически ослабленного компонента. При сокращении компонентного состава ФЕ смысловое содержание оборота сохраняется, однако «становится менее интенсивной экспрессивность, менее яркой – образность» (Мелерович А.М., Мокиенко В.М., 2005: 25). Поскольку устойчивое словосочетание характеризуется целостной воспроизводимостью, читатель легко восстанавливает недостающий компонент фразеологизма. Оставшийся компонент или компоненты передают значение всего фразеологизма в целом: *Фиалки, черемуха, зеленая пыль в воздухе и висячие мостики от дерева к дереву (ср. висеть в воздухе); – Вы доживете. Как пойдет девятая тысяча, так по краюшку ходить будете, как есть по краюшку ходить будете. Хорошо, как есть молемишки к истинному Христу. А как молемишников-то нет, да будет народ аховец. (ср. ходить по краю пропасти).* В последнем примере помимо сокращения компонентного состава наблюдается морфемное преобразование компонентов (*краю – краюшку*), где с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-юшк-* выражается отношение старушки к страшному событию – апокалипсису. Во фразеологической единице *как камень с души свалился* помимо редукции происходит замена нейтрального глагола просторечным: *– Нет, я благодарю Писание, оно меня освободило, как камень отвалило.*

Итак, М. Пришвин в романе «У стен града невидимого» использует фразеологию не только в общепотребительной, но и в измененной форме. Обновленная форма не только проецируется на общераспространенное сочетание, сравнение с которым и позволяет судить о степени оживления экспрессивно-семантической структуры фразеологизма, но и сохраняет в какой-то мере типичную для общезыкового прототипа лексико-синтаксическую сочетаемость. Сохранение лексико-синтаксических связей, свойственных общезыковому употреблению исходного фразеологизма, – важное условие сохранения преобразованным сочетанием статуса устойчивого оборота.

При анализе текста мы выделили такие приёмы структурно-семантических трансформаций, как замена, расширение и эллипсис. Одним из наиболее распро-

страненных приемов преобразования фразеологических единиц в анализируемом произведении является замена компонента, которая может происходить с помощью синонимичной лексемы, но отличающейся оттенком значения, а также путем контекстуального или стилистического синонима. Помимо этих вариантов замещение может быть основано на метонимии. Наименьшую группу трансформаций в представленном тексте представляют такие приёмы, как расширение и усечение компонентного состава фразеологических оборотов. В качестве распространителей компонентов фразеологизма могут выступать слова практически любой знаменательной части речи. Объем статьи не позволяет нам остановиться на синтаксических и морфологических изменениях фразеологических единиц в произведении М. Пришвина, но и эти неполные наблюдения свидетельствуют о том, что писатель прекрасно владел образным и поэтически гибким русским языком.

Литература

1. Ефимов, А. И. Стилистика художественной речи. – М.: 1957. – С. 288-289.
2. Мелерович, А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М.: Русские словари, 1997. – 864 с.
3. Пришвин, М. М. У стен града невидимого. Светлое озеро // Собр. соч.: В 8 т. – М.: Худож. лит., 1989. – с. 32-114.
4. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. / Под ред. А.И. Федорова. Т.1: А – М. – М.: 1997. – 391 с.
5. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К.Н. Дубровина. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 808 с.

Summary. In the text, M. Prishvin often uses phraseological units in a transformed form that perform a certain artistic task: they either enliven the internal image of a combination that has already been erased in common language usage, or it specifies and clarifies the meaning of the common language combination with respect to this context. Most often it is the reception of lexical substitution, rarely expansion and ellipsis.

Key words: phraseological unit, phraseological transformation, biblical phraseological unit, structural-semantic transformation.

ЗАГОЛОВОЧНЫЕ ФРАЗЕМЫ КАК СЕМАНТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ПОЗИТИВНОЙ VS НЕГАТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ИНТЕРНЕТЕ

О.Ю. Космачева

Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет
olga_ast@list.ru

Уникальная концентрация информационной, экспрессивной и прагматической функции характерна для заголовочных фразем – знаков косвенно-производной номинации, использованных в структуре заголовков электронных СМИ в качестве средства привлечения внимания к публикации. **Заголовочная фразема** не только предваряет статью и несёт определённую информацию о содержании публицистического произведения, но и активизируют дискурсивно-прагматическую деятельность человека в аспекте понимания имплицитного содержания, находящегося за пределами означающего знака фраземы.

Продуктивное использование заголовочных фразем в интернете, с присущими ему структурными и функциональными особенностями, актуализирует создание «живого образа» – представления, «которое возникает в результате современного восприятия и понимания фразеологического оборота, если даже его буквальное значение не позволяет воспроизвести этимологический образ» (Алефиренко Н.Ф., 2008: 447). Культурно-историческая ценность фраземы определяется генетической

связью косвенно-производной семантики с дискурсом, где обнаруживается и формируется «ценностно-коммуникативная сущность смыслового пространства культуры» (Ван Дейк Т.А, 1989: 121–122), и включает в себя ареал смыслов, которые хранят знания о какой-либо ситуации, событии, традициях.

Так, с помощью фраземы автору удаётся передать негативную оценку, как, например, в заголовках «Слава **Pussy Riot – это слава Герострата**» (<http://www.kp.ru>), «**Свинью подложили**» (<http://www.rg.ru/>) или «**”Мертвые души” в спорте**» (<http://www.vz.ru/economy>). Каждая из фразем, употребленная в данных заголовках имеет отрицательную коннотацию, закреплённую во фразеологическом значении. ФЕ *слава Герострата* (неодобр.) – ‘позорная слава’ – употребляется тогда, когда хотят сказать о честолюбивцах, «добивающихся славы любым путем, вплоть до преступления» (ИЭС, 2005: 641). ФЕ *подложить / подкладывать свинью* (неодобр.) – ‘сделать большую неприятность кому-либо’ – содержит результаты отражения действительности в языковом сознании человека, а именно: «свинья в этом выражении означает “строй клином, кабаном, кабаньей головой для пролома рядов, для нападения”. В 1242 г. немецкие рыцари вклинились “свиньёй” в расположение русских войск на Чудском озере, но попали в “русские клещи” – особое контррасположение войск Александра Невского» (ИЭС, 2005: 628). Семантика ФЕ *мёртвые души* – ‘люди, фиктивно числящиеся где-либо’ – объективирует в языковом сознании название поэмы Н.В. Гоголя, «которое получило вторичное осмысление – “люди мёртвые духом”» (ИЭС, 2005: 211). Экспрессивные заголовки, актуализируя негативные и отрицательные смыслы фразеологического значения, показывают отношение автора к представленным событиям.

Взаимообусловленность заголовочной фраземы и дискурсивного пространства публицистического материала активизирует когнитивно-прагматические возможности смысловой реализации позитивной vs негативной фразеологической семантики, где «заложены эмотивно-оценочные отношения потенциального “пользователя”, или потенциального субъекта речи, к номинируемому объекту действительности» (Добрыднева Е.Н., 2000: 28). Таким образом, заголовок реализует именно тот прагматический – а точнее, информационно-оценочный – потенциал заголовочной фраземы как источника репрезентативной функции, что представляется автору публицистического материала наиболее значимым для определённого контекста или задачи, которую он перед собой ставит.

Следовательно, заголовочные фраземы электронных СМИ аккумулируют в себе не только информативность, но и оценочность, которая выражена в концентрированном виде. Выполняя репрезентативную функцию, заголовок представляет информацию всего текста в компактном виде, при этом автор публикации, стремясь установить контакт с читателем и вызвать его ответную реакцию, максимально нагружает заголовок оценочным потенциалом. В качестве примера рассмотрим заголовок «**Армия Путина, или Бред сивых кобыл по-московски**» (<http://www.ekonbez.ru/news/cat/11741>), где использована в трансформированном виде фразема **бред сивой кобылы** (прост. Презр.) – ‘о чьих-то глупых, вздорных мыслях, высказываниях’. Изменение грамматической формы двух компонентов – вместо единственного употреблено множественное число («сивых кобыл») – позволило автору уже в заголовке передать основную идею статьи и свою оценку описываемого в ней события: «*В пятницу 22 июля на Пушкинской площади Москвы молодые девицы... рвали на себе предметы верхней одежды в эрото-политическом экстазе. Таково было условие вступления в «Армию Путина». ... Цель новоявленных путинисток – возвращение их кумира на пост главы государства*». Используя в качестве характеристики поступка девушек фразему **бред сивой кобылы** в трансформированном виде, автор хотел подчеркнуть свое негативное отношение к их действиям.

Заголовочные фраземы, во многом детерминируя систему ценностных критериев и оценок действительности, проявляя аксиологичность – одно из характерных

свойств фраземы, являются результатом когнитивно-дискурсивной деятельности, удовлетворяющей потребности в ценностно-смысловой объективации разнообразной опытно-предметной деятельности языкового сообщества с целью усиления аттрактивной функции заголовков электронных СМИ. Например, оценка умственных / интеллектуальных способностей репрезентируется такими заголовочными фраземами, как 1) «**Кто не рискует, тот не шевелит мозгами**» (<http://chitay.net/no-comments/news>) – ср. значение фраземы *шевелить/пошевелить мозгами* – ‘соображать, думать, размышлять’; 2) «**Ни в зуб ногой**» (<http://www.sports.ru/boxing>) – ср. значение фраземы *ни в зуб <ногой> <толкнуть>* – ‘совершенно ничего не знать, не понимать, не смыслить в чем-л.; абсолютно не разбираться в чем-л.’.

Встречаются, конечно, и заголовки, хотя и сравнительно реже, демонстрирующие, благодаря фраземе, положительную оценку автора описываемых им в статье фактов. Например, употребление следующих заголовочных фразем: 1. «**Звёзды дня**» (<https://news.yandex.ru/story>) предваряет информацию об успехе двух российских хоккеистов в НХЛ, сохраняя в результате структурной трансформации значение ФЕ *звёздный час* – ‘момент высшего подъёма, напряжения и испытания сил’; 2. «**За синицу в руках**» (<http://www.gazeta.ru/comments>). Данный заголовок связан с выражением, противопоставляющим образ журавля образу синицы. Ср. *Лучше синица в руке, чем журавль в небе* – ‘о чём-л. неопределённом, далёком от осуществления’ и «Не сули журавля в небе, дай синицу в руки. Со временем в русском языке возникли и самостоятельно существуют две фраземы: *журавль в небе* и *синица в руках*. Употребляется, когда хотят сказать, что разумнее обладать меньшим сейчас, чем мечтать о большем, но несбыточном» (Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г., 2008: 343). Однако, не читая всего текста статьи, а ограничившись лишь заголовком, читателю сложно понять, о чем же конкретно пойдет речь в статье. После прочтения становится ясным, что под «синицей в руке» автор подразумевал действующую в стране власть, за которую, по его мнению, и пойдет голосовать большая часть населения. Отсюда и изменение грамматической формы эллиптированной пословицы: использован предлог *за*, свойственный управлению глагола *голосовать за кого-либо*, что о-л-и-б-о – «за синицу в руках». Положительная коннотация фразеологического значения распространяется на весь заголовок в целом и в следующих примерах, ср.: ФЕ *манна небесная* – ‘о чём-либо ценном, редком’ и «**Манна небесная для Олимпиады**» (<http://www.vz.ru/sport>); ФЕ *время разбрасывать камни, время собирать камни* – ‘1. Для каждого действия, события есть наиболее подходящий момент. 2. Разрушительная критика должна чередоваться или сочетаться с созидательной работой и **Время собирать**» (<http://lenta.ru/articles>).

Обращение к словам М.М. Бахтина: «Я живу в мире чужих слов. И вся моя жизнь является ориентацией в этом мире, реакцией на чужие слова» (Бахтин М.М., 1979: 119), где под чужими словами понимались крылатые фразы, афоризмы, пословицы, поговорки, цитаты и прочие изречения, наводит нас на мысль, что когнитивно-прагматический потенциал заголовка зависит от частотности реализации различных средств выражения оценки и экспрессии.

Так, довольно часто встречается в качестве заголовка электронных СМИ словосочетание *сомнительное прошлое*. Например, 1) заголовок «**Матвиенко: в Совфеде не осталось сенаторов с сомнительным прошлым**» предваряет комментарий об исключительности ситуации, связанной с арестом одного сенатора: «Ситуация с Арашуковым выпадает из общей ситуации. Сегодня в Совете Федерации нет сенаторов с *сомнительным прошлым* или настоящим, могу это ответственно заявить» – цитирует РИА Новости Матвиенко. Спикер подчеркнула, что в ближайшее время парламент изменит процедуру проверки кандидатов в сенаторы. С этой целью в настоящий момент ведутся консультации с правоохранительными органами» (<https://www.kp.ru/online/news/3383258/>); 2) «**Сомнительное прошлое Мединского. Мединский рейдом на музей**», где представлена информация, как ми-

нистр «Владимир Мединский фактически уничтожил музей Рериха под предлогом проверок. Теперь все экспонаты перешли в музей Востока, лояльно относящийся к министру» (<https://megalektsii.ru/s19988t10.html>); 3) «**Сомнительное прошлое деятелей мирового порядка**» анонсирует информацию о туманном прошлом, никак не соответствующем «провозглашенным высоким идеалам», которым характеризуется почти каждый сторонник «Нового Мирового Порядка с самых ранних дней своей деятельности» (<https://andrew31321.livejournal.com/16459.html>); 4) «**Сомнительное прошлое Никола Саркози**» (<https://player.vgtrk.com/iframe/video/id/1374658>).

Семантический анализ значения прилагательного *сомнительное* – ‘такой, который не заслуживает доверия с точки зрения соответствия морально-нравственным, правовым нормам, нормам порядочности’ – актуализирует смысл ‘нарушение нравственных и правовых норм’. В значении существительного *прошлое* – ‘минувшее время, минувшая жизнь, а также совокупность событий, которые имели место в минувшее время, в минувшей жизни’, являющегося главным словом в словосочетании *сомнительное прошлое*, ядерными смыслами становятся ‘совокупность событий в минувшее время’. Устойчивость компонентного состава и воспроизводимость сочетания *сомнительное прошлое*, а также актуализация и семантическое преобразование ядерных смыслов в структуре заголовков электронных СМИ позволяет соотнести это выражение с ФЕ человек (женщина ...) с прошлым – ‘о том, кто раньше вёл не вполне добропорядочную жизнь’ (БУСРЯ, 2016: 953). Учитывая такую высокую частотность употребления анализируемого сочетания, семантический анализ его компонентов позволяет сделать вывод о его фразеологизации и рассматривать как заголовочную фразу, репрезентирующую негативный смысл последующей информации.

В результате употребления фразем заголовков приобретает необычную форму, становится авторски-оценочным. Актуализация экспрессивных и оценочных сем заголовочной фраземы позволяет автору не только образно и лаконично выразить идею, концепцию публикации, но и настроить читательскую аудиторию на определённое оценочное восприятие материала статьи, описываемых событий и фактов.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф., Золотых Л.Г. Фразеологический словарь: Когнитивно-познавательное пространство русской идиоматики. – М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2008. – 472 с.
2. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
3. БУССРЯ 2016 – Морковкин В.В., Богачёва Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка / Гос. ин-т рус. Яз. им. А.С. Пушкина; под ред. В.В. Морковкина. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА; Словари XXI века, 2016. – 1456 с.
4. Ван Дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989. – 312 с.
5. Добрыднева, Е.А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии. – Волгоград: Перемена, 2000. – 224 с.
6. ИЭС 2005 – Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь; под. ред. В.М. Мокиенко. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.

Summary. The article presents cognitive-pragmatic possibilities of semantic realization of positive vs negative phraseological semantics in the aspect of the head phrase interdependence and the discursive space of publicistic material. The information and assessment resource of the headline phrase is considered as the potential of a representative function.

Key words: header phrase, phraseological semantics, cognitive-discursive activity, discourse, attractive function, axiology.

**ФРАЗЕМА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ**
(на материале одного стихотворения В. Высоцкого)

С.А. Кошарная

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
kosharnaja@bsu.edu.ru

В последние два десятилетия появилось достаточно большое количество исследований, посвященных изучению творчества В. Высоцкого (отметим, что первоначально в «высоцковедении» преобладала литературоведческая направленность, но в последние годы резко возросло количество работ, имеющих собственно лингвистический характер). Появились монографии и диссертационные исследования, посвященные его творчеству. Тем не менее, лингвистическое освоение творчества поэта находится в стадии становления. Наша работа нацелена на изучение явления интертекстуальности как одного из основных способов организации поэтического текста автора, организации, направленной на расширение текстовых границ и углубление содержания посредством включения фоновой литературной и культурологической информации в контекст произведения.

В качестве объекта исследования выступает стихотворение В. Высоцкого 1973 года – «Песенка про козла отпущения».

Известно, что В. Высоцкий жил и творил в эпоху, когда сознание и мышление людей было сковано рамками официальной идеологии, поэтому язык поэзии В. Высоцкого – это своеобразный «эзопов язык советской эпохи», что детерминировало выбор автором языковых средств, включая элементы народной и литературной фразеологии и другие прецедентные высказывания.

Термин «прецедентный текст», введенный в 1986 г. в научный оборот Ю.Н. Карауловым (Караулов 2010: 215) в преломлении к теории и практике анализа языковой личности, изначально обозначил дискурсивный характер прецедентности и вторичность по отношению к известному инварианту, прототипу.

При этом рассмотрение фразеологических и – шире – прецедентных единиц с необходимостью требует привлечения к анализу фоновых, культурологических, фольклорных и литературных, сведений, что придает анализу статус лингвокультурологического. В этой связи важен учет ассоциативных связей, которые реализуют прецедентные включения, актуализируя в сознании читателя или слушателя тот или иной концептуальный образ.

Отметим, что феномен прецедентности охватывает единицы различного уровня и структуры. Так, даже заглавие текста может выступать как факт прецедентности и генератор интертекстуальности: **«Песенка про козла отпущения»**.

Заметим, что текст данного стихотворения условно может быть разделен на две части: первая – до строфы «А Козёл себе всё скакал козлом...», с которой начинается вторая содержательная часть повествования, что является значимым в контексте анализа ряда прецедентных включений.

Фольклорно-мифологическое начало и разговорная стихия в тексте стихотворения. Ассоциативно само название данного произведения в сознании носителя русского языка сопрягается с названием и содержанием известной русской народной детской песенки «Песенка про серого козлика», которая начинается словами «Жил-был у бабушки **серенький козлик**...». Эта ассоциативная связь подкрепляется уменьшительно-ласкательным именованием персонажа в первой части стихотворения: «Но заметили скромного **Козлика**»; а также традиционным ум.-ласкат. эпитетом: «Не противился он, **серенький**, насилую со злом».

Стилизация под фольклорное произведение просматривается и в начале поэтического повествования:

В заповеднике (вот в каком – забыл)

Жил да был Козёл – роги длинные...

Использование сказочного плюскваперфектного зачина (*Жили-были, Жил-был* и подоб.) служит особым маркером в тексте русской народной сказки: восточнославянская формула плюсквамперфекта (*давнопрошедшего* – в утраченной парадигме глагольных времен) соотносит сказочный текст со временем, которой уже не имеет живых свидетелей (ср. *Это было при царе Горохе* – в той же функции), а потому со сказки снимается требование правдоподобности, ибо уже никто не вспомнит было это или не было на самом деле. Этот прием позволяет поэту «спрятаться за ширму» этой неправдоподобности и «временной удаленности» описываемых событий от настоящего дня, и не случайно поэт акцентирует внимание на этом: *В заповеднике (вот в каком – забыл)*.

В первой строфе используется еще один анахронизм: *роги длинные* – помимо инверсии, здесь имеет место употребление старой формы множественного числа (ср. с современной формой *рога*, которая по своему происхождению является формой двойственного числа). Эта же форма употреблена в реплике Козла во второй части текста: *Всех на роги намотаю*.

Начало условной второй части также «отмечено» фразеологизмом: «А Козёл себе все **скакал козлом...**». Здесь перед нами ещё один «расфразеологизированный» оборот – *Скакать (прыгать) козлом*. Обратим внимание, что в одной и той же строке мы видим два разных написания существительного *козёл* – с прописной и со строчной букв, в чем видится реализация автором противопоставления единичного (имя собственное) и типического (характерная для класса субъектов черта).

К фольклорным включениям можно отнести и словосочетание *по кочкам разнесу*, которое неоднократно встречается в русских сказках о животных.

Фольклорное начало, реализуемое в тексте, представляется полиморфным: это и народная детская песня, и сказки о животных, о чем, помимо прочего, свидетельствует написание именованных персонажей с прописной буквы, то есть их олицетворение, как следствие – «возведение» их наименований в ранг имен собственных, что характерно русской народной сказке: *Жил да был Козёл; Но заметили скромного Козлика; Медведь – баламут и плут; Из кустов назвал Волка сволочью*. То же можем наблюдать и в русской литературной басне, например:

На ель Ворона взгромоздясь,

Позавтракать было совсем уж собралась <...>.

На ту беду, Лиса близехонько бежала... (И.А. Крылов)

При этом номинации традиционных фольклорных персонажей выступают в тексте стихотворения в качестве культурных стереотипов: *Медведь* – самый сильный (главный) и неуклюжий зверь в лесу: «*Медведь – баламут и плут –/ Обхамит кого-нибудь по-медвежьему*»; «*Сам Медведь сказал*»; *Волк* – как носитель жестокости: «*волки лишку откусили*».

Дважды (в первой части и заключительной строфе) используется трансформированная автором поговорка *С волками жить – по-волчьи выть*: «*Хоть с волками жил – не по-волчьи выл*»; «*Он с волками жил – и по-волчьи взвыл*». Таким образом, автор выстраивает «вектор» изменения персонажа. Изменение семантики поговорки происходит вследствие структурных изменений устойчивого речения. В начале сатирической истории главный герой, живя среди волков, являл собой безобидный, даже трагический образ, имея незлобивый и мирный характер:

И пощипывал он травку, и нагуливал бока,

Не услышишь от него худого слова, –

Толку было с него, правда, как с козла молока,

Но вреда, однако, тоже – никакого.

В данной строфе автор вновь использует вполне устоявшиеся сочетания: **нагулять бока** (ср. *нагулять жир*) – ‘располнеть, откормиться (о животных)’; **худое слово** – ‘плохое слово’, где реализуется одно из исходных значений лексемы *худой* – др.-русс. ХУДЪ – ‘плохой; невзрачный; непрочный; слабый; малый; скудный’, праслав. **hidъ* считается родственным др.-инд. *ks̥ṓ dātī* ‘толчет, дробит’ (отсюда *худой* – ‘дырявый’ (ср.: *худой мешок*) – С.К.?) исходно – ‘больной’, далее – ‘ослабевший’ и ‘плохой’ (с изъяном) (Фасмер М., 2003: 282; Шанский Н.М., 1971: 483).

Безвредность и безобидность Козла в первой части текста подчеркивается целым рядом слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *озерко, Козлик, серенький*. При этом колоратив *серенький* вступает здесь в отношения контекстуальной синонимии с прилагательным *скромный*: «**Но заметили скромного Козлика**». При этом, как нам видится, актуализируется неколоративное значение прилагательного *серенький*: перен. ‘ничем не примечательный, бедный содержанием’ (ср.: *серая жизнь*).

По нашим наблюдениям, поэт намеренно использует целый ряд русских фразеологизмов, возвращая им буквальное (непереносное) значение.

ФЕ *Толку с него, как с козла молока* (в редуцированном виде – *Как с козла молока*) прочитывается здесь буквально: герой повествования – Козёл – не приносит хозяйственной пользы, так как, в отличие от козы, не даёт молока: «**Толку было с него, правда, как с козла молока**».

Словосочетание *козья морда*, дважды использованное в тексте, на наш взгляд, требует более детального рассмотрения. В первом случае можно говорить о преобразовании ФЕ в свободное сочетание: реализуется прямое, буквальное, значение: «**Героическая личность, козья морда!**». Во втором контексте словосочетание выступает в переносном значении в составе ФЕ *Показать козью морду*, что маркируется самим автором посредством кавычек: «**Покажу вам «козью морду» настоящую в лесу**».

ФЕ *Показать (сделать) козью морду* восходит к сюжету из античной мифологии: младенца Зевса его мать прятала от его жестокого Кроноса, поедающего своих детей. Кормилицей Зевса стала коза, которая одновременно защищала младенца, отпугивая врагов своими рогами. После смерти козы-защитницы выросший Зевс поместил её голову на свой щит (эгиду), вселяя тем самым ужас в своих врагов. Этот мифологический сюжет нашел своё продолжение в народе фольклоре, в том числе – восточнославянском. Вспомним детскую потешку «Идет коза рогатая», которая сопровождается показом – при помощи распрямленных среднего и указательного пальцев (прочие пальцы руки при этом сгибаются и собираются вместе) – козьею головы с выставленными вперед рогами (подобие Зевсова щита). Разговорный фразеологизм *Показать козью морду* в русском языке имеет значения ‘угрожать’, ‘наказывать’. В строке «**Покажу вам «козью морду» настоящую в лесу**» ФЕ *козья морда* предстает в прототипическом значении (*настоящая «козья морда»* – угроза поднять на рога).

«Развитие» образа персонажа во второй части репрезентировано экспрессивной лексикой: **пошалить стал втихомолочку** – и культурно нагруженными словосочетаниями: «**Как-то бороду завязал узлом – / Из кустов назвал Волка сволочью**»; «**...по-медвежьи зарычал**» и т.д.

Здесь заслуживает особого внимания культурно маркированное выражение **завязать бороду узлом**.

В языке жителей Восточной Сибири известна бытующая семантика этого фразеологизма: «проявлять изрядную наглость, вести себя спесиво, не обращая внимания на окружающих» (Сергеева Ю., 2009). Также известно, что викинги заплетали бороды в косу или завязывали узлом, чтобы борода не мешала в сражении или в процессе охоты. Воины Александра Македонского перед боем подвязывали бороды, дабы уберечь себя от бесчестия. Позволим себе предположить, что и русы перед боем

или дракой завязывали бороды или заплетали их косой, чтобы противник, например, не мог вырвать из бороды клочок. Полагали, что каждый волос в бороде вбирал силу рода, а потому «поругание» бороды было оскорблением для всего рода. «Русская Правда» – свод бытовых законов, составленный Ярославом Мудрым, определял штраф в 3 гривны за отсечение пальца и 12 гривен (в 4 раза больше) – за повреждение чужой бороды: 6. Аще ли персть оутнеть которыи (а) любо, 3 гривны за обиду. (Если кто отсечет какой-либо палец, то платит 3 гривны за обиду); 7. А во оусе 12 гривне, а в бороде 12 гривен. (А за усы 12 гривен, за бороду 12 гривен) (Тихомиров М.Н., 1953: 76).

Таким образом, завязывание бороды узлом могло служить ритуальным жестом – знаком готовности к бою или драке. И в контексте развития образа персонажа этот знак становится важным маркером его трансформации.

Далее автор продолжает играть с фразеологизмами: «Услыхал Козёл – да и стал таков». ФЕ *Был таков* – ‘исчез’ – лексически и семантически трансформируется автором и прочитывается буквально: *стал таков* = ‘стал таковым’.

Употребление разговорного обращения «эй, вы» в речи Козла также маркирует изменение характера ситуации общения: «*Эй, вы, бурые, – кричит, – эй, вы, пегие!*». Данная форма обращения считается грубой и недопустимой. Кроме того, вместо наименования объекта обращения здесь используются прилагательные-колоративы, что также «играет на статусное понижение» адресата, при этом используемые автором колоративы предстают в качестве лингвокультурем: *бурые* – о медведях, так как именно этот вид медведей (*бурый медведь*) распространен на территории России; *пегий* – ‘пестрый, пятнистый, смешанный, разномастный’, – здесь, видимо, о волках, что следует из контекста: «*Отниму у вас рацион волков / И медвежие привилегии!*».

Словосочетание «рацион волков» в сознании носителя русской языковой картины мира соотносится с ФЕ *волчий аппетит* (о способности съесть очень много, ненасытности).

Арготические синонимичные ФЕ *Дать (надавать) по рогам, Дать промеж рогов (кому-л.)* (жарг., угол., мол., ирон.) – 1. сбить спесь, проучить кого-л.; 2. ‘ударить по голове’, ‘избить кого-л.’ (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2007: 565) – в контексте могут утрачивать арготическую коннотацию, будучи употребленными буквально: «*Враз Козла найдут, приведут и бьют: / По рогам ему и промеж ему...*».

Заметим, что в данном тексте элементы арготического и грубого разговорного происхождения не единичны: «*Всех на роги намотаю*» (в данном случае буквально прочитываемая фразема: угроза со стороны животного, наделенного рогами); «*распишу <... > по трафарету*» (= ‘изуродую при помощи рогов’) – по видимому, из воровского *расписать* – ‘изуродовать при помощи острого предмета’, ср.: *Расписать под хохлому кого-л. Жарг. мол. шутил.* – ‘Избить кого-л. до синяков’ (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2007: 719).

Словосочетание *ославить по белу свету* включает в себя глагол, определяющий семантику всего устойчивого выражения: *ославить* – ‘распространить о ком-нибудь предосудительные сведения или сплетни, опозорить’. Устойчивое разговорное сочетание *по белу свету* – ‘повсюду, по всему миру’ является экспрессивным и восходит, вероятно, к фольклорной картине мира. Словосочетание-угроза «*ослаблю по всему по белу свету*» может быть осмыслено как факт контекстуальной антонимии по отношению к фразе «*не услышишь от него худого слова*» (из первой части стихотворения).

Грубое разговорное сочетание *землю жрать*: «*Не один из вас будет землю жрать, / Все подохнете без прощенья*» – полисемантически и может реализовать различные значения, соотносимые с разными картинами мира – обыденной и фольклорно-мифологической.

С одной стороны, это может быть угроза убийством: *есть землю* как следствие из «лежать в земле», ср. у Дм. Мережковского: «Уже земля обсыпалась, задавила меня. Больше не могу кричать, голоса нет. **Земля во рту**» (Мережковский Д.С., 2000); а также: «**Жрать землю – Перм. Груб.** Быть мертвым. Подюков 1989» (Мок-иенко В.М., Никитина Т.Г., 2007: 252).

С другой стороны, устойчивое сочетание *есть землю* (груб. *жрать землю*) может иметь отношение к клятве землѐй. «Силой доказательства обладал также обычаем целовать землю и съедать горсть земли» (Байбурин А.К., Топорков А.Л., 1990: 35). Так, по свидетельству А.Н. Афанасьева, «народные русские сказки упоминают о старинном обычае: произнося клятву, есть землю, чтобы таким действием еще тверже скрепить нерушимость произносимого обета или справедливость даваемого показания» (Афанасьев А.Н., 1995: 29).

Данное значение ФЕ иллюстрируется цитатами из художественных текстов в «Национальном корпусе русского языка»: «**Желаете, – промышчал он, – землю буду есть, что не брал?**» (М.А. Булгаков. «Мастер и Маргарита», часть 1; 1929-1940 г.); «**Землю есть** был готов, но ей не сдался» (Алексей Иванов. «Сердце Пармы», 2000); «**Петя понял, что попал впросак: никакой тайны у Гаврика, разумеется, не было, он только хотел над ним посмеяться – заставить есть землю!**» (В.П. Катаев. «Белеет парус одинокий», 1936) и т.п. (<http://www.ruscorgora.ru>).

Из семантики 'клясться землей' развивается вторичное: 'есть землю под давлением кого-либо, давать клятву не по своей воле, а по принуждению', ср.: «**Мы вас землю жрать** заставим! – отрекомендовались ночные гости» (Алексей Моторов. «Преступление доктора Паровозова», 2013: <http://www.ruscorgora.ru>). Возможно, именно это значение реализуется в тексте стихотворения В. Высоцкого.

По нашим наблюдениям, чаще всего поэт использует русские фразеологизмы, соотносимые с ключевыми концептами культуры, что неоднократно отмечалось исследователями.

Помимо ФЕ фольклорно-мифологического и разговорного происхождения в тексте использованы устойчивые выражения, восходящие к иным источникам.

Библейские и литературные реминисценции в тексте стихотворения. Ключевой для данного произведения фразеологизм *козёл отпущения*, как известно, берет своё начало в иудаизме и присутствует в ветхозаветном тексте. Древние евреи использовали это животное в качестве жертвенного: в праздник отпущения грехов священник возлагал руки на голову жертвенного козла, символически возлагая на него грехи еврейского народа, затем животное отпускали в пустыню на верную гибель (приношение Богу в качестве жертвы). Все присутствующие в обряде считались очищенными. Идиома *козёл отпущения* используется в качестве метафорического (*разг., часто неодобрит.*) выражения, означая человека, «на которого перекладывают, возлагают чужую вину, ответственность за чужие ошибки, провинности» (Мелерович А.М., Мокиенко В.М., 2005: 297, 295; Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г., 2008: 172).

В тексте В. Высоцкого мы наблюдаем развитие и трансформацию значения идиомы: *Но заметили скромного Козлика / И избрали в козлы отпущения! / Например, Медведь – баламут и плут – / Обхамит кого-нибудь по-медвежьему, – / Враз Козла найдут, приведут и бьют: / По рогам ему и промеж ему.* В данном отрывке реализуется исходное (устоявшееся) значение ФЕ *козёл отпущения*. В то же время, по мнению Л.Н. Верещагиной, эта идиома «у Высоцкого становится одновременно и свободным словосочетанием, <...> и одновременно сохраняется устоявшийся смысл фразеологического оборота» (Верещагина Л.Н., 1998: 140).

Далее – посредством каламбура – автор, используя тавтологию, генерирует семантическое приращение: 'отпускать (на волю)': *Вышло даже в лесу запрещение / С территории заповедника / Отпускать Козла отпущения.*

Во второй части текста происходит окончательное преобразование идиомы: *Отпускать грехи кому – это мне решать:/ Это я – Козёл отпущения!*». Здесь герой предстаёт уже не объектом, а субъектом ритуала отпущения грехов, причем полноправным и единоличным. Следовательно, здесь имеет место семантически преобразованная ФЕ **Козёл отпущения**. Причем эти семантические преобразования устанавливаются только на уровне контекста, то есть внутри контекста и исходя из него, репрезентируя, как нам видится, ключевую авторскую мысль: «Самый страшный тиран – это бывший раб». Данная мысль может относиться как к конкретной ситуации, аллегорически описываемой поэтом, так и к исторической эпохе социальных преобразований, революций, которые всегда сопровождаются террором.

Таким образом, после прочтения текста заглавие произведения – «*Песенка про козла отпущения*» – прочитывается полисемантически, более того – энантиосемично (на что указывают и другие исследователи), вбирая в себя все реализованные в тексте значения ФЕ, включая диаметрально противоположные.

Заслуживает внимания словосочетание *козлиные песенки*: «Блеял **песенки**, да все **козлиные**». Для неискушенного читателя этот фрагмент текста прочитывается только на уровне значений слов современного русского языка, но, как нам представляется, здесь присутствует прецедентный элемент, который в целях создания комического эффекта передан посредством русского языка: *козлиная песнь* – это для автора-актера и поэта, погруженного в театральную и литературную среду, не просто бляние животного, а буквальный перевод с др.-греческого: τραυωδία, из τράυος ‘козёл’ и ᾠδή ‘пение’ – народные песнопения, которые исполнялись на вакхических торжествах хором танцующих, наряженных козлами, откуда и произошло слово *трагедия*.

Помимо прочего, в тексте присутствует прецедентное высказывание литературного происхождения: **Не противился он, sereneкий, насиллю со злом,**/А сносил побои весело и гордо. Выражение «непротивление злу насиллем» принадлежит Л.Н. Толстому и является одним из его основных религиозно-философских постулатов. Данный авторский постулат берет начало в Евангельской заповеди: «...*Не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую*» (Евангелие от Матфея, гл.5, ст.39).

Идеологемы как источник интертекстуальности в стихотворении автора. В. Высоцкий – поэт остросоциальный, в силу этого в его текстах концептуализируются реалии конкретной эпохи. Источниками интертекстуальности в данном тексте выступает насыщенная идеологическими штампами и клише пресса и политическая риторика. В частности, слово *привилегии*: *медвежьи привилегии*, – можно отнести к идеологемам Советской эпохи: «В Советской России *привилегии* чиновникам самого высокого уровня обозначились сразу же после захвата большевиками власти. <...> В 1917 году Ленин написал проект постановления СНК «Об окладах высшим служащим и чиновникам». <...> Дачи сразу стали символом советских *привилегий*... » (Меленберг А., 2007).

Заметим, что прилагательное *медвежьи*, написанное со строчной буквы, указывает на принадлежность «типу лиц», а не одному «лицу» (ср.: *сам Медведь*), что репрезентирует идею существования особого «класса», наделенного существенными привилегиями.

Об использовании в тексте стихотворения лексемы *заповедник* (не *лес* и т.п.) подробно уже сказано в работе Л.Н. Верещагиной (Верещагина Л.Н., 1998), поэтому, не останавливаясь на этом моменте особо, согласимся с указанным автором: «Употребляемое здесь (четырёхкратно – С.К.) в одном значении, оно является, видимо, своеобразной «самореминисценцией» из еще одной песни В. Высоцкого («**Заповедник**», 1972), где события также происходят в заповеднике, где «звери, забыв вековые страхи, с твердой верой, что все по плечу» бегают по лесу в поисках собственной гибели» (Верещагина Л.Н., 1998: 139). Таким образом, слово *заповедник*

предстаёт как эвфемистическая замена идеологически нагруженного словосочетания «*страна за железным занавесом*», репрезентирующего взгляд извне.

Заслуживают внимания фрагменты, которые могут быть осмыслены как аллюзии на тексты передовиц советской периодики: «*Сам Медведь сказал: «Робяты, я горжусь Козлом – / Героическая личность, козья морда!»; «Что дороже всех медведей и лис – / Дорогой Козёл отпущения!»*. За словосочетаниями *героическая личность* и *дорогой Козёл отпущения* просматриваются советские штампы, в том числе обращение к Генеральному Секретарю ЦК КПСС: «*Дорогой Леонид Ильич*». При этом прилагательное *дорогой*, дважды употребленное в анализируемом фрагменте, репрезентирует два разных значения – прямое ('дорогостоящий, имеющий высокую цену как товар': «*дороже всех медведей и лис*») и переносное ('близкий сердцу, любимый, особенно почитаемый': «*дорогой Козёл отпущения*). «Отсвет» эпохи имманентно заключен и в глаголе-идеологеме *избрали* (*в козлы отпущения*).

В заключительной строфе условно выделенной нами первой части повествования автор использует еще один культурно коннотированный образ: «*Берегли Козла как наследника*». Здесь можно усмотреть «семантическое стяжение»: *царственный наследник* (сын монарха или какое-л. другое лицо, к которому должен перейти престол, власть в монархическом государстве) > *наследник*.

Таким образом, в целом можно говорить об «энциклопедической» насыщенности текста стихотворения – от фольклора и мифологии – до художественных произведений, включая античную литературу, от разговорных конструкций – до идеологических штампов и клише. Таким образом, языковая картина мира поэта репрезентирует широту его культурного кругозора, богатый арсенал лексических средств, глубокое знание и активное использование элементов фразеолофонда, креативную работу автора с языковым знаком, включая трансформацию фразеологических единиц.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф., Золотых, Л.Г. Фразеологический словарь. Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2008. – 472 с.
2. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т.1. – М.: Современный писатель, 1995. – 166 с.
3. Байбурин, А.К., Топорков, А.Л. У истоков этикета: Этнографические очерки. – Л.: Наука, 1990. – 165 с.
4. Верещагина, Л.Н. К проблеме идиостиля Владимира Высоцкого // Мир Высоцкого: Исследования и материалы. Вып. 2. – М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 1998. – С. 136-147.
5. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
6. Меленберг, А. Привилегии в СССР // «Новая газета». 03 августа 2007. Эл. ресурс. Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2007/08/03/32466-privilegii-v-sssr>
7. Мелерович, А.М., Мокиенко, В.П. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. Около 1000 единиц. 2-е изд. стереот. – М.: Русские словари, Астрель, 2005. – 853 с.
8. Мережковский, Д.С. « Земля во рту» // Д.С. Мережковский / Не мир, но меч. – Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. – 720 с.
9. Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений. – М: Олма Медиа Групп, 2007. – 785 с.
10. Национальный корпус русского языка. Эл. ресурс. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
11. Сергеева, Ю. Ненастоящее слова // Восточно-Сибирская правда. – 18.04.2009. Эл. ресурс. Режим просмотра: <http://www.vsp.ru/2009/04/18/nenastoyashhee-slovo/>
12. Тихомиров, М.Н. Краткая русская правда // Пособие по изучению Русской Правды. – М.: Издательство Московского Университета, 1953. – С. 75-86.
13. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. Т.4. – М.: Астрель-Аст, 2003. – 864 с.

14. Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. – М.: Просвещение, 1971. – 532 с.

Summary. In this article, based on the material of one of the poems by V. Vysotsky, the phenomenon of intertextuality is considered as one of the main ways of organizing the poetic text of the author. The use of sustained utterances, including phraseological units, is aimed at expanding the text boundaries and deepening the content by including literary and cultural information in the context.

Key words: V. Vysotsky, poetic text, precedent text, phraseological unit, biblical and literary reminiscences, paronomasia, ideology, linguistic picture of the world.

ОБРАЗЫ СВЕТА И ТЬМЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ ИОСИФА БРОДСКОГО (СБОРНИК СТИХОВ «ОСТАНОВКА В ПУСТЫНЕ»)

Н.В. Кудрина

Россия, г. Курган, Курганский государственный университет
morra99@yandex.ru

Первый стихотворный сборник Иосифа Бродского «Остановка в пустыне» вышел в 1970 г. в Нью-Йорке. В него вошли лирические произведения, созданные поэтом в России, но не опубликованные на Родине по политическим и идеологическим соображениям.

Важную роль в формировании идейно-эстетического содержания стихов в сборнике И. Бродского «Остановка в пустыне» играют образы света и тьмы. Сборник был создан в сложное для поэта время, когда происходило окончательное становление его творческой личности, когда поэт переживал серьёзный личный кризис и подвергался преследованиям со стороны властей. Стремление духовно определиться, окончательно закрепить в литературе не только своё авторское кредо, но и возможность выражать своё мировоззрение способствовали обращению поэта к образам света и тьмы, к использованию фразеологических единиц, номинирующих эти явления действительности. Анализ фразеологизмов с компонентами «свет» и «тьма» и синонимичными им компонентами в лирике Иосифа Бродского позволяет выявить некоторые языковые особенности авторского восприятия действительности, отражённые в лирике поэта.

Представление о свете и тьме сформировалось в глубокой древности, образы света и тьмы противопоставлены друг другу в русской языковой картине мира. День и ночь, свет и тьма издревле воспринимались как противостоящие друг другу силы, а их смена – как борьба враждующих сторон. Свет ассоциируется с дневным временем, созидающим началом, с плодородием, радостью, гармонией, божественными силами, добром; тьма, напротив, – с ночью, смертью, печалью, демоническими силами и злом.

Помимо световых и пространственных, представления о свете и тьме отражают также религиозно-моральные воззрения людей. Тьма выступает символом язычества, неведения, поэтому ей противопоставлен свет, олицетворяющий христианское учение. В системе христианского мировоззрения свет ассоциируется с божественной благодатью, является символом Бога, ангелов и рая; тьма символизирует зло, дьявола и ад. Однако тьма и мрак приобретают негативную оценку только при сопоставлении со светом. В изолированном восприятии тьма является символом зарождающейся жизни, символом тайны, неизвестности (Тресиддер Д., 1999: 381).

В сборнике «Остановка в пустыне» выявлено 74 фразеологизма с компонентами «свет» и «тьма». Наиболее ярко представлены качественно-обстоятельствен-

ные фразеологизмы (по классификации А.М. Чепасовой) с компонентом «тьма, мрак, темнота, ночь» и синонимичными им (более 60 ФЕ): *во тьме, во мраке, в темноте, во мгле, во тьму, во мглу, в ночи, в потёмках, в сумерках* и другие. Значительно меньшую группу (9 ФЕ) представляют фразеологические единицы с компонентом «свет» и синонимичными ему: *на свете, на заре, по свету*.

С точки зрения семантической спаянности компонентов и мотивированности общего значения большая часть ФЕ с компонентом «тьма» и синонимичных ему может быть отнесена к фразеологическим сочетаниям (по классификации В.В. Виноградова). Значительную часть этой группы фразеологизмов составляют единицы, построенные по модели «предлог + имя» (*во тьме, во мраке, на свете* и т.п.). Данные единицы отличаются от свободных предложно-именных сочетаний, что выражается в семантико-грамматической характеристике данных фразеологических единиц. Особенностью формирования семантики рассматриваемых фразеологизмов является то, что входящие в их состав компоненты-предлоги (*в, на, по*) актуализируют из своей семантической структуры пространственное значение; субстантивные компоненты, входя в состав ФЕ, приобретают фразеологически связанное значение, которое реализуется в контексте.

В качестве образной основы перечисленных фразеологизмов выступают существительные *тьма, темнота, сумрак, мрак, потёмки, мгла*, которые являются метафорами-символами и обладают диффузным значением, при этом интегральной является сема «отсутствие света, темнота».

Из лексического значения фразеобразующего субстантивного компонента «тьма» актуализируется сема «темнота, мрак»; предлог *в(во)* в сочетании с формой предложного падежа имени в составе фразеологизма актуализирует из своего лексического значения сему «место», в результате ФЕ *во тьме* становится наименованием места действия. В контексте стихов И. Бродского на формирование семантики ФЕ *во тьме* и *во тьму* влияет традиция употребления существительного «тьма», связанного с представлением о безнадёжном, неизвестном, страшном месте: «Пред ним все ветви, все пути души // Смыкаются, друг друга бьют, толпятся. // В глубоком сне, *во тьме*, в сплошной тиши, // Сгибаются, мелькают, ввысь стремятся» (Исаак и Авраам, 49).

В основе стихотворения «Исаак и Авраам» лежит библейский сюжет, что определяет формирование дополнительных оттенков значения у ФЕ *во тьме*: во-первых, актуализируется сема «неведение, невежество», так как тьма ассоциируется с язычеством; во-вторых, в предложении ФЕ *во тьме* входит в ряд однородных членов с единицами *во сне, в тиши*, что влияет на включение в семантику фразеологизма значения «небытие; то, что было до жизни» – то есть до христианства; в-третьих, в значении ФЕ *во тьме* можно выделить сему «греховность», так как образ тьмы связан с представлением о демонических силах, грехе и аде.

В контексте стихотворения «Большая элегия Джону Донну» предлог *в(во)* в сочетании с формой винительного падежа субстантивного компонента актуализирует сему «направление», таким образом, ФЕ *во тьму* становится наименованием направления, в котором должно осуществиться или осуществляется действие: «Но чу! Пока я плачем твой ночлег / Смущаю здесь, – летит *во тьму*, не тает, / Разлуку нашу здесь сшивая, снег, / и взад-вперёд игла, игла летает» (Большая элегия Джону Донну, 15).

Качественно-обстоятельственные фразеологические единицы *в темноте, в потёмках, во мраке, в ночи, во мгле, в сумерках*, являясь одноструктурными синонимами к ФЕ *во тьме*, объединяются в одну группу с общим значением «отсутствие света, освещения». Однако эти единицы отличаются друг от друга оттенкам значений, что обусловлено наличием в их составе разных субстантивных компонентов, каждый из которых актуализирует из своего лексического значения частные конкретные семы.

Так, во ФЕ в *темноте* субстантивный компонент актуализирует из своего лексического значения сему «неясность, непонятность», «невежество, культурная отсталость»: «Пора брести в *темноте*, / Вторя песней без слов / Частоколу ствол» (К северному краю, 113).

Значение ФЕ в *потёмках* формируется на основе переносного значения субстантивного компонента («что-либо неизвестное, непонятное») и приобретает значение «в полном неведении». Диффузную семантику имеет ФЕ в *потёмках*: указание на тёмное время суток актуализирует темпоральную семантику единицы, а сочетание в контексте стихотворения с именами мифологических языческих существ (Вакха и Ариадны) способствует актуализации у ФЕ значения «во времена язычества»: «...И Вакх на пустыре / Милуется в *потёмках* с Ариадной» (По дороге на Скирос, 94).

Субстантивный компонент «мрак» в составе ФЕ актуализирует из своего лексического значения сему «безотрадность, безнадежность»: «И, как бы за нехваткой той отваги, / Замок, не в состояньи узнавать, / Один сопротивляется во *мраке*» («Всё чуждо в доме новому жильцу...», 29).

ФЕ в *ночи* в контексте стихотворения обозначает тяжёлое, угнетённое психологическое состояние человека, дифференциальной для данного фразеологизма является сема «в ожидании смерти»: «Да, понимать, что всё пришло к концу / Тому назад едва ль не за два века, / – но мыслями блуждать в ночном лесу / И всё не слышать стука дровосека. / Стоят стволы, стоят кусты в *ночи*. / Вдали холмы лежат во тьме урюмо» («Топилась печь. Огонь стоял во тьме...», 117).

ФЕ во *мгле* помимо временного, приобретает темпоральное значение «в тёмном, страшном месте»: «Копыта стучат по застывшей земле. / Мужчина и женщина едут во *мгле*» («Под вечер он видит, застывши в дверях...», 61).

ФЕ в *сумерках* в контексте стихотворения приобретает значение «в состоянии безысходности»: «Тут, захороненный живьём, / Я в *сумерках* брожу жнивьём» (Новые стансы к Августе», 165).

Анализируя особенности функционирования фразеологизмов с компонентом «тьма» в лирике Иосифа Бродского, можно составить синонимический ряд фразеологических единиц, в котором интегральными будут семы «место, где отсутствует освещение», «тёмное время суток». Дифференциальные семы можно представить при помощи таблицы:

Синонимический ряд ФЕ	Индивидуальные значения ФЕ, реализуемые в контексте
во тьме (доминанта)	
в темноте	в неизвестности
в потемках	во времена язычества
во мраке	в состоянии безнадежности
во мгле	в страшном месте
в ночи	в ожидании смерти
в сумерках	в состоянии безысходности

Таким образом, рассмотренные ФЕ обладают диффузным, синкретичным значением, так как в их значении совмещаются пространственные и временные семы. Данные фразеологизмы отражают взаимосвязь философских категорий пространства и времени, что выражается в языке. Расширению семантики фразеологизмов, приобретению ими дополнительных оттенков значения способствует их функционирование в поэтическом тексте.

Качественно-обстоятельственные фразеологизмы с компонентом «свет» и синонимичными ему, представленные в сборнике И. Бродского «Остановка в пустыне», в количественном отношении представляют значительно меньшую группу (9 ФЕ): *на свете, по свету, на заре*.

В составе ФЕ *по свету* предлог *по* актуализирует из своего лексического значения семы «направление» и «место». Субстантивный компонент актуализирует из своего лексического значения не только пространственную сему («мир и всё сущее в нём»), но и сему «освещённое место, светлое пространство». Контекст усиливает двойственность значения субстантивного компонента: свет понимается как противоположность тьме. Если учесть, что тьма ассоциируется с небытием, а свет, как её противоположность, ассоциируется с жизнью, бытием, можно сделать вывод, что контекстным значением ФЕ *по свету* является значение «по жизни»: «Он схож с гнездом, во тьму его птенцы, / Взмахнув крылом зелёным, мчат *по свету*» (Исаак и Авраам, 45). В стихотворении ФЕ *во тьме* и *по свету* вступают друг с другом в антонимические отношения.

Таким образом, специфика употребления качественно-обстоятельственных фразеологизмов с компонентами *свет* и *тьма* в творчестве Иосифа Бродского заключается в том, что данные фразеологические единицы обладают диффузным значением и совмещают в своей семантической структуре пространственную и временную семы. Рассмотренные фразеологизмы указывают на отражённую в языке взаимосвязь категорий пространства и времени.

Литература

1. Бродский, И. Остановка в пустыне: Стихотворения, поэмы. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – 256 с.
2. Виноградов, В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / Лексикология и лексикография. Избранные труды. – М.: Наука, 1977. – С. 118-140.
3. Тресиддер, Д. Словарь символов. Пер. с англ. С. Палько – М.: ФАИР-Пресс, 1999. – 442 с.
4. Чепасова, А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2006. – 144 с.

Summary. The images of «darkness» and «light» play an important role in shaping the ideological and aesthetic content of Joseph Brodsky's poetic album «Stop in the desert». Idioms with the components of «light» and «darkness» possess diffuse meaning and combine spatial and temporal semes in its semantic structure. In the poetry of Brodsky the idioms with the component «darkness» dominate. These idioms indicate the link of the categories of space and time reflected in the language.

Key words: I. Brodsky, literary image, phraseological unit, semantic structure of an idiom, poetic text, semantics.

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА НА ОСНОВЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РУССКОЙ ПРОЗЕ В.В. НАБОКОВА

Г.Ю. Мальцева

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)
malceva-82@inbox.ru

Исследования в области фразеологии показали, что фразеологизмы нередко являются источником формирования игровой поэтики художественного текста (Земская Е.А., 1983: 213-214). Выступая в этой роли, фразеологические единицы приобретают игровой характер в случае трансформации семантических и структурных признаков.

Разного рода трансформации фразеологических единиц являются одним из инструментов организации игровой поэтики и в художественном дискурсе непревзойденного В.В. Набокова и соотносимы с такими особенностями его творчества как разрушение устоявшегося – образцов, штампов, – неприятие «здорового смысла»,

«наложение узоров». Именно через трансформацию фразеологизмов происходит рождение новых смыслов / оттенков смысла, которые буквально «взрывают» привычное мироощущение, разбавляя так называемые «общие места».

В качестве одного из способов создания игровой поэтики в идиостиле В.Набокова, нами рассмотрена фразеологическая контаминация – «объединение языковых единиц или их частей на основе структурной, функциональной или ассоциативной близости, приводящее к их семантическому или формальному изменению» (Караулов Ю.Н., 1997: 197). Описаны два структурных типа фразеологической контаминации: наложение и скрещивание. Наложение представляет собой «соединение элементов исходных единиц, имеющих общий формальный компонент или компоненты» (Шамуянова М.Д., 2016: 165). При скрещивании «один из структурных элементов фразеологизма заменяется элементом, входящим в состав другого фразеологизма» (Шамуянова М.Д., 2016: 166).

В современной научной литературе появился такой термин, как фразеологический каламбур (Вакуров В.Н., 1994, Санников В.З., 2002). К одной из разновидностей каламбуров относит фразеологические трансформации и О.А. Корниенко (Корниенко О.А., 2017). На наш взгляд, *каламбур*, под которым понимается «такая фигура речи, которая базируется на нарочитой или невольной двусмысленности, возникающей благодаря использованию в одном контексте разных значений одного слова/групп слов» (Санников В.З., 2002: 508), представляет собой разновидность языковой игры, которая может быть реализована в тексте посредством разного рода трансформаций фразеологических единиц. Фразеологический каламбур строится на столкновении фразеологически связанного и свободного значений, то есть основой игры является многозначность лексических единиц. В.З. Санников определял появление многозначности «не в самом перелицованном тексте (он однозначен!), а из сопоставления этого текста с текстом исходным, разительно отличающимся по смыслу» (Санников В.З., 2002: 508).

Н.Ф. Алефиренко, говоря о фразеологической игре слов, ставит в ее основу «отклонение от языковой нормы, т.е. от узуальной системы правил». Такая аномальность является сознательным выбором автора, вызванным «актуализацией ассоциативного потенциала слова с целью привлечь интерес к предмету мысли или вызвать непосредственную реакцию говорящих» (Алефиренко Н.Ф., 2014: 9).

Художественный дискурс В.В. Набокова исследователи определяют как «мир игровых трансформаций и царство игры» (Рахимкулова Г.Ф., 2003: 257). По словам В.В. Набокова, «...серьезная словесная игра, как я ее понимаю, не имеет ничего общего ни с игрой случая, ни с заурядным стилистическим украшательством» (Набоков В.В., 1975: 243).

Мы рассмотрим два вида реализации языковой игры на основе фразеологической трансформации в прозе русского периода творчества В. Набокова. Отметим, что индивидуально-авторские особенности таких трансформаций в творческом наследии В. Набокова не достаточно изучены и представляют собой материал для серьезного научного исследования.

Языковая игра, основанная на антонимии

Трансформация фразеологического сочетания *сущий ад* в окказиональное сущий рай основана на замене компонента фразеологического сочетания контекстуально противоположным. Кроме того, следует обратить внимание на оксюморонное сочетание (сущий – материальный, земной; рай – нематериален, небесный), которое при такой трансформации возникает:

Они проложили путь в сущий рай осязательных и зрительных откровений (Набоков В.В. 1990, Т.4: 139). В данном случае словосочетание *сущий рай* образовалось путем скрещивания фразеологизмов *сущий ад* и *неземной/вечный/небесный рай*. Игра проявляется в замене одного из компонентов идиомы прямо противоположным, антонимичным: *ад* – *рай*. Обращая наше внимание на устоявшиеся харак-

теристики ада как *сущего* (существующего), а рая как *неземного* (не-сущего) и переставляя это понимание с ног на голову, автор намекает на возможность обретения рая на земле через зрительные и осязательные впечатления.

На антонимичном замещении построена и другая трансформация: *Пролетарии, разъединяйтесь!* (Набоков В.В., 1990, Т.4: 295). Намеренное искажение советского лозунга одновременно и высмеивает советские идеалистические установки, и утверждает авторскую философию человеческого существования: *«Борьба за существование – какой вздор! Проклятие труда и битв ведет человека к кабану. Мы с тобой часто отмечали маньякальный блеск в глазу у хозяйственной дамы, когда в пищевых и распределительных целях она этим стеклянистым взглядом блуждала по моргу мясной. Пролетарии, разъединяйтесь! Старые книги ошибаются. Мир был создан в день отдыха»* (Набоков В.В., 1990, Т.4: 295).

Считаем, что контекстуальная антонимия прослеживается и в следующем фразеологическом скрещивании: **на потребу души** («... Мартын дивился ночному происшествию, сомневался, было ли оно, и все прочнее продвигал его в ту область, где пускало корни и начинало жить чудесной и самостоятельной жизнью все, что он выбирал из мира на **потребу души**» (Набоков В.В., 1990, Т.2: 166). В устойчивом сочетании *на потребу (дня)* происходит замена лексемы *день* на лексему *душа*, которая имеет контекстуально антонимичное значение. *День* в данном контексте означает «временное», «сиюминутное», тогда как *душа* – «вневременное», «вечное». Требовательные души героев Набокова преобразуют земное, временное в бессмертные воспоминания, которые они репрезентируют в синестетическом преображении, оживляя прошлое.

Фразеологическая замена на основе метафорической синонимии

«... Мартын краснел, терялся, собирался пустить свое **утлое словцо** на волны чужих речей, да так, чтобы оно не опрокинулось сразу...» (Набоков В.В., 1990, Т.2: 250). *Утлое суденышко/утлый челн* в значении «ненадежный, некрепкий», где существительное *челн* заменяется «словцом» на основе метафоры *слово – челн* «на волнах чужих речей». В целях создания яркого игрового образа автор буквализирует значение слова *утлый* (некрепкий), а *челн* заменяется *словцом*, отчего возникает образ слова-челна, робко плывущего в волнах чужой уверенной речи. Последующий контекст позволяет читателю визуализировать этот образ.

«Плохо запоминая даты и пренебрегая обобщениями, он жадно выискивал живое, человеческое, принадлежащее к разряду тех изумительных подробностей, которыми грядущие поколения, пожалуй, пресытятся, глядя на старые, **морозящие фильмы** наших времен» (Набоков В.В., 1990, Т.2: 197).

Фразеологическая контаминация *морозящий фильм* (*морозящий дождь – фильм*) основана на образном сходстве идущего дождя и «штрихов» на старой киноплёнке во время просмотра фильма, отчего создается эффект идущего дождя. Таким образом, замена исходного компонента фразеологического сочетания новым на основе их ассоциативного сходства рождает яркую, необычную метафору. Метафора рождается в языковой игре с трансформацией исходного значения фразеологического сочетания.

Трансформации фразеологических сочетаний как один из элементов игровой поэтики позволяют В.В. Набокову разрушать границы обыденного миропонимания, заставляют читателя отказаться от миметического восприятия текста. Установка на «узнавание» сменяется удивлением перед новыми необычными сплетениями словесной ткани, познанием мира в его непредсказуемости.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и языковая игра // Slavica nitriensia. – №3. – 2014. – С. 5-19.
2. Вакуров, В.Н. Фразеологический каламбур в современной публицистике / В.Н. Вакуров // Русская речь. – 1994. – №6. – С. 40-47.

3. Земская, Е.А. Языковая игра / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – Москва: Наука; Флинта, 1983. – С. 172-214.
4. Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе / Сост., предисл., коммент., подбор илл. Н.Мельникова. – М.: Издательство Независимая Газета, 2002. – 701 с.
5. Набоков, В.В. Собрание сочинений в 4 томах. – М.: Правда, 1990. – 477 с.
6. Рахимкулова, Г.Ф. Олакрез Нарцисса: проза Владимира Набокова в зеркале языковой игры / Г.Ф. Рахимкулова. – Ростов на Дону: Издательство Ростовского университета, 2003. – 320 с.
7. Санников, В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В.З. Санников. – Москва: Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.
8. Шамуянова, М.Д. Прием фразеологической контаминации в прозе В. Набокова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – №6(60). – С. 165-167.

Summary. Transformation of philological text is considered as a way of organizing games of poetics in the works of Nabokov. Phraseological transformations based on antonymy and synonymy are highlighted. Transformation of phraseological units allow Nabokov to destroy borders of ordinary, make readers refuse from mimetic perception of the text.

Key words: language game, V. Nabokov, phraseological transformations, phraseological fusion, phraseological combination, literary discourse, phraseological contamination, word play.

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СОСТАВЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «ORDNUNG»

Е.П. Марычева

Россия, г. Владимир, Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
ermarycheva@yandex.ru

Концепт «Ordnung» является составной частью концептосферы германского менталитета. Фразеологические единства в составе этого концепта представлены уже в трудах средневековых писателей, теологов, летописцев, проповедников, далее в трудах немецкой классической философии, произведениях классической немецкой литературы, в произведениях современных немецких писателей, в текстах газет и журналов, в толковых и фразеологических словарях. Весь этот богатый фактический материал представлен на сайте [https://www.dwds.de/d\(suche\)](https://www.dwds.de/d(suche)), который существует в немецком интернет-пространстве и является результатом научной деятельности такого направления лингвистического исследования, как «Корпусная лингвистика». Целью данной статьи является изучение когнитивных аспектов функционирования фразеологических единиц в составе лингвокультурного концепта «Ordnung».

В своём исследовании мы опирались на определение концепта, данное С.Г. Воркачёвым: «Концепт – это ментальная единица, отмеченная лингвокультурной спецификой и имеющая языковое выражение» и далее «...это шаг в становлении антропоцентричной парадигмы лингвистического знания» (С.Г. Воркачёв, 2001: 68). Следующим основополагающим звеном нашего исследования послужила работа Е.А. Огневой (2007), в которой она предлагает различать когнитивные образования и когнитивные структуры, в рамках которых функционируют когнитивные образования. Когнитивными образованиями являются: концептосфера, концепт, субконцепт, концепт-элемент, компонент смысла.

Когнитивными структурами, в рамках которых функционируют когнитивные образования, являются: мегафрейм (сценарий, сцена), фрейм (сценарий, сцена), субфрейм (сценарий), фрейм (элемент, сценарий, сцена), номинант.

Н.Ф. Алефиренко даёт следующее определение фрейму: «Фрейм – структура – мыслимый в цельности, многокомпонентный концепт, отражающий клишированные ситуации в совокупности соответствующих стандартных знаний, объёмных представлений и всех устойчивых ассоциаций (Н.Ф. Алефиренко, 2004: 72).

Е.А. Огнева добавляет к существующему определению также немаловажную характеристику, а именно то, что концепт обладает полевой структурой (Е.А. Огнева, 2007: 37). У него имеется ядро, приядерная зона, ближайшая периферия, дальняя периферия и крайняя периферия (Д.С. Лихачёв, 1997: 280-289).

Каждое фразеологическое единство обладает в сфере концепта «Ordnung» определённой прагматикой, т.е. отношением к говорящему (прагматическое воздействие), совокупностью условий для использования говорящим языковых знаков. В свою очередь прагматический потенциал фразеологических единиц позволяет выявить в концепте «Ordnung» его полевую структуру, когнитивные образования (субконцепты, концепты-элементы), а также когнитивные структуры, в рамках которых функционирует когнитивное образование (фреймы, субфреймы).

Е.А. Огнева даёт такое определение для «концепта-элемента»: «Совокупность компонентов смысла составляет концепт-элемент» (Е.А. Огнева, 2003: 90). Для «субконцепта» существует такое определение: «Единство концептов-элементов образует субконцепт». «Совокупность концептов-элементов образует концепт». Единство концептов, на наш, взгляд, образует концептосферу германского менталитета.

Изучая концепт «Ordnung», мы предположили, что прагматический потенциал фразеологических единиц образует номинативное поле данного концепта, которое проявляет себя в словообразовательных, грамматических, тематических, синонимических и антонимических связях. Само же номинативное поле образуют номинанты в виде лексем, сочетания лексем, целого предложения (Попова, Стеркин, 2006).

Когнитивный подход к изучению фразеологического материала предполагает, прежде всего, семантический анализ составляющих его лексических единиц, так или иначе входящих в понятие фразеологического значения. В фразеологических единицах особо ярко происходит вербализация концепта. В процессе выявления периферии концепта огромную роль играют устойчивые словесные комплексы (УСК). Следует отметить, что мы придерживаемся широкого понимания фразеологии и анализируем УСК всех видов, как образные (фразеологизмы, идиомы), так и УСК, в которых образность отсутствует. Н.Ф. Алефиренко к таким УСК относит «фразеологические сочетания». Для фразеологического сочетания характерны наличие параллельного синонимического оборота с тем же опорным словом и создание отделимости, заменимости фразеологически несвободного слова (Н.Ф. Алефиренко, 2009: 34).

Следовательно, фразеологические сочетания, в отличие от фразеологических сращений и единств, семантически делимы – их состав допускает ограниченную синонимическую подстановку, при этом один из членов фразеологического сочетания оказывается постоянным.

Так анализируя фактический материал, представленный на сайте корпусной лингвистики, мы обнаружили в основном устойчивые словесные комплексы или устойчивые фразеологические сочетания, постоянным членом которых была лексема «Ordnung». В качестве примеров можно привести следующие устойчивые фразеологические сочетания:

- die bestehende Ordnung der Dinge – *существующий порядок вещей*;
- meine innere Ordnung – *мой внутренний порядок*;
- eine gewohnte, liebgewordene alte Ordnung – *привычный, ставший любимым, старый порядок*;
- die offizielle Ordnung und Moral – *официальный порядок и мораль*.

К этой группе относятся такие устойчивые фразеологические сочетания с предложениями:

- in Ordnung – *в порядке*;
 - sei alles in Ordnung gewesen! – *пусть всё будет в порядке*;
 - In schönster Ordnung – *всё будет в лучшем виде (порядке)*;
- также с глаголами, требующими предложного управления:
- er ist an Ordnung gewöhnt – *он привык к порядку*;
 - seine Mutter achtet, sieht, hält auf Ordnung – *его мать следует и придерживается порядка*;
 - für Ordnung sorgen – *заботиться о порядке*;
 - in Ordnung bringen – *приводить в порядок*;
 - zur Ordnung erziehen – *воспитывать как надо (в порядке)*;

Особый интерес для когнитивного исследования представляют устойчивые сочетания – существительное-существительное «Ordnung» в их прагматическом аспекте:

- Polizei und Ordnung – *полиция и порядок*;
- Ordnung und Ruhe – *порядок и спокойствие*;
- Ordnung und Reinlichkeit – *порядок и чистота*;
- Gefühl der Stille, der Ordnung, der Zufriedenheit – *чувство тишины, порядка, удовлетворённости*;
- Ordnung und Sicherheit – *порядок и безопасность*;
- Ordnung und Bestimmtheit – *порядок и определённость*;
- Ordnung und Bequemlichkeit – *порядок и удобство*.

Нами был выявлен также большой словообразовательный потенциал лексического компонента «Ordnung». Лексема «Ordnung» представлена как в качестве определяющего, так и в качестве главного слова. Например:

- Ordnungsliebe – *любовь к порядку*;
- Ordnungssinn – *суть (смысл) порядка*;
- Ordnungstrafe – *штраф за нарушение порядка*;
- Ordnung Störer – *нарушитель порядка*.

Используя парадигму когнитивного моделирования (Е.А Огнева, 2007: 148), можно подставить концепт «Ordnung» в виде таблицы, в которой представлена полевая структура концепта, тип и структура когнитивного образования, в рамках прагматики фразеологических единиц (устойчивых словосочетаний).

Структура концептосферы	Тип когнитивного образования	Когнитивная структура
Ядро	концепт «Ordnung»	<u>фрейм</u>
приядерная зона	<p>субконцепт «Ordnen», «Regeln» – <i>порядок, правила</i>;</p> <p>субконцепт «Arbeit», «Grordneter», «Tagesablauf» – <i>работа, строгий порядок дня</i>;</p> <p>субконцепт «Charakteristik», «des Menschen»</p>	<p>«das Geordnetsein» – <i>подчинение порядку</i></p> <p>«der Geornete», «Ordentliche»</p> <p>«Zustand», «Zucht», «Disziplin», «Drill» – <i>упорядоченное состояние, дисциплина</i></p> <p><u>субфрейм</u></p> <p>«Genauigkeit» – <i>точность</i>,</p> <p>«Regelung» – <i>регулирование</i>, «Planmäßigkeit» – <i>планомерность</i>, «Anständigkeit» – <i>порядочность</i> <u>субфрейм</u></p> <p>«Ordnungsliebe» – <i>любовь к порядку</i>,</p> <p>«Ordnungsgefühl» – <i>чувство порядка</i>,</p>

Структура концептосферы	Тип когнитивного образования	Когнитивная структура
ближайшая периферия	<p>концепт-элемент «System geneigter Beziehungen, in dem Teile eines Ganzes zueinander Stehen» – Система упорядоченных отношений, в которой части целого подчинены друг другу;</p> <p>субконцепт «Anordnung» – расположение (система), «Gruppierung» – группировка</p> <p>концепт-элемент «Gesetz» – закон, «Ordnungsdenken» – мышление в соответствии с законом и порядком</p>	<p>«Ordnungssinn» – понимание порядка, «Ehrlichkeit» – честность</p> <p><u>фрейм</u> «Systematik» – систематизация <u>субфрейм</u> «Gliederung» – членение, «Reihenfolge» – последовательность, «Schema» – схема, «Abstufung» – градация, «Arrangement» – организация, «Zusammenstellung» – формирование, «Zuordnung» – распределение, «Folge» – последовательность, <u>фрейм</u> «Vorschrift» – предписание, «Verordnung» – распоряжение, «Ordnungsgang» – административное управление, «Ordnung im Zivilprozess» – порядок следования действий в гражданском процессе</p>
дальняя периферия	<p>концепт-элемент «Einheit im System der Lebewesen» – единица в классификации мира животных</p>	<p><u>фрейм</u> «Ordnungen» <u>субфреймы</u> «Gattung» – ряд, вид, «Abteilung» – отряд, «Klasse» – класс, «Reihe» – ряд</p>
крайняя периферия	<p>концепт-элемент «Geordnete» – упорядоченный домашний быт «Häuslichkeit»</p> <p>субконцепт «Sauberkeit» – чистоплотность</p> <p>субконцепт «Ordnungspolitik» – система в проведении политики</p>	<p><u>фрейм</u> «Gemütlichkeit» – уют <u>субфрейм</u> «Geborgenheit» – защищённость <u>фрейм</u> «der ordentliche Staat» – упорядоченное государство <u>субфрейм</u> «Wirtschaftsordnung» – экономическая система</p>

Анализ примеров с устойчивыми фразеологическими сочетаниями показывает, что их можно разместить в приведённую таблицу и сгруппировать по субконцептам, фреймам и субфреймам по удалённости от ядра концепта. Большой объём семантики концепта указывает на имя концепта, как на его ядро, вокруг которого размещаются ближние и дальние периферии значений с элементами фразеологических единиц в их когнитивно-прагматическом аспекте функционирования. В данной статье мы сделали попытку показать, как фразеологическая картина мира на примере устойчивых фразеологических сочетаний связана с действительностью, но действительность посредством когнитивной парадигмы преобразована и структурирована в ней.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Этноэпидемический концепт и внутренняя форма языкового знака // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2004. №1 – с. 71-81.
2. Алефиренко, Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. М: Флинта: Наука 2005. – 416 с.

3. Воркачёв, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филол. Науки. – 2001. №1 – С. 64-72.
4. Лихачёв, Д.С. Концептосфера русского языка /Д.С. Лихачёв // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология/под ред. В.П. Нероднака. М., 1997. – С. 280-289.
5. Огнева, Е.А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. 2-е изд. дополн. – М.: Эдитус, 2013. – 282 с.
6. Попова, З.Д. Стернин, И.А. Семантико-когнитивный анализ языка /З.Д. Попова, И.А. Стернин: Монография. Воронеж: Истоки, 2006. – 226 с.
7. [https://www.dwds.de/d\(suche\)](https://www.dwds.de/d(suche))

Summary. The aim of this paper is to study the cognitive aspects of the functioning of set phrases with the lexeme “Ordnung” as part of the concept of the same name. This phraseological unit was studied with the use of corpus linguistics data on the website of the German Internet space in the diachronic and synchronic aspect. The article is an attempt of cognitive modeling of pragmatics of set phraseological word combinations in the form of a table. The studied set phrases are structured by distance from the core of the concept and grouped by concepts-elements, sub-concepts, frames and subframes depending on the type and structure of cognitive formation.

Key words: concept, conceptual sphere, cognitive structure, megafame, frame, subframe, subconcept, pragmatics, phraseological unit.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРСОНАЖА В РОМАНЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»

М.В. Половнева

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
polovneva@bsu.edu.ru

Как отмечает Н.М. Шанский, «фразеологические обороты – яркое стилистическое средство сделать речь эмоциональной и красочной, образной и убедительной. Меткое крылатое слово, полная народной мудрости поговорка, выразительная идиома оживляют язык, при помощи их он становится более сочным и эмоциональным. Эти специфические качества фразеологических оборотов четко проявляются даже в разговорно-бытовом общении, когда никаких художественно-изобразительных целей говорящими не ставится. Однако особенно ясно отмеченные свойства фразеологических средств русского языка видны в произведениях художественной литературы и публицистики. В умелых руках художников слова – писателей и публицистов – фразеологические обороты становятся одним из наиболее действенных языковых средств для создания того или иного художественного образа, для обрисовки речевого портрета героев, острой расцветки авторской речи и т.д.» (Шанский Н.М., 1972: 255-256).

Интересно, как «работает» данное средство при создании образа человека «практического», нигилиста Базарова, героя романа И.С. Тургенева «Отцы и дети». Акцентируя внимание на речи персонажа, мы обращаемся к рассмотрению лишь некоторых фраз из числа получивших устойчивый характер. При этом необходимо заметить, что мы имеем в виду фразеологический фонд русского языка в его широком понимании.

Итак, Евгений Васильевич Базаров – «фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая из почвы, сильная, злобная, честная – и все-таки обреченная на погибель – потому, что она все-таки стоит еще в преддверии будущего» (Тургенев И.С., 1962: 381).

Озвучивая принципы жизни новых людей, Базаров отмечает, что не признает искусство, наслаждение природой, любовь, поэтому и появляются в его речи такие

фразы, как «Рафаэль гроша медного не стоит» (Тургенев И.С., 1976: 196), «Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта» (там же: 171); «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник» (там же: 187).

А характеризуя «старичков Кирсановых» (там же: 191), Базаров называет Павла Петровича не иначе как «архаическое явление» (там же: 163), человек, который «на своем молоке обжегся, на чужую воду дует» (там же: 177). Последнее выражение представляет собой трансформацию фразеологического оборота «обжегся на молоке – дует на воду». По мнению Базарова, «человек, который всю свою жизнь поставил на карту женской любви и когда ему эту карту убили, раскис и опустился до того, что ни на что не стал способен, этакой человек – не мужчина, не самец» (там же: 178). Подобные определения, выражая мнение Базарова, свидетельствуют о том, что Павел Петрович слишком осторожен в своих действиях, боится взять на себя ответственность и совершить поступок, следовательно, согласно ценностной иерархии нигилиста, не заслуживает серьезного внимания: он несостоятелен не только в личной жизни, но и как общественный деятель. Тургеневский нигилист также считает, что все закончилось и для Николая Петровича, так как тот «человек отставной, его песенка спета» (Тургенев И.С., 1976: 188), хотя и называет отца Аркадия «славный мальй», «добряк» (там же: 163).

В картине мира человека, который все отрицает, ко всему подходит «с критической точки зрения», подобные характеристики вполне ожидаемы. Но откуда в его словарном запасе, например, такие выражения, как «дуньте на умирающую лампаду, и пусть она погаснет...» (Тургенев И.С., 1976: 328). Примечательно, что именно ему принадлежат и фраза «О друг мой, Аркадий Николаевич! – <...>, – об одном прошу тебя: не говори красиво» (там же: 266), ставшая крылатой: «Не говори красиво, друг Аркадий», и сравнение Аркадия с «самой семейной птицей» галкой, и метафорическое высказывание о жизненном чемодане: «Видишь, что я делаю: в чемодане оказалось пустое место, и я кладу туда сено; так и в жизненном нашем чемодане; чем бы его ни набили, лишь бы пустоты не было» (там же: 314). Вероятно, некоторое объяснение можно найти в когнитивной лингвокультурологии, где под понятием «ментальность» подразумевается «совокупность типичных проявлений в категориях родного языка своеобразного (сознательного и бессознательного) восприятия внешнего и внутреннего мира, специфическое проявление национального характера, интеллектуальных, духовных и волевых качеств того или иного культурно-языкового сообщества» (Алефиренко Н.Ф., 2010: 109). Н.Ф. Алефиренко обращает внимание «на структурированность, внутреннюю предрасположенность человека как члена определенной этноязыковой общности поступать тем или иным образом в соответствующих стереотипных обстоятельствах. В свою очередь, эпицентром ментальности (при таком ее понимании) выступают соответствующие этнокультурные константы, которые, как и архетипы, спонтанно всплывают в индивидуальном сознании». При таком подходе следует, что «ментальность гораздо шире понятия «культура» и глубже сознания, поскольку проявляется, как правило, на подсознательном уровне».

Получается, несмотря на то, что герой все отрицает, так как ему необходимо все разрушить, а строят пусть другие, этнокультурные константы хранятся в тайниках подсознания тургеневского нигилиста. В этой связи нам представляется интересным мнение А.Т. Хроленко, на котором делает акцент Н.Ф. Алефиренко: «Менталитет состоит не столько из идей, сколько из чувств, настроений, мнений, впечатлений, подсознательно управляющих человеком» (Алефиренко Н.Ф., 2010: 109).

Думается, что, все то, против чего так яростно восставал Базаров, и что с такой силой проявилось перед смертью, жило в нем, было частью его природы, поэтому-то он так яростно нападает на те человеческие ценности, которым трудно противостоять, против которых чувствует свою слабость и боится «рассыропиться». При таком подходе объяснимо присутствие в речи нигилиста метафорических выражений;

вполне закономерной является в таком случае и фраза, которая характеризует те перемены, что происходят в сознании Базарова, в осознании им жизненных ценностей: «Каждый человек на ниточке висит, бездна ежеминутно под ним разверзнуться может, а он еще сам придумывает себе всякие неприятности, портит свою жизнь» (Тургенев И.С., 1976: 248). Она, безусловно, могла появиться в речи человека, пришедшего к выводу о ложности собственных убеждений («самоломанный» (там же: 263); «расклеилась машина» (там же: 348), «нужен ли я России... Нет, видно, не нужен» (там же: 328)), но все еще продолжающего служить избранным принципам. Однако речь героя, отражающая эволюцию его убеждений, на наш взгляд, – яркое свидетельство и того, что перед нами все-таки «очеловеченный» образ нигилиста, что подтверждается и словами автора, отмечавшего в письме к К.К. Случевскому: «я хотел сделать из него лицо трагическое – тут было не до нежностей. Он честен, правдив и демократ до конца ногтей – а вы не находите в нем хороших сторон? <...> если читатель не полюбит Базарова со всей его грубостью, бессердечностью, безжалостной сухостью и резкостью – если он его не полюбит, повторяю я – я виноват и не достиг своей цели» (Тургенев И.С., 1962: 381).

Не случайно в судьбе одного из главных героев тургеневского романа реализуются и народная пословица «над чем посмеешься – тому и послужишь», и пушкинское «и всюду страсти роковые, и от судеб защиты нет».

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
2. Тургенев, И.С. Собр. соч.: в 12 т. – М.: Худож. лит., 1976. – Т.3. – 389 с.
3. Тургенев, И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Сочинения, тт. I–XV. Письма, тт. I–XIII. – М.–Л.: АН СССР, 1962. – Письма, Т.4. – 734 с.
4. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка. – М.: Просвещение, 1972. – 368 с.

Summary. The article focuses on fixed expressions in the speech of the main character of the novel, I.S. Turgenev “Fathers and Sons”, which clarify Bazarov’s attitude towards other characters and contribute not only to the creation of his speech portrait, but also to the image as a whole. At the same time, we mean the phraseological foundation of the Russian language in its broad sense.

Key words: fixed expression, literary image, speech characteristics of a literary character.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ТЕКСТАХ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ И.И. ЛАЖЕЧНИКОВА

Л.В. Проскурнина

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
proskurnina@bsu.edu.ru

Фразеологические единицы и вся фразеология в целом занимают важное место в языковой картине мира, являясь одной из ее составляющих. Фразеология, по мнению Н.С. Шанского, представляет собой «непосредственное вербальное выражение не только окружающей человека действительности, но и ее духовное национально маркированное осознание» (Шанский, 1996: 160), а фразеологизмы, соответственно, – «устойчивые, воспроизводимые в готовом виде сочетания слов, существующие в языке в виде целостных по своему значению и устойчивых в своем составе и структуре образований» (Там же: 26).

Функционирование фразеологических единиц в художественном тексте является предметом постоянного внимания лингвистов XX – XXI вв. Этой проблеме посвящены исследования ряда современных ученых-лингвистов: Н.Ф. Алефиренко, А.М. Мелеровича, В.М. Мокиенко, З.Д. Поповой, Г.В. Токарева и др. Это связано, прежде всего, с их экспрессивностью и образностью, выделяющих фразеологизмы из ряда других образных средств: «Фразеологизмы <...> рождаются в языке не для того, чтобы называть какие-либо появившиеся предметы и явления, а для того, чтобы через образное представление характеризовать уже названное словом понятие, характеризовать его, выражая отношение к нему, оценку его с точки зрения той социальной среды, в речи которой употребляется данная фразеология. То есть фразеологизмы удовлетворяют потребность носителей языка в выразительности» (Федоров, 1972: 81).

Н.Ф. Алефиренко считает, что фразеологизмы являются «средствами вербализации тех или иных концептов – ментальных образований, обобщенно-целостных мыслительных единиц, кодирующих в самых разных конфигурациях культурно значимые смыслы» (Алефиренко, 2008: 225-226).

И.И. Чумак-Жунь обращается к такому понятию, как «поэтический фразеологизм», называя его «смыслообразующим ресурсом поэтического дискурса, так как он отражает специфическое поэтическое мышление и выражает особые, поэтические знания о мире и о месте в нем поэта» (Чумак-Жунь, 2013: 65).

Работы Е.Г. Озеровой также посвящены поэтическим фразеологизмам, под которыми автор понимает «сложное дискурсивно обусловленное индивидуально-авторское сочетание, образованное по узуальной модели, в рамках которого метафорическое слово находится в асимметричных парадигматических и синтагматических отношениях» (Озерова, 2009: 883).

Наряду с проблемой определения понятия «фразеологизм» / «фразеологическая единица», актуальной и по сей день остается проблема типологии (классификации) фразеологизмов в аспекте изучения языковой личности писателя. Так, существуют классификации по особенностям семантики фразеологических единиц и семантики входящих в них компонентов; по лексико-грамматическим признакам, то есть по соотношению фразеологизмов с частями речи и членами предложения); по источникам фразеологизмов; по этимологическому составу; по стилистической окраске.

Фразеология играет значительную роль в идиостиле того или иного писателя. Н.М. Шанский отмечал, что «в руках художников слова фразеологизмы становятся одним из наиболее действенных средств воплощения художественного образа» (Шанский, 1996: с. 192).

Интересной кажется специфика использования фразеологических единиц в языке малоизвестного писателя первой половины XIX века И.И. Лажечникова. Фразеология играет значительную роль в его идиостиле.

Текстообразующие свойства фразеологических единиц довольно ярко проявляются в текстах исторических романов писателя – «Последний Новик», «Ледяной дом» и «Басурман».

В текстах романов И.И. Лажечникова можно выделить следующие фразеологические группы.

Первую группу составляют фразеологизмы со значением времени.

*А мы только **сию минуту** говорили с графом о вчерашней вашей истории* («Ледяной дом»); *в **одно мгновение** ока все изменялось* («Последний Новик»); *мысль **в один миг** угадывает обман* («Басурман»).

В основном в текстах представлены традиционные фразеологические единицы, указывающие на динамичность времени.

Вторую фразеологическую группу составляют атрибутивные фразеологические единицы со значением характеристики лиц, предметов или явлений.

И.И. Лажечников активно использует фразеологические единицы для описания внешности человека. Так, в тексте романа «Басурман» фразеологизм *кровь с молоком* – ‘здоровый, цветущий, с хорошим цветом лица, с румянцем’ – характеризует русских молодых людей: *Между ними родное молодечество, **кровь с молоком**, шапка набекрень, кушаком туго подпоясано.*

В романе «Последний Новик» представлено описание русского солдата: *Возле нее ходил на часах Преображенский солдат, статный, бравый, **кровь с молоком**.* В «Ледяном доме» данный фразеологизм присутствует в описании русской царицы Елизаветы Петровны: *В одной из них – посмотрите – настоящая русская дева, **кровь с молоком**, и взгляд и привет царицы: это дочь Петра Великого, Елисавета.*

Фразеологические единицы в текстах исторических романов И.И. Лажечникова можно также классифицировать по отнесенности их к определенному лексико-грамматическому разряду.

1) именные (субстантивные): *золотые слова, белый свет но **золотые горы и слава** были впереди* («Ледяной дом»); *она несла узел, в котором заключены были, **едва выглядывая на белый свет**, Квинт Курций, Юлий Кесарь, Езоп и прочие великие мужи древности* («Последний Новик»);

2) глагольные (вербальные): *скалить зубы череп **скалил** свои желтые **зубы*** («Басурман»); *Нет! **я себе на уме!** Как впросак попаду, так другого не позову вытащить* («Басурман»).

Глагольные фразеологические единицы наиболее активно используются И.И. Лажечниковым. Среди них можно выделить следующие семантические подгруппы:

а) со значением речи – мысли (*ломать голову, приходить в голову, заводить разговор*): *с усмешкою произнес Вульф и начал **ломать голову** насчет таинственного странника* («Последний Новик»); *мысль быть вечною подругою его, если и **приходила ей в голову**, пугала ее самое* («Басурман»); *Бирон на эту сцену и долго молчал, потом **завел разговор** то с шутами, то с Мариорицей* («Ледяной дом»).

б) передающие психическое состояние (*терять терпение, впадать / приходить в бешенство, злоба накупала / захватывала*): *Тут Паткуль, **потеряв терпение**, пожал плечами* («Последний Новик»); *безумная **приходила в бешенство*** («Ледяной дом»); ***злоба захватывала** ему дыхание* («Последний Новик»).

в) описывающие поведение (*не отводить глаза, покаться / надорвать со смеху*): *смотрит на Антона, **не может отвести от него глаз*** («Басурман»); *все жилки **надорвал со смеху*** («Ледяной дом»).

3) адъективные: *себе на уме*

4) адвербиальные: *в ежовых рукавицах, очертя голову, в поте лица **надобно держать их в ежовых рукавицах*** («Последний Новик»); *несколько смельчаков **очертя голову** забралась чем свет в эту крепостцу и там притаились* («Басурман»); *святые отцы сами работали **в поте лица*** («Ледяной дом»).

В текстах романов представлено достаточное количество оборотов, свидетельствующих о широкой эрудиции И.И. Лажечникова. Прежде всего, это библейские обороты. *Что за **Содом!** – вскричал старик с коварной усмешкой* («Последний Новик»). Писатель употребляет усеченный фразеологизм *Содом и Гоморра* – ‘крайняя безнравственность, распущенность, разврат, царящие где-либо’ (ФССРЛЯ, 2004: II, 401) – для характеристики раскольничьего движения.

Также И.И. Лажечников использует мифологические образы. *Паткуль, по сделанному ему описанию, тотчас узнал племянника Фрицева, вздохнул свободнее и ухватился за **Ариаднину нить**, ему так кстати предлагаемую* («Последний Новик»). Фразеологическая единица *нить Ариадны* означает ‘то, что помогает найти выход из затруднительного положения (по имени Ариадны, дочери критского

царя Миноса, которая, согласно древнегреческому мифу, помогла афинскому царю Тезею убить полубыка-получеловека Минотавра и благополучно выбраться из лабиринта при помощи клубка ниток' (ФСРЯ, 1967: 280). В романе «Последний Новик» *нитью Ариадны* стал мальчик Мартышка, помогший Паткулю выбраться из дома неприятелей незамеченным.

Античные фразеологизмы также служат средством передачи авторской иронии и насмешки. Описывая неудачную попытку солдат поймать вражеского лазутчика, И.И. Лажечников следующим образом характеризует неудачу героев: *Все опять принялись вертеть Пандорин ящик и приискивать к нему ключ* («Последний Новик»). *Ящик Пандоры* в переносном смысле означает 'источник бед и несчастий'.

Ряд примеров представляет собой модификацию фразеологизма. В одних случаях происходит замена лексемы (в *отлучку хозяина блудные детки разбрелись из дому отцовского* («Басурман»)), в других – замена морфемы (возвратимся к хорошеньким женщинам: *виноват, это моя слабая сторона, моя ахиллесовская пятка* («Басурман»)). В первой контексте наблюдается модификация фразеологизма *блудный сын* (*блудные детки*), во втором представлена модификация фразеологизма *ахиллесова пята* (*ахиллесовская пятка*).

Таким образом, фразеологические единицы в исторических романах И.И. Лажечникова «Последний Новик», «Ледяной дом» и «Басурман» являются репрезентаторами авторского идиостиля. Фразеологический состав текстов исторических романов писателя богат и разнообразен как в семантическом, так и в лексико-грамматическом плане. В лексико-грамматическом отношении представлены различные типы фразеологических единиц – именные (субстантивные), глагольные (вербальные), адъективные и адverbиальные. Ряд фразеологических единиц представляет собой трансформированные фразеологизмы, что является важной составляющей идиостиля И.И. Лажечникова.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. – М.: ЭЛПИС, 2008. – 272 с.
2. Виноградов, В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 140-161.
3. Озерова, Е.Г. Поэтические фразеологизмы как концепты духовной культуры и проблемы их фразеографирования // Проблемы истории, филологии, культуры. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, 2009. – №2(24). – С. 883-887.
4. Федоров, А. И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX в. – Новосибирск: Наука, 1973. – 171 с.
5. Фразеологический словарь русского языка / А.И. Молотков. – М.: Сов. энциклопедия, 1967. – 543 с.
6. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: в 2 т. / А.Н. Тихонов. – М.: Флинта: Наука, 2004.
7. Чумак-Жунь, И.И. Поэтический фразеологизм: штамп как основа образования индивидуального смысла // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – Белгород: ИД «Белгород», 2013. – № 20 (163). Вып. 19. – С. 60-66.
8. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка. – СПб.: Спец. лит., 1996. – 192 с.

Summary. The article attempts to identify and analyse the peculiarities of the use of phraseological units in the texts of historical novels by I.I. Lazhechnikov – «The Last Novik», «Ice house» and «Basurman». The main types and semantic classes of phraseological units are identified, and the specificity of transformed phraseological units in these texts is revealed.

Key words: I.I. Lazhechnikov, historical novel, phraseological unit, literary text, language personality, individual style, phraseological transformations.

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МОДИФИКАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОВ БИЦЕНТРИЧЕСКОЙ
СТРУКТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ОППОЗИТИВНОГО ДИСКУРСА ПРОЗЫ
Л. АНДРЕЕВА)**

А.В. Прохорова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Magomedova27@yandex.ru

Термин *оппозитивный дискурс* принадлежит Т.И. Красновой для обозначения типичного способа идеологического представления языковой картины мира в газетах русского зарубежья начала XX века (Краснова, 2015). Мы же под «оппозитивным дискурсом» понимаем отражение в концептосфере художественного текста конфликтогенного содержания – продукта авторской интерпретации конфликтогенной реальности – структурообразующего фактора того коммуникативного события, которое послужило объектом художественного нарратива. С помощью имени прилагательного *конфликтогенный*, производного от термина «конфликтоген» (дословно – «рождающий конфликты»), предложенного в психологии А.П. Егидесом (Егидес, 2001: 4), мы образовали словосочетания «конфликтогенная реальность» и «конфликтогенное содержание». Первое – для обозначения коммуникативно-прагматического диссонанса между автором и социальной действительностью, а также между персонажами, в тексте его выражающими; второе – для обозначения той событийной среды, которая такой коммуникативно-прагматический диссонанс порождает. На предназначении дискурса выражать своеобразие творческой ментальности акцентирует внимание и Н.Ф. Алефиренко, который понимает под дискурсом «речемышлительное образование событийного характера в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и другими факторами» (Алефиренко, 2009: 248), с которыми прямо или косвенно связаны участники творческого общения (автор и читатели художественного текста).

С точки зрения когнитивной лингвопоэтики способом выражения «конфликтогенного содержания» текста служат речевые и паралингвальные средства художественного речемышления. К речевым средствам выражения коммуникативно-прагматического диссонанса в ранних рассказах Л. Андреева, писателя первой половины 20 века, относятся изобразительно-выразительные единицы: слова, употребленные в переносном значении и фразеологизмы, зачастую художественно модифицированные (среди немодифицированных фразеологизмов встречаются такие, как *дорога жизни, нить жизни, покончить с собой, между жизнью и смертью* (концепт «Жизнь/Смерть»). В роли лексических метаморфоз чаще всего выступают метафорические эпитеты, сравнения, перифразы, олицетворения, оксюморонные, антитезные и инверсивные сочетания и градация. «Оппозитивный дискурс» Леонида Андреева порожден особым – **б и п о л я р н ы м** – типом художественного концепта, в котором отразились глубокие переживания писателя, вызванные социальным неприятием социальной действительности, поработавшей волю человека.

Поскольку феномен «биполярный концепт» когнитивной лингвистикой ещё не освоен, он нуждается в обосновании своего места в системе концептов. Прежде всего, его следует отличать от сходного с ним «бинарного концепта», репрезентантами которого в большинстве случаев выступают лексические антонимы (Хайруллина, 2009). Напомним, что биполярный концепт – это когнитивный конструкт интегрального характера, амальгама взаимопроникающих самостоятельных концептов, когда сущность одного раскрывается через его противопоставление другому. Если сущность бинарного концепта раскрывается благодаря поиску явно-выраженных его

антонимических репрезентантов – контрадикторных антонимов, то понимание биполярного концепта достигается с помощью интерпретации контрарной оппозиции. Образующие её концепты не только отрицают друг друга, но несут в себе некий компенсирующий взамен отрицаемому смысл. Причём в контрарные отношения втягиваются разные по своему статусу феномены. Так, несмотря на то что предметный слой концепта «Смерть» составляет событие, а концепта «Жизнь» – процесс, они все же входят в структуру биполярного художественного концепта «Жизнь/Смерть». К слову, в познавательных бинарных концептах оба компонента принадлежат к одной категории: событию или процессу. Так, прямым противопоставлением концепту-событию «Смерть» здесь является событийный концепт «Рождение». В этом, пожалуй, тоже состоит принципиальное отличие познавательных бинарных концептов от художественных биполярных. Такого рода контрарная природа биполярного концепта позволяет ему проецировать в содержании «оппозитивного дискурса» широкую гамму человеческих переживаний.

Биполярный концепт, служащий смыслопорождающим ядром «оппозитивного дискурса» Леонида Андреева, в любом своём конкретном проявлении содержит острое переживание автором главного невротического фактора: неспособности человека приспособиться к непредсказуемым социальным переменам, породившей чувство «космического пессимизма», безверия и отчаяния. Отсюда главный отличительный признак биполярного художественного концепта Леонида Андреева, определяющего архитектуру его ранних рассказов, – выражение двойственного реалистико-мистического отношения к действительности.

В художественном дискурсе ассоциативные поля и связанные с ними функционально-семантические контексты динамичны, поскольку в результате постоянного дискурсивно-смыслового воздействия коммуникантов и ассоциирующихся художественных концептов значения слов, их репрезентирующих, подвергаются переосмыслению, нередко значительному. Такие смысловые модификации слов в пределах тех или иных функционально-семантических контекстов необходимы для порождения художественных текстов, для повышения их коммуникативной активности, которая в значительной мере зависит от ассоциативного восприятия данных слов и фразеологизмов реципиентами художественного текста. Это может иметь достаточно мощный художественно-образительный эффект, повышать когнитивно-прагматическую значимость всего текста или его культуросного фрагмента. Так, например, художественные концепты имеют свою специфику вербализации, так как являются ключом к пониманию литературного текста. В художественном тексте концепт воплощается в результате трансформации конвенционального значения концепта под воздействием личностных интерпретаций.

Как показала выборка, именно лексическая репрезентация составляет остов объективируемых в тестах Л. Андреева таких концептов бицентрической структуры, как «Свет/Тьма» (бинарный), «Жизнь/Смерть» (биполярный), «Вера/Неверие» (биполярный). Фразеологические репрезентанты обычно употребляются писателем в сопряжении с лексическими, дополняются ими и получают новое звучание. Так, всем нам известны устойчивые обороты *замкнутый круг* и *загонять в угол*, связанные с обозначением безысходной ситуации. Леонид Андреев объединяет их в сочетании *загонять в круг*, при этом распространяя атрибутивом *темный*. Такое сочетание лексических и фразеологических репрезентантов бинарного концепта «Свет/Тьма» мы обнаруживаем в рассказе «Тьма», основу сюжета которого составляет бегство террориста, скрывающегося от полиции в публичном доме.

В 1907 году Л. Андреев создает рассказ «Тьма», в основе сюжета которого лежит мотив встречи скрывающегося террориста с девушкой легкого поведения в доме терпимости, и, как следствие, мотив духовного перерождения. В названии рассказа уже проявляется широкая степень обобщенности и абстрактности, а значит, и богатство информативного потенциала языковой единицы. На уровне автологического

употребления языковых единиц концепт «Тьма» реализуется посредством концентрации однокоренных слов («тьма – темный – темнота»), которые рассредоточены по всему тексту. Воспринимая слово *тьма* в прямом значении, с точки зрения денотативной теории, читатель первоначально воспринимает темноту как место, лишенное света, в котором пребывают герои произведения. Однако свою прямоименную функцию слово *тьма* выполняет крайне редко: «*Говорили в темноте два голоса*», «*Был коридор, как всегда, темные неглубокие комнатки с открытыми дверями, и «в одну комнатку, на двери которой было написано неровным почерком: «Люба», – они вошли.* Нельзя не заметить частотность включения вербализаторов концепта «Свет» в словосочетание *светлая жизнь* («*И жизнь у него будет большая, светлая, прекрасная*», «*А ведь есть где-то солнце, тепло, светлая жизнь под ясным небом*»). Важно отметить, что словосочетание «светлая жизнь» фигурирует в предложениях с глаголами будущего времени или сослагательного наклонения, что подчеркивает условность или даже невозможность реализации мечты о светлой жизни.

Впервые, не считая заглавия, концепт «Тьма» актуализируется эпитетом *темный* в составе окказионального (контаминированного автором) устойчивого оборота «*загоняя в темный замкнутый круг*». И фразеологизм *замкнутый круг*, и фразеологизм *загонять в угол кого-либо*, связанные с обозначением безысходной ситуации, приобретают еще более драматическое звучание благодаря инкорпорированному в структуру контаминированного оборота прилагательного «темный». В толковом словаре Ушакова слово *тьма* в переносном значении толкуется и как неизвестность. Вот почему главный герой, не видя жизненной перспективы, размышляет: «*В темноту, так в темноту. А что дальше? Не знаю, темно*». Лексический повтор как средство создания эмотивности налицо. Таким образом, «Тьма» и «Неопределенность» в данном контексте обозначают один и тот же денотат, одно и то же мироощущение, которое можно обозначить как «Состояние безысходности» (заметим, что *тьма* в сознании анкетлируемых ассоциируется с безысходностью и неопределенностью).

В данном фрагменте текста речь идет о внутреннем смятении героя, его духовном надрыве. В одном функционально-семантическом поле (ФСР) интегративно представлены концепты «Тьма» – неизвестность – смятение – смута, которые вне этого контекста относятся к разным ЛСГ. Такого рода интеграции концептов способствует использование автором метафор, производных от лексических репрезентантов базовых концептов. В создаваемом писателем дискурсивном пространстве как вполне мотивированный троп воспринимается метафора *воздух мутно густел*. Являясь однокоренным слову *смута*, наречие «мутно» органично встраивается в ряд лексических репрезентантов макроконцепта «Тьма». Доминирование упаднических настроений в рассказе, связанное с концентрацией слов с негативной коннотацией (жизнь – «страшная азартная игра», «сумбур», «хаос» и т.д.), дискурсивно расширяет импликационал концепта «Тьма» и наделяет его способностью номинировать соответствующее состояние человека.

Еще один интересный пример по этому поводу: фразеологизмы *нести свой крест* и *резрешиться от бремени* в повести «Жизнь Василия Фивейского» интегрируются в сочетание *нести бремя*, которое становится средством вербализации биполярного концепта «Вера/Неверие». В «Рассказе о семи повешенных» встречаем словосочетание *зов смерти – репрезентант биполярного концепта «Жизнь/Смерть»*, невольно вызывающий в сознании известные идиомы *зов крови* и *зов предков*. Именно по причине таких трансформаций возникает целесообразность говорить о художественной модификации фразеологизмов как идиостилевой примете текстов Л. Андреева.

Таким образом, доминантные для художественного мира Л. Андреева биполярные и бинарные художественные концепты формируют ядро «оппозитивного»

дискурса который является, с одной стороны, самобытно вербализованным духом мятежной эпохи, обусловившей узнаваемую художественную картину мира Л. Андреева, а с другой – способом существования и проявления нестандартной в своей неоднозначности языковой личности писателя, диалектика души которого нашла свое воплощение в идиостилистической архитектонике его текстов.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. «Живое» слово: проблемы функциональной лексикологии / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
2. Андреев, Л.Н. Избранное / Л.Н. Андреев. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1979. – 302 с.
3. Егидес, А.П. Лабиринты общения / А.П. Егидес. – 2-е изд., стер. – М.: Рилант: Флинта, 2001. – 386 с.
4. Краснова, Т.И. Феномен оппозитивности газетного дискурса русского зарубежья 1917-1920 (22) гг.: автореф. дис. ... док. фил. наук / Т.И. Краснова. – Екатеринбург, 2015. – 504 с.
5. Хайруллина, Д.Д. Бинарные концепты «Огонь» и «Вода» как фрагмент языковой картины мира: дис. ... канд. фил. наук / Д.Д. Хайруллина. – Казань, 2009. – 237 с.

Summary. The article “Artistic modification of phraseological units as a means of representing the concepts of a bicentric structure (based on the oppositional discourse of L. Andreev's prose)” reveals the nature of the artistic oppositional discourse and the concepts of its bicentric structure. As a textual material, stories and stories of the 1900s were used, in which the artistic modification of phraseological units not only reveals the concepts that are basic to the artistic thinking of L. Andreev, but also expresses the rebellious state of the writer's soul.

Key words: concept, bicentric structure, literary discourse, phraseological units, phraseological modification.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ЧУЖДОСТИ

Ю.А. Рамазанова

Россия, г. Липецк, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
yuliya.ramazanova.lip@mail.ru

Фразеология – одно из самых ярких и действенных средств языка. Метафоричность, эмоциональность, экспрессивность – все эти качества фразеологических единиц придают речи образность и выразительность. Фразеологизм появляется в языке не для называния предметов, признаков, действий, а для их образно-эмоциональной характеристики. Образуется фразеологизм в результате метафорического переноса, переосмысления значений свободных словосочетаний. Фразеологические единицы русского языка – это микрообразы, языковые образные миниатюры. Н.М. Шанский характеризует их как «миниатюрные художественные произведения» (Шанский Н.М.).

Фразеологический состав современного русского литературного языка находится в постоянном движении и развитии. Он непрестанно изменяется вследствие появления новых оборотов, постепенного отмирания устаревших, а также в результате творческого употребления фразеологизмов в различных жанрах речи.

Если в относительно недавнем прошлом полигоном и законодателем в создании норм словоупотребления была художественная литература, то в последние годы эта роль по праву принадлежит средствам массовой информации, публицистическому жанру, как наиболее близкому к разговорной речи, которая в последнее время все заметнее влияет на литературную норму русского языка.

Исходя из вышесказанного, выбранная тема исследования звучит особенно актуально. А так как фразеологизмы в газетных текстах с точки зрения выражения семантической категории чуждости в науке о языке практически не изучались, важность проведения подобного исследования не вызывает сомнений.

В условиях информационного рынка, жесткой конкуренции, борьбы за читателя СМИ стремятся как можно привлекательнее «упаковать» свою продукцию, т.е. преподнести информацию в наиболее яркой, характерной, запоминающейся форме. Упаковка содержания информации – это так называемая языковая игра, интеллектуальная разминка, привлекающая внимание читателей, для чего при составлении текстов (а особенно, заголовков, ЛИДов) необходимо подбирать яркие, броские, остроумные выражения. Это влечет за собой широкое использование фразеологического материала.

Рассмотрение фразеологических единиц как языковых знаков позволяет изучить их в рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, которая «исследует прежде всего живые коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа» (Телия В.Н., 1996: 218).

Концепты «Свой/чужой» характеризуются универсальностью, которая обусловлена ее гносеологической значимостью, она влияет на действие и поведение человека. В лингвистике парный концепт «свой/чужой» исследуют достаточно широко: с точки зрения межкультурной прагматики, с позиции языковых картин мира. Оппозиция «свой/чужой» является базовым и дискуссионным концептом для целого ряда гуманитарных наук, в частности, филологии, культурологии, философии, этнологии, социологии, психологии и др. Сложный многоуровневый характер данного концепта также обуславливает актуальность проведенного исследования. Его материалом послужили фразеологические единицы, вербализирующие оппозицию «свой/чужой», которые были отобраны из таких современных периодических изданий, как «Липецкая газета», «Сегодня и завтра», «Солидарность», «Первый номер», «Наш комбинат».

Начнем с того, что «свое и чужое» – один из центральных концептов культуры. Следовало бы точнее определить его как «свое/чужое», по примеру «времени пространства» («хронотопа») М.М. Бахтина. Эти концепты носят универсальный характер, поскольку они присущи художественному творчеству, научному и бытовому мышлению. В основе всякого сравнения и сопоставления лежат механизмы тождества и различия своего и чужого. «Свой» означает собственный, особенный, личный, отдельный, значимый «сам собой», имеющий «собь» «существа». «Чужой» принадлежит иному народу. «Чужой» не имеет личности, собственного лица, отдельности. «Чужое» не вычлененное, лишенное существа. Сопоставление данных концептов включает:

1. Осмысление «своего» на фоне «чужого»;
2. Отстранение «своего» и придание «личного» чужому.

При сравнении начинают действовать прямые и обратные связи. Важен и тот случай, когда удаляется «свое» и приближается «чужое». Концепты «своего» и «чужого» содержат моменты самоотрицания. Диалектика «своего-чужого»/ «чужого-своего» проясняет представление о том, что нельзя свести друг к другу свою и чужую концептосферы. Здесь возможно лишь приближение с учетом аналогий, подобий, эквивалентности и смысловых зияний. Оппозиция «свое-чужое» принимает форму «глубинное-поверхностное». «Свое» – глубокое, «чужое» – странное, поверхностное, неизведанное, интересное. По своей природе человек все свое родное воспринимает как нечто положительное и позитивное, а чужое на подсознательном уровне вызывает негативные, отрицательные эмоции. Это противопоставление в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения. В микрополе

«свой»/ «чужой» противопоставляются, например, такие группы фразеологических единиц:

- 1) характеризующие упорство, усердие: *по собственному желанию, без посторонней помощи, своим трудом*;
- 2) характеризующие эгоизм: *действовать в своих интересах*;
- 3) характеризующие недостатки: *бревно в своем глазу*;
- 4) характеризующие скованность, неуверенность: *быть не в своей тарелке*;
- 5) характеризующие уверенность: *находиться в своей стихии*.

В нейтральной речи видоизменение фразеологизма считается ошибкой. Но в текстах средств массовой информации, особенно в газетах, фразеологизмы живут особой жизнью. Журналисты нарушают принципы фразеологизма: делают вставки, меняют порядок слов, место ударения в слове, делают синонимические замены, и т.д.: *По роду своей работы постоянно веду диалог с работниками, стараюсь быть им помощником, «своим среди своих» – подсказывать, направлять, объяснять* («Первый номер», 15 июня 2018 г.).

Выделяют пять типов преобразований фразеологизмов, все они, в том числе с нужной нам семантикой, встретились на страницах газет.

1. Перестановка или замена слов-компонентов во фразеологизмах: *На власть надейся, но дрова на зиму запасай; Пусто место свято не бывает; Пока молодежь не «грянет», правительство не «перекрестится».*

2. Усечение или сокращение состава фразеологизма: *На чужой каравай...; У кого что болит...; Лучше синица в руке...; Яблоко от яблони...*

3. Изменение состава фразеологизма, влекущее за собой изменение смысла на противоположный: *Молодо, да не зелено; Нет, худо без добра; И в тесноте, и в обиде.*

Обороты, подобные приведенным выше, встречаются почти в каждой газете. С их помощью автор структурно приспособливает видоизмененную фразеологическую единицу к условиям общения с читателем, делая из нее гибкое речевое средство, пригодное для выполнения поставленной коммуникативной задачи.

4. Выражения в вопросительной форме: *В гостях хорошо...а дома?; Вместе хорошо, а врозь?; Своя рука – владыка?; Язык – враг мой?*

5. Вставка во фразеологизм конкретизирующих, устойчивых определений: *В чужой монастырь со своим правовым уставом; Своя рубашка ближе к номенклатурному телу; Своя вооруженная рука владыка.*

Фразеологизмы могут занимать в тексте самые различные позиции. В композиционно-стилистическом отношении для фразеологизмов важными будут следующие: абсолютное начало текста (заголовок), первый абзац текста, где обычно фразеологические единицы совмещают свои характеризующие и экспрессивные функции с текстовыми. Далее рассмотрим это на конкретном материале.

Первый абзац – это сильная позиция газетного текста, независимо от его композиционного назначения и размера. Он начинает текст, выполняя проспективную функцию, и от его построения во многом будет зависеть восприятие дальнейшей информации. В специальной литературе выделяются следующие типы зачинов: корреспондентский, описательский, сюжетный, информативный, рисующий перспективу, отсылочный. Для газетных текстов характерно разнообразие зачинов, поскольку вообще, журналистский текст, следуя требованию способствовать оптимальному выражению идеи, может допускать варианты композиционных узлов. И поэтому корреспонденция может начинаться и с завязки, и с «введения в проблему», и даже с развития действия. Например, для аналитических жанров, при всем многообразии зачинов, характерно уже в первом абзаце максимальное сопряжение, «введение в проблему», и «постановка проблемы». И если уже в зачине мы сталкиваемся с «диалектикой выразительных средств журналистики», то можно считать, что текст корреспонденции начат удачно. Приведем несколько примеров: *Защитники и спа-*

сатели, организаторы и агитаторы, педагоги и политики – все эти определения вполне подходят для профсоюзных активистов. В частности, для уполномоченных Московской федерации профсоюзов, которые возглавляют окружные советы в административных округах столицы, проводят профсоюзную политику и **вносят свой вклад** в защиту трудящихся на местах («Солидарность», №40, 25 октября – 1 ноября 2017 г.); Члены Совета ветеранов села Желтые пески вместе с жителями **сделали своими руками** пляж на берегу реки Воронеж («Первый номер», №32, 6 августа 2018 г.); В интервью нашей газете Яна Санько рассказала о том, как мотивировать себя заняться спортом, обязательно ли для этого идти в спортзал и, насколько это сложно и важно, **работать над собой** («Первый номер», №16, 16 апреля 2018 г.).

Язык СМИ, как отмечал В.Г. Костомаров, «имеет тенденцию к стандартизации, которая предполагает обилие готовых элементов, позволяющих читателю оперативно ориентироваться в потоке информации, и тенденцию к экспрессии, которая обнаруживает авторскую позицию» (Костомаров В.Г., 1971: 255). Аналогии между свойствами фразеологизма и тенденциями языка газеты свидетельствуют о том, что фразеологическая единица универсальна для функционирования в прессе в качестве газетного заголовка.

Фразеологические единицы, используемые для оформления заголовка, призваны не только раскрыть сущность факта, описываемого журналистом, но и помогают более образно, более интересно построить весь текст корреспонденции.

Газетный заголовок как первый элемент публицистического текста дает читателю общее представление о содержании журналистской статьи, а также нередко включает в себе основную мысль автора. Являясь частью текста, важнейшим структурным его элементом, заголовок оказывает еще большее воздействие на построение и содержание текста и его восприятие читателем. По верному замечанию В.П. Жукова, «способность языковой единицы влиять на организацию текста зависит прежде всего от информативной емкости семантически реализуемой единицы. Чем информативнее та или иная единица, чем выше ее познавательная ценность, тем выше текстообразующая способность таких выражений, и наоборот» (Жуков В.П., 1978: 124).

Исследователи обращают внимание на то, что заглавие является самостоятельной и автономной единицей, которая сама по себе выполняет информативную и экспрессивную функции (Хазагеров 1984). Современная пресса в борьбе за своего читателя становится все более экспрессивной и диалогичной. Текст, ориентированный на диалог, должен включать живые языковые элементы, понятные всем носителям языка. В работах ученых отмечается, что использование фразеологизмов в заголовке является эффективным средством для привлечения внимания читателей к журналистскому материалу.

Проиллюстрировать данный тезис можно многочисленными примерами. Только на страницах газеты «Сегодня и завтра» было найдено более 30 таких заголовков. Вот некоторые из них: «*Поверить в себя*», «*На других посмотрели, себя показали*», «*Своя ноша не тянет*», «*Мастер своего дела*», «*Живите сегодняшним днем*», «*Железнодорожники верны себе*», «*Все по своим местам*», «*Кубок нашел своих героев*», «*В чужой монастырь со своим уставом*».

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что фразеологические обороты являются обязательным стилистическим компонентом языка газеты, важным источником экспрессивно-эмоциональной насыщенности, существенным средством выражения семантической категории чуждости и реализации конструктивно-стилевых особенностей газетной речи. Фразеологизмы, в том числе с интересующей нас семантикой, придают газетному тексту определенную воздействующую силу, помогают создавать специфическую образность. Они способны не только выразить соответствующую мысль более емко, но и передать отношение, оценку автора к освещаемой проблеме.

Литература

1. Жуков, В.П. Семантика фразеологических оборотов. – М.: Просвещение, 1978. – 159 с.
2. Костомаров, В.Г. Русский язык на газетной полосе. – М.: Издательство МГУ, 1971. – 268 с.
3. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
4. Хазагерев, Г.Г. Функции стилистических фигур в газетных заголовках (по материалам «Комсомольской правды»): автореф. дис. канд. филол. наук. – Ростов н/Д., 1984. – 24 с.
5. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://urss.ru/>. Проверено: 27.02.2016.

Summary. This article is devoted to the study of phraseological units in newspaper texts as a means of expressing the semantic category of alienation. The analysis shows that the language of modern media contains a significant number of expressive means expressed by units of different language levels. Rather frequent means of expression are phraseological expressions. Idioms, in particular, we are interested in semantics, give a newspaper the text of a certain acting force, helping to create specific imagery.

Key words: phraseological unit, newspaper text, semantic category of foreignness, linguistic sign, concept, newspaper headline.

МЕРЦАТЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР СЕМАНТИКИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРАГМАТИКИ ПОСЛОВИЧНОГО ЗНАКА

Л.Б. Савенкова

Россия, г. Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет
savenkova@sfedu.ru

Несмотря на отсутствие у лингвистов единства точек зрения на принадлежность паремий к кругу языковых или дискурсивных знаков, сам факт предназначённости их для маркировки определенных реалий не вызывает сомнений. Стоит вспомнить семиотическую суть пословиц в видении Г.Л. Пермякова: этот тип единиц представляет собой «знаки ситуаций или определенных отношений между вещами» (Пермяков Г.Л., 1970: 19). Фактически же и ситуация представляет собой совокупность отношений. Но, говоря об отношениях как таковых, подразумевают некие константные взаимосвязи, обусловленные самой сущностью взаимодействующих или сопоставляемых элементов реальности, а сосредоточивая взгляд на ситуации, делают акцент на взаимосвязях, возникающих в определенных условиях, под действием обстоятельств, ср.: в паремиях *Каков отец, таков и сын; Муж жене пастырь, жена мужу пастырь* выражены константные отношения между субъектами, а в пословицах *Что батюшка лопаточкой сгребал, то сынок тросточкою расшивырял; Три бабы – базар, а семь – ярмарка* – ситуативные.

Само понятие отношений предполагает наличие по крайней мере двух сущностей, между которыми возникают, существуют, меняются или прекращаются взаимосвязи, поэтому отмечающее их сознание может сосредоточиваться на различных ракурсах их наблюдения и оценки. Возможность возникновения нетождественных позиций анализирующих и оценивающих субъектов речи (например, наблюдателя или участника) закономерно обуславливает собой способность паремийного знака корректировать семантику как в денотативном, так и в прагматическом плане. В этом смысле паремия выступает как мерцательный знак.

Эта мерцательность может быть двух типов, каждый из которых по-разному отражается в формальном плане. Сразу стоит подчеркнуть, что обнаружение различий в проявлении упомянутого свойства не означает взаимоисключения его типов.

Одна и та же поговорка в различных условиях употребления способна реализовать и тот, и другой.

Первый тип мерцательности можно охарактеризовать как имплицитированный. Он обусловлен, с одной стороны, иерархическим характером семантической структуры, в принципе обнаруживаемой у любой языковой единицы и делающей возможными процессы расширения или сужения значения, с другой же – отсутствием одно-однозначных отношений между единицами логики и языка, позволяющим по-разному «достраивать» модели отношений тогда, когда лингвистически они не выражены в явной форме. Эти две разновидности мерцательности поговорочного знака объединяет в один тип именно проявленность ее при сохранении константной формы. Проиллюстрируем этот тезис.

О первой разновидности имплицитной мерцательности (без использования термина), по существу, размышлял еще А. А. Потебня. Рассматривая развитие семантики поговорки *Без поджога дрова не горят* (Потебня А.А., 1990: 103), он отмечал возможность соотнесения ее с конкретной ситуацией, в которой для достижения результата важна инициатива субъекта (*зачинщика*), а также применения ее в качестве аргумента реальности причинно-следственных связей вообще. Аналогичный процесс можно увидеть в примерах функционирования поговорки *Суженого <и> конем (на коне) не объедешь*. В. П. Жуков дает следующую семантизацию данной поговорки: «Говорится тогда, когда верят, что жених и невеста предназначены друг для друга, что от своей судьбы не уйдешь» (Жуков В.П., 2004: 320). Ученый подкрепляет толкование пятью примерами использования изречения в литературе XIX–XX вв., полностью соответствующими формулировке значения. Однако обращение к НКРЯ позволяет выявить не только это, но и более широкое значение, то, которое в словаре В. П. Жукова выражено второй частью толкования: ‘от судьбы не уйдешь’ – без обязательной связи с ситуацией вступления в брак: ср.: «*Суженого конем не объедешь*. Сколько этой поговорке лет, столько русский человек понимает: ежели что кому суждено, то уж Провидение не обманешь и судьбу вокруг пальца не объедешь. Это не фатализм, а скорее напротив – стихийный материализм. Русак как в воду глядит: коли ты уголовник по химии своей крови, то утонуть тебе не дано» (НКРЯ: В. Пещух. 2002). Важно при этом подчеркнуть: надо говорить не о диахронической изменчивости значения, а именно о мерцании семантики, поскольку оба значения реализуются в текстах на протяжении столетий.

Вторая разновидность имплицитированной мерцательности поговорки связана со способностью одной и той же синтаксической структуры транслировать различные логические отношения. Особенно часто это реализуется в неполных предложениях. Рассмотрим поговорку *Большому кораблю – большое плавание*. В. П. Жуков определяет ее значение так: «Незаурядному человеку предстоит и большая плодотворная деятельность», а типовую ситуацию употребления описывает следующим образом: «Говорится как напутствие, пожелание тому, кто заслуженно получает возможность проявить свои большие способности» (Жуков В.П., 2004: 49). Однако анализ реальных ситуаций употребления поговорки заставляет согласиться с мыслью о возможности расширения круга прагматических характеристик изречения: а) ‘Незаурядному человеку имеет смысл заниматься только большой плодотворной деятельностью’: «Играть сейчас в бирюльки таким людям, как они, – как-то непристойно. *Большому кораблю большое и плавание*» (НКРЯ: Д. В. Философов. 1927); б) ‘на большую плодотворную деятельность имеет право незаурядный человек’: «По его убеждению, свой корабль нужно “пускать плавать по широкому морю, а не держать его в Фонтанке”, и нельзя на это возражать, что только *большому кораблю – большое и плавание*» (НКРЯ: Ю. И. Айхенвальд. 1910). Кроме того, расширение объема значения поговорки может подкрепляться и уже отмеченной выше схематичностью образа. К примеру, в упомянутой поговорке один из изобразительных элементов формируется за счет семантики прилагательного *большой*. Идея размера легко ассоциируется с

идеей потенциала, однако необязательно субъект должен быть индивидуумом, а потенциал – касаться способностей. Он может интерпретироваться и как потенциал возможностей субъекта, ср.: «он <...> как рассудочно-умный человек инстинктивно глубоко разумел смысл нашей общественной жизни, где люди делились тогда очень ярко на две категории: на “людей больших” и “людей маленьких”... Ну, *большому кораблю большое и плавание*, – а маленькие люди всячески должны остерегаться буйства» (НКРЯ: А. А. Григорьев1862); «Журнал “The Banker” назвал его крупнейшим банком в Центральной и Восточной Европе по величине активов, а рейтинговое агентство “Standard&Poog's” поместило в рейтинг-листе, имея в виду тот же ареал, на первое место по размеру основного капитала. Что ж, *большому кораблю – большое плавание*» (НКРЯ: Борисов В. 2003).

Стоит подчеркнуть, что способность паремии к имплицированной мерцательности ощущается носителями языка, и потому в речи они могут вносить изменения в сам состав паремии, чтобы снизить степень неоднозначности интерпретации высказывания, ср.: «Говорят, что <...> нельзя его (крупного капиталиста – Л.С.) подчинять воле мелких капиталистов, что <...> ему, как *большому кораблю, принадлежит и большое плавание*» (НКРЯ: П. А. Александров. 1893); «*Большому кораблю нужно большое плавание*, а для большого плавания нужен соответствующий простор» (НКРЯ: И. Л. Солоневич. 1949); «Не всегда **бывает** *большому кораблю большое плаванье*» (НКРЯ: А. Болдырев. 1941–1948). В таких случаях имплицированная мерцательность уступает место эксплицитной. Однако об этом типе речь пойдет ниже, а пока добавим еще один штрих к прагматической составляющей семантики пословицы.

Если семантика приведенной выше пословицы предполагает оценку говорящим/пишущим константных или ситуативных отношений со стороны, без включения своей персоны в круг участников отношений, то в употреблении следующей пословицы – *По кривой дороге вперед не видать* – возможна оценка ситуации и «снаружи», и «изнутри». Конечно, в основе мотивации всех интерпретаций окажется образ плохой дороги: ее кривизна является обстоятельством, затрудняющим обзор; не стоит забывать и об отрицательном отношении славян к кривому пути вообще, см. об этом, к примеру, (Архангельская А.М., 2015: 11–12). Но интерпретация семантики будет меняться в зависимости от того, в какой точке ситуации находится интерпретатор. Он может не только констатировать обычность обусловленности негативных последствий негативной же причиной, но и предложить учесть чужой опыт во избежание нежелательных последствий, предостеречь от вхождения в ситуацию вследствие пренебрежения чужим опытом, объяснить поведение наблюдаемого субъекта действия, который осознал закономерность, выявленную другими. Ср. хотя бы два следующих контекста.

В первом из них генерал Ганнибал отказывает старому другу в оказании протекции сыну: «Еще наш незабвенный благодетель Петр Великий говаривал: “По кривой дороге вперед не видать”. Саше же твоему вперед хочется...» (Гейнце Н.Э., 2008: URL). Здесь пословица приводится как объяснение бесперспективности ожидания достижения цели при неверно выбранной неэффективной исходной стратегии. Здесь «идуший по кривой дороге» и оценивающий его возможности – разные люди.

Во втором контексте – «Говорят, *по кривой дороге вперед не видать*. А когда она была у них ровной, дорога-то? Война план покажет, а пока Серый и Алекс собирались в путь. Это было отступление, а не бегство, обычные стратегия и тактика, без паники, смятения и заполошного страха» (Серый и Алекс: URL) – говорит «идуший», паремия просто констатирует вероятность погружения в трудную ситуацию, в которой почти невозможно предугадать последствия. Цель не рассматривается как недостижимая. Выбор и последующую оценку стратегии предлагается осуществлять на ходу.

Второй тип мерцательности реализуется эксплицитно. Он связан с корректировкой значения паремии за счет осознанных манипуляций с ее формой. Результаты

таких манипуляций могут быть как узуальными, так и контекстуальными. К примеру, пословица *Не так страшен черт, как его малюют*, акцентируя внимание на необходимости критического отношения к чужому мнению, преувеличивающему сложность или опасность ситуации ('Не так страшно в действительности, как представляют, как кажется' (Жуков В.П., 2004: 224)), часто фигурирует в эллиптированном виде. При этом не всегда авторы подчеркивают, что используют лишь фрагмент паремии за отсутствием необходимости в полном ее воспроизведении (в подобных случаях указание на незавершенность отмечалось бы многоточием). Скорее, усечение второй части воспринимается как реконструирование изречения, необходимое для переноса акцента на саму констатацию потенциальной преодолительности трудностей, например: «– <...> Силы неприятеля велики <...>. – *Не так страшен черт, ваше высокопревосходительство, – ответил пучеглазый Валленштерн <...>. – Людства у него хоть отбавляй, а регулярной силы весьма мало*» (НКРЯ: В. Я. Шишков. 1939–1945); «*Не так страшен черт?* Сначала придумали видеоигры. Некоторое время спустя возникла проблема их влияния на нестойкую детскую психику» (НКРЯ: Во всем мире. 1997).

В случаях преднамеренной фокусировки внимания на конкретике константного или ситуативного отношения автор речи заменяет логически важную образную номинацию прямым наименованием, ср.: «Верьте практической жилке мистера Куля – *не так страшен коммунист, как его малюют*» (НКРЯ: И. Г. Эренбург. 1921); «*Не так страшен дефицит бюджета, как его малюют политики*» (НКРЯ: Г. Бовт. 1996).

Конечно, мерцательность паремийного знака действует только в пределах сохранения опоры измененной семантики на исходную и прослеживания логических связей между новым и исходным знаком. В случаях, когда обновление формы ведет не просто к изменению, а к принципиальной несовместимости логических структур, паремийные знаки следует квалифицировать как самостоятельные. В частности, существование изречения *Не так страшен черт, как его малютки*, возникшего как результат языковой игры с рассмотренной выше пословицей, вряд ли стоит характеризовать как результат ее эксплицитной мерцательности, поскольку в фокусе внимания оказывается уже не мера качества некой сущности (*черт*), а мера ее значимости, ср.: «– Говорят, *не так страшен черт, как его малютки*. Вот вы уже себе и смену нашли. – Кого это? – спросил Стрельцов <...>. – А вот этого грошового Яго. <...> Он, я вижу, вполне понял свою роль у вас и что вам от него надо» (НКРЯ: Ю. Домбровский. 1951–1956); «– *Не так страшен черт, как его малютки*, – повторил Молчанов <...> свою излюбленную фразу. – Эпигонство – нелепейшая вещь» (НКРЯ: К. Левитин. 1987).

Несмотря на то, что формальная переключка двух паремий в данном случае вполне очевидна, так же очевидна и самостоятельная жизнеспособность игровой паремии, обусловленная использованием в ее структуре градационно-сопоставительного разговорного союза *не так ..., как* для формирования простого, а не сложного предложения.

Судя по всему, данная паремия довольно позднего происхождения. По утверждению П. Алешковского, автором ее является Н. С. Лесков: «Невесть как на бумагу затесалось любимое дедом изречение Лескова: “*Не так страшен черт, как его малютки*”» (НКРЯ: П. Алешковский. 1997–1998). НКРЯ дает как текст наиболее ранней письменной фиксации рассказ писателя «Зимний день». В одном из двух случаев употребления этой фразы персонаж называет ее *русской пословицей*: «– Но зачем же у него эта несносная пронизательность и для чего он так толкует, что будто ничего не нужно? – А это скверность, но я успокоиваю себя твоею русскою пословицей: “*Не так страшен черт, как его малютки*”» (НКРЯ: Н. С. Лесков. 1894).

Независимо от того, считать ли данный трансформ авторским, необходимо указать, что сама по себе структура реализована в составе других русских пословиц,

ср. в сборнике В. И. Даля (хотя и с маркировкой *малороссийск.*) – *Не так барин, как барчата (надоедают)*; в сборнике В. П. Аникина – *Не так беды, как победы губят* (Аникин В.П., 1988: 226).

Примечательно, что использование союза *не так...*, как именно в структуре простого предложения оформляет в пространстве современной языковой игры ряд так называемых антипословиц: *Не так страшен Билл, как его Клинтон; Не так страшен Бонч, как его Бруевич; Не так страшен Карлсон, как его пропеллер; Не так страшен Скуратов, как его малюты; Не так страшен нудист, как его зануда* (Вальтер Х., 2005: 547). В то же время со структурой сложного предложения отмечается только две единицы: *Не так крут Брут, как его малюют; Не так страшна порой болезнь, как ее малюет врач, которого мучает жажда наживы*.

Естественно, не любые изменения формы паремии имеет смысл характеризовать как эксплицитное мерцание паремийного знака. Так, в «Большом словаре русских пословиц», учитывающем материалы 317 русскоязычных и 28 иноязычных лексикографических источников, зафиксированы устойчивые фразы *Яйца курицу не учат, Яйца курицы не учат, Яйца кур не учат, Яйца курицу учат* (Мокиенко В.М., 2010: 1016), *Курицу яйца не учат, Курицу да яйца учат* (Мокиенко В.М., 2010: 466). В этих реализациях использование нетождественных словоформ *курицу, курицы, кур*, а также последовательность расположения существительных не оказывают существенного влияния на семантику паремии. Важным является только наличие или отсутствие отрицания.

Литература

1. Архангельская, А.М. Семантика ДОРОГИ во фразеологии славянских языков: соотношение сакрального и профанного // Opera Slavica. – 2015. – № 4. – С. 3–17.
2. Вальтер, Х., Мокиенко, В.М. Антипословицы русского народа. – СПб.: Изд. Дом «Нева», 2005. – 576 с.
3. Гейнце, Н.Э. Генералиссимус Суворов. – М.: Вече, 2008. – 470 с. – Режим доступа: <http://detectivebooks.ru/book/25684777/?page=12>.
4. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – 11-е изд., стереотип. – М.: ООО «Русский язык – Медиа, 2004. – 539 с.
5. Мокиенко, В.М. Никитина, Т.Г., Николаева, Е.К. Большой словарь русских пословиц. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010б. – 1024 с.
6. НКРЯ: Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: ruscorpora.ru/.
7. Пермьяков, Г.Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). – М.: Наука, 1970. – 240 с.
8. Потенция, А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка // Теоретическая поэтика. – М.: Высш. школа, 1990. – С. 98–111.
9. Русские пословицы и поговорки: Сборник / Под ред. В.П. Аникина. – М.: Художественная литература, 1988. – 431 с.
10. Серый и Алекс, или Вперёд в прошлое-2 // Книга фанфиков. – Режим доступа: <https://ficbook.net/readfic/5959642/15301294>.

Summary. Proverbial semantics shows itself through a specific flickering. It is an effect of both: particular features of a signifier, and a user's attitude. We can differentiate between two types of flickering – an implied one, and an explicit one. The limit of flickering of a proverbial sign reveals itself in the formal changing of the initial saying, which destroys its habitual logical connectivity.

Key words: proverbial sign, discourse, flickering, context, proverbial semantics.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В КИТАЙСКОЙ ЛИРИКЕ: ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИАЛОГУ СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Г.В. Стручалина

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
struchalina@bsu.edu.ru

Китайская цивилизация даёт миру пример уникальной текстовой преемственности, осуществляющейся в течение трёх тысячелетий. Приблизительное понятие о значимости этого явления и специфике можно составить, зная интертекстуальную судьбу библейских текстов, их роль в формировании мировоззрения наций, культур, искусств и языков народов Старого и Нового Света.

Однако сакральность древних китайских текстов принципиально иная, нежели текстов библейских, представляющих хронику исторического и духовного становления этноса в его взаимоотношениях с Творцом.

Древнейшие и постоянно так или иначе цитируемые памятники китайской письменности относятся к периоду синкретизма ритуала и этико-философской мысли, этим объясняется их основная функция – восстановление утраченной в результате развития цивилизации первичной космической гармонии.

При этом поэзия, что подтверждается надписями на бронзовых сосудах (X – VIII вв. до н.э.), ещё до «Пятикнижия» («У-цзин»), становится эталоном формы и содержания текста. Семантическая насыщенность, ритм, музыкальность, фонетическая и знаковая выразительность, синтаксическая и образная организация, основанная на параллелизме, и, одновременно, архаика, почитаемая как основа гармонии, создают предпосылки для включения именно текстов такой организации (ритуальных ли, чисто поэтических ли, исторических, философских или гадательных) в число канонических, на которых следует воспитывать образованный класс, а через него – и весь народ в целом.

Коллекции поэтических текстов, восходящих к народным песням, ритуалам и жертвоприношениям составили основу для одного из наиболее значимых памятников древности – «Книги песен» («Ши-цзин»), входящей в «Пятикнижие», которое – в целом – одновременно является и памятником глубоко конфуцианским не только по автору-составителю, но по духу.

Конфуцианство – идеология государственного мышления. Не удивительно, что уже во втором веке до н.э. китайский император Цао Пи, обладавший литературным дарованием и, как большинство просвещённых людей, развивавший свой дар, высказывается следующим образом: «Литературное сочинение есть большое дело в управлении государством» (Гольгина И.К. 2008: 76).

Но, кроме того, конфуцианство – идеология, в которой утверждается культ почитания предков: от семейного почитания живых и ушедших старших родичей до оказания памятных почестей любым предшественникам и старшему поколению вообще.

В литературе, в частности, в поэзии это почтение выражается в формировании культуры аллюзий, скрытого или явного цитирования, перепевов на темы, близкие авторам, философского диалога с поэтами былых времён, в котором читателю, чтобы осознать глубину мысли, необходимо быть столь же эрудированным и начитанным, сколь и автор. При этом у читателя – своя, особая позиция, которую можно обозначить словами М.М. Бахтина: «Понимающий неизбежно становится *третьим* в диалоге» (Бахтин М.М. 1986: 322).

Всё это породило особый тип фразеологических выражений в китайском языке – чэньюи ('готовые речения'), неким условным подобием которых могут быть наши «крылатые слова и выражения».

Чэньюи кратки и афористичны, многие составляют не более 4-5 слогов (слов), что позволяет гибко и разнообразно интегрировать их в новые тексты и речевые высказывания. При этом весьма часто у носителей языка сохраняется отождествление того или иного речения с его источником – классическим литературным произведением.

Бывает, что чэньюи настолько прочно входят в обиход, что ассоциации с конкретным автором и произведением, из которого они пришли, почти или полностью утрачиваются, выражение становится фразеологическим сращением в привычном нам понимании этого термина, речевым клише, стилистическим клише. Но и в таком виде оно – важная часть поэтических текстов (сравним, для примера, формулы: *месяц ясный, синее море* в сказочной поэзии А.С. Пушкина – умелая стилизация колорита народной сказки).

Случается, что благодаря таким фраземам, как лингвокультурным компонентам, формируется или пополняется тот или иной концепт.

Рассмотрим на примере.

В древней китайской картине мира, ещё до проникновения в Китай буддизма, существовало понятие «*тяньди*», внутри которого постепенно происходило сращение двух отдельных слов, его компонентов (天地 ‘Земля и Небо’). Обозначало это понятие мироздание, космос и всё, что в нём, измеряемое временем и пространством.

Согласно мифам, первичный целостный хаос некогда был разделён на две составляющие – Небо и Землю. Небо со временем стало воплощать вневременной вечный закон, а Земля – мир природный и человеческий, с его изменчивостью и законами, принятыми в человеческом сообществе. Таким образом, это Вселенная законов, живущая по определенным правилам.

Небо безучастно, совершенно и постоянно. Земля – не место греха и изгнания, как представляется в религиозной картине мира, а диалектический контргруз, без которого невозможна космическая гармония. Отсюда идиома 天地之別 *тяньди чжи бе* – ‘огромная разница’ (как между Небом и Землёй).

В философской концепции Сюнь-цзы (IV – III вв. до н.э.) этот универсум расширяется до трёх констант – Небо, Земля и Человек. В его трактате («Сюнь-цзы») видим пример обращения с устойчивым сочетанием слов *тянь ди, которые ещё можно трактовать как однородные члены предложения*: «星队木鸣, 国人皆恐。曰: 是何也? 曰: 无何也! 是天地之变, 阴阳之化, 物之罕至者也» – «Падение звезд и шум деревьев внушают людям страх. Спрашивают: что это такое? Отвечаю: ничего особенного. Это изменения, происходящие на небе и на земле. Они вызваны сменой сил инь и ян. Такие явления бывают редко» (пер. В.Ф. Феоктистова) (Древнекитайская философия 1973: 171)

Но постепенно «*тяньди*» обретает философскую и семантическую целостность – это, прежде всего, китайская или паназиатская Вселенная, ограниченная рамками картины мира азиатского субэтноса, в центре которой – носитель языка и определённой философии, а в пограничье – чужое, варварское, непознаваемое, не подчиняющееся законам.

Учения даосизма, буддизма, накопленные научные знания со временем расширяли и углубляли понятие, границы его и аллюзийное наполнение изменялись, но само представление как о замкнутой системе сохранилось до наших дней, трансформировавшись в переносное значение – ‘сфера, область (деятельности, исследований и т.п.)’.

Китайские интеллектуалы (и традиция сохранялась до середины XX века), будучи философами, были и поэтами, а будучи поэтами, не могли не быть философами. Следовательно, корпус цитируемых ими текстов предшественников и уважаемых современников в обязательном порядке включал фрагменты как строго философского, так и лирико-философского характера.

У Ли Бо, одного из ярчайших лириков эпохи Тан (701 – 762/763 гг.) в стихотворении «Вопрос и ответ в горах» («山中问答») читаем:

问余何意栖碧山 Спросили меня, почему, словно одинокая птица, живу на Нефритовой горе.

笑而不答心自闲 Улыбнулся, да не ответил. В сердце своём – свободен.

桃花流水杳然去 Цветы персика струящаяся вода увлекает в неведомую даль.

别有天地非人间 Есть и другой мир, не [только] среди людей.

Мы сознательно прибегли к составлению подстрочника, чтобы яснее передать грамматическое и семантическое своеобразие текста и его компонентов.

В данном стихотворении сращение тяньди используется в качестве номенасуществительного со значением ‘место, мир, страна, край, миропорядок’. Вместе с относящимися к нему лексемами оно стало использоваться как чэньюй и в настоящее время широко известно.

Пример современного использования фразеологического выражения 别有天地бе ю тяньди – ‘совсем иная страна, другой мир, новые перспективы’: 石门打开,叶荣毫无畏惧的大步踏入,里面别有天地,是一间敞亮的大厅。Каменные створки открылись, Е Жун без тени страха вошёл широким шагом; внутри оказалось нечто совершенно иное – просторный и светлый зал (太湖霸王 «游之青城剑仙», роман «Мастер онлайн-меча с горы Цинчэн» сетевого автора с псевдонимом Тайху Баван (Великий князь града Тайху)).

Сам же Ли Бо вступает в литературный диалог со знаменитым предшественником, поэтом Тао Юаньмином (317- 420 гг.), автором поэмы «Персиковый источник» («桃花源记»).

В поэме описывается, как некий рыбак, проплывая по реке через незнакомый ему лес цветущих персиковых деревьев, осыпавших берег и воды лепестками своих цветов, в конце концов, добрался до истока, а за ним обнаружил горную пещеру – вход в потаённую страну, затерянный мир, где потомки некогда бежавших от притеснений с «большой земли» наслаждаются мирным трудом, изобилием, порядком и совершенно счастливы.

Пробыв там несколько дней, рыбак вернулся в родные места. И сколько потом он и другие люди не искали путь в таинственный рай на земле, найти так и не смогли.

Выражение 桃花流水 тао хуа лю шуй (персиковые цветы, струящаяся вода) создаёт образную переключку не только с поэмой Тао Юаньмина и его биографией (поэт много лет прожил отшельником, воспевая радости простого труда и красоту природы), но и презентует типичный весенний пейзаж как приметку классической поэзии, создавая лёгкий эффект узнаваемости и постоянства, с давних пор ценимый восточным читателем.

У современника и друга Ли Бо, поэта Ду Фу (712 – 770 гг.) тональность стихотворений несколько драматичнее и даже трагичнее; и здесь мы тоже находим «тяньди», которое можно трактовать и как сращение и как устойчивое сочетание слов (весь мир / небо и земля):

飘飘何所似? 天地一沙鸥。Летящего по ветру, куда принесёт? Во всём мире / между небом и землёй – [только] одна песчаная чайка. («旅夜书怀», «Плыву в ночи, все помыслы о книге»).

Стихотворение написано поэтом в конце жизни, в нелёгкое время болезни, разочарований и потерь. Здесь Ду Фу сравнивает себя со свободной, но одиноко парящей в пустынном ночном пейзаже бесприютной чайкой.

Выражение 天地一沙鸥 тяньди и ша оу (одна песчаная чайка между небом и землёй) также стало чэньюем. На наш взгляд, трагичный контекст не позволил этому фразеологизму выйти за рамки литературной среды, в сферу повседневной коммуникации. Однако для выражения нашлась определённая ниша – название произ-

ведений. Так, выражение *тяньди и ша оу* неоднократно заимствовало для названия песен авторы современных популярных композиций.

Но мы хотим обратиться к ещё одному случаю его применения: как примеру философско-поэтического диалога между двумя цивилизациями – Запада и Востока. Именно это выражение было выбрано в качестве варианта названия для переводов на китайский язык повести Р. Баха «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» (переводчики Чэнь Цандо (陈苍多), Цзинь Цзяхуа (金家骅) и др.).

Какие ассоциации вызывает такое название? Нам думается, ассоциации с даосским мировосприятием.

Ду Фу изучал даосское учение, – тематика и аллюзии его произведений указывают на это, – он много читал, посещал даосские святыни, встречался с даосскими монахами и отшельниками, дружба и общение с Ли Бо, который вдохновенно исповедовал это учение, не могли не оказать на поэта глубокого влияния, хотя и не сделали его убежденным даосом.

Рядовой китайский читатель, которому со школьной скамьи известны классические стихи, романы и чэньюи, бытующие в литературной среде, благодаря им и общекультурной эрудиции знаком с ореолом, сложившимся вокруг даосского учения и проявившимся в штампах: достижение бессмертия в ходе личностного совершенствования, становление от ученика – к великому учителю, создание своей собственной школы, овладение скрытыми техниками, в том числе полёта и перемещения тела на огромной скорости, – всеми этими качествами обладают даосские персонажи в китайской литературе.

Лирические герои старинной китайской поэзии, а также и собственно поэты ведут аскетичный отшельнический образ жизни, странствуют в горах, сплаваются по рекам, общаются с простым народом и, странствуя, находят себе духовных учителей или же уединённое место для самосовершенствования.

Повесть-притча Р.Баха для западного читателя может быть христианской книгой, но китайский переводчик чувствует её необыкновенное родство с национальными философией и культурой. Остаётся лишь помочь соотечественникам увидеть это, поместив при помощи названия и читателя, и созданного американским автором крылатого героя в одну Вселенную-концепт – «Тяньди».

Таким образом, даже на небольшом примере, мы видим, как реализуется диалогический коммуникативный потенциал литературных фразеологизмов, при помощи которого удаётся обеспечивать преемственность, упорядочение, сохранение и приумножения традиционных культурных и языковых доминант.

Литература

1. Бахтин, М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа. // Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г.Бочаров; Текст подгот. Г.С.Бернштейн и Л.В.Дерюгина; Примеч. С.С.Аверинцева и С.Г.Бочарова. – Изд.2-е. – М.: Искусство, 1986. – С. 297-325, 421-423 (прим.).
2. Бежин, Л. Ду Фу. [Электронный ресурс]. – URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%91/bezhin-leonid/du-fu> (дата обращения 10.01.2019).
3. Голыгина, К.И. Изыщная словесность (вэнь) / К.И. Голыгина // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л.Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006. – Т. 3. Литература. Язык и письменность / ред. М.Л.Титаренко и др. – 2008. – С. 76-78.
4. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т.2 / Сост. Ян Хин-Шун. – М.: Мысль, 1973. – 384 с. (АН СССР, Ин-т философии. Философ. наследие).
5. Кравцова, М.Е. Вэнь и начало формирования китайской поэзии / М.Е. Кравцова // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л.Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006. – Т. 3. Литература. Язык и письменность / ред. М.Л.Титаренко и др. – 2008. – С. 28-35.

Summary. Chinese civilization gives the world an example of a unique textual continuity, which is carried through over three thousand years. "Set phrases" of Chinese literature, traditional Chinese idiomatic expressions, are considered the collected wisdom of the Chinese culture. The article deals with the inner potential of literary phraseological units (cheng-yu), with the help of which it is possible to ensure continuity, ordering, preservation and enhancement of traditional cultural and linguistic dominants.

Key words: Chinese culture, Chinese lyrics, Confucianism, idiom, allusion, cultural dominant.

ТРАНСФОРМИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В БЫТОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

И.Ю. Третьякова

Россия, г. Кострома, Костромской государственной университет
trirfr@mail.ru

Когнитивно-прагматическое направление в языкознании включает в себя широкий круг исследований процессов категоризации, концептуализации и вербализации человеком окружающего мира, связей когнитивных процессов с разнообразными лингвокультурными реалиями и ситуациями, процессов порождения и понимания языка в речевой коммуникации. Когнитивно-прагматический аспект изучения фразеологии предполагает также рассмотрение вопросов об интенциях носителей языка, употребляющих фразеологические единицы (далее ФЕ) в речи, о прагматической составляющей фразеологического знака, о специфике коммуникативных ситуаций и самих коммуникантов, в речи которых употребляются фразеологизмы и др. (Алефиренко, 2007: 114–146). Прагматика исследует язык «в действии», отношения между языковой формой и использованием языка; в данной работе освещаются вопросы, связанные со спецификой бытовой сферы общения, оказывающей влияние на функционирование ФЕ в преобразованном виде – как окказиональных вариантов языковых фразеологизмов (ОВЯФ), так и окказиональных фразеологизмов (ОФ). В частности, затрагиваются вопросы обусловленности фразеологических трансформаций особенностями бытовой сферы, коммуникативной ситуации (внутренних и внешних факторов), авторских интенций, языковой и коммуникативной компетентностей носителей языка.

В бытовой сфере речевая коммуникация характеризуется устной формой, диалогичностью, непосредственностью общения, неподготовленностью, спонтанностью, автоматизмом; существенно увеличена доля фатической речи, речевое общение диалогизировано, как правило, общение происходит в быстром темпе (в сравнении с письменной речью), говорящие не всегда контролируют правильность речи и формы выражения своих речевых намерений. Конкретные ситуации речевого общения обладают чертами, характерными для всей бытовой сферы, и эти черты являются факторами, обуславливающими выбор языковых средств при построении и реализации речи, в данном случае – создание окказиональных вариантов языковых ФЕ или окказиональных фразеологизмов.

1. В разговорной сфере, не являющейся институциональной, носители языка, свободно общаясь, используют любые средства языка, необходимые для исполнения самых разных замыслов; к таким средствам относятся ФЕ, в том числе трансформированные. Круг целей, интенций говорящих достаточно широк и включает выражение оценки, чувств, характеристик лиц, процессов, явлений обиходной среды и – шире – окружающего мира, что обуславливает использование в речи фразеологизмов, обладающих образностью, экспрессивностью, оценочностью. Трансформации ФЕ в разговорной речи как раз чаще всего направлены на усиление степени проявления экспрессивности ФЕ.

Также особенностью разговорной речи является её эллиптичность, и эта черта проявляется при трансформации языковых фразеологизмов – сокращении компонентного состава.

2. Важным фактором, влияющим на процесс трансформации фразеологизмов, является устный характер речи, в условиях которого существенно увеличивается скорость процесса организации (порождения) высказывания. Увеличение скорости речи становится объективным фактором, затрудняющим трансформации фразеологизмов в диалоге. Говорящий – автор окказионального фразеологизма или окказионального варианта языкового фразеологизма – должен успеть проанализировать качество языковой ФЕ на предмет уместности, достаточности, полноты выражения мысли, убедиться в необходимости «улучшения» фразеологизма посредством трансформации, произвести трансформацию языковой ФЕ и включить трансформ в высказывание, не нарушая существенно темпа и ритма речи. В таких условиях коммуникант использует элементарные приёмы окказионального преобразования языковых ФЕ: замену, расширение, сокращение компонентного состава.

3. Важную роль в процессе создания и понимания ОВЯФ и ОФ играет коммуникативная и языковая компетентность носителей языка. Говорящий должен уметь производить трансформации языковых ФЕ. Подавляющее большинство носителей языка обладает навыками совершать несложные манипуляции с единицами языка – составлять сочетания слов, увеличивая или уменьшая их компонентный состав, заменять компоненты. Поскольку ФЕ – это также в основном сочетания слов, постольку говорящие без особых затруднений производят трансформации ФЕ посредством элементарных приёмов окказионального преобразования.

Другие приёмы – механистически более сложные (контаминация в различных видах, вычленение ключевого слова, синтаксическое моделирование и др.) – требуют большей компетенции во владении механизмами трансформации единиц языка, а потому редко используются в бытовой речи.

С другой стороны, опыт трансформаций ФЕ должен иметь и слушающий, в задачи которого входит восприятие и понимание преобразованного фразеологизма. Адресату речи необходимо (1) связать нетрадиционную единицу с языковой ФЕ, то есть установить деривационную связь с инвариантным фразеологизмом, ставшим основой для трансформации, «опознать» языковой фразеологизм, мысленно представить его в языковой форме и традиционном значении, (2) сравнив языковую ФЕ и трансформ, установить сходство и различие в их форме и содержании, понять смысл трансформированной ФЕ, (3) интерпретировать новый фразеологический смысл в соответствии с общим смыслом фразы – контекста – текста – ситуации. Как правило, слушающий обладает компетентностью интерпретации значения ОВЯФ и ОФ, однако если адресат находится в ситуации устной коммуникации, то полноценное понимание смысла преобразованной ФЕ в конкретной ситуации общения напрямую зависит от несложности этого преобразования; в разговорной речи ОВЯФ и ОФ создаются в основном элементарными способами.

Анализ языкового материала позволил сделать следующие выводы и представить в качестве иллюстраций контексты с функционирующими в них трансформированными фразеологизмами (заметим, что иллюстративный материал в целях репрезентативности исследования отбирался только из «живой» речи).

Активный коммуникант, исходя из условий организации речи в устной форме, в стремлении обеспечить понимание со стороны слушающего использует несложные и даже привычные способы и средства трансформации ФЕ: сокращение, расширение, замену компонентного состава. При этом интенции говорящего направлены на лаконизацию речи, на интенсификацию признаков и действий, реже – на конкретизацию, на экспликацию значения фразеологизма.

1. Одним из самых распространённых в разговорной сфере является приём сокращения компонентов ФЕ. Данный процесс обусловлен общей лаконизацией раз-

говорной речи. При организации высказывания «не договаривается», опускается один из компонентов (трёх и более-компонентной) ФЕ; при этом опущенный компонент легко восстанавливается слушающим при правильной интерпретации смысла высказывания

ФЕ *искры из глаз посыпались*: – Ну, я вчера так с велосипеда долбанулся, прямо *искры из глаз*!

ФЕ *ищи ветра в поле*: – А где Валька? – У-у-у, с утра нет. *Ищи ветра*, хорошо, если к ночи вернётся.

2. В разговорной коммуникации изменения языковых фразеологизмов часто осуществляются посредством расширения их компонентного состава. Такие преобразования ФЕ обычно имеет целью интенсификацию характеризуемого признака либо действия, при этом в состав единиц вводятся компоненты со значением неопределённого количества: подложить *большую* свинью, *слишком* мелкая сошка, набить *много* шишек, в *полном* ажуре, наломать *много* дров и др. Оперирование словами категории множества является важным для количественной оценки; кроме того, это умение не представляет большой сложности для носителей языка.

ФЕ *наломать дров*: – Да, деточки, *много* дров вы *наломали*, как теперь из этой ситуации выпутываться, уж и не знаю.

ФЕ *мелкая сошка*: – А что я? Меня разве кто-нибудь когда-нибудь слушает? Нет, *слишком* *мелкая сошка*, чтоб слушать.

Намного реже расширение производится с целью конкретизации значения ФЕ, «привязки» фразеологизма к конкретной ситуации.

ФЕ *на авось*: – Что там опять? – Газ рванул в районе. В частном секторе. – Поди ж, баллон как попало прикрутили. Ох, это *наше русское* «авось»!

ФЕ *плясать под дудку*: – Не любит она невестку. – И правильно. Сынок-то *под женину дудку пляшет*, вот ей и не нравится.

Расширение компонентного состава языковых ФЕ может приводить к частичной или полной экспликации значения, когда использование в качестве окказиональных компонентов слов, напрямую передающих (эксплицирующих) значение ФЕ, происходит с целью «прояснения» значения косвенно-номинативного знака.

ФЕ *изобретать велосипед* ('создавать *заново* что-либо давно открытое, общеизвестное'): – Смотри, что я придумала, чтобы шнур вот здесь держался! – Ага, *заново велосипед изобретать*. Просто возьми изолентой обкрути, и всё будет как надо.

Такие трансформации не являются частотными, что на наш взгляд, объясняется следующим: в разговорной речи используются в основном фразеологизмы «бытового» происхождения, с понятными для коммуникантов значением и формой, не требующими специального объяснения. Введение окказиональных компонентов-экспликаторов в отдельных случаях можно отнести не к целенаправленному процессу, а к речевой избыточности, свойственной разговорной речи.

3. Достаточно часто в разговорной речи используется приём замены компонента ФЕ, причём коррелирующие компоненты обычно находятся в системных отношениях синонимии, антонимии, гипонимии либо являются членами одной тематической группы, что обуславливает относительную простоту замены компонента ФЕ и понимания ОВФ и ОФ.

Замене может подвергаться компонент-квантитатив при увеличении или уменьшении количественного значения, при этом трансформации направлены на интенсификацию характеристик признаков, процессов.

ФЕ *седьмая вода на киселе*: – У нас в Москве тоже родственница живёт, но так, *десятая вода на киселе*, мы к ней и не ездим.

При замене в качестве окказиональных компонентов используются слова, семантически сходные с языковым компонентом, при этом интенции говорящих могут быть разными.

ФЕ *держать камень за пазухой*: – Не люблю таких людей. Зачем *прятать камень за пазухой*? Скажи прямо, что не нравится, чем не доволен.

ФЕ *стреляный воробей*: – Он у нас *попугай стреляный*. И кошка его чуть не съела, и из окна выпал, но ничего, живёт и здоровствует.

Следует заметить, что многие варианты фразеологизмов – при условии частотности употребления – из окказиональных переходят в языковые и фиксируются в словарях. См., к примеру, ФЕ *вылетать [выскакивать, улетучиваться] из головы* (Фразеологический словарь русского языка, 1986: 97).

Изучение различных факторов, оказывающих непосредственное влияние на трансформацию фразеологизмов в бытовой коммуникации, вызывает научный интерес и в сопоставительном аспекте, так как в других сферах (художественной, рекламной, политической) выявляются существенные различия в создании, использовании, восприятии и понимании фразеологических единиц, трансформированных разными способами.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография. – М.: ООО Изд-во «Элпис», 2008. – 271 с.

2. Мелерович, А.М., Мокиенко, В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М.: Русские словари, 1997. – 864 с.

3. Фразеологический словарь русского языка: под ред. А.И. Молоткова. – М.: Изд-во «Русский язык», 1986. – 544 с.

Summary. The article is devoted to the study of the transforming peculiarities of phraseological units in everyday communication. The research defines the extralinguistic factors influencing the transforming processes of phraseological units and the perception of transformed units by recipients of speech. The examples of phraseological transformations determined by various authors.

Key words: phraseological transformation, pragmatics, phraseological unit, language competence, occasionalism, colloquial speech, addressee.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИИ В ДИСКУРСЕ

Т.Н. Федуленкова

Россия, г. Владимир, Владимирский государственный университет
fedulenkova@list.ru

Дискурсные трансформации фразеологии давно привлекают внимание лингвистов как богатый языковой материал для исследования окказиональных изменений фразеологических единиц (Федоркина Е.А., 2006). В дискурсе фразеологические единицы далеко не всегда используются в той форме, в которой они представлены в словарях. Очень часто фразеологизмы подвергаются окказиональным стилистическим преобразованиям, под которыми мы понимаем уникальную стилистически окрашенную актуализацию ФЕ в речи, результатом которой являются некоторые изменения формы и значения ФЕ, определяемые контекстом (Кунин А.В., 1976: 103). При окказиональном употреблении ФЕ создается дополнительная стилистическая и смысловая информация по сравнению с исходной формой. Окказиональное использование ФЕ представляет собой закономерное явление речевого процесса, стилистически значимое отделение от языковой нормы. При окказиональном использовании ФЕ не теряет своей идентичности, а лишь изменяет свою стилистическую окраску и оттенки значения, подстраиваясь таким образом к требованиям ситуации дискурса (Кунин А.В., 1969: 71).

Для достижения определенного стилистического эффекта наиболее часто используются следующие приёмы окказионального преобразования фразеологических единиц в дискурсе.

Во-первых, это развёрнутая фразеологическая метафора, суть которой заключается в развёртывании образа, положенного в основу фразеологизма, при помощи одного или нескольких его образных компонентов (Fedulenkova T., 2015: 234).

Изучение фразеологии художественного текста показывает, что развёрнутая фразеологическая метафора является одной из самых частотных моделей дискурсного преобразования фразеологических единиц. Главной отличительной чертой такой метафоры является развёртывание фразеологического образа, т.е. мы имеем дело не с обычной одиночной метафорой, а с цепочкой образов, создающих в своей совокупности связанные ассоциативные метафоры, покрывающие значительные отрезки текста. Такой отрезок текста способен значительно варьироваться по объёму. Развёрнутая метафора может развиваться в рамках одного абзаца, одной главы, а может покрывать весь текст обширного литературного произведения. В последнем случае, как правило, развёрнутому метафорическому переосмыслению подвергаются ФЕ, используемые в заглавии. При этом образ развивается, наполняется новым содержанием, и фразеологическая единица, пронизывая текст и соединяя различные части текста в одно целое, выполняет коннективную функцию.

Во-вторых, это фразеологическая игра слов, стилистический эффект которой заключается в отношении между ФЕ и свободным словосочетанием с буквальными значениями компонентов. В лингвистической литературе можно встретить различные наименования данного приёма, к примеру, «игра слов», «буквализация», «двойная актуализация» (Кунин А.В., 2005: 60). Термин «двойная актуализация» считаем наиболее подходящим, поскольку он отражает качественную дуалистичность, двусторонность данного приёма преобразования фразеологизма в дискурсе.

В практике дискурса сущность приёма игры слов состоит в сопоставлении и противопоставлении переносного и буквального значений составляющих ФЕ компонентов. При этом естественное наличие у каждого фигурального компонента прямого значения делает все фразеологические единицы потенциальными объектами приёма буквализации в конкретном тексте. Такой авторский прием иногда называют двукратной экспозицией (Naciscione A., 2001: 90). Игра слов создаёт неожиданный семантический сдвиг, т.к. фразеологическая единица одновременно воспринимается и как комбинация слов с прямыми значениями. При помощи сопоставления переносного и прямого значений проявляется семантическая структура ФЕ и ее образ. Идентификация двойной актуализации представляет собой процесс деметафоризации, в результате которого ФЕ обращается в свободное сочетание слов, не обладающее так называемым вторым дном, характерным для непреобразованного фразеологизма.

В художественном и политическом дискурсе стилистический приём двойной актуализации часто служит для создания комического эффекта, основанного либо на буквальной интерпретации компонентов фразеологизма как таковой, либо на непонимании, возникающем вследствие восприятия одним коммуникантом прямого, а другим – переносного значения фразеологизма.

В-третьих, разрыв фразеологической единицы, который определяется как разъединение ФЕ словом, переменным словосочетанием или другим фразеологизмом с целью создания нового стилистического эффекта при неизменном количестве компонентов. В своем узуальном варианте фразеологизм сохраняет структуру, оставаясь синтаксически и семантически целостным. Но в дискурсе, в соответствии с требованиями речевой ситуации, ФЕ может подвергаться разрыву, создающему своего рода намеренную прерывистость структуры.

Лингвистами подчеркивается парадоксальность как образования фразем (Alerfirenko N., Dekatova K., 2018: 14), так и приёма дискурсного преобразования фразеологической единицы. Так, в своей книге А.С. Начисчионе отмечает, что разрыв разделяет ФЕ, обеспечивая в то же самое время её целостность, достигаемую стилистическими и семантическими средствами. При этом первая часть фразеоло-

гизма приобретает текстуальную метонимическую функцию: часть используется вместо целого, облегчая актуализацию фразеологического образа в памяти читающего или слушающего (Naciscione A., 2001: 92). Разрыв ФЕ может встречаться в рамках одного предложения, но часто выходит за его пределы, охватывая следующее предложение или несколько предложений. Наиболее общим способом создания разрыва является использование вводных конструкций. Часто разрыв фразеологизма приводит к ретардации, т.е. к замедлению процесса восприятия и понимания текста (Fedulenkova T., 2015: 239).

С другой стороны, важно дифференцировать понятия разрыва и вклинивания. Под вклиниванием понимаем включение в состав ФЕ слов, переменных сочетаний слов или других фразеологизмов в данном речевом акте (Кунин А.В., 2005: 86). Основное отличие вклинивания от разрыва состоит в том, что при вклинивании новые компоненты становятся органической частью преобразованной фразеологической единицы, частью её семантической структуры, сужая, расширяя или уточняя её значение. В случае же разрыва фразеологизм полностью сохраняет компонентный состав, изменяясь лишь структурно и семантически.

В-четвертых, фразеологическая аллюзия, понимаемая как использование в тексте лексем, являющихся эксплицитными носителями образа ФЕ и прямо или косвенно указывающих на неё. При этом эксплицитные компоненты выполняют метонимическую функцию, являясь своеобразным связующим звеном между данной дискурсивной ситуацией и ФЕ. Фразеологическая аллюзия раскрывает когезивный потенциал, внутренне присущий ФЕ, поскольку один или несколько компонентов ФЕ вызывают ассоциации со всей фразеологической единицей.

Вполне очевидно, что фразеологическая аллюзия является одним из наиболее сложных приёмов окказионального преобразования ФЕ. Так как в дискурсе ФЕ никогда не бывает представлена базовой формой, то для её адекватного понимания необходимо обладать достаточными лингвистическими знаниями и языковым чутьём, чтобы иметь возможность извлечь из долговременной памяти информацию, необходимую для идентификации ФЕ. Поэтому фразеологическая аллюзия может вызывать определённые трудности в восприятии текста. Но при верной интерпретации этот приём обеспечивает значительный стилистический эффект, выполняя связующую функцию и выступая в качестве интенсификатора внутритекстовых семантических связей ФЕ.

Литература

1. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Дубна: Изд. центр «Феникс+», 2005. – 488 с.
2. Кунин, А.В. О стилистическом контексте во фразеологическом ракурсе // Сб. науч. тр. Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза. – М., 1976. – Вып. 103. – С. 103-126.
3. Кунин, А.В. Основные понятия фразеологической стилистики // Проблемы лингвистической стилистики. – М., 1969. – С. 71-75.
4. Федоркина, Е.А. Фразеология в художественном дискурсе Е.И. Носова: автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Курск, 2006. – 18 с.
5. Alerfirenko, N., Dekatova, K. Cognitive-Semiological Paradoxes in Formation of Phrasemes as the Indirect-Derivative Marks // Modern Phraseology Issues / Ed. T. Fedulenkova. – Arkhangel'sk, 2018. – Pp. 14-19.
6. Fedulenkova, T. On the Instantial Use of Phraseological Units. Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse by Anita Naciscione, 2010, Amsterdam: John Benjamins, viii +292 pp., 978 9-027-21176-7 // European Journal of English Studies. 2015. Vol. 19. No2. – Pp. 234-242.
7. Naciscione, A. Phraseological Units in Discourse: Towards Applied Stylistics. – Riga: Latvian Academy of Culture, 2001. – 283 p.

Summary. The paper deals with instancial use of phraseological units in discourse. Such kinds of occasional use of phraseology as extended phraseological metaphor, phraseological pun, cleft use and insertions are considered the most productive types of instancial use of phraseolo-

gisms. Instantial use does not deprive a phraseological unit of its identity as a language sign, it only changes its stylistic colouring and some tints of meaning.

Key words: discourse, discourse transformations, phraseological metaphor, literary text, phraseological wordplay, allusion, demetaphorization.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ: ЯЗЫКОВЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ

И.Е. Хантурова

Россия, г. Москва, Российская открытая академия транспорта (МИИТ)

hanturova@bk.ru

«Особое место в формировании наивной картины мира любого языка играет фразеология, которая всегда имеет этническое своеобразие. Существующие универсальные понятия получают во фразеологии специфически национальное выражение» (Павлова Л.П., 2015: 627). Фразеологизм – это устойчивое сочетание слов, значения которых отличаются от простой суммы значений его частей. (Словарь иностранных слов, 1989: 553). Это лексически неделимое, устойчивое по своему составу и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы. В языковое понятие фразеологические единицы (ФЕ) входят: идиомы, пословицы и поговорки, речевые штампы, афоризмы, библеизмы, мифы древнего мира (Грачев М.А., 2002: 55). Фразеологизмы широко используются в рекламе, делая слоганы и тексты яркими и хорошо запоминающимися с одной стороны; представляя искаженную картину мира – с другой. Использование фразеологических единиц в рекламном тексте повышает воспринимаемость, запоминаемость и, действуя на подсознание, стирает защитный барьер, воздействуя на механическую память. Употребляя фразеологизм в обычной речи, люди автоматически вспоминают рекламу. Фразеологизмы, как правило, конкретны и выражают сложные абстрактные понятия с помощью образных картин. В рекламе устойчивые словосочетания используются в четырех формах. Проанализируем фразеологические единицы в аспекте языковой манипуляции. Рассмотрим первый вид речевого воздействия – перифраз. Перифраз – это выражение (слово), являющееся описательной передачей смысла другого выражения или слова (Грачев М.А., 2002: 62). В рекламном контексте – это замена одного из слов в устойчивом сочетании другим (Швецов И.В., Вегенер Ю.С., 2009: 117): *Колготки Filodoro. Красота не требует жертв.*

Слоган «*не требует – требует*» построен по принципу контаминации: разрушения устойчивости и идиоматичности выражения. Еще один пример нарушения фразеологического оборота путем использования перифразы: «*Напиток Bravo. Граждане России имеют Bravo на отдых и Bravo на труд*». Нарушение принципа устойчивости происходит с помощью слов «Bravo» и «Volvo»: «Вольному – Вольво!» (со словами «Волю – Вольво», а также «Bravo – право»). Второй вариант употребления идиомы в рекламе связан с применением в слогане кодифицированного фразеологизма. Используется готовое словосочетание, в которое может входить лексема, имеющая непосредственное отношение к объекту рекламы, практически подвергая ее только формальному изменению: «*Pepsi. Бери от жизни все*»; «*Доброходов. Обувь на все случаи жизни*»; «*Лекарство от простуды Coldrex*»; «*Семь бед – один ответ!*»; «*Процессоры Intel Pentium. Сказано – сделано*»; «*Йод и зеленка в форме фломастера Lekker*»; «*Все гениальное просто*»; «*Лекарство Ренни. Скорая помощь вашему желудку*».

Третий вид рекламной фразеологии – это переосмысленный фразеологизм. Целостное значение фразеологизма распадается на отдельные значения составляющих его слов, в результате выражение приобретает новый смысл, неразрывно свя-

занный в сознании потребителя с объектом рекламы. Такие фразеологизмы действуют эффективнее, чем в своем обычном значении: «Coldrex. Горячий ответ простуде и гриппу»; «Mentos. Свежее решение»; «Rich. Жизнь прекрасна. Как ни крути»; «Банк УралСиб. Идем на снижение! (ставки по кредитам снижены)»; «Сухие сливки Sovpleta. Сливки общества»; «Аэрофлот. Легок на подъем», «Компания «Максвел» (оборудование для ванн). Купайтесь в роскоши!». Переосмысленный фразеологизм использован, например, в рекламе бани: «Шли бы вы в баню (центр отдыха на Маркса 18-1 телефон 37-1—60)» (фразеологизм «иди в баню»).

Четвертый вид рекламной манипуляции связан с употреблением выражения, обыгрывающего имя бренда: «Пиво «Три медведя». Все 33 удовольствия!»; «Компания «ИнтерАртБазар! (канцелярские принадлежности). Следи за Базаром!»; «Клей «Момент». Цени момент!». Фразеологизм может стать самим названием товара, услуги: «Магазин половых покрытий «Топай по-хорошему»; «Магазин канцтоваров «Канцелярская крыса»; «Салон сотовой связи «Труба зовет»; «Ресторан «Медвежий угол»; «Ресторан «Кушать подано»; «Трактир «Елки-палки»; «Сеть суши-баров «Суши весла»; «Супермаркет «От и до»; «Кулинария «Сладкая жизнь»; «Магазин экономкласса «По карману»; «Газета частных объявлений «Из рук в руки».

Восприятие идиом идет через понимание образной основы фразеологической единицы. В этом плане использование пословиц в рекламе придает тексту особый национальный колорит. Пословица – это краткое народное изречение с назидательным смыслом, народный афоризм (Богачев Ю.П., 2005: 700. Интересный вариант использования пословиц в рекламных целях был предложен для названия кафе «М.хадсон». Английские пословицы были переведены на русский язык в контексте с русскими похожей семантики. «Берегись молчащей собаки и тихой воды (английская). Beware of a silent dog and still water». В тихом омуте черти водятся (русский вариант). Использование параллельных английских и русских пословиц в рекламных целях применимо при достаточно сложной для понимания информации: например, услуги ITB-company: разработка сайтов, предполагающая множество профессиональных терминов, разветвленную систему понятий. Употребление ФЕ вносит в рекламный текст принцип развлекательности и оригинальности, применив устойчивые выражения: конкурент не дремлет (перифраза выглядит – враг не дремлет), спит и видит, сладкие грезы, сны сбываются. Рекламный текст выглядит так: «Ваш конкурент не дремлет, а потребитель – спит! Конкурент спит и видит, как бы завоевать вашего потребителя! Поэтому Ваши сладкие грезы об успешном бизнесе могут так и не осуществиться! Выделиться среди конкурентов вам позволит ЯРКИЙ, запоминающийся САЙТ! Вам нужно только разбудить свою бдительность, а нашу фантазию будить не требуется. Она и так не спит! Потребитель заговорит о Вас даже во сне! А СНЫ СБЫВАЮТСЯ! (создание, поддержка, раскрутка сайтов для бизнеса)». Таким образом, мы видим, что роль фразеологизма как средства языковой манипуляции в рекламных текстах носит скрытый характер. Это явление можно охарактеризовать как «противоречащее» высказывание. Употребления в текстах рекламного типа фразеологических единиц работает на создание чувственно-эмоционального восприятия образа, за которым манипулятор пытается скрыть реальную картину. Вызванное с помощью языковых средств положительное восприятие предмета автор рекламного текста ориентирует не на свободу выбора, а на конкретный вид товара, в чем и заключается основной эффект языковой манипуляции в рекламе.

Литература

1. Богачев, Ю.П. Русский язык с основами языкознания: Учебник для студентов высших пед. учеб. заведений/ М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 304 с.
2. Грачев, М.А. Русский язык и культура речи: Учебное пособие.- Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 2002. – 119 с.
3. Павлова, Л.П. Идиомы иностранного языка и их влияние на межкультурную коммуникацию : материалы Второй научно-практической конференции . – М: МГИМО-Университет, 2015. – 688 с.

4. Словарь иностранных слов. – 18-е изд., стер.-М.:Рус.яз.,1989. – 624 с.

5. Швецов, И.В., Вегенер Ю.С. Игра в рекламе: учеб.пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Реклама»/ под ред. Дмитриевой Л.М. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 159 с.

Summary. The article is devoted to the description of phraseological units in advertising discourse. It is proved that phraseological units serve as a means of hidden language manipulation, making advertising slogans vivid, original and easily remembered. The author indicates techniques of phraseological transformations aimed at ensuring the correct perception of the advertising text by the recipients.

Key words: phraseological unit, advertising text, language manipulation, idiom, slogan.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ МЕНТАЛЬНЫХ И ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ В РАССКАЗАХ А.И. КУПРИНА

Е.М. Якимова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Chernikova@bsu.edu.ru

В художественном тексте предметом номинации становится человек, в том числе его ментальная деятельность и эмоциональное состояние. Для описания внутреннего мира человека используются как свободные, так и устойчивые сочетания слов – фразеологизмы, которые «отличаются от смежных языковых и речевых образований следующими категориальными признаками: особым экспрессивно-образным значением, целостностью фразеологической номинации; раздельно-оформленностью компонентного состава, специфической воспроизводимостью, особой (фразеологической) устойчивостью» (Алефиренко Н.Ф., 2007: 256). Функционируя в текстовом пространстве, фразеологизмы, в силу присущей им экспрессивной окраски и возможности индивидуально-авторского употребления, имеют потенциал выразительности, поскольку «служат не столько косвенно-производными средствами знакообозначения предметов, явлений и ситуаций, сколько средствами выражения отношения к ним человека» (Алефиренко Н.Ф., 2008: 19). Выбор конкретных фразеологических единиц из ряда синонимов обусловлен также прагматическими установками автора, которые находят отражение как в диалогах персонажей, так и в авторской речи, насыщенной средствами выразительности. Указанные предпосылки позволяют обратиться к вопросу функционирования фразеологизмов в текстовом пространстве художественного произведения.

Материалом для исследования послужили рассказы А.И. Куприна, в которых зафиксированы фразеологизмы, вербализующие ментальную деятельность либо психоэмоциональное состояние субъекта, что в совокупности составляет внутренний мир человека. Контексты, включающие фразеологизмы, довольно часто отражают взаимосвязь интеллектуального и эмоционального в человеке, например: *Вы сошли с ума! Ивана Петровича не испугали бы гневные слова («Негласная ревизия»); Он долго и горячо толковал Ясю, что надо сойти с ума, чтобы жениться на такой твари («Славянская душа»).* Сойти с ума – «терять контроль над собой, сильно нервничать, вести себя безрассудно. Имеется в виду, что лицо, будучи в эмоционально возбуждённом состоянии от каких-л. переживаний, мыслей, происшествий, не даёт себе отчёта в своих действиях, перестаёт правильно оценивать ситуацию» (Большой фразеологический словарь русского языка, 2006). Кроме того, среди анализируемых фразеологизмов можно отметить особую группу, которая репрезентиру-

ет эмоциональное состояние, когда чувства подчиняются / не подчиняются разуму, например: *Он так методично и долго рассматривал привезенные вещи, что Верочка начинала уже **выходить из себя** («Куст сирени»); Но он **сдержал себя** и упавшим голосом ответил («Полубог»)*. Таким образом, интерпретация фразеологизмов даёт представление о внутреннем мире человека, его составляющих и их взаимодействии.

В текстовом пространстве процесс ментальной деятельности человека номинируют следующие фразеологизмы: *приходить (прийти) в голову, лезть в голову, ломать голову, терять рассудок, переполнять голову, не выходить из головы (ума), оставаться в памяти, вызвать в памяти, врезаться в память, поймать себя, перебирать в уме, раскинуть умом, сойти с ума, выжить из ума*. Некоторые из указанных фразеологизмов представляют собой взаимозаменяемые выражения (*не выходит из **головы** и не выходит из **ума***), в которых вариативность компонентного состава обусловлена синонимичностью входящих в них слов.

В других фразеологизмах можно отметить семантические особенности: *терять рассудок* – «утрачивать способность здраво рассуждать, соображать, правильно понимать» (Федоров А.И., 2008); *терять голову* – «приходить в состояние смятения, растерянности, оказавшись в тяжёлом положении; не знать, что делать, как поступать» (Федоров А.И., 2008). Следующие контексты иллюстрируют значение указанных фразеологизмов: *С исковерканными злобою лицами, давя и толкая друг друга и сами не замечая этого, в хату стремительно ввергались, теснимые сзади, десятки **потерявших рассудок** людей («Конокрады»); Топот дворника доносился то справа, то слева, и **потерявший голову** мальчик бросался то вперед, то назад, несколько раз пробегая мимо ворот и опять ныряя в темную, тесную лазейку («Белый пудель»)*. Для однозначной интерпретации фразеологизма автор приводит описание невербального поведения (параязыковое дополнение), которое способствует адекватному пониманию замысла.

Семантически близкие фразеологизмы (*приходить в голову (разг.), лезть в голову (разг., экспрес.)*) иллюстрируют не только отличия эмоционально-экспрессивного характера, но и особенности сочетаемости языковой единицы. Так, лексическое окружение фразеологизма *приходить в голову* представлено следующим образом: *какая-то мысль; суеверная мысль; богатая мысль; первая здоровая мысль; удивительные мысли, мысль вылечить; мысль искупаться; мысль показывать чудеса; пьяная блажь; интересная затея*. Употребление фразеологизма *лезть в голову* сопряжено с такими лексемами, как *разная старина; чепуха; скучные, ненужные и позорные мысли о прошлом; ненужные и пустые мелочи; мысли о бестолково прожитой жизни*. Включение в текст указанных лексем обусловлено прагматическими установками автора, так как фразеологизм *лезть в голову* имеет значение «неотвязно, настойчиво возникать, присутствовать в сознании» (Федоров А.И., 2008); «мысли, воспоминания, вызывающие отрицательные эмоции или не заслуживающие внимания, против желания появляются в сознании лица» (Большой фразеологический словарь русского языка, 2006) в отличие от фразеологизма *приходить в голову* – «1. Появляться в сознании. 2. Доходить до сознания, думаться» (Федоров А.И., 2008).

В анализируемых рассказах отмечены фразеологически насыщенные контексты, которые иллюстрируют как особенности протекания ментального процесса, так и его результат (или отсутствие такового). Так, фразеологизм *ломать голову*, означающий «напряжённо думать, стараясь найти решение какой-либо задачи, проблемы» (Большой фразеологический словарь русского языка, 2006), предполагает сообщение о завершении ментальной деятельности, которое может быть номинировано как собственно фразеологизмом, так и другими образными средствами. Приведем примеры. *Вы усиленно думаете, **ломаете голову**, но ответ, как нарочно, **не идёт на ум** («Лунной ночью»); Уже больше часа **ломает он голову** и **не мо-***

жет выжать из нее ни одной живой строчки («По заказу»). Таким образом, контексты становятся фразеологически насыщенными и более выразительными.

В целях выразительности автор использует несколько фразеологизмов, что способствует наглядности изображаемого. Фразеологизм *схватывать на лету*, означающий «быстро воспринимать и легко понимать, усваивать что-либо» (Федоров А.И., 2008), в совокупности с фразеологизмом *ловить за хвост* – «удачно находить, обнаруживать что-либо, наталкиваться на что-либо» (Федоров А.И., 2008) создают подробное образное описание ментальной деятельности: *Он раньше всех схватывает на лету, ловит за хвост ту тему, которая еще не сделалась сегодня, но сделается завтра всеобщей злобой дня, и тотчас же перед его умом, изощренным в сарказме и гиперболе, вырастают с привычной резкостью смешные, темные и уродливые стороны явления* («По заказу»). Кроме фразеологизмов, автор органично включает метафору, которая репрезентирует определенный этап ментального процесса и в целом поддерживает образность контекста.

Фразеологизмы, номинирующие ментальную деятельность человека, имеют в своём составе лексемы *голова, ум, рассудок, память*, тогда как эмоциональное состояние вербализуется с помощью слов *сердце, душа, дух*, поскольку «душа и сердце соотносятся с религиозно-антропным кодом культуры, указывающим на всю совокупность религиозно-мифологических представлений о душе и сердце как об эмоциональных центрах человека» (Большой фразеологический словарь русского языка, 2006).

В рассказах А.И. Куприна среди фразеологизмов, вербализующих эмоциональное состояние, частотными являются следующие: *сердце сжимается, сердце замирает, душа перевернулась, падать духом*.

Употребление фразеологизма *сердце сжимается*, имеющего значение «у кого-либо становится очень тяжело, горько, грустно на душе» (Федоров А.И., 2008), в текстовом пространстве сопряжено с указанием на испытываемые чувства, например: <...> **сердце** на мгновение **сжалось** от ужаса («Странный случай»); <...> их маленькие детские **сердца сжались** от острого, недетского страдания («Чудесный доктор»), <...> **сердце сжалось** от сладостного волнения («Игрушка»). В контексте, описывающем причину возникшего эмоционального состояния (**Сердце мое сжималось** ожиданием несчастья («Психея»)), указанный фразеологизм становится синонимичным выражению *сердце замирает* – «кто-либо испытывает глубокую тоску, печаль или сильный страх, плохое предчувствие в связи с чем-либо» (Федоров А.И., 2008), ср.: *Там, в громадном доме, набитом разной беднотой, чуть ли не на чердаке его найдут теперь с **замиранием сердца** женщина и ребенок* («По заказу»).

Фразеологизм *падать духом* (отчаиваться, глубоко расстраиваться, приходить в уныние) представлен как в собственно авторской речи: <...> *прималейшей неудаче терял спокойствие, **падал духом** и становился трусливым, злым и суетливым* («Лимонная корка»), так и в прямой речи персонажей: *Дай бог, чтобы наступающий год немного снисходительнее отнесся к вам, чем этот, а главное – **не падайте** никогда **духом*** («Чудесный доктор»). В собственно авторской речи фразеологизм (в утвердительной форме) вербализует результат действия на человека каких-либо событий, обстоятельств, тогда как в диалоге отрицательная формулировка используется в рамках коммуникативной тактики поддержки.

Фразеологизмы, вербализующие ментальную деятельность и эмоциональное состояние, являются неотъемлемой частью рассказов А.И. Куприна. Во-первых, фразеологические единицы имеют потенциал как для номинации различных этапов ментальной деятельности: возникновение мысли (*прийти в голову*), обдумывание (*раскинуть умом*), запоминание (*врезаться в память*), припоминание (*вызвать в памяти*), последовательное представление в сознании (*перебирать в уме*), так и для

образного представления эмоционального состояния человека (*душа переворачивается, душа горит, камень с души свалился*). Во-вторых, указанные фразеологические единицы нередко являются средством вербализации ментального и эмоционального в совокупности, то есть внутреннего мира человека в целом. В-третьих, функционирование фразеологизмов в художественном тексте свидетельствует о выразительных возможностях, которые обеспечиваются экспрессивностью, а также особым взаимодействием с образными средствами в контексте.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Теория языка. Вводный курс: Учебное пособие для студентов филологических специальностей высш. учеб. заведений. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 368 с.
2. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография. – М.: ООО Изд-во «Элпис», 2008. – 271 с.
3. Большой фразеологический словарь русского языка / Отв. ред. Е.Н. Телия [Электронный ресурс]. URL: https://phrase_dictionary.academic.ru (дата обращения: 28.02.2019).
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 28.02.2019).
5. Фёдоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: <https://phraseology.academic.ru> (дата обращения: 28.02.2019).

Summary. The article deals with phraseological units that nominate mental activity and emotional state of a person. The author analyzes the semantic, pragmatic and expressive potential of phraseological units in a literary text.

Key words: phraseological units, semantic potential, pragmatic analysis, literary text, A.I. Kuprin.

Раздел 6. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ РЕГИСТРЫ ФРАЗЕМИКИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА НАРОДА

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИМВОЛИКА СОМАТИЗМОВ В РУССКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ

С.А. Абдельхамид

Египет, г. Каир, Айн-Шамский университет
said_abdelhameed@alsun.asu.edu.eg

СФЕ как особые знаки антропоцентрического происхождения выполняют особую ценностно-смысловую функцию в символизации жизненно важных объектов окружающего мира.

Обращение к исследованию заложенных в семантике СФЕ символических смыслов обусловлено их особым семиотическим бытием в «языке» культуры, которая, согласно одному из ее толкований, есть «семиотически бытующая в человеке в виде ментальных структур осознания мира “символическая Вселенная”» (Телия В.Н., 1996: 680). Обитателем и творцом «символической Вселенной» культуры является, естественно, и «*Homo symbolicus*» («человек символический»). В отличие от обитателей животного мира, он живет как бы в новом измерении среди иллюзий и их утрат, среди собственных фантазий и грез, которые, несомненно, повышают уровень эмоционального переживания, порождаемых надежд и страхов. Обозначая воспринимаемую реальность соматическими символами, человек обретал для себя новый способ адаптации к окружающей среде (см.: Кассирер Э., 1998: 471).

Соматический символ служит средством отображения в семантике СФЕ преобразенной объективной действительности. Человек в процессе своей жизнедеятельности, всему так или иначе в окружающем мире воздействующему на него, придает не только семиотический, но и символический смысл. Можно утверждать, что символ столь же древен, как и соматические знаки. Такие знаки в силу своей неразрывной связи с интересами и потребностями человека постепенно превращаются в заместителей различных предметов и явлений, особо значимых для человека. Иными словами, объекты реального мира отдаляются от своей материальной природы и, транслируясь в мир идеальный, становятся символами. Именно тогда «собственное тело субъекта становится прототипом всех существующих форм» (Никитина Т.Г., 1995: 54), а различные конфигурации соматизмов, называющие производные объекты телесных ассоциаций, образуют достаточно продуктивный соматический код этнокультуры.

Человек относится к себе как некому эпицентру обозримого пространства жизненно важных событий, как их творцу или участнику. Он осваивает, конструирует и измеряет мир «через себя самого, принимая все в себя и распространяя себя на окружающий мир» (Маслова В. А., 2001: 69). Поэтому СФЕ, с помощью которых строятся и передаются различные сообщения, во многом определяют характер возникновения и функционирования семиосферы русской и арабской культур, их ценностно-смыслового пространства. Характеристикой телесных схем, или моделей, является скрытая семиотическая структура: верх / низ, передняя часть / задняя часть, правая сторона / левая сторона, внутреннее / внешнее, единичность / множественность, согласно которым и происходит параметризация – концептуализация мира по аналогии с человеческим телом.

Культурные коды зачастую проявляют себя в сочетании друг с другом, то есть между ними редко бывают жесткие границы. Они тематически объединены на основе свойств и действий человека, животного, растительного, предметного и т.п. миров. Однако соматический код занимает важное место в символическом восприятии

мира любого народа, в репрезентации ценностно-смыслового пространства русской и арабской лингвокультур, характеризуется общими и отличительными признаками.

Как показывают наблюдения над языковым материалом, в русском языке группа СФЕ, фразеомобразующий потенциал которых опирается только на соматический компонент насчитывает 219 единиц, в арабском – 175 единиц. Кроме того, замечено, что состав пяти самых активных лексем данных СФЕ не совпадает. В русском языке наиболее фразеологически активными лексемами являются *рука, глаза, голова, лицо, нога, сердце*; в арабском – *глаза, спина, голова, шея, нога, рука*.

При анализе СФЕ с одним соматическим компонентом **рука** в обоих сопоставляемых языках выявились фраземы со следующими универсальными значениями: близость расстояния: *под рукой (рукою)* = بين يدي فلان (букв. между руками) – ‘совсем рядом, поблизости (быть, находиться, располагаться и т.п.)’; владение: *в руках кого, у кого, чьих* = في يد فلان (букв. в руке кого) – ‘во владении, в распоряжении’.

В каждом из исследуемых языков обнаружались и СФЕ, имеющие специфические значения. Например, в русском языке компонент *рука* может обозначать клятву: *вот тебе (вам) моя рука* – ‘клятвенно заверяю (нередко сопровождается соответствующим жестом руки)’; согласие: *по рукам* – ‘полностью согласны, договорились, решено’; мастерство: *с руками кто* – ‘мастерской, умелец, способный самостоятельно что-либо делать’; бессилие: *как без рук* – ‘совсем беспомощен, в затруднительном положении’; соответствие: *не к рукам кому* – ‘не приносит пользы, не подходит по каким-либо условиям, качествам’; несоответствие: *по руке кому что* – ‘что-либо вполне соответствует, удобно (по размеру, форме, весу и т. п.)’. В арабском языке СФЕ с компонентом *рука* выражает возможность (сделать что-л.): *في يدي فلان* (букв. в руках кого-либо) – ‘у кого-либо есть способность, возможность сделать что-либо’; унижение: *عن يد* (букв. вопреки руке кого-либо) – ‘униженно сделать что-либо’; единство: *يد على فلان* (букв. рука на ком-либо) – ‘какие-либо люди объединены против кого-либо’.

В нашем сопоставлении СФЕ с компонентом **глаз** имеют следующие соответствия: СФЕ со значением ‘близость’: *перед глазами, на глазах чьих, у кого* = قدام عينيه (букв. перед глазами); ‘из виду (не выпускать, не терять кого-либо)’: *из глаз, с глаз* = بعين الاعتبار (букв. глазом внимания); ‘держат под наблюдением, вниманием, опекой людей’: *при своих глазах* = تحت عين فلان (букв. под глазами), *نصب عيني فلان* (букв. перед глазами); ‘моментально, очень быстро’: *в мгновение ока* = في طرفة عين (букв. в мгновение ока).

Наряду с вышперечисленными универсальными образами, нами обнаружены СФЕ с компонентом *глаз*, которые обладают специфическими значениями, свойственными только одному из данных языков. Так в русском языке имеют место значения: ‘во всех подробностях, без утайки’: *и на глаз и на ощупь*; ‘определять что-либо примерно, приблизительно’: *на глаз (глазок)*; ‘по собственному мнению’: *на глаза кого, чьи, в своих глазах*; по выражению глаз (видеть, понимать что-либо): *по глазам*.

В арабском языке СФЕ с компонентом *глаз* имеют своеобразное содержание: ‘вопреки своему желанию’: *على عيني* (букв. вопреки моим глазам); ‘желание иметь, добывать чего-либо’: *عين فلان على كذا* (букв. глаза кого-либо на что); ‘смотреть благосклонно на кого-либо’: *بعين الرضا* (букв. глазом довольства); ‘кому-либо нравится какая-либо девушка, думает о ней, хочет добиться ее расположения к себе’: *عين كذا فلان من فلانة* (букв. глаза кого-либо на какой-либо девушке).

И в русском языке и в арабском культурный компонент *голова* может означать: ‘независимость, самостоятельность’: *сам себе голова* = من دماغه (букв. из своей головы); ‘ответственность’: *в мою голову* = على رأس فلان / دماغه (букв. на голову кого-либо); ‘самое главное, самое ценное, важное’: *всему голова кто, что* = مخ الشيء (букв. мозг чего-либо).

Русские СФЕ объективируют данные этнокультурные смыслы: ‘умный, толковый человек’: *с головой, с мозгом кто*; ‘неумный, несообразительный, глупый’: *без головы*. В отличие от русских, арабские СФЕ обозначают руководство: *فلان على رأس كذا*

(букв. кто-либо *на голове* чего-либо); почтенность: *فلان فوق الرؤوس* (букв. кто-либо *над головами*).

Очень важным свойством соматической фраземики русского и арабского языков является объединение в рамках одной фраземе два или более соматических компонентов. Рассмотрение данных фразем способствует выявлению культурных смыслов единиц соматического кода в русской и арабской языковых картинах мира, дает представление о сравнении, отождествлении и противопоставлении тех или иных признаков, функций, возможностей органов тела человека, что в свою очередь показывает осознание человеком взаимосвязи и взаимодействия частей тела и четкое дифференцирование органов тела посредством отражения их характерных особенностей. Общее количество СФЕ, содержащих два и более компонентов-соматизмов в русском языке составляет 3.7% (91 единица от общего количества русских СФЕ), а в арабском – 3.8% (всего 79 единиц от общего количества арабских СФЕ). Соматическую пару может образовать тот же соматизм или два различных соматизмов.

Приведём примеры соматических пар, включающих тот же соматизм.

И в русских и в арабских СФЕ имеют место данных соматических пар:

«Голова – голова». В данной группе человек как отдельная личность обозначается по наименованию его важной части тела: *с головы на голову* – ‘все без исключения, поголовно’; *رأسا على رأس* (букв. *голова на голове*) – ‘один за другим’, *رأس برأس* (букв. *голова за голову*) – ‘баш на баш, без придачи (об обмене)’.

Соматическая пара «*сердце – сердце*» имеет значение ‘непосредственно через чувства, душевное состояние одного человека к чувствам другого человека’: *от сердца к сердцу*; *من القلب إلى القلب* (букв. *от сердца к сердцу*).

В русском языке лексема *глаз* обладает метонимическим значением – ‘человек’: *глаз на глаз* – ‘один на один’, *глаз на глаз* – ‘наедине; без посторонних’. В арабском языке данная пара содержит “качественную” метафору, которая основана на символической функции *глаз* воспринимать, оценивать окружающий мир: *عيني في عينك* (букв. *мой глаз в твой глаз*) – ‘призыв смотреть друг друга в глаза, желая узнать правду’.

В изучаемых языках представлена соматическая пара – «*рука – рука*» участвующая в выражении значения – ‘от одного к другому; прямо, без посредников’: *из рук в руки, с рук на руки*; – ‘совместность, сотрудничество’: *рука в руку, рука с рукой*; *يدًا بيد* (букв. *рука с рукой*).

Ориентация человека в пространстве происходит по отношению к горизонтальной оси. Например, *лицом к лицу* – ‘очень близко, рядом (видеть кого-либо или что-либо)’. Соматическая пара «*лицо – лицо*» также обозначает ‘серьёзно, по-настоящему (соприкасаться, сталкиваться с чем-либо)’: *лицом к лицу*; *وجهًا لوجه* (букв. *лицом к лицу*).

Сочетание «*зуб – зуб*» функционирует для реализации несоотносимых значений в русском и арабском языках: *зуб за зуб* – ‘не уступая ни в чём в споре, ссоре, перебранке своему противнику’; *ضرس من الأضراس* (букв. *кто зуб из коренных*) – ‘бывалый, хитрый человек’.

Соматизмами «*плеч – плеч*» передается значение совместности и единства: *плечо(м) к плечу* – ‘вместе (жить, что-либо делать)’; *كتفا إلى كتف* (букв. *плечом к плечу*) – ‘вместе, совместно что-либо делать’. Такой же метафорический смысл имеет соматическая пара «*бок – бок*»: *бок о бок*; *جنب إلى جنب* (букв. *боком к боку*).

С помощью *ног* человек передвигается в пространстве. В связи с этим лексема *ноги* непосредственно связана с понятиями, соизучаемыми движению: *нога за ногу* – ‘очень медленно, еле-еле (идти, ехать)’; *رجل فلان على رجل فلان* (букв. *нога кого-либо на ноге кого-либо*) ‘сопутствовать кому-либо, куда бы он ни отправился’.

Характерными для русского языка являются соматические пары:

- «*нос – нос*» с метафорическим значением – ‘близко’: *нос в нос, нос об нос, нос к носу, нос с носом*;

- «уста – уста» со значением – ‘от одного человека к другому (передавать, передаваться и т. п.). О слухах, разговорах, новостях’: *из уст в уста*;

- «волос – волос», «кость – кость» имеют значение – ‘полностью, совершенно похож; точь в точь’: *кость в кость* в кого, *волос в волос*;

- «кровь – кровь», «плоть – плоть» обозначают ‘кровных родственников’: *кровь от крови* кто кому, *плоть от плоти* кого, чьей.

Из общего массива СФЕ, содержащих два различных компонента-соматизмов, лексемы *голова*, *глаз*, *рука* является наиболее продуктивными фразеологическими единицами в русском и арабском языках.

Лексема *голова* имеет значение ‘разум, ум’. В данном значении *голова* сочетается с лексемой *плечо*: *голова на плечах* у кого, *иметь голову на плечах* – ‘кто-либо умён, умеет соображать, рассуждать’. Нахождение головы на плече, т.е. на ее естественном месте символизирует наличие умственных способностей. Лексема *голова* в русском языке еще сочетается с лексемой *пятка*, *нога*, *хвост*. Целостность человека, отображаемая в вертикальной модели пространства, представлена в русских и арабских СФЕ: *с (от) головы до пят (пяток)*, *с головы до <самых> ног* – ‘целиком, полностью’; *من ساسه لراسه* (букв. *с ног до головы*), *من قمة رأس فلان إلى أخمص قدميه* (букв. *с макушки до подошвы*) – ‘целиком, полностью’. Голова – точка телесного верха, а ноги воспринимаются как крайняя нижняя точка в вертикальном положении человеческого тела. Нарушение такого порядка воспринимается как нарушение некоторой жизненной ситуации, искажение каких-то фактов. Ср. русские и арабские СФЕ: *перевернуть с ног на голову*, *ставить с ног на голову* что – ‘исказить факты, придавать противоположное значение чему-либо принятому’; *قلب رأسا على عقب* (букв. *перевернуть с головы до пятки*) – ‘1. коренным образом изменить что-либо. 2. подвергнуть детальному рассмотрению что-либо’.

Глаз как орган зрения связан с процессом смотрения, наблюдения. В русском и арабском языках *глаз* сочетается в основном с соматизмом *ухо*. Во фразеологических оппозициях «глаз – ухо» прежде всего вырисовывается сопоставление двух аспектов, связанных с чувственным восприятием: глаза выступают орудием зрения, а уши отвечают за слух. Ср. *глаза <и уши> запорошило* чем – ‘о потерявшем способность понимать что-либо, нормально рассуждать’; *له عين راعية وأذن واعية* (букв. *глаз наблюдающий и ухо сознательное* у кого) – ‘об имеющим способность понимать что-либо, нормально рассуждать’. Кроме того, в основе образа фразем лежит метонимическое отождествление “уши и глаза – внимание”: *ни глазом, ни ухом не ведёт* кто – ‘не хочет ни смотреть, ни слушать; не обращает внимания’; *فتح العيون والأذان* (букв. *открывать глаза и уши*) – ‘воспринимать с большим вниманием’. Фразеологические сопоставления «глаз – ухо», «глаза – лоб» используются также во фраземах, характеризующих удивление, изумление: *не верить ни своим глазам, ни ушам* – ‘чрезмерно удивляться увиденному и услышанному, недоумевать’, *глаза на лоб <лезут, полезли>* у кого – ‘кто-либо приходит в состоянии удивления, недоумения’.

Широко представлены сочетания «руки – ноги». По-видимому, явно выделяющаяся частотность именно этого сочетания обусловлена общим для соматизмов *рука* и *нога* признаком «конечности человека». С ногами связана способность человека передвигаться в пространстве, бегать. При беге руки помогают двигаться вперёд, дают мощный импульс для развития скорости. Данные соматизмы в СФЕ передают значение ‘очень быстро, стремглав (бежать, торопясь идти)’: *ноги в руки*, *брать ноги в руки*. В образе других СФЕ лишить ноги и руки движения уподобляется лишению человека свободы действия: *вязать по рукам и по ногам* кого, *связывать по рукам и по ногам* кого, *спутывать по рукам и <по> ногам* кого. Использование в пределах одной ФЭ двух соматизмов – *рука* и *нога* – служит также и для усиления обозначаемого признака, действия: *держаться руками и ногами* за что – ‘очень стойко, настойчиво отстаивать что-либо’; *سعى بيديه ورجليه* (букв. *стараться руками и ногами*) – ‘стараться изо всех сил’.

В русском языке сочетание «рука – сердце» служить знаком откровенности, искренности. Ср. *положа руку на сердце* – ‘совершенно искренне, чистосердечно’. Рука человека здесь выполняет функцию указания на сердце, т.е. на орган, являющийся центром такого чувства, как искренность. В арабском языке символический жест *руки к сердцу* обозначает совершенно иную ситуацию: СФЕ *ايدى على قلبى* (букв. *положа руку на сердце*) – ‘кто-либо очень взволнуется, опасается неприятного дела’.

Соматические фраземы являются универсальным средством номинации различных объектов и явлений реального мира. Однако в различных культурах, приобретаая символические смыслы, они становятся отображением культурно маркированного сознания русского и арабского этносов. Исследование СФЕ русского и арабского языков свидетельствует о том, что их состав чрезвычайно богат и разнообразен этнокультурными нюансами. Поэтому СФЕ благодаря этнокультурной маркированности дают достаточно отчётливое представление о восприятии носителями того или иного языка самих себя.

Литература

1. Алефиренко, Н. Ф. Символ как антропологическая категория // Антропология языка. – Вып 1. – М.: Флинта: Наука, 2010. – С. 8-32.
2. Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208с.
3. Никитина, Т.Г. К вопросу о классификационной схеме фразеологического идеографического словаря // Вопросы языкознания. – 1995. – № 2. – С. 68–82.
4. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Шк. «Языки русской культуры», 1996. –286 с.
5. Э. Кассирер. Избранное. Опыт о человеке. М.. 1998.
6. 1987. أبو سعد، أحمد. معجم التراكيب والعبارات الاصطلاحية العربية القديم منها والمولد. دار العلم للملايين. بيروت. ط 1.
7. فايد، وفاء كامل. معجم التعابير الاصطلاحية فى العربية المعاصرة عربى عربى . ط .

Summary. The article is aimed to compare the objectification of Russian and Arabic linguistic pictures of the world through somatic phrases. The object of the study was the phrasemes of the Russian and Arabic languages, the phrase-forming potential of which is the somatic component. The goal is to identify ethnocultural universals and unique characters that form symbolic images in somatic phraseology.

Key words: somatic phraseology, linguistic picture of the world, Russian and Arabic idioms.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПО ПРОИСХОЖДЕНИЮ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОТРАЖАЮЩИХ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА, В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В.Ф. Алиева

Азербайджан, г. Баку, Азербайджанский университет языков
vusale.aliyeva-76@mail.ru

Фразеологические единицы формируются вокруг определенных концепций. Концепции имеют как сходные, так и отличительные черты у разных народов. Исследование этих особенностей, изучение способов выражения отдельных концепций в языке являются одной из главных целей когнитивной фразеологии. Наша исследовательская работа написана именно в этом контексте: исследуя фразеологические единицы, которые отражают психоэмоциональное состояние человека во французском языке, мы вносим некоторую ясность в их семантику, способы создания и этимологию.

Эмоциональная сторона языка имеет большое значение, как и его рациональная сторона. Выражая и описывая эмоции, язык группирует их и создает эмоцио-

нальную картину мира. Роль фразеологических единиц в создании этой картины не опровержима. Фразеологические единицы, которые выражают эмоции и составляют основную часть национальной лексики, играют важную роль в передаче национальных особенностей народа. Хотя базовые эмоции универсальны, их воплощение на каждом языке имеет национальные особенности. Во французском языке фразеологические единицы, отражающие психоэмоциональное состояние человека, создают определенное впечатление о национальном характере французского народа. Исследование французского национального характера во фразеологии имеет важное значение для изучения мировых языковых картин (ландшафтов).

Фразеологические единицы, отражающие психоэмоциональное состояние во французском языке, выражая национально-культурные особенности французского народа, выполняют функцию интенсификатора выражения психоэмоционального состояния человека. Исследуемые фразеологические единицы выражают разные оттенки психоэмоционального состояния человека.

Фразеологические единицы, возникшие в результате исторических событий.

Avoir la tête près du bonnet – разгневаться (выйти из себя), сердиться: “C’était un digne gentil homme venu de Picardie et qui avait, comme nous disons ici, la tête pres du bonnet” (O. de Balzac). Л. Мартель связывает эту фразу с периодом династии Валуа XIV-XV веков. Во время правления этой династии шутихам, служившим в королевском дворце, было предоставлено полное право говорить своим повелителям, чего они хотят, и даже правду, которая не понравится королю.

Специальная шляпа – «bonnet», которую шутики носили на голове, отличала их от других людей. По этой причине выражение «avoir la tête près du bonnet» использовалось для обозначения «быть склонным к глупым поступкам, безумию».

Bon à mettre à Charenton – так сказано о помешанном, умалишенном человеке. Шарантон небольшой городок недалеко от Парижа. В середине XIX века там была открыта психиатрическая больница имени Святой Анны. Психически больные, которые не могли вылечиться, находили тут убежище. Говорят, что маркиз де Сад провел там свои последние дни.

Couper la queue à son chien – действовать необычно, чтобы привлечь к себе внимание: “Il ne ferait pas couper la queue de son chien, parce que ce scandale est usé, mais il couperait la tête de son père pour le plaisir de faire parler de lui (E. About). Существует еще один вариант для этого выражения: *couper la queue du chien d’Alcibiade*. Это выражение связано с именем полководца Алкивиада, любимого ученика Сократа. У Алкивиада была большая красивая собака. Однажды Алкивиад отрезал хвост собаки, и, услышав от своих близких друзей о том, что весь город обсуждает его поступок, со смехом заявил, что именно это и он хотел – быть обсужденным.

Coup de Trafalgar – волнение. Это выражение связано со знаменитой Трафальгарской битвой. Трафальгарское сражение – историческая морская битва между британским и франко-испанским военно-морскими флотами у мыса Трафальгар на Атлантическом побережье Испании недалеко от города Кадис 12 октября 1805 года. В этом решающем сражении Наполеоновских войн Франция и Испания потеряли 22 корабля, в то время как Великобритания – ни одного. Этот неожиданный случай для французов был страшным и смущающим.

Faire à qn la conduite de Grenoble – принимать за врага, грубое обращение: “Des bandes urbaines auxquelles les paysans, prévenus trop tard, firent une de ces conduites de Grenoble dont les fossés furent pleins, les haies puantes” (J. De La Varende). Это выражение относится к XVI–XVII векам и связано с именем герцога Лесдигер, который был полководцем Людовика XIII. Он потерпел невероятное поражение при взятии Гренобля и был побит камнями жителями города.

Faire amende honorable – сожалеть: “Assez, monsieur! Assez sur ce chapitre! Je pensais que vous aviez fait amende honorable” (G.Feydeau. Le Dindon). *Amende*

honorable – юридический термин. Лицо, приговоренное к смертной казни в соответствии со старым законом, должно признаться в своих собственных грехах перед всеми, извиниться перед всеми.

Faire l'Olibrius – нервничать, выходить из себя. Олибрий был правителем Древней Галлии и жестоко боролся против христиан.

La Grande Peur – большое чувство ужаса. Это выражение связано с событиями в Париже во время буржуазной революции во Франции 4 августа 1789 года. Известно, что революция была отмечена кровавыми беспорядками, преследованиями и казнями тысяч людей.

Monter sur ses grands chevaux – выйти из себя, нападать на кого-то: “*Mon oncle, piqué au vif, monta sur ses grands chevaux*” (A. De Musset). В средневековье во Франции было два вида лошадей: *palefrois* и *destriers*. *Palefrois* были маленькими лошадьми, способными пробраться везде. Эти лошади обычно использовались для охоты или прогулки. *Destriers* были боевыми лошадьми, которые в состоянии нести тяжелые грузы, потому что были большими и очень выносливыми. Это выражение было сказано потому, что рыцари, едущие на этих лошадях, немедленно начали сражаться.

(Y) perdre son latin – потерять себя: “*Il découragea successivement la patience de trois précepteurs qui lâchèrent la partie après y avoir perdu leur latin*” (J.Sandeau). По мнению Любенса, это выражение впервые было использовано в поэме, написанной в 1338 году. В то время во Франции латинский язык был языком всех официальных документов и науки. И, «потерять латинский язык» означало оказаться в плохой ситуации.

Se porter comme le pont-Neuf – чувствовать себя хорошо: “*Il y a des gens qui sont finis, usés, vides à cinquante ans. D'autres qui, à quatre-vingts, se portent comme le Pont-Neuf et ont l'esprit plus clair que celui de bien des gamins*” (M.Druon). Это выражение относится к XVI-XVII вв. В то время на реке Сена в Париже был построен новый мост, и чтобы отличить друг от друга 5 существующих мостов, его называли Новым. Строительство началось в 1578 г. и закончилось в 1607 году. Население Парижа стали свидетелями строительства моста, которое длилось 29 лет, из высококачественных материалов. Другие мосты были неоднократно разрушены во время речных паводков и были вновь восстановлены, а Новый мост мог выдержать все бедствия.

Gai comme Roger Bontemps – веселый. Ларус, М. Ра и другие исследователи связывают это выражение со священником по имени Роже Бонтан. Этот человек – поэт, который носил прозвище «Бонтан», жил и творил во Франции в XV веке и создавал сатирические стихи и баллады. Следует отметить, что французский писатель Беранже создал в своих песнях веселого персонажа по имени Роже Бонтан. Скорее всего, это, в свою очередь, способствовало распространению этого выражения.

Как видно из приведенных нами примеров, среди фразеологических единиц, созданных в результате исторических событий, особое место занимают топонимические и ономастические фразеологические единицы.

Религиозные фразеологические единицы

Как и во многих языках, во французском религиозные фразеологические единицы составляют значительную часть фразеологического фонда. Следует отметить, что, хотя французы принадлежали к христианству, на французском языке существуют фразеологические единицы как из Библии, так и из Корана.

Фразеологические единицы Евангелия и Корана выражают напряженное эмоциональное состояние с точки зрения их высокой религиозной значимости.

Священный Коран говорит: «Он – Тот, кто сотворил для нас все, что на земле, а затем обратился к небу и сделал его семью небесами» (Священный Коран. Перевод З. Буньядова, В. Мамедалиева. Баку, 2005, 678 с. Аль Бакара, 29). Во многих языках (к счастью) есть фразеологическое выражение быть на седьмом небе: *être (ravi) au septième ciel*: «*Mon cher, dit-il, je suis ravi de vous voir. Je suis au septième ciel que nous soyons réunis*» (Blot, Le Soleil de Cavouri.).

Как в Евангелии, так и в Коране имеется информация об ангелах. Ангелы всегда славят Бога. «...Дело каждого было решено справедливо. «Хвала Богу, Господу всех миров», – говорили ангелы (Аз-Зумар, 75). Отсюда: *être aux anges; voir les anges (loru.)* – наслаждаться; *rire aux anges* – радоваться, смеяться как сумасшедший, быть веселым.

Se lever du pied gauche – быть в плохом настроении без причины, буквально ‘встать не с той ноги’. Во многих культурах правая и левая сторона имеют символическое значение. И в Библии, и в Священном Коране правая сторона имеет положительное значение, а левая сторона отрицательное (120, s. 361).

В Ветхом Завете написано: «Сын Человеческий поставит овец на правой руке, а козлов – на левой. Скажет тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготовленное вам от создания мира... Он скажет тем, кто справа от него: «идите от Меня, проклятые, в огонь вечный! Я жаждал, и вы не напоили Меня» (Метта 25: 31-43).

В Новом Завете, Ветхом Завете и Коране говорится о дьяволе. В Священном Коране сказано: «Поистине, Сатана – твой враг, поэтому относитесь к нему как к врагу. Он зовет своих последователей, чтобы они стали обитателями Пламени» (Сурат аль-Фатир, 6); «Сатана пугает вас бедностью и велит творить мерзость. Аллах же обещает даст вам прощение от Него и милость. Аллах – Объемлющий, Знающий» (Сурат аль-Бакара: 268). Существуют много выражений на французском языке с упоминанием сатаны, некоторые из которых отражают психоэмоциональное состояние человека и более точные негативные эмоции:

avoir le diable au corps – шлея под хвост попала (букв.: как будто дьявол в его теле);

diable déchainé – чрезмерно нервный (букв.: сорвать цепи с сатаны);

diable dans un bénitier – чувствовать себя некомфортно (букв.: сатана в церкви, на месте молитвы);

porter le diable en terre – быть разочарованным, (букв. «похоронить дьявола»).

Démon de midi – страсть пожилого человека. Это выражение встречается в Ветхом Завете. Латинское слово «*daemonium meridianum*» описано в Псалтирь 90: «Утром растет, цветет, а вечером сохнет» (Псалтирь 90: 6).

У большинства религиозных учений существуют понятия «рай» и «ад». Рай – это место, где духи верующих будут жить вечно, а ад – обиталище душ грешников, погибших навсегда. Слова «рай» и «ад» являются основными компонентами многих фразеологических единиц.

«Paradis» – фразеологические единицы с компонентом «рай»:

être au paradis – чувствовать себя счастливым;

paradis artificiels – искусственное счастье, временное наслаждение за счет наркотиков. Автором этого выражения является французский поэт Шарль Бодлер.

«Enfer» – фразеологические выражения с компонентом «ад»:

avoir l'enfer dans l'âme (dans le coeur) – страдать от совести; ненавидеть кого-то;

porter son enfer avec (en) soi – скрывать свои мучения и страдания от других;

enfer de la jalousie – огонь ревности.

Новый Завет говорит, что «Мария встала сзади у ног Иисуса и, плача, обливала Его ноги слезами. Она стала вытирать Ему ноги своими волосами, целовала их и натирала ароматическим маслом» (Луки 7:38). В связи с этим сюжетом есть французская фразеологическая единица «плачь как Мария» и «крик плача».

Faire son mea culpa, battre sa culpe – сожалеть, признать свои грехи. Это выражение латинского происхождения. *Mea culpa* – «мой грех» произносится католиками, чтобы омыть свои грехи. Произнося эти слова, они обычно бьют себя кулаками в грудь. *Battre sa culpe* *Battre sa culpe* – буквально означает «обвинять». “Tant pis! Si elle prenait de la poudre d'escampette un de ces jours, ses parents pourraient bien faire leur mea-culpa et dire qu'ils l'avaient eux-mêmes poussée dehors” (E.Zola. L'Assommoir).

“Si on vient renifler dans mon giron, haussons doucement les épaules. Si on bat sa coulpe, battons la notre encore plus fort” (Н. Bazin. Lève-toi et marche).

Фразеологические единицы, пришедшие из французской литературы.

Большинство фразеологических единиц происходит из литературных произведений разных жанров и периодов. Например, *Idylle d'Aucassin et de Nicolette* – означает «страстная любовь». Эквивалент на азербайджанском языке: Лейли и Меджнун. Это выражение пришло из басни неизвестного автора XIII века.

Allons, saute, marquis! – любите! в сокращенном виде: *saute, marquis!* Это выражение было взято из комедии Жана-Франсуа Реньяра «Игрок», которую он написал и поставил в 1696 году. Это предложение повторяется неоднократно в 4-м и 5-м акте спектакля довольной собою Маркизом.

Avoir les yeux de Chimène – быть влюбленным: «C'était un beau garçon joufflu, haut en couleur, large d'épaules, ayant l'air heureux d'être au monde et enchanté de sa robuste personne; le type complet d'un Rodrigue de village pour qui tout Gigondas aurait eu les yeux de Chimène» (A. de Pontmartin – Les jeudis de Madame Charbonneau – 1862). Эквивалент на азербайджанском языке: Лейли в глазах Меджнуна. Это выражение из драмы «Сид», созданной Корнелем в 1637 году.

Антропоморфизм, другими словами, приписывание человеческих качеств животным и предметам довольно распространено в баснях Эзопа и Жана де Лафонтена. Лафонтен объясняет этот феномен: «Я воспитываю людей, используя животных». В основе многих фразеологических единиц лежат басни Лафонтена. Например, выражения из басни «Le renard et la cigogne» – «Лиса и журавль»:

“Honteux comme un Renard qu'une Poule aurait pris,
Serrant la queue, et portant bas l'oreille.
Trompeurs, c'est pour vous que j'écris:
Attendez-vous à la pareille”.

На основе строки “Serrant la queue, et portant bas l'oreille” – две фразеологические единицы: *serrer la queue* вэ *baïsser l'oreille* – бояться.

Adieu veau, vache, cochon, couvée – *couvée* – это выражение применяют, когда люди расстроены, когда они должны проститься со своими желаниями:

“Le lait tombe ; adieu veau, vache, cochon, couvée ;
La Dame de ces biens, quittant d'un œil marri
Sa fortune ainsi répandue,
Va s'excuser à son mari
En grand danger d'être battue.
Le récit en farce (5) en fut fait ;
On l'appela le Pot au lait” (La Fontaine, La Laitière et le Pot au lait).

Être fier comme Artaban – быть довольным собой, хвастаться. Артабан – главный герой произведения «Клеопатра», написанного Готье де ла Кальпренедом (Gautier de la Calprenède) в середине XVII века. Этот исторический эпос из 12 частей имел большой успех, и его герой, Артабан считался одним из самых известных героев того времени. В XX веке французский комик Колюш, добавив немного юмора, изменил это выражение, и фраза начала звучать как *fier comme un bar-tabac*.

Среди литературных образцов, богатых фразеологическими выражениями, особенно надо отметить произведения Виктора Гюго. В.Гюго, автор многих фразеологических единиц, широко использовал свои выражения в своем творчестве, а также выражения, которые уже наличествуют на французском языке. Например, только в одном предложении он употребил семь фразеологических выражений: “Ce jardin...était une broussaille colossale, c'est-à-dire quelque chose qui est *impénétrable comme une forêt, peuplé comme une ville, frissonnant comme un nid, sombre comme une cathédrale, odorant comme un bouquet, solitaire comme une tombe, vivant comme une foule* (Les Misérables). Четыре из этих выражений отражают психоэмоциональное состояние человека:

frissonnant comme un nid – хрупкий как птичье гнездо;
sombre comme une cathédrale – тяжелый по характеру как церковь, расстроен-
ный;

solitaire comme une tombe – как одинокая могила;

vivant comme une foule – живая как толпа

Заключение

Роль национального характера в создании мировой картины языка неопровержима. Одним из факторов, который напрямую влияет на национальный характер людей, является психоэмоциональная активность человека, принадлежащего этой нации. Фразеологическая единица рассматривается как информативный языковой знак, символизирующий культуру единой нации, отражающий культурное пространство языка, как ментальная единица в национальном сознании и национальной памяти этноса. Эмоциональная сторона языка имеет большое значение, как и его рациональная сторона. В дополнение к выражению и описанию языковых эмоций язык группирует их и создает эмоциональную картину на мир. Роль фразеологических единиц в создании этой картины неоспорима. Фрагментарные единицы, проявляющие эмоции и являющиеся неотъемлемой частью национальной лексики, играют важную роль в передаче национальных особенностей людей. Базовые эмоции универсальны, их воплощение на каждом языке отличаются национальными особенностями. Фразеологические единицы, отражающие психоэмоциональное состояние человека во французском языке, производят четкое впечатление о национальном характере французского народа. Исследование французского национально-го характера во фразеологии считается важным в целях изучения мировой и национальной картины.

Некоторые из изучаемых нами фразеологических единиц были созданы историческими событиями, религиями, литературой, традициями и различными убеждениями французского народа. Многие выражения основаны на существующих в языке фразеологических единицах, в то время как другие находятся в процессе развития.

Фразеологические единицы, которые отражают психоэмоциональное состояние человека, характеризуются широким разнообразием во французском языке. Эти выражения используются как в художественно-литературном языке, так и в разговорной речи, и в аргю.

Литература

1. Буянова, Л.Ю., Коваленко, Е.Г. Русский фразеологизм как ментально – когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности. 2-е изд. Стереотип. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 184 с.
2. Виноградов, В. В. Русский язык : грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М.; Л.: Учеб.-педагог. изд-во, 1947. – 784 с.;
3. Добровольский, Д.О. Сопоставительная фразеология: межъязыковая эквивалентность и проблемы перевода идиом // Русский язык в научном освещении, № 2 (22). – 2011. – С. 219-246.
4. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. – М., 1960. Вып. I. – С. 131-256.
5. Липшицене-Зибуцайте, Э.И. Фразеологические синонимы французского языка. – Л.: Просвещение, 1971. – 295 с.
6. Мамедли, А.М. Сопоставительный анализ русской и азербайджанской фразеологии. – Баку, 1994. – 102 с.
7. Садыхова, Г.Р. Библийская фразеология во французском, азербайджанском и русском языках. – Баку, 2012. – 332 с.
8. Садыхова, Г.Р. Фразеология, восходящая к Библии и Корану. – Баку, 2014. – 391 с.
9. Фульье, А. Психология французского народа. – М., 1998. – С.89.
10. Хайдеггер, М. Время и бытие : ст. и выступления / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

Словари

1. Гак В.Г., Мурадова А. и др.; под ред. В.Г.Гака. Новый большой французско-русский фразеологический словарь. – М.: Рус.аз.-Медиа, 2005. – 1625 с.
2. Le Petit Larousse. Grand format. 1995. 1872p.
3. Rey, A., Chantreau, S. Dictionnaire d'expressions et locutions. Le Robert. 2003. – 1086 p.

Summary. The authors argue that the role of the national characteristic of people in the formation of the language picture of the world is undeniable. Frazeological units which represent psycho-emotional activity of people in French are under review. Idioms are accepted not only as the informative language sign reflecting the culture of the nation, but also as means of reflection the cultural place of language, as the mental unit engraved in the national consciousness and memory of nation. The research of national characteristics of French people reflected in the phraseology is essential for investigation language picture of the world.

Some of the phraseological units that are analyzed in the article were formed as a result of historical events and based on religion, literature, traditions and various beliefs of French people. Most of these expressions are mainly formed on the basis of existing phraseological units, and some of them were formed and are still being formed during the speech process. These expressions are used both in literary language, spoken language, and in argot.

Key words: national character, language picture of the world, idioms, French language.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ РУССКОЙ ПОСЛОВИЦЫ *БЕЗ ТРУДА НЕ ВЫТАЩИШЬ И РЫБКУ ИЗ ПРУДА* В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

М.А. Бредис

Россия, г. Москва, Российский университет дружбы народов
briedis@yandex.ru

Пословичный фонд любого языка отражает на своём уровне опыт народа и его стереотипные представления о мире, которые формируют паремиологическую картину мира. Паремии представляют собой своеобразное компактное вместилище опыта, иначе говоря, упаковку этого опыта (Бредис М.А., 2018: 15). Функции пословицы имеют много общего с функциональностью упаковки товара. Упаковка не только сохраняет и защищает продукт, но и одновременно привлекает внимание потенциального покупателя, который в результате запомнит и купит тот или иной товар. В нашем представлении социокультурный опыт сравним с подобным упакованным продуктом: так же, как яркая упаковка, пословица привлекает к себе внимание человека, обеспечивает лёгкое запоминание рекомендации и побуждает человека следовать ценностной установке, кроющейся в пословице.

Важную роль с лингвокультурологической точки зрения в паремиях играют национальные лингвомаркеры (этнолингвомаркеры), отражающие национальную «культурную память» (Ломакина О.В, 2018: 85). Они могут не иметь прямых аналогов в других языках, определяя этноспецифичность паремий. При этом пословицы имеют свои семантические эквиваленты. Мы разделяем точку зрения Войцеха Хлебды, который заключает, что «теоретически, или потенциально, любая пословица любого языка должна иметь в любом языке свой эквивалент – разумеется, необязательно образный (хотя и такие нередко встречаются), а смысловой (логический)» (Хлебда В., 2008: 96). Для компаративной лингвистики это положение важно. Можно считать, что картина эквивалентов паремий напоминает таблицу химических элементов Д.И. Менделеева, где существует возможность заполнить пустые ячейки. Потому что отсутствие в словарях эквивалента какой-нибудь пословицы может означать, что он просто не зафиксирован в источниках или давно вышел из употребления в народе.

Целью данной работы является проведение сопоставительного лингвокультурологического анализа аналогов русской пословицы *Без труда не вытащишь и рыбку из пруда* в четырнадцати языках: русском, польском, немецком, английском, французском, латышском, литовском, финском, башкирском, татарском, турецком, кхмерском, монгольском и таджикском языках. Для поиска семантических эквивалентов мы используем безобразную обобщённую пословичную идею в её сжатом, конденсированном виде, «пословичный конденсат» (Селиверстова Е.И., 2017: 141). Для русской пословицы *Без труда не вытащишь и рыбку из пруда* таким конденсатом является «Без усилий нет результата».

Начнём с рассмотрения польских аналогов этой пословицы. В современном российском художественном фильме «Монах и бес» встречается таинственное изречение, очень похожее на пословицу: «Без працы не бенде колорацы». Сам царь со своим министром ломают голову над этой загадкой. В конце концов, они приходят к решению, что изречение сие означает: «Без правды не будет коронации, а стало быть, без правды нет царствования». Интересно, что сценаристы не полностью выдумали эту фразу. Примером им послужило весьма популярное в своё время изречение знаменитого московского юродивого XIX в. Ивана Яковлевича Корейши, который на вопрос одной дамы «Женится ли такой-то?» ответил буквально: «Без працы не бенды кололацы» (Прыжов И.Г., 1865: 17).

Звучное и бессмысленное слово *кололацы* так понравилось русской публике, что его тут же подхватили публицисты. М.Н. Катков в своей статье «Старые и новые боги», опубликованной в «Русском вестнике» (т. 31 за февраль 1861 г.), неоднократно использовал слово *кололацы* в значении бессмыслицы. Затем слово забылось, а уже в XXI в. оно прозвучало с экрана, правда, в искажённом виде – «колорацы». Но смысл у этого изречения Юрия Яковлевича, конечно, есть. Так причудливо была искажена польская пословица *Bez pracy nie będą kłaczcy* (*Без труда не будет калачей*) (Walter H., 2014: 314), где *kłaczcy* (*калачи, праздничная сдоба*) превратилось в *кололацы*. В русском языке ближайшим аналогом этой польской поговорки с тем же образом калача является пословица *Хочешь есть калачи, не сиди на печи*. И русские, и поляки здесь используют образ калача как результата труда. Чтобы есть сдобные белые калачи, нужно немало потрудиться. О популярности в Польше пословицы *Bez pracy nie będą kłaczcy* говорит наличие в польском сегменте интернета большого количества мемов с этой поговоркой. Например, один из демотиваторов гласит: *Może i bez pracy nie ma kłaczcy, ale odcisków, przemęczenia i zwyrodnienia stawów też nie* (*Может, без труда нет калачей, но и мозолей, переутомления и дегенеративного остеоартрита тоже нет*) (Demotywatory.pl). Русская пословица *Хочешь есть калачи, не сиди на печи* не столь популярна у нас. Мы не обнаружили интернет-мемов с ней. Это можно объяснить тем, что реалии пословицы устарели для сегодняшней России. В наше время существуют калачи, но они не являются символом сытой и безбедной жизни. Кроме того, выражение «сидеть на печи» в смысле ‘лениться, бездельничать’ также устарело в наши дни. Да и настоящая традиционная русская печь – уже редкость.

Для отражения семантики «Без усилий нет результата» в России в настоящее время более популярна пословица, которая использует образ рыбака и рыбы: *Без труда не вытащишь и рыбку из пруда* и др. Рыбалка, вроде бы, дело нехитрое, однако поймать рыбу можно, только затратив определённые усилия и проявив терпение. Именно эту пословицу приводил прораб в популярном советском фильме «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» (реж. Л.И.Гайдай, 1965 г.) как пример правильного отношения к работе, что, без сомнения, способствовало расширению популярности пословицы. О популярности этой поговорки также говорит довольно большое количество русских интернет-мемов с пословицей *Без труда не вытащишь и рыбку из пруда*, а также с её трансформированными вариантами (например, *Без труда – растёт лишь борода*).

Латышский семантический эквивалент нашей пословицы о рыбке из пруда использует образ падения предметов с неба: *Bez darba nekas no gaisa nekrīt* (Без труда ничего с неба не падает) (LSDF: 997 1896). Смысл в том, что с неба, подобно библейской манне небесной, ничего не упадёт. Чтобы получить, что-либо, надо затратить определённые усилия, потрудиться. Литовцы говорят: *Be darbo nėra skarbo* (Без труда нет добра (богатства), *Be darbo nieko nebus* (Без труда ничего не будет). Зафиксирована в литовской паремииграфии и знакомая нам пословица *Be darbo neištrauksi nė žuvies iš prūdo* (Без труда не вытянешь и рыбы из пруда) (Patarles.lt). Можно предположить, что в последнем случае речь идёт о старой контактной параллели с русской пословицей. В литовском варианте мы видим неупотребительное в настоящее время заимствованное слово *prūdas* (ср. рус. пруд), в то время как в современном литовском пруд обозначается словом *tvenkinys*.

Среди других семантических эквивалентов пословицы *Без труда не вытащишь и рыбку из пруда* в русском языке имеется пословица *Без труда нет плода*. В данном случае используется образ плода, который человек может получить, только неустанно заботясь о дереве. Как известно садоводство – дело трудоёмкое, требующее постоянных усилий. Этот нюанс семантики отражает татарская пословица *Эш эшлэми уцьиш булмый, эшлэмичэ баен булмый* (Без труда не будет урожая, без труда не заработаешь) (Мукатдесова Ч.Р., 2012). В ней также используется метафора плодов, урожая.

Английские аналоги русской пословицы используют кулинарный образ сладкого (что близко по семантике пословицам с упоминанием калачей): *No sweet without some sweat* (Нет сладкого без пота) (Мюррей Ю.В., 2008: 13), *No honey without gall* (Нет мёда без желчи) (CVC. Cervantes). Семантические эквиваленты варианта пословицы с образом мёда имеются и в русском, и в польском языке: рус. *Не потрудишься, мёду не поешь*; польск. *Bez zachodu nie będzie miodu* (Walter H., 2014: 314). Французский эквивалент дополнительно использует образ пчёл: *Qui veut du miel, souffre l'abeille* (Кто хочет мёда, страдает от пчелы) (CVC. Cervantes). Здесь речь не просто об усилиях, но и об опасности быть покусанным пчёлами в процессе добывания мёда.

Из области кулинарных изысков взят пословичный образ печёных (жареных) голубей: нем. *Tauben fliegen einem nicht gebraten ins Maul* (Голуби не влетают жареными в рот); польск. *Pieczone gołbki same nie wlecą do gąbki* (Печёные голубки сами не долетят до губки) (Walter H., 2014: 314).

Ряд паремий использует образ ореха. Чтобы его съесть, надо затратить определённые усилия, разбивая или разгрызая скорлупу: рус. *Не разгрызёшь (Не разгрызть) ореха, не съешь (не съест) [у] ядра* (Мокиенко В.М., 2010: 627); англ. *He that will/would eat the kernel must crack the nut* (Кто собирается съесть ядро ореха, должен его расколоть); фр. *Il faut casser la noix pour manger le noyau* (Надо расколоть орех, чтобы съесть ядро) (CVC. Cervantes); нем. *Wer den Kern will, muss die Nuss knacken* (Кто хочет ядро, должен расколоть орех) (Walter H., 2014: 314). Широко известна также французская паремия со сходной семантикой, где используется образ яйца, которое необходимо расколоть: *On ne fait pas d'omelette sans casser les œufs* (Яичницу не делают, не расколов яиц) (CVC. Cervantes).

В наиболее общем виде семантика «Без усилий нет результата» выражена в английской пословице *No rains, no gains* (Нет усилий, нет достижений) (Мюррей Ю.В., 2008: 13). Французы тоже в пословице упоминают усилия: *Nul bien sans peine* (Нет богатства без усилий), *Rien ne vient sans peine* (Ничто не приходит без усилий) (CVC. Cervantes). Эти паремии представляют собой простую констатацию факта без использования метафор и близки к конденсированной пословичной идее. Немцы в аналогичной пословице говорят о том, что надо попотеть, прежде чем что-то получить: *Ohne Schweiß kein Preis* (Без пота нет вознаграждения), а также *Ohne*

Fleiß kein Preis (Без прилежания нет вознаграждения) (Walter H., 2014: 314). В башкирской пословице человеку тоже надо попотеть, чтобы получить желаемое: *Тирләп эшләһән, тәмләп ашарһың* (Чтобы вкусно поесть, надо попотеть) (Надршина Ф.А., 2002: 93]. Сходную семантику несёт в себе татарская пословица *Тирләп эшлэсэн, аш тәмле була* (Заработанное потом, вкусным бывает) (Tatkazan.ru).

С образом рыбы связаны финские пословицы рассматриваемой семантики: *Ei kala miestä hae, jollei mies kalaa* (Рыба мужика не станет искать, если мужик не станет искать рыбу), *Ei kalaa saada jalan kastamatta* (Рыбу не поймаешь, не намочив ног) (Храмцова О.А., 2011: 16). Последняя пословица указывает на необходимость усилий и некоторых неприятных обстоятельств при ловле рыбы (не намочив ног). Этот образ мокрых ног перекликается с образом мокрых кошачьих лапок из французской паремии *Le chat aime le poisson, mais n'aime pas mouiller les pattes* (Кошка любит рыбу, но не любит мочить лапки). Английская паремия со сходной семантикой говорит: *A cat in gloves catches no mice* (Кошка в перчатках мышей не ловит) (Надршина Ф.А., 2002: 76).

Семантику «Без усилий нет результата» отражают следующие башкирские пословицы: *Кабызмаһаң, шырпы ла янмай* (Не чиркнешь, и спичка не зажжётся) *Хонолмайһыузаэсеңбулмай* (Не потянувшись и воды не напьёшься) (Надршина Ф.А., 2002: 75).

Старая кхмерская пословица гласит: *បើចង់បានកុំខ្លាចបង់* (Если хочешь получить, не бойся вкладывать). Её семантика может трактоваться очень широко. Эта пословица встречается в кхмерском сегменте интернета и в следующем варианте *ធ្លាប់ខាតកុំឈប់ខាត បើចង់បានកុំខ្លាចបង់* (Торговать в убыток не прекращай, если хочешь получить, не бойся вкладывать) (Sopheaset). В данном случае семантический акцент смещается в сторону бизнеса (торговли): пословица призывает не бояться убытков и постоянно вкладывать в бизнес средства и усилия. В определённом контексте данная паремия также является семантическим эквивалентом русской пословицы *Без труда не вытащишь и рыбку из пруда*. Турецкая пословица *Çalışan kazanır* (Работающий выигрывает, в смысле зарабатывает) (Порхомовский М.В., 2014: 161) также несёт сходную семантику, здесь есть и труд, то есть усилия, и вознаграждение.

Наиболее сложно идея о необходимости усилий для достижения результата выражена в монгольской пословице: *Уйлсаар уйлсаар хүн болдог, майлсаар майлсаар мал болдог* (Ребёнок кричит-кричит и в люди выходит, ягнёнок блеет-блеет и в скотину вырастает) (Кульганек И.В., 2017: 147). Трактовать данную пословицу можно по-разному. В некоторых контекстах её семантика определённо пересекается с семантикой рассматриваемой русской пословицы. В работе И.В. Кульганек русским эквивалентом данной монгольской паремии названа пословица *Без труда не вытащишь и рыбку из пруда* (Там же).

Существует несколько эквивалентов пословицы *Без труда не вытащишь и рыбку из пруда* и в таджикском языке. Приведём лишь некоторые из них: *Ба шутур алаф даркор бошад, гарданаширо дароз мекунад* (Верблюду трава понадобится, он шею вытянет); *Аз ором нишастан говҳари мақсад ба даст намеояд* (Спокойно сидеть – цели не добиться); *Ганчи беранч надидааст касе, Гули бехор начидааст касе* (Никто не видел сокровища, добытого без труда, Никто не рвал розы без шипов) (Калонтаров Я.И., 1965: 72).

Таким образом, мы видим, что пословичная конденсированная идея «Без усилий нет результата» находит свое выражение во всех рассмотренных пословицах четырнадцати языков, принадлежащих к разным типам и языковым группам. Лингвокультурологический анализ показывает, что русская пословица *Без труда не вытащишь и рыбку из пруда* имеет семантические эквиваленты во всех рассмотрен-

ных языках. Одни эквиваленты являются полными, семантика других лишь частично пересекается с семантикой русской поговорки.

Эквиваленты русской поговорки в разных языках отличаются обилием образов, через которые до слушателя доносится идея о необходимости приложения усилия для достижения желаемого результата. Среди образов большое место отводится продуктам питания: калачи, печёные и жареные голуби, мёд, орехи, яичница, рыба, вода, просто что-то сладкое или вкусное. В ряде случаев в наборе «усилий» предлагаются такие варианты, как попотеть, замочить ноги, потянуться, вытянуть шею, чиркнуть спичкой, рвать розы или продолжать вкладывать. Национальное представлено в эквивалентах в виде образов, связанных с реалиями (например, славянские калачи, таджикские верблюды).

В целом, идея русской поговорки *Без труда не вытащишь и рыбку из пруда* фиксирует опыт самых разных народов и может быть признана общечеловеческой.

Литература

1. Бредис, М.А. Национальное и интернациональное в поговорках (на примере аналогов поговорки «Русский человек задним умом крепок» в ряде языков) // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы: тр. и матер.: в 2 т. / под общ. ред. Е.А. Горобец, О.В. Жолобова, М.О. Новак. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. – Т.1. – С. 15-19.
2. Калонтаров, Я.И. Таджикские поговорки и аналогии с русскими. – Душанбе: Ирфон, 1965. – 534 с.
3. Кульганек, И.В. Монгольские поговорки и поговорки: Исследование, перевод, комментарий. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. – 184 с.
4. Ломакина, О.В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль : монография / О.В. Ломакина; под ред. В. М. Мокиенко. – М.: РУДН, 2018. – 344 с.
5. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.
6. Мукатдесова, Ч. Р. Концепт «труд» в татарском и немецком языках : на материале поговорок и поговорок: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02, 10.02.20 / Ч.Р. Мукатдесова. – Казань, 2012. – 26 с.
7. Мюррей Ю.В. Большая книга русских поговорок и поговорок и их английских аналогов = The Big Book of Russian Proverbs and Sayings with their English Equivalents / Ю. В. Мюррей. – М.: АСТ: СПб.: Сова, 2008. – 252.
8. Надршина, Ф.А. Башкирско-русский словарь поговорок и поговорок / Ф.А. Надршина, Э.М. Зубаирова, авт.-сост. – Уфа: Китап, 2002. 160 с.
9. Порхомовский, М.В. Турецкие поговорки в языке и речи / М.В. Порхомовский. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 176 с.
10. Прыжов И.Г. 26 Московских лже-пророков, лже-юродивых, дур и дураков. – М., 1865. – 163 с.
11. Селиверстова, Е.И. Пространство русской поговорки: постоянство и изменчивость / Селиверстова Е.И. – М.: Флинта, Наука, 2017. – 296 с.
12. Хлебда, В. О чем думает русский индус, или Об эквивалентах поговорок в двуязычном словаре / В. Хлебда // Przegląd Rusycystyczny. – Katowice, 2008. – No. 4 (124). – S. 90-104.
13. Храмова, О.А. Финские поговорки и поговорки и их русские аналоги. Русские поговорки и поговорки и их финские аналоги / О.А. Храмова. – СПб.: КАРО, 2011. – 240 с.
14. Walter, H., Mokienko, V., Komarowska, E., Kusal, K. Русско-немецко-польский словарь активных поговорок (с иноязычными параллелями и историко-культурологическими комментариями). – Greifswald-Szczecin, 2014. – 433 S.

Электронные ресурсы

1. CVC.Cervantes [Электронный ресурс] Режим доступа: URL <https://cvc.cervantes.es/lengua/refranero/ficha.aspx?Par=59193&Lng=1> – 19.02.19
2. Demotywatory.pl [Электронный ресурс] Режим доступа: URL <https://demotywatory.pl/4312232/Moze-i-bez-pracy-nie-ma-kolaczy> – 15.02.19.
3. LSDF [Электронный ресурс] Режим доступа: URL <http://valoda.ailab.lv/folklorasakamvardi/11.html> – 19.02.19.

4. Patarles.lt [Электронный ресурс] Режим доступа: URL
<http://www.patarles.lt/lietuviskos-patarles/patarles-apie-darba/> – 19.02.19.
5. Sopheaset [Электронный ресурс] Режим доступа: URL
https://learningkhmer70.blogspot.com/2017/12/blog-post_17.html – 19.02.19.
6. Tatkazan.ru [Электронный ресурс] Режим доступа: URL
<http://tatkazan.ru/tatarskie-poslovitsyi-o-trude-rabote-i-trudolyubii-s-perevodom/> – 19.02.19.

Summary. The article is devoted to a comparative linguistic and cultural analysis of semantic equivalents for the Russian proverb Без труда не вытащишь и рыбку из пруда (literally: Without effort, you can not pull the fish out of the pond) based on the Russian, Polish, German, English, French, Latvian, Lithuanian, Finnish, Bashkir, Tatar, Turkish, Khmer, Mongolian and Tajik proverbs.

Key words: linguistic and cultural analysis, comparative method, proverb, equivalency.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ

Л.Б. Воробьева

Россия, г. Псков, Псковский государственный университет
 lina5558@yandex.ru

Как известно, наименования предметов быта являются объектом исследования не только лингвистов, но и этнографов, фольклористов, историков. С.А. Кошарная отмечает, что изучение отдельных тематических и семантических групп бытовой лексики высвечивает факты экстралингвистического характера, касающиеся становления и развития этнического сообщества, условий его существования и позволяет проследить эволюцию мыслительной деятельности носителей языка, поскольку языковая ментальность предопределяет выбор средств для описания конкретного фрагмента окружающей действительности (Кошарная С.А., 1999: 107).

Работы А.К. Байбурина (Байбурин А.К., 1989), Т.А. Бернштам (Бернштам Т.А., 1985), А.Л. Топоркова (Топорков А.Л., 1989) и других авторов, посвященные символическим функциям жилища, народного костюма, предметов повседневной жизни, показывают, что в традиционной культуре само утилитарное использование вещей регламентировалось целым рядом запретов и поверий, что быт пронизан глубокими мифологическими интенциями, которые выявляются лишь при сопоставлении повседневной жизни с ритуалами и мифами. Предмет наделяется символическим значением на основе отдельных его характеристик по форме, цвету, материалу и т.д. Каждая из этих характеристик в свою очередь может иметь символический смысл (например, символика круга, креста, отдельных цветов, металлов, деревьев и др.).

Характерной особенностью устойчивых сравнений (УС) является количественное преобладание образных стержней, представленных предметной лексикой (в частности, наименованиями предметов домашнего обихода, орудий и результатов труда).

Анализ русских и литовских УС показал, что сравнительные компоненты единиц в большинстве случаев выражены словами, обозначающими предметы, с которыми человек с давних времен сталкивается в повседневной жизни. Имеющийся материал позволяет говорить о том, что многие представления о материальном строе народного быта, отраженные в сравнениях, у русских и литовцев совпадают. Однако это общее дополняется спецификой каждого отдельно взятого этнического миропонимания, обусловленного историческими особенностями жизни и быта конкретного народа, а также его духовной культурой.

В тематической группе предметно-бытовой лексики наиболее насыщенной в количественном отношении является группа сравнений с наименованиями орудий и принадлежностей труда. Это обусловлено тем, что обработка природного сырья и

производство в домашних условиях вещей, необходимых в хозяйстве и быту, имеют давние традиции. Кроме того, известно, что исконным занятием славян и балтов является земледелие, характер которого теснейшим образом связан с климатическими условиями и этническими традициями местных жителей. Все эти факторы, являясь близкими для русских и литовцев, обусловили сходство орудий и приемов земледелия, отразившихся в языке, в том числе в лексике и фразеологии.

Так, в образных компонентах, называющих орудия и принадлежности труда, нашли отражение не только сельскохозяйственные орудия (в русских УС: **грабли, жернов, лопата, серп**; в литовских УС: **grėbllys** /грабли/, **girnós** /жернов/, **šakės** /вилы/, **spragilas** /цеп/, **plūgas** /плуг/, **noragas** /сошник/, **dalgis** /коса/, **akėcios** /борона/, **karonė** /мотыга/), но и инструменты, принадлежности портновского ремесла, вышивания (в русских УС: **булавка, игла, наперсток, нитка, пуговица**; в литовских УС: **adata** /игла/, **siūlas** /нитка/, **žirklys** /ножницы/), орудия ткачества, обработки льна (русско-литовское соответствие: **веретено – verpstė**), инструменты столярного промысла, резьбы по дереву (в русских УС: **гвоздь, доска, долото, молоток, пила**; в литовских УС: **vinis** /гвоздь/, **lenta** /доска/, **kaltas** /долото/, **pjūklas** /пила/), строительного ремесла (русско-литовское соответствие: **кирпич – plyta**), кузнечного промысла (в русских УС: **клещи, кувалда**), заготовки леса (русско-литовская параллель: **топор – kirvis**).

Наиболее активно в качестве образа сравнения русскими и литовцами используется компонент **топор**. Традиционное использование в устойчивых языковых выражениях наименования **топора** объясняется тем, что дерево служило основным материалом для постройки жилища, для разных промыслов, а также для обогрева помещений.

Группа сравнений с образным компонентом **топор** представлена русско-литовскими эквивалентами **плавать как топор – plaukti kaip kirvis** в значении 'об абсолютном неумении плавать'. В русском языке в аналогичном значении используется и **идти/пойти ко дну (тонуть/потонуть) как топор**. Анализ показывает, что в русских единицах с компонентом **топор** явно выделяются ассоциативные признаки, связанные с различными характеристиками работы топором. Чаще всего это работа грубая, неизящная, отсюда образная характеристика внешности человека (**точно топором вырубленный**) или грубого, неумелого исполнения чего-либо (**как топором рубить**). С однозначным и необратимым результатом процесса рубки ассоциируется окончательное прекращение какой-либо деятельности (**как топором [отрубил]**). В некоторых сравнениях актуализируется ассоциативный признак 'резко, решительно' (рус. **сказал как топором отрубил**, лит. **atsimušti kaip kirvis į akmenį** /отскочить как топор от камня/), ассоциации с тяжестью наносимого топором удара (рус. **как топором по голове – 'о неприятной новости'**, лит. **krito kaip kirvis nuo koto** /пал как топор с топорюща/ – 'о внезапной смерти').

Для характеристики враждебных отношений между людьми в сравнительной части литовских единиц рядом используются образы топора и камня. Таким образом, с одной стороны, сопоставляются близкие по свойствам (твердость, прочность) предметы – железо и камень, применяющиеся издавна во многих областях деятельности человека, с другой стороны, известно, что их столкновение не порождает союз, а наоборот, отталкивает друг друга. На основе этой ассоциации и возникли сравнения: **gyventi kaip kirvis su akmeniu** /жить как топор с камнем/ и **susikirsti kaip kirvis su akmeniu** /сцепиться как топор с камнем/. Наоборот, дружба, союз людей характеризуется сравнением **atitiko kaip kirvis kotą** /подошел как топор к топорющу/. Несмотря на то, что образы топора и камня в русских сравнениях не зафиксированы, они встречаются в пословицах, в частности, в псковской пословице **Острым топором камня не перерубишь, лишь топор иступишь**.

Ряд фразеологических характеристик в русском и литовском языках создается с помощью компонента **шило**. Отражение в сравнительных единицах данной ре-

лии может быть обусловлено широким использованием шила в кожевенном, скорняжном, шорном и сапожном промыслах.

Компонент **шило** используется в случаях образной оценки физических качеств человека: рус. *нос у кого как шило*; лит. *laibas kaip yla* /тощий как шило/. В псковских говорах отмечено УС *когти что шилья у кого*. Сравнения строятся на ассоциации с длинным, острым предметом.

Мотив *шило в мешке* встречается в нескольких сравнительных единицах двух языков. Эквивалентными сравнениями передается значение 'о чем-либо, что невозможно утаить, скрыть': *как шило в мешке – kaip yla iš maišo*. В литовском языке при расширении названной единицы глаголом-основанием сравнения она приобретает иное значение – 'вмешиваться, куда не надо': *lenda kaip yla iš maišo* /высовывается как шило из мешка/.

Значение ряда УС задается аналогиями, которые возникают в ситуациях, когда шило причиняет боль. Здесь в основе сравнительных ассоциаций такие свойства шила, как острота, колкость, способность причинить боль. При этом, если в русских единицах мотив физической боли используется для характеристики физических действий человека (*ерзать словно у кого шило в задю, вскочить (подскочить) будто кого шилом кольнули*), то в литовских «воздействие шила» затрагивает внутренний мир человека, причиняет моральную боль (*įdurti kaip su yla* /кольнуть как шилом/ в значении 'оскорбить, задеть', *liežuvis kaip yla* /язык у кого-либо как шило/ 'о человеке, который всех задевает, оскорбляет').

Таким образом, сравнения с образным компонентом, представленным лексикой бытовой сферы, в очередной раз подтверждают тот факт, что особо значимые орудия труда, используемые в повседневном быту, сельском хозяйстве, в промыслах, приобретают особый статус, становясь символами определенных качеств, свойств и, отражаясь в образных языковых единицах, создают их национальный колорит.

Литература

1. Байбурин, А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – Л., 1989. – С. 63–88.
2. Бернштам, Т.А. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XX – начало XX в.) // Этнические стереотипы поведения. – Л., 1985. – С. 120–153.
3. Кошарная, С.А. В зеркале лексикона: Введение в лингвокультурологию. – Белгород, 1999.
4. Топорков, А.Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – Л., 1989. – С. 89–101.

Summary. The article is devoted to the analysis of the ethnocultural semantics of sustainable comparisons, which include components that call tools and labor accessories. The analysis is carried out in a comparative aspect: units of the Russian and Lithuanian languages are analyzed.

Key words: ethnocultural semantics, sustainable comparison, comparative method, Russian language, Lithuanian language.

ПРИМЕТЫ КАК ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

Гоу Яньминь

Россия, г. Москва, Российский университет дружбы народов уап04min06@gmail.com

В последние годы в лингвистике наблюдается возросший интерес к когнитивным исследованиям, одной из целей которых является реконструкция языковой картины мира (ЯКМ) и выявление в ней национально-специфического. Под картиной мира мы понимаем определенную систему представлений об окружающей нас действительности; совокупность взаимосвязанных и систематизированных представлений о мире, Вселенной, о месте человека в этом мире, о его творческих и по-

знавательных способностях. Картину мира можно рассматривать как модель мира, но не любая модель является картиной, обязательно нужно наличие субъекта — человека.

Каждый язык формирует свою языковую картину мира, в соответствии с которой формируется каждое высказывание. Это один из важнейших способов формирования знаний человека о мире. ЯКМ представлена в виде системы образов, которые заключают в себе окружающую действительность.

«Знания и представления о действительности каждого народа, формируясь в процессе познания окружающего мира и вербализуясь различными способами, находят воплощение в национальной картине мира (НКМ)» (Ломакина О.В., 2018: 17). НКМ формирует отношение человека к миру и задает нормы поведения, принятые у того или иного народа, отражает народные традиции. «Целесообразность выявления универсалий, объединяющих представителей различных лингвокультурных общностей, обусловлена тем, что восприятие существенно общего в культуре другого народа способствует пониманию его уникальных особенностей» (Владимирова Т.Е., 2018: 56).

Особая роль при формировании НКМ отводится фразеологизмам, пословицам и поговоркам, приметам, поскольку эти единицы «...ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т.п. и в употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» (Корнилов О.А., 2003: 12). В зависимости от того, какие единицы формируют НКМ, выделяются определённые типы: фразеологическая картина мира (ФКМ) и паремиологическая картина мира (ПКМ), которые формируют НКМ, являясь ее составными частями.

Паремии, понимаемые нами как родовое наименование для примет, пословиц, загадок, скороговорок, помогают показать национальную специфику, а значит, являются элементом НКР. «Приметы, будучи одним из древнейших типов паремий, представляют собой особое явление в национальной культуре. Паремиологи отмечают необычайную живучесть паремий этого типа. Приметы бытуют не только в широких народных массах, но и среди образованных, культурных людей: писателей, педагогов, журналистов, актеров и т.п., что объясняется психологической потребностью человека установить систему соотношений и связей прошлого и настоящего, познаваемого и непознаваемого с тем, чтобы получить информацию о будущем» (Никитина Т.Г., 2008: 74). Поскольку приметы, наряду с пословицами, загадками, мы относим к паремиям, это даёт основание говорить о примете как составляющей ПКМ, которая помогает собрать данные о культуре и традициях того или иного народа.

Рассмотрим некоторые китайские приметы и покажем, какие традиции китайского народа заключены в них.

1. 进门之前, 新娘跨过火盆, 预示生活红火, 多子多福。(Рус. Прежде чем войти в дом будущего супруга, невеста должна переступить через сосуд с горящими углями. Это отгоняет злых духов и является символом процветания и плодовитости) .

2. 如果在梦中遇到棺材, 那也是代表了有升官发财之喜。(Рус. Если вы видите во сне гроб, это означает скорую радость и удачу.)

Слово “гроб” по-китайски звучит похоже на чиновники и деньги, это хороший знак для жизни.

3. 麻雀叫, 预示两口子要吵闹。(Рус. Супругам слышать щебетание воробьев – к ссоре.)

4. 如果外出办事, 在路上遇到很多的红灯, 那说明这件事也是很难做成功的。(Рус. Если по дороге на работу вы столкнетесь с большим количеством красных сигналов светофора, это значит, что сегодняшний день не будет успешным.)

5. 日蚀、月蚀是凶灾之兆。(Рус. Если одновременно случается солнечное затмение и лунное затмение, то следует быть осторожным.)

Не все китайские приметы характеризуют только китайский народ, есть универсальные примеры, что доказывает интернациональность этого разряда паремий, а значит, лишь дополняет данные НКМ. Например:

1. 家人出门马上扫地不吉利。(Рус. Если подмести пол сразу после отъезда родственника, у него могут случиться неприятности в дороге.)

Когда подметают пол, то неизбежно выбрасывают мусор. В Китае если человек подмести пол сразу после отъезда родственника, то надеется, что его родственник никогда не вернётся.

2. 瑞雪兆丰年。(Рус. Если много снега, то будет богатый урожай.)

Сильный снег создает лучшие условия для роста озимых.

3. 结婚当天下雨, 据说会给新人带来好运气。(Рус. Если в день свадьбы идет дождь, то это обещает счастливую жизнь).

В Китае считается, что это Бог проливает слезы на свадьбе вместо невесты, а в будущем её ждёт только счастье, жизнь без слез.

Приметы представляет собой элемент НКМ, поскольку отражают национальную самобытность народа, его верования и традиции. В отличие от пословиц, приметы китайского языка не изучались. Комплексное описание примет китайского языка расширит данные НКМ.

Литература

1. Владимирова, Т.Е. Русский дискурс в межкультурной коммуникации: Экзистенциально-онтологический подход. Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: URSS, 2018. – 320 с.

2. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

3. Ломакина, О.В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: монография / О.В. Ломакина; под ред. В.М. Мокиенко. – М.: РУДН, 2018. – 344 с.

4. Никитина, Т.Г. Русские паремии: новые формы, новые смыслы, новые аспекты изучения: Колл. Монография / Научн. ред. проф. Т.Г. Никитина. – Псков.: ПГПУ, 2008. – 256 с.

Summary. In recent years, there has been an increasing interest in cognitive research in linguistics, one of the goals of which is the reconstruction of the linguistic picture of the world and the identification of the national-specific in it. By the picture of the world, we understand a certain system of ideas about the reality around us; a set of interrelated and systematized ideas about the world, the universe, about the place of man in this world, about his creative and cognitive abilities. The picture of the world can be considered as a model of the world, but not every model is a picture; one must have a subject – a person.

Key words: model of the world, linguistic picture of the world, folk saying, Chinese language.

ОЦЕНОЧНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОНЯТИЙ «БОГАТСТВО» И «БЕДНОСТЬ» В РУССКИХ И ПЕРСИДСКИХ ПАРЕМИЯХ

Джамали Колур Сейед Исмаил

РФ, г. Москва, Российский университет дружбы народов
russianhamid@yahoo.com

Известно, что мудрость и дух народа могут проявляться в его пословицах, изучение которых способствует как лучшему знанию языка, так и лучшему пониманию образа мыслей и характера народа. В паремиях отражен исторический опыт, мента-

литет, быт и культура народа, в них заключена национальная и культурная специфика народа.

В современной лингвистике пословицы оцениваются в различных аспектах. М.А. Бредис характеризует паремии метафорически: как упаковку Опыта (Бредис М.А., 2018). Е.В. Иванова сравнивает пословицы с зеркалом, в котором отражается жизнь и нравственные устои общества, поэтому паремии действуют в обществе в качестве регулирующих жизненных правил (Иванова Е.В., 2006: 50). О.В. Ломакина, исходя из заключающихся в пословицах дидактизме и назидательности, обращает внимание на прагматический потенциал пословиц (Ломакина О.В., 2018: 77). А. Крикманн пишет, что пословицы многофункциональны: «...ими обосновывают свои положения, дают прогнозы, выражают сомнения, упрекают, оправдываются или извиняются в чем-то, утешают кого-то, издеваются и злорадствуют над кем-то, желают, обещают, разрешают, приказывают и запрещают и т.д.» (Крикманн, 1978: 94). Существует предположение, что в качестве пословиц и поговорок сохранились только те, которые согласовывались с образом жизни, мыслями и воззрениями множества людей на протяжении нескольких поколений, поэтому пословицы и поговорки не спорят, не доказывают – они просто утверждают (Мысенко О.М., 2011: 157)

Яркость проявления народного менталитета в пословицах и поговорках, дает возможность реконструировать пословичную картину мира, под которой понимаются принятые в социуме нормы морали, стереотипы поведения взгляды на природу, жизнь, общество, повседневную жизнь, а также бытовые представления, обычаи и нравы.

Изучая и сравнивая русские и персидские пословицы, мы имеем возможность расширять знания языков, знакомиться с обычаями и фактами истории двух культур, научиться понимать народную мудрость, приобщиться к общечеловеческим моральным ценностям. В данной работе рассматривается 80 паремий (43 персидских и 37 русских), отражающих отношение к богатству и бедности.

Амбивалентность оценки одного и того же явления или ситуации, отражаемая в пословицах, объясняется разными причинами. Иногда эта амбивалентность может быть мнимой, как, например, в пословицах о своем и чужом, в которых она не разрушает оппозиции свой 'хороший' – чужой 'плохой'; в других случаях – как в представляемом ниже материале – она может объясняться объективной неоднозначностью самого явления действительности (Тимошенко Е.И., 2009: 252). Нет сомнений, что противоположение богатства и бедности, понимаемой как свобода от негативного влияния денег на человека, оказывается одним из проявлений антитезы «материальное – духовное» («низменное – высокое») – основной в жизни человека. Русскую пословицу *Богатство перед Богом великий грех, а бедность перед людьми* не надо понимать буквально: богатство или бедность сами по себе грехом не являются. Однако богатый человек в погоне за благополучием, властью и деньгами часто забывает о Боге, о заповедях, о помощи ближним, он начинает думать только о своем благополучии и забывает о душе, поэтому он греховен перед Богом. Бедность же – это грех перед людьми, перед обществом. Во многих народах, в том числе в иранской культуре, принято считать, что человек верующий и трудолюбивый будет усердно работать и сможет обеспечить своих близких самым необходимым. Общество порицает людей, которые ничего не делают для того, чтобы обеспечить свои самые минимальные потребности, перекладывая это на других: так пословица выражает причину отрицательного отношения к противоположным проявлениям уровня материального состояния человека.

В паремиологической картине мира персидского языка бедность и богатство имеют как положительные, так и отрицательные коннотации. Первое, что негативно ассоциируется с понятием богатства, – это скупость. В литературе и искусстве богатые люди ассоциировались со скупостью. Несомненно, стереотипным мышлением в

современном обществе объясняется жадность как черта богатых людей. К данной группе относятся следующие паремии, содержащие отрицательную оценку: перс. آب از دستش نمی چکد (Д. Али Акбар, 2004 : 2) – букв. У него с рук не упадет и капля воды; перс. یک ارزن از دستش نمی افتد (Д. Али Акбар, 2004: 2037) – букв. И зёрнышко проса не проскочит сквозь его пальцы; перс. نه خود خورم نه کس دهم گنده کنم به سگ دهم (А. Амир Голи, 1960: 618) – ср. И сам не ам и другим не дам – рус. Как собака, на сене лежит: и сама не ест, и другим не дает (Даль В.И., 1862: 99); перс. نان را به پشت شیشه مالیدن (Д. Али Акбар, 2004: 1792) – из притчи о скупце, который хранил кусочек сыра в стеклянной банке и ел хлеб, мысленно натирая его сыром (проявлять страшную скупость); перс. نانش به گلو فرو نمی رود (А. Амир Голи, 1960: 600) – букв. Его хлеб застревает в горле (очень жаден).

Рассмотрим более подробно положительные и отрицательные стороны состояний богатства и бедности в русском и персидском языках.

В следующих пословицах *богатство* оценивается положительно, а *бедность* – отрицательно по следующим причинам:

1. За деньги можно заполучить если не все, то очень многое, необходимое в жизни, а без денег – не только мучиться, но и впасть в грех, пойти на преступление: перс. اگر تو را زر باشد دنیاییت برادر باشد (Д. Али Акбар, 2004: 198) – Денежки в кармане – все друзья с нами; перс. دوست، روز حکومت بسیار است (БСРП: 254); перс. زر بر سر پولاد نهی نرم شود (Д. Али Акбар, 2004: 903) – Деньга и в камне дыру вертит (БСРП: 260); перс. پول حلال مشکلات است (А. Амир Голи, 1960: 143) – букв. Деньги все решают – Денежка дорожку прокладывает (БСРП: 254); перс. ای زر تو خدا نه ای (Д. Али Акбар, 2004: 326) – Денежка не Бог, а бережет (или: а милует) (Мокиенко В.М., 2010: 254); перс. بی پولی است و حلقه به گوش فلک کند (А. Амир Голи, 1960: 141) – букв. Беднее (хуже) всех бед, когда нет денег; перс. آدم بی نوا در دو جهان (Ежова Л., Фарсадманеш С., 1984: 15) – Бедность крадет, а нужда лжет (Мокиенко В.М., 2010: 46); перс. گدا بهر طمع فرزند خود را کور می کند (Ежова Л., Фарсадманеш С., 1984: 15) – букв. Нищий ослепляет сына за жадность; перс. آدم فقیر دم در جهنم نشسته است (Ежова Л., Фарсадманеш С., 1984: 15) – Бедность не грех, а до греха доводит (БСРП, С. 46).

2. Кто богат, тот и хорош (уважаем, привечаем и даже красив); богатому везде дорога; богатый независим, он сам себе хозяин; богатому, в отличие от бедного, прощаются недостатки и дурное поведение; богатому везет в жизни. Бедный, напротив, никому не интересен; на него валятся все беды: перс. آدم پولدار روی سبیل شاه نقاره می زند (А. Амир Голи, 1960: 17) – букв. Богач бьет в литавры на шахских усах; перс. پولدارها به کباب (А. Амир Голи, 1960: 144) – букв. Кто с деньгами – тому кебаб, а кто без денег – тому дым от кебаб; перс. هر که زر ندارد هیچ چیز ندارد (А. Амир Голи, 1960: 649) – букв. У кого есть золото – есть всё, у кого нет золото – нет ничего; перс. همه یار تو از بهر تراشند / پی لقمه هوادار تو باشند (Ежова Л., Фарсадманеш С., 1984: 25) – Богаты, так здравствуйте, а убоги, так прощайте (Даль В.И., 1879: 62); перс. زیر آسمان اندازه زمین است و رو اندازه آسمان (Д. Али Акбар, 2004: 932) – Гол как сокол (Даль В.И., 1879: 73); Бедному нигде места нет. Бедному везде тесно. (Даль В.И., 1879: 76); перс. آدم گرسنه خواب نان سنگک میبیند و کباب بازار (А. Амир Голи, 1960: 19) – букв. Голодному не спится, всё хлеб снится.

3. С богатством легче пережить несчастье, справиться с бедой; бедность, напротив, усугубляет несчастья, морально ломает человека: перс. اگر در همه شهر یک سر (Д. Али Акбар, 2004: 1291) – На бедного и капля падает (Даль В.И., 1879: 76); перс. فلک زده را از هر طرف سنگ آید (А. Амир Голи, 1960: 639) – Бедному везде каплет (БСРП, С. 46); перс. هر سنگی برای پای لنگی است (Д. Али Акбар, 2004: 807) – рус. Бедность в клюку гнет; Нищета пуще смерти (Даль В.И., 1879: 76); перс. برای آدم بدبخت از در و دیوار میبارد (А. Амир Голи, 1960: 19) – букв. Пришла беда – отворяй ворота.

Среди персидских пословиц есть такие, в которых сравниваются понятия «богатство, деньги» с другими понятиями, такими как слава, здоровье, знание, бережность и удовлетворённость. Понятие богатство в этих пословицах имеет меньшую ценность: рус. Лучше быть бедным и здоровым, чем богатым и больным (Мокиенко В.М., 2010: 46); перс. فَنَاعَتِ نَوَانِگَرِ كَنْدِ مَرْدِ رَا (А. Амир Голи, 1960: 434) – Тот и богат, кто нужды не знает (Довольствуется тем, что имеет.) Ср. Не в богатстве сила, в довольстве; перс. نِيكْنَامِي بَه كِه كَمَرِبَنْدِ زَرِين – букв. Хорошая слава дороже (лучше) денег (богатства); перс. هَر اَنَكِه رَا عَقْل اسْت و مَالش نِيست رُوْزِي اَن عَقْلِ بَالشِي دِهْد – букв. Тот, у кого есть мудрость и нет денег, когда-нибудь эта мудрость утешит его; перс. ز دَانش بَه اَنْدَرِ دَر جِهَان نِيست (Д. Али Акбар, 2004: 901) – букв. Знание – лучшее богатства.

Таким образом, проведенный сопоставительный анализ пословичной картины мира в русского и персидского языков подтверждает вывод о значительном сходстве рассмотренных паремий, которое связано с универсальным характером ценностной диады «богатство – бедность». При большом сходстве паремий лингвокультурологические установки в каждом из рассмотренных языков основаны на образах, использующих национальные реалии, что формирует своеобразную пословичную картину мира каждого народа. Оценочные характеристики богатства и бедности в обоих языках имеют много общего. Среди совпадающих характеристик богатства выделяются негативные: жадность, мотовство, несоблюдение законов, отсутствие моральных принципов (лживость, бессовестность, спесь и т.д.); среди позитивных – безбедность. Негативные оценочные характеристики бедности: безденежье, наличие задолженностей, вынужденное совершение преступлений как следствие бедности; позитивные – отсутствие такого качества, как жадность, мотивированность на деятельность, счастливая семья, здоровье, добрая слава и честь, отсутствие боязни потери материального имущества.

Литература

1. Амини, Амир Голи. Фарханг-е авам йа тафсир-е амсал ва эстелахат-е забан-е парси – Словарь персидских пословиц и поговорок с объяснением их значений; Издательство Али Акбар Элли, Тегеран, 1960. – 692 с.
2. Аникина В. П., Русские пословицы и поговорки. М.: Художественная литература, 1988. – 431 с.
3. Бредис М.А., Соотношение понятий «Богатство» и «Ум» в паремиологической картине Мира Разных лингвокультур (на материале русского, латышского, литовского и немецкого языков). // Вестник центра международного образования московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2015. – № 2. С. 54-59.
4. Бредис, М.А. Национальное и интернациональное в паремиях (на примере аналогов пословицы «Русский человек задним умом крепок» в ряде языков) // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы: тр. и матер.: в 2 т. / под общ. ред. Е.А. Горобец, О.В. Жолобова, М.О. Новак. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. – Т.1. – С. 15-19.
5. Даль, В.И. Пословицы русского народа, Москва: в университетской типографии, 1862, – 1159 с.
6. Даниленко, В. П., Картина мира в пословицах русского народа, Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017.
7. Деххода, Али Акбар. Амсал ва хекам – Персидские пословицы и поговорки ; Издательство Амир Кабир, Тегеран, 2004 в 4 томах.
8. Ежова Л., фарсадманеш С., Русско-персидский словарь пословиц и поговорок, 1-ое издание, Тегеран, 1984. – 309 стр.
9. Иванова Е.В. Мир в английских и русских пословицах. СПб. Изд-во СПбГУ, 2006.
10. Крикманн, А. Некоторые аспекты семантической неопределенности пословицы / А. Крикманн // Паремиологический сборник: пословица, загадка (структура, смысл, текст) – М.: Наука, 1978. – С. 82-104.
11. Ломакина, О.В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: монография / О. В. Ломакина ; под ред. В. М. Мокиенко. – Москва: РУДН, 2018. – 344 с.

12. Мазепова, Е.В. Оппозиция «Я – другой» в паремиологическом фонде персидского языка. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2013. – № 10-3. – С. 440-444.

13. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА-пресс, 2010. – 1024 с. – БСРП

14. Мысенко, О.М. Русские пословицы и поговорки о труде, бедности и богатстве как опровержение мифов о русской лени и неумении работать // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. – С. 157-162

15. Рубинчик Ю.А. Персидско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1970. – 1613 с.

16. Тимошенко, Е. И. Бедность не порок (характер оценки в русских и белорусских пословицах о богатстве/бедности), Русский язык : система и функционирование (к 70-летию филологического факультета) : сб. материалов IV Междунар. науч. конф., г. Минск, 5–6 мая 2009 г. : в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : И. С. Ровдо (отв. ред.) (и др.). – Минск : РИВШ, 2009. – Ч. 1. – С. 252-255.

17. Хабибиан Симин. 1001 персидско-английские пословицы, США, 1995. 215 с.

18. Ширази Хафиз. Диван Хафиза, 1998. – 544 с.

Summary. Continuing the idea that the phraseology reflects the mentality of the people and its cognitive picture of the world, the author conducts a comparative study of Russian and Persian proverbs with the meaning “Poverty” and “Wealth”. According to the author, by comparing proverbs, one can get acquainted with the customs and facts of the history of two cultures, learn how to understand folk wisdom, and join universal moral values.

Key words: phraseology, Persian language, Russian language, mentality, proverb.

НЕКОТОРЫЕ ОРНИТОНИМЫ В РУССКОЙ И СЛОВАЦКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

О.Е. Ермачкова

Словакия, г. Трнава, Университет Св. Кирилла и Мефодия
olga.iermachkova@ucm.sk

Интерес к фразеологии как к одной из областей языкознания не иссякает на протяжении десятилетий. Богатый материал для исследования языковой картины мира во фразеологии (в широком понимании этого слова) предоставляют зоонимы, в частности орнитонимы, которые характеризуются яркой национальной спецификой, являются универсальным средством метафоризации. Уже в древности человек замечал связь между человеком и животным миром, наделял его сверхспособностями, сравнивал с собой. Животные выступали эталонами многих нравственных и физических качеств (напр.: *упрямый/здоровый как бык, глупый как осел, трусливый как заяц, голодный как волк, злой/уставший как собака, хитрый как лиса, пашет как лошадь, мудрый как ворон* и др.).

Среди домашних любимцев особое место занимал петух – главная «птица на крестьянском дворе». Наши предки верили, что он может предсказывать будущее, прогонять нечистую силу со двора. Об этом свидетельствуют народные приметы (напр.: *пропоет петух на пороге* – к гостям; *кричит в полдень* – сулит перемену погоды; *кричит ночью не вовремя при сильных морозах* – стужа утихнет; *всю ночь поет* – не к добру; *к ночи поет не по времени* – видит некоего и гонит его; *запоет петухом курица* – к покойнику в доме).

Петух в русской фразеологии – это «часовой механизм», «будильник», устройство для отсчета времени, «будимир», без которого, «и утро не настанет». О данном свойстве петухов свидетельствуют многочисленные русские фразеологизмы: *до первых петухов* (за полночь), *до вторых петухов/до поздних петухов* (до глубо-

кой ночи), *до третьих петухов* (до рассвета), *первые/вторые/ третьи петухи пели* (определение времени по пению петухов (в полночь, перед зарей, на заре).

Особый интерес представляет фразеологизм *с первыми петухами* (очень рано утром), имеющий антоним *на коровьем реву* (поздно). Это объясняется тем, что коровы встают позже петухов, и если крестьянка просыпала, то корова начинала реветь.

В словацком языке таким «временным» фразеологизмом является *chodiť správať so slierpami/ ходить спать с курами*, обозначающий своевременный отход ко сну. Характерно то, что в русском языке устойчивых выражений такого типа намного больше и пальма первенства отдана петуху.

Голосистым солнышком называли славяне петуха в древности, считали символом Солнца, предвестником рассвета. Со временем петух стал олицетворять не только Солнце, но и стихию Огня. К тому же, петух – носитель пестрого оперения, зачастую с яркой палитрой красного цвета. Именно здесь находим корни фразеологизма *пускать (красного) петуха* – устроить пожар. Данный фразеологизм не утратил актуальности и в наше время, о чем свидетельствует его частое присутствие в СМИ: «Собственно, и сюда «красный петух» заглядывал, но на сей раз последствия серьезные: 43 пострадавших, 37 из них госпитализированы» (МК, 24.04.15).

В словацком языке аналогичным по смыслу является фразеологизм *červený kohút na streche/ красный петух на крыше*, обозначающий пожар: «*Na Silvestra znovu úradoval alkohol a červený kohút*» (Pravda, 01.01.17).

В отличие от словацкого языка русский фразеологизм *пустить (красного) петуха* в одной из своих форм совпадает с другим устойчивым выражением *пустить (дать) петуха* со значением *издавать крикливые звуки, фальшивить*. Таким образом, мы имеем дело с «омоформами – явлением достаточно редким во фразеологии» (Вознесенская, 2012). Данное значение этого фразеологизма отмечаем в статье про музыкальный конкурс «Голос 60+»: «...оперные певцы, перешагнув определенный возрастной рубеж, считают за благо вовремя уйти на пенсию, чтобы не пустить петуха в сложной арии» (АиФ, 18.04.18).

Испокон веков петухов почитали за их способность прогонять нечисть, оберегать хозяйство, продолжать род. Такое превосходство петухов породило огромное количество фразеологизмов, высмеивающих кур. Вспомним, к примеру, пословицы: *Курица – не птица, баба – не человек; Рак – не рыба, а курица – не птица; Не петь курице петухом, не быть бабе мужиком* и др. В языке закрепился целый ряд фразеологизмов с компонентом «курица», несущих ярко выраженную негативную коннотацию: *курам на смех* (нелогично, глупо); *раскудахтался, как курица* (человек, который возмущается не по делу); *как курица лапой* (неразборчивый почерк); *мокрая курица* (жалкий вид человека или безвольный, бесхарактерный человек); *посл. мокрая курица, а тоже петушится; куриная память* (забывчивый человек); *вареная курица, дохлая курица* (вялый человек); *слепая курица* (человек с плохим зрением).

В словацком языке курица также изображена сквозь призму сарказма: *hlupá ako slierpka/ глупая как курица, ako zmoknutá slierpka/ как мокрая курица*. В большинстве случаев, с курицей сравнивают глупую женщину, домохозяйку, недалекую дамочку (*žena bez rozhl'adu, domáca žena, panička*).

Примечателен исконно русский фразеологизм *куры денег не клюют/ куры золота не клюют* (большое количество денег), отражающий традицию святочных гаданий, когда в курятнике или избе клали различные предметы и по тому, что клевали куры, устанавливали, насколько богат будет будущий жених девушки. Оборот сложился от соединения впечатлений от святочных гаданий и от поведения кур в быту, не клюющих зерно только тогда, когда его много и они насытились (Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В., 2008: 112).

Интересен тот факт, что в словацком языке голодного человека сравнивают с курицей, напр.: *lačný ako mlynárova sliepka*/ голодный как курица мельника.

Обзор некоторых словацких устойчивых выражений отражает матриархальное начало общества, в котором мужчины несчастны со своими сверхсильными женами: *Nešťastný taký dom býva, kde kohút mlčí a sliepka kričí*/ Несчастен тот дом, в котором петух молчит, а курица кричит; *Nešťastný taký dom býva, kde kohút mlčí a sliepka spieva*/ Несчастен тот дом, в котором петух молчит, а курица поет; *Nešťastný taký dom býva, kde kohút kotkodáka, a sliepka kikiríka*/ Несчастен тот дом, в котором петух кудахчет, а курица кукарекает (Zatúrecký, 1974: 63).

Петухи во все времена отличались боевым, взрывным, конфликтным темпераментом, поэтому часто изображались на бойцовских щитах, доспехах, флагах. Они символизировали победу и качества, нужные воину. В контексте славянской истории уместно вспомнить петушиные бои, являющиеся популярным развлечением на Руси. Именно поэтому за петухом закрепилась слава драчуна и задиры, что иллюстрируют многие фразеологизмы: *ишь, распетушился!*; *как молодой петушок*; *прямо как петух*; *растопырился, как петух*. О задиристости петухов свидетельствуют пословицы: *Драчливый петух жирен не бывает*; *Драчливый петух голенаст живет*; *Драчливый петух своей смертью не умрёт* и др.

В словацкой языковой картине мира петух также представлен воинствующим: *bijú sa ako kohúti*/ дерутся как петухи; *dvaja kohúti na jednom smetisku*/ два петуха на одной куче (SSJ z r. 1959 – 1968). Сравнение с петухом говорит о неуравновешенном, крайне эмоциональном состоянии человека, напр.: *červený ako kohút*/ красный как петух; *nasršený ako kohút*/ озлобленный как петух (SSJ z r. 1959 – 1968).

Любопытен и факт, что в словацком языке петух олицетворяет такую мужскую черту как донжуанство: *kohút – záletný muž*/ заезжий молодец, повеса; *sukničár*/ бабник, обольститель женщин (SSJ z r. 1959 – 1968).

Несмотря на особое отношение к данной птице, петух зачастую выступает мерилом отрицательных качеств, как физических, так и нравственных (напр.: *как гамбургский петух* – разряженный, модный человек; *как индейский петух* – самолюбленный, заносчивый человек; *ходить петухом* – с гордым и важным видом; *петуху ячменное зерно жемчужины дороже* – о недалеком человеке, обывателе). В словацком языке выражение *aký kohút*/ каков петух также характеризует гордого человека.

Одним из самых распространенных фразеологизмов с компонентом «петух» является устойчивое выражение *пока жареный петух не клюнул* (пока не случится неприятность), что наблюдается в СМИ: «*Жареный петух добрался до российских студентов*» (НГ, 25.01.17); «*Люди привыкли тратить и, пока жареный петух не клюнул в известное место, не хотят отказывать себе в хорошей одежде*» (АиФ, 23.05.18).

В русской и словацкой культурах орнитонимы «петух» и «курица» имеют как общие, так и различные коннотативные значения. Данные культуры рассматривают петуха как символ задиристости, боевитости, гордости. Курица выступает символом глупости и ограниченности, являясь ярким объектом саркастического высмеивания. В отличие от курицы, признаки петуха, отражающиеся во фразеологии, не субъективны, а вполне реальны (голос, поведение, окраска), в то время как признаки курицы весьма гиперболизированы и предвзяты.

Литература

1. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
2. Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О. (ред.). Фразеологический объяснительный словарь русского языка. – М.: Эксмо, 2009. – 704 с.
3. Берсенёва, К.Г. Русские пословицы и поговорки. – М.: Центрполиграф, 2010. – 383 с.

4. Вознесенская, М.М. Птичий двор в русской фразеологии, часть 1. // Русская речь. 2012. № 5. – С. 116-122.
5. Даль, В.И. Избранные пословицы русского народа. – М.: Олма Медиа Групп, 2015. – 304 с.
6. Демус, В. Копилка мудрости народной. – Х.: Клуб семейного досуга, 2015. – 240 с.
7. Коллар, Д. и др. Словацко-русский словарь. – М.: Русский язык; Братислава: Словацкое педагогическое издательство, 1976. – 768 с.
8. Шанский, Н.М., Зимин, В.И., Филиппов, А.В. Школьный фразеологический словарь. – М.: Дрофа, 2001. – 368 с.
9. Smieškova, E. Malý frazeologický slovník. – Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1974. – 296 с.
10. Zátúrecký, A.P. Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia – Tatran Bratislava: 1974. – 756 с.

Summary. This article analyses the phrasemes with the components *hen/chicken* and *cock* in two Slavic languages (Russian and Slovak). The purpose of this paper is to find proper examples in dictionaries, to compare them and to define common and different features.

Key words: idiom, comparative method, Slavic languages, Slavic phraseology.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

С.С. Зейналова

Азербайджан, г. Баку, Азербайджанский университет языков
zeynalovasasanubar@rambler.ru

Фразеологизм – греческое слово, которое происходит от сочетания слов *phrasis*, что переводится как предложение, законченная мысль и слова *logos*, что означает «понятие». Можно сказать, что фразеологизмы – это логически сложившиеся во времени словосочетания особого происхождения, наполненные культурологической информацией, имеющие устойчивую форму и содержание, отражающие ментальное богатство народов. Фразеологизмы – это народная традиция и опыт, отраженные в языке, воспроизводящие этническую оригинальность народов. Их содержание, формы выражения и этимология уже давно привлекают внимание ученых. Тот факт, что фразеология стала специальным разделом лексикологии, говорит о том, что эта область лингвистики играет огромную роль в исследованиях связи языка и мышления, языка и культуры. Интерпретация универсальных для всех культур понятий в различных языках, сущность структуры фразеологизмов, их роль в процессе коммуникации, возможность их адекватного перевода и сфера применения являются теоретически и практически важными для современного языкознания. Особенно актуально изучение фразеологизмов в свете когнитивных исследований в языке, так как когнитивная лингвистика рассматривает язык как механизм, «систему знаков, играющих роль в репрезентации и в трансформации информации» (Кубрякова Е.С., 2004: 53). Поэтому исследования в когнитивном аспекте проводятся на материале различных языков и расследуется, в первую очередь, паремиологический пласт лексики.

Использование фразеологизмов позволяет людям выразить свои идеи точно, кратко и выразительно – емко. Фразеологизмы можно приравнять к дискурсу, так как они так или иначе характеризуют, очерчивают ту или иную ситуацию, и при этом выражают конкретность. Главными особенностями фразеологизмов являются логичность, лаконичность, эмоциональность и выразительность. Таким образом, фразеологизмы играют особую роль в языке, придавая художественную выразительность речи, отражают коннотацию говорящего к предмету разговора,

помогают разнообразить речь, избежать тавтологии. Универсальные во времени фразеологизмы могут иметь эквиваленты в различных языках, отражая при этом, к примеру, особенности природного ландшафта, особенности национального характера, а это в свою очередь позволяет знакомиться с культурой, историей, бытом и образом жизни нации, помогая выявить когнитивные причины, повлиявшие на возникновение данного фразеологизма в конкретном языке (Dobrovolskij D., 1995: 46).

В любой культуре фразеологизмы относятся к общеупотребительным пластам языка и характеризуются своими особенностями. Источником фразеологизмов каждого языка являются устная речь, письменная литература и фольклор. На наш взгляд, все фразеологизмы можно разделить на две большие группы: фразеологические единицы, которые не могут быть переведены с одного языка на другой, так как отражают национальную культуру, характер языка и прочие дифференцирующие факторы, влияющие на их формирование, и фразеологизмы, которые имеются во всех языках, или, по крайней мере, в языках многих народов с различной культурой и уровнем развития (Ваугатов А., 1978: 105)

Актуально, на наш взгляд, высказывание Фердинанда де Соссюра, который отличает обычную фразу от комбинации фиксированных словосочетаний в языке следующим образом: «Мы все сталкиваемся с множеством выражений, и мы должны связать их с языком. Это готовые части языка, которые обычно не считаются приемлемыми, хотя возможно изменить слова, которые имеют различные значения внутри них. Это полностью зависит от значения и синтаксической структуры значения словосочетаний в терминах традиции. Такие высказывания не исправлены, они используются на готовом языке» (Соссюр Фердинанд де, 2004: 98).

Фразеология немецкого языка отличается богатством и разнообразием. Эта сложная система, разработанная и сложившаяся в результате развития немецкого языка, которая имеет тысячелетнюю историю. Фразеологизмы немецкого языка опираются на различные социальные и исторические обстоятельства. Первыми наблюдателями фразеологических единиц немецкого языка были лексикографы. При этом необходимо отметить, что словарные источники утратили часть значения слов. Такая ситуация обычно наблюдается, когда то или иное слово является частью неделимой комбинации. Например:

Geschickte Hände – qızıl əllər – золотые руки

Auf der Bärenhaut liegen – ayaq döymək – бить баклуши

Das hat weder Hand noch Fuß – ipə-sarayatmaz – не укладываться в рамки

Mit dem Kopf durch die Wand wollen – dikbaşlıq etmək – задирать нос

Как уже отмечалось выше, развитие определенных фразеологических выражений и фраз в языке связано с практическим опытом людей. Этот вид фразеологических единиц складывается непроизвольно и неслучайно. Автор таких выражений – народ, носитель устной культуры, который на протяжении всего своего существования сталкивается с различными историческими судьбоносными событиями, делает из них выводы и пытается выразить это в своей речи. Мы сталкиваемся с рядом трудностей при переводе немецкого фразеологизма на наш собственный язык, так как одно и то же событие или же факт могут быть интерпретированы со стороны разных народов по-разному, с призм собственных интересов или угла восприятия. Еще одной причиной трудности перевода является особенность немецкого языка: разнообразие его словарного запаса, сложной грамматики, флективный тип словообразования. Можно выделить дополнительно причины, по которым фразеологические сочетания на немецком языке несовместимы с фразами на азербайджанском языке:

1. Дифференциация образа жизни людей в силу географического положения.

Фразеологизм «*Sie hat mich auf den Blocksberg gewünscht!*» равноценно русскому фразеологизму «*послать к черту*» и переводится, как «*Она послала меня к*

черту», на азербайджанском это звучит приблизительно как «*Məni səhənnətə göndərdi*» (с азербайджанского дословно переводится как «отправить в ад»). Однако этимология немецкого фразеологизма ведет нас к горе Брокен в Германии, «где, по поверью, ночью собираются ведьмы на шабаш» (Немецкий сленг, 208: 41).

2. Конфессиональная принадлежность.

Предложение «*Er gab seinen Segen zu dieser Arbeit*» передается на русский язык как «Он дал добро на эту работу», на азербайджанский как «*O, buişə öz xeşir-duasını verdi*». *Segen* на немецком означает благословлять, осеять крестом, что, конечно, является одним из атрибутов христианской службы в церкви, однако на азербайджанский язык в значении 'одобрять' это возможно передать только как «*xeşir-duavermək*», т.е. посредством фразеологического выражения, которое принято употреблять в такой ситуации в азербайджанской культуре. Упомянутые выше фразеологизмы на всех трех языках носят когнитивный, дифференцирующий признак, отражающий особенности национального бытия и мышления.

Приведенные факторы приводят, в конечном итоге, к различному мировоззрению и к различным культурным ценностям, которые регулируют жизнь социума в целом и индивида, как его составляющей. Процесс категоризации и структурирования знаний, безусловно, происходит в силу восприятия окружающей среды, которая формирует синонимичный ряд и сравнения образующие фразеологизмы. В таких случаях полный и дословный перевод на азербайджанский язык невозможен, поскольку фразеологические единицы отражают уникальные лексико-грамматические формы языка, национальные особенности, когнитивные особенности традиций, культуры, истории и языковой системы. Значение фраз, которые мы переводим с немецкого на азербайджанский, в дословном переводе могут быть забавными. Например:

«*Die Beine in die Hand nehmen*» – «*aradan sıxtmaq*» – улизнуть, дословно ноги в руки (в русском языке данное выражение, в отличие от азербайджанского, употребляемо).

При переводе выясняется, что русскоязычный читатель поймет данный дословный перевод, а для азербайджаноязычного слушателя он будет непонятен.

Выражение «*Kein Blatt vor den Mund nehmen*» на немецком языке означает 'сказать прямо', но дословный перевод этого выражения будет как «не брать листочков в рот», переводится на русский «без обиняков»; выражение «*Sich etwas durch den Kopf gehen lassen*» означает 'переварить, обмозговать', и его дословный перевод также недопустим – «пропустить что-либо через голову»; но «*Es gut mit jemandem meinen*» переводится дословно «хорошее мнение о ком-то» – 'симпатизировать'; «*Das gelbe Fieber*» переводится дословно как «желтая температура», недомогание, но используется также при переводе такой болезни, как лихорадка, болезни придающей коже желтоватый оттенок; «*Die silberne Hochzeit*» – «серебряная свадьба» – 25-летие свадьбы, при котором дарят друг другу серебряные кольца и это также является традиционным элементом европейской семейной этики; «*Der schwarze Markt*» означает черный рынок и в данном случае дословный перевод возможен, так как во многих языках теневую экономику характеризуют этим выражением. Большинство слов в этом типе фразеологизмов передаются в прямом смысле, и на основе этих значений складывается ясная формулировка и соответствующий ей образ. Безусловно, вновь необходимо отметить, что некоторые выражения содержат культурологический фон и понятны, в первую очередь, народам со схожими культурными ориентирами. В большинстве случаев, большие трудности возникают при машинном переводе: буквальный перевод словосочетаний приводит к естественным недоразумениям. Поэтому при изучении немецкого языка, необходимо знакомиться с культурологическими особенностями и культурологическим фоном языка, знать значение и место употребления его фразеологизмов (Нэзэнов Н., 1979: 37). При чтении любого произведения на

немецком языке необходимо производить фиксирование словосочетаний, пословиц, афоризмов и т.д. Особенно много фразеологизмов в работах гениальных немецких писателей и поэтов, классиков мировой литературы. Считаю необходимым отметить и такой факт, что существуют природные явления, обозначенные в каждом языке одинаковыми по своему семантико-структурному составу фразеологизмами, но которые со временем стали общеупотребимыми и потеряли изначальную коннотацию во всех языках: «*Die Milchstrasse*», «*Млечный путь*», «*Südyolu*».

Подводя итоги исследования, можно сказать, что появление фразеологических единиц в языке – это один и тот же процесс для разных языковых коллективов. Это речь, которая легко доступна в виде набора фиксированных языковых комплексов для языкового сообщества, характеризующегося стабилизацией и консолидацией. Фразеологические единицы, пословицы, поговорки являлись неисчерпаемым источником для мастеров риторики в древности для достижения поставленной цели, и сегодня правильно организованная речь является фактором для нужной организации и консолидации общества. Правильно подобранные фразеологизмы создают свежесть и естественность общения, что в конечном итоге приводит к поставленной цели – удачному коммуникативному акту.

Литература

1. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В. В. Лексикология и лексикография: избранные труды. М.: Наука, 1986. –161 с.
2. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения: Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. (Язык. Семиотика. Культура).
3. Немецкий сленг. Словарь разговорник, Москва: Восток-Запад, 2008.– 219 с.
4. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Пер. с французского А. М. Сухотина, под редакцией и с примечаниями Р. И. Шор. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
5. Azərbaycan dilinin frazeologiya lügəti / Bakı, “Altun kitab”, 2015. – 750 s.
6. Bayramov A. Azərbaycan dili frazeologiyasının əsasları. Bakı, «Maarif», 1978.– 176 s.
7. Burger, Harald: Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2007. – 301 S.
8. Dobrovolskij, Dmitrij: Kognitive Aspekte der Idiom-Semantik. Studien zum Thesaurus deutscher Idiome. Tübingen: Gunter Narr, 1995. – 264 S.
9. Həsənov, H. Azərbaycan dilinin frazeologiyası. Bakı, 1979.–140 s.
10. Cəfərov, S. Müasir Azərbaycan dilinin leksikası. Bakı, 1970. – 156 s.

Summary. Phraseologisms are the original means of language, wealth and intelligence. Their use of them allows people to give the opportunity to express their ideas accurately, concisely and expressively. The phraseologisms of the German language differ in their richness and emotion. Their equivalent in any language is reflected in the national features of the German language.

Key words: phraseology, German language, comparative method, national picture of the world.

ИТАЛЬЯНСКИЕ ОБРАЗЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА РУССКОГО ЯЗЫКА

М.Л. Лаптева

Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет
hohlina2004@yandex.ru

В рамках современной лингвокультурологической парадигмы развития фразеологической теории (М.Л. Ковшова, В.А. Маслова, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия, Г.В. Токарев, W. Eismann и др.) особое место отводится изучению единиц фразеоло-

гической системы сквозь призму отражения ими культурных реалий и установок. Прежде всего, внимания заслуживает вопрос о том, что именно из культурного фонда, т.е. комплекса знаний, некоторого кругозора в области национальной и мировой культуры, которым обладает ее типичный представитель, в первую очередь проникает во фразеологические знаки естественного языка, какая информация становится значимой для процесса культурно-языкового синтеза. При этом интерес вызывают не только факты русской национальной культуры, но и элементы «чужого» культурного пространства.

Так, Италия – страна противоречий, страна католической церкви и мафии, страна сказочного богатства и крайней бедности (Солли М., 1999: 65). Безусловно, созданная римлянами цивилизация сыграла огромную роль в духовном и политическом развитии не только итальянцев, но и европейских народов в целом.

Итальянский национальный характер так же многообразен, как и природа Италии. Лаура Ферми, жена итальянского физика-создателя первого в мире ядерного реактора Энрико Ферми, в своей книге «Атомы у нас дома» следующим образом описывает итальянский характер: «Итальянский народ отличается необыкновенным разнообразием носов. Но если считать, что нос отражает характер, то можно с полным основанием сказать, что ни у одного народа мира нет такого разнообразия характеров, как у итальянцев» (Ферми Л., 1959: 155). Примечательно, что отмеченная особенность внешности итальянцев находит вербальное выражение в многочисленных итальянских ФЕ с компонентом-соматизмом *нос (naso)*, имеющих, однако, структурно-семантические эквиваленты и во фразеологической системе русского языка. Сравним: итал. *tenere il naso in aria* – рус. *держат нос по ветру*; итал. *portare via di sotto il naso* – рус. *стянуть из-под самого носа*; итал. *ficcare il naso in una cosa* – рус. *совать свой нос куда не следует*; итал. *tenere per il naso* – рус. *водить за нос*; итал. *non vedere più in là del proprio naso* – рус. *не видеть дальше своего носа*; итал. *lasciare con tanto di naso* – рус. *остаться с носом*; итал. *non fa vedere la punta del naso* – рус. *и носа не кажет* и др. Приведенные примеры возвращают нас к вопросу об «установлении равновесия между квотой национального и интернационального» (В.М. Мокиенко) во фразеологии.

В центре рассмотрения данной статьи находятся фразеологические единицы (ФЕ), когнитивным стимулом порождения которых явились результаты креативного взаимодействия русской и итальянской лингвокультур. Наш исследовательский материал составило не столь большое количество «итальянских» ФЕ – около 40 знаков косвенно-производной номинации.

Так, «чужим» следом в русской фразеологии стоит назвать ФЕ, заимствованные из итальянского языка. Среди них ФЕ ***увидеть Неаполь и умереть*** (варианты: ***увидеть Неаполь – и потом умереть, посмотри на Неаполь – и умри!***) – ‘о страстном желании увидеть что-л., побывать где-л. во что бы то ни стало’. В итальянском выражении ***Vedere Napoli et Mori*** (букв. ‘Видеть Неаполь и Мори’), согласно одному варианту перевода, *Mori* является именем собственным, названием деревушки близ Неаполя, согласно другому – глагол *Mori* означает ‘умереть’. Иными словами, итальянское выражение есть не что иное, как игра слов, в то время как в русском оно появилось, скорее всего, в результате ошибки в переводе.

К заимствованиям из итальянского относится ФЕ ***быть в Риме и не видеть папы*** (итал. ***È stato a Roma e non ha veduto il Papa***) – ‘не видеть самого главного где-л., в чем-л.’ Примечательно, что и в русском, и в итальянском языках выражение почти не используется в разговорной речи, а носит книжный характер. Например: ***Быть в Риме и не видеть Папы, жить в Москве и не побывать у графа Льва Николаевича Толстого в равной степени непозволительно для писателя*** (Орлицкий С. У графа Л.Н. Толстого. Русский листок. 1900. 8 января. №8.).

В отдельную группу можно выделить иноязычные обороты, употребляющиеся в русском языке без перевода. В хронологических границах русского литературного

языка от пушкинской поры до наших дней довольно активно употребляются такие выражения, как **far niente, dolce far niente, se non é vero, é ben trovato; e pur si muove** и др. Непереводаемость при возникающей потребности использования подобных выражений закрепляет практику употребления их в иноязычной форме, в которой они заимствуются (Бабкин А.М., 1970: 263). Названные ФЕ были употребительны в русской устной и письменной речи с конца XIX века. **Dolce far niente** – 1. ‘состояние ленивого полузабытья на лоне ласковой природы’: *Лень в своем здесь элементе: здесь ей тихое житье. Юга dolce far niente, сладкой неги забытье* (П.А. Вяземский. Ницца); 2. ‘отрадный и ничем не заполненный досуг’: *Иногда часы целые лежу я после обеда в dolce far niente* (А.И. Герцен. Письмо Н.А. Захарьиной).

Калькой итальянской ФЕ **il dolce far niente** является выражение **сладкое ничегонеделание** – ‘безделье, доставляющее удовольствие, радость кому-либо’, – генетически связанное с гетеростереотипом о праздном времяпрепровождении итальянцев. Этимологически ФЕ восходит к периоду античности, первоисточником выражения является VIII письмо древнеримского политического деятеля, писателя и адвоката Плиния Младшего, чьи труды представляют собой эталон эпистолярного жанра.

Заметим, что в современном российском массмедийном дискурсе выражение реализует узуальное значение. Например: *Итальянцы во всем мире славятся своей ленью. Фраза il dolce far niente – сладкое ничегонеделание – появилась в их языке еще в Средние века: перерыв на ланч и обеденный сон для итальянцев – святое»* (АиФ на даче, 2010, № 3).

Фактом русской речи становятся транслитерированные единицы. Итальянская ФЕ **la dolce vita** (букв. ‘сладкая жизнь’) – ‘приятное расположение духа и получение удовольствия от каждой минуты существования’ – стала широко употребительной в русском языке в виде транслитерации (**ля**) **дольче вита**. Безусловно, стоит согласиться с мыслью В.М. Мокиенко о том, что ФЕ **не жизнь, а малина** лишь на первый взгляд кажется «двойником» итальянской ФЕ **la dolce vita**. На самом же деле **малиновая жизнь**, в отличие от **калиновой** горькой неволи, – это, прежде всего, приволье и широкий размах, о котором искони мечтают русские люди. По словам В.М. Мокиенко, отсутствие свободы и раздолья для русского человека – это уже не **малиновая жизнь**, а постылая **dolce vita**, которая часто оборачивается рабством духа и бессилием плоти (Мокиенко В.М., 2011: 251).

Итальянская ФЕ, скорее, вступает в антонимические отношения с русской ФЕ, обозначая **физически** комфортную жизнь, противопоставленную красивой жизни для **души**. Заметим, что особую популярность, а затем и закрепление во фразеологических словарях со значением ‘беззаботная, комфортная жизнь’ ФЕ **дольче вита** получила после выхода в 1959 году одноименного фильма итальянского режиссера Федерико Феллини, повествующего о богатых, пресыщенных жизнью людях в буржуазном обществе.

В современной дискурсивной практике, возможно, актуализация происходит за счет слов из песни популярной поп-исполнительницы Жасмин (2015): **Дольче вита не забыта / Первая любовь / Первые слова / Кругом шла голова / Дольче вита, дольче вита / Вспоминаю вновь / Семь счастливых дней / Где нашла я любовь**

В российском массмедийном дискурсе в письменной форме выражение передается как латиницей, так и кириллицей. Сравним: 1. *Венецианский карнавал, итальянская дольче вита. Центр Венеции вновь превратился в театр»* (Новая Газета, 2013, № 96); 2. *Горькая Dolce Vita. Несколько лет Анна Левадная и ее бывший муж Филиппо Брунелли ведут войну друг против друга за право на воспитание сына* (Первый канал, эфир 16.12.2011).

Семантику конца, завершения, прекращения чего-либо реализует также выражение **комедия окончена**, чаще воспроизводимое по-итальянски ***finita la commedia***, но нередко передающееся графическими средствами русского алфавита – **финита ля комедия**. В процессе функционирования ФЕ в русском дискурсивном пространстве отмечаются окказиональные трансформации, обусловленные буквализацией смысла компонентов фразеологизированной структуры. *Когда согласился, то стало понятно, что он [герой Леонида Ярмольника] ко всему прочему ещё и предал уже близкого ему человека – сводного брата своего сына. Финита ля комедия, а «ля трагедия» продолжается* (РИА Новости, 20.04.2005).

Небольшую группу составляют единицы с топонимическим / этнонимическим компонентом «итальянский» / «по-итальянски» / «итальянец». Функционирование таких выражений поддерживается в языковой памяти носителей русского языка за счет сложившихся гетеростереотипных представлений. Так, представления о национальном поведении итальянцев, в первую очередь, связаны с такой чертой их характера, как темпераментность и экспрессивность. Итальянский темперамент означает открытость в эмоциях: любовь и ненависть, радость и негодование проявляются с полной страстью. Репрезентантом подобных культурных переживаний является, например, ФЕ **развод по-итальянски** (итал. ***divorzio all'italiana***) со значением 'затяжной бракоразводный процесс, отнимающий большое количество времени и сил'. Стоит отметить, что дискурсом порождения данной единицы стал итальянский кинематограф, а именно одноименный фильм режиссёра Пьетро Джерми, вышедший на экраны в 1961 г.

С дискурсивным пространством зарубежного кинематографа связана и ФЕ **брак по-итальянски** (итал. ***matrimonio all'italiana***). Выражение также соотносится с названием популярного итальянского фильма (1964 г.), снятого режиссером Витторио де Сика по пьесе итальянского драматурга Эдуардо де Филиппе «Филомена Мартурано». Отметим, что ФЕ **брак по-итальянски** зафиксирована в значении – публ. 'что-л. на такой-то манер, по такому-то образцу' (Бирих А.К., 2007: 66). Однако материал нашего исследования предоставляет возможность конкретизировать значение данной единицы – 'о бракосочетании, заключенном в Италии, с итальянцем (иностранцем), на западный манер и т.п.' Сделать такой вывод позволяет функционирование ФЕ в современном массмедийном дискурсе. Например: «**Иркутский брак по-итальянски**» *В вечернее небо неслось восторженное: «Incredibile!!! Meraviglioso!!!» Это синьор брал в жёны синьору. Причем не где-нибудь во Флоренции, а в центре Иркутска* (<http://kr.ru>).

В ряде случаев граница между ФЕ с инокультурным топонимическим и этнонимическим компонентом достаточно подвижна, поскольку прилагательные типа **итальянский** могут быть дериватами как от топонима, так и от этнонима. Сложность разграничения возникает в первую очередь среди единиц, организованных по фразеологической модели «имя прилагательное + имя существительное». Например, семантика единиц **итальянское окно** – 'широкое окно, имеющее три-четыре створки' – и **итальянский карандаш** – 'чертящий, рисуемый материал, применяемый графиками' – мотивирована представлением об Италии как о стране-первоисточнике появления такого типа **окна** или **карандаша**. В единицах **итальянская бухгалтерия** – 'двойная бухгалтерия' – и **итальянская забастовка** – 'вид забастовки, во время которой бастующие являются на место работы, но не работают или делают вид, что работают' – семантика мотивируется не столько топонимом *Италия*, сколько этнонимом *итальянцы*, т.е. те, которые указанным способом ведут бухгалтерию или устраивают забастовки.

Напомним, когнитивно-дискурсивным стимулом возникновения ФЕ **итальянская забастовка** является конкретный исторический факт. В 1904 г. итальянские железнодорожники применили новый способ борьбы против эксплуатации со стороны хозяев: они не прерывали работы окончательно, а бастовали, рабо-

тая медленней и небрежней, чем обычно. В результате хозяевам было труднее подавить такую «холодную стачку». Первоначально заимствовался сам способ забастовки, получивший соответствующую атрибуцию *итальянский*. Например: *За плечами профсоюза успешно проведенная итальянская забастовка, после которой зарплата поднялась в среднем с 25 до 40 тысяч в месяц* (Ваша газета, 2009, № 38). На следующем этапе устойчивое сочетание *итальянская забастовка* подвергается десемантизации и приобретает статус идиоматического, развивается фразеологическое значение – ‘небрежная, медленная работа’. Обратим внимание на использование ФЕ в контексте: *Тогда с марта 2010 года депутат объявил «итальянскую забастовку»: заходил в здание Администрации края в дни сессий ровно в 9 часов, в результате чего на несколько минут опаздывал к началу заседания* (<http://www.amic.ru/news/126225>). Таким образом, когнитивная база ФЕ и ее формальная структура позволяют отнести данную единицу к группе инокультурных. Тем не менее, «чужеродный» характер фразеологической номинации не мешает ей выступать репрезентантом универсального концепта «Труд» и характеризовать любую работу, выполненную в рамках «своего» культурного пространства. Наличие эквивалентов в ряде славянских языков позволяет говорить о ее интернациональном характере. Сравним: белорус. *італьянская забастоўка*, укр. *італійський страйк*, польск. *strajk włoski* и др. В европейских языках создание ФЕ обозначающих эту форму протеста, связано с иными когнитивными процессами. Например, итал. *sciopero bianco* / греч. *Λευκή απεργία* – букв. ‘белая забастовка’; англ. *work-to-rule* / нем. *dienst nach vorschrift* – букв. ‘работа по правилам’; франц. *grève du zèle* / исп. *huelga de celo* – букв. ‘усердная» забастовка’; португ. *operação padrão* – букв. ‘стандартный режим’.

Нельзя не отметить и выражение *сущий итальянец*, традиционно для единиц с инокультурным этнонимом дающее негативную характеристику лицу. Так, *сущий итальянец*, согласно В.И. Даля, является пройдохой, а *заднепровский итальянец* – задрипанец (от задрипанный – ‘затасканный, грязный, непривлекательный и т.п.’).

Таким образом, анализ структурно-семантического соотношения инокультурного (итальянского) компонента в формально-смысловой структуре ФЕ позволяет сделать вывод о том, что семантика инокультурных ФЕ в большинстве случаев формируется в дискурсивных пространствах «чужой» культуры, однако связана с косвенно-производным номинированием объектов, функционирующих в пределах «своей» культуры. Итальянские образы представляют собой элементы широкого и разнородного поля русской фразеологии. Необходимость изучения подобных единиц в лингвокультурологическом аспекте определяется их активным функционированием в современной русской речи.

Литература

1. Бабкин, А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. – М.: Наука, 1970. – 263 с.
2. Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – М.: Русские словари, Астрель, АСТ, 2000. – 624 с.
3. Бирих, А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2007. – 926 с.
4. Мокиенко, В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии. – М.: Флинта, 2011. – 464 с.
5. Пословицы русского народа: сборник В.И. Даля: в 3 т. – М.: Русская книга, 1996. – 640 с.
6. Солли, М. Эти странные итальянцы. – М.: Эгмонт Россия Лтд, 1999. – 72 с.
7. Ферми, Л. Атомы у нас дома / Л. Ферми. – М.: Ин. лит., 1959. – 328 с.

Summary. The article considers different groups of phraseological units, which are genetically related with linguocultural space of Italy. The phraseological units are analyzed from the viewpoint of structural and semantic familiarization, frequency of use and national and cultural peculiarity.

Key words: phraseological units, linguocultural space, Italia, Italian language, borrowed expressions.

КОНЦЕПТЫ «ГЛУПОСТЬ» И «УМ» КАК ЭЛЕМЕНТЫ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В МАССМЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ

А.И.Лызлов

Россия, г. Смоленск, ВА ВПВО ВС РФ

aleksej-lyzlov@yandex.ru

В прилагаемом исследовании рассматриваются связанные сочетания, называемые фразеологическими единицами. Фразеологизмы традиционно определяются как единицы с частично или полностью переосмысленным значением (Бабушкин А.П., 1997, Виноградов В.В., 1977, Мокиенко В.М., 1990, Шанский Н.М., 1996, Cowie A., 2006). В работе исследуется оценочная составляющая данных единиц. Под оценкой современные авторы понимают отношение говорящего к сообщаемому, определяемое по шкале «хорошо» – «плохо» (Алефиренко Н.Ф., 2005, Арутюнова Н.Д., 1998).

Концепты «Глупость» и «Ум», безусловно, обладают способностью быть описанными в категориях оценки. Они являются одними из базовых концептов (Карасик В.И., 2015). Н.Ф. Алефиренко описывает содержание концепта как взаимодействие: когнитивной, эмотивно-оценочной и языковой сфер. Каждая из этих сфер находит особое преломление в содержании концепта, делая его многоярусным образованием, выполняющим роль речемыслительного посредника между языковым знаком и мыслительными корреляциями этого знака – образами, представлениями и понятиями (Алефиренко Н.Ф., 2009: 80).

В последнее время наблюдается тенденция когнитивного моделирования языковых реалий, в том числе и фразеологических (Мелерович А.М., 2011, Dobrovolskij D., 2018, Wray A., 2002). В данной работе описываются не только признаковая составляющая ФЕ, но и когнитивные модели, которые положены в основу значения ФЕ.

В английском языке существует множество фразеологических единиц (в дальнейшем – ФЕ), в которых представлены концепты «Глупость» и «Ум», отражающих разнообразные оценочные признаки: недалёковидность, неумение держать себя, самонадеянность, вредоносность, болтливость, непрактичность, старость, абсолютность глупости, упрямство и т.д. Всего в словарных источниках насчитывается более семидесяти ФЕ, объективирующих данные концепты. Но далеко не все эти признаки как элементы значения описываемых единиц представлены на страницах современной прессы. Целью данной работы является установление тех признаков у ФЕ заявленной тематики, которые имеют релевантный характер для современных носителей языка, доказательством чего будет их присутствие в публицистическом дискурсе.

Интеллектуальная оценка, которая выражается не в последнюю очередь при помощи данных концептов, находит свое отражение, как это показано в предыдущей главе, в ряде ФЕ. Они, в свою очередь, объективированы на страницах англоязычной прессы.

Медиапространство активно использует ФЕ (Алефиренко Н.Ф., 2018). Ряд ФЕ, в которых объективированы оппозитивные культурные концепты «Глупость» и «Ум», в массмедийном дискурсе, употребляются в непреработанном виде. Например, **a fool and his money are soon parted** (WDP), которая отражает оценочный

признак «недальновидность» и модель «глупый человек не способен предвидеть негативные последствия своих поступков». Так, в отрывках из юмористического этюда (диалога между двумя действующими лицами, имена которых Херб и Джамаал) в газете “*Washington Times*” от 1 января 2002 года в дословном виде употребляется ФЕ **a fool and his money are soon parted** 1625 (WDP): ‘*Herb, you ought to know better than to get mixed up in a get-rich scheme! It is like the old saying: “a fool and his money are soon parted.”*’ ‘*Yeah! You are right! So, how much did you lose!*’ (ODP).

Рассматриваемая ФЕ является цитатой в речи персонажа, которая употреблена с целью обобщенной негативной оценки непрактичности глупцов. Данная ФЕ, по мнению героев отрывка, является «старой». Действительно, она датируется 1572 годом.

Недальновидность описывает и ФЕ **a fool looks at the beginning, a wise man regards to the end** (WDP). Аллюзия на данную единицу встречается в предложенном ниже высказывании, автор телерепортажа так порицает болтливость глупцов: *SONYA: Hello, I’m Sonya Friedman. Who can explain it, who can tell you why? Fools may give you reasons. Wise men never try.* (СОСА)

В предложенном отрывке происходит прямое противопоставление между глупцами и мудрыми людьми. Есть темы, которые не стоит обсуждать открыто или с кем попало. Последствия могут быть плачевными для словоохотливых простаков.

Недальновидность в публицистическом дискурсе описывает и ФЕ **fool me once, shame on you, fool me twice, shame on me** (ODP). Так в газете «Вашингтон Таймс» от 3 октября 2001 года есть такие слова: *You know the old saying „fool me once, shame on you, fool me twice, shame on me. “How does that apply in the aftermath of the September 11 act of war against our country?*

В данном отрывке осуждается недальновидность политиков США, которых катастрофа 11 сентября ничему не научила, и они продолжают свой курс заигрывания с террористическими организациями. Риторический вопрос лишь прибавляет экспрессивности данной единице.

В отрывке в издании “*Country Life*” 1997 года другая ФЕ **fools build and wise men buy** (ODP) репрезентирует оценочный признак «непрактичность» в рамках модели «глупый человек не способен предвидеть негативные последствия своих поступков». Она использована для негативной характеристики непрактичности глупцов: *Arthur Ransome, self-mocking, said about boating folk: ‘Fools build and wise men buy’* (ODP).

Здесь субъект речи одновременно является и объектом: человек говорит о себе, о своей профессии лодочника. Лодочник трудится, в то время как плодами его труда пользуются другие. В данном случае мы имеем дело с иронией, поэтому можно говорить о том, что негативная оценка, присущая данной ФЕ как единице языка, смягчается в предложенном контексте.

Ряд ФЕ вводится в массмедийный дискурс в преобразованном виде – либо со стороны семантики, либо со стороны образной составляющей, либо со стороны компонентного состава (структуры).

Встречается в нашем корпусе текстовых материалов ФЕ **april fool** (WDP). Она выступает как ретранслятор оценочного признака «абсолютность глупости» и ее базовой модели «человек может быть абсолютно глупым». Так, в отрывке из статьи Шэрон Хантингтон в издании “*Christian Science Monitor*” данная ФЕ используется в автономной функции, которая в нашей работе рассматривается как разновидность прагматической трансформации (изменение условий употребления ФЕ), а именно – толкуется происхождение самого выражения: **April Fools** *may have started in France in 1564. April 1 used to be New Year’s Day in France, but in 1564 the beginning of the new year was changed to Jan. 1. People who continued to celebrate the April 1 New Year were called “April fools” and people began to play jokes on them.* (СОСА).

Происхождение данной ФЕ связывается с тем, что в начале Нового времени во Франции было принято решение унифицировать календарь и начать празднование Нового года 1 января, а не 1 апреля, как было раньше.

В публицистических текстах отмечаются случаи употребления ФЕ **there is no fool like an old fool** (ODP). Ее оценочный признак «старость» объективирует модель «возрастом истинный глупец не станет умнее». Как правило, она встречается в текстах в трансформированном, усеченном до компонента **an old fool** варианте.

Так, в статье из газеты «Вашингтон Пост» от 2001 года усеченный вариант данной ФЕ использован для обобщенной негативной характеристики глупости старого человека: *But these fantasies are more proper to a young person; beyond the age of, say, 50, they become the fantasy of that fool like whom we are told there is no other, the old fool* (ODP).

Из отрывка видно, что автор допускает изменение компонентного состава. Форму суперлатива автор сохраняет, но при этом добавляет слово-заместитель *other* во избежание повторения ранее упомянутого существительного, которое, тем не менее, повторяется, далее. Так автор избегает тавтологии, но при этом использует модель повтора как стилистический элемент, способствующий выражению экспрессивной оценки в данном контексте.

Интеллектуальная оценка, выражаемая концептами «Глупость» и «Ум», производится в ряде публицистических контекстов с привлечением ФЕ, которые объективируют данные концепты. Значимость данных концептов для культуры велика, ФЕ на их концептуальной основе могут быть привлечены авторами для описания разнообразных ситуаций в которой порицаются как наивные глупцы, в том числе пожилые люди, так и те дельцы, кто пытается обрести выгоду, используя наивность других людей. В анализируемом корпусе был отмечен случай переосмысления ФЕ **a fool looks at the beginning, a wise man regards to the end** для выражения экспрессивной оценки мудрых и порицания глупых в рамках одной сентенции.

Исследование ФЕ, в которых объективированы оппозитивные культурные концепты «Глупость» и «Ум», показало, что они реализуют различные когнитивные модели. Употребление в массмедийном дискурсе выявило значительную культурную значимость этих концептов. В текстах публицистики наиболее активно представлены ФЕ, реализующие такие оценочные признаки, как *недальновидность, непрактичность, абсолютность глупости*. Соответственно умный человек маркируется на страницах прессы, прежде всего, такими признаками, как *дальновидность, практичность*.

Литература

1. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма: моногр. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – 172 с.
2. Алефиренко, Н.Ф. Живое слово: Проблемы функциональной лексикологии. – М.: Флинта, Наука, 2009. – 344 с.
3. Алефиренко, Н.Ф. Дискурсивное сознание как фактор формирования медиа пространства // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация; сб. ст. 2-й Международной научно-практической конференции в 2-х т. Т. 1. – Белгород, 2018. – С. 116-228.
4. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка, событие, факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
5. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1997. – 334 с.
6. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Просвещение, 1977. – С. 140-161.
7. Карасик, В.И. Языковое проявление личности. – М.: Гнозис, 2015. – 384 с.
8. Мелерович, А.М., Мокиенко, В.М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст). – Кострома: КГПУ, 2011. – 455 с.
9. Мокиенко, В.М. Загадки русской фразеологии. – М.: Высшая школа, 1990. – 264 с.
10. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка. – 4-е изд., испр. и доп. – СПб.: Специальная литература, 1996. – 192 с.
11. Cowie, A. Lexicology // Encyclopedia of Language and Linguistics. – 2nd ed. – Vol. 1-14. – UK: Elsevier Ltd, 2006. – P. 128-133.

12. Dobrovolskij, D. Konstruktionspatterns in der Idiomatik und ihre kognitiven Grundlagen (Construction patterns in idiomatics and their cognitive foundations) // Yearbook of Phraseology. – 2018. – Volume 8, Issue 1. – P. 41-68.
13. Wray, A. Formulaic Language and the Lexicon. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 344 p.
14. ODP: Speakers J. The Oxford dictionary of proverbs. 5th edition, Oxford, 2008. 388 p.
15. COCA: Corpus of contemporary American English [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://corpus.byu.edu>.

Summary. The given article studies of appositive concepts “Foolishness” and “Wit”. They are the object of research. These concepts are to be found in phraseological units of the English language. The material of the article is the media texts where the given concepts are used as constituent parts of phraseological units. The aim of the paper is to single out the evaluative features expressed in the phraseological units under consideration as well as the description of cognitive models according to which the studied units are expressed in speech. The analysis of media texts contributes to the understanding of the fact which phraseological units are used in current speech and, correspondingly, which evaluative features and cognitive models are relevant for modern English speakers.

Key words: concept, phraseological unit, media text, cognitive models, English language.

ТОПОС ЛЮБВИ В РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ (НА ФОНЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

Лю Юй, Е.Ф. Киров

Россия, г. Москва, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
liuyu2026@gmail.com, evg-kirov@mail.ru

В статье рассматриваются проблема языковых средств выражения интенсивности чувства любви в русских фразеологических единицах с привлечением китайских параллелей. Следует дать определение ФЕ, которое принято в данной работе: Это образное устойчивое выражение, воплощающее в себе топос (по «Топике» Аристотеля: общее место – κοινὸ τόπος (Аристотель, 1978: 349-532)), т.е. общеизвестный конструкт знания, являющийся элементом национального менталитета (Киров Е.Ф., 2010: 76). Понятие топоса в современной гуманитаристике и когнитивной лингвистике фактически совпадает с понятием глобального концепта (в приблизительном понимании).

Методологической базой исследования служит общая методология сопоставительного и контрастивного метода во фразеологических исследованиях и частный метод компонентного (семного) анализа. В области сопоставления фразеосочетаний разных языков разработан ряд теоретических положений (см. Копыленко М.М., Попова З.Д., 1983). При этом проблема контрастивной фразеологии остается актуальной. В статье рассмотрены ФЕ в рамках фразеосемантического поля (ФСП) с учетом базовой семы, которая фактически совпадает с топосом «любовь». Компонентный анализ позволяет выявить интегральные и дифференциальные семы, определяющие структуру поля. Важным фактором в отнесении единиц к определенной периферийной части внутри поля или микрополя являются **интенсификаторы**, под которыми понимаются «определенные языковые средства, заключающие в себе семы – усилители ЭС (эмоционального состояния)» (Синельникова И.И., 2013: 131).

Из корпуса материалов мы отобрали 786 единиц. В ходе анализа было выявлено, что активными компонентами, влияющими на эмоциональную интенсивность, оказываются коннотативные и функционально-стилистические семы. Особенность семантики единиц исследуемого поля заключается в двойственном характере метафорического образа.

Как показало исследование, в русских ФЕ метафорический образ, который в иной проекции может быть представлен как топос «любви», может модифицироваться и выражаться **соматическими** семами. В группу соматизмов вошли 200 фразеологических единиц.

В ходе исследования компонентного состава ФЕ были выявлены самые частотные соматические семы: *сердце (душа)* (86 единиц), *глаза*(42), *голова* (25), *рука* (18). ФЕ, в составе которых есть вышеуказанные соматические семы, могут найти себе эквиваленты в китайском языке. Отметим, поскольку сравниваемые языки не являются родственными, полная эквивалентность, где единицы в обоих языках полностью совпадают в семантическом, компонентном, и стилистическом планах, встречается редко. В большинстве случаев они характеризуются частичной эквивалентностью. Сравним русскую ФЕ *Сердце сердцу весть подает* (Мокиенко В.М., 2010: 804) и китайскую 心心相印 *xīnxīnxiāngyìn* – *сердца бьются в унисон* (БРКС) (буквальный перевод: одно сердце совпадает с другим). В них отмечается незначительное расхождение в компонентном составе.

Встречаются также выражения-аналоги в обоих языках, где единицы совпадают полностью в семантическом плане, но расходятся в лексическом составе, грамматической структуре, или образности. Например, для русской ФЕ *не сводить глаз* (Федоров А.И., 2008: 601) выступает в качестве аналогии китайская единица 爱不释手 *àibùshìshǒu* – *не в силах выпустить из рук* (БКРС).

Особый интерес представляет культурные коннотации, связанные с **душой**: *жить/прожить душа в душу* (Федоров А.И., 2008: 215); *войти в душу* (Федоров А.И., 2008: 87). В китайском фразеологическом фонде семема *душа* имеет иную метафорическую коннотацию, образуя безэквивалентные ФЕ.

Относительно уникальными интенсификаторами в русском языке являются *уши, шея, губы*: *по уши* (Федоров А.И., 2008: 713); *висеть на шее* (Федоров А.И., 2008: 78). Единичными случаями представлена метафора через соматизмы или условные названия соматизмов-интенсификаторов *жила, нога, уста*: *кровь играет в жилах* (Федоров А.И., 2008: 324). В китайском языке почти нет параллельного переосмысления. В свою очередь отсутствуют фразеологические параллели для китайских ФЕ, построенных на основе метафоризации с помощью соматических интенсификаторов *волосы, бровь*: 白头偕老 *báitóuxiélǎo* – *вместе стариться до седых волос* (в знач. *сохранить супружескую верность до глубокой старости*) (БКРС); 举案齐眉 *jǔ'ànqíméi* – *поднять поднос к бровям* (в знач. *любить и почитать друг друга, жить в мире и согласии*) (БКРС).

Высокая активность соматизмов в русском фразеологическом фонде объясняется тем, что в русском языковом сознании чувство и эмоции часто «очеловечиваются», что связано с антропоцентрическим характером русских ФЕ.

Внутренняя форма русских ФЕ с топической семемой любви содержит **биоморфный** код, в том числе зооморфный (*овца, козел, собака, кошка, волк, теленок, коза*) и вегетативный (*цветы, ягоды*): *Любовь зла, полюбишь и козла* (Мокиенко В.М., 2010: 501); *как собака палку* (Федоров А.И., 2008: 638). В приведенных выше единицах интенсификационные семы заключаются в зоокомпонентах, носящих негативную эмоционально-оценочную окраску. В то же время как в китайском языке пользуется совсем иная метафорическая система, где чувство любви не ассоциируется образами *овца, козел*. При этом зооморфные семы в отличие от русского языка чаще отражают положительную оценку: 青梅竹马 *qīngméizhú mǎ* – *зелёные сливы и бамбуковые лошадки (детские игры) (о влюбленных, которые дружили с детства)* (БКРС). Это свидетельствует о типичности или нетипичности определенных животных образов в двух культурах.

Обращает на себя внимание наличие значительного количества ФЕ, в составе которых имеются **природно-стихийные** коды. Основные культурно-образные ас-

социации в русском языке основаны прежде всего на интенсификаторах *огонь, пламя, горение: сердце горит* (Федоров, 2008: 610); *Любовь – солома: загорится – не потушишь* (Мокиенко, 2010: 502). В русском языке практически отсутствуют ассоциации любви с *морем, ветром, дождем, луной, небом и землей*, которые отражены в китайском: *风花雪月 fēnghuā xuě yuè – ветер, цветы, снег и луна (романтические объекты, в знач. любовь, роман)* (БКРС). В количественном плане в китайской картине мира отмечается больше образных ассоциаций, в то время как русское сознание стремится к конкретизации выражения любви.

Особую группу интенсификаторов в исследуемом ФСП образуют **функционально-стилистические** семы. Значительный интерес представляют стилистически сниженные ФЕ. Например, состояние сильного чувства, часто вызываемого негативный эффект, передается фразеологизмом: *вешаться на шею* (Федоров А.И., 2008: 69). Ряд ФЕ имеет в своей внутренней форме сниженный лексический состав: *волочиться за <первой попавшейся> юбкой* (Федоров А.И., 2008: 89); *разводить/развести шуры-муры* (Федоров А.И., 2008: 558). Они находятся на периферии соответствующего поля или микрополя. Вместе с тем, в китайском языке гораздо меньше стилистических средств выражения чувств. С экстралингвистической точки зрения в русском менталитете чувство любви отличается большой противоречивостью, что обусловлено крайностью и амбивалентностью русского характера. В то же время как в сознании китайской нации любовь ценится более положительно.

Стоит отметить также полисемичность русских ФЕ, где одна единица может носить больше чем одну интенсификационную сему, что обеспечивает высокий градус эмоционального состояния. Например, ФЕ *задушить голову* (Федоров, 2008: 239) содержит в своем семантическом составе интенсификатор-соматизм (*голова*) и интенсификатор, выраженный функционально-стилистической окраской (*сниженный стиль*).

Итак, в исследуемом нами поле интенсификационные семы заключаются в коннотативных и функционально-стилистических компонентах. Рассмотренные нами языковые средства, способные к интенсивности выражения любви, главным образом, базируются на метафоризации, реализующейся семами культурных кодов (соматических, зооморфных, природно-стихийных, и т.п.).

Результаты свидетельствуют об активной роли интенсификаторов в структуре фразеосемантического поля. Национальная специфика представлена в двух языках частичными эквивалентами, аналогами, или безэквивалентными ФЕ. Компонентный подход следует относить к эффективной технологии при сопоставлении разных лингвокультур.

Сопоставление в контрастивной методике приводит к обнаружению различных и иногда неожиданно-противоположных топосов, лежащих в образно-метафорической смысловой структуре фразеологических единиц. К числу таковых в нашем материале можно отнести русское выражение *душа в душу* (Федоров А.И., 2008: 215) и китайский фразеологизм *勾魂摄魄* – *букв. околдовать душу и забрать дух (в знач. чрезвычайно привлекательный, сводящий с ума)* (БКРС). Если в русском языке фразеосема *душа* обычно носит положительную коннотацию, то в китайском фразеофонде сема *душа* не редко вызывает у носителей неприятную ассоциацию.

Литература

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.2. Философское наследие. Ред. З.Н. Микеладзе. М., «Мысль», 1978. – 687 с.
2. Киров, Е.Ф. К обоснованию компаративной фразеологии // *Meninis tekstas*. № 7(2). – Vilnius, 2010. – Р. 75-82.
3. Копыленко, М.М., Попова, З.Д. Сопоставительная фразеология: состояние и перспективы // *Лексические и грамматические компоненты языкового знака*. – Воронеж, изд-во ВГУ, 1983. – С. 149-157.
4. Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г., Николаева, Е.К. Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.

5. Синельникова, И.И. Эмотивные фразеологизмы французского языка в полевом аспекте: моногр. / И.И. Синельникова – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – 188 с.
6. Федоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц – 3-е изд., испр. / А.И. Фёдоров – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878, [2] с.
7. 大BKPC – Большой Китайско-русский Словарь [Электронный ресурс]. – URL: <https://bkrs.info/>(дата обращения – 20.02.2019).

Summary. The article deals with the problem of expressing the feeling of love in Russian phraseological units involving Chinese parallels. Component analysis of the studied units within the framework of the phraseological semantic field allowed us to identify specific semantic means that contribute to the expression of the intensity of love. The main intensifiers in the field are connotative and functional-stylistic semes.

Key words: phraseological units, Chinese language, phraseological semantic field, functional-stylistic analysis.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ С КОМПОНЕНТОМ «ПУТЬ/ДОРОГА» В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

В.Б. Медведев

Россия, г. Москва, Российский университет транспорта
medvedev-mail@bk.ru

Слово «дорога», восходящее к индоевроп. *dogh-*, связано с глаголом «дёр-гать» и означает ‘продранное в лесу пространство’ (Фасмер М., III, 1987: 530).

Немецкое *Weg*, родственное латинскому *via*, происходит от германского *vega*, приобретшего в древневерхненемецком форму *wec* – “ziehen, fahren” (тянуть, ехать). Т.о., в происхождении немецкого слова *Weg*, эквивалентного русской дороге, упор делается на целевое использование пространства для передвижения.

Следовательно, этимологически дифференциация между единицами двух различных языков складывается по линии, в одном случае с отвоёванным у природы пространством (русский язык), а в другом (немецкий язык) – с использованием уже готового пространства для движения.

Сравнение русского и немецкого эквивалентов осложняется помимо всего прочего наличием в русском языке синонимичной лексемы «путь», которая восходит как будто к др.-инд. *ránthās* м. «тропа, дорога, путь», а праслав. *roŭ* родственно и.е. *ront* – ‘преодоление, дорога, изобилующая опасностями’ (Фасмер М., там же: 413).

Различие русских синонимов «путь» и «дорога» представлено в русском чрезвычайно слабо, хотя рассматривая использование этих слов в метафоре, Н.Д. Арутюнова указывает на статичность значения слова «путь» и динамичность значения слова «дорога». «Динамика жизненных событий, пишет Н.Д. Арутюнова, – выражается метафорой дороги, а статика, целостность и стабильность цели и нравственных принципов – метафорой пути» (Арутюнова Н.Д., 1999: 11). Для нас главным в семантике обоих слов является близость их содержательной части, заключающаяся в преодолении препятствий, сопряженных с опасностью.

В немецком языке отсутствует дихотомия «дорога – путь». Лексема “*Weg*” достаточно емко передает полное содержание обоих русских слов, представляя его в широком контексте, и как связь между двумя населенными пунктами, независимо от способа передвижения, и как жизненный путь. «Быть человеком, – отмечает Юрг Цутт, – означает быть в пути, находиться на жизненном пути». Об этом свидетельствует и присутствие рассматриваемой лексемы в качестве составной части в сложносоставных существительных *Bewegung* (движение), *Lebensweg* (жизненный путь) (Zutt J.).

Предположительно подобное исторически сложившееся различие в содержании русских и немецких лексем должно накладывать отпечаток и на последующую их интерпретацию при образовании пословиц и поговорок.

Именно об этом свидетельствуют результаты исследования сакрально-магической ипостаси дороги во фразеологических единицах, проведенного А.М. Архангельской (Архангельская А.М., 2015) на материале славянских языков.

Концептуальная сфера перемещения в пространстве как путешествия по дороге издавна использовалась в качестве предметного представления земной жизни человека, а смерть осмысливалась как переход из реального мира в мир загробный. Представления о дороге на «тот свет» отражены в многочисленных славянских фразеологизмах, обозначающих близость к смерти, последние часы жизни человека, предсмертную агонию (Архангельская А.М., 2015: 6).

Элемент опасности путешествия получил свое продолжение и в паремиологии более позднего времени, причем в обоих исследуемых нами языках.

Так, в немецком языке содержится призыв, по возможности, воздержаться от дорожных перипетий. Ср.:

Немецкая ФЕ	Перевод
<i>Bildstock weist andern den Weg und geht ihn selbst nicht.</i>	<i>Дорожный знак указывает дорогу, но сам по ней не следует.</i>

Но прежде хотелось бы отметить уникалии русского языка, указывающие на то, что дорога, являясь плодом рук человеческих, представляет собой атрибут жизнедеятельности человека: *Люди дорогой, а волк стороной. Красна дорога ездоками, а обед пирогами.*

Превратности пути

Немецкие ФЕ	Перевод немецких ФЕ	Русские ФЕ
Es führt mehr denn ein Weg ins Holz.	На тот свет ведет не единственная дорога.	На тот свет отовсюду одна дорога.
Landstraß ist sicher, Holzweg gefährlich.	Столбовая дорога надежна, а лесная опасна.	Не ищи проселочной дороги, когда есть столбовая.
<i>Mittelweg</i> , Ein sichrer Steg.	Самый безопасный путь – это путь посередине.	
In Gefahr und größter Not ist der Mittelweg der Tod.	Дорога между опасностью и нуждой ведет к гибели.	
Der Weg zur Hölle ist mit guten Vorsätzen gepflastert.	Дорога в ад устлана благими намерениями.	Добрыми намерениями дорога в ад устлана.
Der Weg zum Himmel geht durch Kreuzdorn.	Дорога на небеса ведет через тернии.	
		Дорога вперёд широка, да, бывает, назад узка.
		Не хвались отъездом, хвались приездом!
Gold liegt tief im Berge, aber der Kot am Wege.	Золото хранится глубоко в горах, и только грязь лежит открыто на дороге.	
Ist kein Block im Wege, so fällt man über einen Span.	Если на дороге не лежит камень, спотыкаются о щепу (неизбежность трудностей в пути).	

Daß viele irregehn, macht den Weg nicht richtig.	Оттого, что многие идут ложным путем, вернее он не становится.	
--	--	--

Путник, успешно преодолевший чреватый опасностями путь нередко высказывает такое пожелание, уникальное для русского языка: *Добрый путь, да к нам больше не будь.*

Только во фразеологизмах немецкого языка дается целевая установка движения: в одном случае сама дорога является целью (1), а в другом – указывается путь к самосовершенствованию. Ср.:

(1) *Der Weg ist das Ziel* – Дорога – это цель.

(2) *Selbsterkenntnis ist der erste Weg zur Besserung* – Самопознание – лучший путь к совершенству.

Также в немецкой пословице подчеркивается долгота пути к обретению знания. Ср.:

Erfahrung ist ein langer Weg – Долог путь к познанию.

В русских пословицах сама дорога отмечается как источник знания.

Печка нежит, а дорожка учит.

Не дальняя дорога учит, а ближняя.

В немецком языке противоречивость мыслей сравнивается с разнообразием дорог. Ср.:

Hätten wir alle einen Sinn, wir liefen einen Weg. – Если бы все мы одинаково думали, мы шли бы одной дорогой.

Осознание тщетности попыток запрета идти избитой дорогой отражено во ФЕ: *Gemeinen Weg kann niemand verbieten.* – Общей дорогой идти не запретишь.

Однако примечателен и призыв к поискам собственного пути, содержащийся в следующей немецкой пословице:

Auf dem Weg, den viele gehn, wächst kein Gras. – На затоптанной дороге трава не растет.

Дорога в целом требует от человека, идущего по ней, отдачи всех сил, что венчает успехом любой трудный путь, о чем и говорится в русских и немецких пословицах. Ср.:

Немецкие ФЕ	Перевод немецких ФЕ	Русские ФЕ
1. <i>Wo ein Wille ist, ist auch ein Weg.</i> 2. <i>Ein Weg entsteht, wenn man ihn geht.</i>	1. Где воля, там и дорога. 2. Дорога появляется там, где ее торят.	1. Настойчивый дорогу осилит. 2. Труд и старание – дорога к успеху. 3. Куда пойдешь – дорогу найдешь. 4. Где дорога, там и путь. Где торно, там и просторно. 5. Долог путь, да изъездчив.

Правда, «от слов к делу – дальняя дорога» – гласит немецкая пословица: *Von den Worten zu den Taten ist es ein weiter Weg.* Но уж если взялся строить дорогу, то помощники всегда найдутся, что сопоставимо с помещенной в этом ряду русской пословицей. Ср.:

Немецкие ФЕ	Перевод немецких ФЕ	Русские ФЕ
<i>Wer am Wege baut, hat viele Meister.</i>	У строителя дороги всегда найдутся мастера.	При большой дороге и гурт пасется.

Немецкая мудрость гласит также, что дорога покоряется не сильным, а ловким. Ср.:

Немецкий фразеологизм	Перевод
<i>Wo ein Adler nicht fort kann, findet eine Fliege noch zehn Wege.</i>	<i>Там, где орел не пролетит, муха найдет еще десять дорог.</i>

Этот перечень пословиц, указывающих на необходимость долготерпения в преодолении нелегкого пути, можно было бы дополнить немецкой пословицей: *Schalk trifft den Weg bald, bringt aber selten gute Botschaft* – Плут находит дорогу быстро, но редко приносит благие вести.

Дальние расстояния способствовали возникновению русских пословиц, не имеющих немецких аналогов, наставительно-рекомендательного характера, предупреждающих путника о дороге, как о серьезном предприятии.

а) *Запастись в дорогу едой*

Хлеб в пути не тягость.

В дороге сумка с хлебом тяжелой не бывает.

Едешь на день, а хлеба бери на неделю!

Хорошо в дорожке пирожок с горошком.

б) *Запастись в дорогу одеждой*

В дорогу идти – пятеры лапти сплести.

в) *Необходимость душевного успокоения*

Домашняя дума в дорогу не годится.

г) *Подготовить коня*

Сперва подкуй коня, а потом уж прикидывай дорогу.

Лошадь с хойдой (или: иноходец) в пути не товарищ.

Не бойся дороги, были б кони здоровы.

Лишь в одном случае имеется предупреждение носителю немецкого языка, не имеющее русского эквивалента, о нежелательности преждевременно запрягать коня:

Немецкий фразеологизм

Перевод немецкого фразеологизма

Früh gesattelt, spät geritten

Рано запряжешь, поздно прискачешь

Однако в то же время в обоих языках указывается на необходимость раннего выезда к месту назначения:

Немецкий фразеологизм	Перевод с немецкого	Русский фразеологизм
<i>Man muß sich früh auf den Weg machen, wenn man früh ankommen will.</i>	Хочешь рано прибыть, отправляйся рано в путь.	Дорожные люди долго не спят.

В дополнение к общеизвестной поговорке *Язык до Киева доведет* можно было бы указать и такую: *Не ищут дороги, а спрашивают*.

Уникалией немецкого языка представляется поговорка, содержащая призыв к терпению, удивительным образом, увязывающая пространство и время: *Das hat noch gute Wege* – *Время терпит*.

Только бескрайние российские просторы, располагающие к долгому общению с попутчиками, могли предопределить появление такой пословицы: *В игре да в попутье людей узнают*.

Во множестве русских и немецких пословиц тема следования дорогой сопряжена с ценностью человеческих отношений.

Ср.:

Немецкие ФЕ	Перевод немецких ФЕ	Русские ФЕ
1. <i>Ein kluger Gefährte kürzt den Weg um die Hälfte.</i> 2. <i>Gut Gespräch kürzt den Weg.</i> 3. <i>Freunde sind gut am Wege.</i>	1. Умный попутчик сокращает дорогу в половину. 2. Добрый разговор укорачивает путь. 3. Друзья хороши в дороге.	1. Умный товарищ – половина дороги. 2. Беседа дорогу коротает. 3. Всякая дорога вдвоём веселей. 4. Одному ехать – и дорога долга.

Помимо русско-немецких параллелей путевой тематики, в русской фразеологии были выявлены пословицы, присутствие которых детерминировано дальностью расстояний и, сопряженными с их преодолением трудностями, характерными для российского бездорожья, что невольно подталкивало путников к знакомству и взаимопомощи:

В дороге и родной отец товарищ (должен помогать).

В дороге и врага назовешь родным отцом.

С учетом российских реалий прошлого появились и такие пословицы, не имеющие немецких эквивалентов:

Нож в пути товарищ.

Топор дорогой товарищ (игра слов дорогой и дорогой).

Одна из немецких пословиц, связанная с поисками пути, не лишена сентиментальности: *Liebe weiß verborgne Wege* – Любви ведомы потаенные дороги.

В этот же раздел мы посчитали возможным внести пословицу, предупреждающую о том, что не всякий попутчик скрашивает время приятным и содержательным разговором (*Вешний путь не дорога, а пьяного речь – не беседа*), а также ФЕ, призывающую к сдержанности в разговоре (*Если ошибся дорогой, то можно вернуться; если ошибся словом – ничего нельзя сделать*).

Наконец, каким бы располагающим к общению ни был попутчик, а съестные припасы не следует отдавать все, но разделить поровну: Дорожка вместе, а табачок пополам.

Сравните с русским выражением «Дружба дружбой, а табачок врозь!», не предусматривающим угощение попутчика.

При этом подчеркивается важность присутствия в жизни не только задушевного разговора, но и дорожной песни, нужной пословицы или поговорки, помогающих найти верный путь и успокоение:

Беседа дорогу коротает, а песня – работу.

Песня дорогу найдет.

Пословицу сказал – дорогу указал, поговорку – душу утешил.

Дорожные приметы не чужды как русскому, так и немецкому языковому сознанию, причем в эквивалентной интерпретации:

Немецкий фразеологизм	Русский эквивалент
<i>Es ist ihm ein Hase über den Weg gelau- fen</i>	<i>Заяц (черный кот) дорогу перебежит – к несчастью.</i>

Уникальными для русского языка являются пословицы, свидетельствующие о боговерности русского человека, не имеющие эквивалента в немецком языке. Ср.:

Попостись, помолись, да и в путь соберись!

Никола в путь, Христос по дорожке!

Призывай бога на помощь, а св. Николу в путь!

Дорожному бог простит. Путнику посты разрешены.

Нужный путь бог правит. Бог пути кажет.

Ряд немецких пословиц провозглашает гуманитарные ценности, в частности, дружбу, как величайшее достижение человечества, сопоставимое по своей значимости с дорогой. Ср.: *Alte Wege und alte Freunde soll man in Würden halten* – К старым дорогам и старым друзьям относятся с почтением. *Gute Freunde findet man nicht am Wege* – Хорошие друзья на дороге не валяются. Наконец, в немецкой поговорке утверждается почтение к врачевателям:

Немецкий фразеологизм	Русский перевод
<i>Die Hintertür laß offen stehn Und den Doktor seiner Wege gehn.</i>	<i>Запасной выход держи незапертым, а у доктора не стой на пути.</i>

Следующая русская пословица может служить продолжением приведенной выше немецкой: *Для здорового и дорога к счастью шире.*

В русской паремии отсутствуют пословицы, увязывающие дорогу с бедственным имущественным состоянием, хотя и признается, что «С деньгами везде дорога». Зато в немецком языке пословицы такого содержания представлены во множестве. При этом содержание части пословиц пронизано пессимизмом:

Немецкие ФЕ	Перевод немецких ФЕ
1. <i>Bettler und Krämer sind nie vom Weg ab.</i> 2. <i>Es gehen viel Wege nach Darbstett und Mangelburg.</i>	1. Нищие и лавочники не переводятся на дороге. 2. Много дорог ведет в Смертоград и Ниццебург.

В других случаях содержание ФЕ отражает активное начало в человеке и вселяет надежду на выход из бедственного положения. Ср.:

Немецкие ФЕ	Перевод немецких ФЕ
1. <i>Armut sucht neue Wege.</i> 2. <i>Armut findet alle Wege und Stege.</i>	1. Бедность всегда в поисках новой дороги. 2. Бедность находит все пути-дорожки.

В пословицах обоих языков содержится призыв к выбору правильного, а в переносном смысле, – честного пути. Ср.:

Немецкие ФЕ	Перевод немецких ФЕ	Русские пословицы
1. <i>Der gerade Weg ist der beste.</i> 2. <i>Geradezu ist der nächste Weg.</i> 3. <i>Es ist keine Ehre, so man im schlimmen Wege vorangehen muß.</i> 4. <i>Der gelindeste Weg ist der beste.</i>	1. Прямая дорога лучшая дорога. 2. Прямой путь – самый близкий. 3. Не велика честь следовать по-дурному пути. 4. Легкий путь самый лучший.	1. Дорога извилиста – истина пряма. 2. Прямая дорога – самая короткая 3. Обманом живешь – сам себе дорогу портишь.

Правда, опыт путешественника, отраженный в русских и немецкой пословицах, подсказывает, что нередко и объездная, но знакомая дорога, оказывается предпочтительнее прямой. Ср.:

Немецкие ФЕ	Перевод немецких ФЕ	Русские пословицы
1. <i>Guter Weg um ist nie krumm.</i>	1. Хорошая обходная дорога никогда не бывает кривой (неверной).	1. В объезд, так к обеду; а прямо, так дай бог к ночи (т. е. укорачивая путь, часто плутают). 2. Кто прямо ездит, дома не ночует (т. е. кто прямой дороги ищет вместо торной). 3. Дорогой пять, а прямо десять (т. е. верст). 4. Прямуку одна дорога, поползну десять.

Вызывает интерес представление обоих народов о качестве дороги.

В немецкоязычном пространстве принято эталоном считать дорогу в Римскую Империю и, не без иронии, через перевал Святого Готтхарда в Швейцарии. Ср.:

Немецкий фразеологизм	Русский перевод
1. <i>Es ist eben wie der Weg nach Rom.</i> 2. <i>So eben wie der Weg über den St. Gotthard.</i>	1. Дорога ровная, как дорога в Рим. 2. Дорога ровная, как через Сант-Готтхардский перевал.

В России осознавая, что «по плохой дороге далеко не уедешь», привычно слышать о двух бедах, сказывающихся на плохом качестве дорог: В России две беды: плохие дороги и дураки. Правда остряки поправляют, что истинная беда состоит в том, что дороги дураки строят.

И как результат: *Затем дорогу золотом устлали, чтоб железо ела* (щебенка).

А в целом и в русском языковом пространстве дорога сравнивается со скатертью: *Ночь, как день; дорога, как скатерть – садись да катись!*

Дорога – хоть кубарем ступай (гладкая, ровная).

Как свидетельствует сравнительный анализ, российские просторы располагают к созданию гораздо большего количества пословиц на тему выбора дорог, нежели немецкие преимущественно равнинные и не столь протяженные пространства.

В целом и ровная дорога таит в себе опасности:

Немецкий фразеологизм	Перевод немецкого фразеологизма
<i>Geradeweg, wie der Teufel die Bauern holt.</i>	<i>Прямая дорога подобно дьяволу завораживает крестьянина.</i>

Спасение видится немецкому сознанию в обходном пути или в прекращении движения, в то время как в содержании русской пословицы рекомендуется не сворачивать на половине дороги с избранного пути:

Немецкий фразеологизм	Перевод немецкого фразеологизма	Русский фразеологизм
<p>1. <i>Der auf halbem Weg umkehrt, irrt nur um die Hälfte.</i></p> <p>2. <i>Eine Meile Wegs davon ist ein guter Panzer.</i></p>	<p>1. <i>Тот, кто сворачивает с половины пути, блуждает вполтину меньше.</i></p> <p>2. <i>Отклонение на милю – хорошая броня.</i></p>	<p>1. <i>Если отправился в путь – не возвращайся с полдороги.</i></p>

Русские пословицы данной тематики имеют несколько более четко выраженную прагматичную направленность, связанную с результатом следования по кривой дорожке. Если в немецкой пословице содержится рекомендация сойти с неверного пути, то в русских пословицах речь идет конкретно о возмездии человеку, преступившему закон. Ср.:

Немецкие ФЕ	Перевод немецких ФЕ	Русские ФЕ
1. <i>Der auf üblem Weg ist, hat Not davon zu kommen.</i>	1. <i>Стоящий на дурном пути должен с него свернуть.</i>	1. <i>Беглому одна дорога, а погонщику – сто.</i> 2. <i>В тюрьму широка дорога, а из тюрьмы тесна.</i>

Примечательно, что и в русском, и в немецком языках имеются пословицы, в которых отображена дорожная неразбериха или обычные людские странности, могущие вызвать улыбку и недоумение. Ср.:

Немецкие ФЕ	Перевод немецких ФЕ	Русские ФЕ
1. <i>Ein Blinder weist dem andern den Weg. Der auf üblem Weg ist, hat Not davon zu kommen.</i>	1. <i>Один слепой другому дорогу указывает.</i>	1. <i>Сама слепая, а дорогу ищет. (Частичный эквивалент).</i> 2. <i>Дурак плетет корзины посреди дороги.</i> 3. <i>Ему дорогу показали, а он по тропинке идет.</i> 4. <i>Сам несет тяжелое коромысло, а уступает дорогу тому, кто идет порожняком.</i> 5. <i>На дороге стоит, а дороги спрашивает.</i>

Сравнительный анализ пословиц и поговорок с дорожным мотивом отнюдь не призван выявить ущербность одного языка перед другим в передаче тех или иных особенностей национального мировидения, поскольку одна и та же мысль может быть интерпретирована фразеологической единицей не с путевым, а иным компонентом. Например, немецкая пословица *Es ist keine Ehre, so man im schlimmen Wege vorangehen muß* может ассоциироваться с русской пословицей «Береги рубашку спину, а честь смолоду»!

Выявлены три типа эквивалентности пословиц с дорожным компонентом:

1. Полные.
2. Частичные
3. Отсутствие эквивалента.

Многие пословицы, отмеченные в разных языках, находятся в состоянии комплиментарности друг к другу так, что ФЕ одного языка может служить продолжением или объяснением появления пословицы в другом языке.

В заключение хочется отметить, что, несмотря на различия в языковой картине мира, отраженной в русских и немецких поговорках путевой тематики, два народа всегда находят точки соприкосновения, ибо, как говорится в русской пословице «От сердца к сердцу есть дорога», независимо от национальной и языковой принадлежности.

Литература

1. Абрамова, Н.С. Мифологема дорога как базовый семантический компонент языковой картины мира. Екатеринбург: Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. 2013 (<https://cyberleninka.ru>).
2. Арутюнова, Н.Д. Путь по дороге и бездорожью. // Логический анализ языка: Языки динамического мира. – Дубна: 1999. – С. 3-17.
3. Архангельская, А.М. Семантика ДОРОГИ во фразеологии славянских языков: соотношение сакрального и профанного. OPERA SLAVICA, XXV, 2015, 4. – С. 3-17.
4. Бинович, Л.Э., Гришин, Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь /под редакцией д-ра Малиге-Клапшенбах и К. Агрикола. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Русский язык. 1975. – 656 с.
5. Бирих, А.К., Мокиенко, В.М., Степанова, Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ; Люкс, 2005. – 926 с.
6. Граф, А.Е. Словарь немецких и русских пословиц. – СПб.: Лань. 1997. – 288 с.
7. Даль, В.И. Пословицы русского народа. – СПб.: ТОО «Диамант», 1997. – 544 с.
8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Терра, 1986 – 1987, тт. 1-4.
9. Шекасюк, Б.П. Новый немецко-русский фразеологический словарь. Изд-е второе, переработанное и дополненное. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 864 с.
10. Deutsches Sprichwörter Lexikon – Ein Hausschatz für das deutsche Volk (5 Bände) Wander, Karl Friedrich Wilhelm, (Hrsg). Weltbild Verlag, Augsburg, 1987.
11. Zutt, J.: Auf dem Wege zu einer anthropologischen Psychiatrie. (Электронный ресурс). URL: www.pep-web.org/document.php?id=PSYCHE (дата обращения 21.04.2018).

Summary. The article is devoted to the problem of the comparative study of idioms with the components “путь/дорога” in Russian and its German equivalent “Weg”. It is shown that etymologically these words have a different semantic basis, going back to different environmental conditions, which later can be traced in the occurrence of many phraseological units. For the objectivity of the analysis, phraseological units were distributed into thematic groups. In the end, despite many cross-language parallels, the identified unique features indicate the specificity of the language worldview of both linguistic societies.

Key words: comparative study, idioms, etymology, language worldview, Russian language, German language.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, УКАЗЫВАЮЩИЕ НА ВРЕМЯ РАБОТЫ, В РУССКОЙ И ИРАНСКОЙ КУЛЬТУРАХ

Д. Наджафи, Е.Ф. Киров

Россия, г. Москва, Государственный институт русского языка
имени А. С. Пушкина

Jebreil.najafi@gmail.com, evg-kirov@mail.ru

Человечество всегда было связано со временем – его течением, измерением и научными характеристиками. Мы так тесно связаны с ним, что всегда мечтали и мечтаем о путешествии во времени, говорим о его относительности, направлении и т.д.

В 11-м веке персидский врач и философ Авиценна сомневался в существовании физического времени, утверждая, что оно существует в сознании только благодаря памяти и ожиданию. Но на самом деле, благодаря трудам исламских ученых, мы осознаем, что в каждом отрезке времени есть своя мудрость для происходящих событий, а значит, оно линейно, практически осязаемо, ведь недаром говорят: всему свое время [1].

Исламские и христианские теологи считают время линейным понятием. Строки из Библии говорят нам, что всему приходит свой черед: «Всему свое время, и время всякой вещи под небом» (Екклесиаст 3:1). Время имеет свою внутреннюю ценность, об этом говорят даже пословицы и детские стишки.

Ценность времени в иранской культуре

Время имеет самостоятельную ценность, которая признается даже в мотивах для взрослых и детских стихах. Чтобы осознать ценность одного года, спросите студента, который остался на второй год. Чтобы осознать ценность одного месяца, спросите мать недоношенного ребенка, а чтобы осознать ценность одной секунды – спросите об этом человека, пережившего аварию.

И Коран, и хадисы пророка Мухаммада (мир ему и благословение) дают понять, что Ислам считает время очень ценным ресурсом. Верующим рекомендуется осознавать ценность времени, чтобы признать его важность и организовать его с умом. Будучи разумными человеческими существами, мы не только не должны тратить время впустую, но должны заботиться о нем, беречь время, проводить его с пользой для обоих миров и думать о нем как о великом благе от Всевышнего Аллаха. Только в этом случае у нас есть все основания надеяться на успех и в этой жизни, и в жизни следующей.

Всевышний Аллах в 103-й суре Священного Корана клянется предвечерним временем: «Клянусь предвечерним временем, что люди несут убытки, кроме тех, которые уверовали, совершали праведные деяния, заповедали друг другу истину и заповедали друг другу терпение!»

Пророк Мухаммад (мир ему и благословение) говорил своим последователям о важности времени в следующих хадисах: «Люди будут стоять в День воскресения, пока не будут спрошены о четырех вещах: о жизни и как они провели ее; о молодости и как она была потрачена; об имуществе и как оно было приобретено и на что потрачено; о знаниях и как они были использованы».

«Есть две милости Всевышнего, о которых многие люди забывают: здоровье и свободное время».

Ислам учит нас, что время быстро проходит и никогда не вернется назад, каждая секунда невосполнима. Это также самый драгоценный дар, которым обладает человечество, и это то, что могут забрать у нас в любой момент. «Как летит время!» – часто сокрушаемся мы, а Всевышний Аллах напоминает нам в Коране, что месяцы и годы проходят, но когда мы предстанем перед Ним в Судный день, нам будет казаться, что наше время на земле, тогда когда мы жили, мечтали и поклонялись, прошло менее чем за день [2].

В персидских пословицах и поговорках рекомендуется всегда вовремя выполнять работу:

(букв. Сегодняшнюю работу на откладывая на завтра)

(букв. Откладывая на завтра сегодняшнюю работу, это знак ленивости).

(букв. Если время выполнения работы прошло и ты потерял работу, ныть бесполезно)

Час упустишь, годом не наверстаешь.

اگر زمان را از دست بدهی، جبران آن سخت و ناممکن خواهد بود

Значение пословицы: Данной пословицей можно сказать, мол, сейчас упустишь момент – потом будет поздно.

– Утречком поехали бы, разлюбезное дело – подтверждал старик.

– Нельзя, брат, дела! – сказал Василий Андрейч. – Час упустишь, годом не наверстаешь, – добавил он, вспоминая о роще и о купцах, которые могли перебить у него эту покупку. [6]

Л. Толстой, Хозяин и работник.

В русском языке процессуальный признак работы проявляется в фразеологизмах, в которых рекомендуется не оставлять работу на следующий день:

Не паси работу впрок, а паси хлеб.

Работа не черт, в воду не уйдет.

Сказано – Сделано.

تصمیم گرفته شده باید بدون معطلی به مرحله اجرا برسد.

Говорится, когда принятое решение или намерение действовать без промедления выполняется. Пословица интернациональная. Аналогичные выражения имеются в немецком, английском, французском, латинском и других языках. – *Так садитесь же скорее на мою лошадь. Я попробую взять вашу, не может быть, чтобы Танкред всегда был такой неучтивый.* – Сказано – сделано. *Шалунья выпрыгнула из седла и договорила последнюю фразу, уже остановясь перед нами.* (Ф. Достоевский. Маленький герой). *«Вот что, поднесу-ка я этот канделябр сегодня вечером комику Шашкину. Каналья любит подобные штуки, да и кстати же у него сегодня бенефис».* Сказано – сделано. *Вечером тщательно завернутый канделябр был поднесен комику Шашкину.* (А. Чехов. Произведение искусства) [5].

Существуют пословицы, где рекомендуется чередовать процесс работы с отдыхом:

Когда в работе успех – перекур не грех.

В субботу – на работу, а в воскресенье – на веселье.

Делу время, потехе час.

زمان اصلی باید به کار اختصاص داده شود تا تفریح و سرگرمی (در اوقات فراغت به آنها باید پرداخت).

Основное время делам, а забавам, веселью только досуг. *Горохов состоит на государственной службе и очень хорошо помнит мудрое изречение: «делу – время, потехе – час. Это изречение имел он в виду и при женитьбе, а именно: выпросился в двадцативосьмидневный отпуск с тем, чтобы всецело посвятить это время потехе, а затем с свежей головой приняться за дело.* Салтыков-Щедрин, Благонамеренные речи. *Бакулин разливает настойку, которая отсвечивает в рюмках нежной изумрудной зеленью и благоухает весной и мышами. Он уже собирается чокнуться с помещиком, но тот останавливает его осторожным жестом. Делу время, потехе час, глубокочтимый, – говорит он внушительно. С трудом достает из бокового кармана визитки пухлый запечатанный конверт и кладет его на стол.* Куприн, Канталупы. *Ну, делу время, потехе час! – сказал воспитатель. – Пора и за уроки братья. Все стали усаживаться за парты, доставать тетради и книги.* Б. Изюмский, Алые погоны. *Само собой разумеется, что я не против развлечений, но по условиям нашей действительности развлечения нуждаются в ограничениях: «делу – время, а потехе – час».* М. Горький, Об анекдотах и еще о ком-нибудь. – *Пойдем, товарищ Маргулис. Нельзя не отдыхать подряд двадцать*

четыре часа. Они сами без вас воткнул Кузнецку. Будьте в этом уверены. Я уже вижу, как они работают, эти чертенята. Пойдем. Делу время, потехе, как это говорится, один час. Катаев, Время, вперед! Я забыть того не вправе, чем твоей обязан славе, чем и где помог ты мне. Делу время, час забаве, Дорог Теркин на войне. Твардовский, Василий Теркин. – Первоначально употреблялось в значении: делу и веселью свой срок, своя пора; всему свое время. Из приписки царя Алексея Михайловича к сборнику правил соколиной охоты под названием «Книга, глаголемая урядникъ»: <Прилог книжный или свой: сия притча душевне и телесне; правды же и суда и милостивой любви и ратного строя не забывайте: делу время и потехе час Р. СМ. Снегирев, с. 109; Ашукни, Ашукина, с. 175. – Симони: Пѣнию время и молитв часъ; Снегирев: Делу время, а потехе час; Даль: Делу время, потехе час [4].

Кончил дело, гуляй смело.

بعد از اتمام به موقع کار می توان با فراغ بال استراحت کرد.

Закончив работу, можешь спокойно отдыхать. Говорится с удовлетворением от выполненной работы или с похвалой, одобрением человеку, хорошо и вовремя сделавшему своё дело и заслужившему отдых. Фельдшер смачивает одеколоном носовой платок, надевает фуражку. «Кончил дело – гуляй смело». На корабле больных нет, ужин прошёл хорошо, санитарное состояние... отличное (Л. Зайцев, Г. Скульский, В далёкой гавани). Я списал задачу начисто в тетрадку и спрятал сумку. – Кончил дело – гуляй смело, – сказала Лика (Н. Носов, Витя Малеев в школе и дома). Отец Борьки поздравил нас с окончанием учебного года. – Молодцы, – сказал он, – а теперь: кончил дело – гуляй смело (Р. Коваленко, Пешком в мамино детство) [3].

Анализ фразеологизмов показывает, что время работы однозначно положительно оцениваются в фонде фразеологизмов русского и персидского языков. Данное исследование демонстрирует, что у иранского и русского народов есть много общего в восприятии концепта «Труд». Несомненно, знание культуры другого народа во многом помогает в изучении языка данного народа. Изучение фразеологизмов является обязательной культурологической компонентой при преподавании РКИ в иранской аудитории.

Данное исследование имеет перспективы использования в процессе преподавания РКИ а иранской аудитории, поскольку позволяет познакомить студентов со смыслом и происхождением ФЕ семантического поля «важность времени работы», которое очень важно для иранского менталитета. Кроме того, для понимания текстов на русском языке иранскому студенту необходим набор пресуппозиций, в общих чертах сходный с таковым у носителей русского языка. ФЕ справляются с задачей формирования идентичного корпуса пресуппозиций у изучающих иностранный язык наиболее эффективно.

Литература

1. Рубинчик Ю.А. Основы фразеологии персидского языка. – М., 1981.
2. 1383، نشر آثار، دهگان، بهمن 1330- فرهنگ جامع ضرب المثل های فارسی- تهران ، فرهنگستان زبان و ادبیات فارسی ،
3. <http://www.rusaying.ru/russkie-posloviczy-i-pogovorki-na-k/86-konchil-delo-sh-gulyaj-smelo.html>
4. <http://pro-poslovicy.ru/delu-vremya-potexe-chas-proisxozhdenie-i-znachenie-poslovicy/>
5. http://pogovorok.ru/all_f/gloss.php?nb=601230799&d=15
6. http://poslovic.net/news/chas_upustish_godom_ne_naverstaesh/2012-05-02-478

Summary. The article is devoted to phraseological units, expressing the time of work in the Russian and Iranian cultures. Particular attention is paid to the general specific features of the idioms that are quite often used in both languages. The examples show different values and place of use of such phraseological units in certain communicative situations.

Key words: phraseological unit, Russian language, Iranian culture, comparative study.

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ
И КИРГИЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПАРЕМИЙ
С КОМПОНЕНТАМИ «БАРАН», «ОВЦА»)**

Е.Р. Ратушина, Н.Н. Жапаркулова

Россия, г. Курган, Курганский государственный университет
ekaterinao79@yandex.ru, zhaparkulova.n@mail.ru

Одной из актуальных проблем современной лингвистики является установление национально-культурной специфики языковой картины мира разных этносов, позволяющее раскрыть особенности национального мировидения и мировосприятия, отраженные в лексических и фразеологических единицах. Как отмечают лингвисты, «фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» (Телия В.Н., 1996: 9).

А.М. Бабкин подчеркивает, что «фразеология – это «святая святых национального языка», в которой «неповторимым образом манифестируется дух и своеобразиие нации» (Бабкин А.М., 1979: 7).

Важной составной частью фразеологической картины мира разных народов являются фразеологизмы с компонентом-зоонимом, под которым мы понимаем субстантивный компонент, в свободном употреблении обозначающий представителей животного мира. В нашей статье рассматриваются лингвокультурологические особенности фразеологизмов с компонентами *баран*, *овца*, которые обладают высокой фразеобразовательной активностью и образуют многочисленные фразеологизмы и паремии как в русском, так и в киргизском языке.

В русском и киргизском языках присутствуют сушлетивные наименования, передающие значение разного биологического пола животного. Данная дифференциация обусловлена тем, что названное животное издавна занимало важное место в жизни русского и киргизского народа, широко использовалось в домашнем хозяйстве, поэтому возникла потребность в специальных наименованиях для особей разного пола. При этом образы барана и овцы сопровождаются различными ассоциативными связями и коннотациями. Так, баран в русской лингвокультуретрадиционно наделяется упрямством и глупостью, овца служит метафорическим наименованием робкого, тихого, безответного человека.

Исследование национально-культурной специфики ФЕ киргизского языка показало высокую фразеобразовательную активность лексем «баран» и «овца», что обусловлено различными экстралингвистическими факторами.

В жизни киргизского народа баранина служила одним из важнейших продуктов, также использовалось молоко овцы. В древние времена использовали овечью кровь для производства кровяной колбасы «быжы». Это национальное блюдо из свежей овечьей крови, измельченной печени, риса и специй. В национальной киргизской кухне существует большое количество блюд из мяса и внутренностей овцы. Таким образом, баранина составляла основную часть рациона киргизов.

В домашнем хозяйстве активно использовалась шерсть животного, из которой с помощью валяния изготавливали очень плотный материал – войлок, защищающий зимой от холода, а летом – от жары. Он служил как покрытие юрты и как ковер внутри юрты. Из белого войлока изготавливали национальный мужской головной убор «аккашак» (белый колпак). Кроме того, из овечьей шерсти пряли пряжу, вязали различные вещи. Особенности стрижки овечьей шерсти получили отражение в пословице *ала койду бөлө кырккан жүнгө жарыбайт* (букв. «Кто пеструю овцу по частям стрижет, тот шерсти вдоволь не получит» – тому, кто жадничает, ничего не

достается. В русском языке аналогичная ситуация характеризуется с помощью поговорки *выгадал алтын, потерял рубль*.

В киргизской культуре издревле применялись бараньи кости для изготовления амулетов. Небольшие косточки из переднего коленного сустава «чуко» (альчики) до сих пор используются в национальной игре «ордо».

В обряде гостеприимства при приеме особо важных гостей обязательно резали домашнее животное – барана или жеребенка. О том, что жертвоприношение в честь гостя является свидетельством особого уважения к нему, гласит пословица: *конок «тойбодум» дебейт, «сойбоду» дейт* (букв.: гость не скажет «я не наелся», он скажет «не зарезали»), так как, согласно народной традиции, для редкого или важного гостя должны были специально зарезать барашка.

Одной из национальных традиций киргизского народа является использование особых бараньих косточек-мослов (устуканов), имеющих свое особое предназначение. Каждый гость получал строго определенный устукан в соответствии с возрастным и гендерным принципами. Различаются сугубо женские устуканы и сугубо мужские. Так, заднюю конскую часть (уча) следует преподносить только мужчинам, задний бараний курдюк (куймулчак) подается только женщинам. Определенные устуканы получают снохи и дочери. Распределение устуканов – сложная социокультурная церемония, особый ритуал демонстрации отношения к каждому гостю. Если по неведению подают гостю устукан, не соответствующий его статусу, это приводит к возникновению конфликтной ситуации. Например, грудинка – женский устукан, предназначенный дочерям, вышедшим замуж, поэтому преподнести его мужчине – явное оскорбление. Данный обычай нашел отражение в пословице *эрдик кылып кой сойду, иттик кылып төш тарты* (букв. «Зарезав барана, оказал честь, но, подав грудинку, проявил свинство»).

Фразеологизмы с компонентами «овца, баран» в киргизском языке называют человека по характеру, по поведению в различных жизненных ситуациях: *конок койдон жоош* (букв. «гость смиреннее овцы») – о человеке, который в гостях должен есть все, что ему предложат.

Фразеологизм *кой оозунан чөп албаган* – «такой смиренный, что изо рта овцы травинки не возьмёт» характеризует тихого, безобидного, доброго человека. В русском языке данное значение передается фразеологическим эквивалентом *мухи не обидит*. Сходную семантику имеет фразеологизм *боз койдон жоош, ак койдон аңкоо* (букв. «смиреннее серой овцы, проще белой овцы»). В русском языке, как и в киргизском, овца ассоциируется с тихим, смиренным, безответным человеком: (*смирный, тихий, робкий*) как овца.

Поведение лицемерного, двуличного человека обозначается фразеологизмом *кой терисин жамынган* (букв. «в овечьей шкуре») – «человек, скрывающий истинное лицо». В русском языке имеется фразеологический эквивалент библейского происхождения *волк в овечьей шкуре* – «лицемер».

Человек, который не может найти общего языка с другими людьми, в языковом сознании киргизского народа ассоциируется с овцой, отделившейся от стада: *койдон болунгон котур эчки* (букв. «плешивая овца, отделившаяся от стада»).

Пословица *эки кочкордун башы бир казанга кайнабайт* (букв. «головы двух баранов не помещаются в одном казане») означает конфликтную ситуацию: два конкурента, каждый из которых считает себя лучшим, не могут прийти к согласию. В русской лингвокультуре аналогичная семантика передается фразеологизмом *два медведя в одной берлоге*.

В киргизских паремиях свойства, состояния и признаки животного сопоставляются с качествами человека. Например, сравнивается состояние голода и поведение человека и животного: *ач киши урушчак, арык кой тырышчак* (букв. «голодный человек драчлив, тощая овца корезлива») – человек злой от того, что голодный. Состояние голодного человека в русском языке передается фразеологизмами с ком-

понентами «волк», «собака»: (*голодный*) как волк, (*голодный*) как собака – «очень, в высшей степени (голодный)».

Фразеологизмы с компонентом «кой/овца» могут передавать темпоральную семантику. Так, фразеологизм *кой устуну торгой жумурткалоо* (букв. «соловей высиживает яйца на спине овцы») символизирует время изобилия.

Пословицы с компонентами «овца/баран» в киргизском и в русском языках часто основываются на противопоставлении «овца – волк», что обусловлено экстралингвистическими факторами: как известно, волки часто нападают на стада овец. В структуре паремий также могут присутствовать компоненты «пастух», «стадо» и т.п., что связано с условиями содержания овец. Например: *адам ойго тойбойт, бөрү койго тойбойт* (букв. «Человек мыслью не насытится, волк овцами не насытится») – «человек должен постоянно учиться чему-то новому».

Пословица *бөрүгө кой кайтартпа* (букв. «Не поручай волку пасти овец») содержит предупреждение: не поручай ответственное, важное дело ненадежному человеку; перед тем, как кому-то поручить дело, нужно узнать, какой это человек. В русской фразеологической картине мира также отразилось данное противопоставление, основанное на наблюдениях за различными животными: *пустить козла в огород, бросить щуку в реку, пустить лису в курятник, пустить волка в овчарню*. Для таких единиц характерна общая семантическая модель, основанная на однотипной, повторяющейся ситуации: «дать доступ кому-либо туда, где он может причинить наибольший вред». Логическое противопоставление зоонимов послужило основанием русских пословиц «худо овцам, где волк в пастухах»; «волк не пастух, а свинья не огородник» и других.

Противопоставление «волк – овца» также лежит в основе национально специфичной киргизской пословицы *бөрү карыса да бир койлук алы бар* («хоть годы волка подошли к концу, но хватит сил загрызть овцу») – «хоть и старый человек, но еще способен жениться и иметь детей». В русском языке сходную семантику передают выражения *сам стар, да душа молода; есть еще порох в пороховницах*.

Некоторые пословицы базируются на трехчленном противопоставлении «овца/баран – стадо – волк»: *качкан кой – бөрүгө той* (когда баран от стада сбегает, то волку на пир попадает) – «нельзя принимать решения сгоряча, а то можно пожалеть».

В языковой картине мира разных этносов образ пастуха ассоциируется с заботой о животных, защитой от опасности. Лексема «пастух» присутствует в структуре фразеологизмов и паремий: *кой семизи – койчудан* (насколько овца жирна, зависит от пастуха): «по результату будет видно, как работает человек». В русском языке: *каков пастух, таково и стадо*. Образ пастуха в киргизском языке ассоциируется с образом муллы (священник – духовный пастырь народа): *молдо (койчу) көп болсо, кой арам өлөт* (Когда мулла (пастухов) много, овцы погано (без покаяния)дохнут), т.е. когда слишком много ответственных, каждый надеется на другого, поэтому происходят неприятности. В русском языке аналогичную семантику выражает поговорка *у семи нянек дитя без глазу*. Противопоставление «овца – стадо» в скрытой форме служит основой русской паремии *упрямая овца волку корысть* (т.е. овца, отделившаяся от стада, будет добычей волка).

В семантике некоторых пословиц отражается противопоставление «бедность – богатство»: *миң койлууга карышкыр тийсе, бир койлуу бычак ала чуркаптыр* (букв. «на владельца тысячи овец волк напал, а владелец одной овцы с ножом побежал»), т.е. бедный человек защищает свое имущество, а богатый ничего не делает. Данное противопоставление выявляется в семантике русских паремий, например: *у богатого сто рублей лежит, а у бедного остальное бежит*.

В некоторых пословицах образная основа базируется на компонентах «овца/ягненок»: *айдаганыкозулуу кой, ышкырыгыташжарат* (букв. «Гонит всего с ягнёнком одну овцу, а свист его камни дробит всю») – ироническая характеристика

человека, занимающего незначительное положение, который слишком много о себе мнит. В русском языке аналогичную характеристику передают пословицы и фразеологизмы *на грош амуниции, а на рубль амбиции; гроша не стоит, а глядит рублем; шишка на ровном месте*.

В русской языковой картине мира образ барана устойчиво ассоциируется с глупостью и упрямством, что отражается в качественно-обстоятельственных фразеологизмах: *(глупый) как баран, (упрямый) как баран, (смотреть, глядеть, уставиться и т.п.) как баран на новые ворота* – «недоуменно, не понимая, не соображая». В семантической структуре лексемы *баран* присутствует переносное значение «глупый, упрямый человек», которое обычно реализуется в предикативной функции. Кроме того, в русском языке отразилось представление о внешнем виде животного: *(кудрявый, завитой) как баран*. Данные фразеологизмы имеют ярко выраженную негативную коннотацию, так как характеризуют такие действия и признаки человека, которые вызывают у окружающих недовольство, иронию, насмешку (Ратушная Е.Р., 1997: 87).

Таким образом, в киргизской языковой картине мира ярко отражены различные качества и повадки барана, более широко, чем в русской лингвокультуре, представлено его практическое использование и национально-культурные традиции, связанные с животным. Особенность русского языка – устойчивая ассоциация барана с такими качествами, как глупость и упрямство, а также отражение в семантике качественно-обстоятельственных фразеологизмов характерных особенностей внешнего вида животного. Универсальным для обеих лингвокультур является представление об овце, которая символизирует робкого, смиренного, покорного человека.

В целом можно констатировать, что в языковой картине мира русского и киргизского народов представлены как универсальные, так и национально специфичные фразеологизмы и паремии с компонентами «овца/баран», что обусловлено, с одной стороны, сходством восприятия признаков данного животного, а с другой – особенностями национального менталитета, климатическими условиями и спецификой образа жизни каждого этноса.

Литература

1. Бабкин, А.М. Идиоматика (фразеология) в языке и словаре // Современная русская лексикография. – Л., 1979. – 160 с.
2. Малафеева, Е.Р. Семантическая структура фразеологизмов с компонентом зоонимом в современном русском языке // автореферат дисс. на соискание уч. степ. канд. филол. наук. – Л., 1989. – 16 с.
3. Ратушная, Е.Р. Семантическая структура качественно-обстоятельственных фразеологизмов в современном русском языке и механизм ее формирования // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 3. Филология. – Челябинск: ЧГПУ, 1997. – С. 78-90.
4. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

Summary. The article examines the phraseological units and proverbs with the “sheep/mutton” components found in the Russian and Kyrgyz languages. The authors note that in the linguistic picture of the world of the Russian and Kyrgyz peoples both universal and nationally specific features of such idioms are presented. The figurative fundamentals of idioms from a cognitive point of view are analyzed.

Key words: phraseological units, proverbs, Kyrgyz language, linguistic picture of the world.

ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ФОРМЫ ПРОКЛЯТИЙ В УКРАИНСКОМ ДИСКУРСЕ НА ФОНЕ РУССКОГО¹

А.В. Савченко

Тайвань, г. Тайбэй, Государственный университет Чжэнчжи
savchenko75@mail.ru

М.С. Хмелевский

Россия, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет
chmelevskij@mail.ru

Рассматривая на сопоставительном уровне устойчивые фразеологизированные и спонтанно возникающие в речи по существующим языковым моделям формы пожеланий-проклятий (проклинаний), прежде всего следует обратить внимание на сам факт особенностей их функционально-прагматического употребления в русском и украинском языковых пространствах с точки зрения дискурсивных особенностей и концептуального осмысления носителями двух близкородственных славянских языков. Речь идет, в частности, о разности роли, частотности и эмоциональной наполненности фразеологизированных единиц с общим значением проклятия в разговорной речи носителей русского и украинского языкового сознания, что дополняет общую картину различий в манере изъяснения и построения коммуникативно-прагматического высказывания – вне зависимости от того, каким языком или языковым кодом пользуется последний (т.е. украинско-, суржико-, диалектно- или русскоязычный украинец). Это, в первую очередь, касается формы непринужденного общения, а также средств создания комического эффекта в рамках рассматриваемого нами вопроса специфики употребления устойчивых фразеологизированных выражений с общим значением проклинания.

В русском дискурсе фразеологизированные выражения-проклятия, как правило, имеют сниженный, отчетливо выраженный негативный, вплоть до оскорбительного, характер (подобные выражения в словарях обычно имеют пометы «бранн.», «груб.-прост.»); зачастую они относятся к социально ограниченному уровню коммуникации, тогда как в речи носителей украинского менталитета, в отличие от русского, подобные выражения далеко не всегда адресованы конкретному человеку, а обычно выступают в качестве ярко окрашенных средств выражения эмоций относительно ситуации, возникшей в связи с определенными действиями этого человека, придают высказыванию экспрессивно-оценочный, часто юмористический оттенок (вплоть до сарказма), а сами эти фразы синтаксически имеют характер междометных фразеологических единиц.

Переходя к описанию данной концептуальной категории в украинском языковом сознании, еще раз обратим внимание на максимально сильную негативную стилистическую и узусную окрашенность в рамках русского речевого дискурса таких, напр., выражений, как *Чтоб ты сдох! Чтоб тебе пусто было!* или *Чтоб ты провалился!*, а также созданных по этой модели комических, однако не слишком частотных в русском просторечии обыгрываний: *Чтоб ты жил на одну зарплату! Чтоб тебе кактус вместо орхидеи!*, или калька с англ. – *Чтоб ты жил в эпоху перемен!* (Изотов В.В., 2015: 386) (укр. *Щоб ти жив у часи змін!*). Считается, что последнее выражение восходит к древнекитайскому высказыванию-пожеланию врагу – букв. *Чтоб ты жил в интересные времена!* Приведем и созданные по данной мо-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект «Проведение комплексного социолингвистического исследования роли и функций русского языка в украинском полиязычном пространстве и описание положения русского языка в современной языковой ситуации на Украине» (№ 18-012-00754).

дели авторские, но широко узнаваемые носителем русской культуры: *Чтоб ты сдох! Чтоб я видел тебя в гробу в белых тапках! Чтоб ты жил на одну зарплату!* (часто цитируемая фраза из фильма «Бриллиантовая рука») или чисто окказионально-авторские, напр.: *Чтоб тебя переехали все автобусы мира!* (Р. Литвинова) и т.п. Последние примеры в качестве средства непринужденного повседневного бытового общения имеют, несомненно, более художественный, поэтический, публицистический или метафорический характер употребления в русском разговорном дискурсе, являются окказиональными и менее вариативными, чем в украинском. В этом смысле можно вспомнить обыгрывание переносного и буквального значений в романе «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова (который был хорошо знаком с манерой изъяснения украинско- и русскоязычных жителей Киева):

– *Да что ж такое? Вывести его вон, черти б меня взяли!*

– *Черти чтоб взяли? А что ж, это можно!* (Булгаков М.А., 1984: 143).

В то же время в обиходно-разговорной речи украинца (подчеркнем еще раз – вне зависимости от используемого им языкового кода) употребление данных фразеологизмов-проклинаний (в украинской терминологии – *прокльони*) в повседневном общении довольно частотно и, по сути, является нормой просторечной формы повседневного общения. В этой связи следует отметить лакуарность данного явления в русском языковом коммуникационном дискурсе в сравнении с украинским.

Выделим наиболее распространенные устойчивые лексические и концептуально значимые конструкции с общим значением и функционально-прагматической функцией проклятия (проклинания), выступающие в украинском разговорно-просторечном дискурсе и как экспрессивные языковые средства выражения (с междометным оттенком) собственной эмоции говорящего, и как элементы непринужденного общения, возведенные до нормы просторечной коммуникации:

1. Проклинания, слабо узнаваемые и не часто употребляемые современным носителем русского языкового сознания, но повсеместно и хорошо знакомые и весьма частотные в украинском лингвокультурологическом дискурсе, в основе которых заложены пожелания кому-либо утраты зрения или слепоты: *Щоб тобі повилазило!* (т.е. букв. – «вылезли глаза», ср. также с рус.: *Чтоб твои глаза повилазили!* (Изотов В.В., 2015: 152), которое менее узнаваемо и распространено в русском контексте, тогда как в украинском оно носит концептуальный характер.

Примечательно, что русское выражение *Чтоб тебе повилазило!* – т.е. выражение пожелания кому-либо ослепнуть, фиксируется также и русскими фразеологическими словарями, напр., «Фразеологическим словарем русского языка для школьников» М.А. Котовой с пометой *груб.-прост.* (Котова М.А., 2007: 409). Однако в связи с этим встает вопрос о частотности подобных употреблений, их узнаваемости среднестатистическим носителем русской культуры и главное – степени прагматической актуальности использования проклятий как фигур речи в русском просторечии и повседневном общении. Тогда как в украинском дискурсе употребление таких устойчивых единиц, по сути, имеет междометную функцию и несет в себе определенную формулу речевого средства выражения недовольства ситуацией, нередко с абсолютно беззлобной иронией – в зависимости от коммуникативной ситуации. Это частотное и весьма употребительное проклинание мотивируется исконным значением фразеологизма *дивитися як не повилазять (очі)*, т.е. «смотреть пристально, очень внимательно», а также прямым значением *хіба (чи, що) (тобі, йому и т.п.) повилазило (очі повилазили)?* – «ты что (разве) не видишь?» или в переносном «ты что (разве) не понимаешь (очевидного факта)?» (СУМ, 1975: Т. 6, 654), *Тобі що, повилазило?* – *Ти що, не бачиш, що тут написано?!¹*. Само проклятие, поддерживаемое

¹ Здесь и далее примеры без ссылок записаны нами в ходе полевых исследований на Украине в 2018 г., многолетних наблюдений в ходе общения с украинцами разных регионов, а также из современных украинских СМИ и социальных сетей.

значениями вышеуказанных устойчивых фразеологизированных единиц, можно буквально трактовать как «чтоб тебе ослепнуть!». При этом сема «пожелания слепоты» также реализуется в таком устойчивом выражении-проклинании, как *Щоб ти темна ходила!*, – которое аналогично употребляется в междометной функции как экспрессивное средство выражения недовольства кем-либо или поступком кого-либо наряду с заклиятием с той же семой: *Щоб тобі чорне було!* или с еще более прозрачной мотивировкой: *Щоб ти осліп!* *Щоб твої очі не бачили!* Проклятия с семой «слепоты» довольно распространены в украинском дискурсе, здесь приведем еще такие примеры, как *Та шоб тобі вже очі на лоб повилазили!* *А шоб тобі очі вилізли на потилицю!* *Щоб тобі очі повидирало!* *Щоб ти ходив в хаті й вікна не побачив!* *Щоб тобі ворони очі повигльовували!* и т.п. (Іваннікова Л.В., 2015: 110). В связи с этим можно упомянуть устойчивое проклятие как формулу-оберег от сглаза: *Сіль тобі в вічі, недобрый чоловіче!* – ср. узусно ограниченные русск.: *Соли тебе в очи!* *Соли на глаз, чирей тебе на язык!* (Кузнецова И.В., 2004: 75) (однако здесь снова встает вопрос частотности употребления и узнаваемости данного выражения). Сюда же можно отнести часто встречающиеся в речи пожелания немоты: *Щоб в тебе пір'я в роті (горлі) поросло!* *Щоб тобі вуса на язика повиростали та вічі повилазили!* или глухоты: *Щоб тобі вуха повідсихали / повидпадали!* (ср. русск. *Чирей тебе в ухо / на язык* (Там же: 76)).

2. Заклятия, которые из-за своей внешней формы и сути могут быть первоначально восприняты как пожелание добра, тогда как в действительности в украинском дискурсе они употребляются как проклинания, причем степень экспрессивности зависит от интонации и употребления усилительных частиц *та*, *бодай*, подчеркивающих яркий негативный и эмоционально-экспрессивный заряд фразы, например: *Та шоб тобі добро було!* *А добра б тобі було!* *Та шоб тобі здоров'я було!* *А шоб ти здоровий був!* *Щоб тебе лиха біда стороною обходила!* *Та шоб тобі добре жити!* *А бодай тобі лиха не було!* *Та шоб ти став кращим!*, которые в междометной функции несут в себе значение негодования, возмущения кем-либо и/или его поступком.

3. Проклятия, компонентами которых выступают глаголы с общим образным значением изменения физического состояния. Как правило, такие выражения имеют более ироничный характер, чем упомянутые выше: *Щоб ти сказився (на задні ноги)!* – «испортился», *Щоб тебе підняло та гепнуло!* – «ударило», *Щоб тебе розірвало!* *Щоб тебе розперло!* *Щоб тебе порозпирало вже – їж давай!* (Полтава, мать – ребенку), а также: *Щоб ти на кавалки розпався та інакше зрісся!* *Щоб тобі рачки лазити!* *Щоб тобі повикручувало рученьки та ніжоньки!* *Щоб в тебе всі руки / всі задні ноги повідірвало!* *Щоб тебе в прецель скрутило!* – «бублик» (рег.). Частотность и обыденность подобных речевых конструкций по сравнению с русским речевым этикетом может ярко проиллюстрировать, напр., такая наша фиксация, как: *А ну давай вылазь з той води, шоб там тебе перекосило!* (Одесса, мать – ребенку), что абсолютно не характерно для русскоязычного дискурса.

4. Проклятия с общим значением «пропасть, исчезнуть»: *Та шоб ти скис!* *Щоб ти мені здувся!* *Щоб ти згинув!* *Щоб ти згнів!* *Щоб тебе взяло та й не відпустило!* *Щоб тебе грім взяв / убив / побив (та й ще блискавка спалила)!* *Щоб ти три рази згорів!* *Та шоб тебе вогонь спалив!* / ирон. *Щоб тебе вогоньця спалило!* ирон. *Щоб ти пійшов та не вернувся!* (здесь отметим междометность данного выражения, т.к. никто из участников диалога не желает, чтобы собеседник ушел), *Щоб ти поза Уманю ходив!* (Умань – город в Черкасской обл.) – в значении «пропал далеко и надолго». Переходя к следующей группе, отметим и такое выражение, как *Щоб тебе серед людей взяло!*, которое совмещает в себе значение «исчезнуть из поля зрения» и ассоциируется с «нечистой силой».

5. Проклинания с компонентами-номинациями нечистой силы – *чорт*, *диявол*, *сатана* и – наиболее распространенное в украинском узусе слово – *біс*: *шоб (бо-*

дай) тебе чорти (чортяки) взяли / вхопили! Побрав би вас стопекельний диявол! Біс би тебе взяв! Біс тебе забирай! (Васильченко В.М., 2014: 207). В этой же группе стоит отметить и единицы с лексемами, по своему переносному значению эвфемистически приближенные к номинации злой, нечистой силы, чего-то отвратительного, страшного, опасного: а) Кат його бери! / Кат би тебе попостукав! – «палач», б) Аби тебе дідько взяв! Щоб тебе дідько схопив / трінав! – фольк., миф. «черт» (Кузнецова И.В., 2009: 75), в) миф. Щоб тебе нечистий взяв!, г) Врэг би його взяв! (ср. с хорв. *vrag* – «черт, дьявол»), д) Щоб тебе злидні обсіли! – «нищие» и т.п. (СУМ, 1972: Т. 3, 591).

6. Проклинанія с пожеланиями физических недугов и болезней: Щоб тебе шляк трафив! – букв. «чтоб тебя удар хватил» (ср. с нем. *wie vom Schlag getroffen sein*), Чума б його взяла / вхопила! Грець би його побив! / Хай йому грець! – «апоплексический удар, паралич», Пранці б вас поїли! – «сифилис», Щоб тебе різачка попорізала! – «кровавый понос», Та бий (бери) тебе трясця! Трасця йому в печінки (в бік, в пуп)! – «лихорадка» (СУМ, 1972: Т. 10, 307; Васильченко В.М., 2014: 210), диал. Хай тя бере зла тетюха! (Кузнецова 2008: 175), Щоб тебе нижче пояса зціпило (за пупа)! (усеченный вариант: Щоб тобі зціпило!), Щоб йому голова облізла! Щоб тобі булька з носа вискочила! – «прыщ», Щоб тобі хима в грудях грала! – «хрипота», Щоб тебе колька сколола! Та тисяча болячок тобі у печінку! Та щоб ти сміявся на всі кутні зуби! – «коренные зубы», т.е. «чтобы все зубы выпали». В эту же группу можно отнести и выражение Щоб тобі поприщило, – пожелание тому, кто пророчит что-то недоброе (букв.: «покрыться прыщами»), а также – пожелания умственной недостаточности: Щоб ти з глузду зїхав! Щоб ти з ума зїшов!

7. Пожелания чего-либо недоброго (с более широкими по значению компонентами, чем в предыдущей группе): Щоб тобі добра / здоров'я не було! Щоб ти вдавився! Щоб тебе скрутило (Щоб ти скрутився)! Щоб тебе перекосило (на бік)! Щоб тобі заклало! Щоб ти луснув! / Щоб тобі луснуло! / Щоб тобі пупа луснуло! – «треснуть, лопнуть» (ср. рус. *чтоб ты надорвался*), а также такие частотные в украинском узусе, но менее распространенные, как Щоб ти міні своїй бо-вся! Щоб ти в дівках посивіла! – «поседела».

8. Традиционно сильно экспрессивно маркированные и частотные в любой культуре проклятия с пожеланиями смерти: Щоб ти здох! Щоб ти помер! Щоб йому втрутитися / (диал.) струтитися! – «отравиться» (Русанівський В.М., 2001: 288).

9. Выражения, в которых участвуют компоненты, обозначающие животных: Щоб тебе черви поїли / зїли (как эвфемизм, тематически близкий предыдущей группе), Хай би тебе вже вовки зїли! Їдять тебе мухи (та ще й з комарами)! Щоб тебе рак урачив! Щоб тебе качка копнула! (Васильченко В.М., 2014: 207). Эвфемизмы, обозначающие гулящую жену – курка, муха, качка, – мы видим в заклитиях А щоб тобі курка на ногу наступила! Щоб тебе муха вбрикнула!, которые могут быть отнесены и к следующему типу.

10. Заклיתия с компонентами, обозначающими близких родственников: А щоб твоя дружина з кумом повелася! Довольно распространены в украинском языке заклития с общим значением «мать не увидеть»: Щоб ти матір не побачив (як народився)! Нечиста мати з ним! (Русанівський В.М., 2001: 288), а также в переносном значении «мать-Родина»: Та щоб тобі ніколи (вічно, більш) України (Неньки) не побачити!

11. Проклיתия с ненормативной лексикой, воспринимаемые, однако, не как оскорбительные, а, наоборот, имеющие характер междометного фразеологического выражения, выполняющего во фразе роль эмоционально-экспрессивного маркера, с прагматической точки зрения дополнительно несущего на себе функцию выражения негодования: Щоб ти всрався! Причем данное заклитие часто обыгрывается и распространяется дополнительными метафорическими средствами для усиления его

експресии: *Щоб ти всрався, як маленький був / і бумажки не було / і води (гарячої) не було / щоб ти всрався та й криво* и т.п. Здесь перечень может быть бесконечным, как, с одной стороны, из устоявшихся заклятий: *Щоб твоя срака по шву розійшлася!*, так и авторских, созданных по уже имеющейся и узнаваемой языковой модели: *Щоб тобі дристало та дристало! Щоб тобі срачка напала! Щоб тобі качка в рот поносом насрала!*

12. Чисто междометные устойчивые выражения в значении «восклицания с целью остановить кого-л., кто сказал глупость, раскричался»: *Тю на тебе (чоловіче)!* Причем здесь следует отметить, что рус. *тьфу на тебя* не является абсолютным аналогом, т.к. укр. *тю* употребляется в более широком эмоционально-прагматическом диапазоне: в значении выражения удивления, неудовольствия, разочарования, насмешки и т.п., напр.: *Тю, як це він не примітив такої гарної дівчини?* (СУМ, 1979: Т. 10, 332).

13. Созданные по общей модели авторские проклинания, которые не могут быть лексикографически паспортизированы, т.к. они окказиональны, как правило, единичны (хотя не всегда) и спорадически возникают в речи украинца по вышеописанным языковым моделям: *Та щоб твоєю мордою да просо молотили! Щоб ти в старці подався! Хай тебе двері притиснуть! Хай тобі всі зуби повиподають, крім одного, щоб болів все життя! Щоб тобі очі грали, а зуби скакали! Щоб тобі нагаями писало!* (о плохо или злобно написанном тексте), *Щоб ти вийшла за інженера! Щоб ти більш ніколи в криївку не вліз!* (криївка – рег. львовск. «кафе, забегаловка, кабак»), *Щоб тебе негри покусали!* и т.п.

В заключение отметим, что активное использование в речи, в разговорно-просторечном или сниженном стиле подобных фразеологизированных (и фольклоризированных) формул-проклинаний с различным спектром функционально-прагматических значений свидетельствует, во-первых, о живости древневосточнославянских фольклорных представлений в сознании современных носителей украинского культурного и языкового дискурса. Во-вторых, это подтверждает наши многолетние наблюдения и факты того, что основой украинского языка и базой его формирования, равно как и основой актуального его функционирования, является язык сельской местности (за исключением западных регионов страны), где до сих пор живо и активно употребляются в обиходной речи выражения из устного народного творчества и фольклора, поддерживаются народные традиции, и сам разговорный язык (а затем и литературный) продолжает постоянно обогащаться за счет «сельского», т.е. неисчерпаемого простонародного пласта языка. В то же время русский язык и русский разговорный дискурс больше обращается к стандарту и образцам «классической литературы» и использования клишированных единиц (Савченко А.В., Хмелевский М.С., 2018: 59).

Таким образом, украинский речевой дискурс сохраняет, «консервирует» и постоянно воспроизводит традиционные народные образы, во многом помогая реконструировать древние представления и верования двух близкородственных и исторически тесно связанных друг с другом восточнославянских народов.

Литература

1. Булгаков, М.А. Мастер и Маргарита. – М.: Современник, 1984. – 367 с.
2. Васильченко, В.М. Типологія фразеологізмів-прокльонів за суб'єктом магічної дії // Мовні і концептуальні картини світу: зб. наук. пр. – Київ: КНУ ім. Т. Шевченка, 2014. – Вип. 47, ч. 1. – С. 205-211.
3. Изотов, В.В. Проклятие. Заклятие. Клятва. Анафема. Представления о функциях и механизмах реализации проклятий в мировой культуре и библии. – Киев: ИП Стрельбицкий, 2015. – 468 с.
4. Котова, М.А. Фразеологический словарь русского языка для школьников. – М.: Рипол Классик, 2007. – 704 с.
5. Кузнецова, И.В. Народные лекари и лечебная магия в устойчивых сравнениях славян // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. – Вып. 1-2. – СПб: СПбУ, 2004. – С. 72-77.

6. Кузнецова, И.В. Русские устойчивые сравнения о болезнях (на славянском фоне) // Жарчысы вестник кыргызского национального ун-та им. Ж. Баласагына 2008 Сер. 1(6). Вып. 2. Культура в языке и литературе – язык и литература в культуре: материалы Межднар. науч. конф. – Бишкек: Кыргызский национальный ун-т, 2008. – С. 170-178.
7. Кузнецова, И.В. Персонажи мифологии в устойчивых сравнениях славян // Slavia: Časopis pro slovanskou filologii. Ročník 78, sešit 1-2. – Praha: Euroslavica, 2009. – P. 69-88.
8. Русанівський, В.М. Історія української літературної мови. – Київ: АртЕк, 2001. – 392 с.
9. Савченко, А.В.; Хмелевский, М.С. «Над кем смеетесь?», или о специфике создания комического в украинском языке (на примере романа О. Черногуза «Аристократ из Вапнярки») // Językoznawstwo. Współczesne badania, problemy i analizy językoznawcze. – Łódź: Wydawnictwo Akademii Humanistyczno-Ekonomicznej, 2018. – S. 57-72.
10. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и Принцип причинности // Язык и наука конца 20 века: Сб. статей. – М.: РГГУ, 1995. – С. 35-73.
11. СУМ – Словник української мови в 11 тт. / АН УРСР. Інститут мовознавства. – Київ: Наукова думка, 1970-1980. – 662 с.
12. Іваннікова, Л.В. Українські прокльони: традиція села Губча на Хмельниччині // Міфологія і фольклор. – № 1-2. – Львів: Львівський національний університет ім. І. Франка, 2015. – С. 108-121.

Summary. The article examines the peculiarities of the Ukrainian idiomatic curses. The article examines the peculiarities of the Ukrainian idiomatic curses, i.e. special phraseological verbal formulas, which are essential structural elements of the emotional utterance in Ukrainian, having a very colorful emotional and expressive charge and performing various pragmatic functions in speech. Such stable speech formulas – curses – are very frequent in Ukrainian everyday spoken language, such units are very variable in their lexical composition, emotional and evaluative semantic content. Examination of such stable forms of curses in terms of their degree of expression and pragmatics is the main goal of this paper.

Key words: idioms, idiomatic curses, Ukrainian language, pragmatic effect, spoken language.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ «ДУША» В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

И.В. Сопова, Е.Н. Таранова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
sopova@bsu.edu.ru, taranova@bsu.edu.ru

Фразеологизмы являются неотъемлемой частью любого языка. В языковом фонде они играют весьма значительную роль, поскольку отражают этнокультурные стереотипы мышления и мироощущения любого представителя языковой общности. Представления о мире человека как части этноязыкового сообщества выражаются в его речевых манифестациях, которые неразрывно связаны с культурой и менталитетом, а также, в свою очередь, с основными ценностями и идеалами культурного наследия, основными архетипами, господствующими в сознании всего общества. Таким образом, ценностно-окрашенные концепты духовной культуры отображаются в языке индивидуума согласно общим представлениям и мировосприятиям.

Как неоднократно было замечено лингвистами (В.А. Маслова, А.А. Вежбицкая, В.Н. Телия и др.), фразеологизмы являются наиболее культурно окрашенными маркерами речи, поскольку представляют собой отражение «духа народа», как справедливо заметил ещё В. фон Гумбольдт. «Каждый естественный язык отражает определённый способ восприятия и устройства мира, то есть языковую картину мира. Совокупность представлений о мире, заключённых в значении разных слов и выражений данного языка, складывается в некую единую систему взглядов и предписаний, ко-

торая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Владение языком предполагает владение концептуальной картиной мира, отражённой в этом языке» (Зализняк А.А., 2005: 9). «Фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы» (Маслова В.А., 2004: 80).

Осознание окружающей действительности происходит на основе принятых в данном этноязыковом пространстве образов, стереотипов, архетипов, мифологем, символов, концептов, эталонов, сценариев и универсалий и т.д. Фраземика языка наиболее ярко отображает и опредмечивает вышеупомянутые составляющие культурного наследия благодаря национально-детерминированным характеристикам фразеологизмов. В содержании устойчивых языковых комплексов закреплены способы этнического познания мира и отражение собственного бытия.

Основу речевой деятельности составляет этнокоммуникативное сознание личности. «Слово- и фразеотворчество на базе идиоматики языка являются процессом индивидуальной семантизации знаний о мире» (Караулов Ю.Н., 1987: 159). Концептуализация предметов и явлений окружающего мира проявляется в семантической структуре слов и фразем и связана с оцениванием данных явлений действительности с закреплённых мировоззренческих позиций. Подобные оценивания не всегда тождественны у представителей разных культур, могут быть даже диаметрально противоположными. Особенности характера (лихость, удаль, бесшабашность у русских, тщательность, педантичность, точность у немцев) создают ряд ассоциаций, которые субъективны для каждого народа.

Для любого представителя культурно-языкового сообщества фразеологизмы вычлениют и фиксируют те фрагменты в канве экстралингвистической реальности, которые наиболее характерны и значимы для носителя определённого языка. Таким образом, фразеологизмы формируют пласт культурно-языковой памяти народа, его коллективного мироощущения и мировосприятия.

Многоликость самой страны, влияния западной и восточной культур, породили ряд отличительных черт характера, а в итоге и культурно-языкового сознания типичного представителя земли русской. Даже в былинах мы наблюдаем надежды русского богатыря Ильи Муромца на силу, которую он ждёт от земли русской. К примеру, рассмотрим, чем является понятие «душа» в культурно-языковой памяти русского человека. Почему в русском языке закрепилось устойчивое выражение «широта души»? Некоторые связывают это с необъятными просторами страны. Мы можем согласиться с данными ассоциациями, поскольку географическое положение, протяжённость территории, включающая и запад и восток, противоположности разных культур сыграли свою роль в формировании картины мира русского человека.

Концепт «Душа» в лингвокультурологии типичного русскоязычного индивидуума имеет огромное значение и встречается в составе многих устойчивых сочетаниях слов. Рассмотрим некоторые примеры с объяснениями.

«Душа нараспашку» – об общительном и открытом человеке; «душа компании» – главный собеседник, умеющий вести и поддерживать разговор; «в глубине души» – интуитивно, внутри себя, скрыто; «накипело на душе» – о накопившихся обидах, гневе; «сделано с душой» – старательно, аккуратно, добротой сделано; «как бальзам на душу» – благотворно, приятно, удовлетворённо; «за душу берёт» – о чём-то, что вызывает сильные эмоции, чувства; «вкладывать душу» – делать что-либо с большой любовью, старанием; «греет душу» – радуется, вызывает положительные эмоции; «душа-человек» – добродушный, прямой, чистосердечный человек; «еле-еле душа в теле» – о болезненном человеке со слабым здоровьем; «ничего нет за душой», «ни гроша за душой» – нет собственности, нищий человек; «как Бог на душу положит» – делать что-либо как попало; «ни души» – никого; «от души» – искренне; «плюнуть в душу» – нанести оскорбление; «поговорить по душам» – откровенно;

«пропащая душа» – человек, давно не появлявшийся в обществе либо «заблудшая душа» – запутавшийся в жизни человек; «родственная душа» – близкий человек по интересам; «сколько душе угодно» – без ограничений; «стоять над душой» – раздражать присутствием; «душа в пятки ушла» – испугаться; «души не чаять» – любить до самозабвения; «душа в душу» – в полном согласии; «кривить душой» – поступать лицемерно, неискренне; «душу вымотать» – изнурить морально и другие.

Подобные устойчивые словесные комплексы с лексемой «душа» мы можем наблюдать и в пространстве современного политического дискурса: «...которым такие новые порядки *пришлись*, мягко говоря, *не по душе!*» (Рогозин Д.О., 2010: 92).

В языковом пространстве немецкого языка лексема «Seele» (русск. душа) предположительно является производным слова «See», с основным значением «die zum See Gehörende» (Duden, 2001: 750), то есть «принадлежащий озеру». Согласно представлениям древнегерманских племён, души нерождённых и умерших жили в воде. На сегодняшний день значение слова «душа» определено христианским вероисповеданием. В переносном смысле «душа» означает «Inner(e) eines Dinges» (Duden, 2001: 750), то есть «внутреннюю сущность чего-то». По древним христианским представлениям душа, высвободившаяся после смерти от телесной (физической) оболочки, устремляется к Богу (Feydt S., 2007: 134).

Приведём примеры некоторых устойчивых словесных комплексов с лексемой «Seele» (русск. душа) из немецкого языка:

«Die Seele aushauchen (*или hingeben*)» испустить дух = русск. «отдать Богу душу»; «seine Seele zum Teufel verschreiben (*или verpfänden*)» = русск. продать душу дьяволу; «sich (*D.*) die Seele aus dem Leibe schreien» *посл. урон.* кричать до изнеможения; «meiner Seele!» – клянусь душой!; «nun hat die liebe Seele Ruh!» = *шутл.* ну, теперь моя (твоя) душенька спокойна!; «*j-m an die Seele gewachsen sein*» – души не чаять в ком-л.; «*j-m an die Seele greifen*» – взволновать, = русск. тронуть за душу кого-л.; «das geht mir an die innerste Seele» = меня это трогает до глубины души; «*j-m etw. auf die Seele binden (или legen)*» – а) убедительно (по)просить кого-л. позаботиться о ком-л., о чём-л.; б) настойчиво, убедительно рекомендовать кому-л. что-л.; «*etw. auf der Seele haben*» — иметь что-л. на душе (на совести); «das brennt mir auf der Seele» – это пугает (терзает) меня, причиняет душевные муки; «das geht (*fährt или schneidet*) mir durch die Seele» = русск. это меня за душу (за сердце) берёт; «es ist mir in der Seele zuwider» – от этого у меня душу воротит, = душа не принимает; «mit ganzer Seele bei der Sache sein» = «mit Leib und Seele bei *etw.* sein» = русск. всю душу вкладывать в какое-то дело; «ein Herz und eine Seele sein» = русск. жить душа в душу; «eine Seele von einem Menschen» = русск. душа-человек, добрейший человек; «schöne Seelen finden sich zu Wasser und zu Lande» = русск. *посл.* свет не без добрых людей (Бинович Л.Э., 1995: 593-594).

На примере немецкого политического дискурса употребление устойчивого выражения с лексемой «Seele» можно встретить в публичном выступлении канцлера Германии:

«Ja, es ist wieder und wieder wichtig, dass wir uns klar machen, warum wir junge Frauen und Männer in ein fernes Land schicken, wo ihre Gesundheit an Leib und Seele und ihr Leben immer wieder in Gefahr sind» (Меркель А., 2018).

Исходя из анализируемого материала, можно отметить, что в русском языке нам встретилось 229 фразеологизмов с лексемой «душа», в собранном материале немецкого языка подобных устойчивых сочетаний слов с лексемой «Seele» гораздо меньше – 74. Причём в похожих ситуациях общения немцы чаще употребляют другую лексему – «Herz» (русск. сердце) вместо «Seele»: от души = vom Herzen; душой и телом = mit Herzen und Körper; иметь что-л. на душе = *etw. auf dem Herzen haben* и т. д. Даже в обращениях аналогично русскому выражению «душа моя!» в немецком языке чаще звучит «mein Herz!». Опираясь на фактический материал, необходимо

отметить, что в русском языке концепт «Душа» является более распространённым маркером культуры и мировоззрения, чем в немецком.

Восприятие культуры посредством языка и умение отображать культурные концепты в языковых формах свидетельствует о формировании полноценной коммуникативной личности во внутриязыковом и в межъязыковом общении. Язык, как давно замечено лингвистами, отражает культуру и транслирует её из одной языковой среды в другую. Таким образом, с помощью языка осуществляется лингвокультурологическая связь поколений и межкультурное взаимодействие *Homo loquens*. Наряду с этой важной функцией язык является и культурным маркером, видоизменяясь в соответствии с культурными приоритетами.

Литература

1. Бинович, Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь. – М.: Аквариум, 1995. – 768 с.
2. Зализняк, А.А., Левонтина, И.Б., Шмелев, А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 345 с.
3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. — 363 с.
4. Маслова, В.А. Основы фразеологии. – М.: Высшая школа, 2004. – 376 с.
5. Рогозин, Д.О. Ястребы мира: Дневник русского посла. – М.: Альпина нон-фикшн, 2010. – 441 с.
6. Телия, В.Н. [и др.]. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. – М.: АСТ – ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
7. Duden: Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. 2. Aufl. Band 11. Rhelda-Wiedenbrück [u.a.], 2007. – 928 S.
8. Feydt, S. Kleines Lexikon zum Christentum. – Leipzig, 2007. – 168 S.
9. Petermann, J. Hansen- Kokoruš, R. Bill, T.: Russisch-deutsches phraseologisches Wörterbuch. Hrsg. von J. Matešić – Leipzig, Wien, 1995. – 946 S.
10. Merkel, A.: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/suche/rede-von-bundeskanzlerin-angela-merkel-anlaesslich-der-trauerfeier-fuer-die-am-2-april-in-kundus-gefallenen-soldaten-319838>

Summary. The article deals with phraseological units with a lexeme of «soul» as reflection of ethnocultural stereotypes of thinking and attitude of the representative of language community on examples of the Russian and German languages. The extralinguistic reality of the Russian and German people is fragmentary presented on the basis of collected material. There are given quantitative characteristics of the use of a component of «soul» in the considered languages.

Key words: phraseological units, German language, Russian language, ethnocultural stereotypes of thinking.

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕМАТИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ ВРЕМЕНА ГОДА В ДИСТАНТНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Е.А. Ухналёва

Россия, г. Белгород, Белгородский технологический университет им. В.Г. Шухова
everveyko@bk.ru

С.А. Моисеева

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
moisseeva@bsu.edu.ru

Изучение лексических и фразеологических единиц, объективирующих представления о годовом промежутке как одной из реализаций категории *ВРЕМЯ*, является актуальным направлением современной лингвистики.

«Фразеология является проекцией мира в языковом сознании, формирующем в каждом языке особую картину мира, которая является системо- и структурообразующим конституентом всеобщей системы, включающей как самого человека, так и его окружение. Она раскрывает этнокультурную специфику человека, его субъективного взаимоотношения с миром как важнейшего условия его существования в этом мире» (Алефиренко Н.Ф., 2002: 18-19).

«В когнитивной фразеологии фразеологическое значение рассматривается как результат структурированной субъективной интерпретации человеком объективного мира, получаемый посредством структурированного интегративного отражения в сознании объективной действительности и субъективного отношения к ней человека» (Болдырев Н.Н., 2015: 36).

Категория *ВРЕМЯ* представлена в языке концептуально-тематической областью времена года. В исследуемых лингвокультурах, год делится на следующие отрезки: *англ. winter/spring/summer/autumne; фр. hiver/printemps/été/autumne; русск. зима/весна/лето/осень*. Времена года представляют собой значимый фрагмент английской, французской и русской языковых картин мира, однако их роль, восприятие и оценка в исследуемых культурах, не тождественны. Вербализация анализируемой концептуально-тематической области в рассматриваемых языках имеет как универсальные, так и национально-специфические черты, которые выявляются путем лингвокультурологического анализа соответствующих лексических единиц на фоне их аналогов в других языках. Фрагмент языковой картины мира, как времена года, вербализуется в языке большим количеством устойчивых сочетаний и фразеологизмов. Они активно используются в любом языке и отличаются национальным своеобразием. Фразеологизм, как пишет М.Л. Ковшова, это «особый знак языка: в его семантику «вплетена» культурная семантика, или культурная коннотация, которая создаётся референцией фразеологизма к предметной области культуры» (Ковшова М.Л., 2013: 69).

Англ. «winter» происходит от прагерманской лексемы **wintruz*. Лексема отражает характеристику состояния природы зимой и очерчивает хронологические рамки, охватывающие зимний период в разных полушариях Земли. При употреблении во множественном числе лексема «*winters*» выступает в качестве синонима *англ. «years»*, обозначая возраст, отождествляясь с человеческой жизнью: *he seemed a hundred winters old*.

Англ. «spring» происходит от прагерманской лексемы *springen*. Её основное значение мотивировано хронологически, кроме того, отмечены природные явления, проявляющиеся в весеннее время. Значительное количество пословиц связано с весной, а особенно с весенними месяцами. Это вполне объяснимо, учитывая особую роль этого времени года в земледелии и сельском хозяйстве: *April and May the keys of the year; March search, April try, May will prove if you live or die*. По пословицам можно судить о благоприятной или неблагоприятной весне: *A late spring is a great blessing; better late spring and bear, than early blossom and blast*. Весна традиционно ассоциируется с возрождением природы и временем возвращения перелётных птиц: *It ain't spring until you can plant your foot upon twelve daisies; one swallow does not make a spring; March birds are best*. Нередко этапы человеческой жизни сравниваются с таким временным отрезком, как сутки или времена года, где и возникает антропоморфная метафора: *утро жизни – the morning of life, закат жизни – the sunset, расцвет жизни – spring of life, увядание жизни – the Indian summer*.

Англ. «summer», древнеанглийское *sumor* происходит от 1) прагерманского **sumur* 2) от старофранцузского *somier*. Дефиниция лексемы *англ. summer* отражает как качественные, так и количественные характеристики. При употреблении во множественном числе выступает в качестве синонима *англ. years*, обозначая возраст: *a girl of sixteen or seventeen summers; woman of some twenty summers*. В переносном смысле употребляется во фразеологизме: *'the golden summer of her life'*, обо-

значая лучшие годы жизни. *Indian St. Martin's, St. Luke's summer* переводится как вторая молодость, устойчивое сочетание *Indian summer* имеет значение 'бабье лето', может переводиться на русский язык как 'золотая осень'. Таким образом, в сознании носителей английского языка лето концептуализируется как благодатная пора. Лето и летние месяцы также являются благоприятными для земледелия, что подтверждается пословицами: *A dry summer never made a full peck; calm weather in June sets corn in tune; A shower in July, when the corns begin to fill, is worth a plow of oxen, and all belongs there till.* Июль и август ассоциируются со временем сбора урожая: *In July, some reap rye, in August, if one will not, the other must.*

Англ. «autumn» заимствовано из старо-французского языка от лексемы *autumne*. В переносном смысле лексема англ. «autumn» имеет значение 'закат человеческой жизни': *he was in the autumn of his life*. Говоря о позднем ребёнке, англичане употребляют фразеологизм *autumn leaf*. В английской лингвокультуре осень персонифицируется: *autumn turns the foliage, autumn turns the leaves yellow*. Традиционная для русской культуры *золотая осень* представляется для англичан как *mellow autumn* (*мягкая, сладкая, благодатная*). Осень традиционно воспринимается как благодатное время для сбора урожая.

Во французской и английской лингвокультурах лексическая и фразеологическая объективация рассматриваемых категорий позволяет выделить их национально-специфические особенности.

Французская лексема «hiver» происходит от лат. *hibernum*. Во франкоязычном социуме зима ассоциируется с человеческой жизнью: *hiver de la vie (des ans) поэт.* – старость. *Passer l'hiver* – разг. пережить, дожить, *Il n'a pas besoin d'un fort hiver* – уст. хиллак. В приведенных примерах в достаточно прямой и резкой форме выражены отрицательные смыслы, зима выступает как коварная и злая сила, пережить которую не так просто. Неизбежность её наступления подчеркивается пословицей *L'hiver n'est pas bâtarde, s'il ne vient tôt, il vient tard* – зима всегда своё возьмет. *Plus méchant que l'hiver de six mois* 'мрачнее тучи', так говорят о сердитом недовольном человеке. Таким образом, лексема фр. «hiver» наделяется отрицательными коннотациями, возникшими на основе смыслов, связанных с негативными качественными характеристиками объективного времени 'зима – время года, характеризующееся непогодой'.

«Printemps» происходит от старофранцузского *prin, premier, et temps*. В сознании носителей французского языка лексема фр. «printemps» выступает синонимом фр. «ans», используется в отношении возраста молодой персоны: *Elle compte à peine quinze printemps*. Во французской пословице *en pays d'exil, même le printemps manque de charme* 'на чужой стороне и весна не красна' образ весны использован в качестве приятного и благоприятного времени или состояния. Таким образом, лексема фр. «printemps» во франкоязычной культуре обладает положительной коннотацией, является символом молодости, обновления: *Au printemps de sa vie, en pleine jeunesse*.

Французская лексема «été» происходит от латинского *aestas, -atis*. Во французской лингвокультуре лето обладает положительной коннотацией, ассоциируется с периодом, благоприятным для человека, что выражается в таких устойчивых сочетаниях, как: *être dans son été быть в расцвете (сил, возраста)*; одно из значений выражения *été de la Saint-Martin* – *вторая молодость*. Ироничный смысл высказыванию придаёт устойчивое сочетание *à cet été sur la glace* – (просторечное) *надеюсь больше не встретиться, век бы вас не видел*. Во франкоязычной культуре *l'été indien* 'бабье лето' подразделяется на периоды в определённой хронологической последовательности: *L'été de la Saint-Michel* (конец сентября); *L'été de la Saint-Luc* (середина октября); *L'été de la Saint-Martin* (начало ноября) (Grand Larousse, 2011: 1456), чего не наблюдается в английской и русской культурах.

Французская лексема «autumne» происходит от лат. *autumnus*. Во французском языковом сознании осень ассоциируется с закатом человеческой жизни: à

l'automne de la vie – на склоне лет. Лексема фр. «*automne*» входит в состав пословицы *c'est à l'automne qu'il faut compter la couvée* (цыплят по осени считают). В галло-римских говорах этот сезон называют различными устойчивыми сочетаниями: *après-aout* (после августа), *arrière-saison* (конец сезона, последний сезон), *dernier temps* (последнее время) и т. д.

Анализ статей в толковых и этимологических словарях русского языка показал, что сезоны годового цикла определяются следующим образом:

Лексема зима – производное от греческого *cheima* – «зима, буря». Подробный лингвокультурологический анализ показывает, что русские паремии в большей степени выделяют климатические характеристики, а конкретно – суровость зимнего времени года. Так, жизненная позиция русского человека отражается в идеях о том, что каждому сезону определено своё время: *Нет зимы, которая бы не кончалась; Заковал мороз реки, но не навеки*. Однако времена года взаимосвязаны и взаимозависимы. Человек, как и всё в природе, должен привыкнуть к смене времен года: *Волку зима за обычай; Не первую зиму волку зимовать; Зиме и лету перемены нету*. Любовь русских и положительное отношение к зиме отражается в выражениях: *зимушка-зима, матушка-зима*.

«Весна» – общеславянское суффиксальное производное от той же основы (вес-), что и веселый (см.), др.-инд. *vasantás* «весна», латышск. *vasara* «лето» и т. д. Буквально – «время, когда живется хорошо». «Весна» традиционно ассоциируется с молодостью и расцветом человеческой жизни, А.С. Пушкин писал: *«Весны моей златые дни»*, так, переносное значение лексемы *весна* – молодость. В русском фольклоре бытует выражение *весна-красна*, то есть красива: *«За весной, красой природы, лето красное пройдет, и туман и непогоды осень поздняя несет»* А.С. Пушкин. Значительное количество паремий характеризуют весну, как особенно важное время, потратив зря которое, будут упущены возможности: *Весенний день год кормит, Весной часом отстанешь – днем не догонишь*. В русском языковом сознании «весна» ассоциируется с благоприятным временем, оказывающим благотворное влияние на все живое: *Весной даже трухлявый пенёк расцветает*. Таким образом, «весна» обладает преимущественно положительными коннотациями, является символом начала новой жизни и расцвета.

«Лето» – производное от той же основы, что лит. *lépas* «мягкий, спокойный» (родств. индоевроп. **l̥e* «ослабевать»). В русском поэтическом фольклоре существует выражение *лето красное*, то есть красивое. Короткую и теплую осеннюю пору называют *бабьим летом*. Совмещение в этом слове темпорального и сезонного значений связано с тем, что лето, как наиболее благоприятная пора жизни, являлась главной в годовом цикле и определяла всю жизнедеятельность наших предков – земледельцев. Анализируемая лексема имеет значение *возраст*: *«В молодые наши лета даем поспешные обеты»* Е. А. Баратынский. *Во цвете лет* – говорят о человеке, находящемся в самом расцвете сил. В разговорной речи часто используются фразеологизмы: *в летах* (о пожилom человеке); *во цвете лет* (в молодые годы, в пору расцвета физических и духовных сил); *на старости лет* (в старческом возрасте); *по молодости лет* (в молодости, вследствие недостаточного жизненного опыта).

«Осень» – общеславянское, первоначальное **esep̃* > осень. В метафорическом переосмыслении лексема «осень» обозначает время увядания, приближения конца чего-либо, являющееся основной для таких устойчивых выражений, как *осенняя грусть, осенняя тоска, осенняя хандра*. Аналогичные ассоциации породили выражение *осень жизни*. В этот период листья на деревьях окрашены в желтый цвет и на солнце выглядят золотыми, вследствие чего возникло устойчивое сочетание – *золотая осень*. С осенью связывают подведение итогов года: *цыплят по осени считают*. Это время сбора урожая: *осень пришла, урожаем принесла; осенью и воробей богат*.

Так, в трёх анализируемых лингвокультурах времена года, несмотря на их универсальность для человеческого сознания, представлены по-разному. В английском

языке отличительной чертой лексемы англ. «winter» является возможность употребления в качестве синонима слову 'years'. Во французском языковом сознании «зима» отождествляется с закатом человеческой жизни, используется в значении 'старость'. В русском языке зима получает положительные характеристики: *зимушка-зима, матушка-зима*. Таким образом, отрицательная оценка объективных природных изменений, связанных с наступлением зимы, прослеживается, хотя и в меньшей степени, не только в английском и французском языках, но и в русском. В ценностном отношении можно говорить об объективации смысла 'зима – ухудшение качества'. Посредством оппозиции 'зима – лето' подтверждается идея цикличности времени. При этом «зима» и «лето» могут иметь нейтральную стилистическую окраску.

В исследуемых лингвокультурах образ весны ассоциируется с возрождением и молодостью. Отличительной особенностью французского языка является использование фр. «printemps» в качестве синонима фр. «ans», но в отношении молодого возраста. В русской языковой картине мира метафорическое значение весны – молодость. Так, в трёх лингвокультурах весна объективирует схожие смыслы, являясь символом расцвета и новой жизни.

«Лето» традиционно воспринимается как благоприятное время. В связи с этим в английской лингвокультуре наличествует выражение *the golden summer of one's life* 'лучшие годы жизни'. Общей чертой в английском и русском языках является использование англ. *summers/русск. лет* во множественном числе в значении 'возраст, года'.

В исследуемых языках осень ассоциируется с закатом человеческой жизни, ввиду чего встречаются синонимичные устойчивые сочетания: англ. *autumn of one's life*; фр. *l'automne de la vie*, русск. *осень жизни*. В русской лингвокультуре образ осени наделен негативной коннотацией: *осенняя тоска/хандра/грусть*. Так, в русской картине мира реализуется отрицательная качественная характеристика осени.

Итак, каждое время года порождает ассоциации, определённые климатическими условиями, социально-историческими и культурно-бытовыми различиями. С каждым временем года в отдельной лингвокультуре связаны специфические словареалии, приметы, пословицы и поговорки. Лексические и фразеологические единицы, которые используются для описания времен года в исследуемых языках, частотны как в разговорной речи, так и в фольклоре и в художественной литературе. Лексический состав исследуемой тематической группы отличается спецификой семантики, парадигматических и синтагматических связей, прагматическим компонентом значения, национально-культурной обусловленностью употребления, которые ярко проявляются на фоне сравнения дистантных лингвокультур. Исследование особенностей вербализации темпоральных значений способствует развитию теорий языковой концептуализации и категоризации, лексической и фразеологической семантики, а также общей теории репрезентации знаний в языке.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002. – 391 с.
2. Болдырев, Н.Н. Роль языка в структурировании сознания // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XXII. – С. 34-39
3. Ковшова, М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 453 с.
4. Grand Larousse de la langue française. – Paris: Larousse, 2011. – 1977 p.

Summary. The article is devoted to the description of temporal lexis units «Seasons»: *winter/spring/summer/automne*. It contains comparative analysis of their semantic distinctive features, variants of using and nuanced, contextual interpretation. The work touches upon the question of their semantization and metaphorization in the text. The paper deals with the description of the fixed collocations with phraseological meanings, their function in modern languages.

Key words: temporal lexis, comparative analysis, semantics, metaphorization, fixed collocations.

Раздел 7. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИДИОМЫ В КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ КОНСТРУИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

КОГНИТИВНО-НОМИНАТИВНАЯ ПАРАДИГМА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (ГРАММАТИЧЕСКАЯ ЗОНА НОМИНАТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ)

М.К. Абаева

Казахстан, г. Алматы, Казахский национальный педагогический университет
им. Абая
madina_abaeva@mail.ru

В настоящем исследовании предпринята попытка описания фразеологических единиц (ФЕ), которая базируется на одну из моделей интегративной лингвистики, разработанной Л.К. Жаналиной.

С позиции интегративной лингвистики язык рассматривается в трех основных аспектах, «в единстве языковой системы-1, которая описывается грамматикой номинации, номинативной деятельности, изучаемой теорией номинации как формы речевой деятельности, и номинативной системы-2, состоящей из номинативных и когнитивных парадигм» (Жаналина Л., 2006:16).

Для того, чтобы диагностировать сочетаемостные свойства языковой единицы, ее потенциал строят парадигму. Так, Л.К. Жаналина предлагает построение многоярусной (комплексной) парадигмы, которая формируется вокруг слова. В такой парадигме выделяется лексическая, словообразовательная, морфологическая, синтаксическая и фразеологическая зоны. Эти зоны исчерпывают деривационные возможности слова, которые складываются из сочетаний исходного слова (основы) с окончаниями, словообразовательными формантами, с другими словами, с компонентами фразеологизмов. По мнению ученого, «многоярусная парадигма демонстрирует участие слова в различных процессах языкового синтеза – семантической деривации, формообразовании, словообразовании, фразеобразовании, фразеобразовании» (Жаналина Л., 2006: 189).

Объектом нашего исследования является «номинативная парадигма», которая в соответствии с развитием теории номинации как речевой деятельности получила название когнитивно-номинативной парадигмы (КНП), где когнитивную часть составляет «левая часть» как вербализуемое когнитивное пространство, понятийные категории, а «правую часть» – созданные для выражения «левой части», номинативные единицы (Л.К. Жаналина).

В данном исследовании мы остановимся на грамматической зоне.

Грамматическая зона номинативной парадигмы организуется опорным компонентом – словом. Мы остановимся на описании номинативного потенциала таких опорных компонентов во фразеологизмах со значением ИД (интеллектуальной деятельности), как *голова*, *ум*, *память*, так как они являются ключевыми в определении ИД.

В грамматическую зону номинативной парадигмы фразеологизмов с компонентом *голова* входит 61 фразеологический оборот, с компонентом *ум* – 45, с компонентом *память* – 21.

Грамматическая часть ЛПП фразеологизмов с компонентом *голова* представлена следующими блоками: глагольный (спрягаемые, инфинитивные), субстантивный, адъективный, адverbиальный, местоименный, блок из служебных слов и блок из сочетаний слов.

В **глагольный блок** входят следующие фразеологические обороты: *выби-*

вать (вышибать, выколачивать) дурь из головы, не выходит из головы, вылетать из головы (выскакивать, улетучиваться), из головы вон (выскакило) (ума, из памяти), выбивать из головы, выбрасывать дурь из головы, выбрасывать из головы, ударять как обухом по голове, Забивать голову /забить голову, набивать голову / набить голову, ломать голову/ поломать голову, крутить голову/закрутить голову, терять голову, кружить голову /закружить (вскружить) голову, иметь голову на плечах, вбивать (забивать, забирать) себе в голову (в башку) / вбить (забить, забирать) себе в голову (в башку), лезть в голову/полезть в голову, приходиться в голову, не идет в голову / не пойдет в голову, взбрехать в голову /взбрести (ударить, стукнуть) (ударять) (башку), взбрется в голову (башку).

Они употребляются в следующих формах:

Инфинитивные: выбивать (вышибать, выколачивать) дурь из головы, не выходит из головы, вылетать из головы (выскакивать, улетучиваться), выбивать из головы, выбрасывать дурь из головы, выбрасывать из головы, ударять как обухом по голове, забивать голову/забить голову, набивать голову/набить голову, ломать голову/поломать голову, крутить голову/закрутить голову, терять голову, кружить голову/закружить (вскружить) голову, иметь голову на плечах, вбивать (забивать, забирать) себе в голову (в башку)/вбить (забить, забирать) себе в голову (в башку), лезть в голову/полезть в голову.

Спрягаемые: из головы вон (выскакило) (ума, из памяти), не идет в голову/не пойдет в голову, голова кружится, голова идет (ходит) кругом, голова пухнет, голова (котелок) варит.

В **субстантивный блок** входят следующие фразеологизмы: с (от) головы до ног (пят). (Р.п.), голова на плечах, каша в голове, ветер в голове (бродит), солома в голове, без царя в голове, с царем в голове, царь в голове.

В **адъективный блок** входят фразеологизмы: ветреная голова, дубовая голова, голова еловая, дырявая голова, пустая голова, мякинная голова, голова садовая, светлая голова.

В **адвербиальный блок** входят фразеологизмы: быть на голову выше, на голову выше, головой выше.

В **местоименный блок** два фразеологизма – вбивать себе в голову, сам себе голова (хозяин, господин).

В блоке сочетаний фразеологизмов со **служебными словами** можно выделить следующие фразеологические обороты: с головой, без головы.

Блок из сочетаний слов: голова соломой набита, выбивать дурь из головы, из головы вон выскакило, выбрасывать дурь из головы.

Таким образом, в грамматической части парадигмы с компонентом *голова* наиболее крупным является глагольный блок (42) (в частности, инфинитивный), свидетельствуя о степени доминирования сочетаемости с глаголами, на втором месте – адъективный. В субстантивном блоке доминируют склоняемые существительные. В адъективном блоке доминируют качественные прилагательные (8), что говорит об употреблении фразеологизмов для определения качества и характеристики интеллектуальной деятельности. В блоке из сочетаний слов – 4. В адвербиальном блоке присутствуют 3 фразеологизма, местоимений – 2, со служебными словами – 2.

Грамматическая часть парадигмы фразеологизмов с компонентом *ум* представлена следующими блоками: глагольный (инфинитивные, спрягаемые), адъективный, блок из сочетаний слов, блок из служебных слов, субстантивный, местоименный.

В **глагольный блок** входят следующие фразеологические обороты: хватиться за ум, схватиться за ум, взбрехать на ум кому./ взбрести на ум, взбре-

дется на ум, не идет на ум/не пойдет на ум, приводит на ум (на память), наставлять на ум (разум)/наставить на ум (на разум), приходит на ум (на память), приходит на ум (мысль, разум) / прийти на ум, братья / взяться за ум, входить в ум (голову, мысль), мешаться в уме (в рассудке), тронуться (повредиться) в уме (в рассудке), держать в уме (голове), перебирать в уме (в памяти, в мыслях, в голове)/перебрать в уме, выживать из ума /выжить из ума, не выходит (нейдет) из ума (памяти, головы), своротить (сбрести) с ума, сходить с ума / сойти (спятить, свихнуть, свихнуться) с ума, сводить с ума, лишаться (решаться) ума (рассудка)/лишиться (решиться) ума (рассудка).

Они употребляются в следующих формах:

Спрягаемые: не идет на ум/не пойдет на ум, приводит на ум (на память), приходит на ум (на память), не выходит (нейдет) из ума (памяти, головы).

Инфинитивные: хватиться за ум, схватиться за ум, взбрехать на ум ком/взбрести на ум, взбрется на ум, наставлять на ум (разум) /наставить на ум (на разум), приходит на ум (мысль, разум)/прийти на ум, братья /взяться за ум, входить в ум (голову, мысль), мешаться в уме (в рассудке), тронуться (повредиться) в уме (в рассудке), держать в уме (голове), перебирать в уме (в памяти, в мыслях, в голове)/перебрать в уме, выживать из ума /выжить из ума, своротить (сбрести) с ума, сходить с ума/сойти (спятить, свихнуть, свихнуться) с ума, сводить с ума, лишаться (решаться) ума (рассудка)/лишиться (решиться) ума (рассудка), набираться ума (разума)/набраться ума (разума), доходить умом/дойти умом, раскидывать умом (мозгами)/раскинуть (пораскинуть) умом (мозгами), учить уму-разуму.

Причастные: тронутый умом.

Блок из сочетаний слов: жить своим умом, жить чужим умом, доходить своим умом (собственным)/дойти своим умом, ум за разум заходит/ ум за разум зашел, из ума вон выскочило, задним умом крепок.

В блоке сочетаний фразеологизмов со **служебными словами** можно выделить следующие фразеологические обороты: до умопомрачения, с умом (с разумом, с соображением), на (в) уме.

В субстантивный блок входит – ума помрачение, ума палата.

Местоименный блок представлен следующими фразеологизмами: в своем уме, себе на уме.

Таким образом, в грамматической парадигме с компонентом *ум* крупным является глагольный блок (31), где можно на первый план вынести инфинитивный блок, что свидетельствует о степени доминирования сочетаемости с инфинитивом, далее по частотности выделяется блок из сочетаний слов – 6, со служебными словами – 3, субстантивные – 2, местоименные – 2, причастные – 1.

Грамматическая часть парадигмы ЛГП фразеологизмов с компонентом *память* представлена следующими блоками: глагольный (инфинитивные, спрягаемые), адъективный, блок из сочетаний слов, блок из служебных слов, субстантивный.

В глагольный блок входят следующие фразеологические обороты: выбрасывать (выкидывать) из памяти (головы)/выбросить (выкинуть) из памяти (головы), выпадать из памяти (улетучиваться), вычеркнуть из памяти, выживать из памяти, из памяти вон (выскочило) (из ума, из головы), не выходит из памяти/(нейдет) из головы, из ума, захлестнуло в памяти, всплывать в памяти, перебирать в памяти (уме, в мыслях, в голове), приводит на память, приходит на память (ум), врезаться в память.

Они употребляются в следующих формах:

Инфинитивные: выбрасывать (выкидывать) из памяти (головы)/выбросить (выкинуть) из памяти (головы), выпадать из памяти (улетучиваться), вычеркнуть из памяти, выживать из памяти, всплывать в памяти,

перебирать в памяти (уме, в мыслях, в голове), врезаться в память.

Спрягаемые: из памяти вон (выскочило) (из ума, из головы), не выходит из памяти /(нейдет) из головы, из ума, захлестнуло в памяти, приводит на память, приходит на память (ум).

Со **служебными словами** можно выделить следующие фразеологические обороты: на память, на памяти, не в память, без памяти, по памяти.

Адъективный блок представлен одним фразеологическим оборотом – на свежую память.

Блок из сочетаний слов: дай бог память.

В грамматической парадигме с компонентом *память* крупным является глагольный блок (14), где можно на первый план вынести инфинитивный блок, что свидетельствует о степени доминирования сочетаемости с инфинитивом, далее по частотности выделяется блок со служебными словами – 5, из сочетаний слов – 1, адъективный блок представлен также 1 фразеологизмом.

Таким образом, можно сделать вывод о приоритете глагольной сочетаемости опорных компонентов фразеологизмов со значением ИД, а именно с инфинитивом.

Литература

1. Жаналина, Л.К. Комплексная парадигма в системе языка // Актуальные проблемы языкознания. – Алматы, 2006. – 330 с.

2. Жаналина, Л.К. Номинативная парадигма // Актуальные проблемы языкознания. – Алматы, 2006. – 330 с.

Summary. This study attempted to describe phraseological units, which is based on one of the models of integrative linguistics, developed by L.K. Zhanalina. In this study, we will focus on the grammatical zone. The grammatical zone of the nominative paradigm is organized by the reference component – the word. We will focus on the description of the nominative potential of such support components in phraseological units with the meaning of intellectual activity, such as head, mind, memory, brain, consciousness, forehead, as they are key in determining the ID (intellectual activity).

Key words: phraseological units, integrative linguistics, nominative potential, semantics of intellectual activity.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ И СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДЛОГОВ С КОМПОНЕНТОМ С

А.И. Авдина

Россия, г. Челябинск, Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
a.avdina@mail.ru

В настоящее время наблюдается интерес к исследованию фразеологических единиц, их сложной структурной и семантической организации. Процесс образования новых фразеологизмов достаточно активный, что ведёт к обогащению словарного запаса, развитию грамматической системы.

Появление фразеологических предлогов объясняется необходимостью дифференцировать усложняющиеся синтаксические отношения между главным и зависимым словом, так как лексические предлоги не способны охватить все связи в силу своей многозначности.

По структуре фразеологические предлоги представляют собой сочетания слов-компонентов. Существуют разные модели фразеологического единства: двухкомпонентные (например, сочетание имени существительного и лексического предлога – **в кругу** (кого?, чего?)), трёхкомпонентные (например, сочетание имени существи-

тельного и двух лексических предлогов – **в зависимости от** (чего?)), четырёхкомпонентные (например, сочетание имени существительного, имени прилагательного и двух лексических предлогов – **в полном соответствии с** (чем?)).

В нашей картотеке 63 фразеологических предлога с компонентом **с** (726 употреблений).

Структура фразеологических предлогов с компонентом **с**:

1. Двухкомпонентные: первый компонент – наречие, второй – лексический предлог **с**. Наиболее частотные: **вместе с** (кем?, чем?) – 115 употреблений (около 16 % от общего числа); **рядом с** (кем?, чем?) – 67 употреблений (9 %).

«Илларион Тимофеевич Есиненко **вместе с Павлом Шилинским** формировали кавалерийский отряд на полуострове Чаканный, что на берегу седого Каспия» (Ветеран, 2008, № 27: 10).

«... был удостоен чести сидеть **рядом с Елизаветой II** во время её визита в Канаду» (Биография, 2006, № 4: 53).

Двухкомпонентные предлоги употребляются с именем существительным, участвуя в выражении т. п.: **вместе с, рядом с, наряду с, параллельно с, одновременно с, совместно с, порознь с, попеременно с, попеременно с, наравне с, преимущественно с, вкупе с** (кем?, чем?).

Исключением является фразеологический предлог **с помощью** (кого?, чего?), первым компонентом которого является лексический предлог **с**, вторым – имя существительное в т. п. Данный предлог, употребляясь с именем существительным, участвует в оформлении р. п. В нашей картотеке – 81 пример употребления предлога **с помощью** (кого?, чего?), что составляет 11 % от общего числа и является свидетельством достаточно активного использования данного предлога.

«Отражение и познание мира, а также коммуникация с помощью языка происходят в процессе практики» (Самсонов В., 2006: 23). Трёхкомпонентные: первый компонент – лексический предлог, второй – имя существительное в д. п. или п. п., третий – лексический предлог **с**. Наиболее частотные предлоги: **в связи с** (чем?) – 86 употреблений (около 12 %); **в соответствии с** (чем?) – 65 (11 %).

«**В связи с наметившейся тенденцией** интеграции отечественной и мировой образовательных систем представляется интересным изучение межкультурного опыта» (Начальная школа плюс, 2009, № 5: 67).

«**В соответствии с натуралистическим методом**, согласно Куайну, онтологические проблемы также равноправны с проблемами естественных наук» (Самсонов В., 2006: 21-22).

Исключение составляет фразеологический предлог **на равных с** (кем?, чем?), первым компонентом которого является лексический предлог **на**, вторым – имя прилагательное в п. п., третьим – лексический предлог **с**.

«Для того, чтобы конкурировать на писательском поприще **на равных с мужчинами**, она (Жорж Санд – А.А.) взяла мужской псевдоним и прославилась на весь мир» (Имена, 2008, февраль: 158).

Трёхкомпонентные предлоги употребляются с именем существительным, участвуя в формировании т. п.: **в связи с, в соответствии с, во главе с, по сравнению с, в сравнении с, в сотрудничестве с, в партнёрстве с, в связке с, в дуэте с, в случае с, по соседству с, на пару с, в содружестве с, по стандарту с, в паре с, по согласованию с** (кем?, чем?).

Значение предлога представляет иерархическую систему:

1) категориальная сема – самая общая, отражающая отношения между предметами и объединяющая предлоги как класс;

2) субкатегориальная, групповая, подгрупповая и индивидуальная – более точные и конкретные семы, разнообразные и зависящие от значений соединяемых ими полнозначных слов.

Формирование семантики фразеологических предлогов происходит по тому же пути, что и семантики фразеологизмов, соотносительных по свойствам со знаме-

нательными частями речи. «...Отдельные семы из лексических значений слов-компонентов актуализируются и, взаимодействуя друг с другом, формируют новую фразеологическую семантику; остальные семы при этом погашаются, деактуализируются» (Шиганова Г.А., 2001: 46).

«Становясь компонентом качественно новой фразеологической единицы, слово претерпевает семантические преобразования на уровне категориального, субкатегориального, группового и индивидуального значений (Шиганова Г.А., 2001: 47), что происходит и при образовании фразеологических предлогов.

Семантика фразеологических предлогов с компонентом **с**

Фразеологические предлоги с компонентом **с** употребляются при указании на следующие субкатегориальные значения:

1. Обстоятельственные:

а) образа действия:

«В рамках этих программ планируются и проводятся различные культурно-массовые мероприятия первичных ветеранских организаций **совместно с учреждениями культуры, библиотеками, музеями...**» (Ветеран, 2008, № 27: 5);

«... при очищении **наряду с травяными сборами** используется аппарат “М.Ч.С.” – многочастотный синтезатор...» (Метро, 2009, № 30: 2);

б) времени:

«А там **параллельно с нашими выступлениями** проходил слёт воинов-афганцев...» (Биография, 2006, № 4: 115);

в) пространства:

«Катя слезла с дивана и села **рядом с ним**, чтобы он понимал, как внимательно она его слушает» (Устинова Т., 2007: 213);

г) причины:

«Недавно **в связи с протестами** христианской общественности в США были прекращены съёмки новой серии популярной киноэпопеи “Тёмные начала” по роману английского писателя Ф. Пулмана» (Аргументы и факты, 2008, № 31: 6);

д) сравнения:

«**По сравнению с раздельными оптическими трансиверами и кабелями**, интегрированное решение обеспечивает лучшую защищённость от пыли и конденсата в процессе эксплуатации...» (Радиохобби, 2008, № 1: 15);

е) условия:

«**В соответствии с этими принципами** в онтологии Куайна допускаются «существующими» только два вида вещей: “физические объекты” и классы» (Самсонов В., 2006: 52).

2. Атрибутивные:

«... пришлось перевести юношу в обычную среднюю школу-новостройку **рядом с домом**» (Биография, 2006, № 4: 60-61);

«... был даже батальон из женщин-смертниц **во главе с нижегородской крестьянкой Марией Бочкарёвой**» (Имена, 2008, февраль: 139).

3. Субъектные:

«Компания «Жилгражданстрой» совместно с редакцией “**АиФ-Челябинск**” объявляют семейную акцию для ребят и их родителей» (Аргументы и факты, 2008, № 31: 29).

4. Объектно-субъектные отношения:

«**Никита на пару с Серёжей Соловьёвым** бросился на поиски» (Имена, 2007, июнь: 110).

Мы видим, что фразеологические предлоги с компонентом **с** отличаются не только сложной структурой, но и семантическим разнообразием, что позволяет данным предлогам участвовать в формировании различных отношений и в выражении субкатегориального, группового, подгруппового, индивидуального значений.

Образование фразеологических предлогов с компонентом **с** – процесс в достаточной степени активный. Однако анализ семантической и структурной организации разных предлогов с компонентом **с** позволяет нам выявить, что процесс формирования фразеологического единства неоднородный: есть ряд предлогов, которые ещё находятся в состоянии перехода от свободной конструкции к фразеологическому единству, поэтому они имеют менее 10 % употребления от общего числа (например, **вперемешку с, вперемежку с, в дуэте с, в связке с** (кем?, чем?)).

Литература

1. Лексические и фразеологические предлоги современного русского языка. – Челябинск: Челябинский пединститут, 1988. – 72 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
3. Объяснительный словарь русского языка: структурные слова: предлоги, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / В.В. Морковкин, Н.М. Луцкая, Г.Ф. Богачёва и др.; под ред. В.В. Морковкина. – 2-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 425 с.
4. Русская грамматика / гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – Т. I: Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. – 784 с.
5. Русская грамматика / гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – Т. II: Синтаксис. – 712 с.
6. Шиганова, Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2001. – 454 с.

Summary. The paper presents an analysis of structural and semantic organization of phraseological prepositions with the “**с**” component, as well as highlights the specific character of their functioning, related to the usage of prepositions as a part of prepositional case constructions. The phraseological prepositions with the “**с**” component are listed by frequency; examples are taken from fiction, scientific texts, social and political essays.

Key words: phraseological preposition, phraseological component, two-component prepositions, three-component prepositions, phraseological unity.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ТЕМПОРАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

О.А. Артемова

Республика Беларусь, Минский государственный лингвистический университет,
Республика Беларусь
artimoshka2008@rambler.ru

Представления о времени являются важным фрагментом концептосферы человека. Знание временных стереотипов определённой лингвокультуры, которые исторически сложились в своеобразном природном ландшафте и социальной среде, позволяет существенно облегчить коммуникацию с представителями различных культурных сообществ, а незнание этих стереотипов, напротив, может значительно её усложнить. По мнению исследователя А.В. Кравченко, к универсальным характеристикам категории времени можно отнести равномерность (время всегда течёт одинаково), однонаправленность (время течёт из прошлого в будущее), линейность (время не пересекается само с собой), необратимость (невозможность вернуть прошлое), связь с причиной, неизменность прошлого и возможность корректировки будущего, локальность (время всегда соотносено с определённым моментом), связь с движением (время не статично, движение есть форма существования материи) (Кравченко А.В., 2001).

Время получает репрезентацию в языке через темпоральность, которая, согласно определению А.В. Бондарко, является функционально-семантической категорией, охватывающей различные языковые средства (Бондарко А.В., 1967: 19), актуализирует дейктическую, «внешнюю» характеристику действия (Бондарко А.В., 2002: 473) и представляет собой моноцентрическую структуру с предикативным ядром – грамматической категорией глагола (Бондарко А.В., 1999). Исследователь Р.Л. Ковалевский выделяет в языковой категории темпоральности субкатегорию темпуса – соотношение момента речи с временем протекания события, вербализованного в высказывании, таксиса – соотношение событий во времени относительно друг друга, и категорию хроноса – обозначение точных временных координат вербализуемого события (Ковалевский Р.Л., 2005: 111). Основная функция субкатегории хроноса, которая имеет преимущественно лексико-семантическую природу, – экспликация временных значений хронопунктуры (указание на временную точку начала события), хронометрии (указание на отрезки временного континуума события) и хронологии (временная последовательность событий). Средствами репрезентации категории хронологии выступают дейктические хрононимы, маркирующие события и состояния как предшествующие, одновременные с ним или последующие некоторому другому событию (Ковалевский Р.Л., 2005: 113). Среди подобных лексических дейктических хрононимов особое место занимают фразеологические единицы (далее – ФЕ), в которых идентифицируются и манифестируются национальное самосознание, культурно-исторические традиции, эмпирический и духовный опыт различных этносов. Методом сплошной выборки из авторитетных белорусских фразеологических словарей (Аксамітаў А.С., 1993; Лепешаў І.Я., 2008; Санько З., 1991; Янкоўскі Ф.М., 1973) нами были отобраны 64 дейктические ФЕ, формирующие фразеосемантическое поле темпорального дейксиса (далее – ФПТД). В зависимости от отношения к точке отсчёта в ФПТД выделяются микрополе предшествования, микрополе одновременности и микрополе следования.

Микрополе предшествования (далее – МП) объединяет ФЕ с семантикой указания на предшествование точке отсчета и относящие действие или событие к прошлому:

а) с указанием на отдалённость от момента речи:

– давно (*за дзедам шведам* ‘когда-то в прошлом, давно’) (Лепешаў І.Я., 2008, т. 2: 622): *Шыкілёўскі млын быў стары, мусіць, пабудаваны яшчэ за дзедам шведам* (І. Новікаў) (Лепешаў І.Я., 2008, т. 2: 622);

– недавно, незадолго до (*перад тварам* ‘непосредственно перед наступлением, приближением чего-нибудь’) (Лепешаў І.Я., 2008, т. 2: 513): *Соaequatio iurium – ураўнаванне правоў Літвы і Беларусі з каронаю – гэта было ўраўнаванне ўсіх перад тварам галоднай смерці* (У. Караткевіч) (Национальный корпус русского языка);

б) без указания на отдалённость от момента речи (*за плячамі* ‘про пережитое’) (Лепешаў І.Я., 2008, т. 2: 229): *Наперадзе бязмежны абсяг Дзвіны, чайкі, людскія ўсмешкі. За плячамі – сцяна, гісторыя, продкі... Паклон табе, родная зямля!* (Л. Дайнека) (Национальный корпус русского языка).

Некоторые ФЕ данной подгруппы *закідваць наперад* (Лепешаў 2008, т. 1: 449), *забягаць наперад* (Лепешаў І.Я., 2008, т. 1: 432), *глядзець (заглядаць) <далёка> наперад* (Лепешаў І.Я., 2008, т. 1: 306), *як у воду глядзеў (-ла, -лі)*: (Лепешаў І.Я., 2008, т. 1: 306) наряду с семантикой предшествования репрезентируют способность человека интуитивно предсказывать определённые события своей жизни с извлечением для себя определённой пользы или выгоды, что сопровождается положительной коннотацией, как в следующих контекстах: *Як не дапамагчы суседу. Закінеш наперад, як знойдзеш* (І. Гурскі) (Лепешаў І.Я., 2008, т. 1: 449); *Шайкун, таксама брыгадзір, кладзе дрэнаж, але не на Жоўніцкім урочышчы, а недзе на сырых імхах. Брыгада яго часам забягае наперад Андрээвай...* (М. Воранаў) (Лепешаў І.Я., 2008, т. 1: 432); *[Ева і Рыгор] паспелі ўжо шмат разоў перагаварыць і заглянуць*

наперад: а якая там хата будзе, дзе ім прыйдзеца жыць, і як яно ўсё пойдзе (К. Чорны) (Лепешаў І.Я., 2008, т. 1: 307); Яечкаў колькі зберагла, нібы ведала... Раптам, думаю, госць які з'явіцца. І на табе, як у ваду глядзела, – з'явіўся... (І. Мележ) (Лепешаў І.Я., 2008, т. 1: 306).

Микрополе одновременности (МО), включающее ФЕ с семантикой указания на одновременность точке отсчёта (*сённяшні дзень* 'современность, настоящее' (Лепешаў І.Я., 2008, т. 1: 375): *Письменнік падкрэслівае непадзельнасць, цесную пераплеценасць праблем сённяшняга дня* (Лепешаў І.Я., 2008, т. 1: 375).

Временные параметры знаковой системы общения определённого языкового сообщества являются объектом исследования проксемики (англ. *proximity* 'близость'). Её основатель, американский исследователь Э. Холл, пришёл к новому уровню осмысления роли времени в жизни человека (Hall E., 1990). Согласно Э. Холлу, в странах монохронной культуры (США, Англии, Германии, государствах Скандинавии) время понимается как линейная система (прошлое – настоящее – будущее), жёстко регулирующая поведение людей и отношения между ними: представитель монохронной культуры занимается только одним видом деятельности за определённый отрезок времени. Как показал анализ фактического материала, носители белорусского языка, как и представители других славянских, средиземноморских, арабских, латиноамериканских и азиатских этносов, воспринимают время полихронно: внимание человека обращено на несколько событий, что позволяет ему выполнять несколько запланированных дел одновременно относительно некоторой точки отсчёта: *за адным заходам* (Лепешаў І.Я., 2008, т. 1: 474), *за адным махам* (Лепешаў І.Я., 2008, т. 2: 26), *за адным разам* (Лепешаў І.Я., 2008, т.1: 474), *за адным швом* (Лепешаў І.Я., 2008, т. 2: 668): *Пасілкуешся з дарогі, і пагаварым за адным заходам* (А. Пальчэўскі) (Лепешаў І.Я., 2008, т. 2: 474); *А то някеска было б за адным махам знесці і мой домік* (У. Шахавец) (Лепешаў І.Я., 2008, т. 2: 26); *Слухай, тата, забяры мяне, а? Хоць адным вокам на тваю кампанію зірну. Ды і павячэраю за адным разам?* (І. Ласкоў) (Лепешаў І.Я., 2008, т. 1: 474); *Бронік Літавар гаварыў, што збіраецца на кірмаш: павязе прадаваць цяля і за адным, як кажуць, швом мог бы падвезці каго-небудзь у Дварчаны* (В. Адамчык) (Лепешаў 2008, т. 2: 668).

Однако выполнение нескольких действий одновременно не всегда приводит к положительному результату и оценивается говорящим негативно, что отражено в семантике фразеологизма *пагнацца за двума зайцамі* 'начать добиваться двух разных целей одновременно' (Лепешаў І.Я., 2008, т. 2: 129): *Сама ты ва ўсім вінавата, бо пагналася за двума зайцамі* ("Маладосць") (Лепешаў І.Я., 2008, т. 2: 129).

Микрополе следования (МС), включающее ФЕ с семантикой указания на следование событий после точки отсчёта:

а) с указанием на отдалённость от момента речи:

– скоро (*вось-вось* 'у найбліжэйшы час' (Лепешаў 2008, т. 1: 211): *Вось-вось ужо будзе рака, і чайны, і шлях да Нёмана, а там – да свабоды* (У. Караткевіч) (Национальный корпус русского языка);

– нескоро. Во ФЕ этой подгруппы *на разбор шапак* (Лепешаў І.Я., 2008, т. 2: 297), *на шапачны разбор* (Лепешаў І.Я., 2008, т. 2: 297), *к шапачнаму разбору* (Лепешаў І.Я., 2008, т. 2: 298), *у свіныя галасы* (Лепешаў І.Я., 2008, т. 1: 292), *размахваць пасля бойкі кулакамі* (Лепешаў І.Я., 2008, т. 2: 26) семантика последовательности 'нескоро, под самый конец чего-нибудь' осложнена семой несвоевременности 'с большим опозданием' и сопровождается негативной коннотацией, как в следующих контекстах: – *Прывет, хрэснічак! Ты чаго прыходзіш на разбор шапак? Памог бы бацьку свайго залатаць* (І. Шамякін); *Тады Чубар сказаў, але ўжо нібыта ў злосці: На шапачны разбор, лічы, прыйшоў!.. Зазыба пацёр левай далонню кончык шырокага носа, наморничыў няголены твар* (І. Чыгрынаў) (Национальный корпус русского языка); *Паспяшайся, Шчарбацюк! – суха сказаў камандуючы. – А то паспееш – к шапачнаму разбору!..* (І. Мележ) (Национальный корпус

русского языка); *Уставай. Заўсёды ў свіныя галасы выбіраемся...* (В. Карамзаў) (Лепешаў І.Я., 2008, т. 1: 292); *[Шыгачоў] быў з тых людзей, якія не размахваюць пасля бойкі кулакамі* (І. Шамякін) (Лепешаў І.Я., 2008, т. 2: 26);

б) без указания на степень удалённости от точки отсчета. ФЕ этой подгруппы *калі (як) рак <на гары> свісне* (Лепешаў 2008, т. 2: 307), *пасля дожджыку (дожджыку) ў чацвер* (Лепешаў 2008, т. 1: 385), *на грэчаскія календы* (Лепешаў І.Я., 2008, т. 1: 540), *на святое ніколі* (Лепешаў І.Я., 2008, т. 1: 100), *на святое нігды* (Лепешаў І.Я., 2008, т. 1: 99), *віламі па / на вадзе пісана / пісаны* (Лепешаў І.Я., 2008, т. 2: 220) с семантикой 'никогда или неизвестно когда, что-то будет, произойдет' актуализируют значение неопределённости ирреального будущего времени, связанного с догадкой, интуицией, которое, придавая им яркую образность, основанную на алогичности – факте или мысли, нарушающей законы и правила мышления, усиливает их экспрессивность и эмоциональность: *Толькі калі гэта будзе? Калі рак на гарэ свісне?* (Л. Левановіч) (Лепешаў І.Я., 2008, т. 2: 307); – *А я з табой, толькі з табой. – Са мной пасля дожджыку ў чацвер* (В.Казько); – *Пазыч сто рублёў. – А аддасі калі? На грэ[ча]скія календы?* (Я. Васілёнак) (Лепешаў І.Я., 2008, т. 2: 540);

– *Калі выйдзе твой зборнік? На святое ніколі* (А. Цяжкі) (Лепешаў І.Я., 2008, т. 1: 100); – *Пацярпі, некалі сходзім. – На святыя нігды?..* (У. Дамашэвіч) (Лепешаў І.Я., 2008, т. 1: 99); – *Мне здаецца, Міша, рана яшчэ рабіць такія вывады: усё можа змяніцца ў лепшы бок. – Ну, гэта, друг ты мой, віламі на вадзе пісана, – панура адказаў Міхайла Іванавіч* (Я. Колас) (Лепешаў І.Я., 2008, т. 2: 220).

Гипотетическое будущее может быть опасным и враждебным, поэтому говорящий считает своим долгом предупредить и предостеречь адресата о возможной опасности, что отражено в семантике ФЕ *таго і глядзі* (Лепешаў 2008, т. 2: 501) и *чаго добрага* (Лепешаў 2008, т. 2: 637) со значением 'может случиться что-нибудь неожиданное и неприятное': *Таго і глядзі, Чырвоная Армія вернецца* (І. Чыгрынаў) (Национальный корпус русского языка); – *Во чорт! – вылаяўся Антон, услухоўваючыся ў недалёкія, на ўзлеску, галасы паліцаяў, – яшчэ, чаго добрага, кінуцца па слядах* (В. Быкаў) (Национальный корпус русского языка).

Следует отметить, что для образной составляющей дейктических темпоральных ФЕ характерна антропоцентричность как связь с особенностями физиологии человека (*на носе* 'в самое ближайшее время что-нибудь будет или наступит'), ежедневными предметами обихода (*на парозе* 'накануне, непосредственно перед тем, что наступает' (Лепешаў 2008, т. 2: 188) и значимыми для человеческой деятельности явлениями природы (*ні свет ні зара* 'перед рассветом' (Лепешаў 2008, т. 2: 373)).

В ходе статистического анализа фактического материала была выявлена количественная асимметрия выделенных микрополей: МП представлено 36 ФЕ (56,3%), МО – 8 ФЕ (12,5%), МС – 20 ФЕ (31,2%). Такое неравномерное распределение исследуемых фразеологических единиц можно объяснить большей известностью и осознанностью прошедших событий для человека и, следовательно, значительной расчленённостью прошедшего времени в языке как серии предшествующих событий, явлений и действий по сравнению с гипотетическим и предполагаемым будущим, чьи границы условны, расплывчаты и противопоставлены реальному времени, локализованному в пространстве бытия. Незначительное количество ФЕ в микрополе одновременности обусловлено мимолетностью настоящего, которое, по мнению А.С. Смирницкого, «есть лишь граница между прошедшим и будущим, являющимися некоторыми областями и беспредельно простирающимися в противоположных направлениях» (Смирницкий А.С., 1959: 337).

Следует отметить, что 2,5 % фразеологизмов с дейктической темпоральной семантикой свойственен синкретизм времени и пространства как отражение неразрывного диалектического единства этих категорий в значении (*не за гарамі* 'близко, недалеко, рядом' и 'скоро, в скором времени что-нибудь наступит, состоится' (Лепе-

шаў 2008, т. 1: 296): *Чаму ён [Міша], напаследак не сказаў, што так хочацца бачыць яе [Полю]? А, урэшце, яе хутар не за гарамі* (М. Арочка) (Лепешаў 2008, т. 1: 296); *Лета не за гарою, скоро касьба пачнецца, жніво, работы гібель, а ты ляжы тут прыкованай да ложка, як пакутніца якая* (Я. Купала) (Лепешаў 2008, т. 1: 296).

Таким образом, категория темпорального дейксиса эксплицируется не только в семантике лексем различных лексико-грамматических классов – наречий, прилагательных, глаголов, существительных, предлогов и союзов, но и в значении фразеологизмов, где на первый план выходит не столько указание на структуру временной организации – предшествование (прошлое), одновременность (настоящее) и следование (будущее), сколько аксиологическая значимость этой категории для носителей белорусского языка: негативная оценка несвоевременного прошлого и гипотетичного будущего и положительная коннотация полихронного настоящего как возможности для говорящего выполнять несколько действий одновременно.

Літаратура

1. Аксамітаў, А.С. Фразеалагічны слоўнік мовы твораў Я. Коласа. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 655 с.
2. Бондарко, А.В. К проблематике функционально-семантических категорий (глагольный вид и “аспектуальность” в русском языке) // Вопросы языкознания. – 1967. – №2. – С.18–31.
3. Бондарко, А.В. Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация категории времени. – СПб.: Из-во СПбГУ, 1999. – 260 с.
4. Бондарко, А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики. На материале русского языка. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
5. Ковалевский, Р.Л. Заметки о многовекторности языкового времени (на материале немецкого языка) // Вестник ВолГУ. Сер.2, Языкознание. – 2005. – № 4. – С. 111–114.
6. Кравченко, А.В. Английский глагол: новая грамматика для всех. – М.: Просвещение, 2001. – 305 с.
7. Лепешаў, І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў: у 2 т. Т. 1. А – Л. – Мінск: БелЭн, 2008. – 672 с.
8. Лепешаў, І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў: у 2 т. Т. 2. М – Я. – Мінск: БелЭн, 2008. – 704 с.
9. Набережнова, З.Г. Семантика, функционирование и референциальные особенности неглагольных средств с темпоральным значением предшествования во французским и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2009. – 22 с.
10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru/search-para-be.html (дата обращения: 01.12.2016).
11. Санько, З. Малы расейска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем. – Мінск: Навука і тэхніка, 1991. – 224 с.
12. Янкоўскі, Ф.М. Фразеалагічны слоўнік. – Мінск: Народная асвета, 1973. – 352 с.
13. Смирницкий, А.И. Морфология английского языка. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1959. – 440 с.
14. Hall, E. Understanding Cultural Differences. – Consortium Book Sales & Dist, 1990. – 196p.

Summary. The article is devoted to phraseological representation of temporal deixis in the Belarusian language. It actualizes not only the structure of temporal organization of an utterance such as precedence (past), simultaneousness (present) and posteriority (future) in relation to the deictic center, but also the axiological significance of this category for speakers, when the late past and the hypothetical future receive a negative assessment, the polychronous present as the ability of the speaker to perform several tasks simultaneously is characterized by a positive connotation.

Key words: temporal deixis, microfield, phraseological conceptualization, conceptual sphere, deictic chrononym.

О ВОЗМОЖНОСТИ СИНОНИМИЧЕСКИХ ЗАМЕН В УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЯХ И ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ И КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

В.А. Белов

Россия, г. Череповец, Череповецкий государственный университет
Belov.vadim.a@gmail.com

В языке существует большое количество несвободных (устойчивых) сочетаний, единицы которых оказываются синтагматически связаны. Свойства устойчивых сочетаний активно обсуждаются в современной лингвистике (Иорданская Л.Н., Мельчук И.А., 2007; Кустова Г.И., 2008; Ягунова Е.В., Пивоварова Л.М., 2010; Cruse A., 1986; Sinclair J., 1991). Устойчивые сочетания хранятся в лексиконе и воссоздаются в речи в готовом виде (Sinclair J., 1991; Ягунова Е.В., Пивоварова Л.М., 2010) и имеют ограничения в построении (Иорданская Л.Н., Мельчук И.А., 2007).

В отечественной системоцентрической лингвистике для определения устойчивых выражений чаще всего применялся основанный на языковой интуиции анализ. В корпусной лингвистике активно используются специальные статистические меры для определения степени устойчивости сочетания (Evert S., 2004; Хохлова М.В., 2011), которые позволяют объективно зафиксировать устойчивость выражения. Наилучшие результаты среди разработанных статистических показателей демонстрирует «мера ассоциативности», или MI (mutual information) (Church K., Hanks P., 1996): «Мера MI, возможно, дает наилучшие усредненные результаты. Она позволяет выделить устойчивые фразеологизированные словосочетания» (Захаров В.П., Хохлова М.В., 2010: 141). Мера ассоциативности (MI) рассчитывается на основе данных о частоте совместной встречаемости и частотности входящих в сочетание единиц.

В нашей работе проводится анализ корреляции меры ассоциативности и возможности синонимических замен в устойчивом сочетании. Предполагается, что в речи ограничения в построении устойчивых выражений касаются невозможности синонимических замен. Например, во фразеологизме «не в коня корм» невозможна синонимическая замена «не в коня пища». Однако в литературе отмечается вариативность устойчивых сочетаний (Жуков В.П., 1986; Мокиенко В.М., 1990). В работе изучается зависимость вариативности устойчивого сочетания от статистических показателей степени устойчивости.

Методология исследования.

Исследование предполагает, во-первых, отбор высказываний из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) с последующим определением меры ассоциативности сочетаний, которые были выбраны для анализа на основе данных корпуса. Во-вторых, подбор синонимов для выбранных сочетаний с помощью словаря синонимов под редакцией А.П. Евгеньевой. В-третьих, разработка и проведение эксперимента по выбору синонима в высказывании. В дальнейшем результаты эксперимента были обработаны и обобщены.

В эксперименте, который был разделен на 2 этапа с использованием разных экспериментальных таблиц, приняло участие 144 испытуемых-студентов Череповецкого государственного университета разных направлений подготовки в возрасте от 18 до 40 лет (в том числе 95 женского пола, 35 мужского пола, 14 человек не указали свой пол). Испытуемым предлагалось по 22 предложения с заданием выбрать подходящий для контекста синоним. В экспериментальной таблице высказывания были представлены следующим образом:

Вода сильнее всего, она точит камень и тушит (пламя, огонь, пыл).

Для анализа были выбраны сочетания с разными значениями MI, часть отобранных сочетаний являлись фразеологизмами. Важно отметить, что расчет значи-

мого для русского языка значения MI был проведен в работе (Захаров В.П., Хохлова М.В., 2010): установлено, что сочетания, имеющие значение MI 3 и выше, являются устойчивыми.

Результаты эксперимента.

Анализ результатов показал, что не наблюдается непосредственной зависимости возможности замены элемента в устойчивом сочетании от меры ассоциативности. Корреляция (статистическая величина, показывающая зависимость показателей) меры ассоциативности и результатов экспериментов достаточно слабая: для первого этапа она составляет 0,39, для второго этапа – 0,34¹. Возможно, противоречивые результаты получены из-за несовершенства самих статистических показателей и источников данных. Так, (Ягунова Е.В., Пивоварова Л.М., 2010) отмечается, что мера ассоциативности некорректно работает с низкочастотными единицами. Также наблюдается количественный дисбаланс по наполнению НКРЯ: наиболее объемный – основной корпус – включает литературу с XVIII в., поэтому часть представленных текстов может быть неактуальна для современной языковой личности.

Определяющую роль при вариативности устойчивого выражения играют факторы: когнитивные факторы, связанные с языковой компетенцией носителя языка, его языковой картиной мира, и прагматические факторы, которые касаются содержания высказывания. Подтвердим выдвинутый тезис с помощью анализа нескольких примеров.

1. Языковая компетенция носителя языка. Предлагая фразеологизм «не в коня корм» (MI –7,5), мы предполагали, что во всех примерах испытуемые выберут слово «конь» в высказывании « Не в коня корм, – сказал Штрум, и хотя не совсем было ясно, что значат его слова, они вызвали смех». Однако испытуемые восстанавливают фразеологизм только в 68 % случаев (49 раз из 72 ответов); также были получены реакции «еда» (14 реакций), «харчи» (9 реакций). По всей видимости, этот фразеологизм оказывается незнаком значительной части носителей языка, на что указывают хронологические данные НКРЯ об употреблении слова.

Еще меньше испытуемых восстановили устойчивое сочетание «уездный лекарь», которое имеет высокое значение MI – 10. В эксперименте слово «лекарь» в высказывании «И не может ли в этом случае помочь разными медикаментами уездный лекарь?» выбрали только в 37 % случаев, большая часть реакций приходится на слово «врач»; несмотря на то, что сочетание «уездный врач» имеет меньшее значение MI – 4. По всей видимости, это связано с тем, что слово «лекарь» постепенно выходит из современной речи.

2. Неаддитивность семантики. Важным для ограничения вариативности устойчивого сочетания является то, что значение сочетания идиоматично, метафорически переосмысливает значение компонентов. Устойчивое сочетание «пища для ума» имеет не очень высокое значение MI – 4, но хорошо восстанавливается испытуемыми (66 реакций, 90 %) благодаря метафоричности: «Но люблю и Дали, и Босха, потому что в их картинах есть пища для ума».

3. Общий смысл высказывания. Семантические признаки, связанные с общим смыслом высказывания, оказывают решающее значение для выбора синонима в устойчивом сочетании. Так, в высказывании «Реклама – она не только на собачий корм спрос стимулирует, но и на самих собак» были предложены синонимы «корм», «еда», «пища», «харчи», но 92 % испытуемых (67 из 73 испытуемых) выбрали первое слово. Такой выбор основан на том, что слово «корм» прежде всего употребляется для обозначения пищи животных (ср. толкование слова в МАС: «Корм – пища животных» (Словарь русского языка, 1985, т.2: 104). Кроме того, с 1990-х годов мы видим рост частотности употребления сочетания «собачий корм» в корпусе. Сходная закономерность отмечается в другом высказывании «Иногда, отдав корм

¹ Значение показателя, равное 1, показывает взаимосвязь.

птенцу, ласточка, слегка запрокинувшись, сидела несколько мгновений у края гнезда», где тоже речь идет о животных, испытуемые чаще всего также выбирают синоним «корм» (36 реакций, 49 %).

Заключение

Результаты проведенного анализа позволили, во-первых, сделать вывод, что использование статистических методов для предсказания вариативности устойчивости сочетания затруднено влиянием большого количества факторов, связанных с семантическими и когнитивными факторами. Во-вторых, исследование показало, что для вариативности важными оказываются когнитивные и прагматические факторы, предполагающие обращение к компетенции и ориентации языковой личности и общему замыслу высказывания.

Литература

1. Жуков, В.П. Русская фразеология. – М.: Высшая школа, 1986. – 310 с.
2. Захаров, В.П., Хохлова, М.В. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции «Диалог-2010», РГГУ. – Вып. 9 (16). – М.: РГГУ, 2010. – С. 137-143.
3. Иорданская, Л.Н., Мельчук, И.А. Смысл и сочетаемость в словаре. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – 672 с.
4. Мокиенко, В.М. Загадки русской фразеологии. – М.: Высшая школа, 1990. – 160 с.
5. Словарь русского языка: В 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985-1988.
6. Хохлова, М.В. Исследование лексико-синтаксической сочетаемости в русском языке с помощью статистических методов (на базе корпусов текстов): автореф. дис. канд. филол.наук. – СПб., 2011. – 26 с.
7. Ягунова, Е.В., Пивоварова, Л.М. Природа коллокаций в русском языке. Опыт автоматического извлечения и классификации на материале новостных текстов // Научно-техническая информация. Сер. 2. – 2010. – №6. – С. 30-40.
8. Church, K., Hanks, P. Word association norms, mutual information, and lexicography // Computational Linguistics, 1996. – №16(1). – P. 22–29.
9. Cruse, A. Lexical semantics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 310 p.
10. Evert, S. The Statistics of Word Cooccurrences: Word Pairs and Collocations: Ph. D. dissertation. – Stuttgart: Universitat Stuttgart, 2004. – 353 p.
11. Sinclair, J. Corpus, Concordance, Collocation. – Oxford: Oxford University Press, 1991. – 179 p.

Summary. In the paper synonymic changeability is regarded as a feature of collocations and idioms. The research is based on the psycholinguistic experiment and Russian National Corpus data. The important task of the research is to determine the role of statistic tool to measure the collocation strength. The results have shown that cognitive and pragmatic features are significant (for example, general utterance sense, language competence) are significant for understanding of collocations.

Key words: set expression, idiom, correlation, associativity, variability, corpus-based research.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ОДНОГО ЯЗЫКА НА ДРУГОЙ

А.П. Василенко

Россия, г. Брянск, Брянский государственный университет
a.p.vasilenko@mail.ru

Перевод – это и процесс, и результат этого процесса. Процесс заключается в том, что речевое произведение, возникшее на исходном языке, пересоздается на переводящем языке. Результатом процесса является новое речевое произведение на переводящем языке, учитывающее особенности двух языков. Перевод – вид духов-

ной деятельности (Федоров А.В., 1983: 9). Перевод – творческая интеллектуальная деятельность, передаче некоторой информации с языка-источника на язык перевода (Солодуб Ю.П., 2005: 7). Перевод – процесс, вызванный общественной необходимостью, а также результат передачи информации, выраженный в письменном или устном тексте на одном языке, посредством эквивалентного текста на другом языке (Виноградов В.С., 2006: 11).

Во фразеологии известны разнообразные классификации оборотов. У каждой из этих групп существует ряд особенностей при переводе.

В.С. Виноградов полагает, что переводчику необходимо найти смысловое, экспрессивное и функционально-стилистическое соответствие фразеологизму языка оригинала, а не стараться воспроизвести внутреннюю форму фразеологизма. В языке перевода могут проследиваться следующие случаи.

В языке перевода есть фразеологизм, идентичный фразеологизму оригинала, то есть имеющий то же значение, ту же стилистическую окраску, внутреннюю форму, тогда такая пара фразеологизмов будет считаться полными эквивалентами, соответствиями.

В языке перевода имеется эквивалентная фразеологическая единица с близким, сходным значением, той же стилистической окраской и совпадающей по характеру образности внутренней формой, что и в оригинале; данная пара фразеологизмов будет считаться неполными частичными эквивалентами

В языке перевода есть стилистически эквивалентное фразеологическое сочетание с близким значением, но другой внутренней формой. В языке перевода есть соответствующие по своему значению и стилистической окраске слова (Виноградов В.С., 2006: 185-191).

По мнению В.С. Виноградова, переводчик должен стремиться к тому, чтобы перевести фразеологизм фразеологизмом. В том случае, если в языке перевода не оказалось равного по значению или по стилистической окраске фразеологизма, следует воспользоваться следующими приемами – однословного соответствия, описательного перевода, калькирования. Первый прием возможен и необходим тогда, когда в языке перевода нет соответствующего устойчивого оборота или его стилистическая окраска сильно разнится с оборотом в оригинале. Описательный перевод может привести к некоторым стилистическим изменениям, хотя в целом и не нарушает художественную адекватность перевода в целом. Калькирование используется очень редко. Вышесказанное касается разговорных, книжных общеупотребительных фразеологизмов. Перевод специальной фразеологии иногда может претерпевать информационно-стилистические потери. Жаргонные выражения часто передаются нейтральными словами и теряют свою эмоционально-экспрессивную окраску, искажается авторский стиль (Виноградов В.С., 2006: 185-191).

Что касается пословиц и поговорок, то у них сохраняется значимость образного содержания, внутренней формы. Переводчику необходимо передать как смысл пословицы, так и ее метафорическое содержание. Для перевода данных единиц чаще всего используются следующие способы перевода. Полное пословичное соответствие используется тогда, когда в языке перевода есть половица, которая равнозначна по смыслу, функции и стилистической окраске и совпадает по образному содержанию пословице оригинала. Частичное пословичное соответствие используется, когда пословица языка перевода равнозначна по смыслу, функции, стилистической окраске, но отличается своим образным содержанием от пословицы оригинала. Калькирование – пословица воспроизводится почти дословно. «Псевдопословичное» соответствие применяют, когда в языке перевода нет соответствия, нет полного или частичного эквивалента. Переводчик передает пословицу своими словами, при этом сохраняя ее смысл. Пересказ ФЕ – описательный перевод. Он сводится к толкованию пословицы, которая в переводе перестает существовать как самостоятельная

единица. Такой перевод приводит к стилистическим и информационным потерям (Виноградов В.С., 2006: 192-195).

Чтобы перевести компаративные фразеологизмы, переводчики используют два приема: находят соответствующий фразеологизм или калькируют оборот оригинала. При переводе такие фразеологизмы могут терять свое национальное своеобразие, но смысл, функции и стилистическая адекватность сохраняется (Виноградов В.С., 2006: 196-197).

А.В. Фёдоров определил, что степень смысловой слитности или отдельности компонентов, наличие или потеря внутренней формы, образности, стилистическая окраска являются крайне важными с точки зрения перевода. А.В. Федоров описывает перевод идиом (фразеологических сращений), устойчивых метафорических сочетаний (фразеологических единств) и переменных сочетаний.

Идиомы характеризуются непереводимостью, а точнее непереводимостью их в буквальном смысле. Словарное значение отдельных слов в составе идиом может ввести в заблуждение как иностранца, так и переводчика, который плохо знает свой родной язык. Идиомам одного языка в другом языке могут соответствовать по значению идиомы, которые по словарному смыслу отдельных компонентов могут и не совпадать. Так как неуместно и недопустимо воспроизводить прямое значение компонентов идиом, то выражение может сохранять окраску просторечия, фамильярности и другое. Идиомы применяются в художественной литературе (в речах героев произведений или в авторском повествовании), в публицистике, в ораторских выступлениях, научной и технической литературе (например, *it rains cats and dogs* 'льет как из ведра').

Устойчивые метафорические сочетания обладают разной степенью мотивированности, прозрачности и национальной специфики. С одной стороны, переводчик может переводить их как идиомы, то есть выбирать соответствия далекие по прямому смыслу слов. С другой стороны, он может прибегнуть к переводу, близкому к их прямым значениям.

Для перевода пословиц и поговорок существует несколько способов. Если в языке перевода отсутствует нужная пословица или поговорка, то допускается ее близкая передача, которая будет воспроизводить вещественный смысл составляющих её слов и при этом сохранять её общий смысл. Если в пословице есть характерные исторические факты или географические названия, то нельзя использовать готовые соответствия, которые будут противоречить национальной обстановке оригинала.

Чтобы передать смысл пословицы, поговорки, допускается видоизменение вещественного смысла отдельных составных частей оригинала, но оно не должно приводить к совпадению с уже существующей в языке перевода пословицей, поговоркой (*A bad corn promise is better than a good lawsuit* 'Худой мир лучше доброй ссоры').

При переводе пословиц и поговорок одного языка использовать существующие пословицы и поговорки в другом языке допускается, если в данных ФЕ единицах не идет речь о реалиях и они не противоречат смыслу подлинника. Заметим, что в эквивалентах могут быть незначительные лексические расхождения, но они не искажают общий смысл высказывания. Благодаря этому типу перевода точно передается окраска текста.

Переменные сочетания. Чтобы достигнуть полноценного перевода таких структур, нужно заменить слово, не сочетающееся с другим, или перестроить выражение. Сравнивая переводы с подлинниками, мы можем наблюдать, что текст перевода то сужается, то расширяется, то перестраивается по отношению к подлиннику (*to show one's teeth* 'показывать зубы, огрызаться') (Федоров А.В., 1983: 160-170).

В.С. Слепович при переводе выделяет образные и необразные фразеологизмы. Чтобы перевести образные фразеологизмы, существует несколько приемов:

– используются соответствия, выраженные абсолютными эквивалентами, в случаях, когда эти выражения – интернациональные (*to shed crocodile tears* – *лить крокодиловы слезы*; *to play with fire* – *играть с огнем*);

– используются соответствия, выраженные относительными эквивалентами, в случае когда при сохранении значения английского выражения в русском варианте наблюдаются отличия (*to show one's teeth* – *огрызаться*; *to start business from scratch* – *начать с нуля*);

– фразеологические аналоги при переводе пословиц (*East or West – home is best. В гостях хорошо, а дома лучше. Или people react in kind to the way they are treated. Как аукнется – так и откликнется.*), образных выражений (*The game isn't worth the candle. Игра не стоит свеч. Или to beat about the bush. Ходить вокруг да около.*);

– описательный перевод в том случае, если в русском языке нет соответствий (*to show the white feather* – *проявить малодушие*; *to have a skeleton in the cupboard* – *иметь личную тайну*). Данный тип широко используется для перевода идиом в профессиональной сфере (*tape dancing* – *метод манипулирования ценами акций, при котором брокер включает в них свои комиссионные, тем самым повышая цену акций*).

Необразные фразеологизмы переводятся следующим образом: одним словом (*to have a rest* – *отдыхать*; *to take a nap* – *вздремнуть*); абсолютными (*the root of trouble* – *корень зла*; *to read between lines* – *читать между строк*) и относительными эквивалентами (*ups-and-downs* – *взлеты и падения*; *think tank* – *мозговой центр*) (Слепович В.С., 2009: 72-78).

В.С. Слепович отмечает, что при переводе национально окрашенных фразеологизмов дословный перевод будет уместен только в том случае, если он понятен носителю другой культуры (например, *to carry coals to Newcastle* лучше перевести 'возить уголь в Ньюкасл', чем 'ездить в Тулу со своим самоваром', хотя смысл этих выражений одинаковый) (Слепович В.С., 2009: 132).

В.Н. Комиссаров выделяет три типа соответствий, первый из которых характеризуется полным сохранением всех значений компонентов, упомянутых выше. Для второго характерно то, что переносный смысл передается с помощью другого образа, а остальные компоненты значения сохраняются. Третий тип создается при помощи калькирования иноязычной образной единицы. Калькирование позволяет передать национально-этнический компонент значения ФЕ (Комиссаров В.Н., 1990: 152-154).

Я.И. Рецкер выделяет четыре способа перевода образных единиц: полное сохранение иноязычного образа, частичное изменение образности, полная замена образности и снятие образности. Полное сохранение иноязычного образа возможно для ФЕ, имеющих интернациональный характер: пословицы, поговорки, крылатые выражения, заимствования, метафоры (*body and soul* – *душой и телом*; *in the seventh heaven* – *на седьмом небе*; *to gild the pill* – *подсластить пилюлю*). При частичном изменении образности образная основа сохраняется, но происходят некоторые лексические или грамматические изменения. Замена подлежит один образный компонент на другой, а вспомогательный компонент заменяется на любой (*in the dead of night* – *глубокой ночью*; *a diamond of the first water* – *бриллиант чистой воды*). С точки зрения грамматики, может изменяться число (*to have the news at first hand* – *узнать новость из первых рук*), инфинитив меняться на глагол в личной форме (*to take one's mouth* – *слюнки потекли*). Полная замена образности может быть связана с сохранением стилистической окраски. Перевод ФЕ со снятием образности является не самым лучшим способом перевода, так как выражение теряет свою выразительность. По-другому этот способ можно назвать описательным.

Что касается необразных фразеологизмов, то основная трудность перевода таких единиц, по словам Я.И. Рецкера, состоит в том, что они не поддаются анализу и их центральный компонент десемантизирован. На эту категорию фразеологизмов

значительно влияет контекст, в результате чего они имеют широкий семантический диапазон. Необразные фразеологизмы выступают в качестве вводных выражений (Рецкер Я.И., 2007: 158-165).

Эти и другие точки зрения говорят о многообразии подходов к переводу устойчивых оборотов. Но все эти точки зрения сводятся к тому, что перевод фразеологизмов крайне затруднителен, в первую очередь, ввиду национальной специфики данной языковой единицы.

Литература

1. Виноградов, В.С. Перевод: Общие и лексические вопросы: Учебное пособие. – 3-е изд. – М.: КДУ, 2006. – 240 с.
2. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
3. Слепович, В.С. Перевод (английский ↔ русский): учеб. пособие / В.С. Слепович. – Минск: ТетраСистемс, 2009. – 336 с.
4. Солодуб, Ю.П. Теория и практика художественного перевода: Учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / Ю.П. Солодуб, Ф.Б. Альбрехт. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 304 с.
5. Рецкер, Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. – М.: «Р. Валент», 2007. – 244 с.
6. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Учеб. пособие. – М.: ВШ, 1983. – 303 с.

Summary. Translation is a result of the transfer of information expressed in written or oral text. The article tells about the diversity of approaches to the translation. The point of view of scientists is that the translation of phraseological units is extremely difficult, first of all, because of the national specificity of this language unit. In one language, by means of an equivalent text in another language.

Key words: translation, phraseological units, national specificity of language unit.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

А.В. Величко

Россия, г. Москва, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
all_velichko@mail.ru

Языковая картина мира отражает, фиксирует результат познания данным языковым коллективом не только окружающей действительности, но и результат познания самого человека как элемента этой действительности, как члена данного языкового сообщества с его потребностями и возможностями. Таким образом, выделяется особый фрагмент языковой картины мира, отражающий представление о человеке как создателе и пользователе языка.

Человек создал язык для себя, в нем отражены все его потребности, и в первую очередь язык обеспечивает связи между членами данного языкового сообщества, позволяет осуществлять совместную деятельность. Таким образом, основная функция языка – служить средством общения, коммуникации.

Общение представляет собой сложный, комплексный когнитивно-прагматический вид речевой деятельности, непосредственно связанный с процессом, знания, сознания, мышления и включающий передачу и получение информации, ее осмысление, интерпретацию.

Речевое общение получает реализацию, воплощение в различных средствах языка, и важная роль в формировании этого фрагмента языковой картины мира принад-

лежит грамматическим фразеологизмам. Здесь следует отметить, что общение – это взаимодействие собеседников, коммуникантов, поэтому в языковом отношении общение шире, чем речь, ибо в общении используются средства, обеспечивающие взаимодействие собеседников, и при этом на первый план выходят грамматические фразеологизмы, основное предназначение которых – участвовать в организации речевого общения, обеспечивать его правильное и эффективное осуществление.

Основным объектом нашего внимания является один вид грамматических фразеологизмов – предложения фразеологизированной структуры. Предложения фразеологизированной структуры (ФС) – это нестандартные предикативные синтаксические структуры, построение и семантика которых не подчиняются регулярным синтаксическим связям и действующим в языке закономерностям. Компоненты в них связаны идиоматически, а прямые лексические и грамматические значения компонентов, создающих структуру, утрачены или крайне ослаблены, например: *Вот это праздник так праздник!*; *Работать так работать*; *Чем не праздник!*; *Хоть уезжай из города!*; *Тоже мне выступил!*; *Что ни дом, то памятник архитектуры*; *Нет бы мне предупредить Юру*; *Не спорить же мне с соседкой!* и т.п. (См. подробнее: Величко А.В., 2016).

Специфика ФС и их важная роль в речевом общении обусловлены их когнитивным характером: в них наиболее сложно, специфически, своеобразно реализуется механизм, связывающий мысли, т.е. мыслительные, ментальные репрезентации с формами выражения.

Предложения ФС не сообщают о каком-либо положении дел реальной действительности, не передают сообщение как таковое; они предназначены для выполнения фатической функции в коммуникативном процессе. Эта функция реализуется в ФС как выражение субъективной модальности, т.е. они выражают отношение говорящего к содержанию сообщения. Они используются в первую очередь для того, чтобы говорящий мог адекватно участвовать в общении, чтобы мог выразить отношение к содержанию информации, ситуации реальной действительности в виде рациональной и эмоциональной реакции на сообщаемое. Так, высказывание фразеологизированной структуры: *Ох уж эти мне строители!* ничего не сообщает о деятельности строителей, а только выражает негативное отношение к их действиям. Показательно, что в самой ФС ситуация, о которой идет речь, не представлена. Тем не менее ясно, что ситуация с участием названных лиц имела место, если она вызвала такую реакцию говорящего. Фразеологизированные предложения включают, точнее «притягивают» информацию, которая в них не выражена, находится за ее пределами. Можно сказать, что ФС манифестирует сложную ситуацию, представляющую собой цепочку смысловых фрагментов, в которой ФС является одним из звеньев, причем связующим, организующим.

При этом ФС, будучи синтаксическими единицами, не представляют собой готовую мысль (в этом их отличие от лексических фразеологизмов, имеющих закрепленное, постоянное значение). Они закрепили, зафиксировали определенные ходы мысли, мыслительные модели, формулы, которые типичны для человеческого (очевидно, специфически русского) мышления. Каждая фразеологизированная модель включает лексически свободный компонент, что позволяет по одной модели построить большое количество высказываний одного общего значения, но разного содержания. Ср.: *Ох уж эти соседи*; *Ох уж эти автолюбители*; *Ох уж этот мне праздник*; *Ох уж эти мне экзамены*; *Ох уж эти морозы*; *Ох уж эти проблемы* и т.д. Предложения ФС, если квалифицировать их с позиций когнитивного подхода, показывают, что «языковая форма в конечном счете является отражением когнитивных структур, т.е. структур человеческого сознания, мышления и познания» (Кибрик А.А., 1994: 126).

Класс ФС велик, насчитывает свыше пятидесяти структур, поэтому предпринята семантическая классификация, раскрывающая частные значения субъективной

модальности Она учитывает когнитивный подход к языку, предполагающий опору на семантические универсалии. Выделяется шесть частных значений субъективной модальности, которые объединяют структуры в шесть семантических групп: 1) оценка, 2) согласие, принятие – отрицание, 3) модальные значения, 4) единственность – множественность, 5) акцентирование, 6) обусловленность. Структуры каждой из шести групп подвергаются дальнейшей семантической дифференциации.

Такой индивидуальный анализ каждой ФС позволяет представить все богатство, разнообразие мыслительных, эмоциональных реакций, которые возникают у человека в процессе речевой деятельности, в речевом общении. В.Н. Телия, рассуждая о сложной смысловой организации фразеологических средств языка, отмечает, что «языковое сознание стремится вычленить и обозначить различные аспекты протекания процессов и состояний, их качественную и количественную определенность» (Телия В.Н., 19081: 3). Проиллюстрируем сказанное кратким анализом двух семантических групп ФС.

Универсальное значение модальности позволяет говорящему представить ситуацию, интерпретируя ее через субъективное модальное восприятие, как необходимую, ненужную, целесообразную или невозможную. Каждое значение дополняется, уточняется субъективным компонентом. Так, высказывание *Как не пойти!* указывает на необходимость выполнения действия, а высказывание *Не иди же туда* – на его нецелесообразность.

Две следующие ФС по-разному представляют объединяющее их значение целесообразности: одна указывает на целесообразное действие как на упущенную возможность (*Нет бы мне заранее купить билет; Нет бы мне посоветоваться с Верой!*), а другая называет целесообразное действие, характеризуя его как крайнюю меру, не всегда реальную для выполнения (*Хоть меняй работу!; Хоть не выходи на улицу!; Хоть проси совета у Веры*).

Невозможность осуществления действия может быть обусловлена самим действием, т.е. оно характеризуется как невозможное для выполнения (ср.: *Где мне это запомнить!; Где мне все это съесть!; Где нам успеть*), или же невозможность выполнить действие связывается именно с данным, названным лицом, и в таком случае просматривается характеристика лица или объекта (*Чтобы он когда опоздал!; Чтобы она кому-нибудь нагрубила!; Чтобы этот магазин открылся ровно в восемь!*).

Фразеологизированные структуры другой классификационной группы передают противоположные значения – единственность и множественность. Значение единственности может реализоваться как указание на абсолютное преобладание объекта, характеризующего данное лицо, предмет, место: *Студенты только и говорят, что об экзаменах; В городе только и развлечений, что кинотеатр; У нее только и радость, что ее дети*.

Другая ФС используется по отношению к лицу, и ее цель – указать на ограничение круга занятий, интересов данного лица тем, что названо инфинитивом (*Ему бы только спать; Ей бы только развлекаться, Девочке только бы читать*) или на преобладающую склонность к названному действию (*Тебе бы только спорить; Ире только бы жаловаться*).

Значение множественности может быть реализовано как показ количественной стороны описываемой ситуации (*Кто только не приходит в наш музей; Чего только нет в нашем музее; Какие только выставки не проходят здесь*). Цель другой структуры – передать мысль о распространенности на определенную совокупность объектов общего признака, который получает при этом особое, специфическое проявление в каждом конкретном объекте, т.е. реализуется смысл ‘все..., и каждый по-своему...’. Ср.: *В этом старинном городе, что ни дом, то своя архитектура; Что ни студент, то особый характер; Что ни день, то дождь; Что ни деревня, то свои песни*.

Типовое значение множественности может также реализоваться как разнообразие, непохожесть объектов данного типа, одного класса. Такова структура, органи-

зующим компонентом которой является слово *рознь*: *Работа работе рознь; Встреча встрече рознь; Традиции традициям рознь*

Рассмотрение фразеологизированных предложений с когнитивно-прагматической точки зрения показывает, как сложен и глубок процесс интеллектуального и эмоционального осмысления, интерпретации ситуации действительности, насколько богатыми и многообразными могут быть реакции на сообщаемое. Покажем это на примере ФС модели **на что..., и то...**

В разговоре о холодной зиме в данном месте говорящий использует для выражения своего мнения высказывание: *Уж на что старожилы, и то не помнят такой суровой зимы в этих краях*. Он называет в нем лица, которые не участвуют в разговоре и не известны, очевидно, участникам разговора. Оценивая таким образом предмет разговора, он осуществляет сложный мыслительный процесс – вызывает из памяти (или моделирует) совсем другую ситуацию, опирается на нее, чтобы убедить, доказать справедливость своих слов. В одном высказывании сочетается несколько смысловых и эмоциональных компонентов: и констатация факта, и оценка (во-первых, ‘холодно’, во-вторых, ‘нетипично’), и противопоставление (‘сегодня’ – ‘прошлые годы’), и удивление, и стремление убедить, сославшись на мнение других, более авторитетных для говорящего лиц.

Показательно, что в этой сложной когнитивной структуре имеет место неоднородность сообщения: говорящий вспоминает ситуации прошлых лет, приводит мнение лиц, которых здесь нет, и это отражает ступенчатый, пошаговый характер восприятия и осмысления.

Мысль о старожилах всплывает у говорящего стихийно, неожиданно, и в этом переключении мысли проявляется ассоциативность мышления. Можно отметить, что у говорящего могла возникнуть и другая ассоциация, например: *Уж на что в Сибири и то сейчас теплее*.

Еще один пример, показывающий, что ФС, являясь единицами вторичного образования, представляют собой сложные когнитивные структуры. Смысл многих ФС (при присущей им краткой внешней языковой форме) нередко включает не один компонент, а несколько, в них можно «услышать», «прочитать» больше, чем сказано. Так, предложение *Нет бы мне предварительно позвонить Оле* означает не только то, что предварительный звонок – это правильное и логичное действие. Из него можно также понять, что говорящий не сделал этого, это привело к какому-то нежелательному следствию, что говорящий понял свою ошибку и сожалеет о том, что раньше не подумал о правильном действии.

Анализ предложений ФС в прагматическом аспекте, который ставит в центр внимания стратегию и тактику общения, роль и возможности адресанта, адресата, характер взаимоотношений между ними, ситуацию общения, также представляет ФС как неотъемлемую часть языковой картины мира. Так, говорящий старается предвидеть интересы, черты личности адресата, рассчитывает на наличие общей апперцепционной базы с ним. Учитываются отношения между коммуникантами, т.е. действуя координата «**Я –ТЫ**», «**Я –ВЫ**», «**Я – ТЫ –ОН**» и т.п.

Рассмотрение ФС в социокультурном аспекте показывает, что, с одной стороны, они отражают универсальные свойства человеческой личности. Таковы шесть значений субъективной модальности семантической классификации. С другой стороны, ФС национально специфичны, что позволяет проследить, каким предстает в них русский человек – создатель и пользователь русского языка.

ФС отражают в своей структуре и такой признак речевого общения, как диалогичность. Они не употребляются сами по себе, используются «по поводу чего-либо», как правило, не начинают текст. Часто им предшествует сообщение, которое затем интерпретируется в ФС самим говорящим или собеседником. Таковы, ФС, которые представляют собой переосмысленные вопросы, ср.: *Какой это праздник! До разговоров ли мне; Чем не помощь!* Некоторые ФС – это, по сути, свернутые диалогиче-

ские единства, где в одном высказывании говорящий как бы объединяет предполагаемый вопрос собеседника и свой ответ на него: *А вот чего нам не хватает, так это фильмов; Плохо здесь только то, что станция далеко.*

Проведенный анализ показал, что фразеологизированные предложения представляют собой сложные когнитивные структуры. Они существуют в языке как специфические коммуникативные единицы фатической функции, которые позволяют говорящему реализовать свои потребности как коммуниканта, обеспечивают правильную эффективную организацию процесса речевого общения и тем самым участвуют в формировании соответствующего фрагмента языковой картины мира.

Литература

1. Величко, А.В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование. – М.: МАКС Пресс, 2016. – 416 с.
2. Кибрик, А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // ВЯ. – 1994. – № 5. – С. 126-139.
3. Телия, В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. – М.: Наука, 1981. – 270 с.

Summary. The message considers phraseological sentences from the point of view of reflecting in them the representation of speakers of the Russian language about the principles of organizing the process of speech communication as a fragment of the linguistic picture of the world. The analysis is carried out from the standpoint of a cognitive-pragmatic approach to the language.

Key words: linguistic picture of the world, syntactic idioms, phraseological sentences, phatic function, cognitive structure.

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СВОЕОБРАЗИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТАМИ БЕЛЫЙ – ЧЕРНЫЙ В РУССКОМ И ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКАХ

Т.Ф. Кузенная, С.Н. Бабулевич

Россия, г. Калининград, Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта
tkuzennaya@kantiana.ru, sbabulevich@kantiana.ru

Отражение в языке специфических национальных и общечеловеческих категорий культуры вызывает постоянный интерес исследователей в области сравнительно-исторического языкознания. Такой подход становится особенно актуальным в связи с возрастающим интересом к диалогу культур, ведь «именно вербализованный опыт, знания, культура, накопленные определенным этноязыковым сообществом, и создают ментальность – своеобразную форму овладения миром» (Алефиренко Н. Ф., 2002: 60).

Близость славянских и балтийских языков не подлежит сомнению, она уже давно замечена лингвистами и может быть обусловлена возможным существованием балто-славянского праязыка, или же независимым, но параллельным развитием балтийских и славянских языков. По мнению Ю.С. Лаучюте, «контакты между балтийскими и славянскими племенами и народами отличаются исключительной длительностью, что неизбежно должно было оказать специфическое влияние на языки контактирующих народов» (Лаучюте Е.С., 2009:300).

Именно поэтому сопоставительные исследования русского и литовского языков представляют большой интерес для современного языкознания. Институт славяноведения Российской академии наук с 1981 года начал выпуск серийного издания

«Балто-славянские исследования». Важно отметить, что большая часть исследований, посвященных сопоставительному анализу балтийских и славянских языков, направлена на реконструкцию индоевропейского и праславянского языков. На лексическом уровне большой интерес представляет распространение топонимов и гидронимов балтийского происхождения на территории славянского ареала. В связи с реконструкцией балто-славянского мифа остается важным вопрос о сходствах и различиях в области фразеологии русского и литовского языков.

Как в российской, так и в литовской лингвистике существуют разные классификации фразеологических оборотов. Основными и существенными признаками в определении фразеологизма, как в русском, так и в литовском языках являются устойчивость, воспроизводимость, экспрессивность и семантическая целостность. В литовском языкознании также разработана классификация, в основу которой, как и в классификации, разработанной В.В. Виноградовым, положен критерий семантической слитности фразеологизмов. Эта классификация также делит фразеологизмы на три класса: «1) идиоматические фразеологизмы (*idiominiai frazeologizmai*), 2) метафорические фразеологизмы (*metaforiniai frazeologizmai*) и 3) фразеолоиды (*frazeoloidai*)» (Drotvinas V., 1987: 63).

Следует также отметить, что в русском и литовском языкознании разработана еще одна, семантическая, классификация фразеологизмов: немотивированные фразеологизмы (*nemotyvuotieji frazeologizmai*) и мотивированные фразеологизмы (*motyvuotieji frazeologizmai*).

Также в обоих языках существуют классификации, основанные на критерии исконности устойчивых сочетаний. Литовские исследователи, например В. Дротвинас, с точки зрения происхождения выделяют 3 группы фразеологизмов: 1) литовские фразеологизмы (*lietuviški frazeologizmai*); 2) общеупотребительные фразеологизмы (*frazeologizmai – bendrybės*), и 3) заимствованные фразеологизмы (*skolintiniai frazeologizmai*). В состав заимствованных фразеологизмов входят международные фразеологизмы. Заимствованные фразеологизмы в литовском языке делятся на переводимые (*verstiniai*) и непереводимые (*neverstiniai*). Данным фразеологизмам присущи те же свойства, что и русским фразеологизмам, заимствованным из других языков. Парадоксально то, что именно жесткая фиксированность формы во фразеологии, как отмечает В.М. Мокиенко, «является одним из первых признаков заимствования, калькирования, в то время как широкая вариантность – достаточно надежный показатель исконности» (Мокиенко В.М., 2004: 33).

Сравнительно-сопоставительный анализ устойчивых выражений литовского и русского языков позволил распределить их по группам:

- равные по значению с общим цветовым компонентом;
- различающиеся по значению и цветовому компоненту;
- различающиеся по значению с общим цветовым компонентом.

Нужно отметить, что для анализа нами были выбраны фразеологизмы как широко употребительные, в том числе межъязыковые, наиболее полно отражающие универсальное в культуре, так и устойчивые сочетания, менее употребительные в современном языке, но тем не менее отраженные во фразеологических словарях.

В первую группу вошли фразеологизмы, одинаковые по значению и образным компонентам. *Белая ворона – balta varna* – фразеологизм, характеризующий человека, сильно выделяющегося чем-либо среди окружающих его людей: *Кровью заработал этот проклятый офицерский чин, а промежду офицеров был как белая ворона.* (М. А. Шолохов. Тихий Дон)¹ – *Klasije jis buvo balta varna: dvidešimties metų bernas, kurio vienmečiai jau pernai gavo brandos atestatus.*² (букв. В классе он был белой вороной: двадцатилетний парень, ровесники которого уже в прошлом году по-

¹ Примеры из текстов на русском языке здесь и далее цитируются по НКРЯ: <http://www.ruscorpora.ru/>

² Примеры из текстов на литовском языке здесь и далее цитируются по <http://tekstynas.vdu.lt/>

лучили аттестаты зрелости). Выражение *белая ворона* известно во многих индоевропейских языках, так как восходит к античности. Считается, что у выражения был автор – римский сатирик Ювенал. Однако некоторые исследователи ставят под сомнение то, что источником оборота является сатирическая строка Ювенала. Так, В.М. Мокиенко в пользу самостоятельного происхождения оборота в разных языках выдвигает его широкую распространенность. Исследователь утверждает, что сама идея выделенности птицы-альбиноса среди других продуктивна в разных языках. (Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И., 2005: 121). Выражение *белая ворона* вошло в большинство современных литературных языков. В русском языке оно может обозначать не только человека, резко выделяющегося из своего окружения, но и нечто необычное. Яркая экспрессивность выражения построена на внутреннем парадоксе.

К этой же группе мы отнесли несколько устойчивых выражений с компонентом-цветообозначением *черный*.

Чёрная кость – *juodasis kaulas* – ‘человек незнатного происхождения или принадлежащий к непривилегированному сословию’: *Кость белая, кость чёрная – и поглядеть, так разные: им разный и почёт* (Н. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо); *Ir tu turi sūnų, kurį rengiesi mokyti, bet žinoki, kad ir jo dalia – juodojo kaulo dalia.* – (букв. А у тебя есть сын, которого ты отправляешь учиться, но знай, что его удел – доля черной кости) (А. Vienuolis. Iš mano atsiminimų). Выражения *черная кость* и *белая кость* отражают, по мнению В.М. Мокиенко (Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И., 2005: 350), древнейший архетип символики цвета многих индоевропейских народов: положительная для слова *белый*, которое связано с жизнью, и негативная для слова *черный*, которое ассоциируется с тьмой, ночью, смертью. Интересно, что в литовской фразеологии эта оппозиция отсутствует. Устойчивое выражение *Iki balto kaulo* «как белая кость» имеет иное значение. При этом фразеологизму *juodasis kaulas* «черная кость» противопоставляется по значению выражение *mėlyno kraujo* «синяя (голубая) кровь».

Как в русском, так и в литовском языках устойчивое выражение *чёрная кошка пробежала* – *juoda katė perbėgo* (*perbėgo skersai kelio*) обозначает ссору, размолвку между кем-либо: *Нехорошо, – подумал я: – верно между ними чёрная кошка пробежала* (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»); *Perbėgo kažkas tarp mūsų – ne tikta juoda katė* (букв. Пробежало что-то между нами, не только черная кошка). Возможно, это связано со способностью злого духа, по мнению наших предков, воплощаться в кошку. Ссора в данном случае мотивируется возможной суеверной предпосылкой – черная кошка перебежала дорогу, значит, случится беда. Образ фразеологизма создается метафорой, уподобляющей ссору физическому вторжению злых сил, олицетворенных в образе кошки. В создание образа также включена пространственная метафора разъединения людей.

Во фразеологизме *чёрным по белому* – *juodas ant balto* в значении «совершенно чётко, ясно, недвусмысленно» объединились оба компонента-цветообозначения (*черный* и *белый*): *Только тогда он вызвал меня к себе и дал направление на пересыльный пункт – в направлении **чёрным по белому** было написано, что я отстала от эшелона, идущего на запад* (Юлия Друнина. С тех вершин. (Страницы автобиографии); *Ar nebūtį geriau viska smulkiai išdėstyti, surašyti, iškloti, taip sakant juodu ant balto* – (букв. Не лучше ли все это подробно написать, изложить, выстроить, так сказать, черным по белому).

В значении ‘беда, горе’ в русском и литовском языках реализуется фразеологизм *черный день* – *Juodos dienos*: *На этого мучителя пришел черный день* (В. Короленко. История моего современника). *Malūnsparniams atėjo juodos dienos, juos skina vieną po kito raketomis ir stambaus kalibro kulkosvaidžiais* (букв. Вертолеты принесли черные дни, сея их один за другим с помощью ракет и пулеметов большого калибра) (Z. Stankus. Kaip tapoma albinosais). Выражение связано с суеверной сим-

воликой черного цвета – цвета несчастий, бед, печали и горя. *На (про) чёрный день* – *juodos duonos pluta graužti* «жевать корку черного хлеба» – о трудном времени, времени нужды, безденежья, несчастий в жизни кого-либо, о плохой жизни: *Удержалось у него тысконок десять, запрятанных про чёрный день*. (Н.В. Гоголь. Мертвые души).

Следующую немногочисленную группу составляют фразеологизмы, разные по значениям, но одинаковые по образным компонентам. В рамках этой группы мы выделили четыре устойчивых сочетания. *Белые мухи* – ‘снег, снежинки; о падающем снеге’: *Над деревней давно уже носятся белые мухи, лениво падая на истоптанную землю. Зима нас не ждёт, она вот, совсем близко* (А. Лебеденко. Тяжелый дивизион). Русский фразеологизм *белые мухи* связан со снегом, в первую очередь, с его цветом. *Iki baltą musią* «как до белых мух» – ‘ещё нескоро’: *Pabaigs darbą lig baltą musią* (букв. До конца работы как до белых мух) (Е. Malūkas, Kraujо Skonis). В основе литовского устойчивого сочетания *iki baltą musią* лежит противоречие. Образ фразеологизма соотносится с представлениями о мухе, как о насекомом черного цвета. Таким образом, *белые мухи* – нечто несуществующее, то, что увидеть невозможно.

Белая кость – человек дворянского, аристократического происхождения. *Iki balto kaulo* «до белой кости» – ‘сильно надоедать’. *Jis man daėdė šiandien iki balto kaulo* (букв. Он мне надоел сегодня до белой кости). О фразеологизме *белая кость* следует сказать, что в русском языке он происходит из истории культуры, когда всё общество делилось на сословия. А значение литовского фразеологизма подразумевает назойливость.

Рассмотренная группа позволяет показать, как одни и те же образные компоненты в составе фразеологизма по-разному переосмыслены в картинах мира сопоставляемых языков.

Некоторые устойчивые сочетания с компонентом-цветообозначением *белый* в своем составе имеют также соматизмы и связаны с физиологией человека: *Baltas akis pavėrsti* «глаза стали белыми», *baltą akį turėti* «иметь белые глаза». Общее значение этих фразеологизмов ‘злобно посмотреть’, ‘злой человек’, ‘сильно испугаться’: *Akis pavėrs baltas, pastatys, bijau baisiausia* (Букв. Глаза станут белыми – опасайся худшего), *Tik pasižiūrėjo baltom akim ir nieko neatsakė* (букв. Только посмотрел в белые глаза и ничего не ответил), *Tas pažiūrėjo į mane balta akimi ir mostelėjo ranka* (букв. Только посмотрел в мои белые глаза и махнул рукой) (J. Dovydaitis, Lietuvos Sparnuose). Значение фразеологизмов, вероятно, связано с ассоциацией со сверканием белков глаз при косом взгляде. Этому сочетанию слов – *balta akis* «белые глаза» – различные значения придают глаголы. Словосочетание интересно тем, что в нём мы находим несовместимые для физиологии описания. Белые глаза – неестественные, а эту неестественность может вызвать сильное внутреннее или внешнее потрясение, следствием которого и может быть физиологическая аномалия.

Balta ranka «белая рука» – ‘милый, любезный’: *Priims mane su balta ranka*. (букв. Прими меня с белыми руками) (Renata Šerelytė, O ji tepasakė mīau: novelės). В русском языке есть устойчивое сочетание, соответствующее по значению, но отличающееся по составу образных компонентов и не включающее цветоименование – *с распростертыми объятиями*.

Baltas rankas sudėti (букв. сложить белые руки) – ‘пожениться’: *Jau sudėtos baltos rankos, sumainyti žiedai* (букв. Уже сложили белые руки, обмениваются кольцами) (народная свадебная песня «*Tai dėkui, močiute, už auginimą*»). Как и у многих других народов, белый цвет актуален в литовской свадебной обрядности. Во время свадьбы сватья повязывала невесте на голову белый платок. В восточной Литве во время свадьбы родители молодых исполняли первый танец, надев белые перчатки, чтобы жизнь молодых была светлой. С сакральным значением белого цвета в литовской свадебной обрядности связано и происхождение фразеологизма *baltas rankas sudėti*.

Baltais pirštais – ‘высмеять’: *Naslaunas siratėliq pulkelis, nukaišytas baltais piršteliais*. Фразеологизм *baltoji ranka* «белая рука» обладает положительной коннотацией, а *baltais pirštais* «белый палец» – отрицательной. В обществе считается некультурным показывать пальцем, и поэтому этот фразеологизм наделён негативной коннотацией.

Следующие устойчивые сочетания, содержащие цветообозначение *белый* не имеют аналогов в русском языке. *Po baltai kumelei*, *Nuo baltosios kumelės* (букв. по белой кобыле, от белой кобылы) – про очень дальних родственников: *Pamilija eina po baltai kumelei. Iš baltos veizėti; baltomis veizėtis* – (букв. сильно злиться). Этот фразеологизм является исконно литовским, это можно определить по глаголу, который используют жемайтийцы (*žemaičiai*).

Nei šalta nei balta (букв. ни холодно ни бело) – ‘не интересно’: *Man nei šalta nei balta: važiuoji – važiuoj* (букв. Мне ни холодно ни бело: уезжаешь – уезжай). Во фразеологизме противопоставляются цветообозначение и состояние холода, что совершенно недопустимо в русском языке. В русском языке можно было бы привести такой фразеологизм, как *ни холодно ни жарко*, однако в литовском языке это значение определяется таким специфическим фразеологизмом с использованием названия цвета.

Kur baltos meškos vaikštinėja, pas baltąsias meškas (букв. где бродят белые медведи, у белых медведей). Значение фразеологизма связано с Сибирью. Россию раньше многие склонны были представлять как холодную страну, где обитает множество медведей. Образование устойчивого сочетания связано с наивными представлениями о географическом положении и климатических условиях России.

Итак, проведенный анализ позволил выявить основные причины появления национально-специфических фразеологических единиц в литовском и русском языках, обусловленные несовпадением семантического объема структурных компонентов, языковыми и историческими традициями, менталитетом русского и литовского народов. Компаративный подход во многом во многом способствует осознанию и постижению этнокультурной специфики рассмотренных фразеологизмов. И это, безусловно, должно учитываться при переводе, определяемого стремлением к сближению не слов, а миров, отражением которых они – эти слова – являются.

Литература

1. Алефиренко, Н. Ф. Этноязыковое кодирование смысла в зеркале культуры // Мир русского слова. – СПб., 2002. – № 2.
2. Березович, Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. – М.: Индрик, 2007. – 600 с.
3. Василевич, А.П. Этимология цветоименований как зеркало национально-культурного сознания//Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный анализ/Отв. Ред. А.П. Василевич. – М.: КомКнига, 2007. – 320 с.
4. Дронов, П.С. Очерки по культурным трансферам во фразеологии. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2018. – 102 с.
5. Каралюнас, С. К этимологии лит. *Júodas* ‘черный’ // Этимология. – М.: Наука, 1975. С. 129-137.
6. Лаучюте, Е.С. Этноязыковые контакты во времени и в пространстве (на материале балтийских и славянских языков)//Балто-славянские исследования. Т. XVIII: Сб. науч. трудов. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 648 с.
7. Мокиенко, В.М. Мелерович, А.М. Семантизация межъязыковых фразеологических коррелятов и языковая картина мира // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры: Международная научно-практическая конференция 17 – 19 марта 2006 г. – М.: Элис, 2006 – 800 с.
8. Drotvinas, V. *Lietuviųkalbosleksikairfrazeologija*. Vilnius, 1987. – 96 p.

Словари и корпуса текстов

1. Бирих, А.К., Мокиенко, В.М., Степанова, Л.И.. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М., Изд-ва: АСТ, Астрель, АСТ, Люкс, 2005. – 926 с.

2. НКРЯ – Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru/>
3. Dabartinės lietuvių kalbos tekstynas – VDU // <http://tekstynas.vdu.lt/>

Summary. The article is aimed at describing the ethnic and cultural specific features of phraseological units with the components *white-black* in the Russian and Lithuanian languages when taking into consideration the linguistic conceptual space formed by the corresponding communicative and cultural traditions. As a result of my research the key components are discovered, what in its turn demonstrates that the preservation of the system specificity predetermines the adequacy of translation into another language.

Key words: phraseological units, cultural specific features, adequacy of translation, communicative tradition.

УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ С СОЮЗОМ *КАК* В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ В. ТОКАРЕВОЙ

Л.И. Плотникова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

Ю.Н. Киреева

Россия, г. Белгород, Белгородский университет кооперации, экономики и права
Neverreplay@rambler.ru

Устойчивые сравнения (УС) органично входят в общую фразеологическую систему языка и «представляют собой особый разряд фразеологии, специфика которого проявляется как в структуре, так и в семантике этих единиц. Во фразеологической системе они выделяются большей прозрачностью внутренней формы, эксплицированной сравнительным союзом *как*» (Мокиенко В.М., 2016: 41). Устойчивые сравнения фиксируются в словарях фразеологизмов и в специальных словарях (Лебедева Л.А., 2003; Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2008; Огольцев В.М., 2001).

В текстовом пространстве В. Токаревой устойчивые сравнения являются одним из характерных компонентов идиостиля. Они играют важную роль в формировании художественной картины мира писателя, являются одним из важных приёмов познания мира, позволяют автору дать краткую и яркую характеристику герою, ситуации или предмету. Так, с помощью устойчивого сравнения *как сквозь землю провалиться (разг.)* автор передаёт одну из важных черт персонажа – его способность быстро и бесследно исчезать в нужный для него момент: *Мансуров куда-то исчез, как умел исчезать и появляться только он один. Стоял – и нет. Как сквозь землю провалился* («Лошади с крыльями»). Устойчивое сравнение *как в воду кануть*, которое истолковывается как «бесследно исчезнуть, пропасть, скрыться куда-либо» (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2008: 103), проявляет частотность употребления в текстах В. Токаревой, ср.: *Андрей не проявлялся. Как в воду канул* («Птица счастья»); *Юра не звонил, никак о себе не напоминал, как в воду канул* («Пять фигур на постаменте») и др.

Анализ языковой специфики художественной прозы В. Токаревой выявил активное использование стилистически сниженных – разговорных и просторечных сравнений. Большинство из них отмечено неодобрительной коннотацией. Так, УС *как уж на сковороде* дефинируется как «выкручивающийся, всячески изворачивающийся, пытающийся обмануть других» (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2008: 703-704): *Сколько можно врать и крутиться, как уж на сковороде* («Птица счастья»); *Это пусть интеллигенция крутится, как уж на сковороде* («Сальтомортале»). Отмечено стилистически сниженное устойчивое сравнение *врать как сивый мерин*, которое используется автором для характеристики бесстыдно лгущей героини: *Старуха уже, а врешь как сивый мерин* («Сто грамм для храбрости»).

С помощью устойчивых сравнений В. Токарева довольно часто фокусирует внимание читателя на отдельных ситуациях, аспектах увиденного или услышанного. Частотность в художественных текстах В. Токаревой проявляет устойчивое сравнение *крутиться (вертеться) как белка в колесе*, значение которого трактуется как «чьи-либо беспрестанные хлопоты по мелочам, большая суета без видимых полезных результатов; чья-либо крайняя занятость» (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2008: 42), ср.: *Весь следующий день губернатор крутился как белка в колесе («Птица счастья»); Катя крутилась как белка в колесе («Стрелец»)* и др.

Значительная часть устойчивых сравнений используется автором для характеристики того или иного персонажа, например: *Саша постоянно пропадал где-то, как мартовский кот («Своя правда»)*. Данное УС истолковывается как «неодобр. о крайне блудливом мужчине» (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2008: 298). С помощью устойчивого сравнения автор даёт оценку безответственному отношению к жизни героев произведений: *Молодая жизнь уходила, как дым, в трубу («Террор любовью»); Сын Киры Сергеевны ничего не зарабатывает, влачит жалкое существование, его жизнь уходит в трубу как дым («Одна из многих»)* – неодобр. «о бесполезно, напрасно растроченных кем-либо деньгах, промотанном имуществе, состоянии» (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2008: 187). Устойчивые сравнения используются автором для характеристики поведения людей, они являются своеобразными нравственными ориентирами: *Он был единственный сын у престарелых родителей, они ничего ему не запрещали и носились с ним как с писаной торбой («Рождественский рассказ»)* – ирон., прост. «о чьей-либо большой суете, чрезмерных и неоправданных хлопотах вокруг чего-либо, кого-либо малозначительного, не стоящего внимания» (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2008: 686).

Устойчивое сравнение *биться как муха о стекло* употребляется применительно к «людям, борющимся за свое существование» (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2008: 412). В. Токарева, используя данное устойчивое сравнение, демонстрирует бессмысленность борьбы героев за сохранение отношений: *Мы бились, как мухи о стекло, и даже слышали собственный стук, но ничего не могли придумать («Счастливый конец»)*.

Устойчивые сравнения в художественной прозе В. Токаревой могут включаться в синонимические ряды, которые придают тексту особую экспрессию и выразительность. Так, автор насыщает контекст шутливо-ироничными оборотами с общим значением «что-либо ненужное»: *Борис продолжал фамилию, но его голубая кровь по тем временам – как козе баян, попу гармонь, рыбке зонтик, собаке пятая нога, и так далее и тому подобное («Можно и нельзя»)*. При этом автор включает читателя в игру, подразумевая, что ему известны и другие выражения с данным значением (например, *как зайцу барабан, как телеге пятое колесо, как собаке палка* и др.).

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что в текстах В. Токаревой представлены как традиционные сравнительные обороты, так и их преобразованные варианты. В поисках оригинальных средств выражения своих интенций автор расширяет состав устойчивых сравнений за счёт разнообразных трансформаций. Под трансформацией понимается отклонение от общепринятой нормы в экспрессивно-стилистических целях. Эффект новизны и неожиданности усиливает воздействие на читателя.

Индивидуально-авторское употребление устойчивых оборотов повышает экспрессивность текста, позволяет решить лингвокреативные задачи. Трансформация фразеологизмов обусловлена авторскими интенциями (отправная точка фразеологизации), наличием креативных способностей у говорящего, а также особенностями фразеологизма как знака (Третьякова И.Ю., 2011: 13). Трансформированный фразеологизм призван «преодолеть традиционность, заданность формы, раздвинуть се-

мантические, коннотативные рамки, проявить подчеркнутую точность мысли и яркую выразительность образа» (Третьякова И.Ю., 2006: 472).

Наиболее ёмкая и развёрнутая классификация трансформаций фразеологизмов представлена в работе А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко «Фразеологизмы в русской речи» (Мелерович А.М., Мокиенко В.М., 2005). В ней представлены две группы преобразований: 1) семантические; 2) структурно-семантические.

К первому типу относятся изменения смыслового содержания фразеологизма. Отмечены примеры экспликации внутренней формы (образной основы) фразеологизма, т.е. моделирование в контексте ситуации или образа, явившегося базой фразеологизма. Зафиксирован интересный пример экспликации образной основы устойчивого сравнения *как кость в горле* (прост., неодобр.): *Маргарита Полуднева стояла как кость в горле. Ни проглотить, ни выплюнуть. Он вдруг понял, что задохнется, если не увидит её* («Ничего особенного»).

К структурно-семантическим преобразованиям относятся фразеологизмы, подвергшиеся компонентным или грамматическим преобразованиям наряду со смысловыми изменениями. Отмечен пример морфолого-синтаксического преобразования: *Он использовал её, выжал, как лимон, и выбросил* («Первая попытка»). *Как выжатый лимон – Неодобр.* «О крайне усталом, обессиленном, опустошённом физически и психически человеке» (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2008: 347). Как правило, в результате структурно-семантических преобразований устойчивых сравнений создаются необычные художественные образы: *В общем, ситуация колеса. Тамара – белка. А где выход? Колесо заделано крепко...* («Пять фигур на постаменте»).

Таким образом, устойчивые образные сравнения представляют собой сокровищницу кратких и ярких выражений, которые используются для создания оригинальных художественных образов. Включённые в текстовое пространство, устойчивые сравнения передают особенности авторского мировосприятия, позволяют нестандартно представить ту или иную ситуацию или объект окружающего мира. Индивидуально-авторские трансформации устойчивых сравнений свидетельствуют об особенностях мировидения автора, его лингвокреативном потенциале.

Литература

1. Лебедева, Л.А. Устойчивые сравнения русского языка. Краткий тематический словарь. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2003. – 300 с.
2. Мелерович, А.М., Мокиенко, В.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь. – М.: Астрель, 2005. – 853 с.
3. Мокиенко, В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.
4. Мокиенко, В.М. Устойчивые сравнения в системе фразеологии // Устойчивые сравнения в системе фразеологии: Коллективная монография / Отв. редактор В.М. Мокиенко. – СПб.: Грайфсвальд, 2016. – С. 37-49.
5. Огольцев, В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимический). – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 800 с.
6. Третьякова, И.Ю. Лингвистические факторы окказионального преобразования фразеологизмов // Слово в словаре и дискурсе: сб. науч. статей к 50-летию Харри Вальтера. – М.: Элпис, 2006. – С. 472-475.
7. Третьякова, И.Ю. Окказиональная фразеология (структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты): дис. ... докт. филол. наук. – Ярославль, 2011. – 379 с.

Summary. The article analyzes the stable comparisons recorded in V. Tokareva's prose. The variety of stable comparative phraseological units is noted. They are able to give a brief and vivid description of any character, situation or object. Much of the recorded examples are humorous.

Key words: comparative conjunctives, figurative comparison, literary text.

Раздел 8. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ И АРХАИЗМЫ: ИХ РОЛЬ В ДИСКУРСОПОРОЖДАЮЩЕЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ХРАНИТЕЛИ УТРАЧЕННОЙ КОННОТАЦИИ

О.А. Бурукина

Финляндия, г. Вааса, Университет Вааса
obur@mail.ru

Являясь бесценным носителем национально-культурной информации, отражающей национальную самобытность, менталитет, национальную культуру, традиции и обычаи, общественную практику и исторические события народа, фразеологический фонд языка в рамках современной междисциплинарной парадигмы исследуется на стыке целого ряда наук: лингвистики (а именно фразеологии и лексикологии), психолингвистики, культурологии и когнитологии, психологии и философии и др.

Как справедливо отмечают M. Bireş и Z. Kováčová, в идиоматическом богатстве национального языка отражается специфическое этнолингвистическое восприятие внешнего мира народом-носителем этого языка. При этом фразеологизмы являются конкретными и несомненными свидетелями традиционной жизни (Bireş M., Kováčová Z., 2019: 78), знаний, традиций и обычаев, возможно, уже утративших свое значение для современных носителей той или иной культуры. Фразеологические фонды всех европейских и многих других языков были тщательно исследованы за прошедшее столетие, однако, несмотря на многочисленные исследования и весьма значимый вклад в развитие теоретической и прикладной фразеологии, сделанный российскими (Н.Ф. Алефиренко, В.В. Виноградовым, В.М. Мокиенко, Георгиевой С.И., Хайруллиной Р.Х. и др.) и зарубежными (Н. Burger, E. Čermák, J.-P. Colson, E. Piirainen, J. Rojo, R. Roberts, H. Walter) учеными, и сегодня в теории фразеологии обнаруживается ряд пробелов, позволяющих этой науке развиваться, все более уверенно занимая устойчивые позиции среди других лингвистических и смежных дисциплин.

Еще больше «белых пятен» остается пока в научных дисциплинах, тесно связанных с лингвистикой и вносящих бесценный вклад в развитие фразеологии и лексикологии, – этнопсихолингвистике и когнитивной лингвистике, посвященных весьма актуальным и относительно недавно разрабатываемым аспектам функционирования человеческого языка в целом и национальных языков в частности. И восполнение этих пробелов возможно только на основе общих усилий специалистов разных научных дисциплин в рамках междисциплинарной научной парадигмы.

В связи с вышеизложенным нам представляется некорректным следующее утверждение ученого-психолога: *«роль языка в процессах познания в современной науке переоценивается»* (курсив наш. – О.Б.). Язык – средство коммуникации, но он вовсе не приспособлен для описания сложных объектов или для проникновения в их суть» (Алишев Б., 2014: 146). И далее: *«человеческий язык – всего лишь более сложная система коммуникации по сравнению с биологическими системами коммуникации»* (там же).

Как известно, именно «с помощью языка осуществляется познание мира, в языке объективируется самосознание личности. Язык является специфически социальным средством хранения и передачи информации, а также управления человеческим поведением» (ФЭС, 1983: 816).

Если, по мнению уважаемого коллеги, «язык не приспособлен для описания сложных объектов или для проникновения в их суть», значит ли это, (1) что сложные объекты принципиально непознаваемы или (2) что для их познания человек владеет

неким иным инструментом (или должен создать таковой), позволяющим проникнуть в суть сложных объектов? И какие именно объекты слишком сложны для применения человеческого языка в процессе их познания? Достаточно сложными объектами познания нам представляются культурные пространства, созданные разными народами и индивидами (то есть авторские культурные пространства). При этом бесспорно, что «язык – своего рода посредник» между различными культурными пространствами человечества, «и в то же время он сам является материалом» (Кормочи Е., 2010: 29) этих пространств.

Исследуя «культурные пространства человечества», значимой частью которых являются фразеологические фонды национальных языков, невозможно игнорировать коннотацию как основу прагматического потенциала ФЕ и тот факт, что «...в семантической структуре ФЕ преобладает, как правило, коннотация» (Алефиренко Н., Золотых Л., 2000: 167).

Как верно подметил В.М. Мокиенко, «...у фразеологизма номинативное растворено в экспрессивном, подчинено ему. Эти две стороны языкового знака во фразеологизме синкретичны, тогда как в лексике (особенно неэкспрессивной) – дифференцированы, разъединены» (Мокиенко В., 1989: 211).

Поэтому весьма спорным нам кажется утверждение, что «механизм возникновения коннотаций связан с усилением отдельных аспектов значения (часто за счет яркой внутренней формы слова, на базе которой возникают наиболее стабильные ассоциации)» (Маслова В., 2001: 56).

Исследуя фразеологизмы, мы пришли к выводу, что не коннотации возникают на основе существующего слова, а, напротив, слово вбирает в себя уже имеющиеся в индивидуальном и/или общественном сознании коннотативные элементы, в процессе чего развивается его коннотативное поле, а значение слова прирастает новыми компонентами, и некоторые из них, в частности коннотативное представление, дают основу для образования ФЕ.

Рассмотрим нашу концепцию на примере слова «репа», обозначающего овощную корнеплодную культуру, весьма распространенную на территории современной России на протяжении нескольких столетий вплоть до середины XIX в., когда ее вытеснил картофель, выгодно отличавшийся необычайно высокой продуктивностью.

В силу распространенности и значимости репы в диете наших предков слово, ее обозначающее, имело очень широкий узус, с высокой частотностью употребляясь не только в устной речи, но и в многочисленных фиксированных источниках – сначала устных (заговоры, сказки, потешки, загадки), а потом и письменных – как народных (Домострой «В погребце и на леднике всего беричи» XVI в., «Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: «Прибаутки», «Репка», «Гусли-самогуды», «Мужик и чёрт» 1855–1863), так и авторских (А.И. Дубровский «На ослепление страстями» 1755, М.В. Ломоносов «Лифляндская экономия» 1760, Козьма Прутков «Мысли и афоризмы» 1803–1863, И.А. Гончаров «Обломов» 1858, А.П. Чехов «Репка» (Перевод с детского) 1883, А.П. Чехов «Остров Сахалин» 1883, К.Д. Ушинский «Репка» (пересказ) 1864, Н.А. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо» 1865–1877, В.И. Даль «Репка» (переложение) 1870, Н.И. Позняков «Револьвер» (святочный рассказ) 1897, В.Г. Богораз «Колымские рассказы» 1898, Е.Н. Трубецкой «Три очерка о русской иконе» 1917).

На основе слова «репа» в устной речи возникли и закрепились многочисленные идиомы, метонимически описывающие голову и лицо, а также процессы, с ними связанные: «давать в репу» / «дать в репу» / «дать по репе», «настучать по репе», «получить по репе», «начистить репу», «накатить репу», «на свою репу», «заливать репу» / «залить репу», «плющить репу» / «сплющить репу», «морщить репу», «чесать репу» / «почесать репу».

Близки к ним по смыслу и механизму образования и идиомы «репа на голове вырастет», «хоть репу сади» / «хоть репу сей» (*пренебр.* о неопрятном, неряшливом

человеке), «рожа – хоть репу сей, хоть морковь сажай» (щедровитая), «рожа – хоть репу сей, хоть морковь сажай», «хоть репу сади / сей», а также «парить репу» (лгать, обманывать), «сеять репу» (тошнить), «тянуть репу» (медлить с ч.-л., затягивать выполнение к.-л. дела).

Идиоматическое богатство слова «репа» содержит также эвфемическое выражение «едрёна репа!» / «ядрёна репа!» (ср. «ядрёный корень!»), а также фразеологизмы «ни репа ни мясо» (ср. «ни рыба ни мясо») и «напуститься как чёрт на репу». Обратим внимание читателя, что во фразеологизме «ни репа ни мясо», обозначающем нечто посредственное или неопределенное, репа противопоставлена мясу, но не как носитель худших свойств, а как носитель иных, но значимых свойств, которым тоже неплохо было бы соответствовать. А фразеологизм «напуститься как чёрт на репу» подчеркивает значимость репы (по сути, ее святость) для православного христианина, поскольку репа, видимо, настолько противна нечистой силе своими благими качествами, что та «напускается» на нее, то есть «обрушивается с бранью и упреками».

В идиоматический фонд слова «репа» входят также пословицы и поговорки: «Горох да репа – завидное дело: кто ни идёт, урвёт», «Репа брюху не крепка» / «Горох да репа животу не крепка», «Без заботы и репу не вырастишь», «Репа не мясо, режь да ешь», «Служи здесь сто лет, выслужишь сто реп», «На спине не репу сеют», «Хороша (девка), как мытая репка!», загадки: «Что такое: с пареной репой проехали, по грошу аршин?» (*репа*), «Шибу (брошу) шибком, вырастет дубком, заолешничком» (*репа*), «В землю крошки, из земли лепешки» (*репа*), «Под дубком, под карандашком, ни клубком, ни камешком» (*репа*), «Сама клубочком, а хвост под себя» (*репа*), «Сверху зелено, посередке толсто, под конец тонко» (*репа*), «Кругла, да не девка: с хвостом, да не мышь?» (*репа*), и даже песни: «Хоть ты матушку-репку пой» (О сложной, безвыходной ситуации, о состоянии отчаяния). Хотя в словаре В.И. Даля стоит помета о непристойности этой песни (Даль В., 1989), мы полагаем, что непристойность вряд ли связана с названием овоща или его метафорическими значениями, поскольку смысл песни – «как ни проси – ничего не поможет». Здесь важно другое – в каком словосочетании употреблено слово «репка»: «матушка-репка», причем, несмотря на уменьшительную форму слова «репа» в сочетании со словом «матушка», тоже имеющем в своем морфологическом составе суффикс «к», словосочетание «матушка-репка» звучит не пренебрежительно, как можно было бы ожидать, а, напротив, уважительно – сродни «матушка-Волга».

Примечательно, что обращение «матушка-репка» использовалось еще и в заговорах на урожай: «Матушка-репка, / Уродись крепка, / Ни редка, ни густа, / До Великого Поста!», репа также упоминалась в заговорах на здоровье: «Мышка, мышка, на тебе репяной зуб, а мне дай железный!» должен был сказать ребенок, кидая молочный зуб за печку.

Но самыми известными и наиболее распространенными в современном узусе компонентами идиоматического фонда слова «репа» являются три фразеологизма: «проще пареной репы», «дешевле пареной репы» и «мягче пареной репы».

Несмотря на постепенную, продолжавшуюся на протяжении четырех столетий, но безвозвратную утрату репой как основной питания русских (и других европейских народов) своих позиций в общественной практике и, как следствие, в национальном менталитете, денотат слова, его обозначающего не изменился: слово «репа» как обозначало растение семейства крестоцветных, дающее богатые сахарами и микроэлементами корнеплоды, так и сегодня означает тот же овощ. Однако вследствие вытеснения референта, им обозначаемого из общественной практики, слово «репа» стало вытесняться из узуса: не каждый носитель русского языка употребляет его хотя бы раз в год.

«Уход» слова из узуса прежде всего сказанся на коннотативном поле слова «репа»: хорошо развитое, широкое коннотативное поле, включавшее в себя помимо

эмоций и ассоциаций коннотативные представления, арт-штампы, аллюзии и стереотипы, за последние полтора-два столетия деградировало настолько, что многие представители последних поколений носителей русского языка (Поколение X (рожд. в 1984–2003) и Поколение Y (рожд. в 2004–2023)) не только не понимают значения ФЕ «проще пареной репы», «мягче пареной репы» и «дешевле пареной репы», но оказываются неспособны восстановить значение ФЕ «мягче пареной репы» из других источников, кроме фразеологических словарей и Интернет-блогов. Проблема в том, что коннотативные представления о простоте приготовления, мягкости и дешевизне пареной исчезли из коллективного сознания нации и, как следствие, из коннотативного поля слова.

Оппоненты могут нам возразить, что эта «культурная коннотация» как сопутствующее значение, или созначение языковой единицы исчезла из денотата слова вследствие вытеснения последнего из повседневного речевого употребления, однако значение фразеологизма «настучать по репе», в котором слово «репа» легко раскрывается носителями русского языка – представителями указанных поколений легко раскрывается, как и значения простоты и дешевизны в упомянутых выше фразеологизмах.

Коннотативное представление отличается от основных ментальных представлений (репрезентаций) – *правила, концепта, образа и аналогии* (Тагард П., 1996), тем, что в основе коннотативного представления лежит осознаваемая эмоция, что не свойственно правилам, концептам и аналогиям, но при этом коннотативное представление не совпадает с образом (как отражением предмета и/или явления внешнего мира в сознании человека), хотя часто (но не всегда) является его компонентом.

Главное отличие ментального представления от коннотативного представления – его неустойчивость, поскольку представленный в конкретный момент времени образ удерживается в активном сознании в течение определенного (непродолжительного) времени (Первушина О., 1996), по истечении которого он постепенно исчезает. В то время как коннотативное представление, основанное на осознаваемой индивидом эмоции, не только сохраняется в индивидуальном сознании, становясь частью коннотативного поля слова в сознании индивида, оно зачастую фиксируется в общественном сознании в составе коннотативных полей устойчивых выражений – фразеологизмов и паремий.

Так, коннотативное представление о простоте приготовления пареной репы, ее мягкости и дешевизне при покупке на рынке (в силу избыточного предложения) складывалось в сознании наших предков – носителей русского языка на протяжении нескольких веков, во-первых, на основе повседневной социальной практики, а во-вторых, на основе комплекса четко выраженных и осознаваемых положительных эмоций, испытываемых к главному – вплоть до XIX в. – русскому овощу

Очевидно, что фразеологизм «мягче пареной репы», характеризующий мягкого, уступчивого человека, образовался на основе метонимического переноса, а фразеологизмы «проще пареной репы» и «дешевле пареной репы» образовались на основе сравнения и аналогии. Однако нельзя отрицать, что в состав коннотативных полей этих фразеологизмов также входит положительная эмоция и соответствующее коннотативное представление о простоте какого-либо действия (положительная эмоция) и дешевизне какого-либо предмета (также на основе положительной эмоции, без пренебрежительного или уничижительного оттенка).

Коннотативное поле слова «репа» в общественном сознании современных носителей остается узким по указанным выше причинам, однако в сознании образованных индивидов в его состав входят коннотативные представления, лежащие в основе рассмотренных выше фразеологизмов и паремий, а также отдельные арт-штампы и арт-клише, связывающие с коннотативным полем слова «репа» произведения художественной литературы – как минимум, русскую народную сказку «Репка».

Выводы. Очевидно, что значительное сужение узуса употребления слова «репа» (практически «выход слова на периферию узуса») отрицательно сказалось на его коннотативном поле, которое подверглось деградации в результате утраты наиболее значимых его компонентов – чувств, эмоций и ассоциаций, с ними связанных. Оставшиеся в нем компоненты – коннотативные представления, импликации, стереотипы, арт-штампы и арт-клише (Бурукина О., 2012: 127), обычно находящиеся на периферии коннотативного поля, все-таки сохраняются в устойчивых выражениях, закрепивших и сохранивших коннотативные представления для современных носителей языка (как минимум, в письменных источниках: народных сказках, авторских произведениях).

Именно благодаря коннотативным представлениям, некогда входившим в состав коннотативного поля слова «репа» и сохранившимся благодаря фразеологизмам, само слово может обрести новую жизнь, по крайней мере, в метафорах на основе переносного значения – «репа / голова», поддерживающих коннотативный потенциал слова «репа» в современном узусе.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф., Золотых, Л.Г. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия языковых единиц). – Астрахань, 2000. – С. 167.
2. Алефиренко, Н.Ф., Золотых, Л.Г. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия): Монография / Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2004. – 296 с.
3. Алишев, Б.С. Понятие представление в современной психологии // Ученые записки Казанского университета, Том 156, кн. 6 «Гуманитарные науки» 2014. – С. 141–154.
4. Бурукина, О.А. Коннотация – языковая компетенция – социальный интеллект // Вопросы когнитивной лингвистики, № 2, 2012. – С.125–130.
5. Даль, В. И. Пословицы русского народа. В 2-х тт. Том 2. – М.: Художественная литература, 1989. – 449 с.
6. Кормочи, Е.А. Язык как предмет философской рефлексии // Вестник Краунц, Серия «Гуманитарные Науки» № 2 (16) 2010 «Проблемы теории Познания». – С.12–29.
7. Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
8. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология: Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1989. – 287 с.
9. Первушина, О.Н. Общая психология: Методические указания. – Новосибирск: Научно-учебный центр психологии НГУ, 1996. – 87 с.
10. ФЭС – Философский энциклопедический словарь / Гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983.
11. Bireş, M. & Kováčová, Z. Expressing Emotions in Slovak and Romanian Proverbs and Idioms. In: A Reflection of Man and Culture in Language and Literature. Series: Studies in Linguistics, Anglophone Literatures and Cultures. Ed. by Mária Matiová and Martin Navrátil. Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Warszawa, Wien, 2019. 312 pp.
12. Thagard, P. Mind. Introduction to Cognitive Science. – Cambridge, Mass.: MIT, 1996.

Summary. Researching the idiomatic heritage of the word “turnip”, the author highlights the issue of the significance of connotative representations as components of the connotative fields of phraseological units that serve as a kind of ‘guardians’ of certain significant emotionally loaded information reflecting the people’s nationally specific attitude to the objects and phenomena whose names got fixed in phraseologisms and that function as the basis for their high pragmatic potential.

Key words: turnip idioms, national mentality, connotation, connotative field, connotative representation.

ХАРАКТЕР ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ

С.И. Георгиева

Болгария, г. Пловдив,
Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского
Stefka3@abv.bg

Каждая эпоха обогащает язык новыми словами и выражениями, которые связаны с измененной реальностью. И русский, и болгарский фразеологические фонды в конце XX – начале XXI в. обогатились множеством новых единиц. Такое «нашествие» сверхсловных неологизмов, чутко реагирующих на все изменения в жизни общества, связано с рядом причин. С одной стороны, на фоне геополитических «переделов» произошли кардинальные изменения в общественно-политической и социально-экономической жизни носителей русского и болгарского языков. Они повлекли за собой ослабление контактов между Болгарией и Россией, разделённых не только границами, новой идеологической ориентацией, но и новыми блоками. При этом укрепились связи болгар с государствами, входящими в Евросоюз, а у России – со странами Юго-Восточной Азии. С другой стороны, как и всё современное человечество, болгары и русские, переживают цивилизационные перемены, вызванные, по словам известного польского фразеолога, «цифровым поворотом» (Chlebda W., 2017). «Цифровой поворот» сопровождается образованием глобальной информационной сети и глобального коммуникативного пространства. Интернет-коммуникация способствует налаживанию как культурных, так и научных связей между людьми, живущими в разных странах, что создаёт условия для появления неологизмов-заимствований в контактирующих языках. Для болгар и для русских в создавшихся условиях, как показывают наблюдения, языком-донором чаще всего оказывается английский язык. Однако у языков родственных этносов, каковыми являются русские и болгары, общность происхождения, православное вероисповедание, а также близость культур и исторического прошлого в новой всемирной коммуникации одновременно создают и благоприятные условия для сохранения и развития национальных особенностей. Оба эти процесса нашли яркое отражение в русских и болгарских фразеологических неологизмах конца XX – начала XXI столетия, которые адаптируются к системе и одновременно ее характеризуют, они передают подлинный «вкус нашей эпохи».

Всемирная коммуникация между людьми не знает государственных границ. Она способствует налаживанию как культурных, так и научных связей, в том числе между русскими и болгарами.

Пласты русских и болгарских фразеологических неологизмов неоднородны. Во-первых, это заимствования из английского языка, функционирующие либо в форме языка-донора, либо в форме калек и полукалек в обоих языках. Их значения могут совпадать (ср. р. *кровавая баня* и б. *кървава баня*, р. *чёрный список* и б. *черен списък*), но могут и отличаться (напр., р. *белое братство* ‘новое космическое объединение’ и б. *бяло братство* ‘сторонники учения П. Дынова’; р. *чёрная дыра* ‘астрономическое явление’ и б. *черна дупка* (в главата) ‘депрессия’). Во-вторых, это неологизмы, рождённые на национальной почве. Некоторые из национальных по происхождению сверхсловных неологизмов используются только в одном из сравниваемых языков (ср., напр., б. *дървена ваканция* ‘непредусмотренные каникулы из-за холодной погоды и невозможности топить’; *отмята се като фурнаджийска лопата* ‘действовать беспринципно’; *държа някого на нокти* ‘держат кого-либо в напряжении’ и р. *одесская Хатънь*

‘массовое сожжение людей 2 мая 2014 года в Доме Профсоюзов Одессы сторонниками киевского майдана’; *страница 404* ‘осуждающее наименование Украины, взявшей после оранжевой революции курс на гражданскую войну’; *крымская весна* ‘символ мирной, бескровной победы взбунтовавшегося народа Крыма, добившегося через референдум присоединения к России’). Другие фразеологические неологизмы соотносимы по семантике и употребляются параллельно в обоих языках (ср., напр., р. *вторые руки* и б. *втора ръка* (дрехи, коли и т.п.); *второй сорт* и *второ качество*; *пивной животик* и *бирено коремче*; *звездная пара* и *звездна двойка*). В одних случаях на носителей русского и болгарского языков действует эффект «ложного друга переводчика», а в других взаимному пониманию мешает недостаточная осведомлённость коммуникантов либо в тонкостях специфических культурных традиций адресанта или адресата, либо отсутствие знаний об обстоятельствах появления заимствованной сверхсловной единицы в языке-доноре. И только нормативный двуязычный толковый словарь может стать надёжным справочным пособием для носителей болгарского и русского языков в подобных ситуациях (Георгиева С., Шулежкова С.Г., 2018).

Иллюстративный материал позволяет выделить три основных специфических характеристик фразеологических инноваций конца XX – начала XXI вв.

1. Со временем меняется структура ФЕ. В исторических памятниках зафиксировано преобладающее число устойчивых словосочетаний (Фразеологический словарь старославянского языка, 2010). Устойчивые выражения с усложненной структурой появились позже, а паремии – образования более позднего этапа. Они имеют не только сложную структуру, но и красивую форму, в метких выражениях закодирован ход мысли носителей конкретного языка, их взгляд на мир (р. *любишь кататься, люби и саночки возить*; *долг платежом красен*; б. *едно баба знае, едно си бае*; *преклонената главичка остра сабя не сече*). Современные исследования иллюстрируют огромное число новых устойчивых образований (Жуков А.В., Жукова М.Е., 2009; Мокиенко В.М., 2003), но паремий нет, однако есть меткие суждения с усложненной структурой, например, р. *Думали как лучше, а получилось как всегда* (Черномырдин); б. *За кокошка няма прошка, за милиони – няма закони* и др. Интересен также и факт, что в русском языке много новых крылатых слов из мультфильмов: *Не смешите мои подковы*; *Вдруг завтра бой, а я уставший*; *Вкусновато, но маловато*; *Жену не за покорность любят* и др. (Шулежкова С.Г., 2018). В болгарском фразеологическом фонде новых крылатых слов не встречается.

2. Изменился донор заимствований. До конца XX в. обнаруживается весьма большое сходство фразеологических систем русского и болгарского языков, что исследователи объясняют прежде всего генетическим родством обоих языков, историей их развития, активными языковыми контактами. Контакты с русским языком были наиболее продуктивными из всех соприкосновений с другими языками и многие русские фразеологизмы вошли в обиход в болгарский язык, особенно в эпоху Возрождения и последующий период, когда контакты между Болгарией и СССР были особенно интенсивными во многих сферах жизни, например, р. *обращать внимание* – б. *обръщам внимание*; р. *принимать участие* – б. *вземам участие*; р. *иметь значение* – б. *имам значение*; р. *в этом отношении* – б. *в това отношение* и т.п. (Георгиева С., 2011: 12-13). Основной донор фразеологических заимствований как русского, так и болгарского – это английский язык, по этой причине многие инновативные сверхсловные единицы в обоих языках совпадают, например, р. *порог обеспечения* – б. *осигурителен праг*;

р. не ставить телегу /сани перед лошадью – б. не слагам каруцата пред коня; р. три в одном – б. три в едно и др.

3. Активно стали использоваться в СМИ, в рекламных текстах фразеологизмы в измененной форме, в актуализированном виде. Например, р. *Без меня меня лечили; Евро баксу не товарищ; Не имей сто рублей, а имей сто зеленых; Не хочу мобильный, а хочу рабочий* и др. и б. *От две политически партии, та на земята; Храни внуче да те лае* и др.

Ю.М. Лотман отмечал, что дошедшие до наших дней ФЕ не могут рассматриваться как «пассивные хранилища константной информации, поскольку являются не складами, а генераторами» (Лотман Ю.Л., 1992: 201-206) Эту мысль подтверждают те процессы, которые дают фразеологизмам «вторую жизнь». Так, они активно используются в СМИ, а также в рекламных текстах, исполняя роль опознавательных символов, содержащих легко узнаваемые образы и понятия.

Литература

1. Георгиева, С., Величкова, С. Фразеологичните неологизми в българския език и техните съответствия в други славянски езици: Славянска филология. Том 24. Доклади и статии за XIV международен конгрес на славистите.– София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2008. – С. 286 -299.
2. Георгиева, С. Русская фразеология в зеркале болгарского языка. – София: HERON PRESS, 2011. – С. 151.
3. Георгиева С., Шулежкова, С.Г. Новая фразеология в новой Европе: Двенадцатый международный симпозиум «Русистика в современном мире». – В. Тырново, 2018 (в печати)
4. Жуков, А.В., Жукова, М.Е. Современный фразеологический словарь русского языка: ок. 1600 фразеологических единиц. – М.: АСТ: Астрель, 2009. – С. 443.
5. Лотман, Ю.Л. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн: Александра, 1992. – 479 с.
6. Мокиенко В.М. Новая русская фразеология. – Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 2003. – С. 168.
7. Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 единиц /Научно-исследовательская словарная лаборатория МаГУ; отв. ред. С.Г. Шулежкова, члены редколлегии: М.А. Коротенко, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 415 с.
8. Шулежкова, С.Г. Не смешите мои подковы: Словарь крылатых выражений из мультфильмов. – Магнитогорск: Магнитогорский гос. технический университет им. Г.И. Носова, 2018. – 179 с.
9. Chlebda, W. Słownikowy opis zwrotu cyfrowego. Podelście Pierwsze. Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski / pod redakcją Wojciecha Chlebdy. Zeszyt 9. – Opole: Uniwersytet Opolski, 2017. – S. 9-30.

Summary. The paper is based on the materials of the Russian and the Bulgarian languages. New phrasemes, which have appeared in the cognate Slav languages in the end of 20th and the beginning of 21st century, are treated. They have been adapted to the language system but at the same time characterize it; they give the real «taste of our age».

There are two groups of phrasemes: 1) taken from another language, and 2) created on a national basis. As observations show, under the present circumstances, for Bulgarians and Russians the donor-language is English. However, with the new world communications, in cognate ethnicities like Bulgarian and Russian, with common origin, Orthodox religion and proximity of cultures and historical past, favourable conditions to preserve and develop the national features exist at the same time. Both processes have been clearly reflected in the Russian and the Bulgarian phraseological neologisms in the end of 20th and 21st centuries.

Key words: phraseological innovation, phraseological neologisms, donor language, phraseological foundation, communication.

ДЕПАРЕМИЗАЦИЯ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Н.М. Голева

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
goleva@bsu.edu.ru

Паремии с давних времён сопровождают речь человека, являются крупницами народной наблюдательности, яркими, меткими выражениями; в них отражён опыт народа, мудрость, житейский назидательный характер. Это глубокие, ёмкие сентенции, которые передаются из поколения в поколение.

Звеньями паремиологического пространства являются пословицы и поговорки.

Устоявшееся – классическое – значение пословиц и поговорок в настоящее время зачастую является неполным, поэтому претерпевает изменения, так как развивается жизнь народа, происходят новые события, появляются неологизмы, меняются этические доминанты, менталитет. Именно поэтому сужается смысловая ёмкость исходных паремий. Русский народ целомудрен, замечает лакуны в семантическом пространстве паремий в соответствии с требованиями времени. Начинается своеобразная языковая игра, в ходе которой путём различных трансформаций приращиваются новые современные смыслы.

Итак, основными причинами замещения элементов/звеньев паремий являются: – народная этимология; – мощный процесс аналогии на уровне семантики и структуры; – тенденция к буквальному прочтению выражения; – языковая игра; – процессы глобализации, – влияние иноязычной среды на культуру нашего народа.

Трансформация некоторых паремиологических выражений приводит к целому ряду модификаций. Например, пословица *Чем дальше в лес, тем больше дров* (значение: углубляясь в какое-то дело, встречаешь трудности, препятствия) имеет в разговорной речи следующие варианты: *Чем больше дров, тем меньше лес* (совмещаются и прямое, и переносное значение: больше стараешься, выкладываешься – меньше сил остаётся, меньше вариантов решения того или иного дела). *Чем дальше в лес, тем ближе рубашка к телу* (просвечивается смысл: чем труднее, тем больше дорожишь близкими людьми, своей жизнью). Данная неопаремия появляется в результате контаминации пословицы и фразеологизма. *Чем дальше влез, тем ближе вылез* (языковая игра). По аналогии со структурой искомой паремии носители языка образуют структурно идентичную, но семантически отличную конструкцию, стилистически окрашенную, имеющую ироничный смысл: *Чем больше в армии дубов, тем крепче наша оборона*.

Депаремизация проявляется радикально в следующих пословицах и поговорках: *Любишь кататься – катайся подальше. Любишь кататься – люби и зарабатывай. Любишь кататься – катайся к чертовой бабушке. Чтоб хорошо кататься, надо хорошо зарабатывать. Любишь кататься – заработай на иномарку. Чтобы хорошо кататься, надо хорошо проявляться. Не зная броду, пропусти товарища в воду*. Изменение второй части бинарного выражения приводит к изменению значения.

Другие случаи менее существенны – заменяется один компонент, при этом значение паремии приобретает противоположный смысл. Так, в поговорке *На вкус и цвет товарищей нет* последнее слово (моном) меняется на антоним, в результате чего появляется новое выражение, представляющее собой с точки зрения реальности более верный вариант *На вкус и цвет товарищи есть*. Изменённый компонент является комплементарной противоположностью искомого компонен-

та. На наш взгляд, в полученном выражении разрушается художественная доминанта, стирается вторичный план паремии. В разговорной речи встречается и другой вариант этой поговорки, совмещающий прямое значение с переносным: *На вкус и цвет все фломастеры разные*.

Появление неопаремий является результатом контаминации известных визуальных единиц, семантика которых актуализируется, развиваются новые смыслы, иногда теряется значение всего выражения.

Отметим случаи контаминации, когда актуализируются известные смыслы в полученном выражении. Так, две пословицы *Не зная броду, не лезь в воду* и *Не плюй в колодец, пригодится водицы напиться* сливаются в одну путём соединения разных частей пословиц: *Не лезь в воду – пригодится водицы напиться*. Семантика неологизма близка ко второй паремии.

Новые смыслы просвечиваются в контаминированной конструкции *Баба с возу, а воз и ныне там* (значение: о деле трудном, несмотря на то, что часть работы выполнена).

Разрушается значение новой «сентенции» *Лиса семерых волков на мякине проведёт*, образованной из двух пословиц: *Лиса семерых волков проведёт* и *Старого воробья на мякине не проведёшь*.

Широко представлены в разговорной речи семантически мотивированные паремии. Часто они являются конструкциями с продолжением: *Остатки не всегда сладки: бывает и прокисший борщ. Коней на переправе не меняют, но иногда теряют. Наглость – второе счастье, а какое первое – не говорят. Важно не только родиться, важно людям пригодиться. Иногда семь раз отмерь и ни разу не отрежь*. Интересна мотивация фразеологизированной поговорки *На воре и шапка горит*. Обращаясь к лысому оппоненту, собеседник говорит: «*Шапка на воре горит. А у тебя с шапкой и волосы сгорели. Значит, это ты украл. И шапка, и волосы на это указывают*». Автор речи подводит собеседника к буквальному пониманию иносказательного выражения.

Своеобразная реконструкция языковой картины мира, когда в сознании носителя языка появляется новая система образов, приводит к появлению следующих паремий: *Хочешь жить – умей делиться. Меньше знаешь – дольше живёшь. Работа не волк – гулянка не пьянка. На ошибках учатся, но сначала мучаются. С веганом (вегетарианцем) поведёшься – овощей наберёшься*.

Структурная и семантическая замкнутость паремий относительна в разговорной речи. Случаи паремических новообразований вызывают неоднозначное толкование, иногда их трактуют как «паремиологическое сопротивление», антипословицы (Вальтер Х., Мокиенко В.М.), квазипословицы (Э.М. Береговская). Всё же это неизбежный процесс в развитии языка.

Литература

1. Вальтер, Х., Мокиенко, В. М. Антипословицы русского народа. – СПб.: Издательский дом «Нева», 2005. – 576 с.
2. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. – М., ГИХЛ, 1957. – 992 с.
3. Школьный словарь живых русских пословиц: для уч-ся 5-11 кл. и ср. спец. уч. заведений / В.М. Мокиенко. – СПб.: Нева; М.: Олма-Пресс, 2002. – 352 с.

Summary. The article deals with cases of deparemitization (transformation of paremias) in colloquial speech of contemporaries. Such paremic metamorphoses appear as a result of the expansion of the semantic field of proverbs and sayings, the reason for which are their actualization, emotional and expressive background, updating of the image in connection with modern changes in life, so let's call it "adjustment" to the era.

Key words: proverb desintegration, colloquial speech, proverb contamination, paremiological innovation.

ТРАДИЦИОНАЛИСТСКАЯ СПЕЦИФИКА УСТОЙЧИВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ СОЧЕТАНИЙ В «ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ» МИТРОПОЛИТА МАКАРИЯ (БУЛГАКОВА)

А.И. Жиленков, И.И. Жиленкова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
zhilenkov@bsu.edu.ru, zhilenkova@bsu.edu.ru

Предметом рассмотрения в данной статье является специфика употребления устойчивых сочетаний церковно-религиозного характера в исторических сочинениях святителя Макария (Булгакова), митрополита Московского и Коломенского. В настоящее время появился большой интерес к изучению историографической деятельности иерарха, а именно «... лингвистическому исследованию трудов митрополита Макария...» (Харченко В.К., 2017: 11). Примечательно, что наибольшую известность как просветитель Макарий получил после издания своего обширного труда «История Русской церкви», двенадцать томов которой были изданы в 1883 году.

Важной методологической установкой при изучении лингвистических особенностей духовного наследия митрополита Макария является положение о связи языка и культуры, закрепленной во фразеологическом составе языка: «лингвокультурологическое исследование фразем должно быть сосредоточено на осмыслении их национальной специфики, реализующейся в особенностях взаимодействия данного языка и данной культуры» (Алефиренко Н.Ф., 2008: 171).

Филологическая проблема изучения устойчивых сочетаний церковно-религиозного характера, используемых в «Истории» Макария, может быть решена с учетом ряда факторов, главными из которых являются, во-первых, историографическая концепция митрополита-историка и, во-вторых, традиционалистский характер его сочинений.

Как ученого-историка Макария следует отнести к богословско-догматическому направлению русской церковно-исторической науки. Для данного направления свойственно провиденциалистское видение истории Православия на Руси. Присутствие Божественного начала в истории церкви – христианский провиденциализм – важнейшее основание церковно-исторической науки.

Своеобразие использования устойчивых сочетаний в «Истории Русской церкви» определяется традиционалистским характером языкового сознания митрополита Макария. Традиционализм обусловлен идеологией историка-архиерея, его богословско-догматической историографической концепцией.

В тексте «Истории Русской церкви» традиционализм проявляется в этикетном использовании устойчивых сочетаний религиозного характера. Понятие этикетности, введенное академиком Д.С. Лихачевым, предполагает изложение повествования по этикетным требованиям средневековой эпохи. Этикетность, по Лихачеву, «наиболее типичная средневековая условно-нормативная связь содержания с формой» (Лихачев Д.С., 1977: 81); «определенные выражения и определенный стиль подбираются к соответствующим ситуациям, но... самые эти ситуации создаются писателем именно такими, какие необходимы по этикетным требованиям...» (Лихачев Д.С., 1977: 84). Таким образом, этикет словесный детерминирован этикетом поведения, который, в свою очередь, обусловлен этикетом миропорядка. «Все вместе сливается в единую нормативную систему..., поскольку она определяется предметом изображения» (Лихачев Д.С., 1977: 90).

В данной статье предлагается тематическая классификация устойчивых религиозных выражений, в которой учитывается только предметно-содержательная сто-

рона данных сочетаний. В первую очередь необходимо обратить внимание на те из них, которые непосредственно отражают провиденциалистские взгляды автора историографического сочинения. Распространение христианства происходит, согласно каноническим представлениям, которых придерживается Макарий, при участии самого Бога – «*по воле Божьей*», «*по воле Промысла*».

Саму историю церкви Макарий как представитель богословско-догматического направления церковной науки осмысливает как «*познание Промысла Божьего*». «На долю митрополита Макария выпала великая миссия... продолжить линию осмысления бытия Русской Церкви и русского народа как плода Промыслительного действия Духа Святого... Митрополит Макарий пояснил действие Промысла Божия... на протяжении почти целого тысячелетия, приведшего через ряд последовательно совершавшихся событий к подвигу Крещения Руси» (Беляев С.А., 1994: 35-36).

Совершенно органично историографической концепции митрополита Макария дается в тексте научного труда ряд фразеологизмов как определений православной религии – «*святая вера*», «*Священное Писание*».

При описании первых веков распространения христианства на Руси и на территориях ей сопредельных используются устойчивые выражения, характеризующие разные страны, принявшие веру Христа – «*многострадальная Армения*», «*древняя Армения*», «*святая Русь*».

В условиях борьбы за утверждение христианской религии необходимой оказалась ее защита – «*защитить святую веру*» – и даже жертвование ради Христа жизнью – «*вкушать смерть за святую веру*», «*вкусить смерть мученическую за свою проповедь*», «*запечатлеть исповедание свое мученическую смертью*».

Источником устойчивых выражений является также и поэтика художественных средств и образов сочинений Макария. При образном осмыслении процесса распространения религии возникает устойчивое сочетание – «*непрерывной борьбы Света и Мрака*», «*вооружения мечом Слова Божия*», «*переход от тьмы идолопоклонства к свету Христову*», «*начался золотой век просвещения*».

Отдельная группа исследуемых сочетаний посвящена характеристике апологетов учения Христа. Так, например, в соответствии с критерием отношения апологетов к церкви выделяются следующие сочетания – «*истинные чада Церкви*», «*будучи чадами одной и той же матери – Православной Церкви*».

В соответствии с критерием близости веры апологетов к персоналогическому идеалу – «*святые учителя церкви*», «*достойные пастыри*», «*святой Димитрий Ростовский*», «*добрые пастыри трудились для блага своего духовного стада*», «*равноапостольный Константин*», «*преподобный Нестор*», «*равноапостольный князь Владимир*».

Особо обращают на себя внимание устойчивые выражения обозначения духовного подвига святых Кирилла и Мефодия «*как первых виновника славянской азбуки и славянского перевода священных книг*» – «*славянские апостолы*», «*святые солунские братья*», «*славянские первоучители*», «*сочинения святых учителей Церкви*», «*благовестники Христовы*».

На ниве распространения и утверждения христианской веры на Руси выделяется фигура княгини Ольги как «*истинной ученицы Христа*» и «*единоревнительницы апостолам – равноапостольной княгини Ольги*».

Велик удельный вес устойчивых выражений, источником которых является Священное писание, – библеизмы: «*сеять первые семена христианства*», «*погибли в водах потопных*», «*воздать каждому по делам*», «*праведникам определить Царство Небесное, а грешникам и не крестившимся во имя Его – огонь вечный*», «*план Божественного Домостроительства*».

Определенная группа устойчивых сочетаний призвана разносторонне выразить отношение к вере истинной (православной), еретической (латинской) и языче-

ской. Православие – это «душеспасительное учение», которое рождает «единодушное согласие», которое требуется «охранять в чистоте», проявлять «ревность по вере», ибо это «древнее христианское просвещение», основанное на «евангелической проповеди» о «слове спасения» и «христианской любви». Вера «принимается», «испытывается», «колеблется», «насаждается», утверждается в изнемогающей борьбе с еретическими учениями. Вера «принимается по любви», «принимается по страху», «проникается ревностию», «внимается себе и всему стаду», «посещается своею проповедию» для «привлечения ко Христу».

Процесс распространения религиозной веры описывается устойчивыми сочетаниями, сопоставляемыми с праздничным шествием, – «торжественное зрелище», «величественное зрелище», «множество народа», «главные виновники торжества», «всеобщее благоговейное чествование», «величайшее таинство», «все грады украшаются святыми церквами», «горожане (киевляне) с радостью текут к месту крещения», подобно «шумящим волнам», и «зрелище является перед взорами». Утверждение веры представлено как величественный акт вселенской борьбы – «всю землю Русскую исторг из уст дьявола и привел к Богу», чтобы «славить имя святой Троицы».

Большая группа устойчивых выражений демонстрирует отношение митрополита Макария к языческим верованиям. Он говорит о «заблуждении и суетности идолопоклонства», о необходимости «искоренять язычество», просвещать «закоренелых язычников», «супротивного врага», «с апостольскою ревностию» «спасительной верой». Рассказывает о «ниспровержении идолов» – «мнимого громовержца Перуна», «каменного идола Велеса» – «памятников язычества». Эти «поруганные боги» «подвергаются всеобщему бесчестию», чтобы «насадить в России свое исповедание».

Просвещение Руси православным учением, как повествует Макарий, проходит посредством распространения «благочестивых книг», «книжной мудрости», «памятниками духовного учения», «перлами духовной литературы» для «вразумления и обращения к истинной вере».

Таким образом, этикетность использования устойчивых сочетаний религиозного характера в сочинениях митрополита Макария обусловлена традиционалистской богословско-догматической концепцией историка-архиерея.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография. – М.: ООО Изд-во «Элпис», 2008. – 271 с.
2. Беляев, С.А. История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира и современная историческая наука. Вступительная статья // Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Книга первая. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. – С. 33-80.
3. Лихачев, Д.С. Историческая поэтика русской литературы. – СПб: Изд-во «Алетейя», 1997. – 508 с.
4. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Книга первая. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. – 408 с.
5. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Книга вторая. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. – 704 с.
6. Харченко, В.К. Митрополит Макарий (Булгаков): пластика языка и стиля: монография. – Белгород: Константа, 2017. – 152 с.

Summary. The article discusses the stable combinations of a religious nature used in the “History of the Russian Church” by Metropolitan Macarius (Bulgakov). Phraseology of Macarius is a phenomenon of traditionalist language consciousness. The historian-hierarch uses the arsenal of medieval language means in his work, which is organically connected with the theological-

dogmatic concept of the history of the Russian Church. Stable religious combinations obey the law of etiquette of narration.

Key words: set religious combinations, cultural linguistics, linguistic consciousness, theological-dogmatic concept, historiography.

КРАСОТА СПАСЁТ МИР? (К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ КРЫЛАТОГО ВЫРАЖЕНИЯ)

П.С. Завтрикова

Беларусь, г. Гомель, Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины
tumanika1@gmail.com

Современное сетевое коммуникативное пространство пестрит лингвистическим юмором. Некоторые шутки способны вызвать интерес у исследователя и вдохновить его на новые научные изыскания. Позволим себе привести подобную «судьбоносную» для нашей статьи анекдотическую речевую ситуацию:

Утром в зеркале:

– Ну что, красота, мир спасём или прохожих напугаем?

Вероятно, если бы рядом с героиней этого шуточного мини-рассказа оказался Фёдор Михайлович Достоевский, ему бы ничего не осталось, как вернуться в кабинет и расширить свою общеизвестную мысль, сделав её несколько более определённой.

К сожалению или к счастью, этого не произошло, и уже полтора века носители русской культуры, обычно сами того не подозревая, цитируют формулировку жизненного кредо князя Мышкина, редко сохраняя при этом её суть. Первоначальное авторство популярной фразы о красоте не вызывает сомнений; так, в «Большом словаре крылатых слов и выражений русского языка» читаем: «*Красота спасёт мир. Книжн. Выражение, которое восходит к роману Ф.М. Достоевского «Идиот» (1868)*» (Шулежкова С.Г., 2008: 534).

Обращение к первоисточнику помогает понять, что речь в эпизоде шла не о внешней красоте. Ф.М. Достоевский, будучи представителем христианского мироощущения, наделяет своего героя верой в спасительную силу красоты идеала религиозной нравственности: «*Правда, князь, что вы раз говорили, что мир спасет «красота»? – Господа, – закричал он громко всем, – князь утверждает, что мир спасет красота! <...> Какая красота спасет мир! Мне это Коля пересказал... Вы ревностный христианин? Коля говорит, вы сами себя называете христианином*» (Достоевский Ф.М., 1868). Ссылка на религиозные убеждения героя позволяет подобным образом понимать здесь красоту.

Эту трактовку (красота во Христе) подтверждают и исследования рукописей автора: «*Разрабатывая образ своего главного героя, Достоевский – как видно из его писем и черновых записей – стремился воплотить в нем некоторые из черт того идеала гармонической человеческой личности, высшим выражением которого ему представлялась личность Христа*» (Фридлендер Г.М., 1964: 244). Как, впрочем, и сами рукописи: «*Дух Святой есть непосредственное понимание красоты, пророческое сознавание гармонии, а стало быть, неуклонное стремление к ней*» (Достоевский Ф.М., 1974: 154).

Так или иначе, с публикацией романа «Идиот» выражение *Красота спасёт мир* получает широкое распространение. Это подтверждают данные Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), где из 397 контекстов о спасении мира 97 посвящены красоте и в более чем трети из них упоминается авторство Ф.М. Достоевского.

Возникает вопрос о том, что или кто ещё (в ассоциативной связи с выражением русского классика) определяется спасителем мира носителями рус-

ской культуры. Наиболее часто на героическое место красоты становятся Иисус Христос (в 49 контекстах), Россия или русский народ (в 15 контекстах), а также абстрактные понятия, например, любовь (в девяти контекстах) и доброта (в шести). Встречается множество любопытных единичных употреблений: *Мне казалось, белые колготки способны спасти мир, не только вечер пятницы* (Слава Сэ. Другие опусы, 2010); *Вот если бы несколько раньше изобрели телевизор, можно было, практически не выходя из дома, смотреть по телевизору все войны, какие были, – горы трупов, развалины прекрасных городов, – и извлекать уроки. Может, телевизор спасет мир? Что-то же должно спасти* (М. Панин. Камикадзе // «Звезда», 2002); *Я на эту тему даже писала статьи под заголовками «Девственность – это свобода» и «Девственность спасет мир»* (Е. Лавинская. Бедная Лиза – 2 // «Столица», 1997).

На наш взгляд, большая часть контекстов с трансформацией субъекта действия восходит именно к крылатому выражению. Судя по всему, не попадут в число его «родственников» только формулировки N + спасёт (спасут, спасают, спасли, спасший и др.) + мир + от чего-либо (фиксируется 32 случая подобного употребления): *Мой же сын спасет этот мир от идиотизма и бессмысленности* (Е. Радов. Змеесос, 2003); *Только за границей я понял совершенно ясно, как велика заслуга русской революции, спасшей мир от безнадежного мещанства...* (Ю. Друнина. Встреча через четверть века, 1967); *Кажется, ясно, что «наука» без религии, полунука, не только не спасла мир от катастрофы, но, может быть, и была ее главной причиной* (Д. Мережковский. Не святая Русь (Религия Горького), 1916) и др.

Работа с фактическим материалом побудила задуматься: почему идея спасения мира оказывается такой востребованной и где берёт своё начало?

Уместным здесь кажется замечание о том, что НКРЯ содержит семь хронологически более ранних (чем роман «Идиот») текстов, в которых фигурирует интересующее нас словосочетание, причём пять из семи иллюстраций связаны с темой христианства. Этой же теме посвящены ещё 64 контекста из общего числа анализируемых. Самая распространённая ситуация – цитирование Евангелия от Иоанна, где сказано: *«Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него»* (Ин. 3: 17).

Нет оснований утверждать, что предпосылкой выражения мысли русским классиком стал библейский текст (хотя это не исключено!), однако само наличие в его составе формулировки о спасении мира как минимум интересно. Можно говорить о том, что книги Библии представляют собой первый образец массовой литературы. Человек впервые получил такую убедительную теорию «спасённого мира». Насколько велика заслуга одного этого догмата в распространении, массовом принятии христианства? Как долго до появления этого вероучения человек искал нечто подобное?

Необходимость ответить на поставленные вопросы подталкивает к предположению, что идея спасения мира сопровождает человечество чуть ли не с момента его появления и не теряет актуальности до сих пор.

И ведь действительно. Насколько нам известно, основным занятием первобытного человека было выживание: спасение себя от голода, холода или жары, хищников или иноплеменников и так далее. Современный человек, пускай в другой форме, но тоже вынужден задумываться об этом и искать более рациональные, чем камень и гарпун, средства воздействия на окружающую действительность.

Стоит вспомнить Абрахама Маслоу и его знаменитую пирамиду потребностей (Маслоу А., 1954), в которой потребность в безопасности находится на второй ступени. Идеи спасения и выживания, таким образом, оказываются очень глубинными, инстинктивными, в каком-то роде даже архетипическими. Как известно, архетипы представляют собой *«врожденные диспозиции, обуславливающие появление у конкретного индивида определенных мыслей, представлений, отношений, действий,*

снов <...> сохраняясь в форме коллективного бессознательного, присущего каждому индивиду, являются результатом многовекового опыта наших предков» (Большая психологическая энциклопедия).

Инстинкт самосохранения со временем «социализируется»: человечество начинает воспринимать спасение мира, то есть бытия как возможность спасти каждого индивида. Спасение мира ассоциируется со спасением души.

Фундаментальность идеи, а также невозможность человека мириться с тем, что мир всё ещё не спасён, отражена в работах русского философа и религиозного мыслителя С.Л. Франка «Смысл жизни» и «Ересь утопизма» (Франк С.Л., 1925; Франк С.Л., 1946). Автор категоричен: «Спасаемые расплачиваются за слепоту спасителей, за ложность самого их замысла спасти мир новым его устройением, замысла, основанного на забвении истины о неустранимом никакими внешними человеческими мерами греховном несовершенстве мира» (Франк С.Л., 1946).

Однако поиск всё новых и новых способов спасения мира, судя по количеству иллюстраций с исследуемой формулировкой в НКРЯ, не перестаёт быть актуальным. Фёдор Михайлович Достоевский дал русской культуре такое необходимое и в то же время изящное выражение. Жаль только, что всё реже встречаются попытки осмыслить авторскую идею.

А ведь красота могла бы спасти мир.

Литература

1. Большая психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psychology.academic.ru/4934/архетипы> (дата обращения: 16.02.2019).
2. Достоевский, Ф.М. Идиот (1868) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0070.shtml. – (дата обращения: 16.02.2019).
3. Достоевский, Ф.М. Полн. собр. соч. в тридцати томах. Том одиннадцатый / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – Л.: Наука, 1974. – 416 с.
4. Маслоу, А. Мотивация и личность (1954) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bim-bad.ru/docs/maslow_motivation_and_personality.pdf (дата обращения: 16.02.2019).
5. Франк, С.Л. Смысл жизни (1925) / С. Л. Франк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/smysl-zhizni/ (дата обращения: 16.02.2019).
6. Франк, С.Л. Ересь утопизма (1946) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.odinblago.ru/eres_utorizma (дата обращения: 16.02.2019).
7. Фридлиндер, Г.М. Реализм Достоевского // Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – М.–Л.: Наука, 1964. – 404 с.
8. Шулежкова, С.Г., Берков, В.П., Мокиенко, В.М. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: в 2-х т. / под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск: МаГУ. Т. 1: А-М. – 2008. – 658 с.

Summary. The article is devoted to the search for the ideal origin of the expression «*Beauty will save the world*». There is a hypothesis that the F.M. Dostoevsky's thought is based on an archetypal in its essence idea. The expression of it is predetermined by the progressive nature of human society's development, the transformation of instincts into social attitudes and the organizing force of religion.

Key words: winged expressions, network communicative space, biblical text, transformation.

«НА БЕЗРЫБЬЕ И РАК РЫБА»: ИСТОРИЯ ВЫРАЖЕНИЯ И ДИАЛЕКТИКА ОЦЕНОК

Е.В. Ничипорчик

Беларусь, г. Гомель, Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины
evnich@gmail.com

Человек живет в мире ценностей, и вся его жизнь пронизана разного рода устремлениями, за которыми стоят те или иные потребности. Человеку всегда что-то нужно, даже если у него отшельнический образ жизни. Гораздо больше человеку нужно, если он является членом социума; в этом случае человек руководствуется не только тем, что нужно, но и тем, что должно. Как нельзя лучше понимаешь это, когда соприкасаешься с устойчивыми выражениями, которые передают от поколения к поколению важные для человека знания. Мы имеем в виду фразеологизмы, крылатые слова, паремии. Устойчивые выражения дают нам понять, что для человека важно очень многое, причем ценность одних, возможно совсем ничтожных вещей, может оказаться весомее значимости чего-то более глобального. Оценки, детерминируемые «сиюминутными» потребностями, обуславливают бесконечное движение в ценностном сознании человека. Пословица *На безрыбье и рак рыба* является ярким тому подтверждением.

Выражаемая пословицей идея удовлетворенности человека худшим в условиях отсутствия лучшего отражает социальную установку, обусловленную «неуравновешенностью энергетических центров <...> в природе человека: желание иметь сильнее удовлетворения от обладания, а радость обладания слабее огорчения утраты» (Арутюнова Н.Д., 1999: 257–258). Таково, по мнению Н.Д. Арутюновой, объяснение главного и достаточно устойчивого принципа выбора, состоящего в том, «что наличие, присутствие, обладание предпочтительней отсутствия, пустоты: *есть* лучше, чем *нет*, иметь хоть что-нибудь лучше, чем не иметь ничего» (выделение автора) (Арутюнова Н.Д., 1999: 257).

Н.Д. Арутюнова подчеркивает, что отвергаемый «нуль» преимущественно материализуется в виде предметов потребления (Арутюнова Н.Д., 1999: 258). Однако приводимые ученым в подтверждение действия названного принципа русских устойчивых выражений, а также переводные пословицы Востока свидетельствуют, что предпочтение «наличия» «отсутствию» распространяется на достаточно широкий круг категорий: *Лучше носить плохую обувь, чем ходить босиком; Чем совсем голый, лучше уж в заплатках; Лучше крикливый верблюд, чем никакого; Лучше иметь плохую жену, чем быть холостым; Плохое лучше, чем ничего; Есть лучше нета* (Арутюнова Н.Д., 1999: 258).

К такому же выводу можно прийти на основе анализа употреблений пословицы *На безрыбье и рак рыба* в текстах Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Объекты, которыми довольствуются в условиях отсутствия лучшего, представляют весьма далекие друг от друга таксономические ряды; кроме того, ракурсы подачи ситуации тоже очень различны. Это может быть взгляд на ситуацию с нейтральных позиций нарратора: *Обыкновенно, в наших дачных местах воды очень мало. Но на безрыбьи и рак рыба, дамы полощут свое изнеженное тело в маленьких речонках и просто в болотах, громко, по дачному называемых прудами* (Неизвестный. Летний спорт – купанье // «Петербургская газета», 1910)¹; передача оценочного отношения к ситуации стороннего аналитика: *«На безрыбье и рак рыба», – прокомментировал планы Молдавии передать трубопроводы «Газпрому» в счет уплаты долга аналитик ИК «Тройка Диалог» Валерий Нестеров* (М. Булавкина. «Газпром» получит трубопровод

¹ Все иллюстрации использования паремий в текстах НКРЯ подаются с сохранением формата ссылок.

Молдавии // РБК Дейли, 2011.12.16); выражение оценочного отношения к объекту обладания со стороны заинтересованного лица: *Но, как говорят, на безрыбьи и рак рыба; в нашем положении и те крохи информации, которые мы получали, были благом* (А. Минеев. Пять лет на острове Врангеля (1936)); выражение оценочного отношения наблюдателя к самому принципу выбора как поведенческой модели большинства: *Сейчас у нас повсюду, в том числе и в литературе, господствует принцип: на безрыбье и рак рыба* (П. Анохин. Расул Гамзатов: талант – всегда неожиданность // Труд-7, 2003.09.19) и др.

Идея довольствования наличествующим проигрышным объектом в отсутствие лучшего нашла паремиологическое воплощение еще в глубокой древности. Так, М. И. Михельсон в книге «Русская мысль и речь. Свое и чужое» наряду с иноязычными провербиальными аналогами паремии *На безрыбье и рак рыба* приводит изречение древнегреческого философа Диогена – 'Ἐν γὰρ ἀμυχανίῃ καὶ Κ(κ)αρκίνος ἐμμορε τιμῆς ('при затруднениях (недостатке людей) и Каркин (рак) достигает почести') (Михельсон М.И., 1994: 585). Это античное изречение характеризуется иронической коннотацией и антропоморфной референциальной соотнесенностью. С аналогичной коннотацией и референциальной отсылкой приводятся в словаре М.И. Михельсона и примеры употребления пословицы *На безрыбье и рак рыба: Как на безрыбье и рак рыба, а в городе Питере и курица птица, так мир его (Шемяку) посадил в старосты* (В. Даль. «Сказки о Шемякином суде»); – *Конечно, такой мизерный господин для всякой женщины не большою был находкой; но по пословице: на безрыбье и рак рыба* (А. Писемский. «Масоны») (Михельсон М.И., 1994: 585). Сейчас трудно найти ответ на вопрос, является закономерным или случайным преобладание в датированных XIX веком текстах НКРЯ употреблений паремии *На безрыбье и рак рыба* в значении 'о человеке'. Тем не менее, факт остается фактом: примерно 60 % от всех фиксаций паремии в текстах данного периода – это употребления, связанные с уничижительной, иронической, критической оценкой человека, в том числе критической самооценкой: *Его выносят, не гонят, потому что на безрыбье и рак рыба и потому, что в России до конца дней можно быть «начинающим и подающим надежды»* (А. Чехов. Рязенные (1885–1886)); *Так, например, на ужине, в присутствии 60-ти знаменитых русских людей, занимающихся от люльки спасением России, я сказал о себе, – в ответ на комплимент, – что цену себе я знаю, знаю, что я – на безрыбье рак, на безлюдье – Фома* (М. Горький. Письма (1889–1906)).

Как видим, пословица *На безрыбье и рак рыба* может употребляться в контаминированном варианте с другой, синонимичной ей пословицей *На безлюдье Фома дворянин*. По данным словаря М.И. Михельсона, эта пословица тоже имеет иноязычные аналоги, в том числе и очень древние: 'Ἐν δὲ διχόστασιῇ καὶ ὁ λάυκακος ἔλλαχε τιμῆς ('во время смут и разнегодья добивается почестей') (Плутарх); εἰς τὴν λείψιν τῶν ἀγγέλων καὶ ὁ Μάρδαρις ἀγγελός ('при недостатке в вестниках и Мардарис вестник') (Апостол, 6, 54) (Михельсон М. И., 1994: 585).

Известны и другие контаминации пословицы *На безрыбье и рак рыба* с паремиологическими единицами, содержащими антропоморфный код: *На безрыбье и рак рыба, на безлюдье и баба человек* (Снегирев И.М., 1848: 239; Мокиенко В.М., 2010: 48); *На безрыбье и рак рыба, на безлюдье и сидень человек* (Рыбникова М.А., 1961: 66; Мокиенко В.М., 2010: 48). Паремийный бином «рак – рыба», ключевой для пословицы *На безрыбье и рак рыба*, характеризуется множеством других ассоциативных связей, на которые обращают внимание составители словарей. Так, М.И. Михельсон включает в статью, посвященную пословице *На безрыбье и рак рыба*, выражения: *Рак не рыба, прапор не офицер; Курица не птица* (Михельсон М.И., 1994: 585). Ряд подобных паремий (имеющих явную негативную коннотацию) может быть продолжен с опорой на другие паремиологические словари: *Рак не рыба, кожан не птица, баба не человек* (Даль В.И., 2002 (2): 130; Мокиенко В.М., 2010: 748); *Рак не рыба, комиссар (прапор) не офицер* (Даль В.И., 2002 (4): 57; Мокиенко В. М., 2010: 748); *Рак не рыба, нетопырь*

не птица, а пёс не скот (Симони П. К., 1899: 136; Мокиенко В.М., 2010: 748); *Курица не птица, а рак не рыба* (Даль В.И., 2002: 224; Мокиенко В.М., 2010: 465); сравн.: *Курица не птица, баба не человек* (Даль В.И., 2005: 221; Иллюстров И.И., 1915: 340); *Курица не лисица, зверь не зверь, прапорщик не офицер, а баба не человек* (Снегирев И.М., 1848: 199; Мокиенко В.М., 2010: 465). Объединение зооморфных и антропоморфных биномов (содержащих феминные, маскулинные коды) в пределах одного выражения, использование в повторяющихся однородных элементах слов *зверь, скот, нетопырь* сигнализируют, на наш взгляд, об интертекстуальной связи приведенных выше пословиц с древнерусским памятником письменной культуры «Молениями» Даниила Заточника.

Свое отношение к браку с властными, склонными к прелюбодейству женами, как, впрочем, и к безропотным мужьям, злым женам вообще, автор «Молений» выражает таким образом: *Говорится ведь в мирских пословицах: ни скот в скотах коза, ни зверь в зверях еж, ни рыба в рыбах рак, ни птица в птицах нетопырь, ни муж в мужах, если над ним жена властвует, ни жена в женах, если от своего мужа прелюбодействует, ни работа в работах – для женок повоз возить»* (Моления). Амплифицируя характеристику плохих мужей и жен столь длинным рядом однотипно сопряженных зоонимов, автор «Молений» прямо говорит о том, что использует мирское «слово». Нужны, по всей видимости, дополнительные исследования данного памятника для выяснения того, в какой мере приведенный выше фрагмент текста «Молений» является оригинальным, если учесть, что до «Молений» были и другие памятники византийской и древнерусской письменной культуры, в которых затрагивалась тема матримониальных коллизий, добрых и злых жен: «Слова» о добрых и злых женах, «Пчела» и др.

Заметим, что упомянутое нами выше выражение из «Молений» Даниила Заточника является прецедентной единицей и воспроизводится носителями русской культуры обычно близко к тексту древнерусского памятника: – *Человек я не книжный, – сказал на то Никифор Захарыч, – силы писания не разумею, а скажу, что от старых людей слышал: «Не рыба в рыбах рак, не птица в птицах нетопырь, не зверь во зверех еж, не муж в мужьях тот, кем жена владеет»* (П. Мельников-Печерский. На горах. Книга вторая (1875–1881)); *У меня тоже житие не мед. Злая и старая жена хуже горькой полыни. Но ты не покоряйся. Сказано в мирской притче: «Не скот в скотах коза, не зверь в зверях еж, не рыба в рыбах рак. Подобно тому и муж, если над ним жена повелевает»* (А. Ладинский. Последний путь Владимира Мономаха (1960)). Таким образом, возможно, исследуемая нами паремия несет в себе следы прежней связи с исходным древнерусским текстом, интерпретированным обыденным сознанием с течением времени «на свой манер».

В каких же контекстах ныне используется пословица *На безрыбье и рак рыба* и каковы оценочные коннотации данного выражения в современном дискурсе? Отметим сразу, что при анализе текстовых реализаций паремии нами учитывались не только случаи ее использования в каноническом (словарном) варианте, но и все случаи трансформации паремии, при которых наблюдается сохранение некоторой устойчивой части понятийного содержания паремийного знака. Рассматривались нами и случаи употребления паремии в максимально редуцированном виде (до одной композиционной единицы *на безрыбье*) с воспроизведением при обозначении окказиональной ситуации релятивной структуры паремийной пропозиции (подробнее об этом в статье автора «Воспроизводимое и вариативное в текстовых реализациях паремий» (Еврофраз – 2019, в печати)).

Значение паремиологической единицы *На безрыбье и рак рыба* в современных словарях определяется следующим образом: «За неимением кого-л. или чего-л. лучшего следует довольствоваться тем, что есть, обходиться малым» (Словарь русских пословиц, 2007: 27). Словарные дефиниции паремии содержат указание на типичные прагматические функции проverbsальной единицы: «Говорится в оправдание вынуж-

денной неразборчивости; часто – как выражение негативной оценки того, чем довольствуются» (Там же). Из определения прагматической функции следует, что паремия может использоваться для выражения как положительного, так и отрицательного отношения к тому, что вынужденно избирается в ситуации отсутствия лучшего, и, соответственно, как для оправдания, так и для осуждения этого выбора. И оправдательная речевая стратегия, одобряющая выбор, и осуждающая стратегия, не одобряющая выбор, делают положение объекта, который «принимается» как заместитель желаемого, на шкале оценок крайне неустойчивым, более того, степень удаления объекта оценки от нуля (как в одну, так и в другую сторону) на этой шкале оказывается различной.

С одной стороны, наблюдается выражение резко отрицательной оценки, граничащей с осуждением, едкой иронией и даже сарказмом, а есть достаточно сдержанное выражение самокритичной иронической оценки; сравн.: *Ничего не скажешь – заслуживающий доверия источник! Правда, от него за версту несет нехорошим душком, присущим сталинской школе фальсификаций. Но при отсутствии других данных годятся и такие. Как говорится, на безрыбье и рак рыба* (В. Семенюк. Откровения сталиниста // «Огонек». № 15, 1991); *Те самые никому не нужные ветераны, «не бросившие компанию в трудный час», по причине крайнего безрыбья выбиваются в раки и, занимая руководящие должности, норовят подтягивать таких же, как они сами – только знающих еще меньше, чтобы на их фоне выглядели достаточно компетентно* (С. Козлов. Волшебники-недоучки (2004) // «Боевое искусство планеты», 2004.03.11); *Уверен, что на телевидении занимаю свою нишу, из которой вытеснить меня может только один человек – я сам, если буду делать программу все хуже и хуже. Нагло вам заявляю, что сегодня конкурентов у меня нет, потому что даже две своих «ТЭФИ» расцениваю как «на бесптичь и рак рыба». – В таком случае, вы невысоко оцениваете свою передачу. – Что делать! В данной ситуации приходится играть роль «рака»* (А. Крюкова. Юрий Вяземский: в России опасно получать премии // Труд-7, 2001.12.20).

С другой стороны, объект оценивается как нечто «среднячковое» и даже хорошее. Правда, дистанция между удовлетворительной оценкой «сойдет» = «неплохо» и собственно положительной оценкой «хорошо» не всегда очевидна. Дифференциации этих оценок способствует наличие контекстуальной «понижающей» оценки (приводятся аргументы к скрытому тезису о неверности / нецелесообразности / непростительности предпочтения ущербного объекта лучшему или довольствованию худшим в условиях отсутствия лучшего) либо контекстуальной «повышающей» оценки (приводятся аргументы к скрытому тезису о правильности / целесообразности выбора имеющегося «ущербного» объекта в отсутствие лучшего или довольствования малым в условиях отсутствия большего); сравн.: *А что делать? На безрыбье и троечник сойдет. Однако в ближайшее время научное сообщество может осознать: лучше сделать более жесткий отбор и принять активное участие в подготовке будущих студентов, чем потом маяться с неучами* (К. Староверова. Учебная фантастика // Труд-7, 2010.01.19) и *И тут кто-то вспомнил о Георгии Ярцеве. На безрыбье – чем не претендент? И футболистом был неплохим, и в 1996 году «Спартак» к золотым медалям привел. В общем, все согласились, и Колосков лично позвонил Георгию Александровичу. Ярцев провел пресс-конференцию в новом качестве* (А. Плюшев. Неделя в лицах // Труд-7, 2003.08.28).

И, наконец, есть такие употребления, в которых повышающая оценка граничит с похвалой, используется для похвалы. Правда, в данном случае нередко разрушается собственно паремийная идея; связь предположно-падежного комплекса «на безрыбье» с содержанием прецедентной паремиологической единицы является неактуальной, сравн.: *Наша команда завоевала две медали – бронзовые. Очередное золото – у дуэта синхронисток Анастасии Ермаковой и Анастасии Давыдовой. А российские ватерполистки вышли в четвертьфинал с первого места в группе. На безрыбье и этот улов дорог, учитывая, что награды пришлось выгрызть у конкурентов* (Д.

Сомов. По высшему разряду! За одну из попыток все судьи поставили Дмитрию Саутину по 10 баллов // Советский спорт, 2007.03.24) и *Молодой вратарь «Локо» – приятное исключение на нашем хоккейном вратарском «безрыбье»* (Д. Нестеров. Голкипер «Локомотива» Семен Варламов // Советский спорт, 2008.03.31).

Подводя итог сказанному, подчеркнем, что идея, выраженная в пословице *На безрыбье и рак рыба*, порождена действием одного из поведенческих стереотипов человека. Этот стереотип детерминирует интернациональный характер паремийной идеи.

Пословичный бином «рак – рыба», по всей вероятности, берет свое начало в «Молениях» Даниила Заточника, на что указывает наличие ряда паремий, в которых данный бином объединяется с иными зооморфными и антропоморфными биномами.

Как и многие другие паремиологические единицы, пословица *На безрыбье и рак рыба* характеризуется амбивалентностью оценок. Различие выражаемых отношений обуславливается согласием либо несогласием пользователя паремии с принципом выбора, а также свойствами избираемого объекта, определяющими контекстуальное понижение / повышение его оценки.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
2. Даль, В.И. Пословицы русского народа. – М.: Изд-во Эксмо, Изд-во ННН, 2005. – 616 с.
3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 2002. – Т.2. – 779 с.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 2002. – Т.4. – 688 с.
5. Иллюстров, И.И. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. – СПб., 1915. – 480 с.
6. Моления Даниила Заточника [Электронный ресурс] / перевод Д. С. Лихачева // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. – М.: Худож. лит., 1969. – Режим доступа: http://www.drevne.ru/lib/zatoch_s.htm (дата обращения: 12.01.2019).
7. Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г., Николаева, Е.К. Большой словарь русских пословиц. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
8. Михельсон, М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. – М.: Терра, 1994. – Т.1. – 792 с.
9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 05.01.2019).
10. Рыбникова, М.А. Русские пословицы и поговорки. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 230 с.
11. Симони, П.К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий / Собрал, приготовил к печати Павел Симони. Вып. I–II. – СПб., 1899. I–XIX + 216 с.
12. Словарь русских пословиц: ок. 1 000 единиц / В.М. Мокиенко, Ю.А. Ермолаева, А.А. Зайнульдинов [и др.]. – М.: Астрель: АСТ, 2007. – 381 с.
13. Снегирев, И.М. Русские народные пословицы и притчи, изданные И.М. Снегиревым с предисловием и дополнениями. – М.: 1848.

Summary. The study topic is the origin and evaluative semantics of the Russian proverb «In the lack of fish, the crayfish is fish». The author emphasizes the internationality of the proverb idea; put forwards the hypothesis about the relation between proverb binomial «crayfish – fish» and the text of «Praying» of Daniel the Immured; reveals consistent patterns of the proverb usage in speech that are related to contextual increasing / decreasing of value of the object that is sufficient in the absence of choice.

Key words: paremiological units, ambivalence of assessments, paroemiological idea, precedent unit, proverb contamination.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ И ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

А.С. Титова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
titova_a@bsu.edu.ru

Е.В. Анопченко

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный технологический
университет им. В.Г. Шухова
elena@anopchenko.ru

Теория интертекстуальности и прецедентности, занявшая лидирующие позиции в современной антропоцентрической науке, предполагает рассмотрение проблемы соотношения фразеологических единиц и прецедентных высказываний в рамках данного направления.

Дискуссионным в теории прецедентности по отношению к фразеологизмам остается вопрос о возможности/невозможности причисления фразеологических единиц к прецедентным феноменам. Под прецедентным феноменом (ПФ) в современной науке понимают феномены, «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие (3), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» (Караулов Ю.Н., 1987: 216). Среди ПФ различают прецедентные имена, прецедентные высказывания (вербальные), прецедентные ситуации и прецедентные тексты (вербализуемые).

Структурно с фразеологизмами соотносятся прецедентные высказывания, именно поэтому целесообразно использовать как «точку отсчета» в сопоставлении фразеологических единиц с прецедентными высказываниями следующее определение: «Прецедентное высказывание (ПВ) – репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; в когнитивную базу входит само ПВ, как таковое; ПВ неоднократно воспроизводится в речи носителей русского языка. К числу ПВ принадлежат цитаты из текстов различного характера (например, «Не спится, няня!», «Кто виноват?» и «Что делать?», «Вот он какой!»), а также пословицы (например, «Тише едешь – дальше будешь»)» (Захаренко И.В., 1997: 83).

Проблема связана с тем, что в широком понимании в соответствии с классификацией фразеологизмов В.Н. Шанского (Шанский В.Н., 1996: 63-70), пословицы, поговорки, крылатые выражения являются фразеологическими единицами и причисляются к группе фразеологических выражений. В связи с этим еще на этапе закрепления основных положений теории прецедентности И.В. Захаренко подняла проблему целесообразности использования термина «прецедентное высказывание». ПВ – лингвокогнитивный феномен, актуализирующий, как правило, другие ПФ – ситуации и тексты. Лингвист обосновывает использование данного термина в отношении пословиц и крылатых выражений следующим образом: «именно “прецедентность” в нашем понимании позволяет рассматривать некоторые единицы, традиционно относящиеся к области фразеологии (например, пословицы, крылатые выражения) как прецедентные высказывания и ограничивать их от собственно фразео-

логизмов» (Захаренко И.В., 2000: 52-53). Мы подробнее остановимся на вопросе соотношения терминов *прецедентное высказывание* и *фразеологическая единица*.

Итак, фразеологические единицы традиционно разделяются на 4 группы:

- 1) фразеологические сращения (*ахиллесова пята*);
- 2) фразеологические единства (*до белого каления*);
- 3) фразеологические сочетания (*закадычный друг*);
- 4) фразеологические выражения (*мертвые души*).

Для определения функциональных признаков фразеологических единиц рассмотрим примеры употребления вышеприведенных выражений в различных контекстах:

1) «Капитан «Катюши», для которого подобные гонки – **ахиллесова пята**, показал 56-й результат» (НКРЯ: Борис Титов. Кто догонит Криса Фрума? // РБК Дейли, 2013.07.15).

2) «Он забавный, хотя может любого довести **до белого каления**» (НКРЯ: Анастасия Ниточкина. «Доктору Хаусу суждено вечно садиться не на тот поезд» // Известия, 2012.07.05).

3) «А ваш **закадычный друг** Мэтт Деймон был в курсе подробностей съёмочного процесса?» (НКРЯ: Ольга Кузнецова. «Я хотел снять с так называемых агентов ЦРУ маску супершпионов» // Известия, 2012.11.01).

4) «Пельменева оформила в штат кладовщика, прачку и воспитателей, которые на самом деле на работе не появлялись. Их зарплату она получала сама <...> Руководители учреждений нередко оправдывают свои действия недостатком финансирования и жесткими правилами. Нередко **«мертвые души»** – единственный выход, утверждают они» (URL: <http://pressa.ru/ru/top10/detail/dushi-mertvyie-dengi-zhiviyie>).

Фразеологические единицы не являются в тексте маркером интертекстуальных отношений, как прецедентное высказывание или, например, прецедентное имя. Для полноценного понимания текста с данными единицами носителю языка достаточно знать лексическое значение фразеологизма: «ахиллесова пята» – уязвимое место; «довести до белого каления» – вывести из себя; «закадычный друг» – близкий друг; «мертвые души» – несуществующие, придуманные люди для каких-либо махинаций и личных выгод (URL: <http://fraze.ru/>).

Главная функция фразеологических единиц в контексте – *номинативная* с дополнительной (заключенной в саму единицу) экспрессивной (подобно эмоционально-окрашенной лексике), главная же функция прецедентного высказывания в тексте – *коммуникативно-экспрессивная*, когда необходима не просто воспроизводимость (готовой единицы), её узнаваемость и выразительность, а актуальность, востребованность здесь и сейчас. ПВ работает в дискурсе как «текст влияния»: «экспрессивность ПФ достигается за счет возникающего в результате сопоставления исходной и новой коммуникативной ситуации эффекта совпадения» (Макаров В.И., 2010: 62). У ПВ крепкая связь с ПФ, символом которого является то или иное высказывание. Фразеологическое выражение (как вид фразеологизма) может функционировать в тексте как собственно фразеологизм (с глубинным значением) и как прецедентная единица (с системным значением)¹.

В приведенном выше примере выражение «мертвые души» выступает в роли фразеологизма. Во фразеологических словарях, словарях крылатых выражений за ним закреплено конкретное значение, и читатель, знакомый со значением данной единицы как фразеологизма, но не знакомый с источником происхождения и с дополнительными смыслами данного выражения как ПВ, в контексте не останется ин-

¹См. теорию И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков о типах значений прецедентного высказывания. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов. – С. 95.

формационно обделенным, эксплицитная или имплицитная отсылка к ПФ, прецедентному тексту (гоголевской поэме) в данной коммуникативной ситуации не актуальна. «Мертвые души» в подобном контексте имеют глубинное значение – значение, «которое не равно простой сумме значений компонентов высказывания, но представляет собой семантический результат сочетания компонентов ПВ, формирующих его лексико-грамматическую структуру» (Захаренко И.В., 1997: 95).

Важно отметить, что некоторые словари, например, словарь А.И. Федорова, закрепляет за выражением «мертвые души» как за фразеологизмом и другое известное значение: «люди, не приносящие никакой пользы обществу» (Фёдоров А.И., 2008: 218): «Америка предстает у Старостина кафкианским лабиринтом, в котором живой души не встретишь (зато **мертвых душ** – сколько угодно). Абсурд, путаница, вязкость, клейкость, тупость, обман, деградация – вот картины, раскрывающиеся ошеломленному читателю» (НКРЯ: Книжная полка Дмитрия Быкова // Новый мир, 2003).

В данном контексте выражение «мертвые души» выступает с другим глубинным значением: люди, погрязшие в пошлости, накопительстве, жизнь которых представляет собой духовную смерть. Но функционируя в контекстах с подобным значением, словосочетание «мертвые души» имплицитно отсылает нас к прецедентному тексту, источнику ПВ, поэме Н.В Гоголя «Мертвые души». И смысл выражения в контексте современного литературного критика значительно расширяется при условии знакомства читателя со сферой-источником ПВ и *системными значениями* данного ПВ (когда к глубинным значениям прибавляется знание прецедентного текста или прецедентной ситуации, символом которых является ПВ, и связанных с ним коннотаций) (Захаренко И.В., 1997: 95).

И все типы фразеологизмов выступают в контекстах, как правило, с глубинным значением. Ни поверхностного значения, ни системного у них нет. Для фразеологического выражения как отдельного типа фразеологизмов возможно функционирование не только с глубинным, но (что более частотно и важно, так как именно в этом значении в полной мере проявляется функция выражения как *прецедентной* единицы, выполняющей интертекстуальную функцию) и с системным значением.

Таким образом, выражения, причисляемые к фразеологическим выражениям (поговорки, крылатые слова) есть прецедентные высказывания, которые в отдельном контексте функционируют с глубинным значением, и тогда выступают в качестве собственно фразеологизмов, а в другом – с системным – как прецедентная единица.

Литература

1. Захаренко, И.В. [и др.]. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Филология, 1997. – Вып. 1. – С. 82-103.
2. Захаренко, И.В. О целесообразности использования термина «прецедентное высказывание» // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Диалог-МГУ, 2000. – Вып. 12. – С. 46-53.
3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 363 с.
4. Макаров, В.И. Особенности реализации текстообразующей функции фразеологизмов и прецедентных феноменов // Вестник Новгородского государственного университета. Сер.: Филология. История. – 2010. – №57. – С. 60-62.
5. Федоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М.: Астрель, 2008. – 880 с.
6. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка. – СПб.: Специальная литература, 1996. – 192 с.
7. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.02. 2019).

Summary. The article raises the problem of correlation between phraseological units and precedent statements. It is proved that proverbs, sayings, winged expressions function in discourse in two ways. They can function as precedent statements and as phraseological units.

Key words: proverbs, sayings, winged expressions, depth semantics, system semantics.

«ХИЩНЫЕ» ФРАЗЕМЫ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

И.В. Чекулай, О.Н. Прохорова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
chekulai@bsu.edu.ru, prokhorova@bsu.edu.ru

Данное исследование представляется не просто актуальным; ему трудно найти оценочное прилагательное, эпитет, который бы мог достаточно адекватно характеризовать степень его важности. В то же время, как это ни страшно (мы не оговорились, именно «страшно», а не «странно»), данное явление характеризует нашу повседневную жизнь и тем самым является неотъемлемым фрагментом картины мира современной жизни в государствах, где русский язык если и не является государственным, то, по крайней мере, является повседневным языком достаточно крупной в количественном плане части населения этого государства, и тем самым неотъемлемым фрагментом языковой картины мира.

Чтобы не быть голословными, начнём с этимологического и функционального анализа первой фраземы, варианты которой мы так часто слышим в институциональном дискурсе. Это фразема «это твоя/ваша/не моя проблема».

Начнём с того, что этимологически эта фразема не является ни русскоязычной, ни славяноязычной. Она пришла в русский язык в последних декадах XX века, т.е. в историческом масштабе очень недавно, из англоязычной картины мира, когда в русский язык заимствовались не только «перлы» типа «лизинг», «пирсинг», «маркетинг», «мониторинг», «фейс-контролинг» и им подобные, но также заимствовались либо фразы-варваризмы, преимущественно из низкосортных боевиков, типа «I'll be back» и «¡Hasta la vista!», либо же типичные для англоязычной картины мира фраземы и их фразеосемантические варианты подвергались калькированию в русском языке, что и произошло с указанной фраземой.

Этот момент представляется крайне важным как с когнитивно-семантических позиций, та и с позиций функционально-прагматических, поскольку произошла важная (хотелось бы надеяться, поправимая в обозримом будущем) подмена концепта, характерного для одной картины мира, концептом из иной лингвокультурной реальности. Многие исследователи национально-культурной специфики наций, образовавшихся на англо-саксонской этнической основе, отмечают их крайний прагматизм и эгоизм. Но типичная для англо-саксонского – британского, американского, канадского – социума фраза «that's not my problem» с функционально-прагматической точки зрения отражает не столько собственный эгоизм и заносчивость, которым, кстати, носитель английского языка нисколько не кичится и даже вынужден прятать в силу пуританской, методистской, мормонской или иной религиозной морали, доминирующей в данной местности, сколько совершенно иной концепт, отнюдь не приемлемый для русскоязычного мира, которому всегда был свойственен интерес к чужим делам, а именно, концепт PRIVACY, лакунарный для русскоязычной картины мира по сей день.

Но данная калька пришлась как нельзя кстати для российских, украинских и иных русскоязычных чиновников, не желающих решать сложные проблемы в жизни людей, обращающихся к ним потому, что решение именно данных проблем функционально должны решать именно эти чиновники. Вообще-то определить точный

лингвистический статус фраземы, которую можно задать наиболее частотным вариантом «это ваши проблемы», является достаточно затруднительным потому, что, с одной стороны, она носит типичные признаки модели фразеологической единицы, а, с другой стороны, с позиций дискурсивных это типичный образец дискурсивной формулы, т.е. некоторого речевого клише, характерного для определённого вида дискурса (описание дискурсивных формул см., например, в (Бейлинсон Л.С., 2008: 42-43). Тем не менее, следует отметить, что данная фразема вышла за пределы определённого типа институционального дискурса и проникла во все дискурсивные сферы, в том числе даже в бытовой дискурс, где часто можно слышать, как подростки с непонятным апломбом заявляют своим родителям, дядям и тётям: «Это ваши проблемы!».

В этом плане весьма иллюстративной представляется следующая цитата из, как ни странно, произведения фантастического жанра. В романе В. Добрякова «Фаза боя» хроноагент Андрей Коршунов, выходец из нашей временной фазы в 1991 году, говорит нашим российским современникам следующие горькие и справедливые слова:

— Знаешь, Сергей, что мне больше всего не понравилось в вашей Фазе? Расхожая фраза: «Это ваши проблемы» или «Это его проблемы». Я родился, рос, воспитывался и жил в социалистическом обществе. У этого общества было много недостатков. Кто-нибудь стал бы возражать, а я не буду. Но одного недостатка это общество было лишено: таких фраз я там ни разу не слышал. Тебе это может показаться диким. Как это так? Человеку что, своих проблем мало? Он еще и в чужие вникает! А вот представь себе. Пусть не вникали, пусть не могли помочь. Но никогда не отмахивались. По крайней мере, если помочь не могли ни делом, ни деньгами, то всегда могли дать совет, подсказать и так далее.

Вполне понятно, что заголовок данной статьи является аллюзией на название произведения братьев Стругацких «Хищные вещи века». Что же «хищного» в расхожей фразе, которая стала неотъемлемым фрагментом современной русскоязычной культуры? Да то, что она подменяет исконные культурные реалии чуждыми русскому культурному менталитету понятиями и тем самым калечит души пользующихся этим языком. Сейчас модно говорить о коррупции в экономической сфере, однако коррупция в сфере духовно-культурной не менее страшна, и борьба с ней обусловлена необходимостью не допустить окончательного морального коллапса современного русскоязычного социума. Данная статья адресована не только специалистам в сфере фразеологии языковых единиц, но и «рулевым» нашей культуры и духовной жизни, теле- и радиоведущим и другим людям, от которых зависит популяризация данной точки зрения. В любом случае, подобные высказывания чиновников не должны оставаться без последствий, иначе эта лазейка к безответственности из расхожей фразы станет нормой отношений между людьми.

К данной фраземе очень близка по своим функциональным, семантическим и аксиологическим параметрам фраза, в 100 процентах случаев используемая чёрствыми чиновничьими душами «А я/мы вас туда [в Афганистан/Чернобыль/Чечню] не посылал/-а/-и». Вообще едва ли можно оправдать чиновный цинизм по отношению к людям, потерявшим руку, ногу, глаз, близкого человека в порой авантюристических военных действиях государства. И поэтому подобного рода высказываниям также не может быть оправдания.

Другая, на первый взгляд, шутливая и в силу этого опасная «хищная» фразема русской языковой культуры «А кому сейчас легко?» также является «детисцем» перестройки, хотя вряд ли ей можно приписывать этимологию из иной языковой культуры. Вред данной фраземы очевиден, поскольку она перекликается по своему содержанию с рассмотренной выше фраземой «Это ваши проблемы». Понятно, что в ней оправдывается факт создания людьми трудностей друг другу. Справедливости ради следует отметить, что пик частотности использования данной фразы пришёлся

на конец предыдущего тысячелетия, и в настоящее время её можно услышать крайне редко.

Зато «долгая жизнь» оказалась у следующей фраземы, идущей ещё из недр «эпохи развитого социализма» – «Мне только спросить.../Мне только отдать ...». Семантика и особенно прагматика данной фраземы в комментариях не нуждается. Конечно, довольно часто человек действительно идёт мимо очереди, аргументируя своё поведение подобной фразой, но в то же время не менее часты случаи, когда данная фраза является своего рода оправданием хитрости и желания «быть умней» других людей. Именно в этом и состоит её «хищный» характер.

Последним из «хищных» устойчивых «перлов» нашей действительности следует упомянуть фразу «ничего личного» с её вариантом «только бизнес», также заимствованная из англоязычного речевого обихода. К счастью, её можно слышать всё реже и реже. Возможно, заслугой этому является роман М. Пьюзо «The Godfather», в котором реальную цену этих высказываний определяет главный герой произведения следующим образом:

«"You shouldn't let that broken jaw influence you". Hagen said. "McCluskey is a stupid man and it was business, not personal".

For the second time he saw Michael Corleone's face freeze into a mask that resembled uncannily the Don's. "Tom, don't let anybody kid you. It's all personal, every bit of business. Every piece of shit every man has to eat every day of his life is personal. They call it business. OK. But it's personal as hell"».

Как нетрудно заметить, все указанные фраземы обладают частнопредикативной или достаточно чётко выраженной предикативной структурой. С этих позиций их следует отнести к поговоркам и поговоркам. Справедливости ради следует отметить, что у последней описанной фраземы имеется вариант, основанный на синтаксической связи моглосования («деловая мера»), но это вариант имеет специфические прагмастилистические характеристики: как правило, он используется в речи криминальных или близких к криминалитету деловых кругов преимущественно в эвфемистическом значении наказания кого-либо непокорного. Это выдвигает их в ранг поговорок квазипаремийного характера. Под словом «квазипаремийный» мы понимаем некоторое поучительное по своему характеру суждение, проецирующее, тем не менее, ложные ценности или антиценности, поскольку собственно паремии выражают проверенные временем, непреходящие ценности.

Собственно говоря, структурный статус таких образований не имеет существенного значения. Важна прагматическая компонента этих фразем. Во-первых, такую компоненту можно характеризовать как «ложнопрагматическую», поскольку они в целом достаточно грубо и беспардонно нарушают принципы коммуникации по П. Грайсу. Более того, они выполняют недопустимую, на наш взгляд, функцию возвышения человека, произносящего данные фразы, над другим человеком, поскольку в современных условиях в любом, даже конфликтном, общении компромисс более желателен, нежели победа одной стороны над другой. Во-вторых, и, пожалуй, это важнейший аргумент беспощадной борьбы с подобными «языковыми хищниками», это то, что «благодаря» подобным фразам постоянно возрастающее напряжение в обществе продолжает усиливаться. И едва ли можно преувеличивать, если сказать, что подобные фразы приносят не меньше вреда, нежели определённые действия, квалифицируемые как «террористические». Мы намеренно изобретаем термин «лингвистический терроризм» для категоризации единиц и структур языка и речи, чтобы рекомендовать законодательным и правоохранительным органам обратить пристальное внимание на их использование как на языковые и речевые структуры, посягающие на целостность государства и морально-нравственные отношения между его гражданами и разработать соответствующие меры. Подобные тем, которые направлены на инвективную табуизированную лексику. Как мы полагаем, «чиновизмы» не менее опасны, чем матерщина, и, как представляется, полагаем вполне обоснованно, какую мысль авторы данной статьи и пытались передать в ней.

Литература

1. Бейлинсон, Л.С. Дискурсивные формулы профессиональной речи // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – № 5 (29). – С. 42-46.

Summary. The article deals with the problem of some set-expressions performing some peculiar functions that are different from the bulk of the phraseological units in their conventional understanding peculiar to the Russian linguistic culture. They mostly present the negative responses to loyal and just demands of citizens that have suffered from some state actions or bureaucratic arbitrariness. Their etymological, structural and functional characteristic features are studied.

Key words: linguocultural reality, language predators, linguistic terrorism, taboo vocabulary, bureaucratic phrases.

О ДЕРИВАЦИОННЫХ ИСТОЧНИКАХ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Г.М. Шипицына

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Shipitsina@bsu.edu.ru

Семантика фразеологизма – культурно значимый феномен, представляющий собой весьма сложное образование. Известно, что значение фразеологизма всегда богаче, чем значение отдельного слова, как по потенциальному составу смыслов, так и по возможностям коннотативных проявлений и прагматического ореола, реализуемых в речи. Это обусловлено целым рядом источников смыслов и коннотаций, формирующих многослойную структуру и семный состав семантики фразеологизма. В данной статье рассмотрим важнейший из таких источников.

Итак, часть семного состава смысловой структуры фразеологизма в той или иной мере (в зависимости от разновидности фразеологизма по степени семантической слитности его компонентов (по классификации В.В. Виноградова) наследуется от лексического значения исходных слов-компонентов и типичного контекста их сочетаемости. Исходное (буквальное) лексическое значение слов-компонентов фразеологизма создает образную основу его семантики, что обеспечивает ему картинность в презентации действительности.

Например, во фразеологизме *заячья душа* роль механизмов создания такой образной основы выполняют ассоциации с фольклорным образом зайца, всегда спасающегося только бегством от многочисленных врагов; заяц – это символ трусости в русской текстовой культуре. Такие ассоциации ничто иное, как культурное наследие, сохранившееся в семантике фразеологизма, соотнесенное с базисной ситуацией. Культурное наследие в семантике фразеологизма связано и с архетипами сознания, мифологемами и стереотипами бытия, в нем воплощена национальная форма знания о действительности. «Идиоматика – это «святая святых» национального языка, в которой неповторимым образом манифестируется дух и своеобразие нации» (Бабкин А.М., 1979: 44). Эти ассоциации возникают путем погружения сознания в прототипические слои смысла, которые и создают образы, мотивирующие семантику собственно фразеологизма. Они возникают в сознании прежде, чем носитель языка, воспринимающий текст с этим фразеологизмом, начнет соотносить данное выражение с окружающим его контекстом.

Аналогично при восприятии фразеологизма *зубы заговаривать* в значении «посторонними разговорами отвлекать внимание собеседника от чего-либо» носитель языка вначале вспоминает старый метод «лечения» зубов заговором знахаря (это вспоминается по крайней мере теми, кто знает (помнит) о таком, бывшем, методе лечения зубов). Лексическое значение слов-компонентов фразеологизма постав-

ляет образную основу как платформу для переноса исходной жизненной ситуации на множество иных ситуаций, в чем-то похожих на исходную. Так, заговор зубной боли представлял собою специальный текст, содержание которого уводило в сторону от ощущения зубной боли. Переключению на иной предмет размышления и ощущений способствовала также система ритуальных действий знахаря, сопровождавших произнесение текста заговора. При исполнении заговора более важным, чем его вербальный текст, и для знахаря, и для его пациента, оказывалось точное исполнение ритуала заговора, похожего на игру. (Например, осуществлялось точное количество повторов, с определенной периодичностью, каких-либо магических слов, или производились особые телодвижения, смена мимики, осуществление вздохов-выдохов разной интенсивности в определенной последовательности и т.д. и т.п.). Точное соблюдение ритуальных действий было направлено на переключение внимания пациента с зубной боли на нечто иное, никак с нею не связанное, и в этом суть заговора. Этот же прием переключения внимания собеседника на нечто иное мог переноситься на другие жизненные ситуации, например, что типично, в момент общения коммуникантов сменялась адресатом речи тема разговора. Это обеспечивало бывшему свободному словосочетанию его воспроизведение в различных коммуникативных ситуациях, базирующихся на ментально-бытовой картине мира этноса.

Выражение, ставшее позже обобщенным, изначально должно было носить вполне определенный характер, иметь конкретную референцию («привязку к действительности»), поскольку употребленные в речи слова называют предметы и явления окружающего мира (реальные или вымышленные – неважно, главное то, что они существовали и существуют в народной картине мира). Вне сомнения, начальная референция называемых предметов и явлений была в структуре свободных словосочетаний, поскольку позже приобретенный метафорический план значения требует достаточно ярких и четких образов, которые были бы показательны при иллюстрации фактов и случаев для их последующего закрепления в качестве обобщения жизненного опыта народа.

Так свободное словосочетание проходило путь от номинации конкретной ситуации (заговор зубной боли в буквальном смысле) к обобщенному смыслу словосочетания с возможностью применения исходного выражения для номинации иных, в чем-то сходных ситуаций (в том числе и такой, когда собеседник, по мнению субъекта речи, пытается сознательно увести его от неудобной для него темы беседы путем втягивания собеседника в обсуждение иных тем). Фразеологизм, вливаясь в мыслительный и речевой процессы, становится их частью, взаимодействуя в синтагме с другими языковыми средствами.

За состоявшимся образованием фразеологизма его последующее употребление в речи носителями языка исходная денотативная ситуация как образная основа фразеологизма может быть и забыта, но свое предназначение как доминанты в деривационном процессе она уже выполнила. Полагаем, что прежние, «далёкие», представления об исходной ситуации в той или иной мере свойственны цельному значению фразеологических единиц. Такие представления могут проявлять себя в семной структуре фразеологизма при осмыслении исходных значений его слов-компонентов или как действительно когда-то имевшие место, или как вымышленные, мифические, но усвоенные данным этносом.

Процесс отдаления исходного образа от лексического значения фразеологизма вполне системный. Механизмы отторжения высказывания от его однажды породившей конкретной ситуации (то есть «увода» от референтной сущности) могут быть самыми разными, например, отбор, перегруппировка и трансформация семного состава в смысловых структурах слов-компонентов, а также изменения в сочетаемости с другими словами контекстов. Целью этих процессов является уход от бывших закономерностей соединения слов в свободных словосочетаниях путем их синтагмати-

ческого взаимодействия для создания новой и обязательно целостной семантической единицы, способной выполнять одновременно и номинативную, и экспрессивную функции. «Экспрессивность текста возникает там, где есть сигналы, ведущие в подтекст» (Маслова В.А., 1991: 203). Ведущую «культурологическую» функцию, функцию подтекста, выполняет образная основа исходного словосочетания как определенный ментальный «посыл» к культурному фону языка.

Образная основа деривации фразеологизма по своей сути и функциям является своеобразной внутренней формой фразеологизма по аналогии с внутренней формой слов и их производных лексико-семантических вариантов. Вслед за Н.Ф. Алефиренко, внутренняя форма языковых знаков рассматривается нами «как синхронный эпидигматический компонент их семантической структуры, служащий идиоэтнической основой косвенно-производной номинации, т. е. отражающий тот денотативный признак, по которому и был наименован соответствующий фрагмент реальной действительности» (Алефиренко Н.Ф., 2005: 134). По выражению акад. В.В. Виноградова, внутренние формы «обусловлены свойственным языку той или иной эпохи, стилю той или иной среды способом воззрения на действительность и характером отношений между элементами семантической системы» (Виноградов В.В., 1972: 20). Семантика фразеологизма опирается на архетипы национального сознания, на эталоны и стереотипы национальной культуры, использует типичные мифологемы и другие константы этой культуры. Конкретный процесс фразеологизации словосочетаний бывает обусловлен тем, что семантика словосочетания, структура, лингвокультурный и прагматический потенциал оказались удобными для репрезентации ценностных доминант культуры и выражения актуальных смыслов эпохи с учётом особенностей языкового сознания носителей языка.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики: Монография. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
2. Бабкин, А.М. Проблемы фразеологии. – М.: Наука, 1979. – 295 с.
3. Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
4. Маслова, В.А. Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. – 214 с.

Summary. The article deals with the most important source of semantic minimum composition of phraseological unit semantics. Using the example of phraseological units *faint-heart* and *to throw dust into somebody's eyes*, it is shown that semantic minimums are inherited from the lexical meanings of words that were part of the former free initial collocations. The lexical meaning of the words that are part of a phraseological unit provides him with a figurative framework, based on the mental-everyday picture of the world of the ethnos.

Key words: idiom semantic structure, figurative basis of the idiom, phraseological derivation.

Раздел 9. ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК ОБЪЕКТ И СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА У ИНОСТРАННЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ (НА ПРИМЕРЕ ФЕ, СООТНОСИМЫХ СО СВОБОДНЫМИ СЛОВСОЧЕТАНИЯМИ)

А.В. Бадестова, М.А. Олейник

Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И.Герцена,
marina180565@mail.ru

В настоящее время система языкового образования находится под влиянием политических, социальных и экономических факторов, а это, в свою очередь, вызывает объективную необходимость в пересмотре прежних и разработке новых методических подходов, эффективных технологий, максимально учитывающих и культурологические аспекты владения русским языком как иностранным. Выделение лингвокультурологического компонента в коммуникативной компетенции объективно повысило интерес лингвистов и методистов к исследованиям когнитивных и дидактических проблем совершенствования русской речи иностранными студентами за счет обогащения ее разного рода идиоматическими средствами выражения, к которым относятся и фразеологические единицы (далее ФЕ). Единицы языка, и особенно единицы лексико-фразеологического уровня, представляют собой «зеркало народной культуры, народной психологии и философии» (Толстой Н.И., 1995: 21) Можно также утверждать, что ФЕ являются отражением речевой культуры и, в значительной мере, показателем уровня владения иностранным языком. Как подчеркивают Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, две трети страноведческой информации содержит в себе национально-культурная семантика именно фразеологизмов. Особенности функционирования ФЕ в русском языке существенным образом отражаются на представлении и оценке иностранцами языкового мышления народа и особенностей его культуры. Человеческое сознание стремится не только к объективному отражению мира, но к квалификационно-оценочной деятельности, которая связана с лингвокультурологическим фактором в самом широком смысле.

Таким образом, прагматическая и межкультурная значимость ФЕ в плане отражения положительного или отрицательного отношения номинатора к объекту неоспорима. Отсюда совершенно оправдано методическое требование последних лет изучать язык и культуру в их неразрывной связи и взаимодействии, в частности, через постижение единиц языка лексико-фразеологического уровня. Именно поэтому изучение русского языка как иностранного невозможно без обращения к фразеологии, которая представляет собой «один из наиболее сложных для усвоения уровней русского языка» (Ткаченко Н.Г., 1998: 60), без формирования фразеологической картины мира. Фразеологическая картина мира – это часть языковой картины мира, в которой «каждый фразеологический оборот является элементом строгой системы и выполняет определенные функции в описании реалии окружающей действительности» (Хайруллина Р.Х., 2008: 13) Фразеологическая картина мира отражает знания о мире на уровне обыденного сознания. Ситуации, которые закреплены в устойчивых оборотах, становятся стереотипом поведения человека, обусловленным национальным мировидением. Фразеологическая картина мира – наиболее стабильная часть языковой картины мира, так как процесс образования ФЕ достаточно длительный.

В последние годы лингвисты и методисты связывают возможности совершенствования иноязычной речи с необходимостью пополнения знаний студентов о природе, структуре и механизмах межкультурной фразеологической компетенции и

формирование специальных знаний и умений, обеспечивающих ее (Б.А. Лapidус, В.Г. Костомаров, Н.В. Баграмова, Г.В. Елизарова и др.). Фразеологическая компетенция рассматривается как часть коммуникативной (знание, которое обеспечивает выбор и организацию речевых средств в соответствии с определенной коммуникативно-прагматической ситуацией с целью достижения поставленных задач при соблюдении языковых норм и современной этики общения) и соотносится с лексической. Фразеологическая компетенция предполагает способность говорящего не только воспринимать образные средства языка в речи, адекватно их интерпретировать, но и употреблять ФЕ сообразно с ситуацией, темой и сферой общения, учитывая статус собеседника.

Опыт обучения русскому языку как иностранному показывает, что обучающиеся испытывают значительные трудности в восприятии, понимании и употреблении ФЕ в силу специфики национальной ментальности носителей изучаемого языка, а также различий в культурном компоненте значения ФЕ.

Особенно актуальным представляется в настоящее время изучение ФЕ, соотносимых со свободными словосочетаниями (далее ФЕсс). Это фразеологизмы, формально соседствующие со свободными сочетаниями слов (*протянуть руку, лежать на печи, считать ворон, сесть в лужу* и т.п.), такие ФЕ представляют особую трудность для введения в учебный процесс в иностранной аудитории. Это объясняется следующими причинами: недостаточным уровнем владения русским языком как иностранным в плане понимания и корректного употребления в речи ФЕ; отсутствием ясного представления о психологических особенностях восприятия и понимания ФЕсс; а также недостаточной разработанностью теоретической базы исследования проблемы ФЕсс в методических целях. Отметим также, что специальных методических исследований проблемы обучения ФЕ, соотносимых со свободными словосочетаниями, в широком смысле нет.

Иностранные студенты употребляют ФЕсс формально, часто не осознавая до конца их смысла, не различают точного их значения. Обучение иностранных студентов русским ФЕсс должно найти свое место в практике преподавания русского языка как иностранного, поскольку ФЕсс – это единицы, являющиеся одной из составляющих когнитивной базы современного русского языка и обладающие лингвокультурологической ценностью.

Методическая система развития навыков распознавания ФЕсс включает два этапа. Материал первого этапа усваивается на основе отдельных высказываний, диалогических единств. Этот этап не предполагает работу с текстом. Целью заданий первого этапа является чтение, понимание, умение отличать ФЕ от соотносимых с ними свободных словосочетаний. Сюда относятся предтекстовые задания для распознавания ФЕ, соотносимых со свободными словосочетаниями, задания на запоминание языковых единиц, задания на распознавание структурно-смысловых единиц предтекстового уровня. Целью второго этапа является проверка понимания текста и формирования навыков восприятия ФЕсс, а также развития навыков устной речи. На втором этапе выполняются задания на проверку понимания прочитанного; задания на воспроизведение информации, извлеченной из текста или словарной статьи; задания на формирование навыков устной речи с заранее заданным содержанием. Для введения и первичного объяснения ФЕ необходимо выбирать наиболее экономный прием, раскрывающий тот компонент значения, без которого не могут быть выполнены задачи учебной работы на данном конкретном уроке. Обычно в качестве такого компонента выступают предметный или предметно-понятийный компонент. Преподаватель может привлечь для семантизации образный, культурный и другие компоненты. От этапа к этапу самостоятельность учащегося в семантизации ФЕ, в том числе, с использованием словарей, должна возрастать. Особое место в методике преподавания иностранных языков занимает самостоятельная работа учащихся. С каждым годом на самостоятельную работу выделяется все большее количество часов. Это связано с тем, что обучение на иностранном языке всегда требует от его

участников самостоятельности. Под самостоятельной работой понимается как характер деятельности обучаемых, так и характер управления этой деятельностью непосредственно или опосредованно через специальный учебный материал. В качестве специальных учебных материалов предлагаются задания различного характера, а также индивидуальные задания, содержащие опоры (тексты, художественные иллюстрации, список ключевых слов и т.д.)

Авторами предлагается блок упражнений, нацеленный на распознавание, понимание, правильное употребление ФЕсс. Формат статьи не позволяет представить полный блок упражнений, поэтому, в качестве примера, приведем некоторые из них:

Задание № 1.

а) Прочитайте пары предложений. Определите, где выделенные словосочетания употребляются в прямом значении, а где – в переносном, являясь фразеологизмами.

1. На прилавке магазина выставлены товары, но на них *цены нет*, и я не знаю, сколько они стоят.

Мои яблоки самые сладкие на всем рынке, им *цены нет* – нахваливает продавец свой товар.

2. Когда человек смотрит вверх, он закидывает голову и *задирает нос* высоко.

Посмотри, он купил новую дорогую машину и теперь *задирает нос* перед друзьями.

3. Во время кинофестиваля *на каждом шагу* можно увидеть рекламу фильмов, представленных на конкурс.

Малыш только учится ходить и *на каждом шагу* спотыкается и падает.

4. Известный виолончелист Мстислав Ростропович – музыкант *с большой буквы*.

По правилам русского языка названия городов и стран надо писать *с большой буквы*.

5. Гора была высокая, и туристам было очень трудно *идти в гору*.

Поздравляю вас. Ваш сын делает успехи, *идет в гору*.

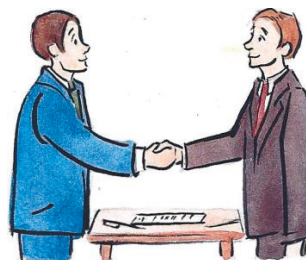
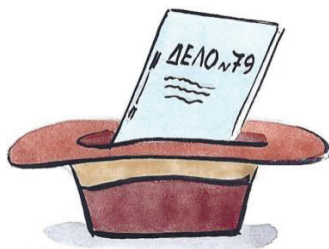
б) Прочитайте фразеологизмы, познакомьтесь с их значениями. Придумайте предложения, в которых бы словосочетания употреблялись в прямом и переносном значении, являясь фразеологизмами.

Плыть по течению – «поступать, не проявляя самостоятельности»

Намылить шею – «наказать, отругать»

Задание № 2. Используя слова для справок, подберите к картинкам фразеологизмы и свободные сочетания, объясните их значение. Составьте предложения.

1.

2.

3.

Слова для справок: *вить гнездо; погрузиться (в работу) с головой; дело в шляпе.*

Задание № 3. Составьте фразеологизмы, используя слова из скобок. (При необходимости обращайтесь к словарю)

Образец: Тёртый калач (бублик, хлеб, калач, пирог)

1. Ещё и не валялся (лошадь, бык, конь, петух)
2. Лежать на (кровати, стуле, диване, печи)
3. Считать (птиц, ворон, людей, баранов)
4. Чувствовать себя как в воде (рыба, конь, муха, масло)
5. Выжатый _____ (лимон, апельсин, яблоко, помидор)
6. Белое _____ (место, пятно, одежда, лицо)
7. Длинный _____ (хвост, язык, рост)
8. Синий _____ (сапог, нос, чулок, носок)
9. Мокрая _____ (одежда, кошка, курица, собака)

Задание № 4. Ответьте на шутливые вопросы, выбрав правильный фразеологизм из приведённого ниже материала для справок.

Образец: Каким способом обычно устраивают свой дом и семейную жизнь молодожёны? *вить гнездо*

1. На каких животных похожи муж и жена, которые постоянно ссорятся?
2. На чём обычно лежит ленивый человек?
3. На какое насекомое похож трудолюбивый человек?
4. Куда обычно плюёт лентяй?
5. В какую игру играют ленивые и нетрудолюбивые люди?
6. Какой хлеб получится из очень опытного и умелого человека?
7. Из какого металла руки у человека, прекрасно выполняющего работу?

Материал для справок: *золотые руки; плевать в потолок; играть в бильярд; трудолюбив как пчела; тёртый калач; вить гнездо; как кошка с собакой; лежать на печи.*

Задание № 5. Выберите правильный вариант.

1. «**Горячая точка**» – говорится о месте, территории, где
 - А) всегда стоит жаркая погода,
 - Б) идёт война, происходит военный конфликт,
 - В) идёт большое строительство.
2. Образное выражение «**первая ласточка**» употребляется для обозначения
 - А) начала весны и прилёта птиц,
 - Б) начала сельскохозяйственных работ в деревне, в сельской местности,
 - В) самого первого результата, опыта, за которым последовали другие.
3. «**Ни рыба ни мясо**» – говорится о человеке
 - А) который не употребляет в пищу мясные и рыбные продукты, о вегетарианце,
 - Б) который ничем не выделяется среди других, с невыразительным характером,

В) который не всегда бывает честным и может обмануть вас.

Задание №6. Каким одним словом (прилагательным) можно охарактеризовать человека, который

1. Собаку съел .
2. Желторотый птенец.
3. Выжатый лимон.
4. Белая ворона.
5. Тянет кота за хвост.
6. Маменькин сынок.
7. Набрал в рот воды.
8. Как сонная муха.
9. Большая шишка.
10. Восходящая звезда.
11. Заблудился в трех соснах.

Материал для справок: неопытный, юный; усталый; не похожий на других; медлительный; опытный; невнимательный, рассеянный; молчаливый; важный; избалованный; медлительный; перспективный.

Знание ФЕсс позволит иностранным обучающимся более свободно ориентироваться в самых разнообразных ситуациях; понимать речь и поведение русских людей; обеспечит правильный выбор речевой позиции в коммуникации; даст возможность выразить собственную позицию, личное мнение и оценку происходящих событий в разговоре; поможет развить способности к выражению коммуникативных интенций и целого спектра чувств.

Обучение ФЕсс способствует формированию русской фразеологической картины мира; направлено на совершенствование коммуникативной, в частности, фразеологической компетенции иностранных учащихся.

Литература

1. Баско, Н.И. Русские фразеологизмы в ситуациях. Учебное пособие по русской фразеологии развитию речи. – СПб.: Изд-во Русский язык. Курсы, 2015. – 160 с.
2. Олейник, М.А., Спиридонова О.С., Пугачева Л.С. Учиться – всегда пригодится: задачник по фразеологии современного русского языка. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2016. – 130 с.
3. Толстой, Н.И. Язык народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике.- М.: Индрик, 1995. – 512 с.
4. Ткаченко, Н.Г. К вопросу о русской фразеологии (лингвистический и методические аспекты) – М.: Наука, 1998. –130 с.
5. Хайруллина, Р.Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2008. – 300 с.

Summary. The article is devoted to the formation of a phraseological picture of the world from foreign students. Such concepts are given and explained as: phraseological picture of the world; phraseological competence; communicative competence. The authors propose a block of exercises aimed at recognizing, understanding, correct use of phraseological units associated with free word combinations. It is concluded that knowledge of these units will allow foreign students to more freely navigate in a variety of situations; understand the speech and behavior of the Russian people; ensure the correct choice of voice position in communication; will provide an opportunity to express your own position, personal opinion and assessment of the events in the conversation; will help develop the ability to express communicative intentions and a whole spectrum of feelings.

Key words: Russian phraseological picture of the world, foreign students, idiom, free phrases.

СОЗДАНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО РУССКО-ПОЛЬСКОГО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ КАК ПРОБЛЕМА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОГРАФИИ

М.М. Голикова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)
mmgolikova@mail.ru

Современная наука в целом и лингвистика в частности характеризуется стремительным воплощением междисциплинарных идей и их прикладных решений. Предшествующие классические исследования позволили создать фундаментальную основу для будущих инноваций. Однако в каждой сфере научного знания и по сей день сохраняются лакуны, для которых существующего методологического инструментария оказывается недостаточно. Решению подобных задач активно способствует применение междисциплинарного подхода и в лингвистике, в частности, во фразеографии.

Одной из ключевых дисциплин, используемых сторонниками метапредметного подхода, становятся информационные технологии. Наш проект нацелен на разработку путей и способов их применения в прикладном языкознании (лексикографии/фразеографии). Это обуславливается многофункциональностью и гибкостью информационных технологий, проявляющейся в способности применяться в любой области научного знания. Однако в сфере лингвистики такое влияние на настоящий момент проявляется весьма размыто. Внедрение информационных технологий производится преимущественно на уровне формы представления информации и не затрагивает специфику самого исследования. Исключением можно считать отдельные дисциплины вроде компьютерной лингвистики, а также стыковые сферы, подразумевающие использование дополнительной аппаратуры и программного обеспечения. К числу таких исключений мы относим и сопоставительную фразеографию: экспликацию соотносимых фразеологических единиц (далее – ФЕ) двух языков, предполагающую выявление этнокультурной специфики идиоматики.

На наш взгляд, использование ресурсов, предоставляемых информационными технологиями, способно существенно расширить и углубить результаты фундаментальных филологических исследований. Неслучайно разрабатываемый нами проект направлен на создание первого русско-польского фразеологического словаря с лингвокультурологическими комментариями. Он представляет собой веб-ресурс, содержащий не только сами словарные статьи, но и сопутствующие им мультимедийные компоненты (фото- и видеоматериалы, аудиозаписи и т.п.).

Результат исследования имеет большую значимость для современной сопоставительной фразеологии, т.к. не имеет аналогов в научной литературе. Рассматривая опубликованные работы по изучаемой тематике, стоит отметить труды Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых (Алефиренко, Золотых, 2008), А.К. Бириха (Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998), а также научно-популярные пособия Э.А. Вартаньяна (Вартаньян, 1963) и В.М. Мокиенко (Мокиенко, 2005). Важно заметить, что перечисленные издания не просто рассматривают структурные, семантические и иные особенности русских ФЕ, но и при этом в разной степени дают представление лингвокультурологических особенностях. Что касается лексикографических двуязычных трудов, то здесь ключевую роль играет русско-польский фразеологический словарь К. Гюлумянц (Гюлумянц, 2004). Значимым представляется также учебный словарь А.И. Молоткова и В. Цеслиньской Молотков, Цеслиньска, 2001).

В польской фразеологии, на наш взгляд, стоит выделить работы J. Bralczyk (Bralczyk, 2006); S. Bąba (Bąba, Walczak, 2008). Весьма знаменательным событием

является выход в свет учебного тематического польско-русского фразеологического словаря под ред. В. Хлебды (2006-2016).

Выбранный нами формат представления данных, полученных в ходе исследования, оказывается оптимальным по двум причинам. Во-первых, он дает возможность представить информацию о ФЕ в каждом из языков максимально полно и наглядно. Использование иллюстративного материала способствует демонстрации внутренней формы (далее – ВФ) каждой ФЕ, а также упрощает восприятие материала. Во-вторых, общедоступность веб-ресурса позволяет существенно расширить аудиторию читателей и, возможно, увеличить заинтересованных в вопросах сопоставительной фразеологии.

На настоящий момент успешно пройден первый этап реализации проекта. Это позволило достичь ряда значимых результатов:

- разработать действующий сайт с базовым функционалом;
- выявить основные источники для исследования;
- определить структуру словарной статьи исходя из predetermined исследовательских установок;
- подготовить стартовый блок словарных статей;
- протестировать работу ресурса для выявления неполадок;
- продемонстрировать первые результаты исследования в ходе конференций и иных научных мероприятий.

Первым шагом к созданию готового ресурса становится back-end разработка, направленная на создание «фундамента» будущего сайта. Этот этап связан с установкой ключевых плагинов. Для работы была выбрана CMS ModX, возможности которой по умолчанию предполагают реализацию типовых структур данных (таблиц, связей), что повышает эффективность использования словаря.

Большую важность представляет и front-end разработка – «фасад» ресурса. В первую очередь, она связана с формированием дизайна – лица сайта. Он должен не только отвечать актуальным тенденциям, выглядеть современно и стильно, но и делать использование ресурса максимально удобным и продуктивным. Именно поэтому был выбран классический стиль оформления. Минимализм и строгие формы соответствуют научно-познавательной направленности ресурса. Сайт выполнен в нейтральных тонах. Данная цветовая гамма удобная для зрительного восприятия обеспечивает достаточный уровень контрастности и при этом не перегружает зрение.

Разработка дизайна подразумевает также выбор положения для его конструктивных элементов. Ведущим на главной странице становится меню. Оно располагается по горизонтали, что дает возможность сразу знакомиться со всеми его пунктами.

Меню сохраняется и в ходе навигации по страницам, что позволяет с легкостью перемещаться по разделам сайта. Кроме того, на главной странице размещаются такие структурные элементы, как краткое описание продукта и его отдельных частей, блок контактов и виджеты для соцсетей.

Страница «Статьи» разработана так, чтобы позволить пользователю не только обзорно увидеть последние добавленные словарные статьи, но и, при необходимости, найти нужный материал. Заголовок каждой статьи включает в себя русское и польское наименования, а также сопровождается иллюстрацией в миниатюре. Справа располагаются блоки для отображения алфавитного списка, а также перечень тематических рубрик. Поиск конкретной словарной единицы осуществляется при помощи специальной кнопки. Русскоязычные пользователи, желающие найти польскую ФЕ, могут воспользоваться виртуальной клавиатурой, решающей проблему с вводом диакритических знаков.

Специальные разделы предусмотрены и для более пристального изучения мультимедийной составляющей словаря. Они выполнены в виде фото- и видеогалереи. Это помогает заинтересованному пользователю получить полный обзор визуального сопровождения статей с возможностью перехода к материалу.

Структура макета словарной статьи обусловлена спецификой ее содержания. В целом, здесь можно выделить следующие элементы:

1. Заголовок статьи (на русском и польском языках).
2. Информация о дате размещения и пользователе, опубликовавшем статью, а также количестве оставленных комментариев.
3. Фото- или видеоиллюстрация.
4. Текст статьи.
5. Аудиосопровождение.
6. Тематические рубрики, к которым относится данная статья (эмоции и чувства; характеристика человека; характеристика событий; деятельность человека; количество, мера и степень; время; пространство; состояние человека; отношение к предмету речи; библейские фразеологизмы; фразеологизмы из художественной литературы; фразеологизмы из греческой мифологии; бытовые фразеологизмы; разговорные и жаргонные фразеологизмы; образование, наука, информация; социальный статус; части тела; взаимоотношения; устройство мира, государства).
7. Ссылки на тематически близкие статьи (при наличии).
8. Блок комментариев.

Очевидно, что подобная структура позволяет не только получить максимально полное представление о содержании статьи, но и воспользоваться всеми техническими возможностями, предлагаемыми ресурсом. Кроме того, страница статьи сохраняет навигационные блоки (алфавитный и тематический указатели), что дает возможность оперативно переходить от одного материала к другому.

Теоретическая, фундаментальная сторона исследования тесно связана с исследованием существующей литературы по проблеме. Он обусловлен необходимостью подбора источников, используемых при подготовке словарных статей. Подобные источники можно разделить на 2 группы:

1. Собственно фразеографические издания, посвященные изучению, анализу, описанию конкретных ФЕ, а также особенностей их происхождения и функционирования в речи.
2. Литература, не имеющая прямого отношения к фразеологии, но позволяющая выявить особенности тех или иных образов и сюжетов, функционирующих в фиксируемом фразеологизме.

К источникам первого типа можно отнести словари, научно-популярные издания, монографии по фразеологии и т.д. Большинство из них уже было отмечено нами ранее. Все пособия, задействованные при создании словаря, фиксируются в специальном разделе. При этом важно заметить, что использование таких материалов не предполагает механическое копирование чужих работ с нарушением авторских прав. Мы анализируем точки зрения всех авторов, знакомим читателей с разными версиями (при наличии) и, в случае расхождения, приводим результаты собственных исследований с аргументацией собственной точки зрения. Таким образом, читатель получает синтетический материал, вобравший в себя всю существующую информацию по конкретной единице.

Более сложной, но весьма продуктивной представляется работа с источниками второго типа. К ним можно отнести, в первую очередь, литературу по мифологии, фольклористике, культурным концептам и т.п. Такие издания позволяют максимально глубоко погрузиться во ВФ изучаемого фразеологизма и выявить специфику его сущностного содержания. Особенно важным это становится при описании польских фразеологизмов в силу разницы между двумя культурами. Примером может послужить «Słownik mitów i tradycji kultury» W. Kopalińskiego (Kopaliński, 1985).

В ходе исследования мы столкнулись с определенными сложностями. Так, например, соответствующей литературы, касающейся мифологии и фольклора западных славян в целом и поляков в частности, на сегодняшний день достаточно ма-

ло (особенно в пределах русскоязычного пространства). Не все обнаруженные нами источники в полной мере соответствуют поставленным исследовательским установкам, что сформировало дополнительную поисковую задачу для следующего этапа научной работы.

Для продуктивной работы по созданию словаря необходимо создание некоего шаблона, на основе которого впоследствии будут оформляться все статьи. С технической точки зрения этот шаг был описан ранее.

Важно заметить, что структура словарной статьи обусловлена ее направленностью. Каждая статья призвана дать максимальное представление о семантике фразеологизма, особенностях его употребления и функционирования в речи, а также лингвокультурологических особенностях. В связи с этим мы разбили статью на несколько крупных блоков:

1. Собственно лексикографический. Представляет собой фрагмент классической статьи фразеологического словаря. Здесь публикуется значение выбранной единицы, пометы (при необходимости), а также пример, иллюстрирующие употребление фразеологизма в речи. Источником таких иллюстраций послужили произведения художественной литературы, а также материалы, размещенные в национальных корпусах русского и польского языков.

2. Комментарий. Данный блок представляет собой текст, подробно анализирующий специфику фразеологизма с лингвокультурологических позиций. Он может касаться происхождения единицы, фигурирующих в ней ключевых образов, роли фразеологизма в этноязыковом сознании носителей языка и т.п. Именно комментарий становится центром словарной статьи с исследовательской точки зрения, т.к. его разработка представляет собой наиболее сложную задачу.

3. Мультимедийный блок – фото- или видеоиллюстрация словарной статьи.

4. Аудиозапись произношения фразеологизма на русском и польском языках.

5. Связи. Данный блок, несмотря на его сжатые размеры, представляет существенную значимость для осознания взаимосвязей разных фразеологизмов. Он проявляется в двух аспектах: ссылок на тематические рубрики, к которым относится описываемая единица, а также ссылок на другие словарные статьи, имеющие некую общность с данной (синонимичное значение, идентичность ключевых образов и т.д.). Такой подход позволяет рассматривать фразеологизмы не как автономные единицы речи, а в качестве составляющей цельной системы.

Вне структуры словарной статьи остается блок для пользовательских комментариев. Он не имеет прямой исследовательской направленности, однако становится продуктивным инструментом для обратной связи.

Для полноценной реализации заявленных возможностей ресурса необходима установка дополнительных плагинов. Так, к ним можно отнести модуль, позволяющий автоматически переводить текст с русского на польский язык и наоборот. На данном этапе работы в качестве источника перевода был выбран ресурс <http://translate.meta.ua>, позволяющий получать качественный и быстрый результат.

Отдельные элементы связаны с воспроизведением мультимедийных средств сопровождения статьи. Так, звуковые файлы представлены записями произношения фразеологической единицы носителями русского и польского языков. Записываются строго голоса носителей языка, чтобы исключить некорректность произношения и акцент. Для воспроизведения пользователю достаточно кликнуть по соответствующей иконке. Подобный элемент чрезвычайно полезен для пользователей, которые не только интересуются особенностями сопоставительной фразеологии, но и занимаются изучением иностранного языка.

Важное место в структуре словаря занимает иллюстративный материал – фото- и видео контент. Изображения, которыми сопровождаются статьи, представляют

собой примеры авторского видения образной сути внутренней формы фразеологизма. Каждое изображение прорисовывается на графическом планшете, а затем обрабатывается при помощи редактора Adobe Photoshop. В результате получаются уникальные изображения, в точности соответствующие ВФ выражения. Для словарных единиц, включающих в себя русские и польские выражения с принципиально различной образной составляющей, используется две иллюстрации, что помогает провести более наглядное сопоставление.

Разрабатывая стилистику видеоконтента, было принято решение остановиться на анимационных роликах. Это связано как со спецификой конечного продукта, так и со стремлением создать гармоничный контент (изображения и клипы должны быть близки друг другу). Создание роликов производилось с помощью ресурса Animaker. Он предоставляет широкие возможности даже авторам, не имеющим существенного опыта в разработке анимации.

Подводя итог, отметим, что нами был разработан функционирующий ресурс, позволяющий не только отображать контент, но и задействовать дополнительный функционал (публиковать материалы, оставлять комментарии, делиться статьями, использовать электронный переводчик и т.д.). Работа с источниками позволила не только выявить основной круг используемых при исследовании материалов, но и определить общий подход к строению словарной статьи лингвокультурологического характера.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф., Золотых, Л.Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2008. – 472 с.
2. Мокиенко, В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 280 с.
3. Бирих, А.К., Мокиенко, В.М., Степанова, Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
4. Вартаньян, Э.А. Из жизни слов. – М.: Гос. изд-во детской литературы Министерства просвещения РСФСР, 1963. – 320 с.
5. Мокиенко, В.М. Загадки русской фразеологии. – СПб.: «Авалон», «Азбука-классика», 2005. – 256 с.
6. Bąba, S., Walczak, B. Na końcu języka. . – Warszawa, 2008. – 127 p.
7. Bralczyk, J. Polak potrafi. – Warszawa, 2006. – 347 p.
8. Гюлумянц, К.М. Польско-русский фразеологический словарь: В 2 т. – Минск: Экономпресс, 2004.
9. Молотков, А.И., Цеслянская В. Учебный русско-польский фразеологический словарь. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001.
10. Kopalinski, W. Słownik mitów i tradycji kultury. – Lublin, 1985. – 2646 p.
11. Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski / pod red. W. Chlebdy. – Z. 1-8. – 2006-2016.
12. Dereń, B. Formación de la competencia cultural mediante el uso del «Compendio de locuciones idiomáticas» bajo la redacción de W. Chlebdy // Cuadernos de Rusística Española, 8 (2012), 131 – 136.

Summary. The article is devoted to the specifics of the work on the electronic Russian-Polish phraseological dictionary of linguoculturological type. Attention is paid not only to technological issues related to the development of the project, but also to approaches to solving fundamental problems. Particular attention is paid to the analysis of relevant scientific literature on the issues raised.

Key words: electronic dictionary, Russian-Polish dictionary, phraseological units, cultural linguistics, phraseography.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА

Н.А. Лемяскина

Россия, г. Воронеж, Воронежский институт развития образования
nlemyaskina@mail.ru

Исследованиям фразеологического материала посвящены многочисленные работы известных фразеологов (Н.Ф. Алиференко, Л.Г. Золотых, В.А. Масловой, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия), которые подтверждают необходимость изучения и описания лингвокультурологического потенциала фразем, позволяющих хранить в языковой памяти носителей языка важную культурную информацию (Лаптева М.Л., 2013: 6).

Изучение языковой личности младшего школьника включает в себя исследование особенностей использования детьми прецедентных текстов и их источников, в том числе фразеологизмов, содержащих знания о культуре народа, ценностях культуры и составляющей языковой картины мира. Фразеологизмы трудны для понимания детей, поэтому в начальной школе педагоги стараются уделять особое внимание работе с ними.

Нами проведено исследование среди учащихся начальных классов, целью которого было выяснить, знают ли дети фразеологизмы, каков уровень понимания, используют ли их в своей речи. Анкетирование учащихся 3 класса (104 чел.) и 4 класса (102 чел.) образовательных организаций г. Воронежа, наблюдение, беседы с детьми дают следующие результаты.

Ученики 3–4 классов понимают фразеологизм как «устойчивое словосочетание» (отмечает 65% опрошенных детей 3 класса), «устойчивое выражение» (72% учащихся 4 класса), поясняя примерами: *рукой подать; гора с плеч; душа нараспашку; ходячая энциклопедия.*

Большинство учащихся 3–4 класса отмечает, что иногда используют в своей речи фразеологизмы (3 класс – 72 %, 4 класс – 87%). На вопрос: «Назовите фразеологизмы, которые вы знаете» дети перечислили достаточно большое их количество (более 20), предлагая по 2–3 примера. Третьеклассники назвали следующие выражения: *опять двадцать пять* (32% опрошенных детей), *ловить ворон* (32%), *зарубить на носу* (20%), *ставьте уши на макушке* (20%), *бить баклуши* (12%), *повесить нос* (8%), *летит на всех парах* (8%), *наломать дров* (8%), *кот заплакал* (8%), *покраснел до ушей* (8%), *намылить шею*, *повесил голову*, *думать о небесных пирожках*, *попасть впросак*, *хлопать ушами*, *смотри в оба*, *летать в облаках*, *класть зубы на полку.*

Учащиеся 4 класса называли следующие фразеологизмы: *тянуть кота за хвост* (84%), *не в своей тарелке* (80%), *кот заплакал* (68%), *не в бровь, а в глаз* (48%), *работать спустя рукава* (44%), *в ежовых рукавицах* (32%), *комар носа не подточит* (28%), *с гулькин нос* (24%), *ловить ворон* (16%), *бить баклуши* (8%), *лететь на всех парах*, *куда Макар телят не гонял*, *летает в облаках*, *комар носа не подточит.* Причем дети 4 класса приводят примеры: *Я ем, как тяну кота за хвост. Я чувствую себя не в своей тарелке. У меня денег кот заплакал. Я в школе без году неделя.* Таким образом, дети связывают смысловое значение фразеологизмов с личностными ситуациями. Некоторые дети 4 класса приводят примеры пословиц: *Сделал дело – гуляй смело* (8% опрошенных детей); *Без труда не выловишь рыбку из пруда* (8%); *Делу время, потехе час* (8%).

Младшим школьникам предлагалось продолжить фразеологизмы. Большинство детей 3 класса успешно справились с заданием, продолжив следующие фразеологизмы: *опять двадцать пять* (96% опрошенных), *без царя в голове* (92% опрошенных детей), *летит на всех порах* (84%), *заткнуть за пояс* (80%), *наломать дров* (76%), *покраснел до ушей* (70%), *развесил уши* (68%), *намылить шею* (52%), *повесил нос (голову)* (50%), *ловить ворон* (40%). Некоторые дети допускают ошибки, не понимая значение и предлагая свои ответы: *Летит – на всех глядит. Покраснел до стыда. Без царя замок. Заткнуть за голову (за разговор). Развесил белье. Развесил на веревочку. Намылили голову (тело, уши, щеки). Намыллил мылом. Наломать веток (палок). Ловить рыбу*. Подавляющее большинство детей 4 класса также успешно справились с заданием, правильно продолжив следующие фразеологизмы: *покраснел до ушей, без царя в голове, заткнуть за пояс, развесил уши, повесил нос, опять двадцать пять, ловить ворон*, а также *намылить шею* (88% детей). Некоторые из младших школьников (12%) предложили свои варианты фразеологизма «намылить шею»: *намылить за ушами (рот, голову)*. Наибольшие сложности вызвал фразеологизм «летит на всех порах» (у 72% опрошенных детей), они не смогли его правильно объяснить.

При выполнении задания «Объясни значение» у учащихся 3 класса наиболее узнаваемыми оказались фразеологизмы: «зарубить на носу» – *запомнить, что сказали; выучить; заучить* (отмечает 92% детей); «умывать руки» – *не беру ответственность за это дело; я не отвечаю за это дело; я отказываюсь* (85% детей); «в час по чайной ложке» – *немного; понемногу; совсем помалу; совсем понемножку* (90% детей). Младшие школьники наряду с развернутым объяснением, например, «бить баклуши» – *ничего не делать, бездельничать, лениться* (68% учащихся) предлагают объяснение с помощью другого фразеологизма: *валять дурака* (16% детей) или «развесил уши» – *любопытная Варвара*. Фразеологизм «без году неделя» смогли правильно объяснить 60% учащихся 3 класса, а 25% из них не смогли дать ответ. Наибольшие затруднения вызвал фразеологизм «язык хорошо подвешен». Ответы детей: *надо меньше разговаривать; не знает ничего; человек не болтает; человек болтлив*, а 40% не дали ответа. Достаточно сложным оказался и фразеологизм «класть зубы на полку», дети понимают его таким образом: *не поест; ничего не есть; пусто в холодильнике* (50% детей); 16% детей не дали ответа, остальные дали неверные ответы: *чистить; замолчать; не болтать; не надеяться*. Понимание фразеологизма «ходить на задних лапках»: *подчиняться* (44% детей); 56% детей неправильно объяснили фразеологизм: *красться; тихонечко; тихо; падать от усталости; ходить задом; ходить на ногах*.

Дети 4 класса лучше справились с данным заданием. Все дети объяснили значение фразеологизма «бить баклуши»: *ничего не делать; бездельничать; лодырничать; лениться*; «без году неделя»: *недолго; очень мало; и года не прошло*; «играть первую скрипку»: *быть первым; ведущим; главным*; «зарубить на носу»: *запомнить; запомнить очень хорошо*; «в час по чайной ложке»: *медленно* (88% детей); «ходить на задних лапах»: *прислуживать* (70% детей); «попасть впросак»: *попасть в неловкое положение; попасть в неловкую ситуацию; в ловушку* (56%); «язык хорошо подвешен»: *хорошо разговаривать; хорошо говорить; хорошо излагать; умеет хорошо говорить* (88%). Трудности вызвали фразеологизмы «кот наплакал»: *человек, который плачет*; «глаза на лоб лезут»: *это когда глаза краснеют от злости*.

На вопрос: «Какие фразеологизмы ты используешь в своей речи?», дети перечисляли фразеологизмы, поясняя их значение: 3 класс – *наломать дров (что-нибудь не так сделать)*, 4 класс – *бить баклуши (После уроков я люблю бить ба-*

клуши, т.е. ничего не делать). Дети объясняют значение, приводят примеры из жизни, многие дополнительно рисуют иллюстрацию. Приведем некоторые примеры.

«Не вешать лапшу на уши»: *не ври, всегда говори правду, не обманывай. Один раз я взяла все конфеты, мама подошла ко мне и спросила: «Ты взяла конфеты?» Я сказала «Это не я». Мама сказала: «Не вешай лапшу на уши»* (Маша П., 3 класс).

«Встал не с той ноги»: *Я встал утром, и мне весь день не везет: то кружку уронил на пол, то упал на пол, то в магазин пошел и на лестнице скатился, мама сказала мне, что я встал не с той ноги* (Сергей В., 3 класс)

«Золотые руки»: *Один раз я попросил друга нарисовать мне кота. Он очень красиво сделал, и я сказал ему: «У тебя золотые руки!»* (Андрей С., 4 класс).

«Не вешай нос»: *не грусти. Я сидела – грустила, мама подошла ко мне и сказала: «Не вешай нос. Пойдем, погуляем». Я согласилась и перестала грустить* (Алина Ш., 4 класс).

«Как об стенку горох»: *не слышит. Например, мама сказала сделать уроки, а я не сделала их* (Света Б., 4 класс).

Фразеологизмы украшают речь детей, позволяют более ярко выразить свои чувства: одобрение, восхищение или иронию, насмешку. В связи с этим педагогам следует повышать интерес у младших школьников к овладению фразеологизмами, способствовать тому, чтобы данные выражения вошли в их активный словарный запас и стали для детей источниками прецедентов.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф., Н.Н. Семенов. Фразеология и паремиология: учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
2. Золотых, Л.Г. Взаимодействие фразеологической семантики и семиотических средств культуры // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч. конф. (Белгород, 19-21 марта 2013 года / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013 – С.70-75.
3. Лаптева, М.Л. «Свое» и «чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики: автореф. дис. д-ра филол. наук. – Волгоград, 2013. – 37 с.
4. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208с.
5. Мелерович, А.М. Семантическая структура фразеологических единиц в современном русском языке как лингвистическая проблема: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1982. – 40 с.
6. Мокиенко, В.М. Национально-культурный и когнитивный аспекты фразеологической номинации: общее и различное // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации: мат-лы Международной научно-практ. конф. (г. Кострома, 22–24 марта 2012 г.) / под науч. ред. А. М. Мелерович. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. – С. 12.
7. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

Summary. The article deals with the peculiarities of understanding and use of phraseological units by primary schoolchildren (3rd and 4th grades) with illustrating practical examples of children's texts.

Key words: linguistic picture of the world, active vocabulary, idiom, student's linguistic personality, native speakers.

ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА: УЧЕБНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИНОЯЗЫЧНОМУ АДРЕСАТУ (ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)¹

Т.Г. Никитина

Россия, г. Псков, Псковский государственный университет
cambala2007@yandex.ru

Учебная репрезентация русской фразеологии как средства языковой картины мира рассматривается методистами в качестве одного из основных аспектов формирования лингвокультурологической компетенции иностранных студентов (Ая У., 2014; Башурина Д.И., 2005; Ильина К.Е., 2007; Полупан К.Е., 2011).

Лексикографические источники, которые могут использоваться при решении этой задачи, – это фразеологические словари, Е.И. Зиновьева и Е.Е. Юрков относят к словарям лингвокультурологического типа (Зиновьева Е.И., Юрков Е.Е., 2009: 222). Особенно ценны в этом плане словари, включающие историко-этимологические комментарии фразеологизмов и паремий, раскрывающие их культурный фон (Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г., 2008; Баранов А.Н., Добровольский Д.О., 2009; Большой фразеологический словарь, 2006; Фелицына В.П., Мокиенко В.М., 1990).

Ценным источником лингвокультурологического материала для продвинутого этапа обучения русскому языку как иностранному станет «Полный словарь народной фразеологии», который создается лексикографами СПбГУ и Псковского государственного университета под руководством профессора В.М. Мокиенко (Никитина Т.Г., 2017).

По замыслу составителей, словарь объединит фразеологию литературного языка и народных говоров, функционирующих на всем русскоязычном коммуникативном пространстве. Представление словаря в формате электронной базы данных позволит вычленять фразеологизмы того или иного региона для их лингвокультурологического анализа и репрезентации в иноязычной аудитории. Таким образом, представление о фразеологии как средстве языковой картины мира, сформированное у иностранных студентов-филологов в ходе работы с опоминавшимися выше словарями, может быть расширено за счет регионального материала, а понимание языковой картины мира пополнится сведениями о ее региональном компоненте.

Так, например, фразеологический материал архангельских говоров может представить народный взгляд на природу русского севера в элективном курсе по лингвострановедению или фразеологии для продвинутого этапа обучения, в научно-исследовательском проекте, развивающем лингвокультурологическую компетенцию иностранных студентов-филологов. Фразеологическая номинация в языке поморов затрагивает специфические северные природные реалии: *морской заяц* – один из видов тюленя в Белом море и Северном Ледовитом океане (СРНГ 17: 101); *морское масло (маслице)* – 1/ медуза, появляющаяся на поверхности Белого моря в тихую, ясную погоду, 2/ тонкий лед, свободно плавающий на поверхности моря осенью, когда вода еще не замерзла (СРНГ 18: 278-279); *ложиться надох* – выходить из моря и располагаться на берегу (о морских животных) (СРНГ 8: 159).

Пословицы и поговорки отражают народные наблюдения за представителями животного мира в северном регионе: *Комар дрова рубит и репу жрёт* – так образно передается в пословице общеизвестный факт: комары появляются весной и живут до осени (АОС 14: 327). Легкость и быстрота бега северного оленя дают основа-

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01062, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

ние сравнить его с птичьим крылом, отсюда метафорическое наименование животного: *земное крылье* (*крылье* – арх. крыло птицы) (СРНГ 11: 261; СРНГ 15: 345).

Персонификация моря свидетельствует о его особой значимости в концептосфере поморов и их особом отношении к этому объекту – такой вывод смогут сделать пользователи «Полного словаря народной фразеологии», ознакомившись со словарными статьями:

Вздохнул батюшко. Арх. О резком переходе к погоде от теплой, с южными ветрами, к внезапному холоду, с северным ветром со стороны океана, приносящим обычно шторм на море (СРНГ, 4: 260).

Вздохи моря. Арх. Переход от морского прилива к отливу и обратно. СРНГ 4, 260.

Море вздохнуло. Арх. О состоянии моря в самый полный прилив в полнолуние (СРНГ 4: 260).

Море живёт. Арх. О море в безветренную или со слабым ветром погоду. (СРНГ 9:197).

Регионально маркированными можно считать наименования морского прилива (*толстая вода*) и отлива (*кроткая вода, падучая вода, сухая вода, тонкая вода*). Только у людей, живущих у моря, мог появиться фразеологизм *на водах* (арх.) – ‘в течении жизни’ (АОС 4: 153). Этот оборот – яркий пример того, что помимо характерных для региона объектов фразеологической номинации, этнокультурную специфику местной фразеологии и регионального компонента языковой картины мира можно констатировать и на уровне образных мотивов.

Продолжая морскую и приморскую тему, отметим роль берега в концептосфере носителя архангельских говоров. Фразеология отражает символику стабильности, надежности этого фразеологического компонента:

Держаться одного берега. Арх. Следовать избранному пути, придерживаться выбранного. АОС 11, 94.

Едва берега хватиться. Арх. С трудом уцелеть, остаться в живых. АОС 1, 169.

Образными стержнями фразеологизмов становятся диалектные наименования местных особенностей рельефа, реалий флоры и фауны. Комментарии диалектизмов в словарных статьях позволят понять специфику образного осмысления действительности поморами, механизм развития фразеологического значения:

ЛУДА * Крепкий как луда в падуне. Арх. *Одобр.* Об очень крепком, здоровом, волевом человеке. < *Луда* – выступающий из воды (или подводный) камень; *падун* – водопад (СРНГ 17: 178).

Приехать [куда] как на голую луду. Белом. *Неодобр.* О человеке, приехавшем на пустое, необжитое место (БСРНС: 360).

ГУРИЙ (ГУРЕЙ) * Вернуться (выехать, прийти) с гурьем. Арх. Нечего не поймать, вернуться без улова (о рыбаке) (СРНГ 7: 238). < Ср. *гурий, гурей, гурье* – груды камней, сложенных по берегам рек и озёр в виде пирамиды для обозначения места охоты, промысла, определения расстояния и т.п.

ГАХКА * Сидеть как гахка. Арх. О сидящей без дела женщине. < *Гахка* – морская птица гагара (АОС 9: 49).

ЖЕЛТЯК * Как желтяку. Арх. О большом количестве чего-л. < *Желтяк* – северная ягода морошка (желтого цвета) (АОС 13: 292).

САЙДА * Вонькая как сайда. Арх. *Шутл.* О девушке, имеющей привычку сильно душиться духами. < *Сайда* – рыба-игрун (название дано за то, что она редко уходит вглубь и держится поверхности воды); **вонький** – сильно пахнущий, душистый (СРНГ 36: 45).

Не менее важно привлечение диалектного материала для историко-этимологического исследования фразеологии, результаты которого также могут быть представлены в иноязычной аудитории в лингвокультурологическом аспекте. Корректное осмысление истории происхождения фразеологизма будет способство-

вать формированию адекватного представления о фразеомообразующих концептах и концептосферах, в том числе их региональном содержании. Так, при этимологизации оборота *реветь/ зареветь белугой (как белуга)*, отображающем чей-л. (чаще женский) излишне громкий, непрерывный плач, уместно будет обращение к архангельским фразеологизмам: *лежать как белуга* (о пышной, белотелой женщине; о корове, лежащей на песке), *выть/ завывать как белуха* (о громком женском плаче) с комментарием стержневого компонента: < *Белуга* или *белуха* – полярный дельфин, способный громко реветь (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2008: 42-34). А при освоении фразеологизма *бить баклуши* – привести этимологическую версию В.М. Мокиенко, связывающего происхождение фразеологизма с народной игрой, распространенной в архангельской диалектной зоне (*баклуша* – чурка для игры в городки и подобные народные игры) (Бирих А.К., Мокинко В.М., Степанова Л.И., 1998: 39).

Таким образом, фразеологические словари разных типов, могут использоваться на разных уровнях обучения иностранных студентов и на всех этапах формирования их лингвокультурологической компетенции, предполагающей осмысление фразеологии как средства языковой картины мира. Особую лингводидактическую ценность при этом приобретает сводное представление фразеологии литературного языка и народных говоров в «Полном словаре народной фразеологии».

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф., Золотых, Л.Г. Фразеологический словарь. Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М.: ЭЛПИС, 2008. – 472 с.
2. АОС: Архангельский областной словарь / Ред. О.Г. Гецова. – Т. 1–17. – М.: МГУ, 1980–2017.
3. Ая, У. Возможности использования паремиологического материала в интегрированном обучении культурологии и русскому языку в эстонской школе // Русский язык за рубежом. – 2014. – №2 (243). – С. 22-26.
4. Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О. Фразеологический объяснительный словарь русского языка. – М.: Эксмо, 2009. – 704 с.
5. Башурина, Д.И. Формирование лингвокультурологической компетенции иностранных студентов-филологов при обучении русским паремиям: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. – Санкт-Петербург, 2005. – 242 с.
6. Бирих, А.К., Мокиенко, В.М., Степанова, Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
7. Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
8. Зиновьева, Е.И., Юрков, Е.Е. Лингвокультурология: теория и практика. – СПб.: ООО Издательский дом «МИРС», 2009. – 291 с.
9. Ильина, К.Е. Формирование лингвокультурологической компетенции иностранных студентов-филологов при обучении русскому языку как неродному (на материале пословиц и поговорок) // Русский язык в системе высшего образования: Материалы докладов и сообщений XII междунар. науч.-метод. конф. – СПб.: СПГУТД, 2007. – С. 152-154.
10. Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 800 с.
11. Никитина, Т.Г. Фразеологический словарь русских народных говоров как лингвострановедческий ресурс (в аспекте обучения русскому языку иностранцев-филологов) // Псковские говоры и их исследователи (К 100-летию со дня рождения С.М. Глушкиной и 50-летию выхода 1 выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными». Ч. 1. – Псков: Логос, 2017. – С. 372-379.
12. Полупан, К.Е. Формирование лингвокультурологической компетенции на материале паремий, репрезентирующих концепт «предостережение»: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. – СПб., 2011. – 24 с.
13. СРНГ: Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Вып. 1–49. – М.-Л.; СПб.: Наука, 1965–2016.

14. Фелицына, В.П., Мокиенко, В.М. Русские фразеологизмы: лингвострановедческий словарь. – М.: Рус. яз., 1990. – 220 с.

Summary. The article deals with the use of phraseological dictionaries in the process of formation of linguocultural competence of foreign students-philologists, shows the possibilities of phraseology representation as a means of language picture of the world. Special attention is paid to dialect phraseology as an element of the regional component of the language picture of the world.

Key words: phraseology, linguistic picture of the world, foreign language addressee, lexicographical aspect, folk phraseology.

ФРАЗЕОЛОГИЯ В СТРУКТУРЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ УЧАЩИХСЯ

Т.Ф. Новикова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
tnovikova@bsu.edu.ru

Современный мир обладает огромным потенциалом культуры, однако вследствие неразвитости механизмов включения молодых людей (и в первую очередь – учащихся) в мир культуры, неэффективности формирования умений жить по законам культуры у большинства не выработана потребность следовать культурным традициям и даже просто понимать, «раскодировать» культурные смыслы и знаки. В связи с этим одной из главных задач обучения и воспитания становится определение путей преодоления создавшегося противоречия между требованием времени и целями образования, поиск и апробация форм включения образования в контекст культуры. Обозначенная проблема обсуждается не первое десятилетие, однако «воз и ныне там»: идея теоретически доказывается вполне убедительно, практически же – не реализуется. Уроки русского языка нацелены на достижение прагматических результатов в формате ЕГЭ, а его крайне «формализованный формат» (намеренная тавтология!) не отвечает современным вызовам, заключающимся в заказе на действенную, функциональную грамотность выпускников, умелое и уместное использование родного языка в условиях естественной и профессиональной коммуникации.

Однако приходится констатировать, что общество и школа оценивают уровень владения языком по несовпадающим критериям, и это расхождение дает основание для претензий к «школьному русскому», к методикам его преподавания – ввиду якобы их полной оторванности от реалий и вызовов современности. Журналист А. Привалов в публикации «О пиджин-рашене», получившей большой интернет-резонанс, эмоционально резюмирует: «В школе нужно не столько вдалбливать орфографию, сколько учить детей пользоваться языком: говорить, понимать, писать, общаться. Как пишется трудное слово, можно в словаре посмотреть, но нет столь же простого способа выразить свою мысль – или даже иметь свою мысль, если тебя этому не обучали. Сейчас же писать и понимать не умеет толком и многое множество **егэзизированных до полусмерти** (выделено нами. – Н.Т.) учителей и учащихся...» (Привалов А., 2014). «Пиджин» – примитивный псевдоязык, используемый не владеющими или слабо владеющими языком гражданами в общении с иностранцами; по аналогии с существующим в социолингвистике понятием *пиджин-инглиш* журналист употребил окказионализм *пиджин-рашен* для характеристики тех, кто «в своей стране как будто иностранец», поскольку им ничего не стоит сказать *как Христос за пазухой, пожимать плоды, написать не на вящего, из-за кромов* и под. Поддержавшие публикацию читатели считают, что знание культурных реалий, умелое пользование языком в разных ситуациях важнее удачных ответов на тесты. Ди-

ректор Федерального института развития образования, академик РАО А.Г. Асмолов также считает, что «от человека сегодня требуется гораздо больше, чтобы он чувствовал себя самодостаточным. На слуху – правовая, финансовая грамотность. А тут бы с лингвистической грамотностью прежде разобраться. Это ведь уже не только знание родного языка, планка стала выше. Грамотный человек теперь тот, кто освоил еще и навыки общения (в том числе негласные правила). Современный мир открыт, и они (эти правила. – Н.Т.) позволяют жить рядом с непохожими на тебя людьми. А нынешние миграционные процессы лишь усиливают потребность в такой грамотности...» (Цит. по Портнягина М., 2015). Безусловно, здесь и выше речь идет о необходимости формирования того вида грамотности, для определения которой активно используется название «функциональная».

Функциональная грамотность – не только и не столько правописные навыки, это способность человека вступать в отношения с внешней средой, максимально быстро адаптироваться и функционировать в ней, используя знание родного языка. Неумение общаться друг с другом, неумение распознавать манипуляции и противостоять им – намного опаснее орфографической неграмотности. В отличие от элементарной грамотности как способности личности читать, понимать прочитанное, составлять простейшие тексты, «функциональная грамотность есть уровень знаний, умений и навыков, обеспечивающий нормальное функционирование личности в системе социальных отношений, который считается минимально необходимым для осуществления жизнедеятельности личности в конкретной культурной среде» (Азимов Э.Г., 2009: 348). Состав и структура функциональной грамотности пока еще окончательно не определены, но уже очевидно, что в структуре номинации будут присутствовать правописная (включающая графическую), коммуникативно-риторическая, нормативная, этикетно-этическая и другие страты. Считаем, что специального рассмотрения заслуживает **фразеологическая** составляющая функциональной грамотности.

Фразеология, фразеологизмы играют особую роль в создании языковой картины мира личности, недаром их называют «зеркалом жизни нации». Подчеркивая антропоцентричность понимания мира через фразеологическую призму, В.А. Маслова пишет: «Природа значения ФЕ¹ тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке...», и приводит в качестве иллюстраций известные выражения: *голова колонны, горлышко бутылки, ножка стола, прибрать к рукам, палец о палец не ударить, на каждом шагу* и др. (Маслова В.А., 2007: 67-68). Понимание сущности каждой ФЕ дает возможность не только расширить границы понимания собственного языка, но и глубже познать культуру, историю народа, специфику его ментальности. Фразеология – социализирующий, менталеформирующий раздел языка, поэтому так важно уделять внимание фразеологии на всех этапах школьного образования.

Обзор наиболее распространенных программ по русскому языку и созданных на их основе учебников показывает, что их авторы признают необходимость более широкого представления фразеологии на школьном этапе, однако в большинстве случаев находятся в плену традиции: главное – грамматика, орфография, а остальное – по мере возможности. Фразеология изучается в процессе рассмотрения раздела «Лексика», не более 1-2 уроков. В результате такого эрзац-изучения школьники не получают функционально значимых сведений о культурном фоне, об изобразительных возможностях ФЕ, что снижает качество подготовки к ЕГЭ, глубину анализа текста и, что важнее, мало способствует обогащению устной речи учащихся выразительными ФЕ. При этом напомним, что актуализация знаний по фразеологии порой необходима и при изучении грамматики: например, в ходе изучения словосочета-

¹Фразеологическая единица. Далее – ФЕ.

ний, средств выражения членов предложения учащиеся редко правильно определяют вид сказуемого в предложениях, имеющих в своем составе ФЕ: *Он умирал со скуки; Возьми себя в руки* и под.

Еще более велика значимость фразеологических знаний в работе с текстом. Для анализа текста важны ФЕ, представляющие ценность с лингвокультурной точки зрения. В лексикографическом издании «Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики» авторы называют несколько групп культурно маркированных ФЕ:

1. ФЕ, отражающие элементы античной культуры (*танталовы муки*);
2. ФЕ, содержащие указание на собственно русские культурные реалии (*гол как сокол*);
3. ФЕ, в компонентном составе которых имеются культурно и семантически освоенные лексемы (*рынду битъ*);
4. ФЕ, состоящие из слов общепринятого языка, но по своей семантике являющиеся культурно маркированными образованиями (*быть в ответе*);
5. ФЕ, возникшие путем фразеологизации фрагментов – сочетаний слов из художественных произведений (*хоть видит око, да зуб неймёт*);
6. ФЕ библейского происхождения (*вавилонское столпотворение*);
7. ФЕ, отражающие этнокультурную специфику бытового характера (*как с гуся вода*);
8. ФЕ, восходящие к народным поверьям и обычаям (*как рукой сняло*) (Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г., 2008: 8).

Принципами современного школьного языкового образования являются культуросообразность, полифункциональность; с точки зрения этих принципов такой яркий, функционально востребованный раздел школьного русского языка, как фразеология, безусловно, нуждается в пересмотре объема содержания.

В выпускных классах, ныне посвящаемых преимущественно подготовке к ЕГЭ, следует не ослаблять, а усиливать, обострять внимание к фразеологическим богатствам родного языка. В пособии для 10-11 классов раздел «Фразеология» значительно расширен (Власенков А.И., 1996: 54-62), сделана попытка дать теоретические сведения: например, учащимся предлагается ответить на вопросы: «Фразеологический оборот, фразеологизм, устойчивое сочетание, фразеологическое выражение – одинаково ли их значение?»; «Можно ли отнести к фразеологическим выражениям крылатые слова, пословицы, поговорки, афоризмы, высказывания, цитаты?»; «Каково происхождение фразеологизмов: *человек в футляре; на деревню дедушке; двадцать два несчастья; не мудрствуя лукаво; с корабля на бал?*» и др. (Власенков А.И., 1996: 54); дается представление о заимствованиях (*нотабене, постфактум*), в т.ч. «передающихся буквами того языка, откуда заимствован оборот» (*terra incognita*) (Власенков А.И., 1996: 56). В пособии много заданий на обнаружение фразеологизмов в известных текстах: «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова (упр.107, с.58), «Маленький принц» А. Экзюпери (упр.283, с. 136), «Война и мир» Л. Толстого (упр.291, с.145) и др. К сожалению, словесники, одержимые в выпускных классах идеей ЕГЭ, не реализуют фразеологический потенциал указанного пособия и на 50%. Между тем для успешного выполнения ряда заданий ЕГЭ необходимо знание особенностей ФЕ и сформированный навык их нахождения в художественном и публицистическом текстах. В соответствии с изменениями, принятыми в 2019 году, в задании 22 КИМов проверяется владение лексическими средствами выразительности на основе выполнения задания: *Прочитайте текст. Из указанных предложений выпишите фразеологизм*. Несмотря на кажущуюся простоту задания, оно неизменно вызывает трудности у учащихся, сомнения: это фразеологизм или не фразеологизм? как отличить фразеологизм от образного, метафорического словоупотребления? Имеющиеся в анализируемом пособии задания готовят к осмысленным ответам. Знание ФЕ как элемента

текста позволяет учащимся не только справляться с тестовыми заданиями, но и создавать более индивидуальные творческие работы (в т.ч. в форме сочинения-рассуждения части С).

Нужно расширять фразеологический лексикон выпускников. Развить мотивацию к изучению языка, языковую рефлексию подростков позволяет обращение к анализу новейших явлений и фактов в области фразеологии. М.А. Кронгауз в книге «Русский язык на грани нервного срыва» в качестве примеров приводит не только отдельные слова из лексикона современников *мыло, пиар, сетература, сетикет, гулялово, худло, Духless*, но и новые устойчивые выражения: *аффттар жжот, вытей йаду* (из языка *падонкафф*), *по понятиям, мочить в сортире, лицо кавказской национальности, просто Мария, паблик рилейшенс, пояс шахида* (СМИ, политика), *Доброго времени суток! Услышимся! Ясный пень!* (в области речевого этикета), *Кузькина мать, Процесс пошел, Умом Россию не понять* (переосмысление известных выражений) и др. (Кронгауз М.А., 2009: 217-227). Интернет-публикации дают возможность осмыслить самые «свежие» фразеологические факты. Преподаватель СПбГУ, научный руководитель портала *gramma.ru* С.В. Друговейко-Должанская, подводя итоги 2018 года, называет и комментирует «Выражения года»: *Выйти из зоны комфорта; Пенсионная реформа; Люди серебряного возраста* («мне понравилось, потому что оно меняет отношение к пенсионерам – раньше о них говорили «в возрасте дожития», а теперь вот так симпатично, лояльно и не обидно»), *Что-то пошло не так* (ироничное выражение, которое рифмуется со знаменитым черномырдинским «хотели как лучше, а получилось как всегда», оно практически пришло ему на смену), *Токсичные люди* («в память о слове *токсичный*, которое мне показалось самым главным в прошлом году, а в этом на него обратил внимание Оксфордский словарь. Менее актуальным оно не стало – скорее, обрело новые возможности: если в 2017 *токсичными* могли назвать только *родителей* и *отношения*, то в этом таковыми могут быть *общество, среда, люди*. Это слово стремительно увеличивает свою валентность...») (Друговейко-Должанская С.В., 2018).

Мотивирующее изучение ФЕ позволяет учащимся приблизиться к пониманию смыслового пространства языка, тонкостям функционирования слова в тексте и в речи, а учителю – воспитывать языковую личность, умело пользующуюся языком во всем его функциональном многообразии.

Литература

1. Азимов, Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) – М.: Икар 2009. – 448 с.
2. Алефиренко, Н.Ф., Золотых, Л.Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2008. – 472 с.
3. Власенков, А.И., Рыбченкова, Л.М. Русский язык: Грамматика. Текст. Стили речи: учебн. пособие для 10-11 кл. общеобраз. учреждений. – М.: Просвещение, 1996. – 367 с.
4. Друговейко-Должанская, С.В. Агрессия, хайпжорство и вал заимствований 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sobaka.ru/belgorod/city/science/83538> (дата обращения: 12.01.2019).
5. Кронгауз, М.А. Русский язык на грани нервного срыва. 2-е изд., стер. – М.: Знак, 2009. – 232 с.
6. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 3 изд., испр. – М.: Академия, 2007. – 208 с.
7. Портнягина, М. И еще не раз учиться // Огонек. – 2015. – № 35 от 07.09. 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2791078> (Дата обращения – 01.12.2018).
8. Привалов, А. О пиджин-рашене //Эксперт. – 2014. – № 6 (885) от 03.02. 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: – <http://www.expert.ru> «Эксперт» 2014» 06/0-pidzhin-gashene (Дата обращения –01.12.2018).

Summary. The article deals with the applied problems associated with the study of phraseology at school and the use of phraseological units in the speech of young people. The main term of the article is functional literacy of students. Functional literacy involves not only knowledge of the rules and norms of the language, but also the use of linguistic resources to improve speech efficiency. In the structure of functional literacy should be identified phraseological component. Turning to new facts of phraseology increases motivation to study the native language.

Key words: idiom, functional competence, phraseological lexicon, linguistic personality, linguistic reflection.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОСЛОЯ В ДИСКУРСИВНЫХ ФОРМАЦИЯХ

Е.А. Огнева

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
ogneva@bsu.edu.ru

Фразеологическая картина мира как элемент национальной языковой картины мира перманентно привлекает исследователей, предоставляя новые возможности достижения ранее намеченных целей и решения поставленных задач. В свете этого актуальны слова Н.Ф. Алефиренко о том, что, «смысл словосочетания *языковая картина мира* (не говоря уже о словосочетании «*фразеологическая картина мира*) всё ещё далёк от определённости» (Алефиренко Н.Ф., 2010: 21).

В чём особенность фразеологической картины мира как целостного фрагмента глобального образа мира? Глобальный образ мира, с нашей точки зрения, может быть рассмотрен в виде синергичной интерпретативной модели, где модель «исследовательский конструкт реальности представляет собой рабочий инструмент для изучения сущности рассматриваемого явления в его системных и функциональных связях с явлениями более общего порядка» (Карасик В.И., 2013: 6). Синергичная интерпретативная модель глобального образа мира в нашем понимании состоит из множества моделей субъективного мировосприятия. Эти модели представляют собой единство субъективных образов и символов окружающей действительности, которые «непрерывно подвергаются косвенно-производной семиотизации, объективируя продукты метафорического мышления косвенно-производными языковыми знаками» (Алефиренко Н.Ф., 2010: 21), формирующими код языка.

Код языка, как нам видится, представляет собой совокупность языковых единиц, объективирующих символы бытия народа, поскольку «мир символов упорядочивает историю народа, общества, страны, связывает в нашей коллективной жизни прошлое, настоящее и будущее <...>. Все мы принадлежим к вечному миру символов» (Кара-Мурза С.Г., 2000: 521). Когнитивная сущность символа, по мнению К.А. Свасьяна, заключается в том, что символ является «идеей, зримой в факте». Исследуя проблему символа, учёный подчёркивает, что «символ никогда не сводится к своей форме. Он сквозь неё просвечивается глубинами смысла» (Свасьян 2010 221), которые репрезентируются различными по уровню сложности языковыми и речевыми структурами. Так, к примеру, фразеологизмы как компоненты национальной фразеологической картины мира в значительной степени задействованы в процессе объективации символов народа, формируя лингвокультурный остов в дискурсивных формациях, которые «образуются на пересечении коммуникативной и когнитивной составляющих дискурса <...>, переплетаются между собой, частично совпадая по коммуникативным и когнитивным признакам» (Ревзина О.Г., 2005: 68), поскольку «смыслопорждающая энергия дискурса подпитывается различными энергопотоками: сенсорно-перцептивной образностью, знаково-символической интерпретацией

первичных образов, действием превращенной формы в тексте, и, наконец, воздействием экстралингвистической среды» (Алефиренко Н.Ф., Озерова Е.Г. 2008: 47).

Дискурсивные формации – это перманентно трансформирующиеся форматы коммуникативно значимого знания, следовательно «эволюция дискурсивных формаций тематически и хронологически обусловлена, поэтому актуальным в настоящее время является вопрос о создании алгоритма прогнозирования степени модификации тех или иных формаций, их ядерной зоны и периферийных зон» (Огнева Е.А. 2015: 570). Создание алгоритма прогнозирования требует учёта такого явления, как синергетика дискурса. Под синергетикой дискурса вслед за Н.Ф. Алефиренко в исследовании понимается «взаимодействие всех порождающих его факторов, <...> слияние и со-действие энергий, направленных на онтологическую и функциональную самоорганизацию дискурсивного пространства» (Алефиренко Н.Ф. 2008: 9), в котором могут быть, в том числе, и идеологизированные фразеологизмы, под которыми понимаются «идиомы, значение которых осложнено идеологическим компонентом, маркирующим обозначаемое понятие (денотат) как «своё/чужое» (Чумаков И.И., Сычева И.И., 2018: 417). Фразеологизмы имеют различные параметры и свойства, которые в обобщённом виде представляют собой интерпретативную триаду: 1) фразеологизмы – лексически неделимые и целостные по составу словосочетания, которые можно тематически классифицировать на множество групп и подгрупп; 2) фразеологизмы представляют собой по форме фразеологизмы-предложения и фразеологизмы-словосочетания; последние классифицированы на: «а) субстантивные, б) адъективные, с) глагольные, д) адвербиальные» (<http>); 3) фразеологизмы коррелируют с обыденной лингвокультурой или с элитной лингвокультурой, обусловленной формированием «стереотипов или моделей поведения в условиях изменения парадигм общественного сознания» (Аглеева З.Р., 2018: 304).

В данной статье представляется интересным изложить результаты исследования фразеологизмов с компонентом *небо*, возникновение которых обусловлено извечной мечтой человечества о небе, к которому устремлены его взоры. Так, в русской фразеологической картине мира, к примеру, есть фразеологизм, выражающий наивысшую степень счастья – «быть на седьмом небе», то есть быть безгранично счастливым. Во фразеологическом словаре Н.Ф. Алефиренко и Л.Г. Золотых о выражении «на седьмом небе» сказано, что оно «отражает представление древнегреческого философа Аристотеля о том, что небо состоит из семи неподвижных кристаллических сфер (огромных прозрачных колпаков), на которых покоятся звёзды и планеты. «Седьмое небо», по его мнению, было обиталищем ангелов» (Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г., 2008: 241). В свете этого выскажем гипотезу о том, что фразеологизм «быть на седьмом небе» образован вследствие синергии древнегреческой философской мысли и древнерусского/древнеславянского мироощущения, мировосприятия, что подчеркивает тесную взаимосвязь двух народов в далеком прошлом, тесную взаимосвязь и синергию лингвокультурного аспекта их дискурсивных формаций, отразившуюся в рассматриваемом компоненте фразеослоя этих формаций. Нельзя не упомянуть о том, что в русском лингвокультурном дискурсе высока частотность колоративов, коррелирующих с символом неба: «(1) *небесно-голубой* (*курсив и нумерация наши*), т.е. цвет голубого неба, лучезарно-голубой, (2) *небесно-изумрудный*, т.е. пронизанный светом голубовато-зеленоватый; (3) *небесно-лазурный*, т.е. лучезарно-голубой, напоминающий небесную лазурь; (4) *небесно-синий*, (5) *небесная си-нева*, т.е. напоминающий небесную синь; (6) *небесный*, т.е. лучезарно-голубой, голубой с солнечным отливом; (7) *цвет небо* наименовывает голубые и синие оттенки» (Харченко В.К., 2009: 270). Неудивительно, что в русской дискурсивной лингвокультуре и колоративов, сопряженных с символом неба, семь, и выражение безграничного счастья репрезентировано фразеологизмом «быть на седьмом небе».

Наряду с выявлением особенностей функционирования фразеологизмов с компонентов *небо* в русском лингвокультурном дискурсе в данной статье изложим

результаты исследования функционирования фразеологизмов с компонентом *небо* во французском лингвокультурном дискурсе. Так, к примеру, во французской фразеологической картине мира, отражённой в ФРФС (1963 г.), к середине 20 века сложилась представляющая для нас научный интерес шкала фразеологизмов с компонентом *ciel / небо*, состоящая из 19 фразеологизмов. Подчеркнём тот факт, что за прошедшее время эта шкала пополнилась несколькими фразеологизмами, но мы намеренно ограничиваем круг исследования указанной временной гранью, отделяющей один глобальный образ мира от другого, а именно модерн от постмодерна, индустриальное общество от постиндустриального общества, к бурному развитию которого привела научно-техническая революция – «в узком смысле слова коренная перестройка технических основ материального производства, начавшаяся в середине XX века на основе превращения науки в ведущий фактор производства» (Википедия). Предлагаемый нами подход к исследованию французской фразеологической картины мира нацелен на интерпретацию социолингвокультурной модели общества середины XX века на основе принципа ретроспективы. Этот принцип, как известно, позволяет выявить те события прошлого, которые могли повлиять на нынешнее состояние исследуемого объекта, в данном случае французского общества, поскольку, с нашей точки зрения, значимы результаты исследования фразеологизмов не самих по себе, а в тесной корреляции с экстралингвистическими, в особенности с темпоральными, аспектами их функционирования в дискурсивных формациях. Первый этап нашего исследования нацелен на выявления особенностей фразеологизмов с компонентом *ciel / небо* с тем, чтобы на последующем этапе, этапе сопоставления шкалы фразеологизмов модерна со шкалой фразеологизмов, функционирующих в современном французском дискурсе, выявить степень трансформации фразеологической структуры французских лингвокультурных дискурсивных формаций (результаты второго этапа исследования в данной статье не излагаются).

Итак, в ФРФС выявлено 19 фразеологизмов с компонентом *ciel / небо*. В соответствии с изложенной выше триадой интерпретации параметров и свойств фразеологизмов, прежде всего, классифицируем исследуемые фразеологизмы по тематике. Подчеркнём, что в данной классификации мы указываем каждый фразеологизм на французском языке, его перевод на русский язык, страницу нахождения в ФРФС, тогда как в последующих классификациях будем указывать только французский вариант.

1. Классификация фразеологизмов по тематике. Выявлено четыре группы: (1) группа *религиозное мировосприятие*, (2) группа *пространство*, (3) группа *погодные условия*, (4) группа *космонимы*. Группы расположены в статье с учётом частотности фразеологизмов в каждой.

Группа ***религиозное мировосприятие*** состоит из 11 фразеологизмов: (1) *Dame du Ciel / Богородица, Богоматерь* (ФРФС, 1963: 314), (2) *biens du ciel / небесные блага* (ФРФС, 1963: 122), (3) *bonté du ciel / силы небесные !* (ФРФС, 1963: 149), (4) *sous la calotte des cieux (прост.) / на земле, на этом свете* (ФРФС, 1963: 181), (5) *coup du ciel / вмешательство проведения* (ФРФС, 1963: 281), (6) *feu du ciel (поэт.) / молния, небесная кара* (ФРФС, 1963: 471), (7) *langue du ciel (поэт.) / язык небес (о музыке)* (ФРФС, 1963: 602), (8) *nourriture du ciel (библ.) / манна небесная* (ФРФС, 1963: 747), (9) *rain du ciel / причастие, принятие святых таинств* (ФРФС, 1963: 780), (10) *le royaume des cieux (de Jésus Christ) / рай* (ФРФС, 1963: 945), (11) *pour l`amour du ciel (de Dieu) / Христа ради* (ФРФС, 1963: 53).

Группа ***пространство*** состоит из 4 фразеологизмов: (1) *calotte des cieux (прост.) / небесный свод* (ФРФС, 1963: 181), (2) *campagnes du ciel (поэт.) / воздух, воздушный простор* (ФРФС, 1963: 182), (3) *la plaine du ciel (поэт.) / небосвод, небеса* (ФРФС, 1963: 845), (4) *sous d`autres cieux / под чужим небом, в чужой стране, на чужбине* (ФРФС, 1963: 230).

Группа **погодные условия** состоит из трёх фразеологизмов: (1) ciel fin (мор.) / чистое безоблачное небо (ФРФС, 1963: 229), (2) ciel gross / пасмурное небо (ibid), (3) ciel d`afrain / зной засуха, неумолимый рок (ibid).

Группа **космонимы** представлена одним фразеологизмом les maisons du ciel / знаки зодиака (ФРФС, 1963: 640).

Очевидна, высокая частотность фразеологизмов в группе *религиозное мировосприятие*, что характеризует религиозноориентированную специфику фразеослоя дискурсивных формаций, сложившегося к периоду смены модерна постмодерном.

В соответствии с вышеизложенной интерпретативной фразеологической триадой перейдём ко второму этапу классификации.

2. Классификация по форме.

Группа **религиозное мировосприятие**: 1) фразеологизмы-предложения: bonté du ciel!; 2) фразеологизмы-словосочетания: а) *субстантивные*: (1) Dame du Ciel, (2) sous la calotte des cieux, (3) coup du ciel, (4) feu du ciel, (5) langue du ciel, (6) nourriture du ciel, (7) pain du ciel, (8) le royaume des cieux (de Jésus Christ), б) *адъективные*: biens du ciel, в) *глагольные*: ---, д) *адвербиальные*: pour l`amour du ciel (de Dieu).

Группа **пространство**: 1) фразеологизмы-предложения: ---; 2) фразеологизмы-словосочетания: а) *субстантивные*: (1) la plaine du ciel, б) *адъективные*: (1) calotte des cieux, (2) campagnes du ciel, в) *глагольные*: --, д) *адвербиальные*: sous d`autres cieux.

Группа **погодные условия**: 1) фразеологизмы-предложения: ---, 2) фразеологизмы-словосочетания: а) *субстантивные*: (1) ciel d`afrain, б) *адъективные*: (1) ciel fin, (2) ciel gross, в) *глагольные*: --, д) *адвербиальные*: --.

Группа **космонимы** представлена одним субстантивным фразеологизмом les maisons du ciel. Выявлено, преобладание субстантивных фразеологизмов-словосочетаний, что говорит о многовековом употреблении фразеологизмов с компонентом *ciel* во французской картине мира.

3. Классификация по принципу функционирования в лингвокультуре (элитная лингвокультура, обыденная лингвокультура).

Группа **религиозное мировосприятие**: 1) *элитная лингвокультура*: (1) Dame du Ciel, (2) biens du ciel, (3) bonté du ciel / силы небесные, (4) coup du ciel, (5) feu du ciel (помета *поэт.*) (6) langue du ciel (помета *поэт.*), (7) nourriture du ciel (помета *библ.*), (8) pain du ciel, (9) le royaume des cieux (de Jésus Christ), (10) Pour l`amour du ciel (de Dieu); 2) *обыденная лингвокультура*: (1) sous la calotte des cieux (помета *прост.*).

Группа **пространство**: 1) *элитная лингвокультура*: (1) campagnes du ciel (помета *поэт.*), (2) la plaine du ciel (помета *поэт.*); 2) *обыденная лингвокультура*: (1) calotte des cieux (помета *прост.*), (2) sous d`autres cieux.

Группа **погодные условия**: 1) *элитная лингвокультура*: --; 2) *обыденная лингвокультура*: (1) ciel fin (помета *мор.*) (2) ciel gross (помета *мор.*) / пасмурное небо (ibid), (3) ciel d`afrain.

Группа **космонимы** представлена одним фразеологизмом les maisons du ciel, относящимся к элитной культуре.

Выявлено преобладание фразеологизмов с компонентом *ciel*, коррелирующих с элитной лингвокультурой, что определяет специфику их функционирования в дискурсивных формациях в вышеуказанный исторический период. Представим в виде матрицы полученные результаты анализа фразеологизмов компонентом *ciel* / небо в соответствии с изложенной выше триадой интерпретации их параметров и свойств.

Матрица фразеологизмов с компонентом <i>ciel</i> / небо					
по тематике		по форме		по корреляции с лингвокультурой	
группа <i>религиозное мировосприятия</i>	11	1) фразеологизмы-предложения: 2) фразеологизмы-словосочетания: а) субстантивные: б) адъективные: в) глагольные: г) адвербиальные	1 8 1 - 1	1) элитная лингвокультура 2) обыденная лингвокультура	10 1
группа <i>пространство</i>	4	1) фразеологизмы-предложения: 2) фразеологизмы-словосочетания: а) субстантивные: б) адъективные: в) глагольные: г) адвербиальные	- 1 2 - 1	1) элитная лингвокультура 2) обыденная лингвокультура	2 2
группа <i>погодные условия</i>	3	1) фразеологизмы-предложения: 2) фразеологизмы-словосочетания: а) субстантивные: б) адъективные: в) глагольные: г) адвербиальные	- 1 2 - -	1) элитная лингвокультура 2) обыденная лингвокультура	3
группа <i>космосимы</i>	1	1) фразеологизмы-предложения: 2) фразеологизмы-словосочетания: а) субстантивные: б) адъективные: в) глагольные: г) адвербиальные	- 1 - - -	1) элитная лингвокультура 2) обыденная лингвокультура	1 --

Данные таблицы наглядно демонстрируют результаты исследования, которые позволяют сделать вывод о: (1) древности фразеологизмов с компонентом *ciel* во французской фразеологической картине мира, (2) особенностях функционирования фразеослова в лингвокультурных дискурсивных формациях, в которых преобладали религиозноориентированные фразеологизмы, сопряженные с элитной лингвокультурой.

Таким образом, приведенные в статье результаты исследования в целом проливают свет на проблему ретроспективных изысканий специфики функционирования фразеологизмов с компонентом *nebo* в русской и французской фразеологических картинах мира, проецируемых в виде фразеослова в лингвокультурных дискурсивных формациях, активно функционирующих до середины XX века, до периода смены модерна постмодерном в модели глобального образа мира. Полученные данные включены в алгоритм прогнозирования степени модификации лингвокультурного аспекта дискурсивных формаций.

Литература

1. Аглеева, З.Р. Коммуникативные стратегии элиты // Элиты и лидеры: стратегии формирования в современном университете: Материалы междунар. конгресса, 2017. – С. 304-305.

2. Алефиренко, Н.Ф. Этноязыковая синергетика культурного концепта // Гуманитарные проблемы современности: язык, общество, культура. Записки Горного института. – Т. 175. – СПб.: СПГИ (ГУ), 2008. – С. 9-10.
3. Алефиренко, Н.Ф., Озерова, Е.Г. Дискурсивная синергетика «живого слова» // Textus. – 2008. – № 12-1 (12). – С. 47-50.
4. Алефиренко, Н.Ф., Золотых, Л.Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2008. – 472 с.
5. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и культура: поиск категориально-понятийных оснований // Фразеология и познание: сб. докл. 2-й Междунар. науч. конф. – Т.1. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – С. 21-26.
6. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием. Серия: История России. Современный взгляд. – М.: Алгоритм, 2000. – 735 с.
7. Карасик, В.И. Языковая матрица культуры. – М.: Гнозис, 2013. – 320 с.
8. Классификация фразеологизмов. – URL: <https://infopedia.su/14xf414.html> (дата обращения: 15.02.2019).
9. Научно-техническая революция. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Научно-техническая_революция (дата обращения: 10.02.2019).
10. Огнева, Е.А. Трансформация дискурсивной модели социума: проблемы и перспективы // Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления. – В.: ООО «ПТ», 2015. – С. 569-573.
11. Ревзина, О.Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. – Вып. 8. – 2005. – С. 66-78.
12. Свасьян, К.А. Проблема символа в современной философии. (Критика и анализ). – 2-е изд. – М.: Академ. проект; Альма Матер, 2010. – 224 с.
13. ФРФС – Французско-русский фразеологический словарь. Около 35 000 фразеологических единиц / Сост. В.Г. Гак, И.А. Кунина и др. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1963. – 1112 с.
14. Харченко, В.К. Словарь цвета: реальное, потенциальное, авторское: около 40000 слов и 8000 контекстов. – М.: Издательство Литературного института им. А.М. Горького, 2009. – 532 с.
15. Чумак-Жунь, И.И., Сычева, И.И. Идеология и фразеология: вторичный семиозис как «живое явление» // Полипарадигматические контексты фразеологии в XXI веке: Мат-лы междунар. науч. кон., 2018. – С. 417-421.

Summary. The article considers the issue of retrospective functioning of phraseological units with the component *sky* in Russian and French phraseological worldview, projected in the form of phraseological layer into linguocultural discursive formations, active until the mid XX century, as the period of change modern into postmodern.

Key words: phraseological picture of the world, synergy of discourse, French-French phraseological correspondences, cultural linguistics.

ОТКРЫТЫЕ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ ВО ВНЕУРОЧНОЙ РАБОТЕ

Г.И. Пашкова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
pashkova@bsu.edu.ru

К развивающим формам обучения, способствующим самостоятельной активной познавательной деятельности каждого ученика, его творческой самореализации, можно отнести открытые формы занятий. Открытая форма занятий – это работа по учебному плану (недельному, дневному), работа индивидуальная, в паре, в группе, «свободная работа», работа над проектом, игра, где знания добываются самостоятельно.

В нашей статье речь пойдет об изучении фразеологии во внеурочной работе с учащимися старших классов. Именно внеурочная деятельность создает благоприятные условия для выявления индивидуальных особенностей каждого ученика, (индивидуальной траектории) для приобщения к самостоятельной исследовательской работе, для формирования навыков речевой коммуникации.

Внеурочная деятельность позволяет организовать Педагогическую мастерскую – индивидуальную и групповую работу учащихся при участии учителя мастера. Фразеология изучается в школе практическим путем через знакомство с устойчивыми словосочетаниями и фразеологическими оборотами. Цель работы в Педагогической мастерской – не только углубление теоретических знаний и представлений о фразеологическом составе русского языка, формирование умений расширять индивидуальный фразеологический словарь, соотносить семантику фразеологизма с семантикой текста, использовать фразеологизмы в собственной речи, но и усвоение средств передачи культуры через призму фразеологии. Отметим, что на занятиях реализуется антропоцентрическая модель изучения языка, в центре которой находится ученик как языковая личность, его индивидуальная картина мира. «...с помощью анализа фразеологизмов можно добраться до множества аспектов закрепленной в языке картины мира. Уже на первый взгляд видно, что центром и мерой того мира является человек» (Lewicki) (Цит. по Высочаньски В., 2017: 38). Ведется работа и над значением фразеологизмов, и над выявлением их культурных смыслов. Мастер проектирует работу с фразеологическим словарем, с научной, справочной литературой, знакомство с фразеологией известных писателей и поэтов.

Основная деятельность учащихся в мастерской связана с проектной работой. Завершающий этап работы Педагогической мастерской предполагает презентацию и защиту индивидуальных и групповых проектов. Объектом лингвистических исследований школьников являются не только художественные, но и масс-медиальные тексты. «Фразеологизм в полной мере осуществляет возможность человека выразить свое отношение к происходящему в мире» (Ковшова М., 2013: 69). Предлагаем тематику проектов по изучению фразеологии.

Индивидуальные проекты: 1. Исследовательская работа со словарем фразеологизмов (составление словарей фразеологизмов – синонимов, фразеологизмов-антонимов, многозначных фразеологизмов, составление тематических словариков). 2. Иллюстрирование фразеологизмов в отрывках из сказок М.Е. Салтыкова – Щедрина, произведений А.С. Пушкина, М. Горького, А.П. Чехова (на выбор). 3. Иллюстрирование фразеологизмов из газеты, журнала, радиопередачи, телеролика). 4. Пословица в газете.

Индивидуальные проекты могут быть связаны с реальными событиями. Так, в январе 2019 года исполнилось 75 лет со дня снятия полной немецкой блокады Ленинграда. Известны два фразеологизма, судьба которых связана с военным Ленинградом: «Ни шагу назад» и «Дорога жизни». Задание: подготовить материал (презентацию) о возникновении данных фразеологизмов и их использовании в художественной и публицистической речи. Второй пример. Во время присоединения Крыма к России (2014 г.) были популярны две политически заостренные перифразы – *вежливые люди* и *зеленые человечки*. «Первое из них не случайно приобрело статус «Слова года», а второе стало своеобразным фразеологизмом-сопроводителем первого» (Мокиенко В., 2017: 28). Ученик, выполняющий индивидуальный проект, должен найти информацию о происхождении данных фразеологизмов, их значении и употреблении.

Коллективные проекты: Фразеологизмы церковнославянского происхождения. Фразеологизмы в поэме А. Твардовского «За далью даль». Место и роль фразеологии в поэзии С. Есенина. Фразеология перестройки: тематика и значение. Фразеология в газете. Фразеологизмы в мультипликационных фильмах. Фразеологизмы, восходящие к образам животного мира. Фразеологизмы, в которых есть имена соб-

ственные. Детская песня – источник крылатых выражений. Пословицы и поговорки о слове, собранные В.И.Далем.

На занятиях затрагиваются разные фразеологические темы: структура фразеологизма, синонимия и антонимия, этимология фразеологизмов, семантический аспект фразеологизмов, их стиль, включение в контекст. Работая над темой «Фразеология», мы предлагаем ученикам целый ряд заданий, которые выполняются индивидуально, попарно или группами (это указывается в учебном плане).

Приведем некоторые из этих заданий: Установите соответствие фразеологизма и его значения. Распределите фразеологизмы в два столбика: исконные по происхождению и заимствованные. Подберите к фразеологизмам синонимы-фразеологизмы. Определите соответствия стилистической значимости фразеологизма стилистическим особенностям текста. Составьте модель кластера по теме «Источники происхождения фразеологизмов». Создайте паспорт «Фразеология» (краткая характеристика изучаемого понятия). Подготовьте папку-накопитель по теме «Пословицы и поговорки о языке». Напишите «Благодарственное слово» фразеологизму. Напишите приглашение на Праздник пословиц и поговорок.

Обязательными являются проблемные задания, развивающие активную мыслительную активность учащихся. Например:

1. Укажите третье лишнее:

а) *Язык прикусить, язык проглотить, язык не поворачивается;*

б) *Язык проглотить, пальчики облизать, давать волю языку;*

в) *Как в рот воды набрать, нем как рыба, реветь белугой.*

2. Лингвистические задачи:

а) Чем отличаются конструкции «*сесть в машину – сесть в лужу, «поднять на щит – поднять ручку», «бежать быстро – бежать сломя голову»;*

б) Распределите фразеологизмы по группам. Каким? *альфа и омега, голод не тетка, языком чесать, намять бока, без году неделя, сыны отечества, играть в бирюльки, луч света;*

в) Найдите соответствие фразеологизма и части речи (сущ., прил., глаг., нареч.).

Фразеологизмы: *игра слов, легкий на подъем, медвежья услуга, клевать носом, до мозга костей, во все лопатки, какой ни есть, крокодиловы слезы, чистой воды, ходить на цыпочках, как снег на голову.*

Задания по фразеологии отличаются своей интегративностью. Помимо работы с пособиями, различными словарями, справочниками в план включаются диктанты для индивидуальной и парной работы, задания по развитию речи.

Представим разные виды диктантов. Их специфика в том, что они комплексные: нужно не только определить значение фразеологизма, но выполнить задания по орфографии, грамматике, развитию речи. Диктанты способствуют обогащению словарного запаса учащихся, расширению фразеологической картины мира.

1. Терминологический диктант «Фразеологическая палитра». В него включены ключевые слова и понятия темы: *Фразеология, фразеологизмы, идиомы, фразеологический состав языка, фразеологические обороты, фразеологические единицы, фразеологические сращения, фразеологические выражения, фразеологические сочетания, фраземы, фразеография, фразеологические словари русского языка, паремология, словарь крылатых слов и выражений, словарь русских пословиц и поговорок.*

2. Диктант «Терминологические фразеологизмы». Основой диктанта являются профессионально-терминологические словосочетания, ставшие достоянием фразеологии. Фразеологизмы терминологического характера, или фразеологизированные терминосочетания, имеют признаки фразеологизмов – смысловая целостность, постоянство лексического состава, воспроизводимость, употребительность.

Завинчивать гайки, тяжелая артиллерия, заложить фундамент, спу-

стить на тормозах, взять на буксир, бить тревогу, белое пятно, в здравом уме, в конечном счете, первая скрипка, бросить якорь, нажимать на все педали, наклонная плоскость, мягкая посадка, пулеметная очередь, лобовая атака, воздушная подушка, стихийное бедствие, космические законы.

3. Диктант «Публицистические фразеологизмы». В нем отражена фразеология «новорусской речи». В настоящее время нет единой точки зрения на определение данной терминологии. Эти сочетания рассматриваются как явления фразеологической периферии, как неопразеологизмы (Л.К. Байрамова), как фразеологические и синкретические (фразеолого-синтаксические) инновации (Алефиренко Н.Ф., 2007: 163), как фразеологические неологизмы (В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова).

Вежливые люди; зеленые человечки; оранжевая революция; цветная революция; процесс пошел; лечь на рельсы; Борис, ты не прав; завести рака за камень; мы все в одной лодке; хотели как лучше, а получилось как всегда; что поросенка стричь: визгу много, а толку мало.

Задание: выразите свое отношение к появлению данной фразеологии.

4. Афористический диктант. Состоит из пословиц, поговорок, цитат, метких изречений. Задание: Определите смысловую тему, которой можно объединить данные выражения. Выберите одну пословицу и составьте по ней диалог. Объясните правописание *не* в афоризмах.

Друзья познаются в беде. Знал друга в радости, не оставляй и в горести. Верный друг познается в неверном деле (Э.Квинт.) «Избави меня, Боже, от друзей, а с врагами я сам справлюсь» (Вольтер). Не тот друг, кто на пиру гуляет, а тот, кто в несчастье помогает. Вдруг не станешь друг.

5. Смысловой распределительный диктант. Состоит из фразеологизмов, которые характеризуют качества человека. Задание: Распределите фразеологизмы, которые характеризуют человека, в два столбика – с положительной и отрицательной стороны. Примерами из жизни подтвердите мысль, что «человек соткан из противоречий» (А. Моруа). Составьте диалог на основе одного фразеологизма.

Рыцарь без страха и упрека, открытая душа, маменькин сынок, мастер на все руки, рыцарь на час, пуп земли, тепличное растение, семи пядей во лбу, волк в овечьей шкуре, мокрая курица, на ходу подметки рвет, ни тпру ни ну.

Некоторые задания предполагают составление «свободных текстов» (стихотворений, рассказов, историй). Они служат одновременно задачам обучения фразеологии и развитию речи.

Стихотворение «Я ...» пишется от лица предметов окружающей среды, от лица какого-то героя после прочтения книги, просмотра кино, и т.п. В нашем случае от имени любого понятия раздела «Фразеология». Словами «Я фразеологизм» начинается каждая нечетная строка. Например:

Я фразеологизм.

Устойчивое выражение.

Я фразеологизм.

Имею свое происхождение.

Я фразеологизм.

Не всегда легко определить мое значение.

Я фразеологизм.

Читай обо мне во фразеологическом словаре.

Я фразеологизм.

Все подробно рассказано в словарной статье.

Рассказ по данному началу (на выбор). Даны начала предложений: *Я знаю, что фразеологизмы связаны с жизнью народа. Я бы хотел рассказать о происхождении некоторых фразеологизмов. Мне известно, что фразеологизм отличается от свободного сочетания и от слова. Я узнал, что фразеологизмы могут быть противопоставлены по значению. Я могу объяснить значение фразеологизмов.*

Происхождение многих фразеологизмов связано с русской культурой. Это действительно интересно узнавать информацию о фразеологизмах из словаря. Я знаю, как пользоваться фразеологическим словарем.

Работа по изучению фразеологии включает в себя также игры: Инсценирование одного из фрагментов художественного произведения, где есть фразеологизм, используя нужные языковые и неязыковые средства коммуникации. Аукцион фразеологизмов (подбор фразеологизмов с определенным значением, определенным словом, на определенную тему). Переводчик (перевод на русский язык иностранных фразеологизмов). Реставратор (восстановление целостности текста, точно воспроизводя фразеологизмы из художественного произведения).

Внеучебная деятельность в Педагогической мастерской способствует формированию не только языковой, лингвистической и коммуникативной компетенции, но и культурологической, поскольку фразеологизмы называют реалии жизни разных исторических эпох, отражают дух народа, его национальный менталитет. Фразеологический материал позволяет восстановить культурно-исторический опыт познания мира, раскрыть языковую картину мира.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Русская идиоматика на «изломе эпох» // Русский человек на изломе эпох в отечественной литературе. – Киров, 2007. – С. 163-169.
2. Высочаньски, В. Фразеология в газетной интерпретации действительности / В.Высочаньски // Славянская фразеология в современных СМИ (публицистический дискурс). Коллективная монография. – Грайфсвальд – Санкт-Петербург – Загреб, 2017. – С. 37-44.
3. Ковшова, М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. – М.: Книжный дом «Либроком», 2013. – 456 с.
4. Мокиенко, В. М. Фразеология в современной публицистике // Славянская фразеология в современных СМИ (публицистический дискурс). Коллективная монография. – Грайфсвальд – Санкт-Петербург – Загреб, 2017. – С. 26-36.

Summary. The article shows the phraseology teaching practice of high school students in their extracurricular activities. The methods of studying phraseology take a special place in open classforms. There are also tasks for individual, pair and group work presented. Extracurricular work on studying phraseology contributes to the development of linguistic and cultural competence, allows restoring cultural and historical experience of knowledge of the world and reveals the linguistic picture of the world.

Key words: phraseology, language competence, extracurricular activities, forms of education, speech communication skills.

СОСТАВНЫЕ НОМИНАЦИИ НЕСУЩЕСТВУЮЩИХ ЯВЛЕНИЙ В РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

Г.В. Токарев

Россия, г. Тула, Тульский государственный педагогический университет
grig72@mail.ru

Одним из важных признаков волшебной сказки является упоминание несуществующих в реальном мире явлений. Ими могут быть как герои чужого пространства: *Кощей Бессмертный*, *Баба Яга* и др., так и предметы, обладающие сверхъестественными функциями: *скатерть-самобранка*, *сапоги-скороходы*, *шапка-невидимка* и др.

Наиболее продуктивным способом наименования является составная номинация, поскольку путём присоединения распространителя подчёркивается нереальность объекта: *мост* → *хрустальный мост*, *гора* → *хрустальная гора*.

Компонент-распространитель может выступать в роли интенсификатора: *буря-богатырь, идолице семиглавый, змей пятиглавый*.

Формирование подобного наименования построено на нарушении закона логики, изменения (расширения) лексической сочетаемости: *избушка на курьих ножках, корабль летучий, молочная река кисельные берега*.

В основу номинации распространителя кладётся, как правило, функциональный или вещественный признак. Первый указывает на свойственные обычному объекту функции: *молодильные яблоки*, второй – на необычный материал объекта: *царство медное, серебряное, золотое*.

В настоящее время ведётся работа над словарём названий явлений нереального мира.

Отметим основные особенности макроструктуры данного словаря. Способ подачи материала – алфавитный. В конце словаря будет предложен глоссарий, распределённый по базовым образам: предмет, природная стихия, растение, животное и т.п., восходящим к соответствующим кодам культуры.

Словарная статья будет начинаться с указания единицы в начальной форме. Затем следует толкование значения, в котором перечисляются существенные признаки и акцентируется функциональный признак (если есть) несуществующего явления.

В словарной статье будет указано, где данную единицу возможно и уместно употребить, при необходимости будет описан историко-культурный контекст формирования данной единицы. После семантизации приводятся примеры употребления данной единицы. Отражается источник, определяется степень регулярности (маркируются только малоупотребительные единицы). Завершает статью указание на возможный деривационный потенциал наименования: развитие новых значений, использование номинации в качестве производящей базы. Приведём пример статьи.

ВОДА / СИЛЬНАЯ / БЕССИЛЬНАЯ / ЦЕЛЮЩАЯ / ЖИВУЩАЯ / ЖИВАЯ / МОЛОДАЯ / МЁРТВАЯ

Средство, наделяющее или лишаящее человека силами. Как правило, в сказках используются одновременно оба вида воды. Мёртвая вода лишает сил героя, живая вода нередко в сочетании с мёртвой водой – возвращает героя к жизни.

Вот видишь ли, любезный сын: в одной кади – сильная вода, в другой – бессильная; кто первой напьётся – будет сильномогучим богатырём, а кто второй изопьёт совсем ослабеет. «Три царства – медное, серебряное и золотое».

«Тотчас посылает к дурню с приказом, чтобы он достал ему, пока царский обед покончится, целующей и живущей воды». «Летучий корабль».

Отражает анимические представления человека об мире. Связана с представлениями о витальных силах воды, о дихотомии сил добра и зла.

Номинация используется в волшебных сказках.

Живая вода – целительное, возвращающее к жизни средство. Одобр.

РЕКА ОГНЕННАЯ

Граница между своим и чужим пространством. За огненной рекой обитают враждебные человеку силы.

...побросал их (*головы – Г. Т.*) в реку огненную...

«Иван крестьянский сын и мужичок сам с пёрст, усы на семь вёрст», № 138

Иван-царевич переправился через огненную реку и пошёл в бабе-яге. «Марья Моревна»

Отражает анимические представления человека о мире. Стихия огня обладает исцеляющей, очищающей и разрушительной силами.

Номинация используется в волшебных сказках.

Summary. The author of the article is working on a dictionary of the names of the unreal world phenomena. The article presents the models of the entries of the future dictionary, including description of the sphere of use of the given language unit, the historical and cultural context of its formation. After semantization, examples of use are placed, the possible derivational potential of the name is given.

Key words: linguo-cultural dictionary, unreal world phenomena, dictionary entry.

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА У ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ СРЕДСТВАМИ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ¹

Г.А. Шиганова

Россия, г. Челябинск, Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
shiganovaga@mail.ru

В условиях интеграции государств особенно важен поиск механизма использования многообразия языков и культур и превращения его из фактора, препятствующего диалогу между представителями разных лингвосоциумов, в средство взаимного обогащения, в инструмент творческого развития и социальной активности. К такому механизму можно отнести языковое образование, базирующееся на межкультурной парадигме. Мы согласны с точкой зрения проф. Н.Ф. Алефиренко, что «язык как средство коммуникации одинаково принадлежит всему этнокультурному сообществу, хотя средством ее существования является индивидуум» (Алефиренко Н.Ф., 2010: 103). Одной из задач в подготовке будущих учителей является формирование у специалиста межкультурной коммуникативной компетенции, которая представляет собой функциональные умения понимать взгляды и мнения представителей другой культуры, корректировать свое поведение, преодолевать конфликты в процессе коммуникации, признавать право на существование различных ценностей и норм поведения. Она создает основу для профессиональной мобильности, подготовки к быстро меняющимся условиям жизни, увеличивает возможность профессиональной самореализации на основе коммуникативности и толерантности.

В последние десятилетия миграция народов на постсоветском пространстве представляет собой активной и непрерывный процесс. Из бывших советских республик (преимущественно Средней Азии) в поисках работы и, наверное, лучшей жизни в Россию переехала достаточно большая часть молодого населения, и закономерно, что вместе с родителями переехали и их дети, многие из которых либо совсем не говорят по-русски, либо говорят плохо, но они идут в русские детские сады и школы. Естественно, что процесс освоения русского языка у таких детей осуществляется сложнее и труднее по сравнению с детьми, для которых русский является родным. Однако, попадая в другую языковую среду, дети начинают активно овладевать культурными и языковыми ментальными понятиями, поскольку реальная жизнь, окружающая их, порождает объективную и субъективную необходимость освоения языка той страны, в которой они оказались, – России.

Формирование русской языковой картины мира у нерусских детей – одна из главных задач, стоящих перед педагогами детских садов и учителей начальных классов. Мы считаем, что «учитель начальных классов должен... воспитывать у детей мигрантов позитивное отношение и интерес к русскому языку как государственному языку Российской Федерации, приобщать к культуре русского народа...» (Шиганова

¹Статья написана в рамках Проекта «Развитие глобальной компетентности будущих учителей начальных классов 21 века», включенного в Комплексную программу Южно-Уральского научного центра Российской Академии образования, осуществляющуюся на базе ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ» (проект №06-24/11 от 12.04.2018 г.)

ва Г.А., 2018: 205). Эффективность обучения детей-билингвов в начальной школе связана с умением педагогов, используя разнообразные языковые средства, апеллировать к языковой картине мира обучающихся с целью передачи необходимой информации. Изучение особенностей образа мира учащихся позволит повысить успешность образовательного процесса. Усвоение национальной языковой картины мира другого народа в свою очередь способствует формированию языковой личности, т.е. личности, не просто владеющей языком как кодом, а усвоившей нравы, обычаи, культуру – менталитет народа – носителя языка. Значит, усвоение национальной языковой картины мира двух народов в условиях активного билингвизма поможет формированию полноценной билингвальной языковой личности. Согласно мнению В.А. Пищальниковой, «...всякий язык отражает/задает способ восприятия мира» (Пищальникова В.А., Сонин А.А., 2009: 335). Только билингвальная языковая личность, усвоившая языки в органической связи с культурой народов – носителей этих языков, в состоянии адекватно воспринять речь на разных языках.

Картина мира ребенка, отображаемая разными языками, естественным образом связана с фразеологией, так как фразеологические единицы так же, как и слова, делят окружающую реальность на смысловые участки. Они являются наименованиями различных явлений действительности наряду со словом и как продукт языкового коллективного творчества. Содержание фразеологизмов отражает менталитет того или иного народа, особенности взаимоотношений между людьми, быт, взгляд на мир и все, что его окружает.

В начальной школе освоение фразеологических единиц является непростым лингводидактическим процессом, и этому в большей мере способствует главная особенность фразеологизмов, заключающаяся в несоответствии единства плана содержания плану выражения. Ребенку в младшем школьном возрасте, а тем более инофону, понять единство структуры и смыслового наполнения такой единицы очень сложно. Владение фразеологизмами, их осознание, понимание значения, запоминание, использование в речи у детей начинается позднее, чем овладение словом. Поэтому учителю начальных классов важно накапливать наблюдения за этими процессами, чтобы управлять ими и влиять на них.

Начинать работу с фразеологизмами следует с первого класса букварного периода (необходимо обратить внимание, что мы не придерживаемся в статье какой-то определенной системы обучения в начальной школе). Учителя начальных классов понимают фразеологию достаточно широко, включая в этот раздел не только собственно фразеологизмы, но и любые устойчивые сочетания, например пословицы и поговорки. В букваре, учебниках по русскому языку и литературному чтению помещено достаточно пословиц, смысл которых нужно учителю объяснить детям на уроках. Как указывают авторы статьи, «Proverbs not only logically represent knowledge about the realities of life, but also express attitudes toward them through the prism of ethical, religious ideals that have evolved in the worldview of a nation» (Пословицы не только логически представляют знания о реалиях жизни, но и выражают отношение к ним через призму этических, религиозных идеалов, которые сформировались в мировоззрении нации – Г.Ш.). (Shiganova G. Karabulatova I., Sviridova A., Yuzdova L., 2018: 392). Важно при трактовке пословиц обращаться к опыту ребят, если это дети-инофоны, – к их менталитету. Причем освоение обязательно ведется в игровой форме, с применением рисунков, на помощь может прийти и компьютерная графика.

При пополнении словарно-фразеологического запаса ребенка учителю следует проводить работу по освоению фразеологизма параллельно со словом, так, изучая имя существительное, имя прилагательное и глагол, необходимо обратить внимание детей на то, что предмет или понятие, признак или действие могут номинироваться не только словом, но фразеологической единицей. И, скорее всего, в начальной школе начинать нужно с фразеологизмов, компонентами которых являются словосоматизмы, типа «голова», «рука», «нога», «сердце», «нос» и т.п. В любом языке та-

кие единицы представлены достаточно продуктивно, и детям мигрантов легко проводить аналогию между русскими фразеологическими единицами и единицами своего родного языка. В этом, конечно, ребенку могут в значительной мере помочь родители, если они владеют двумя языками – родным и русским и в случае затруднения способны объяснить значение того или иного фразеологизма. При анализе значения фразеологизма учитель должен обратиться к словарям и посмотреть, как сложилось исторически данное значение, какова его внутренняя форма. Приведем примеры фразеологизмов с компонентом «нос»: **водить за нос** – «вводить в заблуждение, поступать недобросовестно, обманывать». Происхождение этого фразеологизма в русском языке связано с ярмарочным развлечением. Цыгане водили медведей на показ за продетое в нос кольцо. И заставляли их, бедняг, делать разные фокусы, обманывая обещанием подачки. Существует и другое историческое объяснение происхождения этой единицы, будто бы она пришла в русский язык как раз из тюркских языков Средней Азии, что, безусловно, будет интересно детям мигрантов. Приезжих часто удивлял тот факт, как маленьким детям удается справляться с огромными верблюдами. Животное послушно следовало за ребенком, ведущим его за веревку. А все дело в том, что веревка продета через кольцо, находящееся у верблюда в носу. Тут уже хочешь, не хочешь – а приходится подчиняться! Кольца вдевали и в носы быков, чтобы сделать их нрав более покладистым. Поэтому, если человек обманывает кого-нибудь или не исполняет обещанное, то о нем также говорят, что он «водит за нос кого-либо». **Фразеологизм «зарубить на носу** – «запомнить крепко-накрепко, раз и навсегда». Многим представляется, что сказано это не без жестокости: не очень-то приятно, если тебе предлагают сделать зарубку на собственном лице. Напрасный страх. Слово нос тут вовсе не означает орган обоняния, а всего лишь памятную дощечку, бирку для записей. В древности неграмотные люди всегда носили с собой такие дощечки и на них зарубками, резами делали всевозможные заметки. Эти бирочки и называли носами.

Учителю важно продумать, какие методы, приемы и формы работы он будет использовать при изучении фразеологического состава языка с детьми мигрантов, чтобы они как можно быстрее и правильнее запомнили не только значения фразеологизмов, но и умели осуществлять логические связи и отношения между словами и фразеологическими единицами (синонимия и антонимия), различали свободные конструкции от фразеологических единиц (омонимия).

Фразеологические единицы свидетельствуют о богатстве русского языка, являются одним из источников развития выразительности детской речи, помогают приобщить детей к красоте русского слова, способствуют развитию культуры речи.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта, Наука, 2010. – 288 с.
2. Пищальникова, В.А., Сонин, А.Г. Общее языкознание. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 448 с.
3. Шиганова, Г.А. Социально-педагогические условия освоения системы русского языка ребенком из семьи мигрантов в начальной школе. – Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Научный журнал №6, 2018. – 298 с.
4. Shiganova, G.A., Karabulatova, I.S., Sviridova, A.V., Yuzdova, L.P. The Concept of «Knowledge» / «Cognition» in Russian Proverb: the Experience of Structural Semantic Representation // Astra Salvensis – review of history and culture, year VI. – 2018. – № 12. – 810 p.

Summary. The article sets forth the tasks of perceiving Russian linguistic picture of the world by migrant children from former Soviet republics. The author argues that the ability to form a positive attitude to the Russian language and culture in non-Russian children by means of phraseology is an important part of teacher training. The paper reveals some problem points that arise during the perception of Russian idioms by bilingual children.

Key words: linguistic picture of the world, Russian phraseology, linguistic education, intercultural paradigm, bilingualism.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗНОГО МЫШЛЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ)

Т.В. Яковлева, В.В. Демичева, О.И. Еременко

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет университет
yakovleva@bsu.edu.ru

Развитие образного мышления как условие общего интеллектуального развития личности, активизации эмоциональной восприимчивости и творческого воображения, приобщения детей к эстетическому опыту – актуальная проблема начального образования. Установлено, что наиболее сензитивным в отношении развития образного мышления и нравственно-эстетических представлений является младший школьный возраст, когда формируются основы личности ребенка. Развитие образного мышления и речи выступают как взаимно обусловленные и характеризуют творческую личность, выступая основой ее формирования. Изучение формирования образного мышления школьников на уроках русского языка представляет собой большой теоретический и практический интерес. Развитие мышления является одним из основных путей к углубленному познанию природы ребенка и закономерности его развития. Мы считаем, развитие образного мышления младших школьников можно сформировать, если проводить систематическую и целенаправленную работу над фразеологизмами.

Лингвистической основой нашего исследования являются труды известного ученого Н.Ф. Алефиренко (Алефиренко, 2008).

Работа по данной проблеме предполагает учет следующих методических положений:

- 1) осуществлять отбор фразеологических единиц с учетом детского опыта, необходимости фразеологизмов для общения, для восприятия и понимания текстов детской художественной литературы;
- 2) применять методы и приемы, позволяющие наглядно представить образное содержание фразеологических единиц;
- 3) активизировать фразеологические единицы в речевой практике школьника.

Одним из основных направлений работы на протяжении всего начального курса русского языка является обогащение речи учащихся фразеологизмами. В учебниках «Русский язык» представлены различные приемы объяснения значения фразеологизмов. Большая часть приемов стимулирует самостоятельный поиск учащихся: значение фразеологизма выясняется по картинке-иллюстрации, устанавливается в ходе анализа ряда фразеологизмов и представленных к ним в произвольном порядке готовых толкований, поиск фразеологизма по его значению или значению выясняется по фразеологическому словарю (Яковлева, 2016). Картинки-иллюстрации на сюжеты известных произведений детской литературы, тексты упражнений, содержащие информацию о происхождении фразеологизмов, не только помогают установить значение, но и способствуют осознанию их образного, метафорического компонента.

С целью активизации словаря младших школьников, употребления ими фразеологизмов в собственных текстах предусмотрены следующие учебные упражнения: составление предложений и текстов с указанным фразеологизмом, подбор фразеологизмов определенной тематики или соответствующих основной мысли текста, подбор и запись фразеологизмов, выступающих в роли ключевых фраз к тексту. Как прием, направленный на формирование образной речи младших школьни-

ков, рекомендуется использовать сравнение вариантов предложений с фразеологизмом и словом-синонимом.

Учитывая, что образное мышление играет важную роль в развитии младших школьников, педагогу необходимо обратить пристальное внимание на этот факт. По нашему мнению, следует выстраивать деятельность учащихся на уроках таким образом, чтобы стимулировать развитие образного мышления.

Приведем упражнения, задания, которые можно предложить младшим школьникам с целью формирования образного мышления (на материале фразеологизмов).

- Прочитайте примеры. Подчеркните, какое из двух сочетаний слов является фразеологизмами: *золотые зубы, золотые руки; медвежья услуга, медвежья берлога; волчий аппетит, волчий хвост; горькая микстура, горькая правда; приходит в школу, приходит в голову; сбивать с толку, сбивать с дерева; сесть в лодку, сесть в лужу; точить лясы, точить ножи; собаку съест, пирог съест; глотать слова, глотать пищу*. Детям можно предложить нарисовать иллюстрации к фразеологизмам *золотые руки, сесть в лужу*.

Как прием, направленный на формирование образной речи младших школьников, рекомендуется использовать сравнение вариантов предложений с фразеологизмом и словом-синонимом. Например, рекомендуется задание: прочитайте предложения. Какое из предложений, по вашему мнению, является более выразительным, образным? Объясните, почему вы так считаете:

Ничего не помню, все вылетело из головы. – Ничего не помню, все забыл. Вы не слушайте Сережу: он всегда делает из мухи слона. – Вы не слушайте Сережу: он всегда преувеличивает.

- Замените подчеркнутые слова фразеологизмами. Что изменилось? Предложения запишите: *Вера Сергеевна объясняла решение задачи, но Петя не слушал. Ира узнала, что поездка откладывается, и загрустила. Кирилл целый день бездельничал. Мы догадывались, что он нас обманывает. Первого сентября Уля проснулась очень рано.*

Справочный материал: *повесить нос, водить за нос, ни свет ни заря, бить баклуши, пропустить мимо ушей.*

В случае затруднений дети могут обращаться к фразеологическим словарям.

Формированию образного мышления способствуют такие упражнения, как: определите, о чем идет речь:

Его вешают, когда плохое настроение. Его задирают, когда зазнаются. Его всюду суют, вмешиваясь не в свое дело.

- Давайте вспомним и запишем эти фразеологизмы: 1. *Повесить нос* (грустить). 2. *Задирать нос* (хвастаться, бахвалиться). 3. *Совать везде свой нос* (любопытничать).

- Распределите фразеологизмы на две группы. Запишите каждую группу в отдельный столбик. Какие это группы?

Засучив рукава, в поте лица, пальцем не пошевелить, сложа руки, палец о палец не ударить, не покладая рук.

Ученикам младшего школьного возраста в силу их возрастных особенностей часто свойственно понимать фразеологизмы в буквальном значении, в свободном употреблении слов. В результате ассоциативных связей в сознании ребенка возникают образы, которые позволяют лучше запоминать саму фразеологическую единицу.

Таким образом, система работы на уроках русского языка включает в себя комплекс взаимосвязанных дидактических компонентов, которые направлены на активизацию познавательных процессов учеников, формирование у них приёмов познавательных действий и способности свободного оперирования этими приёмами.

По итогам выполнения заданий дети продемонстрировали умение исправлять предложения, верно используя в нем фразеологизмы или заменяя другие слова

так, чтобы оказалось возможным использование фразеологической единицы. Результаты выполнения заданий, связанных с фразеологизмами, стали выше, уровень развития образного мышления младших школьников повысился, также повысился и уровень владения детьми фразеологизмами.

Усвоение младшими школьниками метафорического, переносного, образного значения фразеологизмов основывается на механизмах развития продуктивного воображения детей, использующих разные по структуре образы воображения. Сначала ребенок расчленяет нечленимое в сущности словосочетание, а впоследствии может включать его в определенную речевую ситуацию. Задача учителя при изучении детьми фразеологии и работе над этими языковыми единицами заключается в том, чтобы предлагать школьникам разнообразные виды упражнений. Это благодатная возможность для развития у детей и образного мышления, и образной речи.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: монография / Н. Ф. Алефиренко. – М.: ЭЛПИС, 2008. – 270 с.

2. Яковлева, Т.В. Младший школьник: развитие образного мышления и творческих способностей // Социализация и индивидуализация личности. – Белгород: Политерра, 2017. – 26 с.

Summary. The article describes the method of formation of creative thinking of younger students on the material of phraseology. It is said about the relevance of the problem, methods and techniques of forming imaginative thinking. Exercises and tasks, methodical recommendations on a research problem are offered. Attention is paid to the content of the work on the use of phraseological units in primary language education.

Key words: phraseology, figurative thinking, primary school child, speech practice, vocabulary activation.

Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры

Сборник научных трудов по итогам
4-й Международной научной конференции
по когнитивной фразеологии

(г. Белгород, 26-27 марта 2019 года)